

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
НАУЧНЫЙ СОВЕТ РАН ПО КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ,
СРАВНИТЕЛЬНОМУ ИЗУЧЕНИЮ ЯЗЫКОВ И ЛИТЕРАТУР

VARIETAS DELECTANS

Сборник статей к 70-летию
Николая Леонидовича СУХАЧЕВА

Санкт-Петербург
Нестор-История
2012

УДК 80
ББК 80
V 29

Varietas delectans. Сборник статей к 70-летию Николая Леонидовича Сухачева / СПб.: Нестор-История, 2012. – 592 с.

Редколлегия:
А. Х. Гирфанова, С. В. Иванов,
Н. Н. Казанский, Е. Р. Крючкова, А. И. Фалилеев

*Утверждено к печати
Институтом лингвистических исследований РАН*

ИЗДАНИЕ ПОДГОТОВЛЕНО ПРИ ФИНАНСОВОЙ ПОДДЕРЖКЕ
гранта № НШ-4453.2012.6 Президента РФ
«Школа индоевропейского сравнительно-исторического языкознания»
(рук. Л. Г. Герценберг, Н. Н. Казанский)

ISBN 978-905987-27-4

© Коллектив авторов, 2012
© ИЛИ РАН, 2012
© Редакционно-издательское оформление.
Издательство «Нестор-История», 2012

TABULA GRATULATORIA

Агаки Лилиана (Liliana Agachi) – Бухарест, Румыния.
Алексеев Анатолий Алексеевич – Санкт-Петербург.
Ангел Иоанна (Ioana Angel) – Клуж, Румыния.
Андреев Артём Викторович – Санкт-Петербург.
Аткнин Виктор Данилович – Торонто, Канада.
Багно Евгений Всеволодович – Санкт-Петербург.
Бойкова Елена Владимировна – Москва.
Бондарко Александр Владимирович – Санкт-Петербург.
Бондарко Николай Александрович – Санкт-Петербург.
Бродский Игорь Валентинович – Санкт-Петербург.
Брэзилянэ Анна-Мария (Anna-Maria Braezeleanu) – Бухарест, Румыния.
Бурыкин Алексей Алексеевич – Санкт-Петербург.
Бухаркин Петр Евгеньевич – Санкт-Петербург.
Васильков Ярослав Владимирович – Санкт-Петербург.
Вертель Евгений Вячеславович – Берлин, Германия.
Вовин Александр Владимирович – Гавайи, США.
Воейкова Мария Дмитриевна – Санкт-Петербург.
Волравенс Хартмут (Hartmut Walravens) – Берлин, Германия.
Вуд Алан (Alan Wood) – Ланкастер, Великобритания.
Вэтэшеску Каталина (Cătălina Vătăşescu) – Бухарест, Румыния.
Габинский Марк Александрович – Кишинев, Молдавия.
Герд Александр Сергеевич – Санкт-Петербург.
Герасимов Игорь Вячеславович – Санкт-Петербург.
Гирфанова Альбина Хакимовна – Санкт-Петербург.
Грошева Антонина Васильевна – Санкт-Петербург.
Гузев Виктор Григорьевич – Санкт-Петербург.
Данилова Валентина Павловна – Волгоград.
Дима Кристина (Cristina Dima) – Бухарест, Румыния.
Дитволь Коралия (Coralia Ditwol) – Лунд, Швеция.
Добреску Эмильян (Dobrescu Emilian) – Бухарест, Румыния.
Добрович Михаил (Mihaly Dobrovic) – Будапешт, Венгрия.
Домосилецкая Марина Валентиновна – Санкт-Петербург.
Дьякова Ольга Васильевна – Владивосток.
Дьяков Владимир Иванович – Владивосток.
Ефименко Юрий Васильевич – Хабаровск.

Жугра Альвина Венедиктовна – Санкт-Петербург.
Зеликов Михаил Викторович – Санкт-Петербург.
Зорихина-Нильссон Надежда Витальевна – Гётеборг, Швеция.
Иванов Сергей Валентинович – Санкт-Петербург.
Истрати Марианна (Marianna Istrati) – Клуж, Румыния.
Йордан-Бычкова Белла (Bella Jordan-Buchkova) – Остин, США.
Казанскене Ванда Пятровна – Санкт-Петербург.
Казанский Николай Николаевич – Санкт-Петербург.
Кампи Алисия (Alicia Campi) – Вашингтон, США.
Кельнер-Хайнкеле Барбара (Barbara Kellner-Heinkele) – Берлин, Германия.
Кисилиер Максим Львович – Санкт-Петербург.
Кляшторный Сергей Григорьевич – Санкт-Петербург.
Комшуля Елена (Elena Comsulea) – Клуж, Румыния.
Кормушин Игорь Валентинович – Москва.
Кочаров Пётр Александрович – Санкт-Петербург.
Крылов Сергей Александрович – Москва.
Крюков Александр Самуилович – Воронеж.
Крючкова Евгения Родионовна – Санкт-Петербург.
Кузьменко Юрий Константинович – Санкт-Петербург.
Кузьмич Нина Григорьевна – Вологда.
Кузнецова Елена Жоресовна – Санкт-Петербург.
Кузнецов Сергей Александрович – Санкт-Петербург.
Кушкин Евгений Петрович – Амьен, Франция.
Кушкина Элла Яковлевна – Амьен, Франция.
Лаваллар Филипп (Philipp Lavallard) – Париж, Франция.
Лаваллар Наталья (Natalia Lavallard) – Париж, Франция.
Лавров Александр Васильевич – Санкт-Петербург.
Левичкин Александр Николаевич – Санкт-Петербург.
Легран Жак (Jasques Legrand) – Париж, Франция.
Легран Ядвига (Jadwiga Legrand) – Париж, Франция.
Лопашов Юрий Александрович – Санкт-Петербург.
Лоши Джеват (Xhevat Lloshi) – Тирана, Албания.
Ляфе Генц (Genc Lafe) – Лечче, Италия.
Ляфе Эмиль (Emil Lafe) – Тирана, Албания.
Мариан Родика (Rodica Marian) – Клуж, Румыния.
Мартыненко Григорий Яковлевич – Санкт-Петербург.
Марусенко Михаил Александрович – Санкт-Петербург.
Михаил Замфира (Zamfira Mihail) – Бухарест, Румыния.
Мокану Николае (Nikolae Mocanu) – Клуж, Румыния.
Моут Виктор (Victor Mote) – Хьюстон, США.

Мызников Сергей Алексеевич – Санкт-Петербург.
Насилов Дмитрий Михайлович – Москва.
Невачи Мануэла (Manuela Nevaci) – Бухарест, Румыния.
Недялков Игорь Владимирович – Санкт-Петербург.
Огихара Шинко (Shinko Ogihara) – Чиба, Япония.
Ольмез Мехмет (Mehmet Ölmez) – Стамбул, Турция.
Опреску Татьяна (Tatiana Oprescu) – Бухарест, Румыния.
Отрадин Михаил Васильевич – Санкт-Петербург.
Павлова Анна Владимировна – Гейдельберг, Германия.
Павлова Татьяна Владимировна – Санкт-Петербург.
Пан Татьяна Александровна – Санкт-Петербург.
Петрович Снежана (Snežana Petrovič) – Белград, Сербия.
Поп Родика (Rodica Pop) – Бухарест, Румыния.
Репина Тамара Александровна – Санкт-Петербург.
Сабанеева Маргарита Константиновна – Санкт-Петербург.
Савицкая Ирена (Sawicka Irena) – Торунь, Польша.
Сала Мариус (Marius Sala) – Бухарест, Румыния.
Сараманду Николае (Nicolae Saramandu) – Бухарест, Румыния.
Светозарова Наталья Дмитриевна – Санкт-Петербург.
Скребцова Татьяна Геннадьевна – Санкт-Петербург.
Соболев Андрей Николаевич – Санкт-Петербург.
Сова Любовь Зиновьевна – Берлин, Германия.
Стеблин-Каменский Иван Михайлович – Санкт-Петербург.
Стари Джованни (Giovanni Stary) – Венеция, Италия.
Столяров Александр Валерьевич – Санкт-Петербург.
Суляндзига Петр Батанеевич – Хабаровск.
Танашока Николае (Nicolae Tanașoka) – Бухарест, Румыния.
Тохтасьев Сергей Ревмирович – Санкт-Петербург.
Трыарский Эдвард (Tryjarski Edward) – Варшава, Польша.
Тункина Ирина Владимировна – Санкт-Петербург.
Фалилеев Александр Игоревич – Санкт-Петербург.
Французов Сергей Алексеевич – Санкт-Петербург.
Фридман Виктор (Victor Friedman) – Чикаго, США.
Хосроев Александр Леонович – Санкт-Петербург.
Черняк Александр Борисович – Санкт-Петербург.
Щацков Андрей Владимирович – Санкт-Петербург.
Эджирли Ахмет (Ahmet Ecirli) – Стамбул, Турция.
Янсон Рудольф Алексеевич – Санкт-Петербург.
Янхунен Юха (Juha Janhunen) – Хельсинки, Финляндия.
Яхонтов Константин Сергеевич – Санкт-Петербург.

А также:

Институт лингвистических исследований РАН.

Adran y Gymraeg, Prifysgol Aberystwyth / Welsh Department, Aberystwyth University (UK).

Celtic Studies Program, The University of Sydney (Australia).

Department of Anglo-Saxon, Norse, and Celtic, University of Cambridge (UK).

Department of Early Irish, National University of Ireland Maynooth (Ireland).

Department of Irish and Celtic languages, Trinity College, Dublin (Ireland).

Englisches Seminar, Universität Freiburg i.Brsg. (Deutschland).

Fachgebiet Vergleichende Sprachwissenschaft und Keltologie, Fachbereich Fremdsprachliche. Institutul de Studii Sud-Est Europene / Academia Română, București.

La Institutul de Lingvistică Iorgu Iordan / Academia Română, București.

La Institutul de Lingvistică și Istorie Literară Sextil Pușcariu / Academia Română, Cluj-Napoca.

National Library of Wales / Llyfrgell Genedlaethol Cymru (UK).

Philologien der Philipps-Universität Marburg (Germany).

Roinn na Gaeilge, National University of Ireland, Galway (Ireland).

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

15 ноября 2012 г. исполнилось 70 лет Николаю Леонидовичу Сухачёву, ведущему научному сотруднику Института лингвистических исследований Российской академии наук, деятельному и разностороннему исследователю. Коллеги и друзья в надежде порадовать юбиляра озаглавили свое приношение «*Varietas delectans*» – «Радующее разнообразие», имея в виду многие грани искрящегося филологического таланта того, кому этот том посвящается.

Николай Леонидович родился в 1942 г. в Румынии, недалеко от Бухареста, в разгар драматичного и трагического периода в истории Европы – Второй мировой войны. Его мать, Мария Петровна, посвятила всю свою жизнь семье, вырастив пятерых детей. Не имея филологического образования, она замечательно разбиралась в тонкостях родного румынского языка, безошибочно, например, определяя язык-источник заимствования, коими чрезвычайно богат этот интереснейший романский язык. Благодаря ей румынским свободно владеют не только все ее дети, но и внуки.

Отец, Леонид Георгиевич, получил прекрасное образование на юридическом факультете Ясского Королевского университета. Он прекрасно знал латынь, французский, немецкий, достаточно сказать, что цитировал наизусть гетевского «Фауста» по-немецки, говорил практически на всех балканских языках, но всю жизнь был вынужден работать не по специальности, с тем, чтобы обеспечить семье возможность выжить в сложных политико-экономических условиях.

В 1944 г. семья Сухачёвых репатриировалась в Советский Союз, в г. Болград, а в 1947 г. переехала в г. Рени Одесской области, в котором проживали русские, болгары, греки, румыны, гагаузы и где до недавнего времени можно было слышать на улицах разноязыкую речь. Все это, несомненно, способствовало

формированию широкого кругозора и обостренного лингвистического чутья у будущего филолога.

По окончании школы в 1960 г. Николай Леонидович поступает на филологический факультет Ленинградского государственного университета, который оканчивает в 1965 г. Как было принято в те годы, Николай Леонидович овладел на кафедре романской филологии несколькими романскими языками, а также научной литературой по проблемам романистики. Помимо профессиональной филологической подготовки Николай Леонидович с неменьшим рвением изучает историю искусств, пользуясь уникальными собраниями Санкт-Петербурга, а также создает в разной технике многочисленные серии живописных работ. Верность этим увлечениям Николай Леонидович сохраняет по сию пору, по-прежнему не пропуская ни одной знаковой выставки.

На протяжении почти десяти лет по окончании Университета ему пришлось работать техническим переводчиком, патенто-ведом, редактором технической литературы в информационных отделах ряда конструкторских и производственно-исследовательских организаций Ленинграда. Службу совмещает с филологическими занятиями в лучших библиотеках страны по изучению русско-французских культурных связей, к исследованию которых был приобщен своим близким другом, сотрудником Пушкинского дома В. А. Тунимановым, – о чем свидетельствуют публикации: «Достоевский на французской сцене» (Литературное наследие 1973. Т. 86), комментарии к роману Ф. М. Достоевского «Бесы» (Полн. собр. соч., 1975. Т. 12; Соч. в 15-ти томах, 1990, т. 7) и др.

В 1969 профессор М. А. Бородина привлекает Николая Леонидовича к работе над изданием архивной рукописи академика В. Ф. Шишмарева «Романские поселения на юге России» (Л., 1975), а также к исследованиям по лингвогеографической тематике (публикации, начиная с 1971). В 1974–1977 годах Н. Л. Сухачёв – аспирант Института языкознания АН СССР (Москва), его научным руководителем был академик Г. В. Степанов. В декабре 1978 Николай Леонидович года успешно защищает кандидатскую диссертацию на тему «К проблеме языковой вариативности (на ретороманском материале)». В том

же году он был зачислен в Отдел изучения индоевропейских языков и ареальных исследований Ленинградского отделения Института языкознания АН СССР (ныне ИЛИ РАН, Санкт-Петербург), где и трудится по настоящее время в должности ведущего научного сотрудника.

Поражает разнообразие научных интересов Н. Л. Сухачёва. Среди его публикаций поэтические переводы – «Филиды и Барды. Из древней ирландской поэзии VI–XII вв.» (СПб., 2007). В книге представлены антологические образцы ирландского поэтического наследия, начиная с первых сохранившихся произведений, датируемых концом VI–VII вв. Переводчику удалось, используя новаторские приемы, сохранить точный ритм и сложную многоплановую семантику ирландского текста. Ждут своей очереди на публикацию стихотворные переводы Т. Аргези с румынского, М. Карема с французского и многие другие тексты, находящиеся в разной степени законченности.

В середине 90-х гг. Н. Л. Сухачёва попросили прочитать курс лекций по истории письма на кафедре конфликтологии философского факультета СПбГУ. Тогда им был не только прочитан специально подготовленный интереснейший курс, но и как следствие, появилась книга «Эксперсы в историю письма (Знак и значение)» СПб., 1997 (1-е изд), выдержавшая уже два издания и моментально разошедшаяся среди читателей.

Отдельного внимания заслуживает его оригинальная работа «Перспектива истории в индоевропеистике. К проблеме “индоевропейских древностей”» (СПб., 1994; 2-е изд. 2007).

Монография посвящена проблеме культурно-исторической реконструкции в индоевропейском языкознании. На фоне историко-философских, археологических и этнографических представлений европейской науки в ней рассматривается становление компаративистики с начала XIX века до настоящего времени, при этом основное внимание уделено вопросам локализации индоевропейской прародины, которые освещаются с учетом традиционных и современных знаний о первобытном обществе.

В том же 1994 году директор Института и председатель Ученого совета член-корреспондент РАН А. И. Домашнев предлагал Николаю Леонидовичу защищать эту книгу как докторскую диссертацию, но высочайшая степень самокритичности и

требовательность к себе, равно как и гипертрофированная скромность не позволили ему на это согласиться.

В 1997 г. Николай Леонидович перевел с французского и откомментировал знаковую для этнографов монографию Мирчи Элиаде «Шаманизм и архаические техники экстаза», которая уже пятнадцать лет пылится в издательстве. Обращение к данной теме пробудило у Н. Л. Сухачёва неподдельный интерес к шаманской тематике, в результате чего он предпринял несколько экспедиций в районы проживания двух тунгусо-маньчжурских народностей на Дальнем Востоке – удэгейцев и орочей. В результате поездок появилась новая книга – в 2008 г. в издательстве «Филологический факультет СПбГУ» в соавторстве со специалистом по удэгейскому языку А. Х. Гирфановой была издана книга «В. К. Арсеньев. Русско-орочский словарь. Материалы по языку и традиционной культуре орочей и удэгейцев», в которой представлены уникальные материалы по ороческому и удэгейскому языкам, собранные известным исследователем Уссурийского края, этнографом и писателем В. К. Арсеньевым, и пролежавшие в архиве 100 лет. В приложении приводятся «Словарь комплексный и технический» и очерк «Лесные люди – удэгейцы» с основными авторскими исправлениями, которые сохранились в библиотеке Общества изучения Амурского края (г. Владивосток).

Эта работа отмечена Серебряной медалью и Дипломом на зональной выставке Приморского края в номинации «Лучшая научная монография» и стала предметом гордости Общества изучения Амурского края.

В прошлом году увидела свет другая фундаментальная работа, в подготовке к изданию которой непосредственное участие принял Н. Л. Сухачёв. В книге представлены труды и письма Дюбрюкса на языке оригинала и в переводе Н. Л. Сухачева на русский язык. Рассеянное по архивам разных стран рукописное наследие Дюбрюкса, посвятившего 25 лет своей жизни археологическим исследованиям Восточного Крыма, оставалось практически недоступным для исследователей античного Северного Причерноморья и впервые собрано в данном филологически выверенном двухтомном издании.

Николай Леонидович – прекрасный организатор науки. Так, в октябре 2009 г. он провел Румынско-русский симпозиум, в

котором приняли участие ведущие лингвисты Румынии и балканисты Санкт-Петербурга; материалы опубликованы в «Acta Linguistica Petropolitana» (Труды Института лингвистических исследований РАН. Т. V. Ч. 1).

В последние несколько лет Николай Леонидович возглавляет небольшой авторский коллектив, готовящий к изданию словарь «Тюркизмы в языках Юго-Восточной Европы». В лингвистической литературе давно отмечалась необходимость подготовки нового репрезентативного свода тюркизмов, выявленных в языках Юго-Восточной Европы после выхода в свет последнего выпуска известного обобщения Ф. Миклошича (Miklosich 1884–1890) – более чем за столетний период. В целом литература, прямо или косвенно отражающая тюркизмы в балканских языках, крайне разнородна не только по содержанию, но и по использованной авторами методике, даже когда речь идет об изданиях, однотипных по материалу и исследовательским установкам.

Составляется сводная база данных, которая призвана отразить характер распределения и степень изученности тюркизмов во всех языковых традициях, представленных на Балканском полуострове (исключая тюркоязычные общности, но включая сопредельные ареалы, связанные с существованием так называемого балканского языкового союза), и которая позволит более адекватно оценить вклад тюркских этносов в формирование балканской специфики национальных языков (и культурных традиций), сосуществовавших в пределах Юго-Восточной Европы и неоднократно вступающих в разносторонние и разноуровневые языковые контакты, включая исторически обусловленные локальные и общекультурные.

Если все же попытаться выделить центральную тему научных интересов Н. Л. Сухачева, то это, конечно же, проблема знака и значения, философии языка. И здесь нельзя не назвать работы, посвященные Пирсу (О семиотике Ч. С. Пирса: Тройственный знак в универсуме репрезентаций. СПб.: «Наука», 2003.), Хайдеггеру и Гегелю (Концепции языка в европейской философии (Очерки о Г. В. Ф. Гегеле, Ч. С. Пирсе, М. Хайдеггере). СПб.: Изд-во «Нестор-История», 2007). Эти проблемы Николай Леонидович начал активно разрабатывать и обсуждать со своими

коллегами и друзьями Владимиром Михайловичем Павловым и Владимиром Александровичем Михайловым.

Отличительная черта характера Николая Леонидовича – открытость миру и людям. Он всегда готов прийти на помощь. Многие коллеги и сотрудники могли бы рассказать, что защищали свои кандидатские и докторские диссертации, публиковали свои статьи и готовили доклады для выступлений на конференциях благодаря моральной и профессиональной поддержке Н. Л. Сухачёва. Он из тех, кто делится последним, что имеет сам, и никто и никогда не слышал от него отказа в чем-либо из-за отсутствия времени, которого действительно никогда не хватает.

Николай Леонидович Сухачёв встречает свой юбилей в расцвете творческих сил. Редколлегия и авторы сборника сердечно желают ему доброго здоровья, счастья и успешной реализации всех творческих замыслов и планов.

**СПИСОК ОПУБЛИКОВАННЫХ РАБОТ
Н. Л. СУХАЧЕВА**

1. Лингвистические и этнографические атласы и карты (аннотированный каталог) / Сост. ...; Под ред. М. А. Бородиной. Л., 1971. – 74 с. (БАН СССР) (вместе с Т. Н. Мельниковой; при участии В. П. Даниловой). Ср.: 33 (доработ. изд.)
2. Типы лингвистических атласов и характер карт // Ареальные исследования в языкознании и этнографии (Тезисы докладов и сообщений): 9–12 февр. 1971 г. / Ред. колл. В. М. Жирмунский, М. А. Бородин, К. В. Чистов. Л.: ЛО изд-ва «Наука», 1971. С. 120–122 (ЛО ИЯ; ИЭ АН СССР).
3. [Сообщение о конф. «Ареальные исследования в языкознании и этнографии»] // *ВЯ*. 1971. № 4. С. 143–151.
4. Микро- и макроатласы Рومании // Тезисы докладов и сообщений совещания по вопросам диалектологии и истории языка (Кишинев, 10–12 ноября 1971 г.) / Отв. ред. Р. И. Аванесов. М.: «Наука», 1971. С. 33–35 (вместе с М. А. Бородиной и М. Г. Волох).
5. Микро- и макроатласы Румании // Лингвогеография, диалектология и история языка / Отв. ред. Р. И. Аванесов. Кишинев: «Штиинца», 1973. С. 9–17, 1 рис. (ОЛЯ АН СССР; ООН АН МССР) (вместе с М. А. Бородиной и М. Г. Волох).
6. Достоевский на французской сцене // Ф. М. Достоевский. Новые материалы и исследования. М.: «Наука», 1973. С. 741–759 с илл. (ИМЛИ АН СССР. Литературное наследство. Т. 86).
7. Лингвистические атласы и карты // Проблемы картографирования в языкознании и этнографии / Отв. ред. С. И. Брук. Л.: ЛО изд-ва «Наука», 1974. С. 33–43, 1 рис. (ЛО ИЯ; ИЭ АН СССР). – Рец.: *Благова Г. Ф., Клетикова Г. П.* // *ВЯ*. 1975. № 6. С. 131–136; *Borodina M. A., Vilda-Lot I.* // *RLiR*. 1978. № 165–166. Р. 216–227.
8. Лексические ареалы романоязычной Швейцарии («сани-волокуши» – «повозка») // Лингвистическая карта Швейцарии (Сборник научных трудов) / Отв. ред. А. И. Домашнев. Л.: Изд-во ЛГПИ, 1974. С. 114–129, 3 рис. (ЛГПИ им. А. И. Герцена).
9. [Инсценировки и зарубежные отклики на роман «Бесы»] // *Ф. М. Достоевский*. Полное собр. соч. В тридцати томах. Т. 12. Бесы. Рукописные редакции. Наброски 1870–1872 г. Л.: ЛО изд-ва

-
- «Наука», 1976. С. 272–276 (ИРЛИ (Пушкинский дом) АН СССР) (вместе с В. А. Тунимановым).
10. [Сост., подготовка текста, вступ. ст.] В. Ф. ШИШМАРЕВ. РОМАНСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ НА ЮГЕ РОССИИ / Изд. подготовили М. А. Бородина, Б. А. Малькевич, ...; Отв. ред. В. М. Жирмунский, В. В. Левшин. Л.: ЛО изд-ва «Наука», 1975. – 244 с. с илл. (АН СССР. Труды Архива. Вып. 26) (вместе с М. А. Бородиной и Б. А. Малькевич). – Рец.: *Скрелина Л. М. // ВЯ*. 1978. № 2. С. 141–144.
 11. Лингво-этнографические атласы романских языков // *СЭ*. 1975. № 5. С. 45–53.
 12. Ареальные нормы в маргинальной зоне (на примере ретороманских языков) // Ареальные исследования в языкознании и этнографии. Тезисы третьей конференции на тему «Методика лингво- и этногеографических исследований. Маргинальные и центральные ареалы». 10–12 февр. 1975 г. / Отв. ред. М. А. Бородина. Л.: ЛО изд-ва «Наука», 1975. С. 70–72, 1 рис. (ЛО ИЯ; ИЭ АН СССР).
 13. [Реф. кн.] *Th. Ebnetzer. Das bündnerromanischen Futur*. Bern. 1973 // *Общественные науки за рубежом*. РЖ. Серия 6. Языкознание. 1976. № 2. С. 308–314 (вместе с М. А. Бородиной).
 14. [Реф. кн.] *Atlas linguarum Europae (ALE). Introduction*. Assen, 1975 // *Общественные науки за рубежом*. РЖ. Серия 6. Языкознание. 1976. № 4. С. 257–260.
 15. [Сообщение о V чтении памяти акад. В. М. Жирмунского] // *ВЯ*. 1977. № 11. С. 156–157.
 16. Лексико-семантические противоположения в граубюнденском ретороманском по данным AIS // *Романо-германские языки и диалекты единого ареала (Сборник научных трудов)* / Отв. ред. А. И. Домашнев. Л.: Изд-во ЛГПИ, 1977. С. 149–156 (ЛГПИ им. А.И. Герцена) (вместе с В. А. Михайловым).
 17. К понятию «ретороманская зона» (ареальные критерии) // Ареальные исследования в языкознании и этнографии / Отв. ред. М. А. Бородина. Л.: ЛО изд-ва «Наука», 1977. С. 149–156, 1 рис. (ИЭ; ЛО ИЯ АН СССР).
 18. Романо-германские контакты в Граубюндене // *Проблемы ареальных контактов и социолингвистики* / Отв. ред. А. В. Десницкая. Л.: ЛО изд-ва «Наука», 1978. С. 77–89, 2 рис. (ИЯ АН СССР).
 19. К интерпретации лексико-семантических ареалов (французское *luge* «сани») // *Вопросы романского языкознания. Межвузовский тематический сборник* / Отв. ред. Б. И. Вакман. Калинин: Изд-во КГУ, 1978. С. 102–113, 2 рис. (КГУ)

20. Симпозиум по ареальным исследованиям // *СЭ*. 1978. № 5. С. 162–164.
21. «Transport» d'après les cartes d'ALG (Etudes d'aréologie lexicale) // *Homage a Jean Séguy*. Toulouse, 1978. Т. 2. P. 383–400, 5 fig. (*Via Domitia*. Annales publ. par l'Univ. De Toulouse «la Mirail». N.s. T. 14).
22. Проблема ретороманской общности (лингвистические аспекты) // *Ареальные исследования в языкознании и этнографии*. Краткие сообщения / Отв. ред. С. И. Брук. Л.: ЛО изд-ва «Наука», 1978. С. 16–18 (ЛО ИЯ; ИЭ АН СССР).
23. Развитие легенды у Лескова // *Миф, фольклор, литература* / Отв. ред. В. Г. Базанов. Л.: ЛО изд-ва «Наука», 1978. С. 114–136 (ИРЛИ (Пушкинский дом) РАН) (вместе с В. А. Тунимановым).
24. К ПРОБЛЕМЕ ЯЗЫКОВОЙ ВАРИАТИВНОСТИ (на ретороманском материале). Автореф. дисс. ... канд. филол. наук / Научный руководитель Г. В. Степанов. М., 1978. – 20 с. (ИЯ АН СССР) (на правах рукописи).
25. [Рец. на кн.] *А. А. Касаткин*. Очерки истории литературного итальянского языка (XVIII–XX вв.). Л., 1976 // *ВЯ*. 1980. № 3. С. 137–140 (вместе с М. А. Бородиной).
26. [Поэтич. пер. с ретором.] Андри Пеер // *Из современной швейцарской поэзии* / Сост. и предисл. В. Седельника. М.: «Прогресс», 1981. С. 158–174 («Из национальной поэзии»).
27. Ранненованглийский ударный вокализм и концепция диасистемы // *Лингвистические исследования*, 1981. Сравнительно-историческое и типологическое изучение языков / Отв. ред. Н. Д. Андреев. М., 1981. С. 14–22 (ИЯ АН СССР) (вместе с Н. Г. Беспятых).
28. [Рец. на кн.] *A. Dees*. Atlas des formes et des constructions des chartes françaises du 13e siècle... Tübingen, 1980 // *ВЯ*. 1982. № 3. С. 129–132.
29. [Рец. на кн.] *Aspects de l'espace en Europe* / Ed. par F. Alvarez Pereyre. Paris, 1979 // *ВЯ*. 1982. № 4. С. 151–153 (вместе с Н. Н. Казанским).
30. К вопросу об эпентезе в романских языках (эпентетическое k- / g- в Граубюндене) // *Романоязычные и германоязычные ареалы (языковые ситуации, интерференции, региональные различия)*. Межвузовский сборник научных трудов / Отв. ред. Л. М. Скрелина. Л.: Изд-во ЛГПИ, 1983. С. 79–90 (ЛГПИ им. А.И. Герцена) (вместе с Л. М. Скрелиной).
31. Что изучает структурная диалектология // *Ареальные исследования в языкознании и этнографии (Язык и этнос): Сборник научных трудов* / Отв. ред. Н. И. Толстой. Л.: ЛО изд-ва «Наука», 1983. С. 24–44 (ИЭ; ИСБ; ЛО ИЯ АН СССР).

-
32. Этнолингвистический аспект ареальных исследований // Лингво-этногеография (Сборник научных трудов) / Отв. ред. М. А. Бородина. Л.: Изд-во ГО СССР, 1983. С. 63–73 (ГО СССР) (вместе с В. А. Михайловым).
 33. ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АТЛАСЫ: Аннотированный указатель / Сост. ...; Под ред. Г. Н. Утина и М. А. Бородиной. Л.: 1984. – 160 с. (БАН СССР). – Рец.: *Дзедзелевский И. А.* // *ВЯ*. 1987. № 5. С. 137–140. Ср.: 1 (предварит. изд.).
 34. [Подготовка текста, коммент., указ.] *АНДРЕЙ ЛЕСКОВ*. Жизнь НИКОЛАЯ ЛЕСКОВА. М.: «Художественная литература», 1984. Т. 2. – 608 с., 8 л. илл. (вместе с В. А. Тунимановым).
 35. Историко-лингвистические атласы // Совещание по вопросам диалектологии и истории языка (Лингвогеография на современном этапе и проблемы межареального взаимодействия). Тезисы докладов и сообщений. Ужгород, 18–20 сент. 1984 г. М.: «Наука», 1984. С. 73–74 (вместе с В. А. Михайловым).
 36. [Поэтич. пер.] Мария Манент // Из каталонской поэзии / Сост. З. Плавскина и Вс. Багно. Коммент Вс. Багно. Л.: «Художественная литература», 1984. С. 169–173.
 37. Атласная картография и ареальные исследования // Ареальные исследования в языкознании и этнографии. Тезисы пятой конференции на тему «Проблемы атласной картографии». Уфа, 28–30 янв. 1985 г. / Отв. ред. С. И. Брук. Уфа: Изд-во БФАН СССР, 1985. С. 119–121 (ИЭ; ЛО ИЯ; ИСБ АН СССР; ИИЯЛ БФАН СССР) (вместе с В. А. Михайловым).
 38. Первые в истории города // *Нева*. 1985. № 3. С. 188–191 (вместе с Ю. Н. Беспятых). – См.: 84 (то же).
 39. [Пер. с фр.: Письма Ф. М. Достоевского к С. Д. Яновскому] // *Ф. М. Достоевский*. Полное собр. соч. В тридцати томах. Т. 28. Кн. 2. Письма 1860–1868 гг. Л.: ЛО изд-ва «Наука», 1985. С. 353–362 (ИРЛИ (Пушинский дом) АН СССР).
 40. Предпосылки развития грамматических учений в Испании // История лингвистических учений. Средневековая Европа / Отв. ред. А. В. Десницкая, С. Д. Кацнельсон. Л.: ЛО изд-ва «Наука», 1985. С. 98–108 (ЛО ИЯ АН СССР) (вместе с В. П. Григорьевым).
 41. О номинативном статусе слов с монемами «лишения» или отсутствия признака // Лингвистические исследования, 1985. Структура языка и языковые изменения / Отв. ред. Н. Д. Андреев. М., 1985. С. 117–124 (ИЯ АН СССР) (вместе с В. А. Михайловым).
 42. Синтаксис и система словаря (к проблеме этимологической реконструкции) // Современные проблемы романистики: Функциональная

- семантика. Тезисы V Всесоюзной конференции по романскому языкознанию / Отв. ред. Г. В. Степанов. Калинин: Изд-во КГУ, 1986. Т. 2. С. 128–129 (ИЯ АН СССР; КГУ).
43. Реконструкция с латинским префиксом ex- в румынском языке // *Językowe studia bałkanistyczne* (Wrocław e.a.: Wyd. PAN). 1986. Т. 1. S. 167–171.
44. [Рец. на кн.:] *J.-I. Loude, V. Lievre. Solstice païen. Paris, 1984 // Народы Азии и Африки*. 1986. № 5. С. 205–207 (вместе с А. Л. Грюнбергом).
45. [Сообщение о V конференции по ареальным исследованиям в языкознании и этнографии] // *ВЯ*. 1986. № 3. С. 148–150 (вместе с А. М. Решетовым).
46. La geografia linguistica nell'URSS: gli atlanti linguistici // *Bolletino dell'Atlante linguistico italiano. III Serie* (Torino). 1986. № 8–10. P. 59–74 (вместе с С. А. Кокошкиной).
47. Самое разрушительное // *Нева*. 1987. № 6. С. 195–198 (вместе с Ю. Н. Беспятых).
48. К проблеме среднего рода (румынские данные) // Система, норма, узус в романо-германских языках. Межвузовский сборник научных трудов / Отв. ред. Л. М. Скредина. Л.: Изд-во ЛГПИ, 1987. С. 100–106 (ЛГПИ им. А. И. Герцена).
49. Далматинский и балканороманский (лексико-семантические изоглоссы) // *Romano-Balkanica* (Вопросы адаптации латинского языкового элемента в балканском ареале). Сборник научных трудов / Отв. ред. А. В. Десницкая. Л.: ЛО изд-ва «Наука», 1987. С. 37–60 (ИЛИ РАН) (вместе с Л. Г. Степановой). – Рец.: *Bojadžiev D. // БЕ*. 1989. Т. 32. № 3–4. С. 238–240.
50. Лексико-семантическая дифференциация балканороманского (на примере пастушеской терминологии) // Там же. С. 61–99.
51. [Пер. с фр. и нем., коммент. статей Н. С. Трубецкого: «Фонология и лингвистическая география», «Отношение между определяемым, определением и определенностью», «Мордовская фонологическая система в сравнении с русской», «Носовые гласные в лехитских языках», «Славянские прилагательные на ъкъ», «Одно церковнославянское стихотворение»] // *Н. С. Трубецкой. Избранные труды по филологии* / Сост. В. А. Виноградов и В. П. Нерознак. М.: «Прогресс», 1987. С. 31–43, 63–66, 199–209, 223–232, 350–351, 409–410, 420–421, 436, 478–479.
52. К проблеме среднего рода (румынские данные) // Система, норма, узус в романо-германских языках. Межвузовский сборник научных

-
- трудов / Отв. ред. Л. М. Скредина. Л.: Изд-во ЛГПИ, 1987. С. 100–106 (ЛГПИ им. А. И. Герцена).
53. О способах экспликации содержания слова в речи // Лингвистические исследования, 1987. Общие и специальные вопросы языковой типологии / Отв. ред. Н. Д. Андреев. М., 1987. С. 119–126 (ИЯ АН СССР) (вместе с В. А. Михайловым).
 54. [Рец. на кн.] *И. Н. Хлопин*. Юго-западная Туркмения в эпоху поздней бронзы. По материалам Сумбарских могильников. Л., 1983 // *Вестник древней истории*. 1988. № 1. С. 221–226.
 55. [Сост., подготовка текста, постраничный коммент.] *Н. С. Лесков*. Очерки и рассказы / Сост. ...; Вступ. ст. В. А. Туниманова; Прим. ... Петрозаводск: «Карелия», 1988. – 1 л. портр., 384 с. (сост., подготовка текста и коммент. совместно с В. А. Тунимановым).
 56. Системность в истории языка // Историческое развитие языков и методы его изучения. Тезисы межвузовской конференции (Свердловск, 25–27 окт. 1988 г.). Свердловск, 1988. Ч. 2. С. 132–133.
 57. Лексикализация синтагм с отрицанием // Лингвистические исследования, 1988. Проблематика взаимодействия языковых уровней / Отв. ред. Н. Д. Андреев. Л., 1988. С. 143–160 (ИЯ АН СССР) (вместе с В. А. Михайловым).
 58. Профессор Б. В. Казанский (1889–1962) (Из истории кафедры классической филологии) // *Вестник ЛГУ*. Сер. 2. 1989. Вып. 4 (№ 23). С. 67–73 (вместе с М. Е. Сергеевко).
 59. Петербургский быт в «Россике» XVIII в. // Петербург и губерния: Историко-этнографические исследования / Сост. и отв. ред. Н. В. Юхнева. Л.: «Наука», 1989. С. 53–68 (ИЭ АН СССР) (вместо с Ю. Н. Беспятых)
 60. Синтаксис и этимология // *Res Philologica*. Филологические исследования памяти акад. Г. В. Степанова. 1919–1986 / Отв. ред. Д. С. Лихачев. М.; Л.: «Наука», 1990. С. 254–265 (ОЛЯ АН СССР).
 61. [Зарубежные инсценировки и переводы романа «Бесы»] // *Ф. М. Достоевский*. Собр. соч. в пятнадцати томах. Л.: ЛО изд-ва «Наука», 1990. Т. 7. С. 789–795 (вместе с В. А. Тунимановым).
 62. Ретороманские языки // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: «Советская Энциклопедия», 1990. С. 410 (вместе с М. А. Бородиной). – См: 99 (то же).
 63. Языковое состояние граубюнденского ретороманского // Романо-германская контактная зона: Языки и диалекты Швейцарии / Отв. ред. А. И. Домашнев. Л.: ЛО изд-ва «Наука», 1990. С. 123–148 (ИЯ АН СССР).

64. Латинская речь на Балканах // Основы балканского языкознания: Языки балканского региона. Ч. 1 (новогреческий, албанский, романские языки) / Отв. ред. А. В. Десницкая. Л.: ЛО изд-ва «Наука», 1990. С. 125–140 (ЛО ИЯ АН СССР).
65. Румынский язык // Там же. С. 141–182.
66. Истрорумынский язык // Там же. С. 231–247.
67. Далматинский язык // Там же. С. 248–257 (вместе с Л. Г. Степановой).
68. Типология, история языка и онтология речемыслительной деятельности // Всесоюзная конференция по лингвистической типологии. Тезисы докладов / Ред. колл. В. Н. Солнцев, В. М. Алпатов, В. А. Виноградов и др. М.: Гл. ред. вост. лит-ры изд-ва «Наука», 1990. С. 161–162 (ИЯ АН СССР).
69. Выражение пространственных отношений в ретороманском языке Швейцарии // Романские языки: Семантика, прагматика, социолингвистика. Межвузовский сборник / Отв. ред. Т. А. Репина. Л.: Изд-во ЛГУ, 1990. С. 59–64 (Древняя и новая Романия. Вып. 4).
70. Смысловая определенность и предикация // Категории грамматики в их системных связях (в теоретическом и лингводидактическом аспектах). Тезисы докладов конференции. Вологда, 13–14 июня 1991 г. / Ред. колл. Л. А. Бирюлин, А. В. Бондарко, С. М. Кибардина и др. Вологда, 1991. С. 97–98 (ЛО ИЯ АН СССР; ВГПИ).
71. Предикация, смысл, коммуникативная интенция (обособление актантов и дейксис) // Современные проблемы романистики: Семантика, прагматика, синтаксис. Тезисы 6-ой Всесоюзной конференции по романскому языкознанию / Отв. ред. Б. П. Нарумов. М.; Воронеж, 1991. Т. 2. С. 62–63 (ИЯ АН СССР; Воронежский гос. пед. ин-т).
72. [Ред.] Когнитивные структуры языка (вместо послесловия) // В. А. Михайлов. Смысл и значение в системе речемыслительной деятельности / Научн. ред., закл. ст. В. М. Павлова и ...; Предисл. Я. А. Слина. СПб.: Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 1992. 198 с. (СПбГУ). См. с. 190–106 (ред. и закл. ст. совместно с В. М. Павловым).
73. [Предисл., пер. с фр., прим.] Пьер Дешизо. Путешествие в Петербург (1724 и 1726 гг.) // Русская культура первой четверти XVIII века. Дворец Меншикова. СПб., 1992. С. 134–150 (Гос. Эрмитаж) (вместе с Ю. Н. Беспятых).
74. *МОРИС КАРЕМ*. ПЕСЕНКА КОЛДУНА. Стихи / Пер. с фр. ...; Художник М. Исаев. СПб.: Изд-во «Палетта», 1993. – 16 с. с илл.

-
75. Заметки по балканской топонимии тюркского происхождения (Арджеш, Артан, Балабанци и др.) // *Кунсткамера. Этнографические тетради*. СПб.: Центр «Петербургское востоковедение», 1993. Вып. 2–3. С. 195–207 (вместе с А. Х. Гирфановой).
 76. [Ред.] Петербург в фотографиях Ильи Наровлянского / Художник В. Смирнов. СПб.: Изд-во «Палетта», 1993. – 16 с., 53 л. илл. (вместе с В. В. Костровым).
 77. В поисках индоевропейцев [Рец. на кн.: *I. P. Mallory. In search of Indo-Europeans...* London, 1991] // *Филологические записки*: Вестник литературоведения и языкознания (Воронеж). 1993. Вып. 1. С. 212–218 (Воронежский гос. ун–т).
 78. Структура и функция в «Исторической поэтике» А. Н. Веселовского // *Русская литература*. 1993. № 2. С. 17–29.
 79. ПЕРСПЕКТИВА ИСТОРИИ В ИНДОЕВРОПЕИСТИКЕ: К проблеме «индоевропейских древностей» / Закл. ст. И. Н. Хлопина. СПб.: Центр «Петербургское востоковедение», 1994. – 248 с. с илл. (ИЛИ РАН), (ст.: И. Н. Хлопина «Древнейшие индоиранцы в свете археологии», с. 226–241) – См.: 148 (2-е изд.).
 80. Заметки по балканской топонимии тюркского происхождения (Валахия, Кумания) // *Кунсткамера. Этнографические тетради*. СПб.: Центр «Петербургское востоковедение», 1994. Вып. 5–6. С. 156–172 (вместе с А. Х. Гирфановой).
 81. Заметки по балканской топонимии тюркского происхождения (Бессарабия, Богдания, Буджак, Добруджа) // *Türk dilleri araştırmaları* (Ankara). 1994. Cilt 4. P. 88–108 (вместе с А. Х. Гирфановой).
 82. Заметки по балканской топонимии тюркского происхождения (Бальчик, Град Крачуна, Тунгужей) // *Rocznik orientalistyczny* (Warszawa). 1994. T. 49. Zesz. 2. S. 65–72 (вместе с А. Х. Гирфановой).
 83. [Пер. с фр.: т. 2, кн. 2 «Право»] // *Э. Бенвенист. Словарь индоевропейских социальных терминов* / Общая ред. и вступ. ст. Ю. С. Степанова; Коммент. Ю. С. Степанова и Н. Н. Казанского. М.: Изд. группа «Прогресс», «Универс», 1995. С. 299–342.
 84. [Поэтич. пер.: А. Лопес де Вайан, П. да Понте, П. Г. Бургалес, Ж. С. Коэльо, Н. Ф. Торнеол, Ж. Сервандо, Н. Е. Серзео, А. Санчес] // *Поэзия трубадуров. Антология галисийской литературы* / Сост. Е. Голубева, Е. Зернова. СПб., 1995. С. 47, 71, 77, 107, 143, 149, 161, 193. (Изд-во Центра галисийских исследований СПбГУ при содействии Изд-ва «Алетейя») (пер. стихотворения Н. Ф. Торнеола выполнен совместно с Е. Г. Голубевой).

85. Первые в истории города // Город над морем или Блистательный Санкт-Петербург / Сост. С. А. Прихватилова. СПб.: «Лениздат», 1996. С. 150–158 (вместе с Ю. Н. Беспятым). – См. 38 (то же).
86. Индоевропейский этимологический компьютерный тезаурус – Computer-based Indo-European Dictionary: Current State of Research // Язык и культура кельтов. Материалы V коллоквиума, проведенного Российской ассоциацией кельтологов и Институтом иностранных языков (Санкт-Петербург). 25–28 июня 1996 г. / Под ред. Х. Олмстеда и А. И. Фалилеева. СПб.: Напечатано ИИЯ, 1996. С. 10–11 (вместе с Н. Н. Казанским, А. Ю. Золотаревым, А. И. Фалилеевым и др.).
87. Заметки по балканской топонимии тюркского происхождения (Бейлик, Еничерь, Хэшь) // *Кунсткамера*. Этнографические тетради. СПб.: Центр «Петербургское востоковедение», 1996. Вып. 10. С. 167–177 (вместе с А. Х. Гирфановой).
88. ЭКСКУРСЫ В ИСТОРИЮ ПИСЬМА (Знак и значение). СПб., 1997. – 140 с., в т. ч. 50 рис. и табл.: с.103–138 (ИЛИ РАН; ИИЯ, Санкт-Петербург). – Рец.: *Бурыкин А. А.* Полезное пособие // ЯЛИК (Язык, Литература, История, Культура): Информационный бюллетень (СПбГУ). 1998. № 30. С. 14. – См.: 165 (2-е изд.).
89. О глубинной семантической реконструкции (К проекту ThIE) // Первая всероссийская конференция по проблемам сравнительно-исторической индоевропеистики (3–6 февраля 1997 г.). Тезисы докладов / Предс. оргкомитета В. А. Кочергина. М.: Изд-во «Диалог–МГУ», 1997. С. 32–34 (Филологич. фак-т МГУ).
90. Семантика в проекте ThIE // Классические языки и индоевропейское языкознание: Материалы чтений, посвященных 100-летию со дня рождения И. М. Тронского / Отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб., 1997. С. 63–64 (ИЛИ РАН) (вместе с Н. Н. Казанским).
91. Лицо и характер: Портретные зарисовки к «Преступлению и наказанию» Ф. М. Достоевского // *Ars Philologica*. Профессору А. Б. Муратову ко дню шестидесятилетия / Под ред. П. Е. Бухаркина. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1997. С. 147–171 (СПбГУ).
92. Le chamanisme dans l'histoire des religions chez Mircea Eliade (1907–1986) // *Le Chamanisme: Perspective religieuses et politiques*. IV ISSR Conference on Shamanism (Chantilly, 1–5 Sept. 1997). Section «Chamanismes urbains, néo-chamanismes» / Coordinateur M. M. Balzer. [Paris, 1997]. – 3 p. (на правах рукописи). См.: 169.
93. Notes on Balkan Toponymy of Turk Origin (Walachia) // *Türk dilleri arařtırmaları* (Ankara). 1997. Cilt 7. P. 141–147 (вместе с А. Х. Гирфановой).

-
94. [Поэтич. пер.] Хосе Мартинес Месанца // Современная испанская поэзия / Сост. В. Е. Багно. СПб.: Фонд «Сервантес», 1997. С. 102–128 (Прил. к альманаху «Канун»).
 95. [Ред., коммент. в кн.:] *Дютой Р. Э.* Всемирная история войн: Харперская энциклопедия военной истории с комментариями изд-ва «Полигон» / Ред.: А. Д. Балабуха, Д. Н. Волковский, Н. Л. Волковский, И. А. Задоя, Н. Л. Сухачев; Пер. с англ.: А. Б. Гузман. СПб.; М.: Полигон : АСТ, 1997. Кн. 2. 1400 г. – 1800 г. – 894 с. с илл.; 1998. Кн. 3. 1800 – 1925. – 1016 с. с илл.; кн. 4. – 1117 с. с илл.
 96. Семантика слова и его этимология (рум. *busiut* «трембита») // Классические языки и индоевропейское языкознание. Сборник статей по материалам чтений, посвященных 100-летию со дня рождения проф. И. М. Тронского / Отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб., 1998. С. 185–196 (ИЛИ РАН).
 97. Семантика и глубинные реконструкции индоевропейского уровня (предварительные размышления к проекту ThIE) // *ЯРД*. 1998. Т. 1. С. 100–107 (вместе с Н. Н. Казанским).
 98. [Ред.] Феномен духа и Космос Мирчи Элиаде // *М. Элиаде. Азиатская алхимия* / Пер. с рум., англ. и фр. языков; Состав А. А. Старостиной; Отв. ред., вступ. ст. ... М.: Изд-во «Янус-К», 1998. – 606 с. См.: с. 5–37.
 99. [Пер. с рум., коммент.] *М. Элиаде.* Вавилонская космология и алхимия // Там же. С. 77–139, 489–497 (коммент. совместно с Д. Э. Харитоновичем).
 100. [Пер. с рум., коммент.] *М. Элиаде.* Миф о Воссоединении // Там же. С. 273–323, 540–557 (коммент. совместно с Д. Э. Харитоновичем).
 101. Ретороманские языки // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Изд-во «Большая Российская энциклопедия», 1998. С. 410 (вместе с М. А. Бородиной). – См.: 61 (то же).
 102. Понимание нормы и концепция языка // Единство и многообразие романского мира: Язык, искусство, культура. Тезисы Международной конференции, посвященной 80-летию со дня рождения акад. Г. В. Степанова (1919–1986) / Отв. ред. Л. Г. Степанова. СПб.: «Наука», 1999. С. 62–64 (ИЛИ РАН).
 103. К концепции проекта Индоевропейского тезауруса (*Thesaurus Indoeuropeicus*) // Индоевропейское языкознание и классическая филология – III. Материалы чтений, посвященных памяти проф. И. М. Тронского. 14–16 июня 1999 г. / Отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб.: «Наука», 1999. С. 113–121 (вместе с Н. Н. Казанским).

104. «Суровая нить» (к этимологии рум. *sfoară* ‘веревка’) // *Linguistica et philologica*. Сборник статей к 75-летию проф. Ю. В. Откупщикова / Отв. ред. А. И. Зайцев. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. С. 132–138 (СПбГУ).
105. Из древнеирландской поэзии (Опыт поэтической интерпретации) // *Язык и культура кельтов. Материалы VII коллоквиума (Санкт-Петербург, 29 июня – 1 июля 1999 г.)* / Отв. ред. А. И. Фалилеев. СПб.: «Наука», 1999. С. 41–45 (ИЛИ РАН; Рос. ассоциация кельтологов).
106. Древнеирландская поэзия (VI–XII вв.). Пер., поэтическая обработка и коммент. // Там же. С. 45–54 (вместе с В. П. Калыгиным).
107. [Ред.] Когнитивная лингвистика и концепция языка // *Скребцова Т. Г. Американская школа когнитивной лингвистики* / Отв. ред. ... СПб.: «Анатолия», 2000. – 202 с. (ИЛИ РАН). См.: с. 190–199.
108. Семантический анализ в проекте ThIE (теоретические предпосылки содержательной интерпретации языкового материала) // *Индоевропейское языкознание и классическая филология – IV. Материалы чтений, посвященных памяти проф. И. М. Тронского. 12–14 июня 2000 г.* / Отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб.: «Алетейя», 2000. С. 155–162 (ИЛИ РАН).
109. [Рец. на кн.] *Bouquet S. Introduction à la lecture de Saussure*. Paris, 1997 // *ЯРД*. 2000. Т. 3. Ч. 1. С. 293–299 (вместе с Е. П. Ивановой).
110. Светлана Владимировна Смирницкая (1935–2000) // Там же. С. 367–368 (вместе с Н. Н. Казанским и С. А. Шубиком).
111. [Сообщение о VIII Международном конгрессе по исследованию Юго-Восточной Европы] // Там же. С. 337–338.
112. Язык, система, норма (Предмет лингвистических обобщений и «давление» терминов) // *Res Philologica – II. Сборник статей памяти акад. Г. В. Степанова. К 80-летию со дня рождения (1919–1999)* / Отв. ред. Л. Г. Степанова. СПб.: «Петрополис», 2001. С. 319–330 (ИЛИ РАН).
113. У истоков романской филологии (Гастон Парис) // *Романские языки в диахроническом и синхроническом аспектах. Сборник научных трудов* / Ред. А. М. Прищепов. СПб.: «Формика», 2001. С. 48–60.
114. Ретороманский язык // *Языки мира: Романские языки* / Ред. колл.: И. И. Чельшева, Б. П. Нарумов, О. И. Романова. М.: «Academia», 2001. С. 335–364 (ИЯ РАН) (вместе с Г. М. Горенко).
115. Фриульский язык // Там же. С. 365–391 (вместе с Б. П. Нарумовым).

-
116. Проблема классификации романских языков // Материалы XXX межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов (1–17 марта 2001 г.). Вып. 19. История языка. Романо-германский цикл / Отв. ред. М. К. Сабанеева. СПб., 2001. С. 33–39 (Филологич. фак-т СПбГУ).
117. Предисловие // А. Х. Гирфанова. Словарь удэгейского языка. СПб.: «Наука», 2001. С. 5–8.
118. «Миорица» (Фрагмент восточнороманского эпоса) // *Studia linguistica et balcanica: Памяти А. В. Десницкой (1912–1992)* / Отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб.: «Наука», 2001. С. 283–304 (ИЛИ РАН). – Рец.: *Beyleri R. // BE. 2002. XLII. N 1. P. 55–62.*
119. Некоторые размышления о специфике цветообозначений в латинском и романских языках // *Serta romanica: Межвузовский сборник, посвященный 70-летию проф. В. П. Григорьева* / Отв. ред. М. В. Зеликов. СПб.: Изд-во РГПУ, 2001. С. 119–129 (РГПУ им. А. И. Герцена).
120. [Поэтич. пер.] *Давид ап Гвилм*. Четыре стихотворения // *Urbi*. Литературный альманах / Изд. В. Садовским, под ред. К. Кобрин и А. Пурина. Прага; СПб.; Тверь: «Kolonna Publications», 2002. Вып. 36–38. С. 40–51 (вступ. заметка и ред. переводов А. И. Фалилеева).
121. [Статьи: «Ареальная лингвистика», «Атлас лингвистический (диалектологический атлас)», «Лингвистическая география (диалектологическая карта)», «Мещанинов И. И.», «Новое учение о языке (яфетическая теория, марризм)», «Происхождение языка (глоттогенез)»] // *Российский гуманитарный энциклопедический словарь*. В трех томах. М.; СПб.: Гуманитарный изд. центр «Влади»; Филологический фак-т СПбГУ, 2002. Т. I. С. 108–109; 133–134; Т. II. С. 365–366; 459–460; 587–588; Т. III. С. 89.
122. Магия, шаманизм, «партиципация» // *Siberia, Land and Peoples: Destruction or Survival? Interdisciplinary International Conference. 6–8 september 2002. Univ. of Leeds: List of participants. Conference Programme. Abstract of Papers.* [Leeds]: Univ. of Leeds, [2002]. 1 p. (на правах рукописи).
123. [Поэтич. пер. с фр., вступ. заметка] Робер Деснос // *Урал* (Екатеринбург). 2002. № 6.
124. Теория стратов, языковое смешение и «объясняющая лингвистика» // *Colloquia classica et indogermanica – III: Классическая филология и индоевропейское языкознание* / Под ред. Н. Н. Казанского. СПб.: «Наука», 2002. С. 317–330 (ИЛИ РАН; ИМК при МГУ).

125. [Ред.] *А. И. Фалилеев*. Древневаллийский язык / Отв. ред. ... СПб.: «Наука», 2002. – 96 с. (ИЛИ РАН).
126. О СЕМИОТИКЕ Ч. С. ПИРСА: Тройственный знак в универсуме репрезентаций. СПб.: «Наука», 2003. – 1 л. портр., 106 с. (ИЛИ РАН). – См: 148 (то же, с. 160–228).
127. О тюркских заимствованиях на исторической карте Юго-Восточной Европы (Данные топонимии) // В поисках «ориентального» на Балканах: Античность. Средневековье. Новое время / Ред. колл.: И. А. Седакова, Т. В. Цивьян. М., 2003. С. 64–69 (Ин-т славяноведения РАН. Балканские чтения 7. Тезисы и материалы) (вместе с А. Х. Гирфановой).
128. О цветообозначениях в языковой традиции и этимологической реконструкции // Индоевропейское языкознание и классическая филология – VII. Материалы чтений, посвященных памяти проф. И. М. Тронского. 16–18 июня 2003 / Отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб.: «Наука», 2003. С. 202–204 (ИЛИ РАН).
129. «Синкретическая правда» или Миф в истории сознания // Материалы международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения проф. М. И. Стеблин-Каменского. 10–12 сент. 2003 г. / Отв. ред. Н. Н. Казанский, Ю. К. Кузьменко, С. А. Шубик. СПб.: «Наука», 2003. С. 238–243 (ИЛИ РАН; Филологич. фак-т СПбГУ).
130. Давид ап Гвилим (Язык, метрика, опыт перевода) // Язык и культура кельтов. Материалы IX коллоквиума / Под ред. А. И. Фалилеева; отв. со-редактор С. В. Иванов. СПб.: «Наука», 2003. С. 105–113 (ИЛИ РАН; Рос. ассоциация кельтологов).
131. О внутреннем и внешнем аспектах проблемы «язык и мышление» (Речевое мышление) // Лингвистика. История лингвистики. Социолингвистика / Под ред. К. А. Долинина. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. С. 67–79. (СПбГУ. Проблемы современного теоретического и синхронно-описательного языкознания. Вып. 5).
132. Minority Ethnic Groups of the Far East // Siberia and the Russian Far East: Past, Present, Future. The 10 British Universities Siberian Studies Seminar (BUSS). A Multidisciplinary International Conference... April 7–11, 2004. [Houston: Univ. of Houston, 2004]. P. 32–33 (на правах рукописи).
133. Валлийский Геракл // Индоевропейское языкознание и классическая филология – VIII. Материалы чтений, посвященных памяти проф. И. М. Тронского. 21–23 июня 2004 г. / Отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб.: «Наука», 2004. С. 277–284 (ИЛИ РАН) (вместе с А. И. Фалилеевым).

-
134. К генезису восточнороманских этносов // IX^c Congrès International d'Etudes Sud-Est Européennes. Résumés. Tirana, 30 août – 30 septembre, 2004. Tirana, 2004. P. 173–175 (Acad. de Sciences d'Albanie).
 135. Об этногенезе восточнороманских народов // Доклады российских ученых: IX Конгресс по изучению стран Юго-Восточной Европы (Тирана, 30.08 – 03.09.2004) / Отв. ред. В. К. Волков и А. Ю. Русаков. СПб.: «Наука», 2004. С. 321–332 (ИЛИ; ИСБ РАН)
 136. On the Genesis of Shamanism // The 7th Conference of International Society for Shamanism Research (ISSR). Abstracts of the Papers. August 2004, Beijing, China. [Beijing], 2004. P. 1 (на правах рукописи).
 137. Концепция знака у Ф. де Соссюра и Ч. С. Пирса // Романский коллегийум. Материалы междисциплинарных научных чтений. 1–2 апр. 2003 г. / Отв. ред. С. Л. Фокин, А. А. Попов. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2004. Вып. 1. С. 58–66 (Кафедра языкознания, Кафедра фр. и восточных языков ИИЯ СПбГУЭФ).
 138. Владимир Михайлович Павлов. Библиографический очерк / Вступ. ст. В. П. Беркова; Сост. ...; Отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб.: «Наука», 2005. – 74 с., в т.ч. 7 л. фото (ИЛИ РАН).
 139. К созданию компьютерного корпуса фракийского языка // Материалы XXXIII Международной филологической конференции (2–20 марта 2004 г.). Вып. 26. Балканские исследования. Ч. 2 / Отв. ред. А. Ю. Русаков. СПб., 2005. Часть 2. С. 25–29 (Филологич. фак-т СПбГУ) (вместе с А. И. Фалилеевым и С. Янакиевой).
 140. Семантика слова и его этимология: рум. Stăciun ‘Рождество’ // Hrdā manasā. Сборник статей к 70-летию со дня рождения проф. Л. Г. Герценберга / Отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб.: «Наука», 2005. С. 285–300 (ИЛИ РАН).
 141. Европа – Стамбул – Балканы: Турцизмы западноевропейского происхождения в балканских языках // В поисках «западного» на Балканах. Предварительные материалы / Сост. И. А. Седакова, Т. В. Цивьян. М., 2005. С. 84–88 (ИСБ РАН. Балканские чтения. 8) (вместе с А. Х. Гирфановой).
 142. V. K. Arsenyev as a researcher of the Udeghe and Orochi (South-Tungus ethnic groups) // Permanent International altaistic conference (PIAC). 49th Meeting 2006. Berlin, Juli 30 – August 4, 2006: «Men and Nature in the Altaic World». Abstracts. Berlin, 2006. P. 16–17 (Freie Universität Berlin. Institut für Turkologie) (на правах рукописи; вместе с А. Х. Гирфановой).
 143. V. K. Arsenyev as a Researcher of the “Orochi” and their Language (Tentative Approaches to Edition of his “Russian-Oroch Dictionary”) // Siberia and the Russian Far East: Past, Present, Future. The Eleventh

- British Universities Siberian Studies Seminar (BUSS). 25th Jubilee: A Multidisciplinary International Conference. September 11–15, 2006. Vladivostok, Primorskiy Krai, Russian Federation / Editors: Acad. P. Baklanov (Chairman), Dr. J. Salnov (Co-Chairman), G. Dimova. Vladivostok, 2006. P. 64 (вместе с А. Х. Гирфановой).
144. «Определение цены»: *A Amorgen ánmoltaig* // Кельто-Славика – 2. Second International Colloquium of Societas Celto-Slavica. Abstracts. Тезисы докладов международной научной конференции. Москва, 14–17 сентября 2006 г. / Сост. Т. А. Михайлова. М.: МАКС Пресс, 2006. С. 80–82.
145. Шаманизм в истории религий М. Элиаде («Экстаз» как экзистенциальный принцип) // *Алтаика* (М.). 2006. № 6.
146. Этюд на полях исторической реконструкции языковых явлений // Индоиранское языкознание и типология языковых ситуаций. Сборник статей к 75-летию проф. А. Л. Грюнберга (1930–1995) / Отв. ред. М. Н. Боголюбов. СПб.: «Наука», 2006. С. 267–275.
147. Картографическая репрезентация языкового материала, «системный подход», «когнитивная лингвистика» и прочее (импрессивные размышления над пробным выпуском ЛАРНГ) // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) / Отв. ред. А. С. Герд. 2006. СПб.: «Наука», 2006. С. 393–404 (ИЛИ РАН).
148. Два стихотворения из «Книги Талиесина» // *Acta Linguistica Petropolitana*. Труды ИЛИ РАН. Т. 2. Ч. 1 / Отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб.: «Академия», 2006. С. 261–283 (вместе с А. И. Фалилеевым).
149. КОНЦЕПЦИИ ЯЗЫКА В ЕВРОПЕЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ (Очерки о Г. В. Ф. Гегеле, Ч. С. Пирсе, М. Хайдеггере). СПб.: Изд-во «Нестор-История», 2007. – 318 с. (*Acta Linguistica Petropolitana*. Труды ИЛИ РАН. Т. 3. Ч. 2). – См.: 125 (1 изд. очерка о Ч. С. Пирсе).
150. ПЕРСПЕКТИВА ИСТОРИИ В ИНДОЕВРОПЕИСТИКЕ: К проблеме «индоевропейских древностей». Изд. 2-е, испр. М.: КомКнига, 2007. – 232 с. с илл. (История языков народов Европы). – Рец.: *Клейн Л. С.* // *ВЯ*. 2009. № 4. С. 143–147. – См.: 79 (1-е изд.)
151. ФИЛИДЫ И БАРДЫ. Из древней ирландской поэзии VI–XII вв. / Переводы ...; Общая ред. С. Иванова и В. Калыгина; [Дизайн Н. С. Тауберт]. СПб.: Русско-Балтийский информационный центр «БЛИЦ», 2007. – 144 с. с илл.
152. Балкано-тюркские изоглоссы, изопрагмы и изодоксы (Музыкальные инструменты и термины) // Восток и Запад в балканской картине мира. Памяти Владимира Николаевича Топорова / Ред.

-
- колл.: Т. И. Свешникова, И. А. Седакова, Т. В. Цивьян. М.: Изд-во «Индрик», 2007. С. 182–189 (ИС РАН) (вместе с А. Х. Гирфановой).
153. Б. П. Хашдеу и концепция языка в «*Etymologicum Magnum Romaniae*» // Романские языки в прошлом и настоящем: Сборник статей к 80-летию проф. Т. А. Репиной / Ред. колл.: Т. И. Зеленина, М. К. Сабанеева, Е. М. Чекалина. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2007. С. 112–124.
154. The Turkic loan Words in the Languages of the South Eastern Europe (The Project of summarizing Description of historical-lexicological and etymological Data) // Казань и алтайская цивилизация: 50-ая ежегодная международная научная алтаистическая конференция (PIAC), г. Казань, 1–6 июля 2007 г. / Под общ. ред. З. Г. Нигматова. Казань: Идел-Пресс, 2007. Р. 196–197 (Татарский гос. гуманитарно-педагогич. ун-т).
155. О Владимире Михайловиче Павлове // Общее и германское языкознание: К пятидесятилетию научной деятельности проф. В. М. Павлова / Отв. ред. и вступ. ст. ... СПб.: Изд-во «Нестор-История», 2007. – 364 с. (*Acta Linguistica Petropolitana. Труды ИЛИ РАН. Т. 3. Ч. 1*). См.: с. 9–13.
156. Об онтологии и генезисе речевого знака (семиотический и ноэматический аспекты) // Там же. С. 258–284.
157. О проекте словаря «Тюркизмы в языках Юго-Восточной Европы (опыт сводного описания историко-лексикологических и этимологических данных)» // *RESEE*. 2007. Т. 45 (N 1–4). Р. 461–490 (*Acad. Roumaine. Inst. d'études sud-est eopréennes*) (вместе с А. Х. Гирфановой).
158. [Сост., вступ. статья, коммент.] В. К. АРСЕНЬЕВ. РУССКО-ОРОЧСКИЙ СЛОВАРЬ: Материалы по языку и традиционной культуре орочей и удэгейцев / Сост. ... СПб.: Филологич. ф-т СПбГУ, 2008. – 1 л. портр., 496 с., в т.ч. 4 с. илл. (ОИАК; СПбГУ) (вместе с А. Х. Гирфановой).
159. [Поэтич. пер.: Д. фон Либиенкрон, А. Хольц, В. Финк, Ф. Холлендер] // Поэты немецкого литературного кабаре / Сост. Г. В. Снежинская; Вступ. ст. Ю. В. Каминской. СПб.: «Наука», 2008. С. 181–182, 216–218, 590, 600–605, 621 (Библиография зарубежного поэта).
160. Возможности комплексного подхода к проблеме общности алтайских языков (предварительная оценка) // Тунгусо-маньчжурская проблема сегодня (Первые Шавкуновские чтения) / Редколл.: О. В. Дьякова (отв. ред.), Е. В. Сидоренко, В. Э. Шавкунов. Владивосток: «Дальнаука», 2008. С. 308–316 (Ин-т истории, археологии и этнографии ДВО РАН).

161. [Выступление на презентации кн.: *А. М. Зверев, В. А. Туниманов. Лев Толстой. М.: Молодая гвардия, 2006 (ЖЗЛ)*] // Звено. 2007. Вестник музейной жизни: Государственный Литературный музей / Сост. Е. Д. Михайлова, С. П. Князева. М., 2008. С. 151–152 (ГЛМ).
162. [Публ., вступ. заметка] Из грозненской переписки В. А. Туниманова (1965–1967) // *Sub specie tolerantiae. Памяти В. А. Туниманова* / Отв. ред. А. Г. Гродецкая. СПб.: «Наука», 2008. С. 23–39 (Ин-т рус. лит. (Пушкинский дом) РАН).
163. [Рец. на монографию Л. З. Сова (Л. З. Аксеновой «Ареальные и типологические исследования языков банту»)] // *Л. З. Сова. Африканистика и эволюционная лингвистика*. СПб.: Изд-во Политехнического ун-та, 2008. С. 302–305 (ИЛИ РАН).
164. Прячущиеся цвета в сонете А. Рембо «Гласные» // *Homo universitatis. Памяти Аскольда Борисовича Муратова (1937–2005)*. Сборник статей / Под ред. А. А. Карпова. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. С. 445–459.
165. The language Nature of Mythical Mentality and Rituals as “The Language of the things” // *Symposium International: Le Livre. La Roumanie. L’Europe. 550 ans de la première certification documentaire de la ville de Bucarest. 2ème éd. 20–24 septembre 2009*. Bucarest: Bibliothèque Métropolitaine de Bucarest, [2009]. P. 66 (на правах рукописи).
166. Предисловие // *Балканское языкознание: Итоги и перспективы (Материалы румынско-русского симпозиума, Санкт-Петербург, 2–3 октября 2009 г.)* / Отв. ред. ... СПб.: «Наука», 2009. – 338 с. (*Acta Linguistica Petropolitana. Труды ИЛИ РАН. Т. V. Ч. 1*). См.: с. 7–24
167. О работе над сводным словарем «Тюркизмы в языках Юго-Восточной Европы» // Там же. С. 266–274 (вместе с А. Х. Гирфановой).
168. [Подготовка текстов, пер. с фр., коммент., указат.] *ПОЛЬ ДЮБРИЮКС. СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ* / Сост. и отв. ред. И. В. Тункина; Подготовка текстов И. В. Тункина и ...; Пер. с фр. яз. ... СПб.: Издательский дом «Коло», 2010. Т. 1. Тексты. – 728 с.; Т. 2. Иллюстрации. – 312 с. (= 766 рис.) (вместе с И. В. Тункиной, В. А. Горончаровским, Ю. А. Виноградовым и др.). – Рец.: *Масленников А. А.* // Вестник РГНФ. 2012. № 1 (66).
169. ЭКСКУРСЫ В ИСТОРИЮ ПИСЬМА (Знак и значение). Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Изд-во ЛКИ, 2010. – 154 с., в т. ч. 50 рис. (с. 123–154). – См.: 88 (1-е изд.).
170. The language nature of mythical mentality // *Lucrările simpozionului internațional: Cartea. România. Europa. Ed. a II-a – 20–24 sept. 2009*.

-
- 550 de ani de la prima atestare a oraşului Bucureşti / Ed. by Adina Berciu, Rodica Pop, Julieta Rotaru. Bucureşti, 2010. P. 716–719 (Biblioteca metropolitană Bucureşti).
171. Тюркские заимствования в лексико-тематической группе «Названия одежды» (Предварительные данные словаря «Тюркизмы в Юго-Восточной Европе») // *RESEE*. 2010. Т. 48. N 1–4. P. 25–69 (Acad. Roumaine. Inst. d'études sud-est européennes). (вместе с А. Х. Гирфановой).
172. La conception mythologique et l'histoire de religions chez Mircea Eliade // *Analele Univ. Spiru Haret. Seria Filologie. Limba și literatura română*. 2010. N 11. P. 43–48. См.: 92.
173. [Пер. с фр.: Письмо Н. Факици к вел. кн. Михаилу Павловичу от 13 июня 1807 г.] // *И. А. Вознесенская*. Из истории русско-греческих связей начала XIX в. (на материале документов из собрания ВИМАИВиВС) // Каптеревские чтения. 8 / Отв. ред. М. В. Бибииков. М.: ИВИ РАН, 2010. С. 172–177 (см.: с. 172–173)
174. Цветообозначения тюркского происхождения в языках Юго-Восточной Европы (монохромные и смешанные тона) // Балканский спектр: от света к цвету. Балканские чтения 11. Тезисы и материалы. 22–24 марта 2011 г. / Редколл.: М. М. Макарец, И. А. Седакова, Т. В. Цивьян. М.: ПРОБЕЛ-2000, 2011. С. 174–181 (Институт славяноведения РАН. Центр лингвокультурных исследований «Balcanica») (вместе с А. Х. Гирфановой).
175. К юбилею Онуфрии Винцелера // *Славяноведение*. 2011. № 2. С. 122–123. – То же: 176.
176. Восемьдесят лет профессору Онуфрии Винцелеру // *Im onorem magistri Onufrie Vinteler* // Coord. Diana Tetean. Cluj-Napoca: Ed. Napoca Star, 2011. P. 45–46. – То же: 175.
177. Din nou *Crăciunul* [И снова *Крэчун*] // *Ibid.* P. 277–281.
178. [Пер. с фр.: Заметки императрицы Марии Федоровны, письма вел. кн. Павла Петровича и вел. кн. Марии Федоровны к К. И. Кюхельбекеру, Е. К. Фридеричи и др.] // *Семевский М. И.* Павловск: очерк истории и описание: 1777–1877 / [Послел.: Г. В. Семёнова]. СПб.: Коло, 2011. С. 352–452.
179. Речевое мышление и высказывание (к содержанию сосюрговских понятий *langage, langue* и *parole*) // *Laurea Logae: Сборник памяти Ларисы Георгиевны Степановой* / Отв. ред.: Ст. Гардзонио, Н. Н. Казанский, Г. А. Левинтон. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 53–67.
180. [Пер. с фр.: доклад Э. Паскаля в Акад. наук; письмо Н. И. Перовского к А. Н. Голицину] // *Тункина И. В.* открытие Феодосии.

- Страницы археологического изучения Юго-Восточного Крыма и начальные этапы истории Феодосийского музея древностей. Киев: Изд-во «Болеро», 1911. С. 49–50, 119–120.
181. Цветообозначения тюркского происхождения в языках Юго-Восточной Европы (хроматические тона) // *Identitate, etnecitate, limbă în Sud-Estul Europei. Actele Colocviului organizat de Institutul de Studii Sud-Est Europeene din București și Institutul de Studii Lingvistice din Sankt-Petersburg, 29 septembrie, 2010, București / Coord. volumului Cătălina Vătășescu ; Red. Zamfira Mihail, Manuela Nevaci. București: Ed. Biblioteca Bucureștiului, 2011. P. 81–95 (Institutul de Studii Sud-Est Europeene al Acad. Române, Biblioteca metropolitană București) (Biblioteca de studii Sud-Est Europeene. 3 / Coord. colecției Nicolae-Șerban Tanașoca) (вместе с А. Х. Гирфановой и Ю. А. Лопашовым).*
182. Turkish military and administrative vocabulary for Balkan Realities // 55th PIAC Annual Meeting, Hierarchy and Status in the Altaic World. July 22–27 2012, Cluj-Napoca, Romania: Program. Abstracts. [Cluj Napoca], [2012]. P. [10] (The Babeș-Bolyai Univ. of Cluj-Napoca, The Institute of Turkology and Central Asian Studies, under the Patronage of the Romanian Academy) (на правах рукописи; вместе с А. Х. Гирфановой).
183. V. K. Arsen'ev's Studies of Oroch and Udege // *Barbara Kellner-Heinkele, Elena V. Boykova, Bridgite Heuer* (eds.). *Man and Nature in the Altaic World. Proceedings of the 49th Permanent International Conference, Berlin, July 30 – August 4, 2006.* Berlin: Klaus Schwarz Verl., 2012. P. 140–145 (Studien zur Sprache, Geschichte und Kultur der Türkvölker. Bd 12 / Hrsg. von György Hazay) (вместе с А. Х. Гирфановой).
184. О гипотетических и реальных изоглоссах в топонимии // Албанская филология, балканистика, проблемы языкознания. Материалы международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения члена-корреспондента РАН А. В. Десницкой. 27–30 сент. 2012 г. СПб., «Нестор-История», 2012. / Отв. ред Н. Л. Русаков. С. 91–96 (вместе с А. Х. Гирфановой и Ю. А. Лопашовым).

Список сокращений

- АН СССР – Академия наук СССР (ныне РАН)
БАН – Библиотека Академии наук
БЕ – *Балканско езикознание –Linguistique Balcanique* (София)
БФАН – Башкирский филиал АН СССР (Уфа)
ВИМАИВиВС – Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи (С.-Петербург)

ВГПИ – Вологодский педагогический институт
ВЯ – Вопросы языкознания (М.)
ГО – Географическое общество СССР (ныне РГО)
ДВО РАН– Дальневосточное отделение РАН
ИВИ – Институт всеобщей истории РАН (Москва)
ИИЯ – Институт иностранных языков, Санкт-Петербург
ИИЯЛ – Институт истории языка и литературы БФАН СССР (Уфа)
ИЛИ – Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург)
ИМК – Институт мировой культуры при МГУ
ИМЛИ – Институт мировой литературы РАН (Москва)
ИРЛИ – Институт русской литературы РАН (Пушкинский дом, С.-Петербург)
ИС – Институт славяноведения РАН (Москва)
ИСБ – Институт славяноведения и балканистики АН СССР (Москва, ныне ИС РАН)
ИЭ – Институт этнографии АН СССР (ныне Институт этнологии и антропологии (Москва) и Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера, С.-Петербург)
ИЯ – Институт языкознания РАН (Москва)
КГУ – Калининский государственный университет (Калинин, ныне Тверь)
ЛГПИ – Ленинградский государственный институт им. А. И. Герцена (ныне РГПУ)
ЛГУ – Ленинградский государственный университет (ныне СПбГУ)
ЛО – Ленинградское отделение
ЛО ИЯ – Ленинградское отделение Института языкознания АН СССР (ныне ИЛИ РАН)
МГУ – Московский государственный университет
ОИАК – Общество изучения Амурского края (Владивосток)
ОЛЯ – Отделение литературы и языка АН СССР
ООН – Отделение общественных наук АН МССР (Кишинев)
РАН – Российская академия наук
РГО – Российское географическое общество
РГПУ – Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург)
РЖ – Реферативный журнал
СПбГУ – Санкт-Петербургский государственный университет
СПбГУЭФ – Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов
СЭ – Советская этнография (М.)

ЯРД – *Язык и речевая деятельность* (Изд. СПбГУ; Петербургское лингвистическое общество)

PAN – Polska Akademia nauk

RESEE – *Revue des études sud-est européennes* (Bucarest).

RLiR – *Revue de linguistique romane* (Paris)

А. В. Андреев

ФОРМАЛЬНАЯ ЛОГИКА КАК ИНСТРУМЕНТ ГРАММАТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

В европейской научной традиции логика и грамматика были теснейшим образом связаны с момента их зарождения. По сути дела, тенденция отождествлять логические и грамматические категории сохранялась вплоть до второй половины XIX века, когда с возникновением младограмматизма интерес лингвистов сместился от изучения языковых универсалий к описанию конкретно-исторических языковых явлений. Такое же снисходительное отношение к логике сохранилось и во многих течениях структурализма, в первую очередь, разумеется, в дескриптивизме. Резкое противопоставление логического и грамматического в «новой» лингвистике стало настолько общим местом, что многие структуралисты (такие как Ельмслев, Трубецкой и др.), стремясь переделать языкознание по образцу и подобию естественных наук, как это ни парадоксально, старательно избегали использовать лежащий в их основе формально-логический аппарат, изобретая своего рода особую «лингвистическую» логику (Ревзин 1967). Появление во второй половине XX века генеративизма только усугубило этот разрыв (Lenci 2009).

При этом в науке XX века нет недостатка в логических исследованиях языка, как собственно лингвистических, так и в философских, в первую очередь, разумеется, в русле аналитической философии, как-то, например, «Логический синтаксис языка» Р. Карнапа (Carnap 1937). Однако между этими исследованиями и логико-философскими грамматиками XVII–XVIII вв. есть очень существенное различие. То, что обычно называется логическими исследованиями языка в XX веке, есть по сути изучение языка как средства выражения априорных логических структур, как средства структурирования мысли. Для философских же грамматик, в особенности для направления, заложенного Арно и Лансло

в «Грамматике Пор-Рояля», напротив, логика есть средство описания языка, своего рода метаязык грамматики: например, своеобразная теория глагола «Грамматики Пор-Рояля», как известно, напрямую следует из логической теории Арно (Реферовская 1996). Сейчас очевидно, что логика аристотелевского типа не очень подходит на роль такого метаязыка — с чем, вероятно, отчасти и связан отход лингвистики от логики в XIX в. Тем не менее, не нужно забывать, что «логические» грамматисты соответствовали современному им уровню развития логики, если не опережали его; к сожалению, приходится признать, что до сих пор есть немало исследований, оперирующих по сути логикой XVIII века, а не XX, так что слова «логический» и «логика» в их заглавиях служат не более чем декоративной цели.

Между тем, именно формальный аппарат логики получил в XX веке мощнейшее развитие, не в последнюю очередь благодаря освобождению от оков естественного языка. Однако вопреки надеждам Куайна, писавшего, что «можно ожидать, что эти реформы [осуществленные Фреге и Расселом — А. А.] прольют свет на обыденный язык, с которым они порывают» (Quine 1961), формально-логическими исследованиями языка занимаются в основном логики, а не собственно лингвисты. Развитие логики в XX веке происходило в основном в двух направлениях: во-первых, разного рода ограничение базовых принципов, что приводит с одной стороны к интуиционистской или конструктивной логике¹, а с другой стороны — к подструктурным логикам, о которых будет сказано ниже); во-вторых, выход за пределы противопоставления «истина—ложь», что дает различные виды *модальных* логик. Не в последнюю очередь появление этих неклассических логик связано со стремлением адекватно отразить те или иные свойства естественных языков.

Начать следует с наиболее известного класса логико-грамматических формализмов, известного как *категориальные грамматики*. Теория категориальных грамматик исторически

¹ Разница между конструктивизмом и интуиционизмом с философской точки зрения очень велика, но здесь не место ее обсуждать. Однако с формальной точки зрения и то, и другое приводит к одинаковым логическим системам, поэтому в современной литературе эти понятия часто используются как взаимозаменяемые.

возникла из теории семантических категорий Станислава Лесневского (Lesniewsky 1929). Категории Лесневского еще не имеют прямого отношения к грамматике естественных языков, хотя сама идея, безусловно, возникла под влиянием традиционного понятия о частях речи. Теория Лесневского задумывалась им, с одной стороны, как реализация программы, заложенной Э. Гуссерлем в его учении о *Bedeutungskategorien*, а с другой — как средство преодоления ограничений простой теории типов Б. Рассела; и то, и другое, в свою очередь, представляет собой попытку устранить из логики некоторые виды антиномий посредством введения ограничений на сочетание логических выражений. Новаторство Лесневского состоит в введении очень простого правила для сочетаемости категорий: если x принадлежит к категории p/q , а y — к категории p , то xy принадлежит к категории q . Идеи Лесневского оказали огромное влияние на дальнейшее развитие логики, хотя сам он не оставил последовательного изложения своей теории, рассматривая ее, по-видимому, просто как вспомогательный рабочий инструмент. Такое формальное изложение было предпринято в 1935 другим польским логиком Казимиром Айдукевичем (Ajdukewicz 1935). Содержательно он мало что добавил к идеям Лесневского, однако им был совершен шаг, принципиально важный для возникновения категориальных грамматик: теория Айдукевича относится уже не к смыслу, а к *форме* (т. е. синтаксису) логических выражений. И Айдукевич, и Лесневский скептически относились к возможности анализа естественного языка с помощью своих теорий, однако именно это осуществил И. Бар-Хиллель в начале 1950-х гг. (Bar-Hillel 1953). В сущности, он внес два изменения в теорию Айдукевича: разрешение одному выражению принадлежать к нескольким категориям (что, заметим, делает построения Бар-Хиллеля непригодными для изначальных логических целей Лесневского и Айдукевича); и замену одного категориального оператора на два, соответствующие левому и правому присоединению, что, разумеется, имело целью отразить линейный порядок элементов (слов) в выражении (предложении). Собственно, именно с этого момента можно говорить уже собственно о категориальных грамматиках. Идеи Бар-Хиллеля были поначалу с энтузиазмом восприняты лингвистами, однако

после публикаций работ Харриса и Хомского интерес к ним в значительной мере увял, так как контекстно-свободные грамматики на тот момент казались более естественным средством описания языка, нежели категориальные (при этом формальная эквивалентность категориальных и контекстно-свободных грамматик была доказана очень быстро – Bar-Hillel 1960). Вновь интерес к этому формализму со стороны прикладной лингвистики возник уже только в 1980-е годы, когда было обнаружено, что категориальные грамматики гораздо лучше выводятся из текста, нежели контекстно-свободные (см. Buszkowski 1990).

Следует заметить, что теория Бар-Хиллеля, хотя и имеет свои корни в логике, не является сама по себе логической теорией, это скорее алгебраическая система (не зря сам Бар-Хиллель называл ее «квазиарифметической нотацией»). Бар-Хиллель отмечал параллелизм между категориальными операторами и логическим правилом *modus ponens*. Однако в подлинно логический формализм категориальные грамматики превратились благодаря работам И. Ламбека (Lambek 1958). Система Ламбека удовлетворяет всем требованиям, предъявляемым к формальным системам (см. напр.: Столл 1968) и, вероятно, именно поэтому оказалась гораздо менее понятой лингвистами, нежели формализм Бар-Хиллеля. С другой стороны, логика Ламбека является исторически первой из т. н. подструктурных (substructural) неклассических логик, исследования в области которых оказались весьма важными как для формальной логики в целом, так и для некоторых ее приложений, связанных с информатикой (см. напр.: Girard 1987). Суть дела очень проста: если в классической логике (и многих других логиках) посылки всегда могут быть переставлены местами, в исчислении Ламбека существуют не одна, а две связки импликации, соответственно, два правила аналогичных правилу *modus ponens*, отличающихся порядком, в котором перечисляются посылки (в остальном же исчисление Ламбека аналогично классическому исчислению высказываний). Следствием этого является изоморфизм между синтаксической структурой предложения и формой дерева логического вывода. Отметим, что исчисление Ламбека является по сути примером конструктивной логической системы, хотя формально его и нельзя назвать собственно конструктивным – это положительная

логика, в которой проблемы, отличающие конструктивные (интуиционистские) системы от неконструктивных, просто не могут возникнуть. Тем не менее, поскольку основной задачей синтаксического анализа является не просто установление грамматической правильности фразы и уж тем более не установление существования правильных фраз в целом, а именно построение структуры предложения, а аналогом этой структуры в исчислении Ламбека является, как уже было сказано, дерево доказательства — исчисление Ламбека вполне может быть объявлено конструктивным.

Дальнейшее развитие идей категориальных грамматик привело к возникновению т. н. типо-логических (type-logical) грамматик. Основная идея их — увеличение количества категориальных операторов, т. е. логических связок типа импликации, с целью получить больший контроль над структурными свойствами различных конструкций (так, некоторые из этих связок могут оказаться амбивалентными с точки зрения порядка элементов, как классическая импликация, что особенно важно для представления языков со свободным порядком слов) (Moortgat 1996). Такой подход сближает категориальные грамматики с модальными логиками. Также предпринимались попытки непосредственного представления в виде логических связок таких лингвистических явлений, как разрывные конструкции (Morrill 2007); существуют и формализмы, учитывающие морфологические значения элементов (см. напр.: Uszkoreit 1986). Таким образом, невозможно полностью согласиться с мнением К. И. Казенина, утверждающего что категориальная грамматика «пока не сложилась в виде полноценной научной парадигмы» (Казенин 2001: 664) — в некотором смысле, категориальные грамматики и не должны образовывать особой парадигмы, ибо они заимствуют ее у логики. С другой стороны, приходится признать, что постламбековские формализмы в большинстве своем лингвистам остаются почти неизвестными, так что анализ языка с их помощью оказывается уделом логиков, что не может не сказаться отрицательным образом на результате. Впрочем, помимо типологических грамматик существуют и другие пути развития базового исчисления Ламбека, в частности, комбинаторная категориальная грамматика М. Стивмена (Steedman 2000), которая,

оставаясь прочно связанной с логикой, тем не менее, разрабатывалась именно как инструмент (прикладной) лингвистики. Нужно отметить, что хотя подход Сидмена в некотором смысле ставит практическое удобство выше логической строгости, основные принципы комбинаторной категориальной грамматики совпадают с идеями типо-логических грамматик (введение нескольких разновидностей связок и т. п.). Система Сидмена опирается не на классическую логику, а на комбинаторную логику Кэрри (Curry 1958) (в целях обеспечения большей эффективности), что уже в явном виде подчеркивает конструктивный характер логических грамматик.

Особняком стоит аппликативная универсальная грамматика С. Шаумяна (Шаумян 1965). Она, как и теория Сидмена, опирается на логику Кэрри, однако, по всей видимости, С. Шаумян не вполне осознавал родства предложенной им системы с категориальными грамматиками. В полной мере оценить место работ Шаумяна в общей картине логических грамматик мешает тот факт, что он, к сожалению, использовал свою собственную терминологию, отличную как от общепринятой логической, так и лингвистической. К тому же, теория Шаумяна претерпела значительную эволюцию — так, если в более ранних работах он сознательно и последовательно разделяет (вслед за Кэрри) абстрактный и конкретный синтаксис (т. е. древовидные синтаксические структуры и их линейную реализацию) и поэтому не использует понятий, аналогичных левой и правой импликации в исчислении Ламбека, то более поздние варианты теории (Shaumian 1995) уже являются подструктурными в указанном выше смысле. Открытым остается и вопрос о степени влияния работ Шаумяна на Сидмена — во всяком случае, судя по библиографии, они были последнему известны, и список комбинаторов, приведенный Шаумяном в Шаумян 1974 в значительной степени совпадает с набором комбинаторов, использованным Сидменом, однако общая методологическая концепция этих подходов совершенно различна.

Хотелось бы указать еще на некоторые неточности в понимании категориально-грамматического подхода лингвистами, которыми, к сожалению, грешат многие лингвистические работы на эту тему, в частности Казенин 2001. Вариативность граммати-

ческой структуры вовсе не является отличительной чертой категориальных грамматик. Во-первых, такая вариативность с легкостью возникает и в подходе, основанном на порождающих (в частности, контекстно-свободных) грамматиках — в случае т. н. неоднозначных грамматик. Во-вторых, такая «излишняя» вариативность возникает только в некоторых вариантах категориальных грамматик (т. н. ассоциативное исчисление Ламбека и его производные); сам Ламбек склонялся то к неассоциативному, то к ассоциативному варианту (Lambek 1961). Более того, одной из задач модальных категориальных грамматик, о которых было выше сказано, является как раз устранение такой паразитической вариативности. Не следует также исключать возможности отбраковки лишних синтаксических вариантов (т. е. деревьев логического вывода) с помощью некоторой процедуры метауровня, выходящей за рамки собственно синтаксиса (напр. с учетом информационной структуры предложения). Далее, широко распространено убеждение, что исчисление Ламбека более выразительно, чем контекстно-свободные грамматики; это неверно: М. Пентус доказал, что полное исчисление Ламбека точно так же эквивалентно контекстно-свободным грамматикам, как и изначальная система Бар-Хиллеля (Pentus 1993). С другой стороны, некоторые виды типо-логических грамматик действительно позволяют описывать более широкий класс языков, чем контекстно-зависимые (Melissen 2009).

Перейдем теперь к обзору применения модальных логик в лингвистике. Вообще говоря, одним из стимулов к развитию модальных логик было как раз стремление описать те или иные явления естественных языков, однако в большей степени это относится к общей семантике, а не к грамматике. В первую очередь здесь следует упомянуть семантику Монтегю (Montague 1970), которая представляет собой попытку построения логической теории, эквивалентной по выразительности естественному языку (попытку, отметим, до сих пор не доведенную до завершения). С точки зрения собственно грамматического анализа представляет интерес модель этой логической системы на основе категориальных грамматик, изложенная самим Монтегю в Montague 1973, но следует отметить, что категориальные грамматики используются Монтегю в их алгебраическом, а не в логическом смысле, что

представляет собой стандартную ситуацию в логике – алгебраическая структура как конкретная модель логического исчисления². Надо также отметить, что в дальнейшем гораздо большее развитие получила именно абстрактно-семантическая составляющая теории Монтегю, нежели формально-грамматическая. Впрочем, следует упомянуть и об одной сравнительно недавней теории, называемой «грамматика высшего порядка» (Higher-Order Grammar) (Pollard 2004)³, которая представляет собой последовательное построение логически обоснованной грамматической теории – от семантики в стиле Монтегю до конкретного фонологического представления.

Тем не менее, одна из разновидностей модальной логики напрямую возникла из задач грамматического анализа; речь идет о временной (темпоральной) логике. Изначально временная логика была разработана Артуром Приором (Prior 1957) именно для анализа грамматического времени (отсюда ее название – Tense Logic). Дальнейшая судьба временной логики оказалась сходной с судьбой исчисления Ламбека — исследования в области темпоральных логик являются одной из осевых линий современной формальной логики; более того, они находят широкое применение в прикладных задачах информатики; однако последовательной лингвистической теории на их основе, увы, не возникло. Однако есть еще одно дополнительное обстоятельство: методы, восходящие к временным логикам, оказались применимыми для описания синтаксиса (Blackburn 1993). В самом деле, если рассматривать предложение как последовательность элементов, то возможно описать ограничения на допустимые последовательности, используя линейное следование как аналог временного следования (хотя для полноценного описания

² Иногда можно встретить утверждение о том, что работы Монтегю послужили основой для теории категориальных грамматик. Это очевидная ошибка, потому что, хотя теория Монтегю в синтаксическом отношении и опирается непосредственно на Айдукевича, работы Бар-Хиллеля и даже Ламбека были опубликованы задолго до работ Монтегю.

³ «Высший порядок» не означает здесь ничего сверхъестественного, а просто отсылает к логике высшего порядка, т. е. такой логике, в которой переменными могут быть не только объекты, но и пропозиции/предикаты

естественных языков такое представление оказалось не очень удобно; впрочем, см.: Rounds 1988). С другой стороны, процесс построения синтаксической структуры предложения тоже может быть переформулирован в терминах временной логики (хотя понятие «времени» здесь оказывается достаточно мало похожим на физическое время, в частности из-за отсутствия требования линейности).

Достаточно сложно охарактеризовать отношение к логике генеративистов хомскианского толка. С одной стороны, уже само определение генеративизма как «картезианской лингвистики» предполагает достаточно прозрачную отсылку к логико-философским грамматикам XVII–XVIII веков, противопоставляемым младограмматической и дескриптивистской традициям. С другой стороны, непосредственный интерес генеративистов (в узком смысле этого слова) к логическим основаниям языка и языкознания, по-видимому, незначителен, если не вовсе отсутствует. Парадокс заключается в том, что разработанные в рамках генеративизма формальные средства описания языка, начиная с контекстно-свободных грамматик, прекрасно интерпретируются именно как логические формальные системы. Более того, этот факт отлично известен и даже находит практическое применение в разработке систем автоматической обработки текста, однако известен он исключительно логикам, кибернетикам и даже прикладным лингвистам (Ковальский 1990), но отнюдь не лингвистам-теоретикам. Причины этой, по выражению Бар-Хиллеля, «удивительной изоляции» (Bar-Hillel 1969) не вполне понятны; возможно, дело в присущей хомскианцам общей тенденции строить лингвистический коммунизм в отдельно взятой научной школе; см. по этому поводу критический разбор Пуллэма (Pullum 2009) и его же анализ математических неточностей в *Syntactic Structures* Н. Хомского (Pullum 2011). По мнению же А. Ленчи и Г. Санду (Lenci 2009) дело в первую очередь в изначальной установке хомскианской лингвистики на когнитивно-психологическое описание языка.

Можно, однако, предположить, что здесь играют свою роль и более частные, собственно логические соображения. В самом деле, наиболее простой логической интерпретацией для правил КС-грамматики являются так называемые монадические хорнов-

ские предложения: правилу $A \rightarrow B_1 \dots B_n$ соответствует импликация $\forall x_1 \dots \forall x_n. B_1(x_1) \wedge \dots \wedge B_n(x_n) \rightarrow A(x_1 \cap \dots \cap x_n)$, где \cap — оператор конкатенации. Легко заметить, что логическое правило работает «не в ту сторону»: не как правило порождения, а как правило *интерпретации*. Обращение импликации может быть произведено, но получающаяся формула окажется значительно менее элегантно: $\forall x. A(x) \rightarrow \exists x_1 \dots \exists x_n. B_1(x_1) \wedge \dots \wedge B_n(x_n) \wedge x = x_1 \cap \dots \cap x_n$. В любом случае, ничто в логической интерпретации грамматических правил не указывает на какой-то их особый выделенный когнитивный статус, по сравнению с другими мыслительными структурами — что, разумеется, в рамках классического генеративизма совершенно неприемлемо.

Дж. Пуллэм проводит очень резкую грань (Pullum 2005) между логическими основаниями порождающей грамматики и тем, что он называет теоретико-модельным (model-theoretic) синтаксисом (примером которого является упомянутое выше применение модальных логик к синтаксису), причем он полагает второй подход гораздо более адекватным инструментом для описания естественного языка. Не вдаваясь в содержательный анализ этого утверждения, нам бы хотелось заметить, что с формальной точки зрения оно все-таки слишком категорично. Любая логическая теория обычно включает в себя как порождающий компонент (собственно, набор правил вывода; то, что входит в понятие «теории доказательства» (proof theory)), так и набор моделей (model theory), обычно использующих те или иные алгебраические структуры (см. выше о семантике Монтегю). В этом смысле множество реальных предложений естественного языка всегда представляет собой именно модель грамматики, если рассматривать ее как логическое исчисление. На наш взгляд, различные грамматические теории действительно отличаются по своим логическим основаниям, но это различие в другом. В первую очередь, следует определить, претендует ли данное исчисление на эквивалентность (в каких-то аспектах) с естественным языком, или оно просто представляет собой метаязыковое описание. Таким образом, категориальные грамматики, семантика Монтегю или временная логика как инструмент описания грамматического времени все окажутся в первом классе, а порождающие грамматики

или модальные грамматики строк и деревьев — во втором. С другой стороны, следует проводить различие между конструктивными и неконструктивными логическими исчислениями — и из рассмотренных формализмов безусловно конструктивным являются только категориальные грамматики. Мы имеем таким образом таблицу из четырех клеток (объектное описание vs метаописание, конструктивное vs неконструктивное), одна из которых остается незаполненной:

	эквивалентность	метаописание
неконструктивная логика	семантика Монтегю	порождающие грамматики; грамматики на основе модальных логик
конструктивная логика	исчисление Ламбека и т. п.	?

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что формально-логический анализ практически не касался парадигматических (а тем более, диахронических) аспектов языка; также практически без внимания остался уровень морфологии, особенно в том, что касается морфологических операций, а не значений. Здесь нельзя не упомянуть о том, что вообще-то математическое описание таких элементов морфологического уровня, как категории падежа или рода, вполне возможно; более того, оно осуществлялось в рамках теоретико-множественного подхода (Ревзин 1967; Маркус 1970), в принципе допускающего элементарную переформулировку в терминах логики однако такая переформулировка никогда осуществлена не была. Приходится также признать, что широкому применению логики в лингвистике мешает активное использование новейших неклассических логических исчислений. Мы рискуем выдвинуть предположение, что можно было бы добиться значительных успехов в деле построения логически обоснованной грамматики, включающей в себя описание явлений разных уровней, если попытаться построить логическую теорию грамматики так, как это происходит с формальными теориями в математике — т. е. как расширение базовой логической теории, в качестве которой выступает стандартное

исчисление предикатов или, может быть, близкий к нему конструктивный формализм — заполнив наконец ту самую четвертую пустую клетку в таблице логико-грамматических теорий.

Такая теория могла бы строиться в общих чертах следующим образом. Рассмотрим универсум языковых форм, который строится индуктивным образом из некоторых примитивных элементов (напр., морфем) и ряда операций (напр., образования синтаксической конструкции из составляющих или, с другой стороны, образование парадигматического ряда). Далее, грамматические категории рассматриваются экстенционально как множества таких форм; каждому такому множеству, естественно, соответствует предикат. Помимо таких одноместных предикатов естественно предположить существование как минимум еще двухместных предикатов, выражающих отношения между формами, например, валентности. Эти предикаты затем определяются с помощью системы аксиом, аналогично тому, как это происходит, допустим, в формальной арифметике; при этом желательно, чтобы предикаты задавались бы также индуктивно. В рамках такого подхода, как кажется, можно достаточно удобно представлять любые, сколь угодно сложные, языковые явления, при этом от лингвиста требуется владение только основами формальной логики. С другой стороны, есть возможность воспользоваться большим количеством автоматизированных инструментов, разработанных для классической или интуиционистской логики, которые попросту не существуют для неклассических логик. Наконец, если описываемая система будет строиться в рамках конструктивного подхода, то построение на ее основе механических средств грамматического анализа также окажется сравнительно простой задачей, независимо от исходного набора грамматических средств.

Литература

- Казенин К. И. Категориальная грамматика // Введение в общий синтаксис / Тестелец Я. Г. М.: РГГУ, 2001. С. 664–692.
Ковальский Р. Логика в решении проблем. М.: Наука, 1990.
Маркус С. Теоретико-множественные модели языков. Пер. с англ. М. В. Арапова. М., Наука, 1970.
Ревзин И. И. Метод моделирования и типология славянских языков. М., Наука, 1967.

- Реферовская Е. А. *Философия языка и грамматические теории во Франции (из истории лингвистики)*. СПб.: Петербург-XXI век, 1996.
- Столл Р. Р. *Множества. Логика. Аксиоматические теории*. Пер. с англ. Ю. А. Гастева и И. Х. Шмайна. М., Просвещение, 1968.
- Шаумян С. К. *Структурная лингвистика*. М., Наука, 1965.
- Шаумян С. К. *Апplikативная грамматика как семантическая теория естественного языка*, М., Наука, 1974.
- Ajdukiewicz K. *Die syntaktische Konnexität* // *Studia Philosophica* 1, Lwów, 1935. S. 1–27.
- Bar-Hillel Y. *A Quasi-Arithmetical Notation for Syntactic Description* // *Language*, Vol. 29, No. 1, Linguistic Society of America, 1953. P. 47–58
- Bar-Hillel Y. *On Categorical and Phrase Structure Grammars* // *The Bulletin of the Research Council of Israel*, vol 9F, 1960, pp. 1–16.
- Bar-Hillel Y. *Universal Semantics and Philosophy of Language: quandaries and prospects* // *Substance and Structure of Language* (ed. by J. Puhvel), Berkley and Los Angeles, University of California Press, 1969. P. 1–21.
- Blackburn P., Gardent C., Viol W. M. *Talking about trees* // *Proceedings of the 6th Conference of the European Chapter of the Association for Computational Linguistics*, 1993. P. 21–29.
- Buszkowski W., Penn, G. *Categorical grammars determined from linguistic data by unification* // *Studia Logica*, Vol. 49, No. 1, Springer, 1990. P. 431–454.
- Carnap R. *The Logical Syntax of Language*. Tr. by A. Smeathon, London, : Kegan Paul Trench, Trubner & Co., 1937.
- Curry H. B., Feys R. *Combinatory Logic*. Vol. I. Amsterdam: North Holland, 1958.
- Girard, J.-Y. *Linear logic* // *Theoretical Computer Science*, Vol. 50, no. 1, 1987. P. 1–102.
- Lambek J. *The mathematics of sentence structure* // *American Mathematical Monthly*, 65, 1958. P. 154–170.
- Lambek J. *On the calculus of syntactic types* // *Structure of Language and its Mathematical Aspects* (ed. by R. Jacobson), *Proceedings of the Symposia in Applied Mathematics (Volume XII)*, American Mathematical Society, 1961. P. 166–178.
- Lenci A., Sandu G. *Logic and Linguistics in the Twentieth Century* // Напаранта L. *The Development of Modern Logic*. Oxford University Press, 2009.
- Leśniewsky S. *Grundzüge eines neuen System der Grundlagen der Mathematik* // *Fundamenta Mathematicae XIV*, Warszawa, 1929. P. 1–81.
- Melissen M. *The generative capacity of the Lambek-Grishin calculus: A new lower bound* // *Proceedings 14th Conference on Formal Grammar, Lecture Notes in Computer Science (Volume 5591)*, Berlin: Springer, 2009.
- Montague R. *Universal grammar* // *Theoria*, Vol. 36, 1970. P. 373–398.
- Montague R. *The Proper Treatment of Quantification in Ordinary English* // *Approaches to Natural Language*, Dordrecht, 1973. P. 221–242.
- Moortgat M. *Multimodal linguistic inference* // *Journal of Logic, Language and Information*, Vol 5, No 3–4, 1996. P. 349–385.

- Morrill, G., Fadda M., Valentin O. Nondeterministic discontinuous Lambek calculus // Proceedings of the Seventh International Workshop on Computational Semantics (IWCS7), Tilburg, 2007.
- Pentus M. Lambek grammars are context free // Proceedings of the 8th Annual IEEE Symposium on Logic in Computer Science, IEEE Computer Society Press, 1993. P. 429–433.
- Pollard C. Higher-Order Categorical Grammar // Proceedings of the Conference on Categorical Grammars (CG2004), Montpellier, France, 2004. P. 340-361.
- Prior A. Time and Modality. Oxford: Oxford University Press, 1957.
- Pullum G. K., Scholz B. C. Contrasting applications of logic in natural language syntactic description // Logic, Methodology and Philosophy of Science: Proceedings of the Twelfth International Congress, London, 2005. P. 481–503.
- Pullum G. K. Computational linguistics and general linguistics: the triumph of hope over experience // EACL 2009 Workshop, "The Interaction between Linguistics and Computational Linguistics: Virtuous, Vicious or Vacuous?", ACL, 2009. P. 12–21.
- Pullum G. K. On the mathematics of Syntactic Structures // Journal of Logic, Language and Information, Vol. 20, 2011. P. 277–296.
- Quine W. van O. Logic as a Source of Syntactical Insights // Proceedings of Symposia in Applied Mathematics, Vol. 12, American Mathematical Society, 1961. P. 1–5.
- Rounds W. LFP: A Logic For Linguistic Descriptions And An Analysis Of Its Complexity // Computational Linguistics Journal, Vol. 14, No. 4, 1988, pp. 1–9
- Shaumian S., Hudak P. Using Types to Parse Natural Language // Proceedings of Glasgow Functional Programming Workshop, IFIP, Springer Verlag, 1995.
- Steedman M. The Syntactic Process. Cambridge, MA: MIT Press, 2000
- Uszkoreit H. Categorical Unification Grammar. // Proceedings of the 11th International Conference on Computational Linguistics, Bonn, 1986. P. 187–194.

Н. А. Бондарко

**СИНТАКСИЧЕСКАЯ И СЕМАНТИЧЕСКАЯ АСИММЕТРИЯ
В ЛАТИНСКОМ «ПОСЛАНИИ К БРАТИИ МОН-ДЬЁ» ВИЛЬГЕЛЬМА
ИЗ СЕН-ТЬЕРРИ И ЕГО СРЕДНЕВЕРХНЕНЕМЕЦКОМ ПЕРЕВОДЕ***

В настоящей работе представлена часть результатов исследования, посвященного способам языкового выражения идеи порядка и упорядоченности в латинской и немецкой духовной прозаической литературе Германии XIII – начала XIV в. Выбор именно этого семантического комплекса не случаен: с представлением о необходимости упорядочения поведения и повседневных привычек человека духовной жизни («внешнего человека»), а также душевных стремлений и переживаний («внутреннего человека») ¹ оказывается связана сама цель написания духовно-назидательных трактатов, рассматриваемых их авторами как руководства к практическому действию. Именно концепция постепенного упорядочения человека на его пути к мистическому союзу с Богом определяет композицию многих текстов подобного рода и отбор языковых стратегий описания этого пути.

* Работа выполнена в рамках научного проекта «Языковое взаимодействие в условиях становления литературных традиций», поддержанного Федеральной Целевой Программой РФ «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы (лот № 4 «Поддержка научных исследований, проводимых научными группами под руководством кандидатов наук в области филологических наук и искусствоведения»), № 2012–1.2.2–12–000–3004–034. За обсуждение ряда аспектов исследования – в частности, проблематики, связанной с языковыми стратегиями средневековых переводчиков, – я благодарен Николаю Леонидовичу Сухачеву и рад предложить его вниманию настоящую статью.

¹ О противопоставлении «внешнего» и «внутреннего человека» в западной богословской традиции, заложенном в посланиях ап. Павла и получившем распространение прежде всего благодаря бл. Августину, – см.: Bohl 2000: 290–302, там же литература вопроса.

Материалом анализа лексических и синтаксических средств, служащих для выражения интересующей нас семантики, прежде всего является корпус латинских и немецких текстов, часть которых принадлежит Давиду Аугсбургскому (ум. в 1272 г.), францисканскому наставнику новициев в Регенсбурге и Аугсбурге, а часть (речь идет о немецких трактатах) – его ученикам. Из всего корпуса текстов были отобраны наиболее репрезентативные пассажи (всего 71, объемом от одного предложения до отдельной главы, состоящей из нескольких самостоятельных предложений): в них с большей или меньшей степенью полноты обнаруживаются разные аспекты семантического комплекса, в котором идея упорядочения и упорядоченности разных сторон человеческой личности занимает центральное место. При этом 39 пассажей взяты из трехчастного латинского трактата Давида Аугсбургского «О формировании внешнего и внутреннего человека в соответствии с тройким положением начинающих, продолжающих и совершенных» («De exterioris et interioris hominis compositione secundum triplicem statum incipientium, proficientium et perfectorum»), написанного между 1245 и 1250 гг. В южнонемецких текстах францисканской традиции обнаруживаются многочисленные цитаты и переложения отдельных мест этого объемного труда².

² Примеры реализации семантики упорядоченности были обнаружены и отобраны из следующих текстов: 1) латинский трактат «О формировании внешнего и внутреннего человека» Давида Аугсбургского (в последнем издании 1899 г. – DA); 2) приписываемые этому автору небольшие трактаты 3-й четверти XIII в. на средневерхненемецком языке: «Зеркало добродетели» («Der Spiegel der Tugend»), «Семь начальных правил добродетели» («Die sieben Vorregeln der Tugend»), и «Жизнь Христа – наше зеркало» («Christi Leben unser Vorbild») – по старейшему списку M₂ Баварской Государственной библиотеки Мюнхена (Cgm 183, ок. 1300 г.) в сопоставлении с изданием Фр. Пфайффера 1845 г. (DM I); 3) сборник немецких духовных текстов «Сад духовных сердец» («Geistlicher Herzen Bavngart»), составленный аугсбургскими францисканцами в последней трети XIII в. в значительной мере на основе произведений Давида Аугсбургского и Бертольда Регенсбургского (BgH); 4) наконец, трактат «Послание к братии Мон-Дьё» Вильгельма из Сен-Тьерри (Epistola) вместе с его средневерхненемецким переводом конца XIII в.

В настоящей работе будет рассмотрен текст, занимающий особое место в корпусе латинской и средневерхненемецкой прозы XIII – начала XIV вв. хотя бы уже потому, что он имеет цистерцианское происхождение: это латинский духовно-назидательный и мистико-богословский трактат «Послание к братии Мон-Дьё» («*Epistola ad fratres de Monte Dei*»), в средневековой традиции известный также как «Золотое послание» («*Epistola aurea*»), и его перевод на средневерхненемецкий язык³. Автором латинского трактата, адресованного монахам-картузианцам из монастыря Мон-Дьё (*Mons Dei*) в Арденнах и датированного 1144–1146 гг., был цистерцианский монах Вильгельм из Сен-Тьерри (1075/80–1148) – друг и последователь Бернарда Клервоского. Ему принадлежит также несколько богословских трудов, посвященных теории мистического богопознания⁴. Около 1300 г. в Аугсбурге или его окрестностях был выполнен перевод с Монте-Кассинской редакции «Золотого послания»⁵, который сохранился в двух южнонемецких списках начала XIV в.⁶

³ Средневерхненемецкий текст приводится здесь по изданию Ф. Хонемана 1978 г.; представленный в этом же издании латинский текст Монте-Кассинской редакции приводится Хонеманом по материалам Ж. Дешане (*Déchanet* 1975) – в настоящей работе он цитируется как *Epistola*.

⁴ Одним из последних историко-богословских исследований, посвященных «Золотому посланию», является двухчастная работа М. Пфайфер (*Pfeifer* 1994; *Pfeifer* 1995), содержащая подробный комментарий к тексту; см. там же подробный обзор исследовательской литературы по данному памятнику.

⁵ Как было установлено Ф. Хонеманом, перевод был сделан с рукописи, принадлежавшей к Монте-Кассинской ветви рукописной традиции «Послания», см.: *Honemann* 1978: 140 и сл.; *Déchanet* 1975: 67–68. О влиянии латинского трактата на Давида Аугсбургского см.: *Heeringh* 1933; *Bohl* 2000: 133, с указанием списка дословных цитат из «Послания» в трактате «О формировании внешнего и внутреннего человека»; *Müller* 2003: 123. Некоторые семантико-синтаксические аспекты языка перевода и рассматривались мною в: *Bondarko* 2007; *Бондарко* 2008.

⁶ Основной список: Карлсруэ, Библиотека земли Баден (*Badische Landesbibliothek*), Cod. *Donaueschingen* 421. Подробное описание рукописи, в том числе и письменного диалекта, выполнено Хонеманом: *Honemann* 1978: 120–138). Ф. Хонеман предложил в качестве возможного местонахождения скриптория, из которого вышла хранящаяся в Карлсруэ рукопись цистерцианский монастырь Кайсхайм, находящийся к северу от Аугсбурга (*Ibid.*: 139). Вторая рукопись XIV в. утрачена,

Для изучения прозаической духовной литературы XIII – начала XIV вв. и ее языка важны как латинский текст, так и его перевод. Первый – потому, что его внимательно читал Давид Аугсбургский, который использовал в своей работе многие идеи автора (считая, что это был сам Бернард Клервоский). Второй – потому, что он был создан в той же самой среде аугсбургских францисканцев и близких к ним общин, в которой читали, переводили с латинского и переписывали труды Давида Аугсбургского и Бертольда Регенсбургского, собирали чужие душеполезные тексты и сочиняли собственные. Наряду с переводами правила Третьего ордена св. Франциска⁷ и небольшого латинского трактата Давида Аугсбургского «Семь степеней молитвы»⁸ немецкое «Золотое послание» является ранним и наиболее значительным по своему качеству и объему памятником переводческого искусства средневерхнемецкого периода. Этот текст является главным мостом, помогающим установить однозначные соответствия между немецкой лексикой трактатов и проповедей регенсбургско-аугсбургских францисканцев и лексикой их латинских источников. Именно поэтому целесообразно уделить ему особое внимание.

Анализ контекстов духовной прозы изучаемой традиции, в которых находит выражение идея упорядочения, позволяет

однако ее текст был полностью затранскрибирован германистом Карлом Ротом в Мюнхене между 1841 и 1856 гг. (см. Nonemann 1989). На основании ряда данных в качестве места ее происхождения предполагается женский цистерцианский монастырь Зелигенталь в Ландсхуте, а время написания определяется как 3-я четверть XIV в. (Nonemann 1989: 337–338; ср. Palmer 2005: 237–239). Проблема локализации немецкой рукописной традиции «Послания» затронута также в работе Н. Палмера, который отмечает, что сохранившийся список может происходить не только из Кайсхайма, но из любого женского цистерцианского монастыря того же региона (Palmer 2005: 237). Вопрос о том, в монастыре какой орденовой принадлежности появился архетип перевода, цистерцианской или францисканской, однозначному решению не поддается (Ibid.: 240–241). О других переводах и переложениях «Послания» на средневековые диалекты немецкого, а также на средненидерландский и старофранцузский языки, см. также в диссертации Хонемана.

⁷ См. Бондарко 2010, с перечнем памятников и актуальной исследовательской литературы.

⁸ См. Бондарко 2007.

выявить ряд смысловых компонентов, которые распределяются по четырем семантическим группам:

I. Упорядочение / упорядоченность человека, отдельных составляющих его личности и его жизнедеятельности.

II. Упорядочивающее действие Бога по отношению к его созданиям: творение / дарование / управление / устройство / предопределение / упорядочение.

III. Обновление «внешнего» и «внутреннего» человека и составляющих личности, переупорядочение и восстановление человеческой природы, поврежденной в результате грехопадения.

IV. Уподобление человека или составляющих его личности Богу (прямое или опосредствованное).

Таким образом, мы имеем дело со сложным смысловым континуумом, который можно обозначить в предельно обобщенном виде как комплекс, состоящий из четырех взаимосвязанных доминант: УПОРЯДОЧЕНИЕ – УСТРОЕНИЕ – ПРЕОБРАЗОВАНИЕ – УПОДОБЛЕНИЕ (далее УУПУ). Четыре основных компонента данного континуума могут быть представлены в разных контекстах как по отдельности (в рамках какой-то одной группы), так и комплексно. При этом необходимо оговорить, что из четырех групп основной и центральной (с точки зрения полноты реализации идеи упорядочения человека) является лишь первая, а смысловые комплексы и соответствующие лексемы остальных трех групп занимают более или менее периферийное положение и могут рассматриваться лишь в соотношении с семантикой первой группы⁹. Все четыре группы значений встречаются в одном общем пассаже редко, однако такие случаи есть, и они весьма характерны для богословских взглядов представителей цистерцианской и францисканской духовных традиций¹⁰.

⁹ По этой причине мы исключаем из сферы рассмотрения, в частности, главы 258–263 «Послания», посвященные специально теме уподобления человеческой души Богу и мистического единения, поскольку в них тема упорядочения души специально не затрагивается.

¹⁰ О богословских идеях упорядочения и уподобления человеческой души Богу в этих традициях и, в частности, у Вильгельма из Сен-Тьерри и Давида Аугсбургского, см.: Bohl 2000: 393–404; 406–408; 425–434;

В подтверждение этих слов приведем полностью текст гл. VI второй книги трактата Давида Аугсбургского «О формировании внутреннего и внешнего человека», в котором дается определение внутреннего обновления человека (*interior reformatio*):

Capitulum VI. *Interior reformatio in spiritu mentis consistit.*

Interior reformatio in spiritu mentis consistit, quia et interior homo et imago Dei est mens rationalis; exterior homo est corpus, quod ex defectu corruptionis, quae ex peccato provenit, languescit, moritur et incineratur; interior autem homo in bonis de die in diem renovatur et proficit in similitudinem eius, ad cuius imaginem creatus est. — Ratio reformationis haec est: anima tres habet potentias, sicut dictum est, rationem, voluntatem et memoriam. Ratio data erat ei, ut Deum agnosceret; voluntas, ut eum amaret; memoria, ut in eo quiesceret. Sed per peccatum ratio caeca facta est, voluntas curva et foeda, memoria instabilis et vaga. Ratio recipit saepius falsum pro vero; voluntas eligit deterius pro bono; memoria occupat se illis, quibus semper inquietatur, quia unum et summum bonum deseruit, in quo omnia bona poterat habere. Conversa vero ad Deum, incipit quaerere quod perdidit, et videns se deformatam ab eo, quod facta fuerat a Deo, laborat, ut in pristinum statum reparetur et ad decorem, quem amiserat, reformetur, quia non est ei accessus ad Deum propter dissimilitudinem in se factam. Sed quia non potest repente ad summum pervenire, studet paulatim accedere de infimo ad medium, de medio ad summum. (DA: 88).

Глава VI. Внутреннее обновление происходит в духе ума.

Внутреннее обновление происходит в духе ума¹¹, ибо внутренний человек и образ Божий есть разумная душа, [а] внешний человек – это тело, которое вследствие стремления к разложению, происходящего из [первородного] греха, увядает, умирает и тлеет; внутренний же человек изо дня в день обновляется¹² во благе и приближается к подобию Того, по чьему образу он был сотворен. – Смысл преобразования таков: душа обладает тремя способностями, как сказано, – разумом, волей и памятью. Разум дан ей, чтобы познавать Бога; воля – чтобы любить Его; любовь – чтобы

литературу вопроса см. особенно на с. 399–404, прим. 20–40, и 434, прим. 67–70; Pfeifer 1994: 218–232.

¹¹ Имеются в виду сущностные свойства ума – Ср. Еф. 4: 23–24 (Давид заимствует это выражение из Вульгаты: *renovamini autem spiritu mentis vestrae et induite novum hominem qui secundum Deum creatus est*).

¹² 2 Кор. 4: 16.

покоиться в Нем. Однако вследствие грехопадения разум сделался слеп, воля – крива и безобразна, память – ненадежна и изменчива. Разум чаще принимает ложное за истинное; воля выбирает худшее вместо хорошего; память занимает себя тем, что ее постоянно тревожит, ибо она пренебрегла одним и высшим благом, в котором она могла бы обладать и всеми [прочими] благами. Обратившись же к Богу, [душа] начинает искать то, что потеряла, и, видя, что перестала быть такой, какой была создана Богом, стремится вернуться в прежнее состояние и восстановить ту красоту, которую утратила, ибо нет ей дороги к Богу из-за наступившего неподобия. Однако поскольку она не может взойти на вершину сразу, то старается постепенно перебираться от нижнего к среднему, от среднего – к высшему.¹³

Семантика группы I представлена здесь в отрицательном модусе: распад и разложение человеческой природы в результате грехопадения прямо противоположен упорядочению души, достигаемого посредством добродетели. В центре пассажа находится проблематика, связанная с обновлением и восстановлением человека (группа III), которое ведет от состояния неподобия человека и Бога, разуподобленности души – обратно к богоподобию (группа IV). Таким образом восстанавливается божественный замысел, поскольку Бог создал душу прекрасной (т. е. упорядоченной) (группа II)¹⁴.

Саму идею формирования «внешнего человека» (*exterioris hominis compositio*) Давид Аугсбургский нашел именно в такой формулировке у Вильгельма из Сен-Тьерри (*Quia enim omnis, vel praecipue animalis hominis institutio circa exterioris hominis compositionem*¹⁵) и связал ее с обновлением, восстановлением «внутреннего человека» (*interioris hominis reformatio*). Для Давида – также, впрочем, как и для Вильгельма, – речь идет, как замечает К. Боль, «об упорядоченном состоянии и дисциплинированности соответственно внутреннего либо внешнего человека, или же – поскольку обе эти формы человеческого бытия взаимно обусловлены – человека в целом» (Bohl 2000: 433)¹⁶.

¹³ Здесь и далее перевод выполнен автором статьи – Н. Б.

¹⁴ Ср. Bohl 2000: 300–301.

¹⁵ Epistola: 311; см. пассаж № 1 ниже.

¹⁶ См. также прим. 1 в настоящей статье.

Обращаясь к изучению языковых средств выражения семантики УУПУ мы избираем синтаксически ориентированный подход и рассматриваем в качестве непосредственного объекта анализа актантно-предикатные отношения в рамках финитных и нефинитных клауз. В речь идет о конструкциях с предикатным словом (в нашем случае – глаголом в финитной или нефинитной форме или причастием) в качестве вершины, реализующихся в пределах либо простого (элементарного) предложения, либо предложения сложноподчиненного (в случае конструкций с предикатным актантом), либо же причастного или инфинитивного оборота. В современной лингвистической литературе (прежде всего отечественной) интересующее нас соотношение между единицами синтаксического и семантического уровня называется диатезой¹⁷. Опираясь на основополагающие в этом вопросе работы по структурному синтаксису 1960–1990-х гг., С. А Крылов определяет диатезу как «синтаксическую категорию (синтаксический признак или набор признаков) предикатной словоформы, отражающую определённое соотношение между участниками обозначаемой предикатом ситуации (“с е м а н т и ч е - с к и м и а к т а н т а м и ”, выполняющими те или иные семантические роли разной степени обобщённости) и именными членами предложения, заполняющими валентности данной предикатной словоформы (“с и н т а к с и ч е с к и м и а к т а н т а м и ”, синтаксические роли которых выражены теми или иными морфологическими или синтаксическими средствами)» (Крылов 2004: 259; Крылов 2011: 47). Этой трактовкой диатезы мы будем руководствоваться в дальнейшем.

При таком подходе отправным пунктом нашего анализа семантики УУПУ является поиск лексем, играющих роль ядра в

¹⁷ Речь идет прежде всего теории диатез и залогов, разработанной в представителями ленинградской типологической школы. В частности, А. А. Холодович определял соотношение диатезы и залога следующим образом: «Диатеза – это схема соответствия между единицами синтаксического уровня и единицами семантического уровня. Отсюда простой переход к определению залога: залог есть регулярное обозначение в глаголе соответствия между единицами синтаксического уровня и единицами семантического уровня. Короче, залог – это грамматически маркированная в глаголе диатеза» (Холодович 1979: 284; ср. Храковский 1999: 72–75).

финитных и нефинитных клаузах, – латинских и средневерхне-немецких глаголов, а также причастных и герундиальных форм. При этом нас будет интересовать специфика синтаксических конфигураций и семантические нюансы в параллельных латинских и немецких вариантах, а также причины, по которым возникают нарушения смысловой эквивалентности и синтаксической асимметрии. Внимание к асимметрии в латинско-немецких соответствиях на уровне семантики и синтаксиса конструкций оправдано, помимо всего прочего, самой спецификой средневерхне-немецкого перевода «Золотого послания»: переводчик отнюдь не пытается рабски следовать оригиналу – наоборот, он предлагает адаптативный перевод, приспособленный для свободного восприятия и усвоения немецкоязычными читателями. По сравнению с латинским оригиналом, текст перевода несколько сокращен и упрощен; в ряде случаев переводчик свободно интерпретирует исходный текст, не останавливаясь перед трансформацией его смысла¹⁸. Предлагаемый анализ должен дать точную лингвистическую интерпретацию нескольких случаев такого рода.

Рассмотрим сначала частотность глаголов, глагольных сочетаний и отглагольных имен, репрезентирующих семантический континуум УУПУ во всех выявленных контекстах исследуемого корпуса текстов, включая обе редакции «Золотого послания».

1. Латинские глаголы и глагольные сочетания (в алфавитном порядке)¹⁹:

- наиболее частотные: 1) *ordinare* (37); 2) *componere* (11);
- 3) *conformare* (9); 4) *formare* (7);
- 5 раз встречается: 5) *dare*;
- по 4 раза: 6) *disponere*; 7) *facere*; 8) *reformare*; 9) *regere*;
- по 3 раза: 10) *gubernare*; 11) *vivificare*;
- по 2 раза: 12) *deformare*; 13) *deordinare*; 14) *disciplinare*; 15) *creare*;

¹⁸ Содержательные расхождения между оригиналом и переводом отмечены в постраничных примечаниях к изданию перевода в работе: Нонеманн 1978 (с. 289, прим. 2 и далее).

¹⁹ Здесь глаголы (кроме отложительных) приводятся в нейтральной форме активного инфинитива, отложительные глаголы – пассивного инфинитива; для причастий указываются инфинитивы глаголов, от которых они образованы.

– по 1 разу: 16) *agere*; 17) *aptare*; 18) *assuefacere*; 19) *avertere*; 20) *coaptare*; 21) *cogere*; 22) *concordare*; 23) *condere*; 24) *contrahere*; 25) *convertere*; 26) *corrumpere*; 27) *dilabi*; 28) *dissipare*; 29) *distorquere*; 30) *exorbitare*; 31) *exordinare*; 32) *formam tradere*; 33) *imitari*; 34) *imprimere*; 35) *morigerare*; 36) *movere*; 37) *mutare*; 38) *pervertere*; 39) *prosperare*; 40) *reflectere*; 41) *renovare*; 42) *reparare*; 43) *subvertere*; 44) *temperare*; 45) *transformare*.

2. Немецкие глаголы и глагольные сочетания:

– наиболее частотные: 1) *orden* (25); 2) *richten* (10);

– 3 раза встречается: 3) *tempern*;

– по 2 раза: 4) *sich keren*; 5) *zieren*: 2;

– по 1 разу: 6) *bilden*; 7) *ein form geben*; 8) *entrihten*; 9) *förmen*; 10) *gehellen*; 11) *georden*; 12) *gerichten*; 13) *sich glichen*; 14) *leben geben*; 15) *meistern*; 16) *schepfen*; 17) *treten (ab + subst.)*; 18) *twingen*; 19) *vndertaenik machen*; 20) *vor orden*; 21) *vorörden*; 22) *widerpilden*; 23) *widerpringen*; 24) *wirken*; 25) *zvhtigen*.

Перечисленные глаголы распределяются по семантическим группам следующим образом:

I. лат.: *ordinare, exordinare, exorbitare, deordinare, componere, formare, deformare, formam tradere, conformare, regere, temperare, disciplinare, vivificare, cogere, aptare, distorquere, pervertere, subvertere, dilabi, morigerare, assuefacere*;

свн.: *orden, rihten, entrihten, treten (ab + subst.), zieren, zvhtigen, vndertaenik machen, schepfen, twingen, meistern, tempern, sich keren*.

II. лат.: *ordinare, vivificare, creare, facere, formare, dare, agere, disponere, prosperare, movere, gubernare, condere*;

свн.: *orden, vorörden, förmen, bilden, wirken, leben geben, schepfen, geben*.

III. лат.: *convertere, avertere, reformare, transformare, renovare, reparare, mutare*;

свн.: *(sich) keren, widerbilden, widerpringen*.

IV. лат.: *coaptare, conformare, deiformis fieri / deiformis esse, imprimi / impressum esse, imitari*.

свн.: *sich glichen, gelih werden, gehellen*.

Учитывая данные о составе и численности глагольных лексем во всех исследованных контекстах, обратимся непосредственно к латинскому и немецкому вариантам «Золотого послания» Виль-

гельма из Сен-Тьерри. Приведем латинско-немецкие соответствия между ядерными элементами финитных и нефинитных клауз (глаголами и причастиями), относящимися к разным группам исследуемого семантического комплекса и выступающими в равноправных сочетаниях друг с другом в рамках простого предложения (как союзных, так и бессоюзных) или в составе отдельных, но соподчиненных клауз.

1. Гл. 71 (Epistola: 311):

compositio – zieren vnd orden (группа I):

- лат. ...*circa exterioris hominis **compositionem**...*
- свн. ...*daz ez den vzzern menschen **zier vnd orden**...*

2. Гл. 87 (Epistola: 318):

a) cogeri (pass.) – twingen (Akt.) (группа I):

- лат. **Coguntur** enim in unum sensus ad disciplinam bonae voluntatis...
- свн. *Der g v̇t wille **twinget** die vzzern sinne ze arbeiten...*

б) conformari – gelich werden (группа IV):

- лат. ...*docentur **conformari** ei...*
- свн. ...*daz si im **gelih werden**...*

3. Гл. 88: 318–319:

a) [subst. fem. nom.] exordinata et exorbitans (a + subst.) – entriht (ist) (von + subst.) vnd getreten (hat) (ab + subst.) (группа I):

- лат. **Exordinata** enim natura per peccatum, et a conditionis suae rectitudine **exorbitans**...
- свн. *Wan div natvr, div **entriht ist** von den svnden vnd **getreten hat** ab dem rechten weg...*

б) [subst. fem. nom.] conversa esse (ad + subst.) – sich keren (z^o v + subst.) (группа III):

- лат. ...*si ad Deum **fuert conversa**...*
- свн. ...*ist daz **sih** div **kert** z^o v̇ got...*

в) [subst. fem. nom.] aversa esse – sich keren (von + subst.) (группа III):

- лат. ...*quaecumque perdidit **aversa**...*
- свн. ...*da mit daz si sich von got **gekert het**.*

г) reformari – widergepildet werden (группа III):

– лат. ...*et ubi coeperit spiritus **reformari** ad imaginem conditoris sui...*

– свн.: ...*Vnd als der geist **widergepildet wirt** nah got...*

д) *reflorescens* – *ern̄wet* werden (группа III):

– лат. ...*moх etiam **reflorescens** caro...*

– свн.: ...*so wirt avh zehant der lip **ern̄wet**...*

4. Гл. 107 (Epistola: 329):

ordinare, componere – *rihten vnd zieren* (группа I):

– лат. *Disce in ea secundum communis instituti regulam tu tibi praeesse et vitam **ordinare**, mores **componere** et temetipsum iudicare, teipsum apud teipsum accusare, saepe etiam et condemnare, nec impunitum dimittere.*

– свн. *Vnd fliz dih, daz dv in diner zelle din leben **rihtest** nah der regel der gemeinen gesetzt vnd din sit **zierst** vnd dih selben strafest vnd dih ioh dik verdamst vnd dih nihzniht hin lazzest komen, swie klein ez si.*

5. Гл. 113 (Epistola: 332):

formari ac vivificari – *geriht werden* (группа II):

– лат. *omnis exinde tenor operis nostri in ipsis laudibus Dei **formetur ac vivificetur.***

– свн. *elliv vnseriv werk dvrh den tak **geriht werden** nah sinem lob in der selben andaht.*

6. Гл. 138 (Epistola: 342):

а) [subst. fem. acc.] + *morigeratam et assuefactam habere* – *wol geordent sin, gevellik sin* (группа I) :

– лат. *Non habeat, sicut Salomon dicit, in domo sua mulierem litigosam, carnem suam; sed ad sobrietatem **morigeratam et assuefactam** ad oboedientiam et ad laborem paratam ubique institutam...*

– свн. *Sinen lip sol also meistern, daz er **wol geordent si** zaller maezikaeit, daz er **gevellik si** zaller gehorsam, daz er beraeit si zaller arbeit...*

б) [subst. masc. acc.] + *ordinatum et disciplinatum habere* – *zvhtigen vnd orden* (группа I):

– лат. *Habeat omnem omnino domum vel familiam cogitationum suarum, sic **ordinatam et disciplinatam**...*

- свн. *Allez daz hvsagesind siner gedank sol er also **zvhtigen vnd orden** vnd im selben als ganzlih vndertaenik machen...*

7. Гл. 139 (Epistola: 343):

regere et ordinare – rihten vnd orden (группа I):

- лат. *Qui sic semetipsum **regit et ordinat** in conscientia sua, optime sibi credendus et committendus est in cella sua.*
- свн. *Swelher mensch sih selben also **riht vnd orden** in siner gewizzen, der mak sicherlichen wonen in siner zelle.*

8. Гл. 210 (Epistola: 375):

regere – rihten (группа I):

- лат. *Ideoque etsi in terris **regit** corpus sibi commissum...*
- свн. *Vnd dar vmb swie daz si, daz er vzwendik **riht** den lip, der im enpholhen ist...*

9. Гл. 264 (Epistola: 397–398):

faciens, ordinans, vivificans – wirken, orden²⁰, leben geben (группа II):

- лат. *Vide enim tamquam omnia **facientem, ordinantem, vivificantem**, in medio bonarum virtutum, sicut cor in medio corporis, constituit Spiritum sanctum.*
- свн. *Vnd wan er sah, daz der heilig geist **ordent, wirkt vnd allen dingen ir leben git**, da von so wolt in sant Pavls schriben enmitten in die gvten tvgent, als daz herz enmitten in dem lib ist.*

10. Гл. 265 (Epistola: 398):

creans, faciens, formans, dans, prosperans, agens et disponens – schepfen vnd wirken vnd schepfen vnd geben vnd wirken vnd orden (группа II):

- лат. *Ipse est enim omnipotens artifex, **creans** hominis ad Deum bonam voluntatem, Dei ad hominem **faciens** propitiationem, **formans** affectionem, **dans** virtutem, **prosperans** operationem, **agens** omnia fortiter et **disponens** omnia suaviter.*

²⁰ Свн. глаголы *wirken* и *orden* эквивалентны латинским причастиям *faciens* и *ordinans* соответственно, однако в тексте они переставлены: *daz der heilig geist **ordent, wirkt**...*

- свн. *Der heilig geist ist der almaehtig listmacher vnd **schepht** des menschen g vten willen z v got vnd **wirkt** die gnad gotes ze dem menschen vnd **schepht** die begirde vnd **git** die tvgent vnd **wirket** vestiklich elliv g vten dink vnd **ordent** si s vzziklichen.*

11. Гл. 277 (Epistola: 403–404):

se conformans, se ordinans / sich glich vnd orden

(группа I + III):

- лат. *Illi veritati, illi caritati, illi aeternitati **se conformans**, in istis **se ordinans**...*
- свн. *...vnd da von so wil **sih** der mensch denne der warheit vnd der ewikeit **glichen vnd orden** sin leben dar nah.*

12. Гл. 278 (Epistola: 404):

reformari, ordinari – widerpraht vnd georden werden

(группы I + III):

- лат. *Ex quo concipiuntur et oriuntur virtutes sanctae, imago Dei **reformatur** in homine, et vita illa Dei **ordinatur**...*
- свн. *Da von wahsent an dem menschen heilig tvgent vnd **wirt** an im **widerpraht** daz g õtlih bild vnd **geordent** daz g õtlih leben...*

13. Гл. 289 (Epistola: 408):

a) conformare – sich rihtent vnd ordent werden (группа I):

- лат. *...in quantum propinquat Deo, in tantum inferius suum **conformat** sibi, infimum illi...*
- свн. *Als vil er sich der z vnaehent, als vil **wirt sih** avh der geist vnd lib vnd sel dar nach **rihtent vnd ordent**.*

b) [subst. plur. nom.] + ordinata, disposita / georden werden (группа I):

- лат. *...ut Spiritus, et anima, et corpus suo modo **ordinata**, suis locis **disposita**, suis meritis aestimata, suis etiam proprietatibus cogitentur...*
- свн. *daz der geist, lib vnd sel – als im zimt – **geordent werdent** vnd nah ir gaernden bahtet vnd eigentlich daz si sint **betraht** also...*

Из тринадцати переводных пассажей «Золотого послания» с семантическим комплексом УУПУ всего в десяти обнаруживаются случаи грамматической асимметрии.

Рассмотрим структурно-грамматические различия в параллельных текстах более подробно.

№ 1. Epistola, 71: 311:

Quia enim omnis, vel praecipue **animalis hominis institutio circa exterioris hominis compositionem**, docendus est rationabiliter mortificare membra sua, quae sunt super terram, et inter carnem ac spiritum, quae invicem jugiter adversum se concupiscunt, justum rationis ac discretionis habere iudicium, nec alicujus eorum in iudicio accipere personam.

Wan nv **daz leben des vihlichen menschen alein dar z^v geordent ist, daz ez den vzzern menschen zier vnd orden**, so sol man in lern, daz er sinen lip vnd siniv lider bescheidenlich t^ot vnd zwischen dem fleisch vnd dem geist, die allezit wider einander kriegent, ein rehtes geriht der bescheidenheit hab, noh einem niht mer geste denne dem andern.

В приведенном отрывке говорится о том, что Божественное предназначение человеческой жизни заключается в упорядочении «внешнего человека»: это повод для того, чтобы научить его осмотрительности и умеренности в усмирении плоти²¹.

Перед нами интересный пример, иллюстрирующий тенденцию к передаче непредикативных структур латинского текста предикативными конструкциями. В оригинале элементарное двусоставное предложение *quia... compositionem* имеет в качестве сказуемого предикатив *circa exterioris hominis compositionem*, связка *est* эллиптирована. Оба главных компонента латинского предложения – подлежащее и сказуемое, выраженные абстрактными отглагольными существительными, – преобразуются в немецком переводе в элементарные предложения, объединенные подчинительной объектно-содержательной связью:

а) *...animalis hominis institutio [est] → daz leben des vihlichen menschen alein dar z^v geordent ist;*

б) *circa exterioris hominis compositionem → daz ez den vzzern menschen zier vnd orden.*

Таким образом, оба существительных *institutio* и *compositio* восприняты переводчиком как скрытые пропозиции и подвергаются при переводе эксплицитному развертыванию. Для этой

²¹ Ср. Pfeifer 1994: 120–125.

процедуры потребовались глагольные предикаты: в качестве таковых были выбраны глаголы *orden* и *zieren*. В выборе этих глаголов примечательно следующее: латинское существительное *institutio*, являющееся объектом определения, было понято как «природа», «образ жизни» и, учитывая опущенную связку *est*, передано свн. существительным *leben* в составе стативной конструкции со сказуемым *geordent ist*; содержание же латинской предикативной предложной группы переводится объектным придаточным *daz ez den vzzern menschen zier vnd orden*, раскрывающим содержание коррелята *dar zů*. Фактически же данное местоименное наречие вместе с зависимым от него придаточным содержит семантический компонент предложения, который определяется нами как управляемый предикатом («устроить», «установить», «организовать») актанта со значением цели действия, ориентированности его на некий образец, стремления к конечной точке или отталкивания от точки исходной (далее Targ). Подлежащее *daz leben* является объектом этого действия (а не предметом определения, как в латинской конструкции), а его субъект не выражен. Тем не менее, он может быть реконструирован, исходя из контекста: это Бог, именно он так устроил природу человека. Очевидно, что предикатный глагол *orden* здесь относится ко второй группе исследуемого семантического комплекса – группе глаголов творения. Напротив, «Бог» не является субъектом зависимого предложения. Там глаголы *orden* и *zieren* в парном сочетании, которым передается латинское абстрактное отглагольное существительное *compositio*, характеризуют активность человека и относятся к первой семантической группе: личное местоимение *ez* в роли подлежащего и агенса, являющееся проформой абстрактного существительного *daz leben*, означает понятие, относящееся к числу свойств человеческой личности.

В синтаксическом отношении первая часть немецкого сложноподчиненного предложения *Wan nv daz leben des vihlichen menschen alein dar zů geordent ist, daz ez den vzzern menschen zier vnd orden...* является стативно-результативной конструкцией. Относительно близкий по смыслу и синтаксической структуре пример обнаруживается в трактате Давида Аугсбургского «Жизнь Христова – наше зеркало»: *Div sele ist nach got gefōrmet.*

vnd gebildet. (M2, л. 67г = DM I: 344,36). Вторая часть (придаточное предложение цели) относится к конструкциям, в которых несущие основную семантическую нагрузку предикатные глаголы стоят в активном залоге презенса индикатива и репрезентируют активную или рефлексивную диатезы. В синтаксическом и семантическом отношениях в тексте «Золотого послания» имеется частичный аналог: *Vnd fliz dih, daz dv in diner zelle din leben rihtest nah der regel der gemeinen gesetzt vnd din sit zierst...* (Epistola, cap. 107: 329).

Механизмы языкового преобразования при переводе анализируемого пассажа были бы охарактеризованы не полностью, если бы мы не обратили внимание на одну важную деталь в немецком тексте: существительное *institutio*, переданное как *daz leben*, понято переводчиком неверно, поэтому мы имеем дело со случаем, когда переводческие трансформации затрагивают не только сферу отдельных лексических и грамматических значений, но и общий смысл текста. Действительно, немецкая лексема *leben* соответствует одному из значений *institutio*, однако в данном предложении латинское существительное употреблено автором в другом значении – а именно, «наставление», «учение». Латинскую фразу следует переводить следующим образом: «Поскольку же наставление всякого, но прежде всего начинающего»²², направлено на формирование внешнего человека, то следует говорить ему, чтобы разумно умерщвлял свою плоть...». Немецкий же переводчик понял это место так, что Богом предустановленное поведение человека, начинающего духовный путь, предназначено для формирования человека в его внешнем проявлении. Таким образом, в немецкой интерпретации следование естественному, согласующемуся с божественным замыслом образу жизни должно способствовать формированию идеального внешнего образа человека, которое является первым шагом на пути восстановления человека внутреннего.

²² *Homo animalis* означает у Вильгельма из Сен-Тьерри того, кто принадлежит к первой из трех групп людей духовной жизни, – начинающих, неопитов; у Давида Аугсбургского этой категории соответствуют *incipientes*.

О том, что переводческая трактовка текста неверна, свидетельствует контекст, в котором появляется данное предложения. Обратимся к тексту предшествующей главы (№ 70) «Золотого послания»: *Primum itaque docendus est rudis incola heremi, secundum apostolicam Pauli institutionem, ut exhibeat corpus suum hostiam viventem, sanctam, Deo placentem, rationabile obsequium suum. Qui etiam compescens in novitio fervore²³ animalis hominis, qui nondum percipit ea quae Dei sunt, circa spiritualia ac divina praeproperam et curiosam inquisitionem, subjunxit dicens: Dico enim per gratiam quae data est mihi, omnibus qui sunt inter vos, non plus sapere quam oportet sapere, sed sapere ad sobrietatem (Epistola: 310). Здесь говорится об апостольском учении (*institutio apostolica*) Павла, «который, умеряя поспешный и любопытный поиск духовного и божественного в новоначалном пылу неофита, пока еще не понимающего о вещах божественных, добавил: *По данной мне благодати, всякому из вас говорю: не думайте о себе более, нежели должно думать; не думайте скромно, по мере веры, какую каждому Бог уделил*²⁴». В этом контексте становится очевидно, что *animalis hominis institutio* – это именно наставление, воспитание начинающего, которое сводится к принципу разумного, без впадения в крайности, усмирения плоти.*

№ 2. Epistola, 87: 318:

Prudens tamen et serius animus, ad omnem se comparat laborem, nec in eo dissolvitur, sed per eum magis in seipsum colligitur; qui semper prae oculis habens non tam quod agit, quam quo agendo intendit, omnis consummationis attendit finem; quo in quantum verius nititur, in tantum etiam ferventius et fidelius anibus operatur, totius sibi corporis sui in

Aber der geistlich vnd der wolgeordent mensch gevelliget sih also zeiner iglichen arbeit, daz sin herze niht da von zerstört wirt. Ez kvmt ioh dest me ze im selben, wan er siht allezit an niht daz werk, daz er wirket, er siht ioh an die meinvg, in der er wirkt vnd daz end siner meinvg, daz got ist, so er ie andaetklicher vnd getrivlicher

²³ Отметим, что прилагательно *novitius* в словосочетании *in novitio fervore* переводится причастием *vng[e]ordent* («неупорядоченный») (*den vngordenten ernst*).

²⁴ Рим. 12,3.

hoc subjiiciens servitutum. **Coguntur enim in unum sensus ad disciplinam bonae voluntatis**, nec lascivire eis vacat a pondere laboris; sed subacti et humiliati in obsequium Spiritus, **docentur conformari ei** et in laboris participatione, et in expectatione consolationis.

wirk. Vnd aller sin lip mv̄z dem geist vndertaenic sin. **Der gv̄t wille twinget die vzzern sinne ze arbeiten** vnd lat si niht mv̄zik sin. Si mv̄zen sih diemvtigen vnd vndertaenic machen ze dem dienst des **geistes**, **daz si im gelih werden** beidiv an der arbeit vnd an der wart des götlichen trostes.

Содержание пассажа состоит в следующем: человек духовный и упорядоченный соглашается на любую работу; добрая воля заставляет работать внешние чувства; они должны смирить себя, подчиняясь человеческому духу, чтобы уподобиться ему как в труде, так и в ожидании божественного утешения²⁵.

Латинскому периоду, состоящему из двух самостоятельных частей, соединяемых союзом *sed*, соответствуют два отдельных немецких предложения. В каждом из немецких предложений содержится конструкция, асимметричная латинской в грамматическом, а также (в первом предложении) в смысловом отношениях.

Латинское предложение *Coguntur enim in unum sensus ad disciplinam bonae voluntatis* относится к числу пассивных конструкций, в которых базовый смысловой предикат выступает как пассивный финитный глагол. В подавляющем большинстве случаев (не только в тексте «Золотого послания», но и в трактате «О формировании внутреннего и внешнего человека» Давида Аугсбургского) в структуру предложения входит партиципант Targ. Финитный глагол стоит в презенсе пассивного залога. Во всех обнаруженных употреблениях этой конструкции агенс не выражен. Глаголы в конструкциях данного типа имеют не пассивное, а декаузативно-медиальное значение²⁶, поэтому здесь реализуется безагентивная диатеза.

²⁵ Ср. Pfeifer 1994: 120–130.

²⁶ Декаузативное значение возникает в результате исключения из ролевой структуры глагола одного из ее исходных актантов – субъекта-каузатора («понижающая деривация»). При декаузативном типе понижающей деривации «происходит процесс, обратный каузативизации: ситуация, исходно представлявшаяся как агентивная, т.е. каузирванная

С точки зрения синтаксической симметрии рассматриваемому латинскому предложению могли бы соответствовать, например, следующие предложения, встречающиеся в средневерхненемецком переводе «Золотого послания»:

- *Da von wahsent an dem menschen heilig tvgent vnd wirt an im widerpraht daz gōtlih bild vnd geordent daz gōtlih leben...* (Epistola: 404).
- *...daz... elliv vnseriv werk dvrh den tak geriht werden nah sinem lob in der selben andaht* (Epistola: 332).
- *...daz der geist, lib vnd sel – als im zimt – geordent werdent...* (Epistola: 408).

Тем не менее, латинская медиально-декаузативная конструкция при переводе преобразуется в активную, причем место агенса занимает переводной аналог словосочетания *bonae voluntatis* – атрибутивного компонента предложной группы *ad disciplinam bonae voluntatis*, играющей в исходном предложении семантическую роль Targ: *der g v̄t wille* – «добрая воля». Таким образом, если в оригинале внешние чувства человека как бы сами собой, без явного внешнего импульса принуждаемы к воспитанию доброй воли, то в переводе уже сама добрая воля человека принуждает внешние чувства к труду. Переводчик принимает здесь очень интересное решение: он сохраняет формально актант Targ, полностью жертвуя содержательной эквивалентностью, посколь-

волей некоторого лица или активной силой, преобразуется в “некаузированную” ситуацию, которая не имеет внешнего агенса (или эффлектора) и происходит как бы “сама по себе”; иначе говоря, исходный пациенс каузированной ситуации становится единственным участником ситуации, ответственным за происходящее» (Плунгян 2011: 284; ср. Князев 2007: 283–287). В латинском языке медиально-декаузативное значение может передаваться рефлексивными показателями – как местоименными, так и флективными; последние формируют пассивную пассивную глагольную парадигму (о пассивизации и рефлексивизации праиндоевропейского медиа, прежде всего в латинских отложительных глаголах, исходных *media tantum*, см. подробно в: Leumann 1977: 174, § 103a; 287–297, § 162–165; также Meiser 1998: 218–219, § 142; ср. Генюшени/Недялков 1991: 262–263). Основное различие между пассивом и декаузативом заключается в том, что «если пассив по-прежнему описывает ситуацию, имеющую агенса (пусть даже и не выраженного в предложении), то декаузатив описывает уже другую ситуацию, которая, в отличие от исходной, имеет на одного участника меньше» (Плунгян 2011: 287–288).

ку «принуждать к воспитанию доброй воли» отнюдь не равнозначно тому, чтобы «принуждать трудиться». Вместе с тем, лексему со значением «трудиться» переводчик отнюдь не придумывает, а берет из ближайшего контекста – ср. придаточное предложение, следующее за главным в латинском тексте: *ne lascivire eis vacat a pondere laboris...*

Во втором предложении анализируемого пассажа синтаксическая асимметрия оригинального и переводного вариантов проявляется уже на уровне общей организации предложений, однако почти не затрагивает референциальную сферу высказываний. Латинское предложение *sed subacti et humiliati in obsequium Spiritus, docentur conformari ei et in laboris participatione, et in expectatione consolationis* является формально простым, тогда как немецкое *Si m^vzen sih diemvtigen vnd vnderaenik machen ze dem dienst des geistes, daz si im gelih werden beidiv an der arbeit vnd an der wart des götlichen trostes* – сложноподчиненным с придаточным цели. Главное отличие немецкого варианта от оригинала состоит в том, что модальный оператор (*docentur*), переведенный с некоторыми семантическими потерями модальным глаголом *m^vzen*, меняет зависимый от него предикатный актант: вместо пассивного инфинитивного носителя семантики богоуподобления (*conformari* в латинском варианте) он управляет инфинитивами, семантические эквиваленты которых выступают в латинском предложении в качестве перфектно-пассивных причастных определений к подлежащему *sensus*, эксплицированному только в первой части латинского периода: *subacti et humiliati...* → *sih diemvtigen vnd vnderaenik machen...* Что же касается инфинитивного оборота с глаголом IV семантической группы (*conformari*), то в переводе латинский инфинитив повышается в ранге, превращаясь в самостоятельный предикат, согласованный с тем же подлежащим (*si = die vzzern sinne*), однако уже не в главном, а в придаточном предложении, которое принимает новое, отсутствующее в латинском тексте, целевое значение.

Семантико-грамматическое соотношение глагола *conformari* (в инфинитиве) и глагольного сочетания *gelih werden* (в личной форме 3-го л. мн. ч. конъюнктива), выступающих в роли переводных эквивалентов, таково, что они действительно близки по своему значению. Сближает их то, что, с одной стороны, они

не выражают семантики активного действия, а образуемые с их помощью клаузы не содержат агентов. Семантическое отличие свн. глагольного сочетания состоит в том, что, благодаря его собственно глагольной составляющей, оно эксплицитно указывает на изменение состояния – приобретение человеком нового состояния богоподобия, которого до этого он не имел. Эта сема, если и присутствует в латинском глаголе, то лишь имплицитно, на лексическом уровне.

Отметим, что в переводе «Золотого послания» встречается однокоренная средневерхненемецкая лексема – возвратный глагол *sich gleichen*, также IV семантической группы: ...*vnd da von so wil sih der mensch denne der warheit vnd der ewikeit gleichen vnd orden sin leben dar nah* (Epistola: 404). Однако здесь этот глагол, который следует переводить не как «уподобиться» истине и вечности, а скорее так: *сделать себя соответствующим этим понятиям* (являющимся в богословской традиции божественными атрибутами), *сделать себя достойным сопричастности к ним*.

№ 3. Epistola, 88: 318–319:

Exordinata enim natura per peccatum, et a conditionis suae rectitudine exorbitans, si **ad Deum fuerit conversa**, recuperat cito pro modo timoris et amoris, quem habet ad Deum, quaecumque perdidit **aversa; et ubi coeperit spiritus reformari ad imaginem conditoris sui**, mox etiam **reflorescens** caro, ex voluntate sua confitetur illi et incipit **conformari reformato spiritui**. Nam et contra sensum suum incipit eam delectare quidquid delectat spiritum suum; insuper et pro multiplici suo defectu ex poena peccati, multipliciter sitiens ad deum, nonnumquam etiam contendit praecedere etiam rectorem suum.

Wan div natvr, div entriht ist von den svnden vnd getreten hat ab dem rehten weg, ist daz **sih div kert z^v got**, so widerpringet si schier mit der vorht vnd mit der minne die si z^v got hat, elliv div dinch, div si verlorn het, da mit daz si sich von got **gekert het**. **Vnd als der geist widergepildet wirt nah got**, so wirt avh zehant der lip erniwt vnd mint denne ioh wider die natvr elliv div dink, die der geist begert. Vnd von den manicvaeltigen gebresten, in die er gevallen ist von den svnden ilet er als hitzeklich z^v got, daz er oft mer wil t^vn, denne ioch der geist begert.

Смысл пассажа таков: если человеческая природа, разупорядоченная вследствие греха, будет вновь обращена к Богу, то при помощи страха Божьего и любви быстро вернет себе то, что потеряла, отбравшись от Бога; когда дух начинает восстанавливаться по образу своего Создателя, тело также начинает обновляться и уподобляться преобразованному духу²⁷.

В первом сложноподчиненном предложении данного латинская стативная конструкция с перфектным пассивным причастием *conversa* переводится активной глагольной конструкцией с финитным рефлексивным (автокаузативным по своему значению) глаголом *sich keren*. Этот же глагол повторяется в последнем придаточном того же сложного предложения в почти идентичной конструкции как переводной эквивалент латинской эллиптированной клаузы, в которой осталось только причастие *aversa*, семантически и отчасти грамматически симметричное причастию *conversa*. Таким образом, переводчик восстанавливает пропущенные элементы структуры латинского предложения.

Во втором сложном предложении латинское придаточное *et ubi coeperit spiritus reformari ad imaginem conditoris sui*²⁸ переводится с потерей фазового глагола, в результате чего конструкция упрощается: *Vnd als der geist widergepildet wirt nah got*. В смысловом отношении эта трансформация оправдана тем, что утрата исходного начинательного значения компенсируется в переводе значением смены состояния, присущего глаголу *werden*. При этом как латинский глагол *reformare*, так и свн. *widerpilden*, употребляемые в пассивной форме, имеют декаузативное значение.

Далее. Латинское предложение переведено не полностью, асимметрия возникает из-за пропуска большей части главного предложения *mox etiam reflorescens caro, ex voluntate sua confitetur illi et incipit conformari reformato spiritui*. Презентное активное причастие *reflorescens* передается в немецком варианте финитной клаузой *wirt avh zehant der lip ern̄wet*, к которой при

²⁷ Ср. Pfeifer 1994: 120–130, особенно 123.

²⁸ О позднелатинских обиходно-разговорных описательных футуральных конструкциях с начинательными глаголами *incipio* и *coepio* см.: (Hofmann/Szantyr 1972: 313, § 175c).

помощи союза *vnd* присоединяется перевод уже следующего предложения (*mint denne ioh wider die natvr elliv div dink, die der geist begert ← Nam et contra sensum suum incipit eam delectare quidquid delectat spiritum suum...*).

№ 5. Epistola, 113: 332:

Tunc enim spiritui et menti aggregandi sunt fructus sui, ut exinde vel in abundantia benedictionis Dei in quietem noctis relaxemur, vel surgentibus nobis ad laudes Dei, **omnis exinde tenor operis nostri in ipsius laudibus Dei formetur ac vivificetur.**

Vnd denne sol vnser geist vnd vnser herze samen die frvht der andaht, daz wir in der genvhsam des götlichen segens vnd in der selben andaht die naht r̄v̄wiklich vertriben vnd des morgens, swenne wir vf sten, ze dem lob vnser herren dienst vnd **elliv vnseriv werk dvrh den tak geriht werden nah sinem lob in der selben andaht.**

Содержание пассажа: плодом и целью молитвы является благословенный Богом покой ночью и успешный труд днем в молитвах к Богу (в немецком варианте – во славу Божию). В приведенном тексте предикативные компоненты латинской конструкции переданы в немецком варианте синтаксически изоморфно, за исключением двух важных деталей, связанных между собой²⁹.

Первое различие состоит в том, что однородные сказуемые *formetur ac vivificetur* переводятся одним немецким глаголом *geriht werden*. В отличие от указанных латинских глаголов, свн. глагол *rihten* в значении «устраивать по образцу»³⁰ является трехместным и имеет, помимо валентностей на подлежащее и прямое дополнение, обязательную валентность на дополнение с

²⁹ Ср. Pfeifer 1994: 138–143.

³⁰ Ср. толкование этой лексемы в DWB, значение В 5a: «nach etwas richten, nach, gemäsz etwas einrichten, indem dieses dabei als richtschnur oder als vorbild dient» (DWB XIV: 877). В словаре средневерхне-немецкого языка М. Лексера приводится сходное значение («aufrichten, aufstellen»), которое, однако, судя по приводимым примерам, не учитывает возможности употребления этого глагола также и в переносном смысле (Lexher II: 433); в словаре BMZ оно не зафиксировано вообще.

предлогом *nach*: эта валентность заполняется партиципантом со значением ориентира, Targ: *nah sinem lob* («во славу Его»).

Второе различие также связано со структурой глагольных партиципантов. Латинская предложная группа *in ipsis laudibus* совмещает семантику места и средства осуществления действия: «чтобы... отсюда весь ход наших дел в этих хвалах Господних формировался и оживлялся». Переводчик передает латинское *laus* («хвалебная молитва») существительным с более общим значением *andaht* («созерцательная молитва», «молитвенное состояние»). Возможно, это делается потому, что лексема *lob* уже использована в предложной группе, выполняющего функцию актанта Targ (*nah sinem lob*). Не удовлетворяясь введением обязательного для средневерхненемецкого предикатного глагола (в указанном значении) партиципанта с семантикой Targ, асимметричного по отношению к факультативному партиципанту (сирконстанту) *in ipsis laudibus*, переводчик добавляет структурный эквивалент этой латинской предложной группы, но подставляет существительное с иным объемом значения в качестве контекстуального синонима: *in der selben andaht*. Благодаря этой лексической вариации не возникает смысловой избыточности, а происходит приращение смысла. Это является закономерным следствием выбора глагола *rihten* для перевода предиката.

№ 6. Epistola, 138: 342:

Sic enim prudens et Deo deditus animus, habere se debet in conscientia sua, sicut prudens paterfamilias in domo sua. Non **habeat**, sicut Salomon dicit, in domo sua mulierem litigiosam, **carnem suam; sed ad sobrietatem morigeratam et assuefactam ad oboedientiam et ad laborem paratam ubique institutam, et esurire et saciari, et habundare et esuriem pati. Habeat sensus exteriores, non duces sed servientes; interiores sobrios et efficaces. Habeat omnem omnino domum vel familiam cogitationum**

Wan also sol sih der wis m̄vt, der mit got bekvmbert ist, halten in der gewizzen als ein hvswirt in sinem hvs. Er sol in sinem hvs kein kriegent frawen haben, daz ist sinen lip. **Sinen lip sol also meistern, daz er wol geordent si zaller maezikaeit, daz er gevellik si zaller gehorsam, daz er beraeit si zaller arbeit, daz er also gewent si, daz er hvnger vnd gebresten kvnne liden vnd avch gn̄vk haben, swenne ez daz zit vordert. Sin vzzet sinne sol er niht als sin herren haben, svnder als sin dienaer. Sin inner**

suorum, sic ordinatam et disciplinatam, ut dicat huic: vade, et vadat; et alio: veni, et veniat; et servo suo, corpori suo: fac hoc et absque contradictione faciat.

sinne sol er also geriht haben, daz si allezit mvnder vnd bereit sin ze geistlichen dingen. Allez **daz hvsge-sind siner gedank sol er also zvhtigen vnd orden** vnd im selben als ganzlih **vndertaenik machen**, swenne er sprech hinz dem vnnvtzen gedank: >gank hin!< daz er denne vf der stat gehorsam si, swenne er sprech hinz dem gvten gedank: >genk her!< daz er denne zehant bereit si, swenne er sprech hinz sinem kneht, daz ist hinz sinem lib: >t̃ṽ daz!< daz er im des gehorsam si an alle widerred.

Данный пассаж представляет собой парафразу и моральное толкование Писания (Прит. 21:9 и Прит. 25:24; Фил. 4:12; Матф. 8:9 и Лук. 7:8) – наставление для человека духовной жизни³¹. Он интересен дифференцированной стратегией перевода латинской конструкции V_{fin} (*habere*)_{praes.conj.act.} + [Obj]_{acc.} [Attr (part.perf.pass.)_{acc.}]]. Конструкция в целом имеет результитивную семантику и относится к посессивному типу («глагол обладания + перфектно-пассивное причастие»). Обозначает она длящееся в момент говорения состояние, связанное с обладанием, подлежащее выступает в роли посессора³². В приведенном тексте «Золотого Послания» финитный глагол употребляется в конъюнктиве и передает деонтическое модальное значение (юссив). Это дает переводчику основание переводить латинскую конструкцию каждый раз с использованием модального глагола *svln* («быть должным») – это общий компонент при переводе. Однако в способах организации семантической структуры зависимых от этого глагола инфинитивных клауз наблюдаются расхождения, отражающие две разных стратегии передачи зависимого от *habeat* прямого дополнения с причастным оборотом от этого глагола.

³¹ Ср. Pfeifer 1994: 151–153.

³² На этой основе в поздней латыни развивается описательный перфект см.: Hoffmann/Szantyr II 1972: 392, § 209c; Menge 2005: 188, § 137; 714, § 499; Маслов 1983: 47–48.

1) *Sinen lip sol also meistern, daz er wol geordent si zaller maezikaeit, daz er gevellik si zaller gehorsam...*

В этом сложноподчиненном предложении с несколькими сподчиненными придаточными следствия объединяются три конструкции с предикатами I группы исследуемого семантического комплекса. Следует говорить о единой сложной конструкции, в которой первое элементарное (главное) предложение является постоянной, а два придаточных – зависимыми переменными. Активная конструкция *Sinen lip sol also meistern* является эквивалентом сочетания финитного глагола *habeat* с прямым дополнением, представленным одним лишь ядерным существительным, без зависимой от него атрибутивно-причастной группы; стативная конструкция *daz er wol geordent si zaller maezikaeit* и атрибутивно-предикативная *daz er gevellik si zaller gehorsam* эквивалентны самим причастным оборотам. Однако поскольку они, в отличие от латинской конструкции, представляют собой финитные клаузы, то в них содержатся подлежащие, выраженные местоимением, кореферентным прямому дополнению главного предложения (*er* → *sinen lip*).

По сравнению с исходным вариантом, немецкий перевод получается не только более развернутым синтаксически, но и семантически избыточным, поскольку предикатные лексемы главного и зависимого предложения (*meistern – geordent si / gevellik si*) имеют общую сему «упорядочения». В ядерном виде (с устранением дополнительных коннотаций) данную семантическую структуру можно представить так: *X должен упорядочить Y-ка так, чтобы Y был упорядочен в определенном отношении.*

Сема «упорядочения» в свн. глаголе *meistern* выражена сильнее, чем в лат. *habeat*. При этом с выбором предиката иного семантического-синтаксического типа диатеза трансформируется из контентивной в активно-аккузативную³³: подлежащее играет роль уже не посессора, а агенса, посессивное отношение смещается на периферийный уровень объектной именной группы (*sinen lip*).

³³ Используемую в настоящей работе классификацию диатез см. в: Крылов 2011.

Инфинитив *meistern* является предикативным актантом модального глагола (оператора) *svln*: это семантически полноценный глагол, обозначающий действие упорядочения, контроля со стороны человека (его духовной составляющей) над собственным телом. В то же время, синтаксически факультативной, но семантически обязательной (для передачи исходного смысла латинской конструкции) оказывается характеристика выражаемого этим глаголом действия. В главном предложении она лишь формально обозначена коррелятивным наречием *also*, а раскрывается в зависящем от него придаточном следствии. Содержанием этого придаточного является состояние объекта («тело»), наступившее в результате действия *meistern* – упорядочивания. Вместе с тем, в придаточном не просто описываются последствия этого действия, совершенного определенным образом (*also*): результирующее состояние является не только следствием, но и целью действия упорядочивания.

2) *Allez daz hvsgesind siner gedank sol er also zvhtigen vnd orden vnd im selben als ganzlih vndertaenik machen... daz...*

Здесь переводчик отказывается от поиска эквивалента глаголу *habeat* в виде инфинитива наподобие *meistern*: он решает сократить это промежуточное звено между модальным оператором и клаузой с результирующе-стативной семантикой упорядоченности объекта. В результате упрощается общая структура предложения, превращающегося из сложноподчиненного в простое, а также уходит семантическая избыточность, наблюдавшаяся в первом примере. Более того, это элементарное предложение оказывается близко к соответствующему латинскому предложению в том отношении, что в обоих вариантах оно играет роль главного по отношению к последующему придаточному следствию. Ценой этого экономичного решения становится отказ не только от контентивной диатезы (то есть, от акцента на посессивном отношении в структуре предложения), но и от результирующей семантики зависимой клаузы. Если в латинском тексте мудрому человеку предписывается пребывать в таком состоянии, в котором его мысли уже упорядочены и дисциплинированы, то в немецкой интерпретации ему надлежит осуществлять само это упорядочение. Действия с этой семантикой

выражены инфинитивными оборотами, зависимыми от модального глагола.

В связи с описанными стратегиями перевода латинской посессивно-результативной конструкции с перфектным пассивным причастием примечателен тот факт, что переводчик не пользуется возможностью передать посессивную семантику оригинала при помощи сочетания претеритального причастия с *haben*. Правда, использование конструкции с перфектным инфинитивом после модальных глаголов грамматикализуется, начиная с середины XII в., в качестве средства выражения значения неосуществленного действия в прошлом³⁴. Данное обстоятельство, однако, не препятствует появлению этой конструкции в качестве эквивалента другой латинской конструкции – *habere* в сочетании с презентным активным причастием: Vfin (*habere*)_{praes.conj.act.} + [Obj]_{acc.} [Attr (part.praes.act.)_{acc.}]]:

лат.: *Habeat sensus exteriores, non duces sed servientes; interiores sobrios et efficaces.*

свн.: *Sin vzzer sinne sol er niht als sin herren **haben**, svnder als sin dienaer. Sin inner sinne sol er also geriht haben, daz si allezit mvnder vnd bereit sin ze geistlichen dingen.*

Здесь сочетание *gericht haben* с модальным глаголом *svln* в финитной форме следует трактовать как посессивно-результативную конструкцию. Переводчик добавляет отсутствующую в латинском оригинале семантику результативности, а также глагольную лексему со значением упорядоченности. Более того, исходный смысл меняется настолько, что перевод нельзя считать адекватным: латинская конструкция с *habere* означает в данном случае «относиться к чему-либо/кому-либо определенным образом»³⁵. Семантическая и грамматическая избыточность и тяжеловесность немецкого варианта усиливается в придаточном следствия, передающем лаконичные латинские предикативные прилагательные.

Причину выбора такой стратегии следует искать в стремлении к стилистическому варьированию. Дело в том, что первая часть латинского предложения переводится совершенно кор-

³⁴ См. Paul/Klein/Solms/Wegera 2007: 293, § S 11.

³⁵ OLD, s.v.: значение 24b.

ректно, причем настолько точно и симметрично, насколько это вообще возможно, без добавлений и без потерь – при помощи простой конструкции Vfin (svln)_{Präs.Ind.Akt.} + Obj_{Akk.} ← [Part.Prät. + haben]. Таким образом, две близкие латинские конструкции с глаголом *habere* в форме юссивного конъюнктива, а также с активным и пассивным причастиями переводятся каждая двумя разными способами. В результате переводчик достигает чередования четырех конструкций, близких по смыслу и объединенных общим ядром «eg + sol», однако существенно отличающихся друг от друга синтаксическим оформлением предикатных актанта и зависимых клауз, а также целым рядом семантических нюансов.

№ 8. Epistola, 210: 375:

Ideoque etsi in terris regit corpus sibi commissum, meliore tamen parte sui, scilicet memoria, et intelligentia, et amore, ibi semper conversari amat, unde quicquid est, quicquid habet, se novit accepisse, et ubi in perpetuum se mansurum, et cum plena Dei visione plenam similitudinem adepturum, quantum in hoc homini sperandum est, sperare ei licet, **si bonae spei vitam suam non negligat conformare.**

Vnd dar vmb swie daz si, daz er vzwendik riht den lip, der im enpholhen ist, doh mit dem besten teil, daz an im ist, daz ist mit der gehvgd vnd mit der verstantnvsse vnd mit der minne, sol er allezit begern ze wonen bi got, von dem er enphangen hat allez daz er hat vnd bi dem er ewiklich wonen sol vnd in mit voller an gesiht an vnderlaz an sehen sol, vnd des mag er wol gedingen han, als vil einem menschen mv̄glich ist ze getravwen. **Riht er aber sin leben niht nah den gv̄ten dingen,** so hilft im der geding nihsniht.

В этом пассаже говорится о том, что если человек стремится к божественному созерцанию и соответствующим образом строит свою жизнь, то он имеет основания надеяться на достижение этого, т.е. на уподобление Богу³⁶.

Синтаксическая и логическая асимметрия наблюдается при переводе последнего элементарного предложения (придаточного условия) латинского периода, представляющего в немецком варианте в виде самостоятельного сложноподчиненного предложения

³⁶ Ср. Pfeifer 1994: 210–232, особенно 212–213, 218.

с условным придаточным. Нарушение эквивалентности связано, во-первых, с изменением логико-синтаксических отношений, связывающих условное латинское предложение относится с предшествующим ему главным, а во-вторых, с трансформацией модально-логической структуры внутри этого предложения.

Латинское предложение *si bonae spei vitam suam non negligat conformare* содержит условие, соблюдение которого должно обеспечить реализацию обещания, выраженного в главном предложении: человек может надеяться на получение благодати божественного созерцания, «если он не пренебрежет тем, чтобы сделать свою жизнь достойной [т. е. соответствующей, адекватной] благой надежды». Благодаря отрицанию при глаголе с отрицательной семой, это условие имеет в целом положительный характер. В общем контексте всего периода предложение содержит необходимую оговорку, в то время как главный смысловой акцент делается на утверждении о том, что человек, подвизающийся в духовном делании, смеет надеяться на то, что его усилия принесут ему радость мистического созерцания.

В немецком переводе условное придаточное отделено от предшествующего элементарного предложения, к которому оно должно было бы относиться как к главному. Переводчик переоформляет его как придаточное нового сложного предложения, причем главное предложение добавляет уже от себя: *so hilft im der geding nihsniht*. Условие в придаточном из положительного (отрицание отрицания в латинском оригинале) превращается в отрицательное: «если же он не построит свою жизнь по правильным принципам». В качестве следствия этого негативного поведения (несоблюдения правил праведной жизни) постулируется отрицательный результат всех усилий человека: «эта надежда ничем ему не поможет». Таким образом, общий акцент смещается с обещания доброй надежды на угрозу ее потерять, и весь пассаж приобретает более нравоучительный оттенок. Латинское условное предложение и его немецкое соответствие асимметричны не только в смысловом, но и в синтаксическом отношении.

Интересен выбор средневерхненемецкого глагола *rihten* с валентностью на предлог *nach* для передачи латинского инфинитива *conformare*. Этот глагол уже использовался в начале

анализируемого пассажа при переводе латинского глагола *regere*. Здесь он выступает, однако, в другом значении, а именно, «направлять», «ориентировать». Не случайно поэтому отсутствует предложное дополнение с *nach*, которое для этого значения факультативно. Актант Targ (направление) присутствует, однако выражен он направительным наречием *vzwendik* («вовне»). В случае же *rihten* ← *conformare* актант Targ имеет значение ориентира в переносном смысле, образца, и предложная группа с *nach* при нем обязательна.

№ 10. Epistola, 265: 398:

Ipse est enim omnipotens artifex, creans hominis ad Deum bonam voluntatem, Dei ad hominem faciens propitiationem, formans affectionem, dans virtutem, prosperans operationem, agens omnia fortiter et disponens omnia suaviter.

Der heilig geist ist der almaechtig listmacher vnd schepht des menschen gvten willen z^v got vnd wirkt die gnad gotes ze dem menschen vnd schepht die begirde vnd git die tvgent vnd wirket vestiklich elliv gvten dink vnd ordent si svzziklichen.

Здесь Святой Дух описывается как активное начало, творящее, формирующее и упорядочивающее все вещи³⁷. Латинские активные презентные причастия передаются финитными глаголами. Такая трансформация закономерна, поскольку аналогичные партиципиальные конструкции в средневерхненемецком литературном языке встречаются нечасто и воспринимаются как латинские кальки³⁸. Обращает на себя внимание то, что причастия *creans* и *formans* переводятся одним и тем же глаголом *schephen*, а *faciens* и *agens* – *wirken*. Без перевода остается партиципиальная группа *prosperans operationem*.

№ 11. Epistola, 277: 403–404:

Cum enim fit circa hominem Dei assumptio illa Domini et sancti Israel regis nostri, sapiens et pius animus, per illuminantem et adjuvantem gratiam in contemplatione summi

Vnd da von, swenne got den menschen also zivht vnd der mensch ervlht wirt von gnaden, so erkent der mensch in der contemplacion des obersten gvtes die regel der vnwan-

³⁷ Cp. Pfeifer 1995: 1–5, 21–22.

³⁸ См. Paul/Klein/Solms/Wegera 2007: 309, § S 29.

Boni, speculatur etiam regulas incommutabilis veritatis, in quantum ad eas pertingere meretur intellectu amoris et exinde format sibi modum conversationis cujusdam coelestis et formam sanctitatis. Speculatur enim summam veritatem et quae ex ea vera sunt; summum bonum et quae ex eo bona sunt; summam essentiam et quae ex ea sunt. **Illi veritati, illi caritati, illi aeternitati se conformans, in istis se ordinans...**

delbaern warheit, als verre im daz verlihen wirt mit der minne siner verstantnvsse, vnd denne so schephet er im ein mazze eins himlischen lebens vnd ein form der heilikeit. Vnd swenne der mensch dar zů kvmt, so siht er die obrsten warheit vnd swaz da von war ist, vnd siht daz obrste gvt vnd swaz da von gvt ist vnd daz obrste wesen vnd swaz da von ist, vnd da von so **wil sih** der mensch denne **der warheit vnd der ewikeit glichen vnd orden sin leben dar nah.**

Содержание пассажа: в созерцании человек познает правила непреходящей Истины и формирует на этой основе образец святости для себя; следуя этому образцу, он начинает созерцать высшую истину, любовь и вечность и уподобляется им, упорядочивает свою жизнь в соответствии с этим высочайшим образцом³⁹. Как и в предыдущем отрывке (№ 7), латинские обстоятельственные конструкции с презентным активным причастием заменяются в переводе на конструкции финитные, с модальным глаголом *wollen*.

Заслуживает внимание также то, что латинская предложная группа *in istis* в причастном обороте *in istis se ordinans*, играющая роль Restr, переводится местоименным наречием *dar nah*: таким образом, актант, означающий ограничение сферы направленного на объект действия каким-то одним аспектом (Restr) трансформируется в актант со значением образца, критерия и цели (Targ). Это преобразование представляется нам закономерным: глагол *orden*, которым передается латинское причастие *ordinans*, имеет факультативную валентность на предлог *nach*, употребление которого является в исследуемых нами контекстах стереотипным. Но это преобразование, вызванное причиной синтаксического порядка, повлекло за собой замену одного актанта другим, а в содержательной сфере привело к довольно тонкому, однако

³⁹ Ср. Pfeifer 1995: 34, 36–38.

значимому в богословском отношении расхождению со смыслом оригинала.

Анализируя это место «Золотого послания», М. Пфайфер обратила внимание на то, что указательные местоимения *ille* и *iste* употребляются здесь отнюдь не как синонимы: сочетание *in istis* имеет в качестве референта не божественные свойства (*veritas, caritas, aeternitas*), а дела земные, «здешнее»⁴⁰. Таким образом, действия уподобления (*conformare*) и упорядочения (*ordinare*) у Вильгельма направлены в противоположные стороны вертикальной духовной оси: человек приводит себя (свою душу, «внутреннего человека») в состояние подобия Богу в отношении высших и абсолютных категорий истины, любви и вечности, и это дает ему ориентир, по которому он может упорядочить себя («внешнего человека») в повседневной жизни. Действительно, учитывая, что истина, любовь и вечность относятся к числу божественных свойств (а в богословии Псевдо-Дионисия Ареопагита – божественных имен), уподобление души каждому из них равнозначно богоуподоблению. О созерцании Бога как «высшей истины» (*summa veritas*), «высшего блага» (*summum bonum*) и «высшей сущности» (*summa essentia*) и идет речь в предыдущем предложении. Именно в созерцании, даруемом Богом по благодати, человек получает истинное представление о правильном образе жизни, «образец святости»: *Cum enim fit circa hominem Dei assumptio illa Domini et sancti Israel regis nostri, sapiens et pius animus, per illuminantem et adjuvantem gratiam in contemplatione summi Boni, speculatur etiam regulas incommutabilis veritatis, in quantum ad eas pertingere meretur intellectu amoris et exinde format sibi modum conversationis cujusdam coelestis et formam sanctitatis* (Epistola: 403). Таким образом, жизнь созерцательная (*vita contemplativa*), к которой приходит «внутренний человек», определяет активную жизнь «внешнего человека» (*vita activa*)⁴¹.

В связи со сказанным следует обратить внимание на смену объекта действия при переводе последней клаузы: *in istis se ordinans* → *vnd orden sin leben dar nah*. Если в исходном варианте

⁴⁰ Pfeifer 1995: 38.

⁴¹ Ср. Pfeifer 1995: 38.

действие упорядочения, осуществляемое человеком, направлено на него самого, то в переводе – на деятельность человека. Утрачивается, таким образом, кореферентность субъекта и объекта действия. Впрочем, нельзя исключить и того, что существительное *leben* используется в качестве эквивалента латинского *in istis*. Как бы то ни было, но в целом смысл всей клаузы при переводе несколько меняется. В латинском варианте человек упорядочивает **себя в** делах мирских, в немецком – строит **свою жизнь по** истине, **по** любви и **по** вечности. Семантический компонент Targ («по образцу») смысл присутствует в латинском тексте лишь имплицитно, и его появление в переводе возможно лишь на правах толкования.

Референтное противопоставление местоимений *ista – illae, eae* сохраняется также и в следующих латинских клаузах, оставшихся непереуведенными: *illis non supervolitans iudicando, sed suspiciens desiderando, vel inhaerens amando; ista suspiciens, et eis se coaptans et conformans, non sine discretionis iudicio, non sine examine ratiocinationis et iudicio rationis* (Ibid.).

В следующей главе «Золотого послания» (278) развитие темы внутреннего преобразования человека и упорядочения его жизни продолжается.

№ 12. Epistola, 278: 404:

<p>Ex quo concipiuntur et oriuntur virtutes sanctae, imago Dei reformatur in homine, et vita illa Dei ordinatur, a qua homines quosdam alienatos esse conqueritur Apostolus...</p>	<p>Da von wahsent an dem menschen heilig tvgent vnd wirt an im widerpraht daz götlih bild vnd geordent daz götlih leben, von dem frömdent sih etlich lvt, als sant Pavls klagt...</p>
---	--

В приводимом отрывке говорится о том, что преобразование человека и совершенство в жизни активной («внешний человек») и созерцательной («внутренний человек») достигается по мере роста и укрепления его добродетелей⁴². Здесь интересен перевод сентенциальной клаузы *vita illa Dei ordinatur* («жизнь его [человека] упорядочивается по Богу [божественному подобию]»): [*wirt an im*] *geordent daz götlih leben* («упорядочивается в нем

⁴² Ср. Pfeifer 1995: 34, 36–39.

божественная жизнь [жизнь по божественному подобию]»). Значение именной группы *daz gōtlich leben* представляет собой не цель и ориентир, а результат упорядочения: актанта Targ (*Dei*) в переводе, таким образом, резко понижается в синтаксическом ранге, спускаясь до определения к пациентному подлежащему (*gōtlich*). Впрочем, несмотря на указанное логическое несоответствие, общая смысловая эквивалентность между оригиналом и переводом сохраняется.

№ 13. Epistola, 289: 408:

Haec enim unitas hominis cum Deo, vel **similitudo ad Deum, in quantum propinquat Deo, in tantum inferius suum conformat sibi, infimum illi; ut spiritus, et anima, et corpus suo modo ordinata, suis locis disposita, suis meritis aestimata, suis etiam proprietatibus cogitentur**; ut incipiat homo perfecte nosse seipsum, et per cognitionem sui proficiendo, ascendere ad cognoscendum Deum.

Ditz ist div einvng des menschen mit got oder div gelihvnsse des menschen z̄v got. **Als vil er sich der z̄vnaehent, als vil wirt sih avh der geist vnd lib vnd sel dar nach rihtent vnd ordent.** Vnd daz an im kranch ist, daz macht er got vnder-taenik vnd gevellik also, **daz der geist, lib vnd sel – als im zimt – geordent werdent vnd nah ir gaernden bahtet vnd eigentlich daz si sint betracht also,** daz der mensch sich selb beginne ganzlich erkennen vnd von siner bekantvnsse kōm ze der kantvnsse gotes.

Смысл пассажа заключается в том, что степень близости человека к Богу и подобия души Богу (*similitudo / div gelihvnsse*) напрямую зависит от степени упорядоченности духа, души и тела по божественному образу и подобию⁴³.

При переводе сложноподчиненного предложения с придаточным сравнения (*in quantum... in tantum... – als vil... als vil*) примечательны некоторые переводческие решения в оформлении главного предложения. Во-первых, латинский предикатный глагол *conformare* передается синонимической парой рефлексивов *sich rihten* и *sich orden* с общей валентностью на предлог *nach*. Во-вторых, при этом используется конструкция «werden + презентное причастие», характерная для средневерхненемецкого

⁴³ Ср. Pfeifer 1995: 35–37, 42–46.

языка, но не для латыни. Таким образом, привносится дополнительное значение наступления длительного процесса⁴⁴, что хорошо соотносится с общей для всего предложения семантикой определения меры и степени протекания действия, маркированной коррелятивными наречиями *als vil... als vil*.

В лексико-семантическом отношении примечателен интерпретирующий перевод объектной именной группы *infimum* тремя однородными субъектными существительными *der geist vnd lib vnd sel*, которые берутся переводчиком из следующего предложения (*spiritus, et anima, et corpus*). При этом активно-аккузативная диатеза меняется на рефлексивную. Если в оригинале сам человек производит определенное действие в отношении составляющих своей личности в качестве объектов, то в переводе эти объекты т. е. дух, тело и душа, превращаются в субъектов действия, направляя его на самих себя.

На наш взгляд, данные трансформации являются вынужденной мерой, поскольку смысловое различие между латинскими субстантивированными прилагательными *inferius suum* и *infimum* при буквальном переводе могло остаться непонятным для немецкого читателя. *Inferius* (сравнительная степень ср. р. от *inferus*) переводчик отождествляет с плотским, подверженным искушениям компонентом человеческой природы (*daz an im kranck ist*), а *infimum* (превосходная степень от *inferus*), глубины души, – с «внутренним человеком» в виде трех составляющих – духа, тела и души. Однако немецкая интерпретация не соответствует смыслу латинского текста. Смысл оригинальной фразы заключается в том, что более низкую, телесную составляющую своей личности человек подчиняет себе самому (своему духу), а глубинную, духовную («внутреннего человека») – Богу.

Следующее преобразование – перевод ряда латинских соподчиненных оборотов с перфектными пассивными причастиями в придаточном цели (*ut spiritus, et anima, et corpus suo modo ordinata, suis locis disposita, suis meritis aestimata, suis etiam proprietatibus cogitentur*) при помощи немецких финитных клауз является закономерным, не нарушает исходного смысла и поэтому не представляет для нас особого интереса.

⁴⁴ См. Paul/Klein/Solms/Wegera 2007: 307, § S 28.

Подведем некоторые итоги. Мы рассмотрели 13 пассажей «Золотого послания» Вильгельма из Сен-Тьерри, которые посвящены проблематике духовного становления человека. В предельно обобщенном виде суть авторской концепции состоит в том, что человек на пути к Богу движется от упорядочения своего внешнего поведения и внутренней жизни – через духовное обновление и восстановление первоначального, установленного Богом порядка в душе – к обретению душой божественного подобию и мистическому единению с Богом.

В 10 текстовых пассажах были обнаружены случаи грамматической асимметрии, частично влекущей нарушение смысловой эквивалентности переводного текста и оригинала.

В центре нашего внимания оказались актантно-предикатные отношения в финитных и нефинитных клаузах, в которых реализуется исследуемый семантический континуум. Сопоставительный анализ латинских и немецких конструкций в данном ключе позволил выявить ряд тонких языковых различий, которые привносятся переводчиком отчасти сознательно (и в таком случае являются проявлением и следствием определенных переводческих стратегий), а отчасти неосознанно, вследствие неверного понимания латинского текста.

В сфере концептуально нагруженной лексики, выполняющей в рассмотренных предикативных и непредикативных (причастных, инфинитивных) конструкциях конституирующую функцию, обнаруживается предпочтение переводчика в пользу глаголов (*sich*) *orden* и (*sich*) *rihten*, выступающих в качестве синонимов; глаголу *orden* синонимичен также глагол *zieren*. Оба глагола *orden* и *zieren* являются эквивалентами латинского глагола *componere* и образованного от него абстрактного существительного *compositio*. Помимо этого, *orden* выступает в качестве переводного соответствия для латинских глаголов (или же образованных от них причастий) *ordinare* (преимущественно), *disponere*, *morigerare*. При помощи *rihten* переводятся несколько латинских глаголов, имеющих разное значение и относящихся к двум разным группам (I и II) исследуемого смылового комплекса: *ordinare*, *formare*, *vivificare*, *regere*. В возвратном употреблении глаголы *orden* и *rihten* являются парным соответствием латинского *conformare*.

Если глаголы *orden*, *rihten* и *zieren* могут использоваться в качестве парных синонимов при переводе одного латинского глагола, то в других случаях наблюдается обратная тенденция к переводу двух латинских синонимов одним немецким глаголом, причем в рамках одного сложного предложения. В частности, латинским презентным причастиям *creans* и *formans* соответствует средневерхнемецкий глагол *schepfen*, а причастиям *faciens* и *agens* – глагол *wirken* (пассаж № 10).

Перечисленными латинскими и немецкими глаголами и причастиями далеко не исчерпывается лексико-семантический потенциал, наблюдаемый в цистерцианско-францисканской литературе, однако проведенное сопоставление латинской и средневерхнемецкой редакций «Золотого послания» позволило соотнести между собой наиболее частотные лексемы обеих языковых традиций.

На уровне целых конструкций в проанализированных отрывках «Золотого послания» наблюдаются различные проявления асимметрии, начиная с пропуска элементарных предложений (пассаж № 3) и заканчивая употреблением синтаксически и семантически избыточных конструкций в целях стилистического варьирования (№ 6). Между этими полюсами располагается целая палитра промежуточных переводческих решений. Смена семантико-синтаксической схемы предложения при переводе, зачастую вызванная использованием ядерных глагольных лексем с иной валентностной структурой, практически неизбежно влечет за собой изменение логико-синтаксических связей в предложении и, следовательно, трансформацию исходного смысла (например, в № 1, 8, 11, 13). Может понижаться или повышаться синтаксический ранг актантов (№ 12), меняться диатеза. В частности, латинская декаузативная, стативная или possessивная конструкция может быть преобразована в немецкую активную или автокаузативную, а активно-аккузативная – в рефлексивную (№ 2, 3, 6). Заметна тенденция к синтаксическому упрощению конструкций (№ 3, 6, 10, 11). Упрощение, однако, не обязательно бывает связано с какой-то конкретной переводческой стратегией, а может быть вызвано общими закономерностями языковой системы, ставящей «фильтры» для некоторых латинских грамматических конструкций в виде стилистических ограничений – как в

случае с заменой латинских активных презентных причастий немецкими финитными глаголами. Наконец, при лексико-синтаксических трансформациях возможно использование компенсаторных механизмов, способствующих сохранению хотя бы приближительной смысловой эквивалентности (№ 5).

Литература

Источники:

Рукописи:

M₂ – Bayerische Staatsbibliothek München, Cgm 183.

Издания:

Дионисий Ареопагит – Дионисий Ареопагит. О божественных именах. О мистическом богословии. / Вступ. ст. и пер. Г. М. Прохорова. СПб., 1995.

BgH – Unger H. Geistlicher Herzen Bavingart. Ein mittelhochdeutsches Buch religiöser Unterweisung aus dem Augsburger Franziskanerkreis des 13. Jahrhunderts. Untersuchungen und Text. München, 1969. (Münchener Texte und Untersuchungen 24).

DA – David ab Augusta O. F. M. De exterioris et interioris hominis compositione secundum triplicem statum incipientium, proficientium et perfectorum libri tres, castigati et denuo editi a pp. collegii S. Bonaventurae. Ad Claras Aquas. Quaracchi, 1899.

DM I – Deutsche Mystiker des 14. Jahrhunderts. Hg. von Fr. Pfeiffer. Bd. I. Leipzig, 1845.

Epistola – Honemann V. Die *Epistola ad fratres de Monte Dei* des Wilhelm von Saint-Thierry. Lateinische Überlieferung und mittelalterliche Übersetzungen. München 1978 (= Münchener Texte und Untersuchungen 61). S. 288–413.

Исторические грамматики и справочники:

Hofmann/Szantyr 1972 – Hofmann J. B. Lateinische Syntax und Stilistik. Neubearb. v. A. Szantyr. München, 1972.

Leumann 1977 – Leumann M. Lateinische Laut- und Formenlehre // Leumann M., Hofmann J. B., Szantyr A. Lateinische Grammatik. Bd. 1. München, 1977.

Meiser 1998 – Meiser, G. Historische Laut- und Formenlehre der lateinischen Sprache. Darmstadt, 1998.

Menge 2005 – Menge H. Handbuch der lateinischen Syntax und Semantik. Völlig neu bearb. von Th. Burkard u. M. Schauer. 4. Aufl. Darmstadt, 2005.

Paul/Klein/Solms/Wegera 2007 – Paul H. Mittelhochdeutsche Grammatik. 25. Aufl., neu bearbeitet von Th. Klein, H.-J. Solms u. K.-P. Wegera. Mit einer Syntax von I. Schröbler, neu bearb. und erw. von H.-P. Prell. Tübingen, 2007.

Словари:

- Lexer – Lexer M. *Mittelhochdeutsches Handwörterbuch*. 3 Bde. Leipzig, 1872–1878; <http://woerterbuchnetz.de/Lexer/>.
 BMZ – *Mittelhochdeutsches Wörterbuch*. Mit Benutzung des Nachlasses von G. Friedrich Benecke ausgearb. von W. Müller und Fr. Zarncke. 3 Bde. Leipzig, 1854–1866; <http://woerterbuchnetz.de/BMZ/>.
 DWB – *Deutsches Wörterbuch von Jacob und Wilhelm Grimm*. 16 Bde. in 32 Teilbänden. Leipzig 1854–1961. *Quellenverzeichnis*: Leipzig, 1971;
 OLD – *Oxford Latin Dictionary*. Oxford, 1968.

Исследования:

- Бондарко 2007 – Бондарко Н. А. Давид Аугсбургский как мастер традиционной словесности // *Символ. Журнал христианской культуры, основанный Славянской библиотекой в Париже*. № 51 (2007). С. 331–356.
 Бондарко 2008 – Бондарко Н. А. *Quaeris quid agas, in quo te occupes?* Модальность долженствования в «Послании к братии Мон-Дьё» Вильгельма из Сен-Тьерри (латинская и средневерхненемецкая редакции) // *Индоевропейское языкознание и классическая филология – XII*. Материалы чтений, посвященных памяти профессора Иосифа Моисеевича Тронского. 23–25 июня 2008. Отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб., 2008. С. 34–48.
 Бондарко 2010 – Бондарко Н. А. Долженствование и необходимость в немецкой францисканской прозе XIII–XV вв.: стереотипные языковые структуры и их варьирование // *Вестник Российского гуманитарного научного фонда*. № 3 (60). 2010. С. 132–139.
 Генюшине/Недялков 1991 – Генюшине Э.Ш., Недялков В.П. Типология рефлексивных конструкций // *Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость*. СПб., 1991. С. 241–276.
 Князев 2007 – Князев Ю. П. *Грамматическая семантика. Русский язык в типологической перспективе*. М., 2007.
 Крылов 2004 – Крылов С. А. Диатеза и смежные понятия: некоторые соображения об их соотношении // *Типологические обоснования в грамматике: К 70-летию проф. В.С. Храковского* / Отв. ред. С.Ю. Дмитренко. М., 2004. С. 259–267.
 Крылов 2011 – Крылов С. А. Типы диатез в русском языке // *Русский язык в научном освещении*, № 1 (21), 2011. С. 47–76.
 Маслов 1983 – Маслов Ю. С. Результатив, перфект и глагольный вид // *Типология результативных конструкций (результатив, стив, пассив, перфект)* / Отв. ред. В. П. Недялков. Л., 1983. С. 54–65.
 Плунгян 2011 – Плунгян В. А. *Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира*. – М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2011.
 Холодович 1979 – Холодович А. А. *Проблемы грамматической теории*. Л., 1979.
 Храковский 1999 – Храковский В. С. Диатеза и референтность (к вопросу о соотношении активных, пассивных, рефлексивных и

- реципрокных конструкций) // Теория языкознания. Русистика. Арабистика. СПб., 1999. С. 67–101.
- Bohl 2000 – Bohl C. Geistlicher Raum: Räumliche Sprachbilder als Träger spiritueller Erfahrung, dargestellt am Werk *De compositione* des David von Augsburg. Werl, 2000 (Franziskanische Forschungen 4).
- Bondarko 2007 – Bondarko N. A. Die sprachlichen Erscheinungsformen der deontischen Modalität in der *Epistola ad fratres de Monte Dei* Wilhelms von Saint-Thierry und in deren mittelhochdeutschen Übertragung // Probleme der historischen deutschen Syntax unter besonderer Berücksichtigung ihrer Textsortengebundenheit. Akten zum Internationalen Kongress an der Freien Universität Berlin 29. Juni bis 3. Juli 2005. Hg. von Franz Simmler und Claudia Wich-Reif. Berlin, 2007. S. 151–195.
- Déchanet 1975 – Déchanet J. Guillaume de Saint-Thierry: Lettre aux Frères du Mont-Dieu (Lettre d'or). Introduction, text critique, traduction et notes. Paris, 1975 (Sources chrétiennes 223).
- Heerinckx 1933 – Heerinckx J. 'Influence de l'*Epistola ad Fratres de Monte Dei* sur la composition de l'homme extérieur et intérieur de David ab Augusta' // *Etudes Franciscaines*, 45 (1933). P. 332–347.
- Honemann 1978 – Honemann V. Lateinische und volkssprachliche Überlieferung. Die Verbreitung der ‚Epistola‘ im Mittelalter // Honemann V. *Die Epistola ad fratres de Monte Dei* des Wilhelm von Saint-Thierry. Lateinische Überlieferung und mittelalterliche Übersetzungen. München 1978 (= Münchener Texte und Untersuchungen 61). S. 1–218.
- Honemann 1989 – Eine neue Handschrift der deutschen ‚Epistola ad fratres de Monte Dei‘ // Überlieferungsgeschichtliche Editionen und Studien zur deutschen Literatur des Mittelalters. Kurt Ruh zum 75. Geburtstag. Hg. von K. Kunze, J.G. Mayer, B. Schnell. Tübingen, 1989 (Texte und Textgeschichte 31), S. 333–349.
- Müller 2005 – Müller D. Gesellschaft und Individuum um 1300 in volkssprachlicher franziskanischer Prosa. Diss. Phil. Köln, 2003; <http://kups.uni-koeln.de/volltexte/2005/1487/>.
- Palmer 2005 – Palmer N.F. Deutschsprachige Literatur im Zisterzienserorden. Versuch einer Darstellung am Beispiel der ostschwäbischen Zisterzienser- und Zisterzienserinnenliteratur im Umkreis von Kloster Kaisheim im 13. und 14. Jahrhundert // *Zisterziensisches Schreiben im Mittelalter – Das Skriptorium der Reiner Mönche. Beiträge der Internationalen Tagung im Zisterzienserstift Rein, Mai 2003*. Hg. von A. Schwob u. K. Kranich-Hofbauer. Bern; Berlin; Frankfurt, 2005. S. 231–266. (Jahrbuch für Internationale Germanistik, Reihe A, Bd. 71).
- Pfeifer 1994 – Pfeifer M. Wilhelms von Saint-Thierry Goldener Brief und seine Bedeutung für die Zisterzienser (I) // *Analecta Cisterciensia* 50 (1994). S. 3–250.
- Pfeifer 1995 – Pfeifer M. Wilhelms von Saint-Thierry Goldener Brief und seine Bedeutung für die Zisterzienser (II) // *Analecta Cisterciensia* 51 (1995). S. 3–109.

И. В. Бродский

НОМИНАЦИЯ РАСТЕНИЙ ПО ПРИЗНАКУ НАЛИЧИЯ ХАРАКТЕРНОГО ЗАПАХА В ФИННО-ПЕРМСКИХ ЯЗЫКАХ

В финно-угорских языках, как и во многих других языках мира, распространена номинация растений по различным признакам. Одним из таких признаков является наличие выраженного запаха. В данной статье номинация растений по признаку запаха рассмотрена на материале финно-пермских языков – одной из двух основных языковых ветвей финно-угорской группы. В качестве материала мы привлекаем лишь народные фитонимы; автор обращался к нему неоднократно, в т. ч. в монографической работе (Бродский 2007), где некоторое внимание было уделено и теме предлагаемой статьи.

Номинация по данному признаку не распространена широко в финно-пермских языках: количество примеров по большинству языков ограничено всего лишь несколькими десятками. Повидимому, причина этого в том, что растений, обладающих выраженным запахом, в местах проживания народов, говорящих на финно-пермских языках, совсем не много.

Как правило, рассматриваемые нами названия растений в финно-пермских языках являются сложными (или составными), в которых первый компонент представляет собой имя-носитель признака номинации (существительное или прилагательное), а в качестве второго компонента выступает детерминант (определи-тель класса объекта номинации). Для рассматриваемых языков в качестве детерминантов обычно выступают слова со значениями 'трава', 'корень', 'цветок', 'дудчатый стебель'. Детерминант может быть и самостоятельным названием растения, с которым сравнивается номинируемое, например, *эст. lehk||haab* 'разновидность тополя', букв. 'пахучая осина'. В виде исключения носителем признака номинации может быть и второй, определяемый компонент, например, в *коми-зыр. ош||табак*

‘багульник болотный’, букв. ‘медвежий табак’, где определяемый компонент *табак* (< рус.) является носителем признака характерного запаха.

В роли носителей признака номинации «запах» выступают:

а) качественные прилагательные со значением запаха (*эст. haisukas* ‘пахучий’, *коми зына* ‘пахучий, вонючий’);

б) существительные со значением ‘запах, вонь, аромат’ (фин. *tuoksu* ‘аромат’, вепс. **haju** ‘вонь, интенсивный запах’, удм. *зын* ‘запах’).

Как правило, в финно-пермских языках семантическое разграничение по характеру запаха вида ‘запах’ – ‘вонь’, ‘обладающий запахом’ – ‘вонючий’ выражено недостаточно. В отдельных случаях в близкородственных языках слово-носитель признака запаха может иметь разные оттенки значения: например, в вепсском языке *haju* в большинстве говоров имеет значение ‘резкий неприятный запах, вонь’, тогда как фин. *haju* имеет значение ‘запах’ (фин. *haisu* ‘вонь’).

В качестве определяющей части сложного фитонима – носителя признака номинации – может выступать словосочетание, напр., эрз. *тантей чине* ‘душистый’, удм. *ческыт зыно* ‘сладкий аромат’.

Ниже приводятся примеры финно-пермских фитонимов, мотивированных наличием характерного запаха у растения:

Прибалтийско-финские языки

Финский язык: *haisu||heinä* ‘бор развесистый’, ‘душистый колосок’, ‘зубровка душистая’, букв. ‘вонючая трава’; *haisu||ruoho* ‘душистый колосок’, букв. ‘вонючая трава’; *haju||heinä* ‘бор развесистый’, ‘душистый колосок’, ‘зубровка душистая’, ‘ромашка пахучая (безъязычковая)’, букв. ‘пахучая трава’; *haju||herne* ‘душистый горошек’, букв. ‘пахучий горох’; *haj||kukka* ‘резеда душистая’, букв. ‘пахучий цветок’; *haju||ruoho* ‘душистый колосок’, ‘зубровка душистая’, букв. ‘пахучая трава’; *mansikka||heinä* ‘ромашка пахучая (безъязычковая)’, букв. ‘земляничная трава’; *simake* ‘душистый колосок’, мотивировано *sima* ‘мед (напиток)’, то есть, ‘обладающий запахом меда’; *tuhhi||heinä* ‘мята полевая’, букв. ‘дух-трава’ (компонент *tuhhi* < рус.); *tuoksu||heinä* ‘душистый колосок’, букв. ‘душистая,

ароматная трава'; *tuoksu||herne* 'душистый горошек', букв. 'душистый, ароматный горох'.

Фин. *hiki||heinä* 'душистый колосок', 'зубровка душистая', букв. 'пот-трава' ('трава от пота'), также может быть отнесено к рассматриваемой группе названий. Растение использовали в целях дезодорирования.

Те же растения, в номинации которых существенным является признак наличия запаха, часто имеют в финском языке названия, связанные с культом или мифологией, например, к душистому колоску относятся названия *maarianheinä*, *marjan makuuheinä*, *neitsy maarian sänkyruoho*, к зубровке душистой – названия *maarianheinä*, *maarian sänkyruoho*, *neitsy maarian kukka*, *neitsy maarian sänkyheinä*, *neitsy maarian sänkyruoho*, к ромашке пахучей – названия *juhannuksen kukka*, *juhanin kukkainen*, *juhannuksen nunnu*, *juhannusheinä* и др. Несомненно, подобная номинация связана с приятным запахом указанных растений, использовавшихся для украшения и ароматизации помещений.

Высказанное Ю. Коппалевой предположение (Коппалева 2007: 71, 204–205) о том, что финский ингерманландский фитоним *hevosen||kus' ||kukka* 'незабудка', 'ятрышник', букв. 'цветок лошадиной мочи', отражает дурной запах растения, не кажется нам верным. Модель номинации «моча животного (чаще лошади, собаки, кошки) + детерминант» необычайно распространена в финно-угорских языках. По нашим наблюдениям, моча обычно является носителем признака цветности, а не запаха. Кроме того, удивляет само сравнение запахов указанных растений с запахом лошадиной мочи; впрочем, обонятельное восприятие может быть весьма субъективным.

Карельские наречия: Кар. собств. *haisu||heinä* 'разновидность осоки' (KKS I: 149), букв. 'пахучая трава'

Вепсский язык: В вепсском языке номинация по признаку наличия сильного запаха присутствует только в простых и сложных названиях черной смородины: *haju||bol*, *haju||mar'j*, букв. 'пахучая, вонючая ягода'; *haju||penzaz*, букв. 'пахучий, вонючий куст'; *hajuč*, *hajučein'e*, мотивировано *haju* 'вонь, сильный запах'.

Тот факт, что признаком запаха мотивированы названия лишь одного вида смородины, не дает возможности предполагать

калькирования рус. *смородина*; в противном случае, образовавшаяся калька относилась бы ко всем разновидностям растения.

Эстонский язык: *haisukas* 'незабудка', букв. 'пахучая'; *haisu||lill* 'душица', 'мята полевая', букв. 'пахучий цветок'; *lehk||haab* 'разновидность тополя', букв. 'пахучая осина'.

Мордовские языки

Эрзянский язык: *тантей чине цецяка* 'душица', букв. 'душистый цветок'

Мокшанский язык: *шени почка* 'дягиль', 'дудник', букв. 'душистый дудник'.

Марийский язык: *пушан||шудо* 'ромашка пахучая'; 'мята', букв. 'пахучая трава'; *тамак||пеледыш* 'душистый табак', букв. 'табачный цветок'

Пермские языки

Коми-зырянский язык: *дука вуж* 'валериана лекарственная, волжская', букв. 'пахучий корень'; *дука турун* 'лабазник вязолистный', 'пастушья сумка', букв. 'пахучая трава'; *зын||турун* 'багульник болотный', букв. 'вонючая трава'; *зына||пу* 'бузина', букв. 'вонючее, сильно пахнущее дерево'; *ис||вуж* 'багульник болотный', букв. 'вонючий корень'; *ис||турун* 'багульник болотный', букв. 'вонючая трава'; *ладан||турун* 'валериана лекарственная, волжская', букв. 'ладан-трава' (ладан < рус.); *ош||табак* 'багульник болотный', букв. 'медвежий табак'

Коми-пермяцкий язык: *зына||пу* 'бузина', букв. 'вонючее, сильно пахнущее дерево'; *зына||пучка* 'дурман', букв. 'вонючий дудник'; *зына||турун* 'дурман', букв. 'вонючая трава'; *ладан||турун* 'валериана лекарственная', букв. 'ладан-трава'

К *зына||пучка* см. также рус. *вонькая дудка* 'дягиль' (СРНГ 5: 93, в т. ч. Архангельская губ.), *вонька дудка* 'пикан' (СРНГ 5: 93, Пермская обл.)

Удмуртский язык: *зын||порни* 'пикульник', букв. 'пахучий пикульник'; *зын||турын* 'донник', 'мята', букв. 'пахучая трава'; *зыно||турын* 'ромашка', букв. 'трава с запахом'; *ческыт зыно чина* 'чина душистая', букв. 'чина со сладким ароматом'

* * *

В ряде случаев в финно-пермских языках наблюдается определенная общность моделей номинации растений по признаку запаха. Ниже перечислены случаи такой общности.

Модель 'пахучая трава': фин. *haju||heinä* 'бор развесистый', 'душистый колосок', 'зубровка душистая', 'ромашка пахучая (безъязычковая)', *haju||ruoho* 'душистый колосок', 'зубровка душистая'; кар. собств. *haisu||heinä* 'разновидность осоки'; мар. *пушан||шудо* 'ромашка пахучая'; 'мята'; коми зыр. *дука турун* 'лабазник вязолистный', 'пастушья сумка'; удм. *зын||турын* 'донник', 'мята', *зыно||турын* 'ромашка'

В татарском языке, контактном для марийского и удмуртского языков, модель обозначает чабрец и чабер (*исле үлән*).

Вероятнее всего, перечисленные названия сформировались в каждом языке отдельно. Это же можно сказать и относительно следующей модели.

Модель 'вонючая (сильно либо плохо пахнущая) трава': фин. *haisu||heinä* 'бор развесистый', 'душистый колосок', 'зубровка душистая', *haisu||ruoho* 'душистый колосок'; коми зыр. *зын||турун* 'багульник болотный', *ис||турун* 'багульник болотный'; коми перм. *зына||турун* 'дурман'

Модель 'пахучий цветок': фин. *haju||kukka* 'резеда душистая'; эст. *haisu||lill* 'душица', 'мята полевая'

Следующие две модели являются общими для коми языков, то есть имеет общекоми происхождение. Фитонимы относятся к одним и тем же растениям.

Модель 'вонючее, сильно пахнущее дерево': коми зыр. *зына||пу* 'бузина'; коми перм. *зына||пу* 'бузина'

Модель 'ладан-трава': коми зыр. *ладан||турун* 'валериана лекарственная, волжская'; коми перм. *ладан||турун* 'валериана лекарственная'

В контактном русском языке, кроме указанных, имеется множество других фитонимов, мотивированных *вонь-*, например, *вонюка*, *вонючка*, *вонявка*, *вонячка*, а также оформленных словосочетаниями с прилагательным *вонючий* (*вонючее зелье*, *вонючая трава* и др.). Однако указанные названия фиксируются, как правило, в отдалении от финно-угорских ареалов. Сюда же *душица* (*душиница*) 'багульник', 'будра плющевидная', 'кассан-

дра', 'мята', 'чабрец', 'чабер', *душанка* 'мята', *душечник* 'пижма' и др. Общераспространено название *смородина*. Русские названия, номинация которых произведена по признаку наличия характерного запаха, как правило, простые по форме – в отличие от финно-угорских.

Из вышесказанного можно сделать следующие выводы. Номинация растений по признаку запаха распространена слабо, а в ряде языков, насколько можно судить по всем доступным на сегодняшний день данным, она полностью отсутствует. Общность моделей такой номинации не имеет сколько-нибудь древнего происхождения; исключения составляют коми-зырянские и коми-пермяцкие названия, явно имеющие общее происхождение. Далее, обращение к данным контактных языков показывает отсутствие калькирования фитонимов, образованных по рассматриваемым моделям. Таким образом, следует признать независимость происхождения и функционирования таких моделей в различных финно-пермских языках.

Сокращения названий языков

вепс. – вепский, кар. – карельские наречия (кар. собств. – собственно-карельское наречие), мар. – марийский, мокш. – мокшанский, морд. – мордовские языки, рус. – русский, тат. – татарский, удм. – удмуртский, фин. – финский, эрз. – эрзянский, эст. – эстонский

Литература

- Бродский 2007 – Бродский И. В. Названия растений в финно-угорских языках. СПб.: «Наука», 2007.
- Коппалева 2007 – Коппалева Ю. Э. Финская народная лексика флоры. Петрозаводск, 2007.
- СРНГ – Словарь русских народных говоров. Вып. 1–43. М. Л., 1965–2010
- KKS – Karjalan kielen sanakirja. Toim. Virtaranta P. – Lexica Societatis Fenno-Ugricae. Helsinki. 1 osa – 1968, 2 osa – 1974, 3 osa – 1983, 4 osa – 1993, 5 osa – 1997, 6 osa – 2005.

А. А. Бурыкин

ДВЕ ЗАМЕТКИ ОБ ОНЕГИНСКОЙ СТРОФЕ

1. К происхождению онегинской строфы: Пушкин и Вордсворт

У каждого филолога, дошедшего до степеней известных, – а юбиляр бесспорно таковым является, – есть свои любимые сюжеты, темы, наблюдения, заметки, выходящие далеко за ту сферу деятельности, в которой он известен. Многие из таких заметок или наблюдений долгое время лежат под спудом, и могут даже никогда не быть явлены миру в озвученном или письменном виде.

Есть свои филологические пристрастия и у Н. Л. Сухачева и понятно, романист по образованию, он не может не любить европейскую литературу и тем более готов обсуждать связанные с ней сюжеты со своими коллегами.

Нижеследующие заметки – из того, что лежит, дожидаясь своего часа как подношение коллеге.

То, что онегинская строфа изобретена А. С. Пушкиным для его романа в стихах «Евгений Онегин» – рассуждение из школьного учебника, которое практически никогда не бралось и не берется под сомнение. В специально посвященной этой строфе диссертации (Постоутенко 1992) и блестящем исследовании М. Л. Гаспарова проблема генезиса онегинской строфы даже не обсуждается. О том, что онегинская строфа была создана Пушкиным для своего романа – единственного романа в стихах в русской поэтической традиции – говорит и В. Е. Холшевников (Холшевников 2000: 144). О. Н. Гринбаум, занимавшийся проблемами формальной организации стиха, в своих наблюдениях и выводах, относящихся к онегинской строфе (не только у Пушкина, но и у его последователей: Гринбаум 2000; 2001), обращает внимание на статью Ю. М. Никишова. – одну из немногих работ, в которой

обсуждается проблема генезиса онегинской строфы и ее возможных источников (Никишов 1992).

Вне поля зрения авторов, пишущих на эти темы, осталась статья В. В. Сперантова, в которой весьма емко дан и обзор имеющейся литературы, и основные точки зрения на генезис онегинской строфы. В. В. Сперантов пишет: «По мнению Л. П. Гроссмана, образцом для онегинской строфы мог послужить сонет (Гроссман 1924, 125–131; ср. Квятковский 1966, 185; Nabokov 1981, 10, 12–13; а также Шапир 1990, 344 прим. 6); по мнению Г. Н. Пospelова, пушкинская строфа восходит к байроновским октавам (1941, 154; ср. Тынянов 1929, 279; Nabokov 1981, 10). Позднее обе точки зрения соединил В. А. Никонов: «Источники О<негинской> с<строфы> – сонет и октава» (1974, 253). Ю. Н. Тынянов (1929, 279–280) усмотрел генетическую связь «Онегина» с экспериментами в области одической строфики. А. П. Квятковский обратил внимание на 14-стишную строфу державинской оды «На новый 1797 год» (1966, 185–186; ср. Тимофеев 1928, 71 прим. 1; Томашевский 1929, 77–79 прим. 1). И наконец, М. Л. Гаспаров, который назвал сходство онегинской строфы с четырнадцатистишием сонета «чисто внешним», фактически присоединился ко взглядам Тынянова на ее родство с одой: «<...> неожиданным зачатком ее можно считать разве что редкую одическую строфу АБАБ + ВгГВ + дд из оды С. Боброва на годовщину основания Петербурга» (Гаспаров 1984, 154) (Сперантов 1996, 125–126). И даже в примечании автор продолжает: «Не совсем понятно, почему строфу типа AbAbCddCee М. Л. Гаспаров называет редкой и приписывает ее Боброву. Впервые ее употребил Богданович («Ода из псалмов 1-ая», 1761), но до Боброва она встречается также у Капниста, Крылова, Клушина, И. Кованько и Карамзина (см. Smith 1977, 433)». (Сперантов 1996, 130).

В весьма содержательном обзоре В. В. Сперантова учтена еще одна область поиска источников онегинской строфы – это ямбические формы со свободно чередующимися формами рифм. Однако В. В. Сперантов в своем освещении этой проблемы ограничился анализом астрофических текстов самого А. С. Пушкина (Сперантов 1996: 126).

Между тем именно по этому пути – по пути возможного выведения онегинской строфы из астрофических форм (что осуществлено ранее всех предположений о трансформации каких-то апробированных строф в онегинскую) пошел А. А. Илюшин в своих стремлениях определить источники онегинской строфы у предшественников Пушкина, представляющих европейские поэтические традиции. А. А. Илюшин, рассмотрев поэтические тексты на французском и английском языках, с которыми должен был быть знаком или мог быть знаком Пушкин, отмечает, что конфигурация рифм *ababccddeffegg*, определяющая онегинскую строфу, присутствует в одном из фрагментов поэмы Э. Парни «Война богов», а также во фрагменте поэмы Байрона «Абидосская невеста», кроме этого, в поэме Байрона «Паризина», в главе 9 встречается фрагмент в 15 строк, с тройкой рифм вместо пары в середине (Илюшин 1977: 94, 95).

Сходные наблюдения были сделаны и В. В. Набоковым, отметившим аналогичные конфигурации рифм в астрофических произведениях Ж. Лафонтена а также в поэме И. И. Дмитриева «Ермак» (Набоков 1998: 38).

Идея строфизации формы со свободно чередующимися формами рифм как основание для поисков источников онегинской строфы, пожалуй, выглядела наиболее перспективной в том плане, что сам исследуемый материал – Парни, Байрон – очень хорошо согласуется с литературными пристрастиями Пушкина, а вечная тема «Байрон и Пушкин» (см. Жирмунский 1978) приобретает новое направление исследования. Здесь есть только один вопрос – почему онегинская строфа оказалась единственной строфой, которую породили европейские, в первую очередь английские и русские астрофические ямбы и астрофические формы в целом. Однако, на наш взгляд, размышления А. А. Илюшина, будучи в целом верными, подсказали еще один возможный источник онегинской строфы – стихи английских поэтов, современников Байрона и Пушкина.

Как ни странно, что данное наблюдение не было сделано до сих пор, но близкая параллель к онегинской строфе отыскивается среди экспериментальных, эксклюзивных, авторских строфических форм. Хорошо известно, что В. Вордсворт был не просто знаменитым поэтом – он был выдающимся экспериментатором в

области поэтических форм. Как кажется на первый взгляд, количество вариаций форм сонета, использованных им в практике, превосходит число вариантов сонета известных в русской поэтической традиции (см. Горбунов 2006; Западноевропейский сонет 1988; в антологию русского сонета (Русский сонет 1983) вошли и переводные образцы этой формы).

В стихотворении В. Вордсворта «Ode to Lycoris», написанном в мае 1817 года, произведении, которое считается одним из шедевров Вордсворта, использована весьма необычная строфа. Приведем это стихотворение полностью:

I

An age hath been when Earth was proud
Of lustre too intense
To be sustained; and Mortals bowed
The front in self-defence.
Who 'then', if Dian's crescent gleamed,
Or Cupid's sparkling arrow streamed
While on the wing the Urchin played,
Could fearlessly approach the shade?
--Enough for one soft vernal day,
If I, a bard of ebbing time,
And nurtured in a fickle clime,
May haunt this horned bay;
Whose amorous water multiplies
The flitting halcyon's vivid dyes;
And smooths her liquid breast--to show
These swan-like specks of mountain snow,
White as the pair that slid along the plains
Of heaven, when Venus held the reins!

II

In youth we love the darksome lawn
Brushed by the owlet's wing;
Then, Twilight is preferred to Dawn,
And Autumn to the Spring.
Sad fancies do we then affect,
In luxury of disrespect
To our own prodigal excess
Of too familiar happiness.
Lycoris (if such name befit
Thee, thee my life's celestial sign!)

When Nature marks the year's decline,
 Be ours to welcome it;
 Pleased with the harvest hope that runs
 Before the path of milder suns;
 Pleased while the sylvan world displays
 Its ripeness to the feeding gaze;
 Pleased when the sullen winds resound the knell
 Of the resplendent miracle.

III

But something whispers to my heart
 That, as we downward tend,
 Lycoris! life requires an 'art'
 To which our souls must bend;
 A skill--to balance and supply;
 And, ere the flowing fount be dry,
 As soon it must, a sense to sip,
 Or drink, with no fastidious lip.
 Then welcome, above all, the Guest
 Whose smiles, diffused o'er land and sea,
 Seem to recall the Deity
 Of youth into the breast:
 May pensive Autumn ne'er present
 A claim to her disparagement!
 While blossoms and the budding spray
 Inspire us in our own decay;
 Still, as we nearer draw to life's dark goal,
 Be hopeful Spring the favourite of the Soul!

Строфа, примененная в этом стихотворении Вордсвортом, состоит из 18 строк, в которых в первом четверостишии четырехстопный ямб чередуется с трехстопным, а остальные строки представляют сплошь четырехстопный ямб. Конфигурация рифм в вордсвортовской строфе «Оды к Ликориде» имеет вид ababccddeedgghhijj – иными словами, в ней представлены 4 строки с перекрестной рифмовкой, 4 строки со смежной рифмовкой и 4 строки с охватывающей рифмовкой, к которым добавлены завершающие эту строфу три пары строк со смежной рифмовкой. То есть в рассматриваемой оде Вордсворта перед нами предстает строфическая конструкция, в которой 14 первых строк рифмуются в точном соответствии с онегинской строфой, но к

ним добавляются еще 2 пары строк со смежными рифмами. Что касается характера клаузул, то, кажется, никто из исследователей в поисках аналогов онегинской строфы на уровне системы рифм не настаивал на том, что аналоги онегинской строфы будут признаны таковыми непременно при совпадении чередующихся клаузул с пушкинскими (Сперантов 1996: 128).

Любопытно, что на сходство строфы «Оды к Ликориде» Вордсворта с онегинской строфой обратил внимание В. Набоков в своем комментарии к «Евгению Онегину», написанном еще в начале 1960-х годов (Набоков 1998, 40), однако же это наблюдение осталось без внимания большинства исследователей. В свою очередь, кажется, и сам В. Набоков не придал значения тому, что «Ода к Ликориде» была написана Вордсвортом в 1817 году, и, следовательно, Пушкин мог быть знаком с ее текстом еще до начала работы над романом «Евгений Онегин» и теми произведениями, с которыми соотносится онегинская строфа («Таврида») – хотя и обратил внимание на сходства отдельных фрагментов Вордсворта с текстом «Евгения Онегина» (Набоков 1998: 484). Впрочем, В. В. Набоков, как нам кажется, ошибся в трактовке размера «Оды к Ликориде», это именно четырехстопный ямб с появлением трехстопного во 2 и 4 строках, в то время как Набоков характеризует эту строфу как состоящую из «восемнадцати неравностопных строк» (Набоков 1998, 40). Вордсвортовская «Ода к Ликориде», таким образом, появилась на свет и не слишком рано для того, чтобы сходство ее формы с онегинской строфой было бы случайным, и не слишком поздно, так, чтобы можно было говорить о непреднамеренном сходстве поэтических форм или предполагать обратное влияние.

Многие исследователи творчества Пушкина, в том числе и В. В. Набоков, склонны отрицать как значительную степень влияния Вордсворта и англоязычных поэтов на Пушкина по той причине, что Пушкин якобы в недостаточной мере владел английским языком¹. Нам такое мнение не кажется обоснованным. Мы

¹ В основе данной части статьи лежит доклад, прочитанный автором на совместном заседании стиховедческой и Пушкинской групп Института русской литературы (Пушкинский дом) осенью 1983 г. По докладу выступили Л. М. Аринштейн, В. Э. Вацуру и Я. Л. Левкович: критика в адрес высказанной идеи о заимствовании и переработке Пушкиным

согласны – у Пушкина нет такой массы англоязычных текстов, которая была бы соизмерима с франкоязычными, однако же в период работы над «Евгением Онегиным» в его стихах, заметках и переписке англоязычные писатели упоминаются едва ли не чаще, чем представители иных европейских литератур.

Исходя из сказанного, напрашивается мысль о том, что в основе онегинской строфы в действительность лежит изобретенная признанным экспериментатором в области формы В. Вордсвортом уникальная строфа «Оды к Ликориде», которая была несколько модифицирована Пушкиным – она оказалась полностью заполненной четырехстопным ямбом и сокращена с 18 строк до 14. Сходство ее с сонетом, похоже, случайно, не будет ничего удивительного в том, что следующее поколение стиховедов будет искать такие признаки, которые как раз не сближают, а отличают онегинскую строфу от русского или европейского сонета. На фоне остальных вариантов происхождения онегинской строфы это предположение поддерживается, во-первых, бесспорным знакомством Пушкина с творчеством В. Вордсворта, во-вторых, датировкой «Оды к Ликориде» и ее строфы 1817 годом, относящим их к литературным новинкам для Пушкина накануне начала работы над романом в стихах, и, в-третьих, уникальностью вордсвортовской и пушкинской строф во временном интервале 1910-х–1830-х годов.

2. Следы онегинской строфы в незавершенных фрагментах Пушкина: наблюдения над отрывком «С перегородкою коморки...»

Тема истории онегинской строфы в творчестве Пушкина имеет еще одно преломление – это идентификация известных нам незавершенных стихотворных фрагментов Пушкина с какими-либо материалами к «Евгению Онегину». Б. В. Томашевский, об-

вордсвортовской строфы основывалась на том же аргументе – Пушкин не знал английского языка. Когда обсуждение приобрело кулуарный характер, автору удалось услышать в разговоре трех известных исследователей такое суждение: «Но ведь это же все было в библиотеке у Воронцова». С этим суждением, высказанным нашими оппонентами, поспорить очень трудно.

суждая возможность связи онегинской строфы с астрофическими ямбическими композициями, писал: «Между тем, до сих пор ни в пределах собственного творчества Пушкина, ни за его пределами подобной конфигурации стихов не найдено» (Томашевский 1959: 324) – что, как показал А. А. Илюшин, было не вполне верно. Эти исследования при продолжении дают любопытные результаты. Так, Н. И. Клейман отмечает, что в незавершенном тексте «Когда порой воспоминанье» (1830) конфигурации рифмующихся строк весьма близки к онегинской строфе (Клейман 1977). Это наблюдение любопытно, хотя сам поэтический текст, написанный в 1830 году, с определенностью определяется как написанный астрофическим четырехстопным ямбом, перед нами, скорее всего, авторская ритмико-рифмическая автореминисценция, своеобразная реплика фрагментов онегинской строфы (как известно, сама онегинская строфа имеет огромное количество ритмико-интонационных вариаций) в иной форме.

Наблюдения в этой области могут быть продолжены. Обратим внимание на отрывок:

С перегородкою коморки,
Довольно чистенькие норки,
В углу на полке образа,
Под ними верб[ная] лоза
[С иссохшей просвирой и свечкой],
< >
[Горшок с на окне],
Две канарейчки над печкой –

Комментарий Т. Г. Цявловской к этому фрагменту лаконичен: «Черновой набросок, относящийся к неизвестному замыслу» (Пушкин СС 1959: 514, 759). Этот отрывок по своей системе рифм точно соответствует онегинской строфе без начала и конца – две пары смежных рифм с женской и мужской клаузулами, за которыми следует неполная (нет одной строки) конструкция с охватывающей рифмой, клаузулы которой (женские в 1 и 4 строке четверостишия, мужские – во 2 и 3 строке). Незавершенность интонации отрывка, где за известным нам текстом вполне могли следовать еще две строки, обычно завершающие онегин-

скую строфу, также характерна для соответствующих элементов строф «Евгения Онегина».

Интересующий нас отрывок датируется 13 октября 1824 года. (Пушкин ПСС 1947: 473; 1949: 994). Нам известно, что Пушкин начал работать над романом «Евгений Онегин» 9 (28) мая 1823 г., 22 октября 1823 г. Была закончена первая глава романа, на 1824 год приходится время работы над третьей и четвертой главами «Евгения Онегина» (Лотман 1983). Вполне возможно предполагать, что рассматриваемый здесь отрывок относится к каким-то наброскам третьей или четвертой глав пушкинского романа.

Литература

- Гаспаров 1984 – Гаспаров М. Л. Очерк истории русского стиха: Метрика; Ритмика; Рифма; Строфика, М.; Л., 1984.
- Гаспаров 1993 – Гаспаров М. Л. Русские стихи 1890^{-х}-1925^{-то} годов в комментариях. М.: Высшая школа, 1993.
- Гроссман 1924 – Гроссман Л. П.: Онегинская строфа, Пушкин, сб. 1, М., 1924. С. 115–161.
- Горбунов 2006 – Горбунов А. Н. «Стеснённый размер» (Об английском сонете XVI–XIX веков) / Шекспировские контексты. М.: 2006.
- Гринбаум 2000 – Гринбаум О. Н. Гармония строфического ритма в эстетико-формальном измерении. СПб., 2000.
- Гринбаум 2001 – Гринбаум О. Н. Эстетико-формальное стиховедение: методология, аксиоматика, результаты, гипотезы. СПб., 2001.
- Жирмунский 1978 – Жирмунский В. М. Байрон и Пушкин. Л., 1978.
- Западноевропейский сонет 1988 – Западноевропейский сонет XIII–XVII веков. Поэтическая антология.: Л. ЛГУ. 1988.
- Илюшин 1977 – Илюшин А. А. К истории онегинской строфы // Замысел, труд, воплощение. М., 1977. С. 92–100.
- Квятковский 1966 – Квятковский А. П. Поэтический словарь. М., 1966.
- Клейман 1977 – Клейман Н. И. О тексте пушкинского наброска «Когда порой воспомяненье...» // Болдинские чтения. Горький, 1977. С. 62–79.
- Лотман 1883 – Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий. 2-е изд. М., 1983.
- Набоков 1998 – Набоков В. В. Комментарий к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин». СПб., 1998.
- Никишов 1992 – Никишов Ю. М. Онегинская строфа: источник и поэтика // Филологические науки. 1992. № 2. С. 11–19.
- Никонов 1974 – Никонов В. А. Онегинская строфа // Словарь литературоведческих терминов, М., 1974. С. 253.
- Поспелов 1941 – Поспелов Г. Н. «Евгений Онегин» как реалистический роман' // Пушкин: Сборник статей. М., 1941. С. 75–154.

- Постоутенко 1992 – Постоутенко К. Ю. История русской онегинской строфы. Автореф. дисс. ...к.ф.н. М., МГУ, 1992.
- Пушкин ПСС – Пушкин А. С. Полное собрание сочинений, 1837–1937: В 16 т. Т. 2. Кн. 1. М., 1947. Кн. 2. М., 1949.
- Пушкин СС – Пушкин А. С. Собрание сочинений в 10 томах. Том 2. Стихотворения 1823–1836 М., ГИХЛ, 1959.
- Русский сонет 1983 – Русский сонет: Сонеты русских поэтов XVIII - начала XX века. М., 1983.
- Сперантов 1998 – Сперантов В. В. *Miscellanea poetologica*. 1. Был ли кн. Шаликов изобретателем «онегинской строфы»? // *Philologica*, 1996, т. 3, № 5/7, С. 125–131.
- Тимофеев 1928 – Тимофеев Л. И. Из истории и теории русского стиха // *Ученые записки Института Языка и Литературы Российской Ассоциации Научно-Исследовательских Институтов Общественных Наук*, т. II, М., 1928. С. 70–102.
- Томашевский 1959 – Томашевский Б. В. Стих и язык. М.; Л., 1959.
- Тынянов 1929 – Тынянов Ю. Н. Пушкин // Тынянов Ю. Н. Архаисты и новаторы, Л., 1929. С. 228–291.
- Шапир 1990 – Шапир М. И. Приложения: Комментарии; Библиографии; Указатели // Г. О. Винокур, *Филологические исследования: Лингвистика и поэтика*. М., 1990, С. 255–448.
- Nabokov V. 'The Eugene Onegin Stanza' [1964], A. Pushkin, Eugene Onegin: A Novel in Verse, Translated from the Russian, with a Commentary, by V. Nabokov, Paperback edition in 2 vols. Princeton, 1981, vol. I: Translator's Introduction; Eugene Onegin: The Translation, 9–14 (= Bollingen Series; LXXII).

П. Е. Бухаркин

**«КРАТКОЕ РУКОВОДСТВО К КРАСНОРЕЧИЮ...»
М. В. ЛОМОНОСОВА КАК ЯВЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ**

1

То, что поэтические произведения М. В. Ломоносова являются собою одно из высших достижений русского слова XVIII столетия, вряд ли нуждается в аргументации или может быть подвергнуто сомнению. Так же как и бесспорный эстетический статус его ораторской прозы, признанный уже его современниками. Но не меньшей языковой выразительностью отмечены и ломоносовские научные труды: они интересны не только выражаемыми в них научными идеями, но и — в не меньшей степени — своей речевой фактурой, которая делает ученые трактаты Ломоносова в некотором роде феноменами русской словесности, важными не для одних историков науки, то также для историков русского литературного языка и даже русской литературы¹.

Подобная культурная ситуация была обусловлена обстоятельствами достаточно разного свойства; далеко не последнюю роль играла (среди них) эпоха, к которой Ломоносов принадлежал, — эпоха рефлексивного традиционализма². Эта грандиозная (как по временной протяженности, так и по оставленному

¹ Укажу в данной связи на книгу А. В. Чичерина «Очерки по истории русского литературного стиля» (М., 1977), в которой научная проза Ломоносова рассматривается в качестве одного из высших достижений прозаического стиля XVIII века.

² Понятие рефлексивного традиционализма было предложено С. С. Аверинцевым. См.: *Аверинцев С. С. Историческая подвижность категории жанра: опыт периодизации // Аверинцев С. С. Риторика и истоки европейской литературной традиции*. М., 1996. С. 107–112. А. В. Михайлов, подойдя к этой же эпохе с точки зрения функционирования литературного слова, определил ее как культуру «готового слова». См., в частности: *Михайлов А. В. Поэтика барокко: завершение риторической эпохи // Михайлов А. В. Языки культуры*. М., 1997. С. 116–118.

культурному наследству) эпоха охватывает VII–V века до Р. Х. — XVIII век по Р. Х. При всей естественной вариативности доминирующих мировоззренческих систем и духовно-идеологических интенций, ей были присущи и некие константы, в частности цели и смысл познания осознавались носителями рефлексивного традиционализма в общих чертах одинаково. Они в конечном счете заключались в обнаружении некоей сокровенной основы бытия, трансцендентной по отношению к отдельному человеческому сознанию; даже лишь приоткрытая человеку, данная основа, заключая в себе истину, способна привести его к счастью, включающему в себя благо, справедливость и красоту. Процессы воплощения результатов такого умопостижения истины в слове, что было необходимо для передачи постигнутого другим людям, регулировались риторикой, которая недаром определялась не просто как искусство красноречия (понимая его, по Квинтилиану, как *ars bene discendi* или же как *ars ornandi*; впрочем, данные толкования не противоречили одно другому и между собою могли вполне мирно уживаться), но и как искусство *правильной* жизни, правильной в смысле ее соответствия истине. Причем в различных речевых жанрах доминировали в чем-то разные составляющие риторики: в сочинениях научных (научных вообще, вне зависимости от конкретной науки, к чьему ведению они относились) на первый план выходили логико-аналитические начала риторики, в поэзии (т. е. в художественной литературе) — языковые, позволяющие явить истину как красоту. Эти доминанты, разводя науки и поэзию, вместе с тем не разрывали их внутренней связи: в конечном счете они вели к одному — к обнаружению истины, которая, начиная с христианизации античной мысли, понималась как величие Божие; такое осмысление истины сохранялось и в постгуманистическое время, к которому принадлежал Ломоносов.

Конечно, родственность науки и поэзии вовсе не означала их полной идентичности; слово науки близко, однако не тождественно поэтическому слову. Первое стремится к ясности, при всем великолепии и пышности, при несомненной восторженности ломоносовского научного стиля он, в целом, ясен и прозрачен; смысл ученого трактата обычно складывается непосредственно из прямого значения составляющих его слов, при всей своей

эстетической заряженности он, скорее, статичен. С поэтическим произведением дело обстоит сложнее: его семантическое поле гораздо менее определено, границы такого поля размыты, а главное, оно само подвижно, в нем действуют уже не статические, но динамические смыслообразующие силы. Динамика эта образуется прежде всего сложным взаимодействием внутри его смыслового пространства прямого лексического значения составляющих его слов с другими содержательными стратегиями, связанными в первую очередь с поэтической формой.

Семантической сложности такого уровня научные сочинения Ломоносова лишены. Но все же они, хотя и существенно иначе, решают те же конечные задачи, что и поэзия, решают посредством слова, причем слова по возможности эстетически совершенного. Именно поэтому Ломоносов так беспокоился о стилистической безукоризненности ученых своих трактатов; он совершенно отчетливо осознавал их *литературные* достоинства, в частности их значение для созидания ему желаемого и им самим создаваемого литературного языка. «На природном языке разного рода моими сочинениями, — писал он в прошении на высочайшее имя о своем увольнении (1762), — грамматическими, риторическими, стихотворческими, историческими, также и до высоких наук надлежащими физическими, химическими и механическими, стиль российский в минувшие двадцать лет несравненно вычистился перед прежним и много способнее стал к выражениям идей трудных»³. Точные («высокие»), гуманитарные науки, поэзия, кроме решения своих собственных задач, преследуют и общую для всех них цель — совершенствование языка. И это, естественно, их предельно сближает, делая малоощутимыми границы между ними. Прозрачность границ усиливается окружающим словесное творчество Ломоносова литературным контекстом, даже шире, теми общими принципами отношения к слову, которые определяли речевое поведение человека в его эпоху. Риторическая культура не предполагала жесткой и обязательной связи между тем, что мы называем художественной литературой, и вымыслом; эстетическая ценность текста определялась не выразительностью мимесиса, а красотой, прихот-

³ Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. 10. М.; Л., 1957. С. 352.

ливостью, необычностью сочетания слов друг с другом, она была связана в первую очередь с актуализацией тех имманентных возможностей, которые были заложены в самой структуре слова. Данные качества могли с одинаковой интенсивностью проявляться как в фикциональном (т. е. придуманном) словесном мире, так и в жанрах, направленных на прямое описание окружающего мира, в частности в естественнонаучных сочинениях. В случае с Ломоносовым так и происходило, поэтому его произведения, вне их принадлежности к научному или же поэтическому дискурсу, в известной мере становились литературными фактами, причем такими, какие в самой существенной степени воздействовали на развитие языка. Только что приведенные слова Ломоносова показывают, что сам он это ясно осознавал и придавал данной стороне своей деятельности особое значение.

Такое отношение к научным сочинениям делает их отчасти и литературными произведениями, что, в свою очередь, требует филологического их изучения. Риторические трактаты Ломоносова в данном отношении, естественно, не составляют исключения; более того, их значение как необходимых объектов филологического исследования значительно усиливается еще двумя обстоятельствами, отсутствующими в отношении ломоносовских естественнонаучных трудов. Первое из них, впрочем, в равной мере затрагивает все его филологическое наследие, «Российскую грамматику» или «Предисловие о пользе книг церковных...» в несколько не меньшей степени, чем «Краткое руководство к риторике» или «Краткое руководство к красноречию...». Все они, будучи выразительными фактами научной мысли, одновременно представляют собою феномены русского языка в его попытках собственного самоосознания. Можно сказать, что в «Кратком руководстве к красноречию...» (так же как в «Российской грамматике» и прочих филологических трудах Ломоносова) посредством ломоносовского интеллекта, выполняющего в данном случае функцию некоего органа выражения рефлексий языка над собственными природой, способом воздействия на мир и путями развития (если иметь в виду «Предисловие о пользе книг церковных...»), русский язык явил самое себя в наиболее совершенных своих образцах, равно глубоких осмыслением внутренних языковых законов и блестящих совершенством их

речевого выражения. Данное обстоятельство придает филологическим сочинениями Ломоносова совершенно особый статус и требует предельного внимания — в том числе — и к структуре их текста.

2

Второе из упомянутых обстоятельств уже касается только «Краткого руководства к красноречию...» Оно связано с известной двуприродностью этого произведения, соединяющего в себе высокоученый риторический трактат и собрание литературных примеров; свои положения и определения Ломоносов неизменно иллюстрирует прозаическими или поэтическими произведениями, являющимися конкретным воплощением в литературной практике отвлеченных правил. Иллюстраций этих много, одних стихотворных текстов насчитывается около семидесяти; некоторые из них невелики по объему, однако встречаются и достаточно внушительные стихотворения: басни, анакреонтическая ода «Ночною темнотою...», перевод «Eхегі monumentum...» Горация («Я знак бессмертия себе воздвигнул...»), переложения 14-го и 145-го псалмов, «Вечернее размышление о Божиим величестве при случае великого северного сияния» и др. К поэтическим примерам надо присовокупить и образчики прозаических сочинений; особенно богата ими третья книга — «О расположении». Здесь встречаются обширные и вполне законченные произведения, такие как перевод диалога Эразма Роттердамского «Утро» (§ 221), или же «Разговоры в царстве мертвых» Лукиана (между Александром и Ганнибалом). Велико по размеру и целостно завершено и замечательное рассуждение, предложенное в § 271 в качестве иллюстрации следующего силлогизма: «Если что из таких частей состоит, из которых одна другое бытие свое имеет, оное от разумного существа устроено. Но видимый мир из таких частей состоит, из которых одна для другой бытие свое имеет. Следовательно видимый мир от разумного существа устроен»⁴. Рассуждение это лучше всего определить как «маленький трактат, где автор говорит о природе и о человеке, о живых процессах бытия, о единстве ясно и верно познаваемой материальной дейст-

⁴ Ломоносов М. В. Сочинения. Т. 3. С. 294.

вительности»⁵. «В нем, — по верным словам М. И. Сухомлинова, — выражается основная мысль Ломоносова, высказанная им в нескольких сочинениях и заключающаяся в том, что изучение творения ведет к познанию Творца»⁶. Использование разных источников (Цицерона, Иоанна Златоуста, Г.-В. Лейбница, К. Вольфа)⁷ не препятствует самостоятельности: Ломоносов лично захвачен тем, о чем пишет, перед нами не холодное упражнение изощренного в риторических правилах ума, а ответственный поступок человека, переживающего свою мысль как жизненную позицию.

Встречаются прозаические фрагменты — и не так уж редко — и в других книгах «Краткого руководства к красноречию...» Это примеры рассуждений (§ 82), описаний (§ 58), афоризмов (§ 41) и, конечно же, отрывки из эпидейктических речей — Демосфена, Цицерона, Григория Назианзина, Иоанна Златоуста, Амвросия Медиоланского. Жанровый спектр высокой прозы (а она одна и заслуживала признания в глазах людей середины XVIII столетия) представлен в ломоносовской риторике едва ли не во всей полноте⁸. Это в совокупности с поэтическими текстами делает «Краткое руководство к красноречию...» «первоклассной литературной хрестоматией»⁹, в том числе — хрестоматией жанров.

Конечно, риторический трактат классической эпохи (т. е. всего огромного периода рефлексивного традиционализма) по своей природе предполагал включение в себя разнообразных примеров: отвлеченные рассуждения — для того, чтобы быть сперва усвоенными, а затем используемыми как руководство для создания новых произведений, — нуждались в своеобразном разъяснении, которое и представляли собой литературные фрагменты; классическая риторика учила построению правильных текстов двояким способом: с помощью правил, экспликация которых составляла, так сказать, «теоретическую» часть рито-

⁵ Чичерин А. В. Сила поэтического слова. М., 1985. С. 207.

⁶ Ломоносов М. В. Сочинения. Т. 3. С. 521 (вторая пагинация).

⁷ См.: Там же. С. 521–531 (вторая пагинация).

⁸ Мной были указаны далеко не все из даваемых Ломоносовым жанровых образцов и тем более из приводимых им конкретных примеров.

⁹ Западков А. В. Поэты XVIII века: М. В. Ломоносов, Г. Р. Державин. С. 151.

рического трактата, и с помощью образцов, заимствованных (в виде фрагментов разного объема) у наиболее авторитетных авторов. Поэтому, начиная с «Риторики» Аристотеля (впрочем, как раз в данном отношении не очень интересной — по части примеров Аристотель был весьма сдержан), метариторические классические трактаты (античные, средневековые, гуманистические, постгуманистические, т. е. барочные/классицистические), как правило, включали в себя достаточно внушительную хрестоматийную часть — естественно, не оформленную как композиционно самостоятельный раздел. Подобная практика была распространена и в восточнославянской словесности XVII — первой половины XVIII века, которая в своих элитарных (как в социальном, так и в интеллектуальных аспектах) регистрах, европеизируясь, активно усваивала риторику. Восточнославянские латиноязычные трактаты включали в себя авторитетные поэтические (в широком смысле, т. е. художественно-литературные) иллюстрации к заключенным в них теоретическим моделям. Пожалуй, наиболее выразительный пример в данном отношении дает «*De arte rhetorica*» Феофана Прокоповича¹⁰, наполненная отсылками к сочинениям весьма разнообразных авторов — как античных, так и раннехристианских; в одних случаях — это именно отсылки, ограничивающиеся простым перечислением образцов: так, раздел одиннадцатый («О похоронной речи») восьмой книги «О эпидейктической или украшенной речи») обширного этого лекционного курса завершается пунктом 8, озаглавленным «Примеры»; в нем указаны наиболее значимые, по мнению Феофана, сочинения подобного рода — Григория Назианзина, Григория Нисского, Амвросия Медиоланского, Иеронима. В других случаях автор дает свой пересказ нужного ему отрывка — в двенадцатом разделе («О надгробных надписи или epitaphii и про другие краткие речи, также и про остроу») той же восьмой книги находим, в частности, изложение фрагментов «Панегирика Траяну» Плиния Младшего. В третьих случаях Феофан предлагает собственные вариации авторитетного

¹⁰ «*De arte rhetorica*» представляет собою лекционный курс, прочитанный Феофаном в Киево-Могилянской академии в 1706–1707 годах на латинском языке.

текста: заключая этот же 12-й раздел 8-й книги примером, он дает свой вариант части речи Цицерона «В защиту закона Манилия», адресованной Помпею, предваряя его следующим комментарием: «<...> предлагаю тут коротенькое слово про великого Помпея, которое удалось создать на основе речи Цицерона „В защиту закона Манилия“»¹¹. Наконец, в четвертых случаях (их — большинство) приводятся прямые цитаты: например, в третьем разделе («О чувстве любви, стремления, заботы и тревоги») книги пятой («О рассмотрении страстей») обильно цитируются Овидий, Корнелий Непот, Сенека, Марциал, Вергилий.

На таком фоне литературная составляющая «Краткого руководства к красноречию...» М. В. Ломоносова на первый взгляд не кажется ни необычной, ни, тем более, выдающейся. Однако это не так; некоторые — и весьма весомые — моменты придают литературным иллюстрациям ломоносовского трактата совершенно особый смысл, во всяком случае, в границах русской культуры. Во-первых, литературные примеры обильны (если говорить о восточнославянской словесности до ломоносовского времени) едва ли не исключительно в латиноязычных риторических трактатах, метариторические сочинения на русском языке их почти не знают — это относится и к «Риторике» митрополита Макария, и к «Риторике» М. Усачева, и к поликарповскому переводу «Риторической руки» Стефана Яворского, и к выговским старообрядческим риторикам. Подобная ситуация легко объяснима: русская словесная культура просто не обладала необходимыми литературными ресурсами — собственная литературная традиция казалась в данном случае неподходящей, включение латинских (тем более греческих) фрагментов в русскоязычный трактат представлялось неуместным (по целому ряду причин, в том числе — и чисто дидактических), и к переводу таких фрагментов авторы, вероятно, были не готовы. Поэтому риторические трактаты на русском языке оказывались в литературно-иллюстративном отношении весьма бедными; в них упоминаются те или иные образцы (без этого риторический трактат обойтись все же не мог), но или в виде простых упоминаний, или же как

¹¹ Прокопович Феодан. Філософські твори: В 3 т. Т. 1: Про риторичне мистецтво: Різні сентенції. Київ, 1979. С. 406.

неопределенный пересказ, причем совсем лишенный всяких претензий на сохранение риторического совершенства образца. В «Кратком руководстве...» дело обстоит совершенно иначе: его многообразные поэтические иллюстрации (как стихотворные, так и прозаические) передают риторические образцы именно как образцы для упражнений, причем как образцы на *русском языке*. Для этого они должны были быть совершенными, и Ломоносов прилагает все огромные свои литературные силы для достижения искомого совершенства — как правило, с несомненным успехом; ничего подобного восточнославянская риторическая теория до этого не знала¹².

Второй момент неразрывно связан с только что сказанным. Весомость «литературной» составляющей «Краткого руководства к красноречию...» многократно усиливалась благодаря поэтическому гению Ломоносова: художественные иллюстрации в трактате (как оригинальные произведения или же как русские эквиваленты классических авторитетов) принадлежали перу великого поэта. Пожалуй, после Цицерона европейская литература классического типа не знала подобного примера (с некоторыми оговорками здесь можно назвать также Грациана): фундаментальный риторический труд был создан не просто выдающимся интерпретатором речевой деятельности, но и гениальным творцом.

В-третьих (опять-таки, нижесказанное прямо вытекает из предыдущего), многие художественные примеры «Краткого руководства к красноречию...» принадлежат исключительно Ломоносову, т. е. представляют собою плоды его непосредственных

¹² В европейской метариторической литературе в целом похожие случаи обнаружить можно. Например, Б. Грациан в своем риторическом компе́ндиуме «Остроумие или искусство изощренного ума», как правило, снабжал приводимые примеры переводом, часто сопровождавшимся комментирующими пояснениями (см.: *Штейн А. Л., Брагинская Н. В. Комментарии // Испанская эстетика: Ренессанс. Барокко. Просвещение. М., 1977. С. 635*). Но его переводы-толкования прилагались к оригиналам, Ломоносов же оригиналы опускает, предлагая исключительно свой *русский* вариант образца. Учитывая малую разработанность новой литературной традиции в России середины XVIII века (которая в качестве литературной традиции еще и не осознавалась) и связанное с этим отсутствие собственных литературных авторитетов, классические образцы на русском языке приобретали совершенно особую значимость.

творческих фантазий, не являясь переводами. Что, однако, не лишало их предельной авторитетности. Европейская риторическая традиция подобных случаев не скажу чтобы не знала, но они имели в ней исключительный характер. В контексте русской литературной культуры середины XVIII столетия данное обстоятельство приобретало дополнительный смысл — с известной долей преувеличения, но все же вполне основательно можно видеть в «Кратком руководстве к красноречию...» первый в России опыт авторского собрания сочинений и переводов — фрагментарного, но, тем не менее, несущего в себе определенную концепцию дальнейшего развития русской литературы.

H. Walravens

ERNST BOERSCHMANN AND HIS *PAGODEN II*

Ernst Boerschmann

Chinese architecture was not a popular research subject for many years. While many travellers and residents wrote about traditional and modern buildings nobody ventured on in-depth studies – they required expert knowledge and lots of boring work, like measuring, sketching, delineating and photographing the objects, deal with the structure and decoration, inscriptions and other historical data. In this sense Ernst Boerschmann (1873–1949) was the first dedicated historian of Chinese architecture.

Other scholars followed suit, even if they did not exclusively deal with this field, like Gustav Ecke (1896–1971) an art historian from Bonn, who started his career teaching in Amoy¹, and Osvald Sirén² (1879–1966) a Swedish art historian who was originally specialized in Italian painting and whose magna opera are on Chinese art, and especially painting. Less known is the French scholar Georges Bouillard³ to whom we owe a number of smaller monographs on Chinese architecture.

¹ Cf. H. Walravens: «Und der Sumeru meines Dankes würde wachsen» *Beiträge zur ostasiatischen Kunstgeschichte in Deutschland (1896–1932)*. Briefe des Ethnologen und Kunstwissenschaftlers Ernst Grosse an seinen Freund und Kollegen Otto Kümmel sowie Briefwechsel zwischen dem Kunsthistoriker Gustav Ecke und dem Architekten Ernst Boerschmann. Unter Mitarbeit von Setsuko Kuwabara. Wiesbaden: Harrassowitz 2010. 207 p. (Asien- und Afrika-Studien der Humboldt-Universität 35.)

² Cf. *Bibliographia Osvaldi Sirén*. Osvaldo Sirén octogenario die sexto Aprilis A.D. MCMLIX. Stockholm: Natur och Kultur 1959. 45 p. (Nationalmusei skrifter 6.)

³ 1862–1930. Cf. P. Pelliot: Georges Bouillard. *T'oung Pao* 27.1930, 454–457; Addenda: *T'oung Pao* 28.1931, 98–88.

Who was Ernst Boerschmann and what was his motive to study Chinese architecture? He was born in Memel (Eastern Prussia) in 1873, and after having studied architecture („Hochbau“) at the technical university in Charlottenburg (today part of Berlin) he served as a building supervisor in the Prussian architectural administration, from 1896 to 1901. In 1902 he was transferred to China as architect to the (German) East Asian garrison. This was a nice change, and he was smitten with the „exotic life“ in China like many other young men. But as he confessed in a later (1939) radio programme, he found his vocation only at the end of his term in China when he stayed alone for a few weeks at the Biyansi temple. he was so impressed, that he measured and delineated the temple and devoted a professional article to it on his return⁴. He submitted he project on documenting the historical architecture of China before it might disappear (by destruction, or simply crumbling away) and was lucky in receiving a stipend form the German Reichstag (Diet) to realize this plan. Thus he travelled all over China, measuring, sketching and photographing traditional building. the result were thousands of pictures, maps, plans, rubbings, note-books, and on his return he sat down to put his material in order: Two books were published quickly before the World War put an end to his scholarly activity for a while. he continued after the war, under much less favourable conditions, with a photographic monograph on his travels, a two volume study on Chinese architecture, and a volume on Chinese building ceramics. Another remarkable monograph was published in 1931, on Chinese pagodas (Stûpas). This had been hard work as stûpas were found all over the country, some dating back a thousand years, and of different types, and building materials (stone, brick, wood, and bronze). the material would comprise two volumes but the situation in the 1930s was again difficult for scholarly work. Nevertheless, he managed – almost miraculously – to get support for another research trip to China 1933–1934 in order to check on numerous details and also get an impression of the many changes that China and her buildings had undergone in the meantime. He took the opportunity to meet Chinese architects who had, in 1929, founded an Association for Research on Chinese

⁴ This and other publications by Boerschmann are listed in an appendix.

Architecture⁵ (Zhongguo yingzao xueshe 中國營造學社) – his work, he was pleased to see, had stimulated this development. But while he finished the second volume of his work on stūpas, he was not able to publish it; after World War II the situation was worse. After World War II (Boerschmann had retired to rural Bad Pyrmont where his wife ran a pension) he was invited to administer the chair of Chinese Studies at Hamburg University – while a man of conservative taste he had never been a member of the Nazi party – and he laid the ground for a new start of sinological work there. He passed away in 1949. His rich collections were sold by the heirs – the library was a welcome basis for sinological and art history institutes many of which had been destroyed, and only a few years ago also the photographic archive, comprising appr. 5,000 pictures mostly from 1906–1909, was sold by auction – almost at a rock bottom price. By coincidence, it was at the same time when a Berlin architect started professional research on Boerschmann ...

Boerschmann's attempts to establish a Chinese Research Institute

When Boerschmann returned from his three year research trip which enabled him to visit 18 provinces of China and photograph and measure many of the architectural monuments, grants made it possible for him to publish two major works within a relatively short time. He had help from people with a good scholarly background in Chinese Studies like Wang Yintai⁶ who at that time worked at the Berlin Museum of Ethnology. Nevertheless it became quite clear to him that his progress would be so much faster and the results so much better if he could continue his investigations in China – many details had to be checked or double-checked, epigraphical material translated, historical records searched. All that could be done more easily if Germany established a research institute in Peking⁷. Boerschmann was not alone

⁵ President was Zhu Qiqian 朱啓黔, 1872–1964, for a while minister of communications and minister of the interior. See *Who's who in China* 1931, 105.

⁶ Wang Yin-t'ai (Meng-ch'ün) 王隱泰孟群 1888–1961, lived in Berlin 1906–1913. Cf. Howard L. Boorman: *Biographical dictionary of Republican China* 3.1970, 399–400.

⁷ Cf. H. Walravens: Ein deutsches Forschungsinstitut in China. *Nachrichten der Gesellschaft für Natur- und Völkerkunde Ostasiens* 171/172.2002, 109–223.

in coming to this conclusion – Herbert Mueller⁸ who undertook a research trip for the Berlin Museum of Ethnology, Ferdinand Solger⁹, a geologist teaching in Peking, and Richard Wilhelm¹⁰ the well-known translator of Chinese classics into German, shared his views, and so Boerschmann submitted several memoirs to the German government, and then his mentioned colleagues followed suite by publishing a memorandum in the same vein¹¹. Almost needless to say, WWI and the economic breakdown afterwards cancelled all such visions and fond hopes. Wilhelm continued his efforts but his eventually established China Institute was not situated in Peking but in Frankfurt am Main¹². The Deutschland-Institut which was founded in Peking in 1935 by the efforts of Chinese scholars seemed a step in the right direction but as already the name indicated – it was not a China Institute. Therefore Boerschmann renewed his former efforts, with support from Carl Hentze¹³ in Frankfurt and Fritz Jäger¹⁴ in Hamburg. From today's point of view it looks a bit pathetic to read the correspondence and official letters from 1942 when Germany and all such scholarly efforts were doomed.

In one of his early memoirs towards the establishment of a German Research Institute, Boerschmann gives some information on the concrete material at his disposal: 2500 pages of notes in diaries

⁸ 1885–1966. Cf. H. Walravens: *Herbert Mueller (1885–1966), Sinologe, Kunsthändler, Jurist und Journalist. Eine biobibliographische Skizze*. Berlin: Bell 1992 [1993]. 206 p. 4° (Han-pao tung-Ya shu-chi mu-lu 45.)

⁹ 1877–1965, as of 1921 professor extraordinary at the University of Berlin. Cf. on him: *Ostasiatische Rundschau* 1.1920, 210–212

¹⁰ Cf. H. Walravens: *Richard Wilhelm (1873–1930). Missionar in China und Vermittler chinesischen Geistesguts. Schriftenverzeichnis, Katalog seiner chinesischen Bibliothek und Briefe von Heinrich Hackmann und Ku Hung-ming. Mit einem Beitrag von Thomas Zimmer*. St. Augustin: Institut Monumenta Serica 2008. 316 p. (Collectanea Serica.)

¹¹ *Denkschrift betreffend die Gründung eines Richthofen-Institutes für deutsche Chinaforschung in Peking, 20. März 1914*. Published in Berlin in 1916.

¹² Cf. H. Walravens: *Dokumente zur Geschichte des Frankfurter China-Instituts aus den Jahren 1930 bis 1949. Nachrichten der Gesellschaft für Natur- und Völkerkunde Ostasiens* 163/164.1998, 77–171

¹³ 1883–1975; cf. Manfred Porkert: *Carl Hentze (1883–1975). Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft* 128.1978, 5–11, portrait.

¹⁴ 1886–1957; cf. Wolfgang Franke: *Fritz Jäger in memoriam. Oriens Extremus* 4.1957, 1–4, 1 portrait.

and notebooks, with sketches, 1000 p. of small articles and diaries, 8000 photographs, of which 1000 plates. He was certainly right in claiming this to have been the largest private collection ever on Chinese architectural monuments. 2000 rubbings, most of them from sculptures and ornamental details, a few hundred Chinese drawings, plans, maps and books.

This was but the beginning – over the following years Boerschmann worked industriously on enlarging and improving the material on hand. His diligence and efforts are exemplified by his correspondence with Gustav Ecke on the stupas of Amoy, which was published recently¹⁵.

Boerschmann's research on stûpas

It is quite obvious that stûpas would form a very important subject for a historian of Chinese architecture. Throughout his lifetime, stûpas or as he preferred to call them, pagodas, played an important role in Boerschmann's publications¹⁶:

A highlight was certainly the publication a volume «Pagoden I» in 1931; the author had expected it to appear already in the late twenties but both last minute additions and revisions as well as the difficult financial situation made him despair to ever see the book printed. It must almost be called a miracle that Boerschmann managed to get the necessary funding. By that time the second volume was almost ready in manuscript. A number of additions and clarifications Boerschmann was able to collect on his trip to China in 1933 but about 1935–37 the volume must have been ready. Again, funding was the main problem; but also other factors made a publication more difficult. The Gesellschaft für Ostasiatische Kunst which consisted not only of scholars but of collectors and amateurs, often with much influence in public life, had been decimated by forced emigration and arrests. That meant also that a large number of prospective buyers of such an expensive volume were no longer there. In addition, German foreign policy focused on Japan instead of China ...

¹⁵ See H. Walravens: «*Und der Sumeru meines Dankes würde wachsen*», *op. cit.*

¹⁶ They are listed in H. Walravens: «*Und der Sumeru meines Dankes würde wachsen*», *op. cit.*

After WWII Boerschmann who was at that time the administrator of the sinological chair at the University of Hamburg, was optimistic and hoped to publish his book in 1949. But the production cost of the volume came up to about 100,000 Marks, and after Boerschmann's passing in 1949 the book's most efficient promotor was no longer there. Horst Boerschmann tried to follow in his father's footsteps in that respect and contacts were established even to the federal president and the vice-chancellor. By that time it seemed advisable to have a sinologist go over the text and make small adjustments. Wolfgang Seuberlich¹⁷ who had taught at the Seminar für Orientalische Sprachen before the war was asked to do this; but as he was himself without a job and had to support his mother, he saw himself unable to accomplish this task. Then nothing was heard about the typescript anymore.

Many years later another little miracle happened when one version of the typescript surfaced unexpectedly. Boerschmann had left one copy (of apparently 3 copies) with the Hamburg chair, and it was found when the offices moved to another location.

The typescript

There is no information available on the whereabouts of the original typescript of the book – whether it was sold by the family, or stayed with the family. It certainly was not part of the remaining Boerschmann picture archives which were stored for many years in the attic of the Oberbergamt in Clausthal-Zellerfeld. It may have perished during WWII, or it may still surface unexpectedly.

The present copy consists of two parts:

IV. Tienning pagodas 196 p.

V. Lama pagodas 163 p.

The former is from the 2nd copy (carbon) and contains Chinese characters, the latter is from the third copy (carbon) and is without characters. The illustrative material for part IV is relatively intact, while that for part V seems in disarray and is probably not complete.

¹⁷ H. Walravens, Martin Gimm: *Wei jiao zi ai 爲教自愛 «Schone dich für die Wissenschaft»* Leben und Werk des Kölner Sinologen Walter Fuchs (1902–1979) in *Dokumenten und Briefen*. Wiesbaden: Harrassowitz 2010. 220 p. (*Sinologica Coloniensia* 28.)

One would, of course, expect the original typescript to be the most complete and final, authoritative copy. It is unknown when the typescript was made, and how Boerschmann went about updating the three copies.

In the preface to part IV reference is made to part VI on *Mehrtürmige Pagoden*. Of this, however, there is no trace in the present material. Whether this part was ever finalised, or whether it was lost at one time, is again unknown¹⁸.

The text is well typed, and the two extant parts seem to be complete in themselves. With the illustrative part this cannot be substantiated because there is no list of illustrations, or references in the text.

[Examples, slides]

So what can be done with the typescript of *Pagoden II*?

– It is obvious that this work that was finished about 70 years ago is outdated and could not rival new studies in the field.

– Boerschmann had his own concept for dealing with the monuments he saw, and this is indicated in the serial title of his main work: *Die Baukunst und die religiöse Kultur der Chinesen*. He also interpreted things from his own experiences during his countrywide survey, and in this he was a pioneer.

– The material is still valuable today in spite of the 70 years that have passed:

– The volume complements the landmark publication «Pagoden I» and rounds off Boerschmann's treatment of the subject.

– While it may lack in the results of more modern research, it provides insights into Boerschmann's scholarly work, into the earlier phase of Western research into Chinese architecture, AND it deals with the monuments as Boerschmann knew them a hundred years ago: a number of them may have changed due to the effects of climate, civil war and/or the cultural revolution; some of them may not be there in their original form any more.

¹⁸ In his 1942 lecture on stûpas Boerschmann referred to his book but mentioned only the two parts in question. Maybe part IV and the conclusion were planned as an additional volume. In the preface to *Pagoden I*, however, *Mehrtürmige Pagoden* and a concluding historical survey are mentioned as part of vol. II which was to be published in 1932.

Therefore this is important historical research material that deserves to be published.

Boerschmann's Publications on Stûpas¹⁹

- 3 Pi-yün-ssu bei Peking, ein buddhistischer Tempel. Von E. Boerschmann, Militärbauinspektor.
Wochenschrift des Architekten-Vereins zu Berlin 1.1906, 47–52
- 10 Die Baukunst und religiöse Kultur der Chinesen. Einzeldarstellungen auf Grund eigener Aufnahmen während dreijähriger Reisen in China, im Auftrage des Reiches herausgegeben von Ernst Boerschmann, Regierungsbaumeister. Band 1: 普陀山 *P'u T'o Shan. Die heilige Insel der 觀音 Kuan Yin, der Göttin der Barmherzigkeit.* Mit 208 Bildern und 33 Tafeln.
Berlin: Druck und Verlag von Georg Reimer 1911. XVII, 203 S. 4°
Mit allerhöchster Genehmigung Seiner Majestät dem Deutschen Kaiser, König von Preußen Wilhelm II. dem erhabenen Schirmherrn der Künste und Wissenschaften in tiefster Ehrfurcht zugeeignet vom Verfasser.

Inhalt

- I. Allgemeines über die Insel
II. Der Tempel P'u tsi sze
III. Der Tempel Fa yü sze
 1. Aus der Geschichte des Tempels
 2. Allgemeine Beschreibung der Anlage
 3. Die Eingangsbauten
 4. Die Halle der Himmelskönige und die seitlichen Durchgänge
 5. Die Halle des Edelsteinbuddha
 6. Die große Gebetshalle
 7. Die 24 Darstellungen der kindlichen Liebe
 8. Die Halle der kaiserlichen Inschriften
 9. Die Halle des Gesetzes
 10. Die Seitengebäude
 11. Die Gebäude der nördlichsten Terrasse
IV. Aus dem religiösen Leben im Tempel und auf der Insel.
V. Der Tempel Fo ting sze
VI. Gräber und Inschriften
VII. Heimkehr. Aus meinem Tagebuche

¹⁹ From the list in *Und der Sumeru meines Dankes...* (v.s.). The numbers refer to this bibliography.

- 16 Die Baukunst und religiöse Kultur der Chinesen. Einzeldarstellungen auf Grund eigener Aufnahmen während dreijähriger Reisen in China, im Auftrage des Reiches bearbeitet von Ernst Boerschmann, Baurat. Band 2: *Gedächtnistempel* 祠堂 *Tzé Táng*. Mit 212 Bildern im Text und 36 Tafeln.
Berlin: Druck und Verlag von Georg Reimer 1914. XXI, 288 S. 4°
Inhalt
1. Gedächtnistempel für einzelne berühmte Männer in geschichtlichem Abriß
 2. Miao Tái Tze, Gedächtnistempel für den Kanzler Chang Liang im Tsinling-Gebirge im südlichen Shensi
 3. Örl Lang Miao. Die Tempel für Li Ping und Örl Lang bei Kuanhien, Provinz Szechúan.
 4. Wen Miao, Konfuziustempel
 5. Familientempel, Tsung Tzé Táng
- 20 Ernst Boerschmann: *Baukunst und Landschaft in China. Eine Reise durch zwölf Provinzen*.
Berlin: Ernst Wasmuth (1923). XXV S., 288 Abb. auf Taf. 4°
- 28 Baukunst und Landschaft in China. Von Regierungsbaurat Ernst Boerschmann in Berlin.
Zentralblatt der Bauverwaltung 44.1924, 1–4, 10–12
- 29 Eisen- und Bronzepagoden in China. Von Ernst Boerschmann (Mit 22 Abbildungen im Text und auf den Tafeln 124–135).
Jahrbuch der asiatischen Kunst 1924, 223–235
- 30 Pagoden der Sui- und frühen T'ang-Zeit. Von Ernst Boerschmann. Mit 29 Abb. im Text und auf den Tafeln 13–22.
Ostasiatische Zeitschrift. NF 1.1924, 195–221
- 38 *Chinesische Architektur*. Von Ernst Boerschmann. 340 Tafeln in Lichtdruck: 270 Tafeln mit 591 Bildern nach photographischen Vorlagen und 70 Tafeln nach Zeichnungen. 6 Farbentafeln und 39 Abbildungen im Text. Zwei Bände. Erster (Zweiter) Band.
Berlin: Ernst Wasmuth A-G (1925). 94 S., 170 Taf.; 68 S., Taf. 171–340. gr. 4°
Inhalt Bd 1
Einleitung: Das Gebiet chinesischer Architekturformen
1. Stadtmauern
 2. Eingangstore
 3. Die Chinesische Halle
 4. Massivbau
 5. Pavillons
 6. Türme

7. Zentralbauten
 8. Gebälk, Säulen
 9. Dachschmuck
 10. Geschnitzte Hausfronten
 11. Brüstungen
 12. Sockel, Friese
 13. Mauern
 14. Glasierte Terrakotta
 15. Reliefs
 16. Wegaltäre
 17. Gräber
 18. Denkmalsteine
 19. Pailou
 20. Pagoden
- Schluß: Das Wesen der chinesischen Architektur
- 43 *Chinesische Baukeramik*. Von Ernst Boerschmann.
Berlin: Albert Lüdtkke Verlag 1927. 110 S., 160 S. Abb. 4°
«Herrn Professor Dr. Lessing danke ich die Überprüfung der
Übersetzungen.»
Inhaltsverzeichnis
1. Keramik als Teilgebiet der chinesischen Baukunst
 2. Geschichtliches bis zur Tang-Dynastie
 3. Technisches über Herstellung und Einbau keramischer Bauteile
 4. Mittelpunkte baukeramischer Industrie
 5. Verwendung von Keramik bei den einzelnen Baugruppen
 - Tore
 - Denksteine
 - Pailou
 - Schmuckteile
 - Geistermauern
 - Reliefs
 - Glaspailou
 - Indischer Stil
 - Dachschmuck und Dachreiter
 - Pagoden
 6. Geschichtlicher Umriss der chinesischen Baukeramik seit der Tang-Dynastie
 7. Erläuterung der Bildtafeln
- 59 Die Baukunst und religiöse Kultur der Chinesen. Einzeldarstellungen
auf Grund eigener Aufnahmen während dreijähriger Reisen in China.

Von Ernst Boerschmann, Professor. Band III: *Pagoden* 寶塔 Pao Tá.
Erster Teil. 514 Bilder im Text und 10 Tafeln.
Berlin und Leipzig: Walter de Gruyter & Co. (1931). XV, 428 S. 4°
Inhalt

1. Die chinesische Pagode. Ihr Bild in der Landschaft und Kunst
 2. Die Hauptformen der großen Pagoden
 - Stufenpagoden
 - Quadratische Tienningpagoden
 - Ringpagoden
 - Stockwerkpagoden
 - Galeriepagoden
 - Glasurpagoden
 - Werksteinpagoden
 - Pagoden in Gruppen
 3. Nebenformen der Pagoden
 - Eisen- und Bronzepakoden
 - Grabpagoden
 - Weihrauchpagoden
 - Innenpagoden
- 98 Die Pai t'a von Suiyüan, eine Nebenform der T'ienningpagoden. Von Ernst Boerschmann. Mit 6 Tafeln und 10 Textabb.
Ostasiatische Zeitschrift. NF 14.1938, 185–208
[白塔 22 km East of 綏遠.]
- 106 Ernst Boerschmann: Pagoden in Nordchina zur Zeit der Liao und Chin (11.-12. Jahrhundert).
Ostasiatische Zeitschrift. NF 15/16.1939/40, 113–117
- 109 Pagoden im nördlichen China unter fremden Dynastien. Von Ernst Boerschmann.
Der Orient in deutscher Forschung. Leipzig 1942, 182–204, Taf. XXXIII–XL

Appendix

Introduction / Contents of the extant chapters of *Pagoden II*

IV. Abschnitt. Tienningpagoden		
Vorbemerkung	4 pp.	
Kap. 1. Tienningpagoden aus der		
Provinz Honan	5-40	
Kap. 2. Tienningsze bei Peking	34 pp.	
Kap. 3. Pa-li tshuang		12 Seiten
Kap. 4 Gruppen aus Hopei und den nördlichen Provinzen		41 pp.

Kap. 5. Gewandelte Tienningformen	17 pp.
Kap. 6. Stockwerktürme als Nebenformen	35 pp.
Kap. 7. Tienningpagoden aus Marmor	17 pp.
	196 pp.

Tienningpagoden T'ien-ning t'a 天寧塔

Als Hauptformen der großen Pagoden wurden in Abschnitt II jene Gruppen zusammengefaßt, die sich im wesentlichen aus den reinen Stockwerksformen herleiten und über das ganze Reich mehr oder weniger gleichmäßig verteilt sind. Es wurde aber bereits darauf hingewiesen, daß selbst jene einzelnen Gruppen vielfach eine gewisse Ordnung erkennen lassen nach landschaftlichen und zeitlichen Räumen, an die sie gebunden erscheinen. Eine solche Sonderstellung, in geographischer wie in geschichtlicher Hinsicht, nehmen vorzugsweise drei wichtige Gruppen ein, die Achtseitigen Tienningpagoden, die Lamapagoden und die Mehrtürmigen Pagoden. Schon im Vorwort zum Ersten Teil dieses Pagodenwerkes war in Aussicht gestellt, daß die Behandlung jener drei Gruppen erst in diesem Zweiten Teil erfolgen sollte.

Das hat seine guten Gründe. Zwar gehören auch die Vertreter dieser drei Gruppen fast durchweg zu den Großen Pagoden, doch sind ihre Grundformen andere und ihr Vorkommen ist streng begrenzt auf bestimmte Gebiete und Zeiträume. Ihr formaler Ausgangspunkt liegt nicht im altchinesischen Stockwerkbau, sie finden sich durchaus nur im Norden Chinas in den Herrschaftsbereichen mongolischer und tartarischer Dynastien und sind entstanden vor allem unter deren Einfluß und während ihrer Regierungszeiten. Darum dürfen diese Gruppen nicht mit den übrigen zusammengelegt, sondern sie müssen selbständig behandelt werden. Die Lamapagoden und die Mehrtürmigen Pagoden stehen überdies in engster Beziehung zum Lamaismus und lenken die Blicke auf die alten Außengebiete, Mongolei, Turkestan, Tibet und bis nach Indien hinein. Wie diese Zusammenhänge gerade in der neueren chinesischen Geschichte religiöse Auswirkung auch in den Pagodenbauten wieder und zwar bis zu deren letzten Monumenten im 18. Jahrhundert unter K'ien-lung während der letzten Hochblüte des Chinesischen Reiches.

Der Name Tienningpagode wurde, wie bereits in der Vorbemerkung zu den Quadratischen Tienningpagoden im Abschnitt II

Kapitel 1 erwähnt, gewählt nach dem hervorragendsten Beispiel dieser Gruppe, nämlich der großen Pagode im T'ien-ning sze 天寧寺, dem Kloster des Himmlischen Friedens in Peking, die im folgenden Kapitel 2 dieses Abschnittes eine eingehende Behandlung erfährt, Dieser Name Tienningpagode ist inzwischen auch von den chinesischen Bauforschern für diese Gruppe anerkannt.

Die Form der Tienningpagode, mit der wir es in diesem Abschnitt zu tun haben, wurde in etlichen Beispielen bereits vorweg genommen und in ihrem Wesen gekennzeichnet, um die Gestaltung der anderen Gruppen, mit denen sie hier in mehreren Fällen bereits gemeinsam auftrat oder gar verwandt erscheint, genauer zu verstehen und zu bestimmen. So geschah es bei den Quadratischen Tienningpagoden, bei etlichen Beispielen aus Werkstein und Bronze, vor allem bei den Grabstupas und den Kapellenstupas, die bereits erste Hinweise auf Entstehung und Entwicklung des Tienningtyps ermöglichten. Die Tienningform zeichnet sich aus durch festen Rhythmus und gestattet eine höchst künstlerische, dabei mannigfache Ausbildung. Gerade die achtseitige Form, mit der wir es hier vor allem zu tun haben, stellt einen Höhepunkt in der Entwicklung chinesischer Pagoden dar, sie ist in der Architektonik von Gliederung und Aufbau sowohl den Stockwerkpagoden wie den ihr nahe verwandten Lamapagoden überlegen.

Die architektonische wie symbolische Erklärung im einzelnen, auch im Hinblick auf die organische Entwicklung, folgen an den betreffenden Hauptbeispielen, auf einiges wurde schon bei den früheren Beispielen hingewiesen. Hier werden die wesentlichsten Grundzüge kurz bezeichnet.

Auf hohem, reichgegliedertem Sockel sitzt ein einziges Hauptgeschoß als Sanktuarium, mit Turm und Fenstern, gewöhnlich in Relief, also blind, und mit einer inneren Kapelle ausgestattet, die aber meist unzugänglich bleibt. Darüber erhebt sich ein Turmstock mit einer Folge von 2 bis 12, in einzelnen Fällen noch mehr, doch stets nach geraden Zahlen angeordneten, ganz schmalen Ringgeschossen. Die Bekrönung erfolgt mit Vorliebe durch einen Knauf, häufig aber durch eine letzte, kurze Gipfelstange. Diese Pagoden sind durchweg fast ganz aus Ziegel und Terrakotta erbaut, nur für die Dachkränze ist gelegentlich Holz verwandt. Besondere Schmuckteile sind auch aus Werkstein hergestellt.

Es wurde bereits darauf hingewiesen, daß Tienningpagoden fast ausschließlich erbaut wurden in den nördlichen Gebieten Chinas und zwar unter der Vorherrschaft tartarischer Dynastien. Ausnahmen bilden etwa die bereits behandelten Quadratischen Tienningpagoden, die auch in den Provinzen Schensi, Szetschuan und Yünnan vorkommen und auf T'ang und Ming zurückgehen, indessen noch in naher Verbindung stehen mit den nördlichen Ursprungsbereichen. Die geschichtlichen Voraussetzungen und inneren Zusammenhänge der nördlichen Hauptgruppen können an dieser Stelle nicht im ganzen Umfange erklärt werden. Es erscheint zweckmäßiger, diese geschichtlichen Beziehungen nach Bedarf mit der Beschreibung der einzelnen Beispiele und Untergruppen zu verbinden. Erst mit Hilfe der Untersuchung im einzelnen läßt sich später ein lebendiges Bild des großen geschichtlichen Hintergrundes gewinnen. Nur einige wesentlichste Bemerkungen darüber mögen hier vorausgeschickt werden.

Die große Gruppe der Tienningpagoden, die in diesem Kapitel behandelt wird, gehört hauptsächlich in jene Zeit, als der Norden Chinas unter der Herrschaft von zwei tartarischen Volksstämmen stand, die einander folgten. Die Kitan 契丹 Tartaren, ein tungusischer Stamm aus den nördlichen Gebieten der heutigen Mandschurei und der inneren Mongolei, begründeten die Liao 遼 Dynastie und errichteten aus jenen nördlichen Teilen einschließlich des heutigen Peking ein mächtiges Reich, das von 936 bis 1125 bestand. Sie wurden gestürzt durch ihre benachbarten Stammesverwandten, die Nütschen 女真 Tartaren, die als Kin 金 Dynastie von 1125 bis 1234 herrschten und ihr neues Reich noch nach Süden und Westen erheblich erweiterten weit bis über den Huangho, zuweilen bis an den Yangtze heran. In jener Zeit, die etwa parallel geht mit der Dynastie der nördlichen Sung 960–1126 und der südlichen Sung 南宋 1127–1280, entstanden die Tienningpagoden und ihre Abarten, die darum von den japanischen Bauforschern auch gern als Liao und Kin Pagoden 遼金塔 bezeichnet werden. Diese Form hatte aber Vorläufer gehabt. In den Anfängen findet sie sich schon 500 Jahre früher, im 5. und 6. Jahrhundert, doch ebenfalls nur im nördlichen China, auch damals gebunden an einen verwandten Steppenstamm, die als die türkisch-tartarische Pei Wei 北魏 Dynastie 386–550 den gesamten Norden Chinas beherrschte. Andererseits hatte die eindrucksvolle

Form natürlich auch vielfache Nachfahren, und zwar wurde sie wieder von den späteren, auch nach den letzten tartarischen Kaisern, denen das ganze chinesische Reich unterworfen war, mit Vorliebe wiederholt, wieder nur im Norden, und zwar von den Mongolen als Yüan 元 Dynasty (1234) 1280–1368 und von den Mandschu als Ts'ing 清 Dynasty 1644–1911. Wir beginnen mit dem frühesten Beispiel aus der Wei-Dynastie und zwei anderen, frühen Monumenten aus der gleichen Provinz Honan.

Abschnitt V Lamapagoden

Vorbemerkung: Ursprung und Bedeutung	6 pp.
Kap. 1 Kleinere Lamapagoden	36 pp.
Kap. 2 Die Großen Lamapagoden von Peking und Mukden	45 pp.
Kap. 3 Lamapagoden vom Wutaischan	40 pp.
Kap. 4 Lamapagoden von Jehol	36 pp.
	163 pp.

Vorbemerkung: Ursprung und Bedeutung

Grundform und Benennung 1, Ausgangspunkt und Urform 1, der Grabgedanke 2, Symbolik 3, Parallele mit Tienningpagode 4, Beschränkung in der Deutung und auf das Gebiet des engeren China 5.

Kapitel 1. Kleinere Lamapagoden

1. Tibetisch-mongolische Grenzgebiete 1. – Tibetischer Tschorten. Großer Tschorten im San te miao 1. Die Tschorten im Kloster Kumbum, Werke von Filchner, der Doppelstupa, Klostertor mit Stupa, Große Tschorten, Beschreibung 3, das Symbol Namtschuwangdan 4, die 8 Tschorten 5.

2. Kleine Lamapagoden um Peking 5, Torbau bei Liu li kü 5, Torbau bei Pi yün sze, Torbau im Nankou-Paß 6, Stupas von Pai t'a an, Tsch'ao yang yan, Ta küe sze. Burmanische Pagode des Yü ts'üan schan 7.

3 Lamapagoden in Kueihua 9, Unterlagen 9, Die Stadt Kueihua, Neue und alte Stadt. Kueihua und seine Lamaklöster 10, Die 4 großen Lamaklöster 11, Klöster Ta tschao, Siao tschao 13. – Die Reliquienpagode vom Kloster des Siretu Huktuktu, Si la t'u tschao, die Reliquienpagode 14, Beschreibung, Sockel 16, Rundkörper, Spira, Bekrönung 18. – 2 Lamapagoden im Wu t'a tschao, Beschreibung 19. – Vom Besuch des Kaisers Kang Hi in Kueihua 19.

4. Kleinere Lamapagoden aus südlichen Provinzen 21. – Vorkommen in verschiedenen Gebieten. 2 Lamapagoden in Lantschou 21. – Lamapagode aus Werkstein in Wutschang 22, Turm des Gelben Kranich, Schlangenberg, Schildkrötenberg, Fengschui der Stadt 22, Grabpagode des Kronprinzen 24, der Sockel und seine geometrische Ausmittlung 26, Beschreibung: Sockel,

Rundkörper, Spira, Bekrönung 27. – Lamapagode von Yangtschou. Kloster Fa hai sze und der Magere Westsee 28, die Brücke der 5 Pavillone, Bestimmung und Name der Pagode 29, ihr baulicher Zustand 30, Beschreibung 31. – Lamapagode von Kueilin. Einzigartig im Süden 31. Die südöstliche Vorstadt. Geschichte des Tempels Wan schou sze 32. Kultstätten und geschichtliche Erinnerungen 34, Stupa des Elefantenfelsen 34, Die Reliquienpagode 35, Inschriften 36, Beschreibung 37. – Würdigung der 3 südlichen Denkmäler 38.

Kapitel 2. Die großen Lamapagoden von Peking und Mukden

1. Peking als Vorort von Lamaismus und Lamapagoden 1. Die Pai t'a vom Miao ying sze. Lange und Grundplan des Tempels 2, Geschichte der Pagode 3, Pagodenbauten der Liao 4, der Bau von Kublai Khan 5, Aufsatz über die Weiße Pagode 6, Ordnungen von 5 Pagoden 9, die Pagode unter den Ming und Tsing 10, Beschreibung 12, Unterbau und Sockel 13, Rundkörper, Spira und Bekrönung 14–16

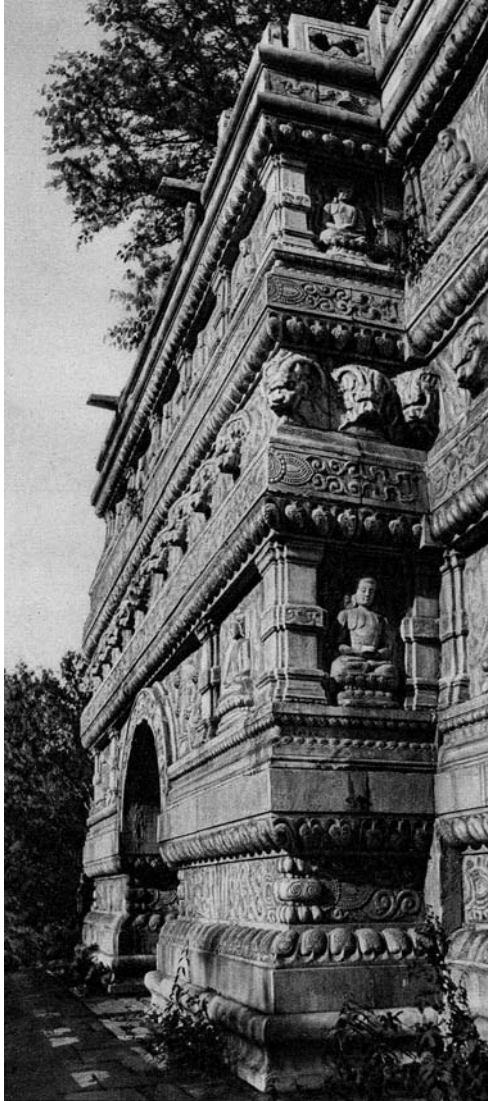
2. Der Stupa vom Pai t'a an. Erbauungszeit 16, Beschreibung 17–19.

3. Die Siao pai t'a auf der Insel K'üung hua tao im Kaiserpalast 20, der nördliche Teich und der Berg Ken yo in Kaifeng und Peking 21, unter den Sung und Kin 22, unter den Yüan 24, unter den Ming und Mandschu 25, Erbauung der Lamapagode und ihre Stellung auf der Insel 26, Beschreibung der Pagode. Unterbau 28, Kapelle Schan yin tien 29, Aufbau der Pagode, Sockel 31, Hauptkörper und Fuß 32, Nische, Bekrönung 33–34

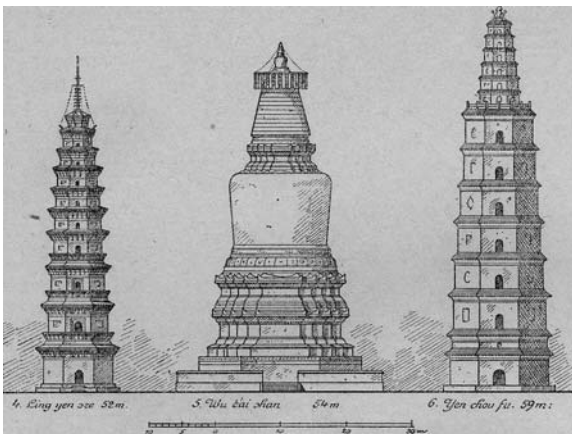
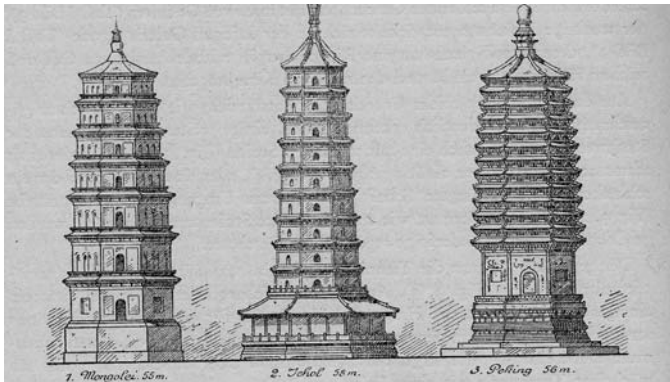
4. Die Hei t'a, Schwarze Pagode. Lage 35, Maße, Unterbau, Rundkörper, Spira, Bekrönung 39

5. Die 4 Lamapagoden von Mukden 39, erbaut unter Schun Tschü. Anordnung im Grundplan von Mukden 40, die Klöster der 4 Pagoden 41, Beschreibung der 4 Pagoden 42, Westpagode, Sockel 43, Löwenreliefs, Nische im Rundkörper 44, 45.

The following illustrations show Boerschmann's working methods: He photographed the monuments (mainly during his extensive travels in 1906–1909), he analyzed the forms and architectural styles, he prepared careful drawings and also provided maps. All this proves him to have been a pioneer in research of Chinese architecture.

1. Biyansi, Western Hills near Beijing, Back view of the marble stūpa

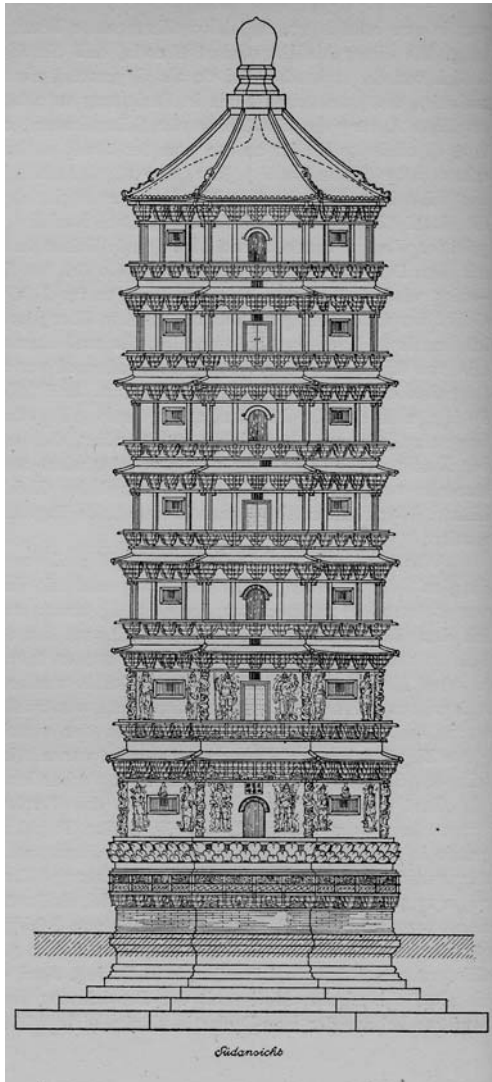

2–3. Main types of Chinese stûpas (drawing by E. Boerschmann, from his article *Pagode im nördlichen China unter fremden Dynastien.*)

1. *Stufenturm* [step tower] (Baita, Suiyuan, 7 floors, built under the Liao to Ming dynasties)
2. *Stockwerkpagode* [storey stûpa] (Yongxiusi in Jehol [Chengde], 9 floors above the ground floor, Qing dynasty, Qianlong reign)
3. *Tianningpagode* (Tianning stûpa, Tianning si near Beijing, erected in 1048 under the Liao dynasty)
4. *Ringpagode* [ring stûpa] (Lingyansi, Shandong province. 9 floors. Erected in 742–756)
5. *Lamapagode* [lama stûpa] (Dayuanso, Wutaishan, Shanxi Province. Erected in 403 or 1582).
6. *Stufenpagode* [step stûpa] (Xinglongsi in Yanzhou, Shandong province. 13 floor. Rebuilt in 982.)

4. Map of the Baozhang hu (Lake) near Yangzhou, identifying the temple and stûpa sites (drawing by E. Boerschmann for his unpublished book *Pagoden II*)

5. Southern view of the Baita (White Stupa) of Suiyuan.
(Drawing by Boerschmann, in a monographic article on this stupa.
Ostasiatische Zeitschrift 1938)

A. Wood

**FETTERS IN THE SNOW.
THE TSARIST SIBERIAN EXILE SYSTEM UNDER WESTERN EYES**

Preface

I first had the pleasure of meeting Nikolai Sukhachev and his colleague, Albina Girfanova, at a conference of the British Universities Siberian Studies Seminar (BUSSS) at the University of Leeds, UK, in 2001. Later, in 2004, we met again at the next meeting of BUSSS at the University of Houston, Texas, USA, which was organized by our distinguished American colleague and expert on Siberian affairs, Professor Victor Mote. At that conference I delivered the following paper, which was scheduled to be published together with the other conference proceedings. Unfortunately – for a variety of reasons – that never happened. I am, therefore, both delighted and honoured to be invited by Dr. Girfanova to rewrite and dedicate this modest contribution to Dr. Sukhachev's *Festschrift*.

The article is not directly related to Nikolai Sukhachev's own academic *oeuvre*, but is simply a comparative analysis of three very different 19th-century western investigators' and writers' account of the tsarist penal policy and practice of punitive hard labour (*katorga*) and exile (*ssylka*) in Siberia, which I have been studying for many years and most recently described in my latest book, *Russia's Frozen Frontier* (London, 2011).

For reasons of time and space, I have chosen not to overburden the text, or the reader, with detailed footnotes and references, but to provide just a simple bibliography of the most important sources, both in English and in Russian, which have been used in the research for this article.

Introduction

In the annals of human crime and punishment, the Russian system of penal exile to Siberia is one of their most notorious chapters. A

British traveller and writer, John Foster Fraser, once remarked: ‘The very word Siberia is one to make the blood run cold. It smells of fetters in the snow. No-one ever went there but in chains.’ There is obviously much hyperbole here, reinforcing established popular myth of Siberia as nothing but a vast frozen wilderness inhabited by countless political and criminal exiles, banished there by tsarist and Soviet officialdom. Nevertheless, there is a flake of truth within Fraser’s rhetoric, as banishment to exile or hard labour in Siberia remained the central feature of the tsarist punitive system for nearly five centuries, continuing – under different circumstances and on a different quantitative and qualitative scale – in the post-revolutionary Soviet Union, most horrifically in the Stalinist 1930s and beyond. Even today, the high rates of criminal activity in Siberia and the Far East can be partly ascribed to the fact that Russia is still one of the very few countries in the world which dispatches its convicted criminals to live in isolated outposts of its remote territories. According to a report in *Izvestiya* in 1989, over 50 per cent of all crimes, including violent crime, were committed in Siberia by recidivist released ex-prisoners and exiles who remained in the territory, rather than returning to their places of origin after their sentences were completed.

During the 19th century, both inside Russia and abroad, there was much heated controversy over the efficacy, penological value, humanity, demographical success, social ramifications, and administrative and financial implications of the system. Contributing significantly to this debate, at least in the west (and it *was* an international issue), were the writings of three western travellers who journeyed far and wide throughout the territory, investigating at first hand the conditions of the exile operation and the Siberian convict underworld. These were the English clergyman, Henry Lansdell (1841–1919), the American journalist, George Kennan (1845–1924), and the British travel writer, Harry de Windt (1856–1933).

All three had different motives for their expeditions and investigations, and all three came to different conclusions. By and large, Lansdell and de Windt, although with different emphases and nuances, were to arrive at a view of the system which, they argued, offered observable advantages, both to the authorities and to the convicted criminals, over other forms of punishment, and which compared

favourably with the penal systems of other countries. Kennan, however, while starting off his journey rather optimistically in the expectation of finding that the convicts, exiles and political prisoners were 'paying their debt to society' in tolerable conditions and had received their just deserts, ended up by penning a passionate indictment of what he had come to believe was a grotesque, inhumane and execrable operation. In arriving at this conclusion, the American had experienced a metamorphosis of his earlier published views, which had amounted to a robust defence of Russian penal practice. It is the purpose of this article not only to compare the contents of their respective accounts, but also to test the persuasiveness and the credibility of their various opinions and conclusions, none of which is beyond criticism.

First, it is useful – if only as a brief *aide-memoir* – to place the Russian exile system into some kind of historical, social, political and cultural context, which is something which none of our authors attempts to do. (Kennan devotes merely three pages of his two-volume work to this, de Windt only one-and-a-half, while Lansdell contents himself with just a single short footnote covering the period 1591 to 1826 – much of which is actually and factually inaccurate). This lack of historical perspective goes some way towards explaining the imperfections and sometimes illogicalities in all of the authors' final adjudications.

Muscovy's annexation of Siberia in the late 16th and 17th centuries created both the geographical opportunity and the political expedient of using the territory as a place of banishment for both common and political criminals. Over the next two and a half centuries exile to hard labour, permanent settlement or temporary residence in Siberia became the principal and most characteristic component of the tsarist penal system. As elsewhere in the world, Siberian exile fulfilled a dual purpose – to purge metropolitan society of undesirable elements, and also to supplement the manpower needed to consolidate its hold on the new colonial possessions, populate the region with Russian stock, and exploit its valuable natural resources. After a brief hiatus during the reign of Peter the Great (ruled, 1696–1725), who required forced-labourers for his European construction projects and convict oarsmen for his new galley fleet, the rate of exile picked up again after the *de facto* abolition of capital punishment during the reign of Empress

Elizabeth (ruled, 1741–61) and the granting to serf-owners the right to dispatch their insubordinate peasants and their families to Siberia in lieu of providing military recruits. By the early 19th century it had become clear that the operation had become grossly overburdened, underfinanced, corrupt, inhumane, and totally incapable of fulfilling either its colonizing or penological purposes. Far from bringing benefit to the region, the exile population was proving to be an intolerable and devastating incubus on the Siberian community – both Russian settlers and aboriginal. The fact that the great majority of the exile population were, by definition, criminally inclined, anti-social, intractable and unrehabilitable – containing a large contingent of murderers, rapists, arsonists, vagrants, thugs and bandits – was not only a cause of grave concern for the local authorities, but also posed considerable perils for the free, settled population (both the *starozhily* – i.e. ‘old inhabitants’ – and more recent immigrants) and the indigenous, native peoples.

In 1822, Count Mikhail Speranskii (1772-1839), himself an exile but also briefly Governor-General of Siberia, promulgated a code of exile reform laws which went some way towards improving the situation, but which only barely scratched the surface of the problem. Throughout the 19th century literally millions of exiles trudged and clanked their tortuous way along Siberia’s infamous ‘road of chains’ (*kandalnaya doroga*) to their ultimate destination in the camps, prisons, factories, mines and settlements of Russia’s northern empire. In social composition, the exile convoys were made up of the most vicious and hard-bitten serial killers, robbers and infanticides, to pickpockets, prostitutes and petty thieves, drunkards and simple ne’er-do-wells. As the great 19th-century statistician, E. N. Anuchin, demonstrated in 1873, most of these were from the lower orders of society, many of them simply expelled by non-judicial, administrative process (*v administrativnom porядke*) from their peasant communes for minor misdemeanours. In addition, though only a tiny percentage of the total, were the political exiles and state criminals, vociferous opponents of the regime and activists in the revolutionary struggle against the autocracy. The majority of these were educated, well-born, sophisticated and highly moral individuals who had been driven to their crimes, including terror and assassination, by what they saw as the injustice and oppression of the tsarist political and social order.

The attitude to these political exiles on the part of Lansdell, Kennan and de Windt will be returned to later, as will the question of the effects of the exile system on the economic progress and civic development of Siberia, something else which the three observers all failed to address.

* * * * *

Lansdell

Let us take them in chronological order of their visits. First, the Reverend Henry Lansdell: Anglican clergyman, philanthropist and much travelled visitor to prisons and other penal institutions throughout Europe, about which he wrote a number of accounts before undertaking his journey to Siberia. In May 1879 he commenced his five-month trip which took him from St Petersburg to Vladivostok, armed with letters of introduction to administrative, military and religious officials en route. The account of his travels and observations, entitled *Through Siberia* (see bibliography) was published in two volumes in 1882, the same year in which Kennan delivered a famous lecture to the American Geographical Society, 'Siberia: The Exiles' Abode', which vigorously defended the exile system against its foreign, mainly English, detractors. It was in response to a plea from a Finnish lady correspondent who had heard of his prison work that Lansdell determined to undertake his journey and apply his missionary zeal to acquainting himself with, and ameliorating the lot of, the exiles in Siberia. 'The object that took me through Siberia,' he says, 'was of a philanthropic and religious character.' The method by which Lansdell sought to achieve his 'philanthropic and religious' objective was through the dissemination of religious books, pamphlets and tracts among the inmates of the penal institutions which he visited. Two full wagonloads of assorted psalms and scriptures, texts and testaments in various languages were included in his *équipage* as it trundled beyond the Urals. Quite how this egregious act of Christian *colportage* was expected to relieve the physical suffering and daily torments of the criminal wretches who received them is beyond comprehension. It is, however, typical of the earnest, but uninformed, naïveté with which the eccentric cleric's approach to his self-imposed mission is imbued. It would, of course be equally obtuse to suppose that a mid-19th-century English Victorian

clergyman would question the value of his, or his book-suppliers', misapplied generosity. One of the most telling examples of Lansdell's inflated pietism is the following observation, made after previously describing, in a rather anodyne fashion, the physical tribulations endured by the convicted criminals at the Kara gold mines. He points out that neither Muslim, Jewish nor Christian prisoners were allowed a day of rest on their respective weekly holy days, and goes on:

It might possibly be argued... that Sunday is not usually observed at any of the Siberian gold-mines; but, however that may be, I thought this robbing the hard-labour prisoners of their day of rest the most cruel and unjust thing in their lot. A greater than a Russian Tsar gave to man the Sabbath, And to take it away from him is, to my mind, a sin and a shame.

This he has the unctuous audacity to proclaim after having described the horrors of the exile journey, insanitary conditions, mortality and morbidity rates, and the regular use of vicious corporal punishments. He is less censorious of the cruel floggings – some of which he personally witnessed – than the deprivation of a day of patently useless prayer. What, precisely, they needed a day of rest from is unclear, as Lansdell considers that one of the other main evils from which the convict labourers suffered was lack of work. This problem of enforced redundancy of forced labourers in Siberia has also been remarked on by other commentators, and was indeed a headache for the authorities, though there is no space to pursue this peculiar problem here.

On the subject of corporal punishment, this Anglican vicar of Christ, who presumably believed in the beatitude that 'blessed are the merciful', displays a rather dismissive attitude. For instance, having personally observed a convict receiving sixty strokes of the birch rods, he came away confessing merely to being 'considerably perturbed' (!). Later, although not himself a witness, he describes in harrowing detail a sustained flogging with the dreaded three-thonged, heavy leather lash – the *plet*, which could be lethal in its effects. However, after conceding that the *plet* is 'a truly fearful instrument', he all but condones its use by reminding his English readers that 'the Russians use it *for the more part* [emphasis added] on such as we should hang outright.' That, presumably, is acceptable then.

There is insufficient space to analyse in close detail the many other shortcomings of Lansdell's account, but at least a short list of them seems appropriate at this point:

First is the fact, that despite the supposedly 'philanthropic' objective of investigating Russian penal practices, Lansdell's work is basically no more than a travelogue. Out of fifty-three chapters, only twelve are exclusively dedicated to a description and discussion of the prison and exile system itself, and one of these – on Sakhalin – concerns a place on which he never set foot, and therefore relies on second- or third-hand reports for its information. The rest of the book is simply a superficially observed description of the places he visited (or in some cases *did not* visit), and the people and peoples he encountered (or *did not* encounter). The point about reliance on second-hand information brings us to the second defect.

The fact that Lansdell's route and travel arrangements were pre-arranged, and that local prison and exile officials were expecting his visits, leads to the suspicion that, however helpful, honest and accommodating the latter may have appeared, Lansdell saw only what he was allowed to see and was told only what they wanted him to hear. Moreover, he had no way of independently verifying the data he was fed, as he neither spoke nor understood Russian, and relied solely on interpreters (who are never identified) or occasional conversations conducted in rudimentary French.

Third, the author displays alarming ignorance about the history and culture of the country he was visiting. (I have already mentioned his factually inaccurate footnote on the history of the exile system.) Further on, admitting that 'I am far from supposing that my very limited and isolated experience is worth much', he then proceeds to prove just that by giving a short, and utterly fallacious, misinformed and unedifying résumé of the history and current state of the revolutionary movement and anti-government sentiment in Russia. Considering that his visit occurred in the middle of the populist terrorist campaign which led to the assassination of Tsar Alexander II in 1881, this is quite a remarkable feat of political naïveté and insouciance. This is in stark contrast to George Kennan's preoccupation with the experiences and plight of the many political exiles with whom he came into contact in Siberia – about which, see below. The 'learned' Reverend Lansdell also reveals quite a

remarkable piece of literary ignorance in his exposition. In trying to de-bunk sensational English-language accounts of Siberian prison and exile, he mentions a translation of Fëdor Dostoevskii's *Zapiski iz mërtvogo doma* (1861) which had recently been published in England entitled *Buried Alive: or, Ten Years' Penal Servitude in Siberia*. Lansdell is apparently completely duped into thinking that Dostoevskii's semi-autobiographical account of life in a Siberian prison is genuinely the edited work of the book's fictitious central character, Goryanchikov, rather than the celebrated novelist. The belletristic stratagem employed by Dostoevskii is taken by the gullible, ignorant Lansdell at its face value as a factual account of the non-existent Goryanchikov's prison years. His smug revelations of certain irregularities in Goryanchikov/Dostoevskii's 'memoirs' are therefore totally misplaced. Nor does he comment anywhere on Dostoevskii's own literary reputation, his published *oeuvres* or even his political, prison and literary career.

Another serious omission from Lansdell's work is any detailed discussion of the damaging effects of the exile system on Siberian society. The hostile and often violent relations between the escaped convicts' gangs and the free population of the territory are lightly passed over, whereas the 19th-century Siberian regionalist writer, N. M. Yadrintsev (1842–94), describes it, in the terminology of a civil war, as a 'constant field of battle' that ravaged the country with perpetual, intestine conflict. Finally, the reliability of Lansdell's observations is vitiated by the vague, unattributed, and impressionistic nature of his narrative. While claiming to be a disinterested party, and promising to present only the untarnished and unvarnished facts, he openly betrays the dubious, anonymous character of his sources. While a tiny handful of his informants *are* identified by name and rank, all too often they are simply described as 'a civilian', 'an American citizen', 'a local inhabitant', 'a guard', and so on. Also – and this is the real give-away – he is prone to using such unhelpful phraseology as 'I suppose', 'I am led to believe that...', '...or so I was told', 'I have no accurate information', 'I presume this is because...', 'I am not quite sure', 'I fancy that...', and even at times, 'I do not know'. The whole book is peppered with these irritating disclaimers, which undermines the reliability of his narrative.

In the final analysis, although it provides us with a mildly diverting set of travel notes presenting a foreigner's idiosyncratic, often inaccurate, picture of 19th-century Siberia, as a serious source for the scholarly study of the exile system it must be dismissed as sanctimonious, devoid of sharp critical analysis, and evidentially totally unsound. It is certainly not founded on anything that could be considered to be serious scholarship or solid research methodology.

* * * * *

Kennan

Of an altogether different nature is George Kennan's *Siberia and the Exile System*, published in New York in 1891. Kennan's is of course the best known of the three accounts, if only for the public furore which it stirred up and the animated debate which followed its publication. Again, space precludes me from going into too much detail, and doing sufficient justice to the subject. In any case, an excellent study of Kennan's whole career and the international impact of his journalism is to be found in Frederick Travis's monograph, *George Kennan and the American-Russian Relationship, 1865-1924* (Ohio U.P., 1990). I myself first read Kennan's book in the mid-1970s, when my interest in Siberian exile had only just begun. The conclusions I drew then were broadly the same as Travis's, though without the benefit of access to Kennan's personal papers, letters and contemporaneous travel journals which Travis investigated while researching his book. The great value of the original journals is that they demonstrate how, although infinitely more reliable than Lansdell's, Kennan's work contains a number of infelicities and passages of questionable veracity. While these do not undermine the genuinely convincing moral honesty of his opinions, they nevertheless indicate that not everything he has to say can be taken as gospel. I use the word 'gospel' deliberately, as one thing Kennan and Lansdell do share in common is a kind of missionary zeal, though of an entirely different kind. Whereas Lansdell was inspired by a Christian desire to spread the good word among the fallen, Kennan's book was intended as a revelation to the world of the injustices and human misery caused by the Russian penal, and by implication, social and political system. He had earlier developed a deep affection for Russia, and indeed Siberia, as a result of his participation in an expedition to lay a

telegraph line from the American continent via Alaska (then Russian America) across the Bering Straits and eventually through Siberia to Europe. The enterprise failed, but Kennan recorded his experiences in the best-selling book, *Tent Life in Siberia* (1870). This, together with his newspaper articles and lecture appearances soon turned him into a popular expert on Russian affairs. Contrary to current attitudes to the Russian Empire in both America and Britain, Kennan appeared as an advocate and defender of Russian policies, both domestic and foreign. In 1882, his lecture on 'Siberia, the Exiles' Abode', mentioned earlier, provoked an angry response in many quarters, and in order further to justify and consolidate his position, Kennan undertook yet another visit to Siberia, accompanied by his friend, the artist and photographer, George Frost.

Kennan prepared his visit well. His reputation as a 'friend' of Russia gave him a kind of 'open sesame' to the places and people he wished to visit, he spoke good Russian, he embarked on a programme of preliminary research in St Petersburg and Moscow, and was well financed by the *Century* magazine. One of the people he made a point of meeting while in St Petersburg on the first leg of his journey was the radical Siberian regionalist activist mentioned above, Nikolai Mikhailovich Yadrintsev, author of the seminal work on 'Siberia as a Colony' (*Sibir' kak koloniya*, 1882). The American kept closely in touch with Yadrintsev until the latter's death in 1894, and the famous Siberian scholar was a major influence on the process of Kennan's subsequent damascene 'conversion' from staunch defender and apologist for the Russian government to one of its most bitter foreign opponents and detractors.

Like Lansdell's book, Kennan's was also essentially a travelogue, although, as the title suggests, it is much more purposefully, though not exclusively, focussed on the investigation and excoriation of Siberia's exile system (compared with Lansdell, eighteen out of thirty chapters, the other twelve headed with 'touristy' titles such as 'The Flowery Plains of Tobolsk', 'The Great Kirghiz Steppe', and 'Bridle Paths of the Altai'). Although both Lansdell and Kennan were furnished with official letters of introduction, the latter also acquired, mainly from Yadrintsev, a long list of 'unofficial' contacts, including many political exiles, who were later to provide him with invaluable, unique information and first-hand accounts of their own treatment by

the police and exile authorities. It was through his acquaintance with these banished enemies of the tsar that Kennan's ideas underwent their dramatic transformation. As he himself put it:

I then [i.e. earlier] believed ... that the descriptions of Siberian mines and prisons... [by] the Rev. Henry Lansdell were probably truthful and accurate. I also believed... that the nihilists, terrorists and political malcontents generally... were unreasonable and wrong-headed fanatics of the anarchist type. [...] In short, all my prepossessions were favourable to the Russian government and unfavourable to the Russian revolutionists.

Far from being fanatical and wrong-headed anarchists, the American journalist found them to be highly intelligent, virtuous, mild-mannered, civilized and socially conscious individuals, with a wide range of intellectual and practical approaches to what they deemed to be the intolerably oppressive and *uncivilized* policies of the autocratic

Russian state. In contrast to Lansdell's simplistic and unhistorical caricature of the 'nihilists', Kennan provided his readers with quite a sophisticated analysis of the various strands of Russian revolutionary thought at the time, and of the constructive, if heterogeneous aims and objectives of the movement. He also provides a moving description, often in the exiles' own words, of their arrest, imprisonment, isolation, interrogation and subsequent exile; of their humiliating, sometimes brutal, treatment; and of the degradations to which many of them were daily subjected. True, many of the politicals managed to live in tolerable, if Spartan circumstances, while others were driven by their tormentors to the point of madness or suicide.

Although the sincerity, passion and probity of Kennan's trenchant critique is beyond reproach, his factual information generally well-researched, and his moral indignation unfeigned, his account nevertheless suffers from a number of flaws, which, as in the case of Lansdell, there is space only to enumerate briefly and cursorily.

Whereas Lansdell was embarking on a religious mission, Kennan's activities gradually took on the form of a moral and political crusade, the language of which is often over-emotional, seeking for dramatic or even melodramatic effect. As rhetorical propaganda, the

result was compelling, though the technique somewhat unnecessarily bombastic, the eloquence of the advocate sometimes sliding into the grandiloquence of the pulpiteer. The horrors which he describes are in no need of embellishment or exaggeration to move the reader's compassion.

As with Lansdell, the book lacks any kind of long-term historical perspective, but the author to some extent disarms his critics in his Preface where he plausibly explains that he cannot hope to do everything in his work, and that he 'went to Russia to study the working of a penal system... and to ascertain how the Government treats its enemies in the prisons and mines of Eastern Siberia.' And that, after all, is what he did, though many of the points he makes would be more telling if placed in the wider context of Russia's political and cultural heritage.

In my own view, one of the greatest shortcomings in the book is Kennan's almost total absorption with the lot of the *political* exiles, to the near disregard of the much more awful fate of the common criminals. Politicals accounted for only around one per cent of the total exile population – a point made by all three of our authors, and since endorsed by the researches of recent Soviet scholars. However, Soviet scholars too, much like Kennan, concentrated their often excellent studies of Siberian exile on the activities of those who were exiled for their revolutionary or other oppositionist activities. Articles and anthologies abound with such titles as *Dekabristy v Sibiri*; *Pareshevtsy v Sibirskoi ssylke*; *Vliyanie politicheskoi ssylki na rabochee dvizhenie v Sibiri*; *Esery v sibirskoi ssylke*; *Ssyl'nye bolsheviki i sotsial-demokraticeskoe podpol'e v Sibiri*; and so on, and so on. By contrast, little has been written, at least since the pioneering works of Maximov and Yadrintsev in the 19th century on the exploits and experiences, the life-style and the long-time sufferings, the biographies and the *byt'ë* of Siberia's exiled criminal masses. On the subject of *politicheskaya ssylka* there are mountains of material; on the much more varied and tragic phenomenon of *massovaya ugovnaya ssylka* almost zero. And Kennan, in my opinion, although not overlooking them entirely is equally remiss in this respect. Although bemoaning the injustices suffered by his beloved politicals, he expresses little or no compassion for the wretched, common *hoi polloi* in the 'House of the Dead'.

Also, as mentioned earlier, many incidents in the text of Kennan's published book depart in the fine detail from the record of the same incident as contained in his contemporaneous travel journals. At one point he describes in tear-jerking tones the scene of a convoy of exiles rattling their chains and keening the exile dirge, the *miloserdnaya*, as they begged for alms from the peasant village through which they passed. Not only is there no record of such an encounter in the travel notes, but the whole scenario is a near-exact replica of a similar scene described in Maximov's fascinating book, *Sibir' i katorga* (1871), with which Kennan was familiar, and which he had previously translated. In such instances he is clearly using literary licence to heighten the suspense, enhance the drama and charge the atmosphere of his narrative in order to get his message across. His new-found partisan zeal, however, sometimes causes him to embroider the story and stray from the disinterested objectivity of the investigative reporter.

Finally, whereas Lansdell, an active member of the campaigning Howard League for Penal Reform, had real experience of prison conditions in other countries across Europe, as far as is known, Kennan never passed through the gates of any other penal institution outside Siberia. There is no mention of the floggings, the hangings, the chain-gangs and other methods of chastisement suffered by the criminal classes elsewhere in Europe and America. A proper comparative edge to his observations is therefore entirely lacking.

The story of Kennan's later career, the public debate over his conclusions, his espousal of the cause of Russian émigré revolutionaries and his impact on American perceptions of Russia are beyond the scope of this article. In contrast to Lansdell's, Kennan's work is comparatively reliable, keenly observed, thoroughly researched, backed up with statistical evidence from solid sources, and, despite the imperfections mentioned above, evincing a genuine empathy for Russia and the Russian people, if not its government.

* * * * *

de Windt

The same cannot be said for the pompous outpourings of the awful Harry de Windt, whose books on Siberia call to mind, in both its substantive and adjectival forms, the word 'effluent'. de Windt has

been variously described as gentleman, raconteur, adventurer, gourmet, explorer, traveller, scholar, orientalist, *bon-viveur*, and a 'Long Rider'. He was a graduate of the University of Cambridge, a Fellow of the Royal Geographical Society, a writer of popular travel tales, an insufferable bore, a snob and a xenophobic, anti-Semitic prig. According to one source, '...one day Harry could be seen lounging in the most fashionable salons in Paris, the next day he could be found battling to stay alive in some God-forsaken patch of nameless territory. Yes Harry was a Long Rider to the ends of his polished fingertips.' His two books on Siberia (*Siberia as It Is* [1892], and *The New Siberia* [1896]) are, however, worth reading, if only as examples of how history can be distorted by the supercilious meanderings of an upper-class ignoramus. The front cover, dedication and introduction to his first Siberian book give an intriguing foretaste of what is to come. The cover design of *Siberia as It Is* presents an etching of the city of 'Nijni Novgorod' (which, of course, is not in Siberia); the dedication offers the author's 'homage' to 'Her Most Serene Highness, The Princess of Monaco' (?!); and the introduction is written by Madame Olga Novikoff, a well-known unofficial ambassadress of tsarist Russia in London, a loyal patriot, and, in her own words, 'a staunch believer in... orthodoxy, in autocracy and nationalism, ... and a prison directress to boot!' Madame Novikoff, an altogether objectionable character, firmly endorses de Windt's integrity, and his reputation as a scholar and an English gentleman.

In his accounts of both his visits to Siberia, the Far East and Sakhalin, de Windt displays a breathtaking indifference to the squalor, suffering and degradation to which the exiles are condemned, and views the whole operation through rose-coloured spectacles – or in his case probably a monocle, so uni-ocular was his view of the exile system. Throughout his travels, de Windt is received, entertained and fêted by the local dignitaries and officials, regaled with fine wine and feasts, and seems to be comfortably oblivious to the harsh reality of exile existence. His detachment is well illustrated by his account of the cruel treatment of a young convict on the prison ship bound for Sakhalin. de Windt observed the incident from his vantage point where, 'It was my custom to smoke a cigar after dinner at sunset on the upper deck, and look down on the brightly lit holds...' [where the

prisoners were caged – A.W.J. Elsewhere he tells of an enjoyable meal at the house of Sakhalin’s Governor:

We were received by Mme Vologdine and her pretty little girl at a snowy table where amid freshly cut flowers, a dainty *déjeuner* awaited us. The repast was prepared for us by a gentleman from Odessa who had deprived an aged and wealthy relative of existence under conditions of peculiar atrocity, but I am bound to admit that the fact did not lessen either my appetite, or my appreciation of a certain delicious “*omellette soufflé*”, which yet lingers in my memory.

To be fair, de Windt does provide some grizzly depictions of the seamier side of the exiles’ treatment on Sakhalin, but these are invariably offset by remarks to the effect that such forms of chastisement as starvation diets, solitary confinement in Sakhalin-style *oubliettes*, permanent chaining to a wheelbarrow, and ferocious scourging are justified by the bestial nature of those punished. de Windt is a great believer in the existence of the ‘criminal type’, and regales his readers with the physiognomical details of the ‘typical’ Russian felon, describing their ‘diabolical countenances’, though conceding that ‘the majority of the faces I saw were rather stolidly stupid than ill-favoured.’ If his portrayal of the convicts’ physical appearance is at the same time both indiscriminate and socially discriminatory, then his description of the Far Eastern native peoples is utterly repellent, and redolent of the very worst kind of racial prejudice, cultural crassitude and ethnographical ignorance. Although not strictly speaking germane to the subject of exile, de Windt’s description of the ‘savage’, ‘unsavoury’ Gilyak people of northern Sakhalin gives us some idea of the ‘English gentleman’s’ contempt for his fellow man, and of his generally supercilious mentality:

The Gilyak characteristics... may be summed up in three words: dirt, drink and disease... [He] is of tawny complexion... short in stature thick-set and muscular... naturally of an indolent disposition, and, like his dogs, subsists entirely on fish. ...the majority prefer to live an idle, aimless existence throughout the warm season as soon as they have collected enough food for sustenance throughout the long, dreary winter.

This is quite rich, coming from the pen of a man with ‘polished fingertips’, who spends half his time ‘lounging’ in Paris salons,

doubtlessly mentally salivating over the memory of an omellette soufflée, specially whisked up by the killer cook of Sakhalin.

It would be possible to adduce countless examples of de Windt's airy, cavalier attitude to some of the sorrowful sights to which he was witness. In his considered opinion, on the whole the prison and exile system in Siberia fulfils its penological purpose in a humane and almost charitable manner. Conditions in the cells are on the whole no worse, even better, than in the average peasant's hut. Prisoners on the convict barges are given to bouts of spontaneous revelry, singing and mirth. Etaps – en route overnight prisons – are generally hygienic and well-appointed. Hospitals are well-ventilated, adequately staffed, and properly stocked with the necessary medicaments. Cruel corporal punishments are by and large well-deserved, and in any case show a degree of leniency, when compared to the summary execution of convicted criminals elsewhere. The Russian government, despite the overwhelming evidence to the contrary, is running an efficient, compassionate and humanitarian operation in supervising the 'huge slop-pit into which the foulest excreta of the Empire were poured'. To read de Windt's account of his trip to Sakhalin, one would think he had been compiling a tourist's gazetteer to the exotic East, rather than an investigation of one of the world's most infamous and hellish criminal outposts. As John Stephan has so graphically reminded us: 'On Sakhalin, men and women went to the woods not in search of grapes nor to gratify their lust, but for deadly toxic wolfsbane which would bring a quick end to their tormented lives.'

From what has been written above, it should be clear that de Windt's disquisition is not rated very highly. A fuller, more detailed analysis of his observations will have to wait. Suffice it to say that, despite his disclaimers to the contrary, and his protestations of political impartiality, de Windt's account adds up to an unashamed vindication of the odious penal system of a discredited, dictatorial regime that was soon to be swept away by the common people of Russia for which the author displays so much disdain. Perhaps its greatest value, if any, lies in the polemics which it provoked between him and Kennan, and their respective protagonists and antagonists. At least the Kennan/de Windt debate brought the subject of Siberian exile fully into the international public arena.

* * * * *

Conclusion

Each of the three western observers of the Siberian exile system discussed in this paper had his own axe to grind. All of them displayed a firm conviction in the rightness and the righteousness of their respective causes. But none of them, because of their background, upbringing and cultural baggage succeeded in conveying the essence of what exile to Siberia truly represented as a quintessential manifestation of the Russian experience. The cruelty and the compassion, the ferocity and the fatalism, the humanity and inhumanity, the authoritarianism and the anarchy which permeated the Siberian exile system made it a kind of microcosm of Russia itself. To capture its real essence, to penetrate its inner psyche, one unquestionably needs to turn to the works of native Russian savants such as Maximov, Yadrintsev, Anuchin, Foinitskii, Feldstein, Dostoevskii, Korolenko, Chekhov, Deutsch and Salomon, rather than to the well-meaning, but ultimately extraneous creations of western evangelists, journalists and ‘gentlemen’. One also hopes that the more recent research and publications of western scholars has helped to shed some clearer light on the subject of the Siberian exile system than the works of Lansdell, Kennan and de Windt, who were, after all – as they say in Russia – characters ‘from a different opera’ (*iz drugoi opery*).

Select bibliography

Primary English sources

Lansdell, Henry, *Through Siberia* (2 vols, London, 1882)

Kennan, George, *Siberia and the Exile System* (2 vols, New York, 1891)

de Windt, Harry, *Siberia as It Is* (London, 1892)

de Windt, Harry, *The New Siberia*, (London, 1896)

Deutsch, Leo, *Sixteen Years in Siberia* (London, 1903)

See also:

Travis, Frederick, *George Kennan and the American-Russian Relationship. 1865–1924* (Ohio U. P., 1990)

Wood, Alan, *Sex and Violence in Siberia: Aspects of the Tsarist Exile System*, in *Siberia: Two Historical Perspectives* (London, 1984)

Wood, Alan, *Russia’s Frozen Frontier: A History of Siberia and the Russian Far East, 1581–1991* (London and New York, 2011)

Russian sources

- Anuchin, E. N., *Izsledovaniya o protsente soslannykh v Sibir' v period 1827–1846 godov. Materialy dlya ugolovnoi statistiki Rossiii* (S.- Peterburg, 1873)
- Chekhov, A. P., *Ostrov Sakhalin*, in *Polnoe sobranie sochinenii i pisem*, t. 14–15, (Moskva, 1978).
- Dostoevskii, F. M., *Zapiski iz mērtvogo doma* (Moskva, 1861).
- Feldshtein, G., *Ssylka: Ocherki eyo genezisa, znacheniya, istorii i sovremennogo sostoyaniya* (Moskva, 1893).
- Foinitskii, I. Ya., *Uchenie o nakazanii v svyazi s tyurmovedeniem* (S.- Peterburg, 1889).
- Maksimov, S. V., *Sibir' i katorga* (S.-Peterburg, 1900).
- Melamed, E. I., *Dzhordzh Kennan protiv tsarizma* (Moskva, 1981).
- Salomon, A. P., *Ssylka v Sibir': Ocherk eya istorii i sovremennago polozheniya* (S.-Peterburg, 1900).
- Yadrintsev, N. M., *Sibir' kak koloniya* (S.-Peterburg, 1882)

И. В. Герасимов

РАЗНОВИДНОСТИ ХЛЕБА В ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВОМ СУДАНЕ (ПО ПРОИЗВЕДЕНИЮ ИБН ДАЙФАЛЛАХА «ТАБАКАТ»)

Существенным отличием памятника Ибн Дайфаллаха «Табакат» (XVIII в.) от большинства средневековых трактатов такого же жанра является то, что он посвящен только Судану. Большой объем произведения, основанного исключительно на суданском материале, позволяет говорить о труде Ибн Дайфаллаха как об уникальном, не только с точки зрения большого объема агиографических сведений, но и благодаря почти энциклопедическим описаниям повседневной суданской жизни и бытовой культуры XVI – нач. XIX вв.

«Табакат» повествует о том, какие злаковые культуры, овощи и мясо-молочные продукты использовались при изготовлении пищи, что являлось предпочитаемой едой у различных групп и слоев населения. Представленная в памятнике информация, представляет существенный интерес, поскольку именно тогда под влиянием арабской и местной культуры происходило формирование того, что можно назвать национальной суданской кухней.

Несмотря на то, что в произведении Ибн Дайфаллаха в первую очередь даны портреты суфийских шейхов, чтецов Корана, факихов, отличавшихся своей праведностью и набожностью, от внимания автора не ускользают особенности принимаемой ими пищи.

Исторически сложилось так, что хлеб играет, практически, главную роль в пищевом рационе суданцев, однако, в зависимости от злаковой культуры, из которой его производят, климата и способа изготовления, существует множество его видов. В суфийских братствах Судана потребление пищи не было разнообразным, и случалось так, что неделями люди употребляли в пищу только хлеб и воду.

Интереснейший материал, связанный с хлебом и спецификой его изготовления содержится в биографии Идриса валад Мух-сина. В тексте биографии сказано: «Говорят, что его блюдо [рассчитано] на шестьдесят порций. Его фукара – люди из братства, а с ними рабы смешивают размельченный хлеб¹ с водой в емкостях круглой формы². Они были с затянутыми поясами... Этот хлеб из муки³, который поднимается на дрожжевой закваске. В него [кладут что-нибудь] наподобие перца⁴. Иногда хлеб бывает с пряностями⁵, а иногда с водой» (Ибн Дайфаллах 1974: 57–58).

Биография сына и преемника шейха Идриса в братстве, которого звали Хамад валад шейх Идрис, продолжает повествование о шейхе, и несколько дополняет его новыми сведениями о пище.

«Блюдо шейха Идриса, [вмещало] шестьдесят кадахов⁶, и временами на него [выливали] пряности, а временами воду. Это перемешанная в емкостях⁷ каша⁸ (асида масиута), она [сделана] на закваске⁹, поднявшаяся¹⁰ и мягкого помола¹¹. Вода поверх этой каши (асиды) подобна бульону¹².

¹ كسرة مديدة – «касра мадида» – это название хлеба в Судане, который производят из дурры. Он бывает двух основных форм – в виде грубой кашицы и лепешек, свернутых трубочкой. Кашица имеет преимущественное распространение к югу от Хартума, а лепешки к северу, где их часто называют كسرة رفاقه – «касра рукака». Это собирательное название для всего хлеба подобного вида. «Касра мадида» – грубая кашица, которую можно пить. Этот вид хлеба также встречается под названием نشا «наша»

² برمة – «барма» (мн.ч. برام) – сосуд, емкость округлой формы, производится из глины. Если емкость – «барма» маленького размера, то она называется كنتوش «кантуш». الزير – «аз-зир» (кувшин, сосуд) – один из видов, который предназначен для хранения воды и ее охлаждения. Жители северных районов Судана используют «барма» только для хранения легкого веселящего напитка «марисы».

³ دقاقة – мука.

⁴ فلفل – перец.

⁵ ملاح – пряности. Синонимом этому слову может служить الادام

⁶ Кадах, очевидно, здесь, как и в вышеуказанном тексте, понимается как порция.

⁷ «Барма» это – емкость из глины, которая используется для хранения зерна и приготовления пищи.

⁸ عصيدة مسبوطة – каша, которую перемешали.

⁹ «Мухтамара» приготовлена с использованием дрожжей.

Когда Хамад занял место своего отца, шейха Идриса, он увеличил [объем изготовления] хлеба, убой животных и уменьшил [размер] раздачи. Его блюдо [стало составлять] сто двадцать порций (кадахов).

[Единица] хлеба соответствовала сансану¹³, а приправа (мулах), [состояла из] перца, укропа и кориандра¹⁴. Для [изготовления] приправы [используется] большая емкость «карбаб»¹⁵ в которой три слоя (Касим 1972: 307): слой мяса, слой молока, слой фасоли¹⁶ (Касим 1972: 35) и зелени¹⁷» (Ибн Дайфаллах 1974:158).

В приведенном тексте внимание привлекает не только содержимое большой емкости, которое предназначено для кормления суфиев и простых людей, но и объемы приготавливаемой еды. Как видно, в традициях суфийских учителей была безвозмездная помощь нуждающимся и бедным людям.

Если две приведенные биографии могут соединяться друг с другом благодаря родственным связям между главными персонажами и тем самым в поведении сына прослеживается традиция, заложенная отцом, то биография Аббуди ученика шейха ал-Масламы не имеет генетической связи с ними, хотя приведенное в ней описание очень напоминает изложенное выше. С учетом этого можно вести речь о традиции организации кормления суфиями людей и стремление поделиться самым насущным – провизией и водой.

«[Аббуди] был щедрым. У него имелась глубокая емкость, которую переносит крупный и мощный бык¹⁸. Каждый вечер, емкость наполняли и устанавливали в долине. Хлеб в ней – на дрожжах, мелко помолотый, хорошо поднявшийся. Его ели пут-

¹⁰ نجيبض «надиджа» – хорошо поднявшаяся, иначе говоря хорошо приготовленная.

¹¹ Указание на мягкость помола.

¹² مرقة «марака» – вода, в которой сварено мясо, т.е. бульон.

¹³ Другим обозначением хлеба «сансан» служит слово «тарака» («тарака» – тонкий хлеб) (Касим 1972: 370).

¹⁴ شمار – укроп, كزبرة – кориандр.

¹⁵ كرباب – большой котел, который предназначен для приготовления больших по объему кушаний.

¹⁶ بربور – незатейливая приправа из фасоли и лубии.

¹⁷ خدره – «мулухийя» то же самое, что الملوحية – проскурняк розовый.

¹⁸ جخص – крупный мощный бык.

ники, местные жители и даже их собаки. А вода в «барме» была подобна бульону. Даже на одну ночь, пища в этой емкости не переставала готовиться, и была в изобилии на протяжении его жизни, и на протяжении сменившего его сына Мухаммада в течение, примерно, семидесяти лет...» (Ибн Дайфаллах 1974: 272.).

В текстах биографий, где чаще всего повествуется об умеренности праведников в питании, приводятся другие виды того, что в Судане принято считать хлебом. Речь идет о более простом в производстве и более легком для хранения хлебе, который люди приносили суфийским наставникам и праведникам, в знак благодарности или из желания заслужить благосклонность Всевышнего, одарив едой человека, наделенного божественным благословением.

Это, в частности, прослеживается в биографии Ибрахима валад Барри: «Он [Ибрахим валад Барри] был набожным и праведным и не принимал даров, кроме как в виде незначительных вещей, таких, например, как суридж¹⁹, мататил²⁰ и набак²¹ (Ибн Дайфаллах 1974: 98.)

Сушеный хлеб «суридж» был чрезвычайно удобен при транспортировке и дальних странствиях. Кочевники – суданцы активно употребляли его в пути. Этот же способ обеспечения себя провиантом использовался и «людьми веры»: рядовые суфии и учителя охотно питались им, находясь вдали от дома. Мухаммад ибн факих Салим ал-Маджиди, отправляясь в поездки, брал с собой суридж (Ибн Дайфаллах 1974: 340).

Как минимум в двух местах текста труда Ибн Дайфаллаха встречается еще один вид хлеба, получивший название «фатир».

¹⁹ سورج - вид сушеного хлеба. Его делают из теста дурры, смешанного с ростками или семечками дурры. Этот хлеб производят различными способами, простейший из которых такой же как при изготовлении «касра». Если добавить сахар, то из него можно сделать напиток «мари-су». «Суридж» может храниться несколько месяцев и не портиться.

²⁰ مطالة мн. ч. مطاطيل – лепешка из молотой муки чаще всего с добавлением молока или кислого молока или воды. Способ приготовления заключается в том, что тесто или раскатанная хлебная лепешка укладывается в очаг, где был разведен огонь. Ее зарывают в горячую золу и угли, где она доходит до готовности.

²¹ نبق - хлебные лепешки, которые готовятся из ююбы после удаления из нее косточек «джулвад» جلود.

По всей видимости, этот вид хлеба является широко распространенным в различных районах Судана, поскольку принцип его изготовления известен не только у арабов Судана, но и у нубийцев района Донголы. Правда, там он известен под местным названием kabīd (пресный хлеб), sēntī (пресный очень тонкий хлеб) (Завадовский, Смагина 1986, с. 83)²².

В одном фрагменте сообщается о том, как ал-фундж²³ в начале своего господства ввели налоги на арабские племена, которые заключались в обязательном снабжении войск продуктами питания. Среди них был назван хлеб (фатир)²⁴ (Ибн Дайфаллах 1974: 82) Во втором фрагменте, относящемся к биографии Хамада ибн шейх Идриса, следует рассказ о его посещении могилы своего отца, после чего «пришла женщина, которая несла тыкву (قرعة فطير) с хлебом. Я выпил его, и не знал, откуда она появилась» (Ибн Дайфаллах 1974: 160).

В данном отрывке употреблен глагол «пить». Это может свидетельствовать о том, что хлеб был размешан с молоком внутри тыквы и, естественно, его проще было пить, а не есть, что и сделал шейх Хамад. Перед нами картина того, в каком виде употребляли хлеб. Его ели в жидком виде, в виде лепешек и засушенном. Выясняется также, что еда праведников, по крайней мере, когда речь шла о хлебе немногим отличалась от питания рядовых суданцев.

Некоторые праведники, уходившие в состояние уединения, довольствовались минимумом еды, среди компонентов которой почти всегда был хлеб, и рассказы о других их свершениях в самоограничении, выглядят легендарными и почти сказочными.

²² В труде Завадовского Ю. Н. и Смагиной Е. Б. «Нубийский язык» приводится текст на нубийском языке, посвященный изготовлению и подаче хлеба на стол (Завадовский, Смагина 1986, с.82).

²³ Народ, который завоевал христианское государство Алва и создал собственное мусульманское государство – султанат ал-фундж со столицей в Сеннаре на Голубом Ниле в 1504г.

²⁴ فطير – вид хлеба, который делается из пшеничной муки или из дурры, без дрожжей. Хлеб этого вида употребляют с молоком, маслом или сахаром. Этот хлеб обычно имеет вид лепешек. Иногда пшеничный «фатир» печется с использованием растительного масла (الفطير المطبق)

Хамад ан-Нахлан ибн Мухаммад ал-Бадири известный как Ибн ат-Тураби, погружаясь на многие недели в состояние полного одиночества, брал «с собой три пригоршни²⁵ стручков аравийской акации и семь фиников. В «халве»²⁶ находилось окошечко, через которое ему на завтрак подавали воду и каждый вечер хлеб (муттала) величиной с грецкий орех.²⁷ Когда же он вышел из «халвы», то нашли стручки, финики и хлеб на том же месте, а кофейник был наполнен водой. Все, кто выпивали из кофейника падали без сознания. И он стал первым среди праведников [Аллаха] ... (Ибн Дайфаллах 1974: 163).

Легендой овеяно сообщение из биографии Сагайруна аш-Шаклауи о том, как касанием хлеба (кисры) неизвестный праведник «сделал его слаще меда» (Ибн Дайфаллах 1974: 239).

В тексте «Табакат» представлены бытовые зарисовки, связанные с приемом и изготовлением важнейшего съестного продукта – хлеба. Это позволяет познакомиться с историей и традициями его употребления в Судане. Почти все виды хлеба, получившие описание в «Табакат», встречаются и в современном Судане, и техника их производства не претерпела существенных изменений. Следует также отметить богатый лексический пласт терминов для обозначения разновидностей хлеба.

Литература

- Завадовский, Смагина 1986 – Завадовский Ю. Н., Смагина Е. Б. Нубийский язык. М., 1986.
- Ибн Дайфаллах 1974 – Ибн Дайфаллах, Мухаммад Нур. *Kitāb al-Ṭabaqāt fī khuṣūṣ al-Awliyā' wa'l-Ṣālihīn wa'l-'Ulamā' wa'l-Shu'arā' fī al-Sūdān* («Книга разрядов о исламских подвижниках, праведниках, ученых и поэтах в Судане»). Хартум.: Дар ат-таалиф ва-т-тарджам ва-н-нашр, 1974.
- Касим 1972 – Касим, Аун аш-Шариф Камус ал-лахджа ал-аммийа фи-с-Судан (Словарь диалектного языка Судана). Хартум, 1972.

²⁵ سلق «силк» – пригоршня – использовалась в качестве мерил при меновой торговле.

²⁶ Халва – помещение, место уединения суфия. Так называют и помещение при мечети, где учитель занимается с учениками кораническими науками.

²⁷ عين الجمال (дословно «верблюжий глаз») – обозначение грецкого ореха в Судане.

А. Х. Гирфанова

ПОВЕСТЬ О ДРАКУЛЕ И ЗАПИСКИ ЯНЫЧАРА

Одно из первых научных обобщений рассказов о Дракуле принадлежит румынскому историку Иоану Богдану (Bogdan 1896). Его книга сразу же была замечена и высоко оценена петербургским славистом и уникальным для своего времени знатоком румынского языка и культуры – Алексеем Яцимирским, который опубликовал подробную рецензию на труд Богдана (Изв. ОРЯС 1897: 940–963). Примечательно, что тогда же вышел в свет роман «Дракула» англичанина ирландского происхождения Брема Стокера (Stoker 1897), благодаря которому уже в XX веке в Европе сложилась новая мистифицированная версия историй о Дракуле, чему особенно способствовали несколько легкомысленных американских экранизаций романа. Одним из источников Стокера могло бы оказаться и исследование И. Богдана. Доказать такое допущение невозможно, хотя именно в Лондоне в это время жил изгнанный из Румынии в 1885 г. собиратель румынских рукописей и первопечатных изданий Мозес Гастер. В истории много совпадений, чьи последствия трудно учесть и взвесить.

Славянское собрание «анекдотов» о Дракуле, записанных, вероятно, в Трансильвании в 1486 г., распространилось в России в нескольких редакциях. Одна из них была опубликована А. Д. Седельниковым (Седельников 1929). Этим спискам посвящены монографии Н. Смокинэ (*Румынские элементы в славянских рассказах о Владе Цепеше*, Яссы, 1939) и П. Олтяну (*Язык славянских повестей о Владе Цепеше*, Бухарест, 1961). Славянский текст «Повести о Дракуле-водэ» и ее румынский перевод вошли в собрание сочинений И. Богдана под редакцией П. Панаитеску (*Славяно-румынские хроники XV–XVI веков*, Бухарест, 1959). Тексты славянских сказаний о Дракуле издал также Я. С. Лурье (Ленинград, 1964). Он поддержал гипотезу Богдана, что первоначально они могли быть записаны посланником Мос-

ковской Руси при дворе Матьяша Корвина с 1482 г. Ф. Курициным (или кем-то из его свиты). Немецкие анекдоты о Дракуле были записаны еще при жизни Влада Цепеша, в 1462 г. (из 19-и историй немецкого списка 9-ть имеют соответствия в русском тексте).

В славянских сказаниях проскальзывает упрек воеводе Дракуле в том, что тот обратился в католическую веру (что не соответствует истине), но в целом он изображается как достойный воин – гроза турок, которого опасался сам султан. Это – мудрый правитель, ироничный по отношению к глупым иноземным послам, беспощадный борец со злом и предательством. Дракула по заслугам вознаграждает тех, кто в схватке с врагом был ранен в грудь, и карает раненных в спину, он предаёт лютой смерти воров, лжецов и насильников. О расправах, учиненных Владом Цепешем над саксами Трансильвании, славянские тексты умалчивают. Немецкие истории, напротив, были спровоцированы в основном репрессиями над саксами, учиненными мунтенским господарем в 1457, 1459 и 1460 гг. Они изображают Дракулу исключительно как жестокую демоническую личность, подробно описывая его вероломство и злодеяния, направленные против саксов, но совершенно игнорируя борьбу с турками.

По средневековым меркам (и не только по ним), Влад Цепеш не был ни редким злодеем, ни самым кровожадным правителем. Тем более в условиях постоянных военных раздоров и разбоя, чинимого и турецкими набегами, и крестоносными защитниками христианских земель от «неверных» варваров. Все средневековые армии существовали только за счет грабежа и разбоя. Приписываемые легендарному Дракуле злодеяния, действительно, навеяны жестокой исторической реальностью, характерной для эпохи правления Влада Цепеша, но в этом отношении «мунтянский» господарь ничуть не превзошел своих немецких, английских или французских современников. К тому же, нельзя пренебрегать и тем, что легендарный Дракула – собирательный образ: в нем смешались, по меньшей мере, три исторических прототипа, если не более. Это госпдари Валахии, жившие и правившие на протяжении почти сотни лет: Влад Дракул (1437–1442, 1444–1447), его сын Влад Цепеш (октябрь–ноябрь 1448, 1456–1462, ноябрь 1476 – январь 1477), Басараб Младший (1477, 1481–1482), он же

Цепелуш, то есть младший Цепеш, а также Влад Кэлугэрул (1481, 1482–1495) и Михня чел Рэу (1508–1509). Само прозвище Дракул, обязано первому из них, который еще до своего восхождения на румынский трон, якобы стал при дворе Сигизмунда Люксембургского кавалером Ордена Дракона.

Румынские исследователи, естественно, акцентировали анти-турецкие мотивы деятельности Влада Цепеша, а в устной традиции румын собирательный образ Дракулы нередко предстает в роли защитника справедливости, карающего прежде всего бояр за их жестокость и вероломство. На этом фоне представляет интерес и оценка, данная одним из современников Влада Цепеша, который, похоже, опирался на славянскую устную традицию.

Речь идет о сочинении, «написанном Константином Михайловичем из Островицы», польский текст которого был обнаружен в 1823 г. литератором А. Галензовским в католическом монастыре в Бердичеве (ныне Украина). В 1828 г. он издал этот текст под заглавием «Записки янычара», посчитав его одним из ранних польских памятников, хотя автор неоднократно указывает на свое сербское происхождение. Поэтому другой исследователь, В. Мацеёвский, определил «Записки» Константина как сербское произведение, переведенное на польский язык. Однако сербский славист К. Иречек полагал, что «Записки» были написаны по-чешски. Чех Я. Шафарик, в свою очередь, считал, что они были написаны на польском языке, несмотря на наличие в тексте сербских и чешских слов. Польский филолог Ян Лось, предпринявший первое научное издание «Записок» (1912), пришел к выводу, что их несохранившийся оригинал был написан по-польски. В комментариях к сербскому академическому изданию (1959) Д. Живанович утверждает, что Константин писал «Записки» в Польше и на польском языке, что они соответствуют интересам польского короля Казимира, боровшегося со шляхтой и осуждавшего папу, следы чего можно найти в тексте. Гордана Йованович, уделив особое внимание лингвистическому анализу памятника (*Исследование языка «Записок янычара»*, 1972), подчеркивает, что язык оригинала невозможно определить. При этом так называемые «сербизмы» встречаются во всех славянских языках, а польская версия все же считается ею вторичной по отношению к чешской.

Исходя из идейной направленности «Записок» Б. Чирлич предположил, что они были написаны в Венгрии, так как именно венгерские правители были заинтересованы в мобилизации всего христианского мира на борьбу с Турцией и в прославлении прошлого Сербской державы. Никто не подверг сомнению назначение «Записок» в качестве призыва к борьбе с турецкой опасностью, но предлагаемые их автором пути и средства решения этой задачи оценивались неоднозначно. Если югославский историк С. Чиркович подчеркивал универсалистские идеи объединения христианского мира под эгидой римского папы, то польский исследователь С. Былина акцентировал, что работа написана с антипапских и антиимперских позиций. В 1975 г. вышел немецкий перевод текста с предисловием К. П. Гаазе, обратившего внимание, что рассматриваемое сочинение состоит из трех частей: (1) трактат об антитурецкой войне; (2) сведения о мусульманстве и истории турок; (3) фрагменты сербской истории. Причем издатели ставят под сомнение авторство «Записок».

Действительно, сведения о Константине «из Островицы» (а только Сербии их несколько) очень скудны. Рассказывая о своем пленении турками, он называет себя совершеннолетнем: поскольку речь идет о сражении под сербским Новым Брдо (известно, что оно произошло в 1455 г.), то приблизительно можно определить возраст и годы жизни автора. Его социальный статус не очень понятен. С одной стороны, его брат, попавший в плен вместе с ним, стал к 1463 г. хранителем султанской казны; с другой, – Константин не знает ни сербской письменности, ни церковных традиций. Даже непонятно, был ли он янычаром. При описании штурма Белграда (1466 г.) автор «Записок» вроде бы отделяет себя от янычар («А потом мы видели как янычары бежали...»), но рассказывая о походе на Трапезунд (в 1459 г.), он причисляет себя к ним. Константин прекрасно знает мусульманские ритуалы и обычаи, воспроизводит длинные молитвы на арабском языке, но не приводит ни одной цитаты из Корана, и его ссылки на слова пророка Мухаммеда очень далеки от канонических текстов. Наряду с этим, Константин сообщает сведения о дервишских радениях, на которые не допускались не только иноверцы, но даже непосвященные мусульмане. Важный биографический факт – назначение Константина главой гарнизона крепости Звечай (в

Боснии, в 1463 г. она была сдана венграм). На этом посту под его началом оказались пятьдесят янычар и тридцать турецких солдат, что вряд ли было бы возможно, будь он христианином. Но это назначение и наш вывод противоречат приведенной автором в предисловии к «Запискам» молитве, задающей тон всему сочинению: «Поспеши помочь своим христианам и отврати врагов поганых».

Константин обращает внимание на то, что слухи о непобедимости турок сильно преувеличены. Он пишет: «Поганые смелы и мужественны не сами по себе, а благодаря нашему несогласию и нашей ненависти». Он осуждает христианские раздоры и вообще, все подробные сведения об устройстве и системе управления турецкого государства, об организации армии и ее вооружении, о системе финансов и землевладении приводятся для того, чтобы помочь тем, кто будет воевать с турками. Он дает много практических советов ведения войны с ними, например, рекомендуя, как можно больше задерживать турецкую пехоту в поле и удерживать города при штурме их турками более двух часов, метать стрелы в верблюдов, которые от них ринутся на собственные войска, выбирать легкое, а не тяжелое оружие, предпочитать копьям мечи и т. п. Константин досконально знает административное устройство Османской империи, в частности, им приводится множество сведений о выплата жалованья различным военным и гражданским лицам. Он отрицательно оценивает опыт борьбы венгерских правителей с турецкой экспансией и жалеет, что не используют свои возможности ни папа римский, ни император Священной Римской империи, равнодушно относящиеся к интересам защиты христианского мира. Он даже обвиняет обоих в том, что они сами сеют раздор среди христиан. Только польский король Ольбрахт, по мнению автора «Записок», способен оказать достойный отпор туркам. О его буковинском походе (1497 г.) сообщается как о событии исключительной важности, хотя, как известно, этот поход, предпринятый, чтобы захватить города Килию на Дунае и Аккерман в устье Днестра (современный Белгород Днестровский), закончился отступлением польских войск.

При всей ненависти к турецким завоевателям и желании освободить от их власти все покоренные народы Константин все же

считает необходимым подчеркнуть их положительные качества. Он пишет об их милосердии к невольникам, об их равно беспристрастном правосудии ко всем подданным, о наказании вельмож и чиновников за несправедливости по отношению к подчиненным. Явная идеализация названных качеств очевидна. Местами текст «Записок» напоминает поэтику фольклора. Характерно описание битвы за Белград (1456 г.) в форме рассказа о четырех печалях султана, в котором используются загадки и притчи, а своих воинов султан уподобляет стрелам. Фольклорный характер носит и способ датировки упоминаемых событий по одним лишь дням недели, без уточнения года и месяца, когда они происходили.

С *Повестью о Дракуле* перекликается главка XXXIII *Записок янычара*, которая называется «О валашском воеводе, господине нижней Молдавии». В ней сообщается о воеводе Дракуле, имевшем двух сыновей – старшего, Влада и младшего, Радула. Обоих он отдал служить ко двору султана Мехмеда. После смерти Дракулы турецкий султан одарил Влада деньгами, подаркам, конями, одеждами и отправил в Валашскую землю править вместо отца. Через несколько лет Влад не захотел более приезжать ко двору султана, тогда тот направил за ним вельможу по имени Хамзабек. Когда Хамзабек достиг города Браилы, Влад велел задержать там султанского посланника до своего подхода. Тем временем он собрал войско, а так как в это время была зима, то Дунай замерз. Перейдя реку ниже Никополя, Влад велел своим воинам захватывать в плен и убивать турок, чем причинил большой вред султану. При этом он приказал и живым, и мертвым отрезать носы, чтобы отправить их в Венгрию и похвалиться количеством сраженных турок. А султанский посол был посажен на кол вместе со своими слугами. Тогда турецкий султан снарядил младшего брата, Радула и оправил его во главе четырехтысячного войска к Никополю, куда вскоре прибыл и сам. Затем следует описание битвы у Никополя, в результате которой Влад отступил, направившись в Венгрию к королю Матиасу, но Матиас велел бросить его в тюрьму в наказание за его жестокие поступки. Султан же, поручив страну его брату, поехал прочь.

Взяв все города и осадив все замки, султан пошел на Адрианополь, а когда приехал туда, то послал посольство к королю

Матиасу в Венгрию, чтобы заключить с ним перемирие, так как опасался его более всего. После чего он повернул против арбанасского князя (то есть албанского), захватывая один город за другим. Один только воевода сопротивлялся ему – Скиндер Иванович (Скандербег), он был взят юношей в янычары при султানে Мураде, и все султанские дела он изучил, чтобы вернуться на свою землю, пользуясь султанской милостью. И когда султан предложил Скандербегу выбрать воеводство он попросил Иванову землю, утаив от султана свое происхождение. А известный всем Скандербег (великий воин Албании), был первым, оказавшим сопротивление турецким войсками ставшим национальным героем Албании, памятник которому располагается в центре Тираны.

В целом «Записки янычара» предстают и как историческая компиляция, и как мемуар, и как публицистическое произведение, и одновременно как отражение сербского и турецкого фольклора. Их автор не очень был озабочен тем, чтобы последовательно проводить какую-то одну *политическую идею*. Такая непоследовательность может быть как результатом вмешательства в текст оригинала переписчика (или переписчиков), так и изменениями в биографии и жизненных позициях самого Константина, если считать его автором. В описываемую эпоху вассалы по несколько раз могли менять своих суверенов, переходить из одного лагеря в другой и обратно, не считая это ни позором ни предательством. Впрочем, в этом отношении, похоже, колебания современных «политиков» столь же беспринципны.

«Записки янычара», наряду со славянскими и румынскими историями о Дракуле, входят в круг таких произведений XV в. на турецкую тему, как описание путешествия баварского солдата Иоганна Шильтбергера (1394–1427 гг.) или записки французского маршала Бусико (ум. в 1415 г.). Правда, эти мемуары не дают информации о военном, государственном и финансовом устройстве Турции, что составляет одно из основных достоинств записок Константина «из Островицы». Что касается немецких сочинений о Дракуле – это особый жанр политического памфлета, чуть ли не в жанре «черного пиара».

Литература

- Изв. ОРЯС 1897 – Известия отделения русского языка и словесности Императорской академии наук, 1897. Т. 2. Кн. 4. С. 940–963
- Stoker 1897 – Abraham Stoker. *Dracula*. London, 1897 (by Archibald Constable and Company of Westminster)
- Bogdan 1896 – Bogdan I. Vlad Țepeș și narațiunile A. X. Гирфанова germane și rusești asupra lui. București, 1896.
- Седельников 1929 – Седельников А. Д. Литературная история повести о Дракуле // Известия по русскому языку и словесности АН СССР. 1929. № 2.
- Записки янычара. Константин Михайлович из Островицы. М.: Наука, 1978.

А. В. Грошева

К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ЛАТИНСКИХ НАЗВАНИЙ ПЛОДОВЫХ ДЕРЕВЬЕВ

Современным исследователям флоры хорошо известен тот факт, что в древние времена люди не имели никакого научного представления о ботанике. Одним и тем же словом *folium* они обозначали и *лист*, и *лепесток*, или же, напротив, для одного ботанического понятия могли использовать несколько названий. Их подход к своей флоре был чисто утилитарным: они делили растения на четыре разряда: годные в пищу, съедобные, далее те, которые годились для плетения венков (франц. *coronaires*), затем ароматические и последние – лечебные. Растения бесполезные не имели названий, они были просто «*plantae*», *herbae*. Такую характеристику античной ботанике дал известнейший французский специалист в этой области Жак Андре, автор «Латинского ботанического словаря» (André 1956: 8), без обращения к которому невозможно обойтись, занимаясь флорой. В предисловии к своему труду Ж. Андре отмечал недостаток исследований, касающихся изучения латинских названий того или иного растения, приводя в качестве примера свои собственные статьи по этой тематике: о *морознике* (*Helleborus* L.¹, латинизированная форма греч. ἑλλέβορος из семейства лютиковых), *окопнике* (*Symphytum* L. из семейства бурачниковых), *индийском огурце* (*Momordica* L. из семейства тыквенных). По словам российского ученого Л. А. Гиндина, «изучение названий растений, особенно культурных, <...> даёт в руки исследователя факты, которые вместе с археологическими данными часто бывают единственными

¹ Принятое в ботанической номенклатуре сокращение фамилии шведского естествоиспытателя Карла Линнея (XVIII в.), создателя классификации растительного и животного мира.

свидетельствами образа жизни, степени развития земледелия, а также языковых и этнических контактов в дописьменный (доисторический) период. <...> К сожалению, именно в области названий растений в этимологической литературе наблюдается весьма ощутимый пробел, что неоднократно отмечалось» (Гиндин 1963: 52). Цитата взята из статьи Л. А. Гиндина, посвященной главным образом происхождению названий двух культурных растений, «известных с доисторических времён индоевропейским племенам Европы», – *репы* и *мака* (там же: 54).

Недавняя статья о лат. *ficus* ‘смоковница’ (Грошева 2011) была очередной попыткой восполнить пробел в этой области исследований, поскольку ранее был опыт рассмотрения латинских названий *злаков* (Грошева 1999, 2009), а также формы и значения лат. *viscum* ‘омела’ (Грошева 2008). Так как в статье о лат. *ficus* ‘смоковница’ собран и всесторонне обработан большой материал, касающийся нескольких аспектов, – ботанического, культурно-исторического и лингвистического, в настоящей публикации будут затронуты другие темы, не нашедшие отражения в предыдущей статье, и, прежде всего, будет изложена история вопроса.

В 1970 году вышла в свет книга П. Фридриха под названием «Протоиндоевропейские деревья» с подзаголовком «Арбореальная система доисторического народа» (Friedrich 1970). Кратко характеризуя это исследование, можно сказать следующее: наиболее существенным представляется вывод автора о значительном стирании / изнашивании арбореальных терминов в *периферийных* ветвях индоевропейской языковой семьи и, в то же время, замечательная сплоченность/схождение этих терминов в четырёх ветвях, которые, по-видимому, являются основными (*basic*) в арбореальной системе – итальянской, германской, балтийской и славянской. Эти и другие специфические выводы, сделанные П. Фридрихом, в значительной мере имеют отношение к фундаментальной проблеме индоевропейской прародины и ранних индоевропейских диалектов и миграций, к связи языковых сообществ с их природным местом обитания. В подобном исследовании значение лексической семантики как потенциального источника для выявления диалектных группировок с помощью сравнительно-исторического метода невозможно переоценить.

Как можно заключить из сказанного, в этом исследовании П. Фридриха латинский материал играет весьма существенную роль; наряду с другими источниками, он был тщательно изучен при написании статьи «Индоевропейское наследие в латинских названиях деревьев» (Грошева 2005). Пересматривая латинские названия деревьев, входящие по своему происхождению в список индоевропейских, можно отметить практически отсутствие среди них деревьев со съедобными плодами, если не считать названий лесного ореха, орешника (*corulus*, i f) и ореха, или орехового дерева (*nux*, *nucis* f), образующих итало-кельто-германские изоглоссы. Обозначения, например, яблони (*mālus* f) и её плода, яблока (*mālum* n), заимствованы латинским языком из греческого μήλον (< дор. μάλον)²: они заместили древнее италийское название яблони, для которого Ж. Андре реконструирует форму **aballo*- благодаря привлечению галл. *avallo* и латинского топонима *Abella*, города в Кампании, изобилующего яблоками³ (André 1956: 13; EM 1959: 381). В последней, 19-й главе своей книги, «Прочие деревья» («Miscellanica Arborea»), П. Фридрих даёт список дополнительных случаев, где лингвистическое доказательство **не гарантирует** индоевропейское происхождение фитонима-прототермина, но, по словам автора, заслуживает дальнейшего изучения. Из 22 названий деревьев, включенных в этот список, 9 встречаются в латинских источниках. Под № 10

² Как отмечает И. М. Тронский, греко-латинские языковые взаимоотношения пережили в течение веков ряд этапов. Для более раннего периода характерно заимствование римлянами слов, служащих обозначениями пищи, одежды, орудий, транспорта, морского дела и торговли. Среди немалого числа греческих заимствований в торгово-денежной области приводятся, в том числе, названия **иноземных продуктов, ввозимых в Рим**, – *oliva* ‘оливка, маслина’, *aturca* ‘отстой оливкового масла’, *mālum* ‘яблоко’, *cerasus* ‘вишня’ и т. д. (Тронский 1953: 125 сл.). Дорийские говоры южной Италии были основным центром, откуда распространялась греческая лексика: лат. *mālum* восходит к дор. μάλον, хотя итальянское *melo* свидетельствует о проникновении в народный язык также и ионической формы (Тронский, там же: 127). Лат. *mēlum*, i n, как заимствование из греч. койне μήλον, встречается у Палладия (III–IV вв. н.э.) в значении 1) ‘яблоня’ (Pall. 3.25.13 etc.) 2) ‘айва’ и ‘яблоко’ (Pall. 3. 25. 18 etc.) (André 1956: 206).

³ См. Verg. Aen. 7, 740 *māliferae...moenia Abellae* «стены богатой яблоками Абеллы».

находится название *смоковницы* – лат. *ficus f*, род дерева из семейства тутовых (*Moraceae*); здесь же приводятся названия этого фигового дерева в греческом, где, в отличие от латыни, дерево обозначается существительным женского рода – *σῦκία*, *σῦκῆ*, а его плод – смоква, или фи́га, – сущ. среднего рода: ион.-атт. форма *σῦκον*, беот. *τῦκον*; кроме того, дано армянское слово для *смоковницы* – *t'uz* и приведена форма *pfak* из генетически изолированного языка *бурушаски*, до недавнего времени не имевшего письменной традиции. Ареал распространения *бурушаски* – север Индостана в отрогах Каракорума, горной системы в центральной Азии, на территории двух индийских штатов (Джамму и Кашмир) и Китая. Известно, что на этой территории у подножия южных склонов гор были виноградники и сады, где, вероятно, росли и *смоковницы*⁴. *Бурушаски* послужил субстратом и адстратом для ряда индоевропейских языков региона – иранских, индоарийских, которые, помимо лексики, усвоили некоторые его словообразовательные модели. Надо отметить, что из этого экзотического языка П. Фридрих привёл в дополнительном списке, помимо *смоковницы*, названия и некоторых других плодовых деревьев, например: под № 15 *бурушаски* *biranc* к лат. *mōrus* ‘тутовое дерево, или шелковица’ и *mōrum* ‘плод шелковицы’ (ещё один род из того же семейства тутовых), под № 19 *бурушаски* *pheso* к лат. *pirum* ‘груша’ (плод). Указанные фитонимы из *бурушаски* П. Фридрих почерпнул из статьи Г. Бергера «Названия средиземноморских культурных растений в *бурушаски*» (Berger 1956), где форма *pfak* ‘смоковница’, благодаря сопоставлению с греческим, латинским и армянским названиями этого дерева, реконструируется Г. Бергером как *twoq.

Книга П. Фридриха, как и статья Г. Бергера, включены в список цитированной литературы в капитальном труде Т. В. Гамкрелидзе и В. В. Иванова «Индоевропейский язык и индоевропейцы» (Гамкрелидзе, Иванов: 1984), однако фактически **ни один** приведенный П. Фридрихом фитоним из языка *бурушаски* (№№ 10,

⁴ Из российских лингвистов, занимавшихся языком *бурушаски*, можно назвать имена И. И. Зарубина, Г. А. Климова и Д. И. Эдельман, И. М. Стеблин-Каменского.

15, 19) этими авторами не упоминается⁵; более того, деревья *смоковница* и *груша* вообще не рассматриваются в главе «Индоевропейские названия растений» (там же, 4-я гл., стр. 612–664); исключением являются разделы об индоевропейских названиях *шелковицы*, её распространении и хозяйственном назначении, но и здесь параллель из бурушаски *biranc* ‘шелковица’, как и приведенная Г. Бергером форма *martsuka* (с несколькими вариантами) из другого генетически изолированного языка, баскского, единственного живого представителя средиземноморских языков, не учитываются. Нельзя сказать, что Т. В. Гамкрелидзе и В. В. Иванов вообще игнорируют материал *бурушаски*; они привлекают данные этого языка, например, при рассмотрении категории двойственного числа в индоевропейском, но лишь в качестве типологической параллели. Дело, очевидно, в том, что, несмотря на наличие ряда работ, посвященных описанию бурушаски, и словаря этого языка, составленного Лоримером (1935–1938), его «фонетическая и фонологическая системы» (к тому же при наличии ещё одного диалекта, вершикского) «нуждаются в серьёзном дополнительном исследовании, включая экспериментальное», – таково заключение Г. Климова и Д. Эдельман, сделанное в статье «К перспективам реконструкции истории изолированного языка (на материале языка *бурушаски*)» (Климов, Эдельман 1995: 29).

В статье А. Эрну «Латинский ботанический словарь» (Ernout 1965) на основе анализа Словаря Ж. Андре была сделана классификация названий растений по четырём группам. В *первую* группу, очень небольшую по объёму, всего 20 слов, включены названия растений, для которых предполагается индоевропейское происхождение. *Вторая* группа значительно превосходит первую по количеству слов: сюда отнесены так называемые *изолированные слова*, не имеющие никаких соответствий в других индоевро-

⁵ Также эти авторы находят маловероятным возведение Бергером (1956: 26–34; ср. Watkins 1971: 1500) индоевропейского названия *яблока* к бурушаски (бур. *balt < *(a-)malt < *(a-)mant ~ и.-е. *abal, Berger 1956, там же) при возможной связи термина бурушаски с формами памирских языков. В ряду их контраргументов – ограниченное распространение *яблонь* в Центральной Азии, а в тропических областях Южной Азии, в частности в Индии, её отсутствие (Гамкрелидзе, Иванов 1984: 641, прим. 1).

пейских языках; многие из слов этой группы, очевидно, являются заимствованиями из разных неизвестных, исчезнувших языков, в том числе из тех, на которых говорило местное население Италии до вторжения латинян. Ограничимся одним примером из этой группы – латинским названием *мака* – *rapāver, eris* п. Ж. Андре характеризует его как слово неизвестного происхождения (André 1956: 237). В «Этимологическом словаре латинского языка» Вальде и Хофмана *rapāver* рассматривается как причастие **rapā-ces* к гипотетическому корню **rap-* ‘дуть, надувать’, следовательно, ‘надувшийся, распухший’ (WH: 2, 249). Эрну и Мейе в своём Этимологическом словаре отмечают наличие редупликации в форме этого архаического слова (оно встречается уже в текстах Катона⁶, Плавта и Варрона), его неясное происхождение, и – самое главное – отрицают наличие связи с каким-либо известным глаголом: на этом основании Эрну и Мейе отвергают гипотезу о древней форме причастия на *-wes*, характеризую *rapāver* ‘мак’ как слово народного типа, очевидно, принимая во внимание наличие редупликации в его форме (EM 1959: 480).

При формировании *третьей* группы Эрну берёт за основу морфологический критерий и отбирает только фитонимы, представляющие собой производные слова, образованные от какого-либо *известного* именного или глагольного корня, причём этимология ботанического названия обязательно должна содержать указание на какой-либо *реальный* или *предполагаемый характерный признак*, свойственный растению или его части. Иллюстрацией здесь может служить название *шалфея* – сущ. жен. рода *salvia, ae f*, сближаемое с прил. *salvus* ‘здоровый, невредимый’ благодаря целебным свойствам этого растения. В последнюю, *четвертую* группу Эрну включает названия растений, преимущественно заимствованные из греческого языка: *pirus f* ‘грушевое дерево’, *pirum n* ‘груша’, напоминающее греч. ἄπιος⁷,

⁶ В трактате Катона «О земледелии» говорится только о кулинарном использовании *мака* для обсыпки изделий из теста (Cato Agr. 79 *globus* ‘клёцка’, 84 *savillum* ‘сладкая запеканка’).

⁷ А. Эрну в другой работе более раннего времени, особо рассматривая латинские названия растений средиземноморского происхождения вне зависимости от того, пришли они через посредство греческого или каким-либо другим путём, отмечает, что отделение одних от других не

и *mālus* f ‘яблоня’, *mālum* n ‘яблоко’, греч. дор. μᾶλον, о которых уже шла речь⁸; в латинском языке название дерева было, вероятно, вторично образовано по названию плода.

Возникает вопрос: в какой из этих четырех групп находится латинское название *смоковницы* и её плода – *ficus*? Выясняется, что его **нет** ни в одной из групп, *ficus* остаётся за пределами классификации Эрну, как, впрочем, и названия *шелковицы*. Вероятно, Эрну не счёл возможным поместить *ficus* в отдел «изолированных» слов по той причине, что для *ficus*, в отличие от *parāver* ‘мак’, находятся соответствия в других индоевропейских языках, хотя и нерегулярные с фонологической точки зрения и трудно поддающиеся объяснению. Родственными лат. *ficus* являются греческие названия фигового дерева и его плода, выраженные различными по роду формами: σῦκέα, σῦκῆ f – сущ. жен. р.

всегда возможно (Ernout 1954: 27). Что касается лат. *pirus* ‘грушевое дерево’ и *pirum* ‘груша’, Эрну полагает, что они не могут происходить из греч. ἄπιος, ἄπιον (из *apisos, -son): и те, и другие происходят из одного и того же неизвестного источника. Древность латинского названия груши, встречающегося уже у Катона и Плавта, подтверждается его употреблением в поговорах: Plaut. Poen. 485 tam crebri accidebant ad terram quam *piri* ‘они падали на землю так часто, как *груши*’ (Ernout 1954: 28). Этимологи отмечают, что греч. ἄπιος и ἄπιον не всегда различаются: обычно ἄπιος f означает ‘грушевое дерево’, но иногда ‘груша’. Греч. ἄπιον (как и лат. *pirum*, *pirus*) – средиземноморское заимствование неизвестного происхождения из культурного слоя лексики (Frisk 1954: 121); предполагаемая основа греческого слова – *piso, где трудность создаёт наличие нач. а-, которое некоторые лингвисты (Кречмер, Винтер) трактуют как догреческий префикс (протезу) (Chantraine 1968: 1, 97). В третьем томе «Дополнений» к Словарю Фриска в статье о греч. ἄπιον приведено соответствие из языка бурушаски *pheso* ‘груша’ со ссылкой на работу Г. Бергера без какой-либо оценки (Frisk 1972: 3, 35).

⁸ Ср. точку зрения других лингвистов: В случае лат. *mālum* на основании фонетических соответствий невозможно однозначно решить, является ли это слово отражением закономерных соответствий между греческим и латинским в унаследованном исконном слове или же заимствованием из греческого в латинский с полным совпадением форм. Характер двух соотносимых друг с другом форм можно определить лишь с учетом некоторых экстралингвистических факторов, но в этом случае «и культурно-исторические факторы не определяют однозначности решения в пользу заимствования лат. *mālum* из греческого» (Гамкрелидзе, Иванов 1984: 642, прим. 1).

‘смоковница’ (слово засвидетельствовано очень рано, оно встречается уже в 24-й песне «Одиссеи» Гомера, v. 246) и *σῦκον/ τῦκον* п ‘фига’ – сущ. сред. р. (в 7-й песне «Одиссеи», v.121); вероятно сюда же относится и мик. *su-za* (Frisk 1966: 2, 818, Chantraine 1977: IV, 1, 1068), и арм. *t’uz* ‘фига’⁹; речь может идти о фрукте, культура которого была известна в средиземноморской области до распространения греческого и италийских языков (ЕМ 1959: 232). Таким образом, латинскому начальному *f-* в *fīcus* противостоят греч. *s-/t-* и арм. *t-*, латинскому *ī* – греческое *ū*, греческому и латинскому *-k-* противостоит армянское *-z-*. Очевидно, по причине всех этих трудностей и несоответствий нет раздела о *смоковнице* и в труде Т. В. Гамкрелидзе и В. В. Иванова. В. Пизани в книге «Этимология» в нескольких аспектах анализирует понятие языкового заимствования (3-я глава). Сопоставляя группу латинских и греческих слов, в числе которых и обозначение *смоковницы*, Пизани отмечает несомненное сходство лат. *fīcus* и греч. *σῦκον/τῦκον*, однако в результате фонетического анализа приходит к традиционному выводу, что они, по-видимому, проникли в греческий и латинский из других языков – средиземноморских: имеются в виду такие древние языки, как ликийский, карийский, этеокритский, относительно которых мы располагаем лишь скудными документами (Пизани 1956: 66). Ж. Андре, когда речь идёт о неизвестной этимологии какого-либо латинского фитонима, воздерживается от его оценки как «средиземноморского» (вопреки А. Мейе и другим), предпочитая термин «индоевропейский». Он мотивирует свою точку зрения тем, что «миграции растений чаще всего происходили в направлении с

⁹ Армянское и греческие слова не могут быть отделены от лат. *fīcus*, *-i* и *-ūs* f ‘смоковница’ и, ввиду фонологических иррегулярностей, трактуются скорее как слова средиземноморского (или малоазийского), чем индоевропейского происхождения (Martirosyan 2009: 295). Джаукян (Jahukyan 1987: 307) указывает, что арм. *t’uz* не может быть произведено из греческого названия, и что оно предполагает исходную форму типа **tugh-* с корневой структурой, невозможной для индоевропейского слова (глухой смычный в сочетании со звонким аспирированным), если только **-gh-* не является детерминативом; он же (op. cit.: 466) упоминает семитические параллели (аккад. *tittu(m)*, араб. *tin*, etc., рассматривая их как формально отдаленные (цитируется по: Martirosyan 2009: 296).

востока на запад, и многие из тех растений, чьё название остаётся без объяснения, могут иметь азиатское происхождение» (André 1956: 5. Прим. 4). Тем не менее, лат. *ficus* вместе с греч. σῦκῆ Ж. Андре квалифицирует как заимствования из средиземноморского языка (André 1956: 136).

Вл. Георгиев для объяснения этимологии греч. σῦκον ‘смоковница’ и его латинского и армянского соответствий предложил реконструировать корень *tēu- в значении ‘надуваться’, ‘пухнуть’ (по Hester 1965: 365)¹⁰; напомним, что та же семантика предлагалась и для гипотетического корня *rap- в лат. *rapāver* ‘мак’ (см. выше). Как известно, Вл. Георгиев сыграл большую роль в изучении средиземноморских языков, пытаясь доказать индоевропейский характер догреческого (пеласгийского) слоя греческого языка. Однако пеласгийская гипотеза не получила всеобщего и безоговорочного признания (Woodard 2008: 48; Герценберг 2010: 223).

Что касается многочисленных видов лат. *ficus*, их список занимает целых две страницы в ботаническом словаре Ж. Андре (André 1956: 136–138). По существу все разнообразные видовые названия *смоковницы* можно разделить на две группы: 1) отражающие географическое происхождение данного вида 2) обозначающие характерные черты и признаки растения. Анализ составляющих 2-й группы, где преобладающим признаком наименования является *цвет* плодов, дан в статье о *смоковнице* (Грошева 2011: 124–126). В 1-й группе географических видовых названий мое внимание привлекло своей необычностью сочетание *ficus Indica* ‘индийская смоковница’, или ‘баньян’, встретившееся у Плиния (Plin. N. H. 12. 22). В книге финского учёного К. Карттунена «Индия и эллинистический мир» (Karttunen 1997: 130–132) есть рассказ об этом дереве. Во время кампании Александра Македонского самым большим чудом среди индийских деревьев был, пожалуй, *баньян*: волокна, как пряжи, спускаются с его ветвей до земли, там укореняются и дают новые стволы. Дерево,

¹⁰ Словарь Фриска в третьем, дополнительном томе, упоминает о «многозначительных (weittragende) этимологических комбинациях Бергера» по поводу греч. σῦκον ‘смоковница’; здесь же приведена данная Гестером отрицательная оценка объяснения этого слова Вл. Георгиевым как пеласгийского (Hester 1965: 365; Frisk 1972: 3, 181).

которое становится лесом, естественно, казалось спутникам Александра Македонского чем-то необыкновенным, чудесным. Считалось, что под его кроной могли оставаться в тени 50 и более всадников. По его мелким плодам оно правильно было опознано как *смоковница* и соответственно названо ἡ συκῆ Ἰνδική. В диком виде дерево растёт, например, на более низких склонах Гималаев, но особенно часто его сажают вблизи храмов. Самое лучшее его описание было дано Теофрастом. Плиний кратко упоминает об этом дереве в Nat. Hist. 7. 2. 21 и даёт его описание, отчасти заимствованное у Теофраста, в 12. 11. 22. Таким образом, *баньян* как один из видов смоковницы был хорошо известен грекам и римлянам. Ботаническое название *ficus Indica* теперь устарело, его заменили на *ficus benghalensis*. Наиболее известный современный баньян, – пишет К. Карттунен, – растёт в ботаническом саду Калькутты (окружность главного ствола 14 м, площадь всего дерева – 280 м [сведения конца прошлого века]).

Остановимся на вопросе об отражении лат. *ficus* в языках нового времени.

Из латино-романского *ficus* в значении ‘фига, смоква’ заимствовано др.-в.-нем. *figa* (Kluge 1957), современное нем. *Feige* ‘смоква’ (‘смоковница’ – *Feigebaum*); англ. *fig* совмещает названия и дерева и плода. Также заимствовано из латинского албан. *fik* ‘фига’ (Orel 1998: 97). В значении ‘опухоль, бородавка, нарост’ отмечено в англосаксонском *fic*, средневерхненемецком *vic*, *veig* n (WH: 1, 492). По мнению, представленному в Словаре Фасмера (ЭСРЯ 1987: 4, 192), рус. *фига* ‘инжир, смоква’ заимствовано, вероятно, через польск. *figa*, куда оно проникло из средне- или древневерхненемецкого *vige/viga*. Кроме того, в русском языке имеется и второе значение *фига* – ‘кукиш, шиш’, тождественное первому, ср. итал. *far la fica*, франц. *faire la figue* ‘делать/показывать фигу’; сюда же относится греч. σῦκο-φάντης ‘клеветник, лживый обвинитель’¹¹, букв. ‘показывающий смокву,

¹¹ В перечне «малопочтенных фигур» (Тронский 1953: 127), сохранивших в латинском языке греческие наименования, наряду с *eunichus* ‘скопец, евнух’, *parasitus* ‘прихлебатель’ и др., находится и *sycophanta* ‘доносчик; клеветник, обманщик’; с этими персонажами римлянин конца III в. до н. э. встречался скорее в качестве зрителя на представлении пьес Плавта, чем в реальном быту.

фигу’. Представляет интерес данное в Этимологическом словаре греческого языка Шантрена толкование композита *сикофант* ‘доносчик, клеветник’: это слово (народного) обыденного языка буквально значит ‘показывающий фигу’, уже в античности оно было тёмным и объяснялось различно. По *одной* версии так называли человека, который якобы выслеживал людей, вопреки запрету вывозивших из Аттики фиги, и доносил на них (однако, никакой текст не упоминает о таком законе); по *другой* версии, не имеющей ничего общего с первой, это выражение связано с непристойными, оскорбительными жестами, подобными упомянутым *far la fica* в итальянском и *faire la figue* во французском (Chantraine 1977). Надо сказать, что и в немецком имеется аналогичное выражение – *jemandem die Feige zeigen* ‘показать кому-л. фигу’, и в русском.

Кроме того, уже в церковно- и старославянском зафиксировано другое название *фигового дерева* и его плода – *смокы*, род. п. *смokъве*, передающее греч. σῦκον ‘фига’, σικомορέα ‘фиговое дерево’ (Супр.); родственные формы отмечены в болгарском, сербохорватском, словенском и польском языках (чеш. и в.-луж. слова представляют собой неологизмы – Кипарский 222). Интересно происхождение слова *смоква*: многие исследователи – Уленбек, Стендер-Педерсен и др. считают его заимствованием из гот. *smakka* ‘фига, смоква’ или **smakko*, буквально «вкусный плод». Сам М. Фасмер считает, что славянское слово, скорее всего, получено из балканогерманского. Гот. *smakka* ‘смоква’ сравнивают с ново-верх.-нем. *schmecken* ‘приходиться по вкусу’, литов. *smaguriai* мн. ч. ‘лакомства’ (Фасмер 1987: 3, 689). О. Н. Трубочёв, переводчик и автор дополнений к Словарю М. Фасмера, приводит мнение В. М. Иллич-Свитыча, который, напротив, полагает, что слав. **smoky* исконно и развивало значение ‘сочная ягода’ > ‘смоковница’. Так или иначе, в славянских названиях *смokвы* отражён реальный *вкусовой признак* плода – один из характерных признаков, по которому растению присваивается имя. Что касается происхождения русск. *смак* ‘вкус’ (это же слово в украинском и белорусском языках), то оно, очевидно, проникло через польск. *smak* того же значения из др.-верх.-нем. *gismak* или ср.-верх.-нем. *gesmac(h)* ‘вкус’, как и глагол

смаковать (из польск. < ср.-верх.-нем.), и прил. *смачный* (Фасмер, там же).

В заключение можно сказать, что история *смоковницы* имела своё продолжение в христианской религии, однако эта тема выходит за рамки настоящего исследования.

Литература

- Гамкрелидзе, Иванов 1984 – Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси. 1984.
- Герценберг 2010 – Герценберг Л. Г. Краткое введение в индоевропеистику. СПб.: Нестор-История. 2010.
- Гиндин 1963 – Гиндин Л. А. Из истории названий некоторых культурных растений // «Этимология». М. С. 52–71.
- Грошева 2011 – Грошева А. В. Смоковница (лат. *ficus*) // Индоевропейское языкознание и классическая филология – XV. Материалы чтений, посвященных памяти проф. И. М. Тронского. СПб.: Наука. 2011. С. 112–127.
- Грошева 2009 – Грошева А. В. К изучению названий злаков (лат. *frumentum*) // Латинская сельскохозяйственная лексика на индоевропейском фоне (монография). СПб.: Наука. 2009. С. 175–181.
- Грошева 2008 – Грошева А. В. Лат. *viscum* ‘омела’ (к проблеме формы и значения) // Acta linguistica petropolitana. Труды ИЛИ РАН. Т. 4. Ч. 1. СПб.: Наука. 2008. С. 221–233.
- Грошева 2005 – Грошева А. В. Индоевропейское наследие в латинских названиях деревьев // *Ḥḡdā mānasā*. Сб. статей к 70-летию со дня рождения проф. Л. Г. Герценберга. СПб.: Наука. 2005. С. 252–272.
- Климов, Эдельман 1995 – Климов Г. А., Эдельман Д. И. К перспективам реконструкции истории изолированного языка (на материале языка *бурушаски*) // Вопросы языкознания. 1995, № 5. С. 27–38.
- Пизани 1956 – Пизани В. Этимология. История – проблемы – метод. Перевод с итальянского Д. Э. Розенталя. М.: Изд-во иностр. литературы. 1956.
- Тронский 1953 – Тронский И. М. Очерки из истории латинского языка. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 1953.
- Фасмер – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Перевод и комментарии О. Н. Трубачёва. В 4-х т. М.; Прогресс, 1986–1987.
- André 1956 – André J. Lexique des termes de botanique en latin // Études et commentaires. 23. Paris.
- Berger 1956 – Berger H. Mittelmeerische Kulturpflanzennamen aus dem Burusaski // Münchener Studien zur Sprachwissenschaft. Heft 9. S. 4–33.
- Chantraine 1977 – Chantraine P. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Histoire des mots. T. IV, 1 (P-Y). Paris.
- Ernout 1965 – Ernout A. Le vocabulaire botanique latin // Philologica III. Études et commentaires. 59. Paris. P. 125–150.

- Ernout 1954 – Ernout A. *Aspects du vocabulaire latin*. Paris, 1954.
- EM 1959 – Ernout A., Meillet A. *Dictionnaire étymologique de la langue latine. Histoire de mots*. 4-me éd. Paris, 1959.
- Friedrich 1970 – Friedrich P. *Proto-Indo-European trees: The arboreal system of prehistoric people*. Chicago; Leiden. 1970.
- Frisk 1954–1972 – Frisk H. *Griechisches etymologisches Wörterbuch*. Heidelberg.
- Hester 1965 – Hester D. A. «Pelasgian» – A new Indo-European language? // *Lingua*. V. 13, № 4. P. 335–384.
- Karttunen 1997 – Karttunen K. *India and the Hellenistic World*. *Studia Orientalia*. 83. Helsinki.
- Kluge 1957 – Kluge F. *Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache*. 17 Aufl. bearb. von W. Mitzka. Berlin: De Gruyter, 1957.
- Martirosyan 2009 – Martirosyan H. *Etymological dictionary of the Armenian inherited lexicon*. Leiden: Brill. 2009.
- Orel 1998 – Orel Vl. *Albanian Etymological Dictionary*. Leiden; Boston; Köln. 1998.
- Watkins 1971 – Watkins C. *Indo-European and Indo-Europeans. Indo-European roots*. New York.
- WH – Walde A. *Lateinisches Etymologisches Wörterbuch*. 3 Auflage / Neubearb. von J. B. Hofmann. 2 Bd. Heidelberg. 1938–1954.
- Woodard 2008 – Woodard Roder D. *The Ancient Languages of Europe*. Cambridge. University Press. 2008.

PETRARCA IN RUSSIA *

In questa relazione intendiamo presentare brevemente la ricezione dell'opera petrarchesca in Russia.

1. In Russia il nome di Francesco Petrarca fu menzionato per la prima volta, per scritto, nel 1598, sul margine di un documento ecclesiastico polemico, stampato nella tipografia di Ostrog (Russia Occidentale). Si tratta di un brano contenente molte interrogazioni retoriche che cominciano con il pronome 'chi', e che come risposta generale riportano '*Петрарка на своих листах*' cioè '*Petrarca nelle sue pagine*'. Nel 1903 questo documento fu incluso nel libro '*Памятники полемической литературы в Западной Руси*' (Памятники 1903).

La prima traduzione apparsa in Russia fu quella di '*Fontana di dolore, albergo d'ira*', resa in polacco da M. Smotriskiy (M. Смотрицкий) nel 1610 ed intitolata '*Папскому двору в Риме*'.

La prima traduzione in russo, indicata con '*Указатель*' (Петрарка 1986), venne eseguita da A. Tin'kov (А. Тиньков: 1768) nel 1768, sulla base di una versione francese.

2. Nella Biblioteca dell'Accademia delle Scienze della Federazione Russa si trovano gli incunaboli editi negli anni 1478, 1492 e 1496 (Каталог 1963:154).

A San Pietroburgo nella Biblioteca di Stato Pubblica si trova un manoscritto della versione francese dei *Trionfi* petrarcheschi che apparteneva al re Lodovico XII.

* В основе статьи лежит текст доклада, прочитанного в 2006 г. на Международной конференции в Венгрии, посвящённой 700-летию со дня рождения Ф. Петрарки.

Secondo una descrizione del 1861, nel Museo dell'Hermitage a San Pietroburgo si conservavano tre manoscritti: '*Francisci Petrarcae de remediis utriusque fortunae*' (XIV s.), '*Sonetti*' (XV s.) e '*Les triumphes de Pétrarque nouvellement rédigées (sic!) de son langage vulgaire tuscan en nostre diserte langue françoysse*' (XVI s.) (Жиль 1861:56, 85-86, 103).

3. Si può dire che l'opera di F. Petrarca penetri in Russia SIA attraverso una lingua mediatrice (3.1) SIA per mezzo della lingua originale (3.2).

3.1. Proprio la prima traduzione succitata di M. Smotriskiy fu fatta in polacco nel 1610.

A. Tin'kov che curò le prime traduzioni poetiche in russo, fu ispirato dalla versione francese dell'opera petrarchesca. Come hanno dimostrato S. Garzonio (Garzonio 1988: 33-32) e C. Lappo-Danilevskiy (Латпо-Данилевский 1991: 68-75), la traduzione di A. Tin'kov fu fatta sulla base della pubblicazione francese, a firma di N.-A. Romet, apparsa a Parigi nel 1765, che conteneva versioni di sei poesie di Petrarca e una composizione '*Lettre de Pétrarque à Laure*' scritta dallo stesso N.-A. Romet (Romet 1765). A. Tin'kov ha pubblicato un libretto di 34 pagine col titolo '*Воображения Петрарковы или Письмо его к Лоре*' (*Immaginazioni di Petrarca o La sua lettera a Lora*). Il libretto conteneva la traduzione assai libera di sei poesie di Petrarca e proprio la lettera che esponeva l'immagine fantastica dell'amore di Francesco e Laura (Петрарка 1768).

La penetrazione dell'opera del grande poeta italiano attraverso la cultura francese ci spiega la pronuncia del cognome del poeta e del nome della sua amante. Il nome di Laura suona come Lora, alla francese, ed il cognome del poeta veniva pronunciato 'Петрарк' oppure 'Петрарх', anche se a cominciare dall'Ottocento prevale la pronuncia alla maniera italiana.

Nei primi dell'Ottocento l'eminente poeta polacco A. Mickiewicz (Polonia faceva parte dell'Impero Russo) compose la sua raccolta di versi petrarcheschi in polacco, che diventano la fonte per le traduzioni in russo.

Si può confermare che l'apparizione dell'opera di Petrarca in Russia attraverso la mediazione di lingue diverse dall'italiano sia la tappa iniziale.

3.2. Alla fine del Settecento appaiono traduzioni eseguite direttamente dall'italiano. Esse sono piuttosto imitazioni oppure versi liberi, non conservano né la forma, né l'ordine delle rime.

Durante l'Ottocento l'interesse per l'opera di Petrarca nella società è in continuo aumento. Le traduzioni sono eseguite non solo dai poeti eminenti del secolo, come R. G. Derzhavin, K. N. Batiuskov, I. A. Krylov, I. Koslov (nella prima metà dell'Ottocento), A. N. Maykov, P. Gnedich, I. A. Bunin, D. Min (nella seconda metà del secolo) e da altri, oggi forse meno conosciuti, ma anche da studiosi – specialisti di storia, filosofia, culturologia – che si sono impegnati in traduzioni riguardanti i loro interessi professionali.

L'opera di Petrarca è introdotta nei programmi delle università ed agli alunni delle scuole si raccomanda da leggerla. Dall'Ottocento fino ad oggi l'opera di Petrarca è entrata in tutti i tipi di cretomazie della letteratura universale, composte da diversi autori.

Nel 1874 le riviste letterarie *Вестник Европы*, *Отечественные записки* ecc hanno pubblicato parecchi articoli consacrati al Cinquecentesimo anniversario della morte del grande poeta italiano.

Anno per anno vengono tradotte molte poesie italiane e latine, ed anche i frammenti della prosa. Tutte le traduzioni sono pubblicate sulle pagine delle riviste dell'epoca (*Современник*, *Гражданин*, *Научное слово* ecc). Solo verso la fine dell'Ottocento è apparsa la prima miscellanea di brani di Petrarca, insieme ad Ovidio, Dante, Boccaccio (Петрапка 1893). Nel 1898 è stata pubblicata una raccolta di versi petrarcheschi, tradotti da scrittori russi (Петрапка 1898).

Nel 1902 è apparsa la biografia del poeta accompagnata dalla traduzione di parecchie poesie (Петрапка 1902).

Furono eseguite diversi tipi di traduzioni poetiche:: traduzione libera, versione in prosa, parafrasi-narrazione, imitazione, versi sciolti ecc.

Nei primi del Novecento si sviluppano le tendenze dell'Ottocento: si traducono i versi italiani e latini, i frammenti della prosa. Anche questi si pubblicano in riviste letterarie, in cretomazie, oppure fanno parte di scritti scientifici o entrano nelle raccolte di versi edite da poeti- traduttori. Appaiono studiosi che si impongono a tradurre Petrarca, come p.e. J. Verkhovskiy e A. Veselovskiy, che hanno tradotto molti brani di poesie e di prosa.

Cento anni fa, nel 1904, quando si festeggiava il seicentesimo anniversario del grande poeta, in Russia sono apparse circa 25 pubblicazioni riguardanti la vita e l'opera di Petrarca, nonché le informazioni sul giubileo in Italia e in Russia.

Nel 1905 A. Veselovskiy ha pubblicato un libro (seconda edizione a San Pietroburgo nel 1912) sul *Canzoniere*, che viene considerato come la confessione poetica di Petrarca (Веселовский 1905, 1912).

Nel frattempo si è preparata per la pubblicazione, che sarebbe avvenuta nel 1915, la miscellanea di versi e di prosa che ancora oggi corrisponde alle richieste degli specialisti e dei lettori; buone traduzioni sono fatte da M. Ghersenzon e Viach. Ivanov. Nel medesimo anno sono emesse sette recensioni su questa edizione.

Dal 1916 fino al 1953 si osserva la decadenza dell'interesse per Petrarca; ogni anno sono apparse solo due o tre pubblicazioni. Basti pensare AGLI anni delle guerre mondiali, AL periodo della guerra civile e delle repressioni staliniste CHE non SONO stati favorevoli alla traduzione della poesia. Però, è vero che se in questi anni si stampava poco, oppure si traduceva molto, in questo tempo M. Losinskiy ha tradotto magnificamente la '*Divina commedia*' di Dante.

Dal 1953 (l'anno della morte di Stalin) fino ad oggi l'opera di Petrarca è stata più volte edita e molto studiata. Sono apparse tante raccolte di versi e di prosa, composte secondo diversi criteri. Ci sono edizioni che contengono solo il *Canzoniere* o i Trionfi tradotti da un solo traduttore (p.e. Петрарка 1953, 1955, 1970, 19746, 19986, 20006) oppure da traduttori diversi (Петрарка 1963, 1980, 1981, 1982a).

È stupenda l'edizione di *Africa* a cura di E. Rabinovich e M. Gasparov, che contiene integralmente il testo, i commenti dettagliati di E. Rabinovich, una tabella cronologica della vita e delle opere del poeta composta da M. Gasparov, e le traduzioni precedenti di questa opera (Петрарка 1992).

Ci sono inoltre le miscellanee che ci presentano la poesia insieme alla prosa (Петрарка 1974a, 1989, 1999, 2000a) oppure solamente la prosa (Петрарка 19826, 1998a). L'opera petrarchesca è presente anche nelle raccolte che contengono versi di altri poeti, come p.e. Petrarca e Dante (Петрарка 1983), Petrarca, L. de Camoes e W. Shakespeare (Петрарка 1990), Petrarca, Ovidio e Claudiano (Петрарка 1993).

Nel 1972 è apparsa la monografia ‘*Франческо Петрарка*’ di R. I. Hlodovskiy, che ha avuto una seconda edizione a Novosibirsk nel 1975.

Nel 1986 viene edito un lavoro unico nel suo genere: l’indice bibliografico delle traduzioni dell’opera di Petrarca secondo la cronologia ed i titoli italiani e russi, libri, articoli scientifici, rimandi alla letteratura universale e russa, autori dal 1768 fino al 1984.

4. In scienze umanistiche russe del Novecento l’opera di Petrarca è studiata da diversi punti di vista. Il grande poeta è considerato come la persona che esprime i concetti del Rinascimento, e si allacciano legami fra la cultura italiana e quelle slave. È impossibile presentare in questa relazione una rassegna totale o la bibliografia complessiva degli scritti scientifici. Presenteremo piuttosto alcune “direzioni del lavoro”: molte ricerche sono fatte nel dominio della letteratura e filologia comparata, ed avvicinano Petrarca agli autori antichi come Orazio, Ovidio, Cicerone, Seneca ecc. (p.e. Баткин 1995а, 1995б); agli altri scrittori italiani, p. e. Dante, Boccaccio, Michelangelo ecc. (Девятайкина 1991, 1993), ai rappresentanti della cultura francese (p.e. Неретина 1992), agli scrittori russi М. Lomonosov, I. Bunin ecc, ai poeti orientali (p.e. Шахиди 1977: 98–109), o esaminando Petrarca nella musica di F. Liszt.

Ci sono poi le ricerche che toccano i temi della vita sociale e politica nell’opera di Petrarca (p.e. Девятайкина 1988, 1993).

Tante sono le analisi filosofiche, linguistiche e filologiche dell’opera del poeta.

5. Dappertutto si conosce l’espressione italiana: *‘il traduttore è un traditore*. E veramente il procedimento del tradurre ha molte difficoltà: è impossibile trasmettere le figure metriche italiane (sinalefe, sineresi, dieresi) e le licenze poetiche; è molto difficile trasferire nella lingua di arrivo lo spirito del popolo e quello di discorso del Trecento, persino sentendoli bene nell’anima, e così via. Tuttavia si possono trovare, p.e., arcaismi russi per rimpiazzare quelli italiani.

Il rifiuto di tradurre vorrebbe dire il rifiuto dell’umanesimo e della cultura universale.

Da noi in Russia si dice, in altro modo, che *‘il traduttore di prosa è uno schiavo, il traduttore della poesia è un rivale’*. Quest’approccio ha fatto esporre tante teorie sul tradurre (Р. К. Миньяр-Белоручев, В. Г. Гак, Я. И. Рецкер, Л. С. Бархударов ecc) che pur essendo diverse sono complementari l’una all’altra. Noto è il libro di E. Edkind (Эдкинд 1963) con le analisi dei trasferimenti poetici.

Le teorie e le pratiche non vanno separatamente, e ciò ha permesso di formare parecchie generazioni di traduttori che hanno consacrato la loro vita creativa alla perfezione dell’arte del tradurre. Per Petrarca notevoli sono: E. Solonovich, A. Efros, V. V. Bibihin, N. I. Deviatkina, E. Rabinovich, M. Gasparov, V. Mikusevich, Z. Morozkina, V. Levik ecc. Molti sono coloro che hanno tradotto una o due, dieci, venti, trenta poesie. In questi ultimi tempi è stato A. Berdnikov a tradurre tutto il *‘Canzoniere’* utilizzando le possibilità del linguaggio odierno.

La storia dell’opera petrarchesca in Russia conferma la considerazione di R. Ruspanti sulla necessità delle traduzioni ripetute con il trascorrere del tempo (Ruspanti 2000: 210).

In questa relazione abbiamo cercato di mostrare la pienezza dell’opera petrarchesca, come è stata recepita dalla nostra società. Attraverso le traduzioni ci giungono le idee umaniste del grande poeta italiano, che possono essere accolte e studiate, ma mai rifiutate.

Bibliografia

- Garzonio 1988 – Garzonio S. Petrarca nelle traduzioni russe del XVIII secolo // *Le lingue del mondo*. N 6.
- Ruspanti 2000 – Ruspanti R. Del tradurre // *Ambra*. N 1. P. 202–223.
- Romet 1765 – Romet N.-A. Lettre de Pétrarque à Laure suivie de remarques sur ce poète et de la traduction de quelques-unes de ses plus jolies pièces par Nicolas-Antoine Romet. Paris.
- Баткин 1995а – Баткин Л. М. Петрарка на острие собственного пера. Авторское самосознание в письмах поэта. М.
- Баткин 1995б – Баткин Л. М. Два Петрарки или все-таки один?: О хлопотах поэта в Авиньоне в 1351–1353 гг. // *Одиссей: Человек в истории: Представления о власти*. М. С. 92–124.
- Веселовский 1905, 1912 – Веселовский А. Петрарка в поэтической исповеди *Canzoniere*, 1304–1904. М.
- Девятайкина 1988 – Девятайкина Н. И. Мироззрение Петрарки: этические взгляды. Саратов.

- Девятайкина 1991 – Девятайкина Н. И. Боккаччо – первый биограф Петрарки // Историографический сборник. Саратов. Вып. 15. С. 63–71.
- Девятайкина 1993 – Девятайкина Н. И. Петрарка и политика: историческая реальность и идеалы // Средние века. М. Вып. 56. С. 136–152.
- Жиль 1881 – Жиль Ф. А. Музей Императорского Эрмитажа. СПб.
- Каталог 1963 – Каталог инкунабулов / АН СССР. Б-ка: сост. Е. И. Боброва. Л.; М.
- Лаппо-Данилевский 1991 – Лаппо-Данилевский К. Ю. Из истории знакомства с Петраркой в России // Рус. лит. Л., 1991, № 3. С. 68–75.
- Неретина 1992 – Неретина С. С. Абелья и Петрарка: пути самопознания личности: (текстологический анализ) // Вопросы философии, 1992, № 3. С. 134–160.
- Памятники 1903 – Ответ Клирика Острожского Ипатию Потюю 1598 года // Памятники полемической литературы в Западной Руси. СПб. Кн. 3. С. 377–432.
- Петрарка 1768 – Воображения Петрарковы или Письмо его к Лоре / Пер. с фр. А. Тинькова. СПб.
- Петрарка 1893 – Триумфы женщин: Из мира песен и любви: Овидий, Данте, Петрарка и Боккаччо. Пг.
- Петрарка 1898 – Ф. Петрарка. Избранные сонеты и канцоны в переводах русских писателей. СПб.
- Петрарка 1902 – Франческо Петрарка (1304–1374): Биографический очерк поэта с приложением его стихотворений. М.
- Петрарка 1915 – Петрарка Ф. Автобиография; Исповедь; Сонеты / Пер. М. Гершензона и Вяч. Иванова. М.
- Петрарка 1953, 1955 – Петрарка Ф. Избранная лирика / Пер. А. Эфроса. М.
- Петрарка 1963 – Петрарка Ф. Книга песен / Сост., предисловие и примеч. Пуришев Б. М.
- Петрарка 1970 – Ф. Петрарка. Избранная лирика / Пер. Е. Солоновича. М.
- Петрарка 1974а – Петрарка Ф. Избранное: Автобиографическая проза: Сонеты / Сост., общ. редакция и комментарии Н. Томашевского. М.
- Петрарка 1974б – Петрарка Ф. Избранные сонеты / Пер. А. Эфроса. Таллин.
- Петрарка 1980 – Петрарка Ф. Лирика / Вст. статья, сост., примеч. Н. Томашевского. М.
- Петрарка 1981 – Петрарка Ф. Сонеты. М.
- Петрарка 1982а – Петрарка Ф. Сонеты / сост. Н. Томашевский. Минск.
- Петрарка 1982б – Петрарка Ф. Эстетические фрагменты / Пер., примеч., вступ. статья В. В. Библихина. М.
- Петрарка 1983 – Данте, Петрарка / Пер. и коммент. Е. Солоновича М.
- Петрарка 1986 – Франческо Петрарка: Библиографический указатель русских переводов и критической литературы на русском языке / Сост В. Т. Данченко. М.
- Петрарка 1989 – Франческо Петрарка. Лирика: Автобиографическая проза / Предисловие Н. Томашевского. М.

- Петрарка 1990 – Ф. Петрарка, Л. де Камозэн и др. Благословляю имя из имен: Из европейской любовной лирики / Пер., сост. и вступ. очерк Р. Белоусова. М.
- Петрарка 1992 – Ф. Петрарка. Африка / Изд. подгот. Е. Г. Рабинович, М. Л. Гаспаров. М.
- Петрарка 1993 – Виргилий Публий Марон; Клавдиан Клавдий; Петрарка Франческо. Избранные гекзаметры / Пер. с лат., вступ. заметки и коммент. Е. Г. Рабинович. М.
- Петрарка 1998а – Петрарка, Франческо. Сочинения философские и полемические / Пер. Н. И. Девятайкиной. М., 479 с.
- Петрарка 1998б – Франческо Петрарка. Любил всегда... Сонеты / Пер. с ит. А. М. Эфроса. Омск.
- Петрарка 1999 – Франческо Петрарка. Канцоньере; Моя тайна или Книга бесед о презрении к миру; Книга писем о делах повседневных; Старческие письма // Вст. слово О. М. Дорофеева.
- Петрарка 2000а – Франческо Петрарка. Сама Любовь: стихотворения и проза / Пер. М. Гершензона. М.
- Петрарка 2000б – Ф. Петрарка. Триумфы / Пер., комментарии В. Б. Микушевича. М.
- Хлодовский 1974 – Хлодовский Р. И. Франческо Петрарка. Новосибирск, 1975.
- Шахиди 1977 – Шахиди М. Четыре поэта // Народы Азии и Африки, № 1.
- Эдкинд 1963 – Эдкинд Е. Поэзия и перевод. М.; Л.

М. В. Домосилецкая

**БАЛКАНСКИЕ ФИТОНИМЫ ДЛЯ *LAGENARIA VULGARIS*
(ТЫКВА ПОСУДНАЯ, ТЫКВА БУТЫЛОЧНАЯ, ГОРЛЯНКА)**

Лагенария (*Lagenaria vulgaris*), она же – посудная тыква, бутылочная тыква, горлянка, калемба – теплолюбивая овощная культура, растение-космополит, встречающееся на многих континентах. Это однолетняя ползучая могучая лиана с мощным вегетативным ростом (до 15 м длины). Растение насчитывает много внутривидовых форм с плодами различной конфигурации, которые могут быть удлинёнными, круглыми, изогнутыми, овальными и грушевидными.

Как полагают, лагенария изначально происходит из тропической Африки. В диком виде тыква-горлянка не встречается, что, как принято считать, *свидетельствует о самом отдалённом времени ее окультуривания человеком*. Предполагают, что около 8–10 тысяч лет назад она проникла на Южно-Американский континент и в Юго-Восточную Азию – скорее всего благодаря морским течениям, поскольку плод ее обладает высокой плавучестью и прочной оболочкой. Именно в Юго-Восточной Азии, как нигде более, развился культ тыквы-горлянки¹.

¹ Моделью мира в даосском понимании природы были две сферы, «помещенные» одна в другую, т. о. лагенария, обладая естественной полостью, могла символически воплощать это представление. Она часто упоминается в древнейших китайских рукописях, где именуется «царицей овощей». Лагенария специально выращивалась в саду китайских императоров как декоративное растение, а из плодов ее делали вазы и чаши для пиров. В китайской даосской мифологии одна из самых популярных фигур – Ли Тегуай («железный посох») – высокий бессмертный хромец, который в качестве постоянного атрибута имеет за спиной тыкву-горлянку с волшебными снадобьями. Изображение персонажа с горлянкой под мышкой носило у китайцев следующую символику: «главное – впереди». Нередко эти тыквы в Китае использовали в качестве талисмана или целебного средства. Например, для привлечения в дом достатка и удачи изготавливались талисманы под названием ху-лу, а молодоженам их дарили для будущей плодовитости, три тыквы-

Лагенария не слишком ценится как пищевой продукт (можно использовать только очень молодые плоды-завязи, обладающие горьковатым вкусом, листья и верхушки побегов – см. ниже). Скорее ее можно назвать «посудной» культурой, используемой для вычерпывания, переноски и хранения жидкостей (вода, молоко, вино, растительное масло и проч.) и сыпучих тел (порох, табак, соль, мука, приправы и проч.). Продукты в тыкве долгое время хранятся в свежем виде, не портятся и не теряют аромат: в ней не заводятся вредные микроорганизмы. Она, благодаря толстому ороговевшему водонепроницаемому покрову-корке, обладает прекрасной термоизоляцией и, как современный термос, не пропускает тепло; вода и вино подолгу остаются в ней прохладными. Кроме того, посуда из тыквы очень долговечна: природная корка прочнее керамики и гораздо легче нее. И еще немаловажно, что изготовление этой посуды требует минимального приложения усилий: у зрелых плодов мякоть высыхает сама по себе. Известно использование посудной тыквы как резервуара для горючей жидкости в светильниках и даже в качестве подручного вспомогательного средства для плавания.

Благодаря своей универсальной незаменимости горлянки были широко распространены по всему Востоку – от Китая и Японии до Малой Азии. Дальнейший путь окультуренной лагенарии проходил скорее всего через Индию, Среднюю Азию, далее через Малую Азию – на Балканы, Апеннины и в Юго-Восточную

горлянки вешали в изголовье больного. Символическая значимость посудной тыквы в Китае такова, что ее даже повторяли в изделиях из нефрита, стекла, золота, серебра, глины и хрусталя.

С давних времён у народов Кампучии, Лаоса и Таиланда тыква-горлянка также почиталась как священная. По древним преданиям, именно из нее произошли сами моны и кхмеры.

Сейчас во всей Юго-Восточной Азии, Японии, Китае посудную тыкву используют в обрядах и поверьях для защиты от злых духов, для привлечения богатства, в репродуктивной магии, а также в народной медицине (как символ долголетия). В Японии образ тыквы-горлянки с чистой водой встречается в сказках и в фигурках-нэцкэ, что кодирует собой знание и мудрость и является символом жизни. В Корее цветы тыквы-горлянки – излюбленный образ народной поэзии, устойчивый эпитет для описания белизны кожи персонажа. Там же издавна использовали плоды лагенарии в качестве плавучего объекта для гадания.

Европу – в климатических пределах ее возможного произрастания. О лагенарии на Апеннинском п-ове узнаем у Плиния Старшего: по его свидетельству, древние римляне делали из плодов бутылочной тыквы различные сосуды и даже винные бочки.

Итак, рассмотрев все названия *Lagenaria vulgaris* в балканских языках и диалектах, можно обнаружить следующие интересные факты.

Прежде всего, это межъязыковые лексические параллели (взаимозаимствования), которые, конечно не безоговорочно, но все же *могут* свидетельствовать о путях проникновения данной хозяйственной культуры в тот или иной регион.

I. Архаичный латинизм (*cucurbita* ‘тыква’) объединяет албанский и восточнороманские языки: алб. *kungull (ujës)* букв. ‘тыква воды, водяная тыква’ и узкодиал. в южногегском *kulte* < **cuculbīta* (Çabej 1976: I, 296), рум. регион. (Трансильвания) *cucurbătă, cucurbetă, curcubătă, curcubetă, cucurbetă de tras*, а также арум. *curcubetă*. В основе наименования все же лежит не обособление, а отождествление данного вида тыквы с *тыквой как родовым понятием* (сближение и уподобление).

Латинского происхождения и болг. *кратуна, крачуна, крачун*, макед. *кратуна, кратунка* < позднелат. **cortuna* (= контаминация *cortina* ‘круглый сосуд, котел’ + *laguna, lagona* ‘бутылка с узким горлом и широким дном’) (БЕР 1963: 723).

К латинизмам может быть отнесено и диал. хорват *plosna, ploska* < позднелат. *flasca* ‘сосуд или мех для вина’ (Skok 1971–1974: II, 688–689).

II. Турцизм *susak* довольно частотен, но лишь как диалектизм Центральной Албании, северо-восточный болгарский диалектизм *сусак* (Шумен), а также серб. диал. *сусак*. Возможно происхождение от тур. *susak* 1) ‘жаждущий; обезвоженный, сухой’, 2) ‘глупый’; 2. ‘кружка (из коры или дерева)’ (Çabej 1976: II, 117). Логично предположить также, что может восходить и к тур. *su* ‘вода’ + *saka* ‘водонос, водовоз’ (ср. серб., болг. *сака*, рум. *sacă* ‘бочка или мех для перевозки воды’ < балканский турцизм араб. происх. (Skok 1971–1974: III, 190). Ср тур. *susuz* ‘безводный, не имеющий воды’, *susamak* ‘испытывать жажду, хотеть пить’

К турцизмам могут быть отнесены восточнороманские наименования тыквы-горлянки, образованные путем метафорического

переноса от турецких названий хозяйственной посуды: 1. арум. *çitură* (см. также арум. *çiutră* ‘ковш, деревянная черпалка для воды; банка’) < тур. *çotra* ‘плоская деревянная бутылка, фляга’; 2. рум. диал. *tâlv* < тур. *delv* ‘ведро’ (м.б. через болг. *дѣлва* ‘большой глиняный горшок с ручками’, ‘пузырь’). Налицо явное наименование по функциональному использованию тыквы в качестве сосуда (см. ниже).

Турецким по происхождению является и диал. рум. (молд.) *bostânei* < тур. *bostan* ‘огород, бахча; бахчевые культуры’ (ср. рум. литер. *bostan* ‘тыква; арбуз; дыня’)

Интересным с точки зрения метафоризации и образности представляется диалектный сербский турцизм для наименования плода лагенарии *ајдук*, *хаждук* < *хàјдук* ‘гайдук (человек, боровшийся против турок)’, ‘разбойник’ < тур. *haydut* ‘разбойник, грабитель’, *hayduk* ‘гайдук’, разг. ‘бандит’.

Самостоятельным славянским образованием от тур. топонима *Istambol* (*Istanbul*, *Istambul*, *Istanbul*) является макед. диал. *стам-болика*.

III. Охватывающим обширную дакороманскую территорию (Мунтения, Олтения, Добруджа, Молдова) можно считать славизм *tikva* > рум. *tigvă*, *tidvă*, см. также обилие диалектных слов: *tigvuliță*, *ticvă*, *tigbă*, *tigvuliță*, *tibgă*, *tilvă*, *tingă*, *titvă*, *tivde*, *tivgă* и т. п.

Имеются и «местные» славизмы для обозначения *Lagenaria vulgaris*: алб. (север) *polik* (< серб. *полић* ‘шкалик; полрюмки, полстакана’ < *пол-* ‘половина’); алб. диал. *lejkë*, арум. в Македонии *leică* < болг. диал. *лейка* ‘посуда, куда можно налить воду и из которой можно вылить воду’; новогреч. диал. (Малая Азия, Запад Анатолии) *γρατσούνα*, рум. *cătrun*, *cătrună* (Добруджа) < болг. *кращуна* ‘посудная тыква’. Интересно заметить, что в славянских языках во всех случаях мотивация слов «отпредметная», связанная с использованием метафоры для подчеркивания функциональной характеристики данного плода.

Итак, исходя из анализа приведенных пластов заимствований можно *очень предварительно* допустить два основных пути проникновения *Lagenaria vulgaris* на Балканы (естественно, разновременных) – с Апеннинского полуострова во времена латинизации Балкан и из Малой Азии с постепенным турецким завоеванием

полуострова. На более северных землях Юго-Восточной Европы исконно пастушеское дакороманское население могло заимствовать данную культуру от земледельцев-славян (*tikva*), кроме Трансильвании, где в румынском сохранились архаические латинские наименования данного растения. В основном же все славизмы для наименования лагенарии в албанском, восточно-романском и новогреческом – явно довольно поздние локальные заимствования.

На этом перечисление балканских взаимовлияний в данной номинации исчерпывается. Каждый из балканских языков обнаруживает большое разнообразие собственных наименований для данной растительной культуры. Прежде чем перейти к их рассмотрению, целесообразно отметить самые основные и яркие внешние особенности растения, которые могли лечь в основу характеризующего аспекта номинации.

Во-первых, лагенария цветет исключительно по ночам и опыляется ночными насекомыми. Растение распускает цветки непрерывно: одни увядают и тут же раскрываются новые. На одном растении могут одновременно присутствовать и цветки и плоды. Во-вторых, лагенария – рекордсмен среди огородных культур по скорости роста. При благоприятных условиях за сутки растение подрастает на 10–15 см, а плоды – до 10 см. В-третьих, плоды, имеющие цилиндрическую или змеевидную форму, могут вырастать до двух метров, причем, растут они непрерывно, даже если отрезать от необычного «огурца» солидный кусок. Место среза быстро затягивается, и лагенария продолжает расти как ни в чем не бывало.

Что касается функционального аспекта номинации, то здесь следует учесть возможность использования данного вида тыквы в пищу: *молодые* плоды добавляют в салаты, обжаривают в масле, консервируют, готовят из них икру, горячие блюда типа густой каши. Для еды берут также сырые молодые листья и верхушки побегов. Кроме того в народной медицине сок плодов применяют при сердечно-сосудистых и дерматологических заболеваниях. Семена лагенарии обладают глистогонным действием (<http://www.agronom.md>). Известно и характерное для народной медицины лечение «подобного подобным»: в Румынии собирали

цветки этого растения, заквашивали в «непочатой воде»², этим снадобьем поили всех домочадцев от рожистого воспаления и всяческих опухолевидных заболеваний (Butura 1979: 233). В юго-восточной Болгарии на самый значительный весенний праздник день св. Георгия девушки применяли элемент имитативной магии (чтобы волосы были красивыми и длинными): с утра мыли голову настоем разных лекарственных трав, обязательно имеющих длинный вьющийся стебель (плющ, бриония), и в частности лагенарией (*дива кратуна*) (Трефилова 2010: 228).

Проведенный ономаσιологический анализ позволяет представить следующую обобщенную картину способов номинации *Lagenaria vulgaris* в Балканском регионе и сопредельных областях Юго-Восточной Европы.

1. По внешним признакам растения

(характеризующий аспект номинации)

1.1. уподобление *всем плодам* семейства тыквенных Cucurbitaceae: алб. *kungull, kungullak, kungullishtë* < *kungull* ‘тыква’ (< лат.), болг. диал. *тиквица, тиква* (общеслав.); макед. диал. (Сухо и Висока) *kabáčka = kabáčka* ‘тыква, кабачок’ < тур. *kabak* ‘кабачок, тыква’; серб. и хорв. *тиквица, туквањ, тиква, tikvić*; рум. диал. (молд.) *bostănei*, ср. рум. литер. *bostan* ‘тыква; арбуз; дыня’ < тур. *bostan* ‘огород, бахча; бахчевые культуры’;

1.2. тяжелый длинный (цилиндрический) плод: болг. диал. *тежко-бойче* < тур. *boy* ‘рост, высота; длина; протяженность’, ср. *boy bos* ‘стан, фигура’ + слав. *тежък* ‘тяжелый’; болг. диал. *тул* (Видин) (общеслав. **tulь* ‘колчан; цилиндр, цилиндрический сосуд’), здесь подразумеваются естественно длинноплодные разновидности бутылочной тыквы;

1.3. мелкие плоды – величиной с яблоко (экспрессивные номинации): болг. диал. *цацарка, цацурка, џънцарка, џъцарка* – м.б. экспрессивное выражение мелкости, ср. *цаца* ‘мелкая рыбка хамса, килька’, в отличие от 1.2., здесь подразумеваются мелкие округлые формы, служившие в быту пороховницами, табакерками, погремушками, солонками, шкатулками для мелочей и проч.;

² «Непочатая вода» – набранная утром раньше всех других односельчан, считалось, что обладает магической силой.

1.4. округлые “пухлые” плоды (экспрессивные номинации): хорв. и серб. диал. *bušo*, *bučina*, *zagrlska buča* (везде экспрессивный компонент в общем значении ‘пухлый, надутый, толстый’, ср. клички скота в хорв. *Viša*, *Višo* ‘маленькая толстая корова; кличка мелкого толстого вола’ и мн. др.

2. По реальным или приписываемым свойствам растения, используемым человеком или отражающимся на жизни человека

(функциональный аспект номинации)

2.1. Название по функциональному использованию в качестве сосуда:

2.1.0. сосуд вообще, посудина: серб. диал. *судњача*, хорв. и серб. диал. *hr̄g*, *kr̄ga*, *вр̄г*, *кр̄бань* общеслав. значение ‘сосуд’ (ср. с лат. *orca* ‘бочка для соленой рыбы’, *ūrceus* ‘кувшин, жбан’, *urna* ‘урна’ < **urcna* < *ūrceus* (Skok 1971-1974: I, 687); рум. диал. (Банат) *troacă*;

2.1.1. в который наливают и из которого выливают (‘лить’): болг. диал. *лейка* (Южные Родопы, Центр. Болгария), *лелка*, *лелчица* (Центр. Родопы), диал. *лейка*, макед. диал. *лейка* (вост. Штип); серб. диал. *лејка*, *левак*;

2.1.2. в котором хранят иголки: серб. диал. *иглењача* < общеслав. **igla* (встречается в говорах также как ‘маленькая круглая коробочка для иголок, игольница’);

2.1.3. в котором хранят семена: рум. диал. *sămîņțar* < *sămîņță* ‘семя; pl. семена’;

2.2. Метафорическое уподобление сосуда:

2.2.1. плоской фляге: новогреч. *φλάσκα* (плод) > *φλασκιά* само растение;

2.2.2. глиняному кувшину: алб. диал. *poç*, *pacërak* (< *poç* ‘круглый кувшин с узким горлом для воды, вина, уксуса’, ср. *poçe* ‘глиняный ковш для готовки’, *poçërina* ‘глиняная посуда’);

2.2.3. кувшину с горлышком (мотивировка ‘горлышко’): макед. *грлашка*, серб. и хорв. диал. *grljača*, *ogrljača*, *грљанка*, *загрљска буча*, *загрљача*;

2.3. Название по способу изготовления сосуда: болг. диал. *чунча* (Разград), ср. диал. (юго-запад.) *чун* ‘чёлн, вид лодки’ =

чълнѣ < IE *(s)kel- ‘выдалбливать’ = т.е. ‘полая, пустая’; макед. диал. *чупка* (Охрид) ср. *чупя* ‘ломать, бить, разбивать посуду’;

2.4. Тыква:

2.4.1. ‘водяная’: алб. *kungull ujës*, диал. *kungulujës*, *kungull uji*; макед. *тиква за вода*; серб. диал. *водена тиква*, *водењака*, *водњака*, серб. и хорв. диал. *tikva-vodenjača*, *tikva-vodnjača*³;

2.4.2. ‘из которой пьют’: серб. и хорв. диал. *pivna tikva*, *pijača*;

2.4.3. ‘для пороха, пороховая’: серб. диал. *барутна тиквица* < тур. *barut* ‘порох’;

2.4.4. ‘для вина, винная’: хорв. диал. *vinena tikva*, сюда же, возможно, серб. диал. *натег*, *натега*, *натегача*, *теглица*, хорв. диал. *tegiča* < *натега*, *натегач*, *натегача* ‘сифон для набирания вина из бочки’ < *натегнути* ‘натянуть, вытянуть’.

2.5. То, что носят (как переносной сосуд): рум. диал. *trăgace*, *trăgulă*, *tragulă* (Banat) < *a trage* ‘тянуть, тащить; весить’ < лат. *trahere* ‘тащить, тянуть’.

Проведенный анализ показывает, что все перечисленные выше реальные характеристики *Lagenaria vulgaris* (длинный стебель лианы, удивительное ночное цветение, съедобность некоторых частей растения, чрезвычайно быстрый рост, регенерация плодов и проч.) – не нашли отражения в его наименованиях в балканских языках и диалектах. На первый план народным сознанием выдвигается только его удивительно функциональный высушенный плод.

3. По символическим свойствам растения и этиологическим легендам

В данном случае имеем дело с культурно-мифологическим освоением человеком растительного мира. Название можно воспринимать как свернутый этиологический рассказ о происхождении растения, о приписываемых ему чудодейственных или вредоносных свойствах и проч.

³ Важно заметить, что параллельная румынская конструкция *tidvă de apă* букв. ‘водяная тыква’ обозначает совершенно другое растение *Nymphaea alba* ‘кувшинка белая’, обладающее характерным по форме плодом, ср. рус. *кубышка*.

3.0. Метафора – рассказ о происхождении (откуда пришла, откуда пришла, кто занес в эти земли): рум. диал. *tătarcă, tărtăcuță, tătărcuță* ‘татарка, татарская тыква’; макед. диал. *стамболика* (см. выше).

3.1. Метафорические экспрессивные образы:

3.1.1. ‘гайдук’: серб. диал. *ajдук, хајдук* (см. выше);

3.1.2. ‘волк’: рум. диал. (Молд.) *lupoaie* < *lup* ‘волк’ + оценочный увеличительный суффикс.

Удивительно, но факт, что в этноботанической литературе (Илиев 1919; Раденковић 1996; Софрић 1990; Чајкановић 1985 и мн. др.) не найдено *никаких* упоминаний о символическом, обрядовом использовании лагенарии (корме описанного выше применения для символического майского мытья волос в Болгарии) (Трефилова 2010: 228). Не обнаружено пока никаких сведений и о преданиях, связанных с лагенарией.

Ни одна из вышеперечисленных моделей номинации не является общебалканской. Наибольший ареал охватывает модель 1.1., где основным принципом является уподобление горлянки *всем* плодам семейства тыквенных и которая охватывает алб., серб., хорв., болг. диал., макед. диал. и восточные говоры рум. (Молдова). Также на довольно обширной территории встречается модель 2.4.1. ‘водяная тыква’: алб., макед., серб. и хорв. диал.

Имеются более узкорегionalные модели, например 2.1.0., где фитоним ‘бутылочная тыква’ имеет явную мотивировку ‘посудина, сосуд’: хорв. и серб. диал. и рум. диал. (Банат). Или, к примеру, чисто славянская модель 2.2.3. (мотивировка ‘горлышко’): макед., серб. и хорв. диал.

Как и другие наименования плодов семейства тыквенных Cucurbitacea: тыква *Cucurbita*, кабачок *Cucurbita pepo*, арбуз *Citrullus*, – наименование лагенарии активно используется при метафорическом обозначении головы, чаще с пренебрежительным, уничижительным оттенком: ср. алб. *kungull, kungullac* ‘тыква; тупица’; рум. *dovleac* ‘тыква; пустая голова’, *dovlecel* ‘кабачок; башка’, фамил. *devlă* ‘голова, макушка’ (< тур. диал. *devlek*), *bostan* ‘тыква; арбуз; дыня; башка; бахчевая голова = тупая голова’; новогреч. *колокύθα* ‘большая тыква’, *колокύθας* ‘пустая башка, дурак’; тур. *kabak* ‘кабачок; тыква; лысый, плешивый’, *kabak kafalı* ‘лысый, побритый; болван, идиот’; серб.

тыква ‘тыква; сосуд из тыквы; дурень, балда’; рус ‘тыква, тыковка’ и даже ‘голова садовая’ (аналог. рум. *bostan*) и мн. др.

См. метафорические номинации с использованием слова с первичной семантикой ‘тыква-горлянка’ > ‘башка’ > ‘пустая башка, глупая башка’ > ‘тупица, дурак’; рум. *țigvă* ‘посудная тыква; череп; башка’, диал. *tătărcuță* ‘горлянка; башка’; тур. *susak* ‘жаждущий; иссушенный; кружка из дерева; глупый, придурковатый’ (> *susak ağızlı* ‘непонятливый, бестолковый’, *susaklık* ‘придурковатость’); серб *тыква, тиквица* ‘посудная тыква; кабачок; дурак’; болг. *кратуна* ‘горлянка; голова, башка’, *празна кратуна* ‘пустая голова, тупица’.

Еще более выразительным является образ посудной тыквы в народной фразеологии и паремии, которые конденсируют сложный комплекс культуры и психологии каждого народа, неповторимый способ его мышления.

Подчеркивание при метафоризации гладкой, блестящей поверхности плода (а не его пустоты) характерно для румынского и болгарского. См. рум. поговорка: *a fi țidvă goală* ‘быть голым, как тыква’ и болг. пословица: *Лъци като кратуна на месечина* ‘Блестеть, как тыква под луной’.

Округлость плода и его размер нашли отражение в албанской поговорке: *Nuk mbahen dy kunguj nën (një) sqetull (në një dorë)* ‘Двух тыкв под одной подмышкой (в одной руке) не удержать’ (рус. «За двумя зайцами погонишься – ни одного не поймаешь»).

Пустота плода как особо важный и полезный для человека признак отразился только в болгарских пословицах и поговорках с оценочно-осуждающим смыслом: *Главата му празна като в кратуна* ‘Голова у него пустая, как тыква’; *Празна кратуна всякога гърми* ‘Пустая тыква всегда гремит’ (о глупом, но хвастливом человеке, пустозвон); *Стъпва като в кратуни* ‘Ступает, ходит, как будто (ноги) в тыквах’ (о человеке, который ходит неестественно, ведет себя неестественно).

Плавуемость тыквы (характеристика, совершенно не отмеченная народным сознанием ни в одном из балканских фитонимов для *Lagenaria*) получила преломление в албанских и хорватских пословицах: *Nuk shkon gjithmonë kungulli mbi ujë* ‘Не всегда тыква по воде плавает’ (рус. «Шила в мешке не утаишь», «Всё тайное становится явным»); *Ja tikvu u vodu, a tikva iz vode* ‘Тыкву в воду,

а она из воды' (хочешь сделать кому-либо что-нибудь хорошее, а он этому сопротивляется, не слушается, «хоть кол на голове теши», упрямо не принимает помощь, совет), *Koja tikva često na vodu ide, razbit će se* 'Та тыква, что часто падает в воду, когда-нибудь разобьется' («Много раз понемногу – много», рус. «Капля камень точит»).

Использование тыквы-горлянки в кулинарии в качестве горячего блюда явно читается в такой албанской поговорке как: *U dogj nga kungulli e i fryn edhe kosit* 'Обжегшись на тыкве (вареной), дует и на кислое (створоженное) молоко' (рус. «Обжегшись на молоке, дует на воду»).

Народное понимание близости и разностороннего сходства плодов семейства тыквенных Cucurbitaceae (см.1.1.) видится в болгарской поговорке: *Не било в тикви, а в кратуни* = *не по врат, ами по шия* 'не по затылку, так по загривку', т. е. 'одно и то же' (рус. «Что в лоб, что по лбу»).

И наконец, отражение особой национальной этнографической специфики находим в болгарской поговорке с этнокультурным содержанием: *Прокопсал е като синигер в кратуна* 'Попал как синица в тыкву' (рус. «Попал как кур в ошип (во щи)»). Здесь *кратуна* 'ловушка' для птиц. В прошлом крестьяне зимой забавлялись тем, что из бутылочной тыквы делали кормушки-ловушки для снегирей и синиц.

Литература

- БЕР 1962 – Български етимологичен речник. Съст. Вл. Георгиев и др. Св.1. София, 1962.
- БЕР 1963 – Български етимологичен речник. Съст. Вл. Георгиев и др. Св. П. София, 1963.
- Давидов, Явашев 1939 – Давидов Б., Явашев А. Материали за български ботаничен речник. София, 1939.
- Илиев 1919 – Илиев А. Растенията от българско фолклорно гледище // Списание на българската академия на науките. София. 1919. Кн. 18. С. 93–180.
- Киш 1984 – Киш М. Ботаничката лексика во говорот на Сухо и Висока // Македонски јазик. 1984. Г. XXXV. С. 325–333.
- Раденковић 1996 – Раденковић Љ. Символика света у народној магији јужних словена. Ниш, 1996.
- Симоновић 1959 – Симоновић Др. Ботанички речник. Имена биљака. Београд, 1959.

- Софрић 1990 – Софрић П. Главније биље у народном веровању код нас Срба. Београд, 1990.
- Трефилова 2010 – Трефилова О. В. растения в обрядах дня св. Георгия у болгар // Труды Института лингвистических исследований. Том VI, часть 1. СПб, 2010. С. 214–235.
- Чайкановић 1985 – Чайкановић В. Речник српских народних веровња о биљама. Београд, 1985.
- Borza 1968 – Borza Al. Dicționar etnobotanic. București, 1968.
- Butura 1979 – Butura V. Enciclopedie de etnobotanică românească. București, 1979.
- Çabej 1976 – Çabej E. Studime gjuhësore. I–II. Studime etimologjike në fushë të shqipes. Prishtinë, 1976.
- Fjalor 2003 – Fjalor i emrave të bimëve – Dictionary of plant names. Tiranë; Prishtinë, 2003.
- Fjalor 1981 – Fjalor i gjuhës së sotme shqipe. V. I–II. Prishtinë, 1981.
- Lloshi 2010 – Lloshi Xh. Fjalor I emrave të bimëve dhe të kafshëve shqip-latinisht dhe latinisht-shqip. Tiranë, 2010.
- Papahagi 1963 – Papahagi T. Dicționarul dialectului aromân general și etimologic. București, 1963.
- Sejdiu 1989 – Sejdiu Sh. Çështje të onomasiologjisë fitonimike romane dhe ballkanike. Prishtinë, 1989.
- Skok 1971-1974 – Skok P. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Knj. I–III. Zagreb, 1971–1974.
- Šulek 1879 – Šulek B. Jugoslavenski imenik bilja. Zagreb, 1879.

О. В. Дьякова

МОХЭСКАЯ КУЛЬТУРНАЯ ОБЩНОСТЬ (ЭТНОГЕНЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Введение

Далеко не каждому этносу выпадает удача быть объективно оцененным в истории. Особенно это относится к этносам восточноазиатских территорий. В истории повезло гуннам, тюркам, монголам, поскольку «выплеснувшись» из «азиатского котла народов», они несколько раз в средневековую эпоху перекроили политическую карту мира. Поэтому их культуру и историю как феномен изучают разные специалисты многих стран – историки, археологи, лингвисты. Они известны широкой публике по книгам и фильмам как варвары, разрушившие древние цивилизации.

Гораздо меньше повезло этносам, вытолкнутым из того же «азиатского котла народов», но двинувшихся не на запад, а на восток и северо-восток азиатского материка. Они мало известны даже востоковедам, т. к. внимание последних преимущественно приковано к Китаю, Японии, Корее. Остальные этносы Восточной Азии отнесены к периферийным еще со времен китайских династийных хроник, где они обозначены как «дун-и» и отнесены на задворки истории. Во всем мире специалистов, изучающих такие этносы, можно пересчитать по пальцам. Но без изучения «восточных варваров» историческая картина мира оказывается неполной, а логика и закономерность исторического процесса развития человеческих сообществ во времени и пространстве неустановима.

Изначально в число экзотических периферийных этносов попали носители мохэской культурной общности, т. е. средневековые тунгусо-маньчжуры, известные по китайским династийным хроникам как племена мохэ. Им мы и посвящаем эту работу, решая задачи – происхождения, формирования и развития тунгусо-маньчжурской культурной общности.

Методология исследования и понятийный аппарат

Прежде, чем приступить к анализу и синтезу материалов мохэской культурной общности, необходимо оговорить понятийный аппарат работы, которым мы намерены пользоваться и пояснить методологию исследования.

В первую очередь нам необходимо определить, что такое **культурная общность**.

Культурная общность – это генетически родственные археологические культуры, восходящие к одному предку, связанные единым ареалом формирования и развития во времени и имеющие общую историческую судьбу.

Мохэская культурная общность включает мохэскую археологическую культуру, бохайскую культуру, культуру амурских чжурчжэней, культуру приморских чжурчжэней (памятники государства Цзинь – 1115–1234 гг., памятники государства Восточная Ся – 1217–1234 гг.). Время функционирования мохэской культурной общности – эпоха средневековья, т. е. I – сер. II тыс. н. э. География общности – Приамурье и Приморье России, Северо-Восток Китая, Север Кореи, с отдельными выплесками в Японию на остров Хоккайдо.

Решение поставленной задачи требует обязательное установление генетической связи указанных археологических культур через этнические (этнографические) признаки. Для этого нами в 1980 г. была разработана структура средневековой археологической культуры, которая в 1985, 1990, 1993 гг. наполнялась конкретными материалами (Дьякова 1980; 1985: 100; 1991: 44–47; 1993: 31–32).

Согласно этим разработкам средневековая культура имеет трехчленную структуру и состоит из трех блоков признаков – **аборигенных, государственных (региональных) и эпохальных**.

К числу **этнокультурных (аборигенных, этнических)** признаков мы относим те, которые отражают этнические (аборигенные) традиции, позволяющие реконструировать не только культурогенез, но и этногенез, т. е. устанавливая генетическое родство. В первую очередь, к ним относятся лепная глиняная посуда, изготовленная самими носителями культуры, традиционные аборигенные украшения, например, серьги, аборигенные

пояса, реже наконечники стрел, погребальный обряд, иногда жилища. Именно этот набор признаков может использоваться для культурной диагностики и отражать этническую специфику археологической культуры.

К числу **региональных (государственных)** признаков мы относим вещи ремесленного производства, в том числе круговую глиняную посуду. Их распространение связано с действием производственных центров (мастерских, «школ», «печей», «семейств» и т. д.), сферы влияния которых редко выходят далее официальных политических границ государственных объединений. Следовательно, этот блок признаков должен использоваться для маркировки государства и его торгово-экономических связей. Такие категории изделий могут базироваться как на местных, так и на чужих традициях. Они служат источником для реконструкции политико-экономических и культурных связей, но мало информативны для установления этногенетических процессов. Причем формы сосудов и декоративное оформление данной категории изделий могут меняться в зависимости от «престижности», «моды» и вкусов властителей, но технико-технологическая традиция, как правило, отличается стабильностью.

К **эпохальным признакам** относятся те элементы культуры, которые распространяются шире определенного географического ареала или политического региона и маркируют эпоху в целом. Например, к таким признакам относятся пояса тюркского типа, монгольские наконечники стрел, определенные типы круговой керамики, орнаментальные композиции, многие украшения и т.п. Они являются хорошим источником для датировки комплексов и культур, позволяют устанавливать ход военных, экономических, религиозных событий и контактов, но не годятся для этногенетических реконструкций.

Типы памятников мохэской культуры

Памятники мохэской культуры, являющейся базовой для остальных средневековых культур, представлены пятью типами: поселениями, городищами, могильниками, писаницами, производственными комплексами.

Тип 1. Поселения – это наиболее распространенный тип памятников, место расположения которых обязательно приурочено к реке, часто к ее устью или к притокам. По виду поселения делятся на: 1) постоянные и 2) сезонные.

Картирование памятников свидетельствует, что территория Приамурья и Приморья была покрыта сетью мохэских поселений постоянного вида, занимавших бассейн Амура от верховьев до его низовьев, бассейн рек Японского моря и Татарского пролива. В планиграфии поселений отсутствует жесткая структура, поскольку жилища, в основном, строились вдоль реки. Из-за отсутствия полностью раскопанных памятников организация поселков неизвестна. Не вычленены административные, культовые, транспортные и пр. составляющие, не определена система группировки жилищ и устройство усадеб, если таковые имелись.

По мнению исследователей, приречное устройство поселений характерно для кочевых, в прошлом, культур (Плетнева 1967: 18 и сл.). Такая традиция связана не только с необходимостью хороших подходов к водопоям лошадей и наличием травяных угодий, но и с тем, что кочевники двигались в основном вдоль больших рек. Бассейн Амура с его крупными притоками являлся для мохэсцев идеальной водной артерией, позволявшей достигать не только устья реки, но и идти дальше по Татарскому побережью, а также по притокам переваливать через Сихотэ-Алинь с западных склонов на восточную сторону и спускаться к Японскому морю.

Сезонные поселения (вид 2) единичные. Обнаружены и раскопаны С. П. Нестеровым на поселении Усть Талакан, жилище № 2 (Нестеров 2000: 176).

Тип II. Городища. Укрепленных поселений мохэской культуры на российском Дальнем Востоке разными исследователями в разные годы опубликовано более 20 объектов. В Приамурье достоверно к ним можно отнести: укрепление на р. Белой (бас. Зеи), Утесное (Амурская обл.), Сикачи-Алян (Нижний Амур) (Деревянко 1975; Сапунов, Зайцев 1990: 45–48; Дьякова, Шавкунов 1975: 158–170; Сапунов, Зайцев 1993: 112–115). Согласно публикациям, городища на р. Белой и Сикачи-Алян относятся к мысовидному типу, а Утесное – к горному. Городище Сикачи-Алян построено мохэсками найфельдской группы в 5–8 вв. н. э.

Гораздо больше зафиксировано городищ в Приморье. Преимущественно они сосредоточены на северо-востоке региона и представлены, как правило, двумя типами: 1) мысовидным – Мыс Теплый, Усть-Соболевское, Кузнецовское; 2) долинным – Красное озеро, Джигитовское. Кроме того, в Приморье обнаружено много бохайских городищ с мохэской основой, относящихся, преимущественно, к долинному типу, а по виду к прямоугольным или многоугольным (Дьякова 1998).

Тип III. Могильники. Встречены двух видов: 1) грунтовые (В Приамурье – Найфельд, Кочковатка, Троицкий, Новопетровский, Шапка, в Приморье – Лузановская сопка, Рошинский, Новопокровский); 2) курганные – в Приморье – Монастырка-3, в Приамурье – Новопокровка, Екатериновка (Деревянко 1975: 87 и др.; Дьякова 1998).

Тип IV. Производственные комплексы. Представлены двумя видами – 1) металлургическими плавильными горнами и 2) гончарной печью.

Впервые остатки металлургического горна были раскопаны в 1961 г. экспедицией А. П. Окладникова на Среднем Амуре у с. Сергеевка, представлявшего собой яму с округлым обожженным дном, диаметром 60 см и глубиной 16 см, заполненную шлаком и углем. В 1969 г. аналогичные объекты встречены в жилище поселения Гладковский бугор (Окладников, Деревянко, Асеев 1973: 224–258; Дьякова, Глинский 1983: 134–140). В 1993 г. С. П. Нестеровым раскопаны на поселении Усть Талакан (бас. р. Буреи) две плавильные печи в виде прокаленных пятен, с углистыми включениями (Нестеров 2000).

Мохэская гончарная обжигательная печь впервые обнаружена и раскопана экспедицией Ж. В. Андреевой в 1979 г. в Приморье в бухте Троица (Андреева отчет; Нестеров 2000: 176 и др.).

Тип V. Писаницы. Известен только один памятник, расположенный на прибрежных скалах вблизи п. Сакачи-Алян на Нижнем Амуре. Исследован А. П. Окладниковым. Рисунки выполнены металлическим инструментом с тонким лезвием техникой граффити. Основными сюжетами, выполненными схематично, являются всадники, сцена охоты, лодки и др. композиции (Окладников 1968: 80–116).

Материальная культура

Представлена различными категориями орудий – керамикой, серьгами, поясами, ножами, копьями наконечниками стрел, палашами, культовыми предметами. Они достаточно подробно опубликованы в научной литературе и нет надобности этот материал повторять. Остановимся лишь на диагностирующем культуру материале.

Главным диагностирующим признаком при определении памятников является наличие в комплексах **лепной керамики мохэского типа**, отличающейся характерным налепным валиком под венчиком, едиными технико-технологическими признаками и устойчивыми пропорциями, в первую очередь, соотношением диаметров венчика и дна, равному 2. По лепной технике изготовления такие сосуды отнесены нами к категории I, по наличию валика под венчиком к типу I, по форме тулова изделия разделены на 4 вида: вазы (вид 1), горшки (вид 2), банки (вид 3), амфоры (вид 4). Кроме лепной посуды в комплексах присутствует керамика, доработанная на круге, обозначенная как категория II, куда входят типично мохэские сосуды с круговой обработкой (тип I) и сосуды бохайские ссуды когурёского происхождения (тип II), а также круговая сероглиняная керамика различных форм (вазы, горшки, амфоры, котлы и т. д.) танского происхождения, отнесённая к категории III.

Жилища

Жилища мохэской культуры представлены двумя типами: тип I – однокамерная каркасная столбовая полуземлянка с четырёхугольным в плане котлованом и выходом наружу через дверь; тип II — прямоугольные наземные дома с отопительной системой типа П-образного кана (Деревянко 1975; Дьякова 1998).

Жилища благословеннинской группы. О типе жилищ можно судить только по одному поселению Благословенное-II, на котором раскопано одно жилище, частично разрушенное дорогой.

Постройка представляла собой четырёхугольный (первоначально прямоугольный) в плане котлован, углубленный на 40–50 см, с довольно пологими плечиками – 30–45°. Жилище горело, в нем сохранились горелые конструкции.

Постройка была каркасной, так как вдоль дна котлована по одной стене плотным рядом стоят жерди, а по другой они сохранились местами. Форма крыши остается неизвестной. Можно лишь отметить, что она была присыпана с двух сторон тонким слоем материкового выброса. По функциональному назначению постройка являлась хранилищем, в ней отсутствовал ал очаг, а вдоль стены в ряд располагались 32 сосуда.

Следовательно, благословеннинское жилище тоже может быть определено как одномерная каркасная полуземлянка с четырехугольным в плане котлованом, стенами, выстроенной из вертикально установленных жердей, крышей, присыпанной землей и полом без обмазки.

Жилища найфельдской группы. Приамурье – городище Сакачи-Алян, поселение Половинка на р. Анюй; Приморье — поселения Усть-Зеркальная-4, Михайловка-II, Рудная Пристань (мохэский слой).

Жилища найфельдской группы представлены двумя типами: 1) полуземлянкой и 2) наземным помещением.

Тип I. Полуземлянка. Углублена в почву на 20–40–50 см. Площадь жилищ разная, на поселении Половинка достигает 80,5 м².

Представляют собой однокамерную каркасно-столбовую полуземлянку четырехугольной в плане формы; с двух- или четырехскатной крышей; овальным и квадратным, иногда укрепленным очагом, располагавшимся в центре, либо чуть смещенным, четырьмя внутренними опорными столбами.

Тип II. Наземные дома (городище Сикачи-Алян). Для наземных помещений Сакачи-Аляна выравнивалась специальная площадка, углублявшаяся в землю на 15 см. В плане жилище было прямоугольным. Размер стен не превышал 6 м в длину и 4 м в ширину, что четко прослеживается по П-образному кану. Входной стороной (т. е. стеной, свободной от кана) жилище было обращено на юго-восток. У входа с левой стороны находилась очажная яма. Устье ее было облицовано каменными плитами. Такая же очажная яма с 10-см обмазкой арочного свода очага находилась перед правой линией кана. Задняя часть кана оказалась разрушенной. Кан имел три дымоходных канала,

вымощенных сверху каменным плитняком. Пол по отношению к кану был углублен до 50 см и покрыт слоем беловатой глины.

Вдоль передней стенки жилища выявлено пять ямок от столбов, из которых угловая находилась за пределами стены и, судя по всему, представляла собой остатки подпорного столба. Вдоль передней стены шла каменная вымостка. Внутри жилища были еще три ямки, две из которых расположены перед правым очагом, а третья – в 1 м от входа и 60 см от левого очага. Вероятно, здесь была сооружена вторая внутренняя стена для утепления помещения.

В целом жилища Сакачи-Аляна по своему типу могут быть определены как наземные однокамерные каркасно-столбовые постройки прямоугольной формы, с выходом, обращенным на юго-восток, и П-образным каном.

Таким образом, найфельдская группа памятников мохэской культуры наряду с традиционной полуземлянкой обнаруживает принципиально новый тип жилища — наземный с кановой отопительной системой.

Жилища Троицкой группы. (Поселения Грязнушка, Падь Степаниха, Осиновое Озеро, Ураловка-Пристань, Осиновка). Представлены двумя типами – 1) Полуземлянкой, 2) Наземным домом.

I тип. Полуземлянки троицкой группы памятников впущены в материк на 40–60 см, в плане четырехугольные (близки к квадрату или прямоугольнику): Встречены очаги трех разновидностей – 1) округлые с каменной обкладкой (Падь Степаниха, жилище № 1); 2) квадратные без обкладки (Осиновое Озеро); 3) четырехугольные с деревянной обкладкой (Грязнушка, жилище № 2). Выход наружу через дверь по специально сделанным ступеням зафиксирован только в одном случае (Осиновое Озеро), но одинаковая глубина котлованов остальных жилищ позволяет думать, что дверь в них была аналогичной. В Пади Степанихе жилище № 1 горело, сохранились жерди, радиально сходящиеся к центру – свидетельство четырехскатности крыши. Надежную информацию предоставляет одно из жилищ Степанихи. Оно содержит два угловых столба, а также четыре столбика с внешней стороны с разрывом для выхода в восточной стенке. Эта

полуземлянка выявляет еще один подтип в мохэской культуре — жилище с внешней подпорной стенкой.

II тип. Наземный дом. (Ураловка-Пристань). Прямоугольной в плане формы, с каном и выходом через дверь. Очаг находился внутри помещения. Более подробная характеристика невозможна из-за значительных разрушений.

Таким образом, троицкая группа памятников обнаружила также два типа жилищ — полуземлянку и наземный дом с каном, что и найфельдская группа.

Жилища гладковской группы. Известны по двум поселениям: Гармакан и Гладковский Бугор (верхнее течение р. Зей). На первом раскопано семь жилищ, на втором — одно. Поселение Гармакан неоднократно затопливалось. Вследствие этого контуры жилищ размыты и объективной информации памятник не дает. Поселение Гладковский Бугор ничем не потревожено, и жилище может быть использовано для реконструкции.

По своему типу жилища гладковской группы относятся к полуземлянкам, представляющим в плане четырехугольник, близкий к квадрату. Котлован углублялся в материк на 30–50 см, плечики имели различный угол крутизны: гармаканские — 60–85°; гладковские — 45°, а южное не превышало 15°. Длина стен варьировала в пределах 3,4–7,5 м. Дно котлованов, служившее полом, специальной обмазки не имело и было горизонтальным, но плохо выровненным. Очаг располагался почти по центру, с небольшим смещением к северо-восточной стенке, и имел в плане не имел и было горизонтальным, но плохо выровненным. Очаг располагался почти по центру, с небольшим смещением к северо-восточной стенке, и имел в плане подпрямоугольную (ближе к овалу) форму, не был укреплен по периметру.

Отсутствие столбовых ям и горелых деталей не позволяет произвести реконструкцию жилищ. Единственное свидетельство наличия нар в гладковском жилище — подпрямоугольное пятно в центре котлована, удаленное от стен на 0,5–1,0 м и обозначенное черной гумусированной супесью. Пристенные же участки состояли из серой гумусированной супеси. Вероятно, центральный участок был основным жизненным пространством и оказался наиболее затоптанным.

Пологость южной стенки жилища поселения Гладковский Бугор и смещение черного пятна на полу в эту же сторону позволяют думать, что именно здесь была устроена дверь.

Таким образом, как выясняется, для гладковской группы памятников характерны однокамерные полуземлянки, котлован которых в плане представляет собой четырехугольник.

Погребальный обряд

Найфельдская группа. Представлен двумя типами могильников: тип 1 – грунтовый (Найфельд, Кочковатка, Шапка, Новопетровский – Приамурье; Лузановская сопка – Приморье); тип 2 – курганный (Приморье могильник Монастырка-3).

Тип 1. Грунтовые могильники располагаются обычно на релке. Могильные ямы бывают прямоугольной или овальной формы, стенки которых иногда укреплялись плахами. Известны два способа захоронений – ингумации и вторичные (с преобладанием последнего). Гробы не зафиксированы. Отмечено разложение костров на могиле, почитание лошади в качестве жертвенного животного, использование «типично мохэских» сосудов для погребальной пищи типа каши, преднамеренная порча погребальных вещей, остатки тризн.

Как правило, это родовые кладбища. В погребениях присутствует амурский тип пояса. Тюркские пояса, обряд, кремации и забутовка могил камнем в грунтовом типе могильников найфельдской группы не встречены.

Тип 2. Курганные некрополи. Раскопаны в Приморье на памятнике Монастырка-3. На площади 2180 м² исследованы 4 курганных насыпи, 88 погребений, из которых 3 погребения на горизонте, 10 подхоронений в насыпь.

Могильные ямы составляли ряды, тянувшиеся с северо-востока на юго-запад. Могилы ориентированы запад-восток. Встречены могилы трёх форм: подпрямоугольной (прямоугольной), трапециевидной, круглой. Умерших хоронили тремя способами: кремации; ингумации, кенотафы. Прослежены кремации трёх типов: 1) в могильной яме; 2) на стороне с последующим захоронением в могильной яме; 3) на месте с последующим возведением насыпи.

Для кремаций в могильной яме (погребения № 27, 22, 29,30, 31, 34) характерны: а) могильная яма размерами в полный рост человека, глубиной до 50–80 см от древней поверхности прямоугольной или трапециевидной в плане формы; б) сгоревшая внутримогильная конструкция в виде ящика с плоской крышкой из горбыля, снаружи обмазанного по щелям глиной; в) остатки костяка, часть которого сохраняет анатомический порядок; г) наличие в могиле кострища; д) определённое расположение погребального инвентаря: сосудов на крышке гроба в районе головы (в западной части могилы), пояса тюркского или амурского типов районе таза, обувных украшений в восточной части могилы. Все вещи имеют следы огня. В качестве топлива использовался торф из близлежащего тетюхинского торфяника.

Для кремаций на стороне с последующим захоронением в могильной яме или на горизонте (погребения № 23, 25) характерны: а) могильные ямы небольшого размера, более мелкие, чем при кремации в могиле; б) менее чёткая форма могильных ям из-за постепенного истлевания деревянных конструкций и завала могильных стенок внутрь; в) скопление жжёных костей в одном месте без анатомического порядка; г) отсутствие следов внутримогильных конструкций; д) расположение погребального инвентаря произвольное.

Для кремаций на месте характерно большое неправильной формы глиняное прокалённое пятно (с остатками торфа) с многочисленными вкраплениями мелких жжёных костей и погребального инвентаря со следами сильного огня – курган № 40.

Кенотафы (2 погребения). Они небольшого размера – до 70 см в длину, неглубокие, подпрямоугольной формы, с несколькими фрагментами керамики в заполнении, без следов внутримогильного устройства и костей. Кенотафы входили в единый ряд с другими могилами.

Таким образом, могильник Монастырка-3 содержит все этапы развития обряда кремации – от сжиганий в могиле до сжиганий на месте. Это единственный на Дальнем Востоке памятник, позволяющий проследить эволюцию данного способа захоронения. В Приамурье в культуре амурских чжурчжэней также прослеживается эволюция, но на разных памятниках.

Обратим внимание, что некрополь Монастырка-3 позволяет фиксировать смену погребального обряда в найфельдской группе мохэской культуры. Новый обряд в виде кремаций, каменных забутовок и тюркских поясов указывает на его тюркское происхождение.

Троицкая группа. Представлена одним типом могильников – (грунтовым (Троицкий – Приамурье; Рощинский, Новопокровский – Приморье) (Деревянко 1977; Дьякова 1998: 36–37). Могильники расположены вблизи реки, содержат подпрямоугольные и овальные могильные ямы, часто перекрытые настилом; представлены четырьмя типами гробов – ящик без дна, но с крышкой; рамой-обкладкой с дном; срубом; доской-подкладкой; тремя способами захоронений – ингумациями с положением покойного на спине с согнутыми в коленях ногами при многовариантном расположении рук и ориентировке головой на северо-запад; вторичными захоронениями и кремациями; двухвариантным разложением костров – в могиле и на могиле; следами тризны; использованием лошади в качестве жертвенного животного; погребальной пищей типа каши, помещенной в «типично мохэский сосуд»; преднамеренной порчей погребальных вещей.

Таким образом, в число диагностичных для культуры признаков, встречающихся на мохэских памятниках, можно включить: керамику мохэского типа (лепную); комбинированные серьги; бляхи амурского типа; жилища двух типов конструкций: полуземлянки и наземные дома с каном и выходом через дверь; погребальный обряд указанной характеристики. Аборигенными признаками, несущими этническую информацию, следует считать: **типично мохэские сосуды, комбинированные серьги, пояс амурского типа.**

Культура, локальные группы, общность

Археологические признаки мохэской культуры впервые были отмечены А. П. Окладниковым в 1954 г. вначале по материалам городища на «Чудейском утесе», расположенном у дер. Луженки на Верхнем Амуре, где исследователь, обнаружив в шурфе «характерную керамику амурского типа», заключил следующее «...устанавливается, что в I тыс. н. э. какие-то из амурских мо-

хэских племен... распространяются вверх по Шилке» (Окладников А. П. Археологические работы на Дальнем Востоке в 1954 г.). А затем, уже в 1955 г. первоначально в отчете, а позднее в монографии предложил описание основных признаков культуры. Он писал «К узци или раннемохэским племенам, следует, по-видимому, отнести поселения того времени, когда в Приморском крае и на Амуре впервые широко распространяется производство железа из местных руд и начинается железный век в настоящем смысле этого слова» (Окладников 1959: 182). Далее, он отметил целостность и строгую выдержанность облика комплекса находок, в первую очередь, «типично мохэскую» керамику лепной выделки вазовидной или горшковидной формы с налепным валиком-карнизиком под венчиком, а затем жилища-полуземлянки квадратной в плане формы. Несколько позднее, уже в 1959 г. по материалам могильника Найфельд, был охарактеризован грунтовый тип могильника со вторичными погребениями (Окладников 1959: 184; Окладников, Деревянко 1966: 243–259).

В конце 60-х гг. – середине 70-х гг. прошлого века весь известный к тому времени материал мохэской культуры Среднего Приамурья систематизировала Е. И. Деревянко, опубликовавшая несколько монографий и охарактеризовавшая весь набор инвентаря, куда вошли – сосуды мохэского типа, наконечники копий, сабли, наконечники стрел – трехлопастные, плоские черешковые, бронебойные, ножи, накладные бляшки, наременные наконечники, детали снаряжения коня, украшения – каменные, металлические, стеклянные бусы круглой, бочковидной, эллипсовидной, цилиндрической, сегментовидной форм, серьги – простые проволочные и комбинированные (проволочное кольцо с нефритовым диском), наборные браслеты (Деревянко 1975; 1977). Согласно наблюдениям Е. И. Деревянко, большинство металлических изделий по своему типовому составу соответствует вещам, широко распространенным в культурах Евразии в тюркское и послетюркское время. В состав единой мохэской культуры она включила 27 памятников Среднего Приамурья (писаницы – Сикачи-Алян, городища – Семиозерки, Сазанка, Белая, Сергеевское, Гоголевское, Михайловское, поселения – Семиозерки, Гармакан, Поярковское, Черемхово, Ураловка, Падь Калашникова, Грязнушка, Падь Степаниха, Осинное Озеро, Топкоча, Димское,

Михайловское,могильники – Дубовая релка, Троицкий,Найфельд, Кочковатка, Завитинский, Марковский, Новопетровский). Этой же исследовательницей была очерчена география культуры, распространявшаяся на Верхнее, Среднее, Нижнее Приамурье и Приморье (Деревянко 1975).

С начала 70-х гг. и до 1984 г. автором данной работы были выделены и разработаны локальные и локально-хронологические группы памятников для Приамурья.

Приамурье

На основании различий в наборе форм и декора посуды мохэского типа данная культура делится на пять локальных групп: благословеннинскую, найфельдскую, михайловскую, гладковскую, троицкую. География этих локальных групп сосредоточена по наиболее крупным притокам Амура – Зее, Бурее, Архаре, Бире, Биджану, Уссури.

Благословеннинская группа. Локализуется в пойме Биры, Биджана, Самарки, Икура (левые притоки среднего течения Амура, Еврейская автономная область). Она наиболее ранняя. По С¹⁴ и аналогиям датируется IV в. н. э. Памятники немногочисленны. Материал представлен лепными типично мохэскими вазами и горшками, отличительной особенностью которых является прочерченный и гребенчатый декор; а также керамикой, доработанной на круге, имеющей воронковидно расширяющуюся горловину и содержащей черты посуды польцовской культуры. Данная группа характеризуется традициями мохэской и польцовской культур, что объясняется непосредственным контактом их носителей.

Найфельдская группа. Занимает ту же территорию, что и благословеннинокая, постепенно распространяясь в сторону низовий Амура (Сакачи-Алнн и др.) и в Приморье. По аналогиям (керамика и металл) общая датировка группы предлагается в пределах IV–IX вв. С. П. Нестеров, на основании анализа по С¹⁴, удревнил могильник Найфельд, датировав его I–III вв. н. э. (Деревянко, Богданов, Нестеров 1999: 32–57). Более древняя дата не выдерживает перекрестной археологической датировки. Поскольку в могиле № 9, датированной по С¹⁴, в комплексе

содержатся прямоугольные бронзовые поясные пряжки амурского типа, характерные для культуры амурских чжурчжэней и ранее VI–VII вв. не встречающиеся. Ранний возраст памятника также не подтверждается и другим археологическим материалом: рисованными имитациями дольчатых сосудов на лепной посуде и набором форм типично мохэских сосудов.

Керамика найфельдской группы характеризуется теми же признаками, что и в благословеннинской, но представляет следующий этап развития. Польцовские традиции проявляются в керамике, доработанной на круге, мохэские – в лепных типично мохэских вазах и горшках с прочерченным и гребенчатым декором.

Михайловская группа. Концентрируется по Буре и Архаре (Амурская область, левые притоки среднего течения Среднего Амура). В последние годы несколько памятников такого типа обследовано С. П. Нестеровым. Предварительно памятники датируются от рубежа нашей эры до VII в. н. э. Керамика составляет 97–99% от всех находок, имеет ряд специфических особенностей в форме, декоре и размерах, что позволило нам считать её лишь условно мохэской. Вазы характеризуются выделенной шейкой, почти сферическим туловом и чуть уплощенным дном. Горшки имеют яйцевидное тулово, широкое, чуть вывернутое наружу горло. Декорированы обе формы сосудов крупным ложнотекстильным орнаментом и наклепными валиками или лентами под венчиком, а также по стыку шейки с туловом. Высота изделий достигает 40 см. В орнаментике содержатся четы урильской культуры. Можно согласиться с выделением С. П. Нестеровым михайловской группы памятников в самостоятельную культуру, происхождение и развитие которой ещё необходимо изучить.

Гладковская группа. Памятники зафиксированы в верховьях р. Зея (горно-таежный район Амурской области, левый приток Амура). Особенность группы проявляется в наличии только лепной керамики – банок и ваз, форма которых напоминает «типично мохэские», но отличается пропорциями построения тулова и формой налепного валика под венчиком (карнизик исчезает, появляется массивный и округлый валик). Тулово покрыто небрежно нанесенным ложнотекстильным декором. Валика в районе шейки и тулова нет. Датировочных материалов не обна-

ружено. С. П. Нестеров отнес эту группу памятников к троицкой. Вряд ли это так, поскольку материалы двух поселений – гладковского и гармаканского, – раскопанные и опубликованные А. П. Окладниковым, А. П. Деревянко и В. Асеевым, троицких признаков не содержат. Вероятно, со временем гладковская группа памятников будет выделена в самостоятельную культуру, степень родственности которой с мохэской культурой, а следовательно, с тунгусо-маньчжурами ещё необходимо установить.

Троицкая группа. Самая поздняя по времени существования. По монетам, C^{14} и металлическим вещам памятники могут быть датированы VII–XII–XIII вв. (Осиновое озеро – монеты VIII в., Ураловка – монеты XII в., Троицкий могильник – металлические изделия VIII–XII вв.) (Деревянко 1975: 103; 1977).

Территория распространения памятников троицкой группы связана преимущественно с бассейном р. Зея, с нижним и средним ее течениями. Признаком данной группы является наличие в комплексах ваз, горшков, банок мохэского типа с наlepным валиком под венчиком с гладкими или покрытыми ложнотекстильным декором стенками, часто наlepным валиком в районе плечиков. Второй особенностью группы является присутствие в некоторых комплексах (Ураловка, Екатериновка, Троицкий могильник, Грязнуха, Безымянное озеро) круговой сероглиняной керамики со штампованным и дольчатый декором, вазовидной, горшковидной, кувшиновидной и корчаговидной форм (Дьякова 1984: 72–76).

Таким образом, можно считать, что реально в **Приамурье** существовала **три локальных группы мохэской культуры: троицкая, благословеннинская, найфельдская**, которые входили в мохэскую культурно-историческую общность.

Приморье

В Приморье из пяти-локальных и локально-хронологических групп мохэской культуры отчетливо проявляются три: благословеннинская, найфельдская, троицкая. В отличие от Приамурья, где географические ареалы локальных групп приурочены к Амуру и его притокам, в Приморье четкой системы расселения выявить пока не удалось. Это могло быть связано как с осо-

бенностями течения рек в регионе, являвшихся естественными водными магистралями, так и ареалами расселения аборигенных племен, проживавших издавна на этих территориях и далеко не всегда желавших добровольно уступать свои земли. Особенно, хорошо это заметно по составу инвентаря в могильных комплексах монастырского некрополя, где доля предметов вооружения достаточно велика.

Благословеннинская группа. При наложении комплексов этой группы на карту обнаруживается, что памятники Приморья являются естественным продолжением поселений Приамурья и Маньчжурии, образуя единую зону, охватывающую левые и правые притоки Среднего Амура, а также Ханкайскую низменность и северо-восточные отроги Сихотэ-Алиня (Куркуниха, городище на мысе Теплом). Перекрестная датировка (С¹⁴ и аналогии) позволяет отнести их к IV в. н. э.

Найфельдская группа. Памятники этого типа группируются в южной части Приморья (бухта Троица), занимают континентальные районы Приханкайской низменности, а также тянутся по побережью вдоль восточных склонов Сихотэ-Алиня вплоть до залива Рында, попадая, по образному выражению В. И. Дьякова, в «сихотэ-алиньский каменный мешок». Время существования найфельдской группы определяется в пределах V–XI–XII вв. Географический ареал памятников этой группы значительно шире благословеннинских. Он охватывает Маньчжурию, Средний и Нижний Амур, Приморье.

Троицкая группа. Ареал распространения памятников троцкого типа самый обширный из всех групп. Он охватывает нижнее и среднее течение р. Зеи, нижнее течение Амура, устье р. Коппи, южные, центральные и северные районы Приморья, Маньчжурию. Ранние памятники троцкого типа на территории Приморья и Приамурья пока неизвестны. Время существования группы определяется в пределах VI–XIII вв. н. э.

Корреляция аборигенных признаков мохэской, бохайской, чжурчжэньских (амурской, приморской) культур и этнографических тунгусо-маньчжуров (нанайцев)

Начиная с 50-х годов XX столетия и до настоящего времени археологи-медиевисты Приамурья работают в рамках двух культур: мохэской и амурских чжурчжэней (покровской). Обе культуры получили названия по конкретным средневековым этносам: племенам мохэ и чжурчжэням, которые, согласно нарративным источникам, занимали часть Приамурья.

Время существования мохэской культуры было определено в пределах IV–X вв. Культура амурских чжурчжэней датирована VII–XII–XIII вв.

Трудами исследователей, сначала А. П. Окладникова и В. Е. Медведева, а затем Е. И. Деревянко и О. В. Дьяковой, выявлено генетическое родство названных культур, которое особенно становится очевидным при сравнении лепной керамики, известной в литературе как «типично мохэская».

Согласно данным, извлеченным М. В. Воробьевым из летописей, мохэсцы упоминаются последний раз в XII в., а наименование чжурчжэнь фигурирует в хрониках с VI–VII вв. Там же отмечено, что мохэ и чжурчжэни являются звеньями одной генеалогической цепи.

Казалось бы, в данном случае наблюдается редкий альянс археологических и письменных факторов. Но археологическими исследованиями установлено, что мохэская культура сама по себе неоднозначна и распадается на пять локальных вариантов, отличающихся территориально, хронологически и материально, происхождение и формирование которых обусловлено разными причинами. Поэтому неизбежно встают вопросы: наследниками какой группы мохэской культуры стали амурские чжурчжэни и каковы критерии отделения мохэских памятников от чжурчжэньских?

Прежде, чем попытаться ответить на поставленные вопросы, уточним: что принято понимать под археологической культурой, а затем определим признаки, характеризующие «лицо» культуры амурских чжурчжэней и сопоставим с материалами локальных мохэских групп.

Основные требования, на наш взгляд, предъявляемые к выделению археологической культуры, сконцентрированы в следующем определении: археологическая культура – это группа памятников, «... занимающих сплошную территорию... границы которой могут меняться, и обладающих объективно существующим сходством материальных и нематериальных признаков, образующих сложную, внутренне связанную систему, единообразно изменяющуюся во времени и ограниченно варьирующуюся в пространстве, существенно отличающуюся от аналогичного типа систем, характеризующих другие культуры».

Следовательно, нам необходимо установить территории обитания носителей культуры амурских чжурчжэней, типична признаки лепной керамики, состав круговой посуды, характеристику погребального обряда, приемы домостроительства.

Итак, согласно современным данным, памятники амурских чжурчжэней прослеживаются вдоль обоих берегов Амура от Сунгари, включая ее бассейн, до озера Болонь. Основная концентрация памятников культуры приходится на районы, прилегающие к г. Хабаровску, что связано, видимо, не столько с действительным отражением фактов, сколько с большей степенью изученности этого региона.

Главным признаком, по которому узнают культуру амурских чжурчжэней, является сочетание «типично мохэского сосуда», в одном комплексе с круговой сероглиняной керамикой. Сравнительный анализ материалов Корсаковского, Назаичевского, Надеждинского, Болоньского, Смидовичского могильников (раскопки В. Е. Медведева), а также могильников Тезино озеро, Грязнуха, Луданникова сопка, Пемзенская протока (раскопки Ю. М. Васильева) и др. позволяет заключить, что «типично мохэские» лепные сосуды представлены в них горшками, банками, реже вазами, для которых характерен наlepной валик под венчиком в виде карнизика или подтреугольной в сечении формы, неорнаментированные или покрытые ложнотекстильными отисками стенки, выпуклый декор в виде наlepного валика в районе плечиков. (Только на памятнике Грязнуха есть «типично мохэский сосуд», украшенный не традиционным способом – в районе плечиков у него нанесены горизонтальные ряды отисков гребенчатого штампа.) Круговая сероглиняная керамика содер-

жит горшки, вазы, кувшины, корчаги, орнаментированные преимущественно штампованными узорами, а также дольчатые сосуды разных форм, но часто с узкой горловиной и чашевидным устьем.

Погребальный обряд представлен двумя типами могильников – грунтовым и курганным, всегда расположенными вблизи рек; могильными ямами подпрямоугольной, овальной и трапециевидной форм, во многих случаях перекрытых настилом; пятью типами гробов – ящиком, рамой-обкладкой, комбинированным, срубом, доской-подкладкой; четырьмя способами захоронений – ингумациями с традиционной позой на спине, согнутыми в коленях ногами, различным положением рук и головой, ориентированной в сторону захода солнца; вторичными; кремациями; кенотафами; двухвариантным разложением костров – в могиле и на могиле; почитанием лошади в качестве жертвенного животного; погребальной пищей типа каши, помещенной в мохэский сосуд; обязательной порчей погребальных вещей; следами тризн.

Жилища амурских чжурчжэней характеризуются каркасно-столбовыми полуземлянками с прямоугольным в плане котлованом, четырьмя опорными столбами, образующими в центре постройки прямоугольник, прямоугольным очагом, укрепленным по периметру галькой; выходом наружу через дверь в восточной стенке по специально сделанным ступеням (поселение Анной-Половинка-1 (раскопки Ю. М. Васильева) и полуподземными прямоугольными в плане домами (иногда наземными) с принципиально отличной от предыдущего типа отопительной системой – П-образным каном (памятник Большой Дурал).

Из приведенных характеристик становится очевидным, что благословеннинская и найфельдская группы мохэской культуры находятся в одной географической зоне с памятниками амурских чжурчжэней. Если сопоставить время их существования, то выходит, что найфельдцы и амурские чжурчжэни жили рядом друг с другом (некоторые памятники отделены всего лишь несколькими километрами) не менее 100 лет.

Сравнение основных параметров культуры найфельдцев и амурских чжурчжэней показывает, что они совпадают в главном: в домостроительных приемах, погребальном обряде (включая 2

типа могильников), в наличии лепной «типично мохэской» посуды, поясов амурского типа. Отличаются же они друг от друга теми же самыми признаками, что найфельдцы и троицкая группа. В первую очередь, декором на «типично мохэских» сосудах. У амурских чжурчжэней это банки и горшки с гладкими или покрытыми ложнотекстильными оттисками стенками и наlepным валиком в районе плечиков, у найфельдцев – вазы, реже горшки о прочерченным или гребенчатым декором в той же зоне. Во-вторых, набором форм – вазы, горшки и у найфельдцев, горшки, банки, редко вазы у амурских чжурчжэней. В-третьих, у амурских чжурчжэней широкий ассортимент гончарной сероглиняной посуды, в то время как у найфельдцев только доработанная на круге посуда с польцовскими традициями.

Сказанное позволяет заключить, что благословеннинская и найфельдская группы мохэской культуры родственны амурским чжурчжэням, но не являлись для них истоком, а имели параллельное развитие.

Следующая группа памятников мохэской культуры – **гладковская**. Ее поселения расположены в верхнем течение реки Зеи в горно-таежном районе (Гармакан, Гладковский Бугор). Особенностью гладковской керамики является то, что она только лепная и представлена банками и горшками, напоминающими по форме «типично мохэские», но отличающимися от них иными пропорциями в построении сосудов, другими формами наlepных валиков под венчиками, а также покрытием ложнотекстильными отпечатками всего тулова, более крупными и небрежными, чем у амурских чжурчжэней. Нет у гладковских сосудов и наlepных валиков в районе плечиков.

Жилища гладковцев представлены однокамерными полуземлянками, котлованы которых в плане имеют четырехугольный абрис, с неукрепленным подпрямоугольным очагом, нарами вдоль стен и выходом наружу через южную стенку.

Могильники гладковцев пока не обнаружены.

Приведенные факты показывают, что гладковцы и амурские чжурчжэни занимали разные географические зоны, и материальная, культура которых имела значительное различие, в частности, в оформлении «типично мохэского» сосуда – в орнаментации, пропорциях, наlepном валике под венчиком, а также в

приемах домостроительства – у гладковцев не обнаружены наземные дома с канами. В настоящее время нельзя определить временное соотношение гладковцев и амурских чжурчжэней, так как памятники гладковской группы не получили пока аргументированной датировки и отнесены предварительно к I тыс. н. э.

Таким образом, мы не можем исключать в прошлом общего истока для гладковцев и амурских чжурчжэней, но безусловным является то, что их дальнейшее формирование и развитие происходило параллельно и достаточно независимо друг от друга.

И, наконец, троицкая группа памятников мохэской культуры.

Сопоставление признаков троицкой группы мохэской культуры и амурских чжурчжэней позволяет говорить, что принципиальных различий, дающих возможность разделять их на две самостоятельные культуры, нет. По основным аборигенным признакам они идентичны – типично мохэскому сосуду, комбинированным серьгам, амурскому типу пояса. Различия носят преимущественно хронологический и частный характер. Рассмотрим их. На первый взгляд, создается впечатление, что памятники троицкой группы мохэ и амурских чжурчжэней располагаются в разных, не связанных между собой, географических зонах. Так, троицкая группа локализуется в среднем и нижнем течении реки Зеи, а также в западной части Среднего Приамурья (до Царь Горы). Амурские же чжурчжэни расселились по Сунгари, Нонни, по Амуру в среднем и нижнем течении. Однако при раскладке памятников на карте оказываемся, что они образуют единую непрерывную зону. Причем, видимо, эта огромная территория осваивалась постепенно. Наиболее ранние памятники известны на Зее и в Среднем Приамурье. Естественно, что носители троицкой традиции мохэ пришли не на пустые земли. Безусловно, им пришлось сосуществовать с еще одной мохэской группой – найфельдской, памятники которой известны на этой территории с IV в. н. э. Однако характер их контакта пока не ясен.

Основным различием памятников мохэ с троицкой традицией и амурских чжурчжэней является неполное совпадение набора ремесленных вещей. В троицкой группе памятников набор беднее, нежели у амурских чжурчжэней, но лепная «типично мохэская» керамика троицкого облика обязательно присутствует на всех памятниках как мохэ троицкой группы, так и амурских

чжурчжэней, отличаясь едиными тенденциями в развитии во времени и пространстве. Состав ремесленной продукции большей частью зависел от торгово-политико-экономического положения конкретной группы населения аборигенов в системе средневековых государств Дальнего Востока. Следовательно, в случае с троицкой группой мохэ и культурой амурских чжурчжэней логичнее говорить о *троицком варианте мохэской культуры в эпохи Бохая, Ляо, Цзинь*, т. к. это *одна и та же культура, развивавшаяся во времени и пространстве, подчинявшаяся одним и тем же закономерностям и отмеченная едиными эпохальными вехами*.

Происхождение троицкой группы. Ни в Приамурье, ни в Приморье в культурах железного века, предшествовавших мохэской по времени, нет прототипов или близких аналогов из блока аборигенных признаков – «типично мохэских» сосудов, амурских поясов, комбинированных серег. Истоки одного из этих признаков – «типично мохэского сосуда» обнаруживаются на памятниках ранних сяньби Чжалайноэр во Внутренней Монголии, датированном поздним периодом Восточной Хань (I–III вв. н. э.), где они представлены репликами глиняных котлов на колоколовидных поддонах. Развитие этого типа сосудов (котел – ваза-горшок-банка) заняло во времени более 1200 лет. Его формирование происходило на обширной территории – Внутренняя Монголия – Маньчжурия – Приморье – Приамурье, с отдельными выплесками на Хоккайдо. Развитие данной формы сосудов происходило внутри мохэской, чжурчжэньской (амурской), бохайской культур, образующих мохэскую культурно-историческую общность.

Бохайская культура

Комплекс аборигенных признаков мохэской культуры: «типично мохэский сосуд», амурский тип пояса и комбинированные серьги характерны и для многих бохайских памятников, что указывает на их генетическую связь, позволяющую включать их в мохэскую (тунгусо-маньчжурскую) культурно-историческую общность.

Мохэсцы и приморские чжурчжэни

В культуре Приморских чжурчжэней сохраняется только один аборигенный признак мохэской культуры – пояс амурского типа с железными бляхами, указывающий на генетическую связь этих культур, хотя в целом культура приморских чжурчжэней периода государства Восточная Ся, имела явно колониетский характер.

Мохэ и этнографические тунгусо-маньчжуры (гольды)

Единый ареал расселения носителей мохэской общности и аборигенного населения юга Дальнего Востока в этнографическое и настоящее время делают неизбежным участие мохэсцев в формировании многих малочисленных народов региона. Пока мохэский этнический признак прослеживается у нанайцев.

По свидетельству И. А. Лопатина, у гольдов основным типом серег являются комбинированные серьги, повторяющие мохэские.

Таким образом, археологический материал позволяет проследить генетическое развитие тунгусо-маньчжурских культур от эпохи средневековья до этнографической современности.

Корреляция аборигенных (этнических) признаков мохэской, бохайской, чжурчжэньских культур и нанайцев:

культура	типично мохэский сосуд	амурский пояс		комбинир. серьги
		бронз.	жел.	
мохэская	+	+		+
бохайская	+	+		
амурских чжурчжэней	+	+		+
приморских чжурчжэней	–		+	–
нанайцев	–			+

Литература

- Андреева отчет – Андреева Ж. В. Отчет об археологических исследованиях в бухте Троица Хасанского района // Архив ИА РАН. Р-1. № 7635.
- Деревянко, Богданов, Нестеров 1999 – Деревянко А. П., Богданов Е. С., Нестеров С. П. Могильник Найфельд. Новосибирск, 1999. С. 32–57.
- Деревянко 1975 – Деревянко Е. И. Мохэские памятники Среднего Амура. Новосибирск: Наука, 1975.

- Деревянко 1977 – Деревянко Е. И. Троицкий могильник. Новосибирск.
- Дьякова 1980 – Дьякова О. В. О соотношении культур эпохи средневековья на Дальнем Востоке СССР (к постановке проблемы) // Проблемы археологии и этнографии Сибири и Центральной Азии. Иркутск, 1980.
- Дьякова 1984 – Дьякова О. В. Раннесредневековая керамика как исторический источник. М.: Наука, 1984. С. 72–76.
- Дьякова 1985 – Дьякова О. В. О двух культурных пластах на юге Дальнего Востока СССР в конце I – начале II тысячелетия н. э. // Арсеньевские чтения. Уссурийск, 1985. С. 100.
- Дьякова 1991 – Дьякова О. В. Об особенностях исследования средневековых культур // Керамика как исторический источник. Свердловск; Куйбышев, 1991. С. 44–47.
- Дьякова 1993 – Дьякова О. В. Происхождение, формирование и развитие средневековых культур Дальнего Востока. Владивосток. Дальнаука, 1993. Ч. 1. С. 31–32.
- Дьякова 1998 – Дьякова О. В. Мохэские памятники Приморья. Владивосток: Дальнаука, 1998.
- Дьякова, Глинский 1983 – Дьякова О. В., Глинский С. В. Поселение на Гладковском Бугре в верхнем течении реки Зейя // Материалы по древней и средневековой археологии Юга Дальнего Востока СССР и смежных территорий. Владивосток, 1983. С. 134–140.
- Дьякова, Шавкунов 1975 – Дьякова О. В., Шавкунов Э. В. Новый памятник железного века на Нижнем Амуре – городище Сикачи-Алян // СА. 1975. № 3. С. 158–170.
- Нестеров 2000 – Нестеров С. П. Древности Буреи. Новосибирск, 2000.
- Окладников 1959 – Окладников А. П. Далекое прошлое Приморья. Владивосток. 1959.
- Окладников 1965 – Окладников А. П. Лики древнего Амура. Новосибирск, 1968. С. 80–116.
- Окладников, Деревянко 1966 – Окладников А. П., Деревянко А. П. Мохэский могильник в пос. Найфельд Еврейской автономной области. Сибирский археологический сборник. Новосибирск, 1966. С. 243–259.
- Окладников, Деревянко, Асеев 1973 – Окладников А. П., Деревянко А. П., Асеев И. В. О раскопках в зоне затопления Зейской ГЭС в 1969 г. / Материалы по археологии Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1973. Ч. 2. С. 224–258.
- Плетнева 1967 – Плетнева С. А. От кочевий к городам. М.: Наука, 1967.
- Сапунов, Зайцев 1990 – Сапунов Б. С., Зайцев Н. Н. Средневековое городище у оз. Утесное...// Проблемы краеведения Дальнего Востока и сопредельных территорий. Благовещенск, 1990. С. 45–48.
- Сапунов, Зайцев 1995 – Сапунов Б. С., Зайцев Н. Н. Средневековые городища Амурской области // Проблемы этнокультурной истории Дальнего Востока и сопредельных территорий. Благовещенск, 1993. С. 112–115.

А. В. Жугра

ГЛАГОЛЫ РЕЧИ КАК СТИЛЕОБРАЗУЮЩЕЕ СРЕДСТВО В ЯЗЫКЕ АЛБАНСКОГО ЭПОСА

Язык албанского эпоса уже привлекал к себе внимание исследователей. Затрагивались такие явления эпического языка, как элементы старой именной и глагольной флексии, древние элементы в области лексики, представленная в песнях народная фразеология – приветствия, поздравления, проклятия, формульные сочетания, средства, создающие приподнятый и торжественный стиль этих песен (соответствующие обороты речи и грамматические структуры).

В настоящей статье предлагается анализ глаголов речи, используемых в текстах героических албанских песен и участвующих в немалой степени в создании высокого и сурового их стиля.

Глаголы речи представлены в текстах албанских героических песен довольно широко, – как по разнообразию составляющих эту группу лексем, так и по частотности употребления некоторых из них. Почти все глаголы этой группы, но также и некоторых других групп, используются как ремарки, т. е. для введения прямой речи. Количественно прямая речь (монологи и диалоги, реплики, приветствия и т. п.) занимает немалый объем песен. Это и понятно, ибо эпические герои не только совершают подвиги, но и вступают в диалоги друг с другом или с противником, произносят клятвы и оставляют заветы, призывают на помощь зан – мифические существа, ведут беседы в собраниях мужей.

Всего в сборнике зафиксировано свыше 40 глаголов и устойчивых сочетаний, входящих в лексико-семантическую группу глаголов речи. Это, прежде всего, глагол *flas* ‘говорить’, выступающий в общеалбанском языке в качестве архилексемы данной группы и используемый для толкования других глаголов речи, и глагол *them* ‘говорить, сказать’. Представлены также глаголы,

содержащие сему «сообщить что-либо», – *kallxoj*, глаголы речевого контакта – *pyes* ‘спрашивать’, *përgjigjem* ‘отвечать’, глаголы императивной семантики – *lutem* ‘просить, умолять’, *porosit* ‘просить’ и др. Ниже предлагается анализ трех групп глаголов речи, которые часто используются для введения прямой речи.

Первая небольшая группа глаголов содержит сему, характеризующую внешнюю сторону речи и указывающую на ее громкость. Это глаголы: *bërtas* ‘кричать’, *thërres* ‘кричать, звать’, *vikas* ‘кричать, звать’, *piskat (piskas)* ‘испускать громкий и сильный крик, кричать’. – *Aman Zot, more i lumi zot, / sa t'madhe djali po bërtet, / sa t'madhe gjogu po pisket* (11: 111–113)¹ ‘О господи, о боже, / как сильно юноша кричит, / как громко конь выпускает крик’; *T'madhe britka qaj Sokol Halili: / – Me u çue burra! Ka marrë dielli dhenë!* (6: 111–112) ‘Громко закричал Соколя Халили: / – Поднимайтесь, мужи! Солнце уже взошло!'; *E ka shti xhezmen në zjarm, / nuses s'vet t'madhe te i ka thirrë: / – Shpejt në sobë, moj nuse, mue me m'ardhë!* (22: 16–18) ‘Поставил джезве на огонь, / старшей невестке громко крикнул: / – Быстро в комнату ко мне прийти!'

Эта характеристика «громкости речи» усиливается часто употреблением при этих глаголах лексемы *të madhe*, подчеркивающей высшую степень проявления признака.

Элемент *të madhe*, в текстах песен часто *t'madhe*, представляет собой субстантивированное прилагательное *i madh* ‘большой, великий’. Сочетаясь с глаголами определенной семантики, он означает высокую степень проявления какого-то качества, заключенного в семантике этих глаголов. В литературном языке этот элемент выступает часто с предлогом *me* ‘с’: *qeshi me të madhe* ‘засмеялся громко’, *e theksoi me të madhe* ‘он с силой подчеркнул это’.

В текстах героических песен лексема *t'madhe* выступает без предлога. В таком употреблении *t'madhe* становится в один ряд с другими именами существительными, выступающими для выражения суперлатива (Жугра 2001). Как правило, глаголы речи, содержащие сему «громкость», выступают в языке эпоса в

¹ Примеры цитируются по изданию: *Folklor shqiptar II. Epika legjendare*. Tiranë, 1966. При ссылке здесь и далее в скобках указываются номер песни и номера стихов.

сочетании с данной лексемой *t'madhe*. *Nanës të madhe i ka thirrë: / – Eja më ndihmo gjogun me lidhë!* (86: 299–300) ‘Матери громко он крикнул: / – Иди помоги мне коня привязать!’; *të madhe harapi i kish britë* (59: 65) ‘громко арап ему крикнул’; *edhe zanës të madhe i ka vikatë* (90: 143) ‘’.

Аналогично и с глаголами, обозначающими различные действия, сопровождающиеся проявлением каких-либо звуков или шумов: *смеяться, вздыхать, ржать* и др. *Muja në burg kur ka hi / dhe Halilin aty e ka gjetë / të madhe Muja paska qeshë* (86: 108–110) ‘Муйо в темницу когда вошел, / и Халилия здесь нашел, / громко Муйо рассмеялся’; *Të madhe plaka atherë ka fsha* (12: 360) ‘Громко старуха тогда вздохнула’; *E sa t'madhe gjogu ka hingllue, / t'gjithë Jutbinën gjogu ma ka shurdhue!* (18: 104–105) ‘И как громко конь заржал, / всю Ютбину конь оглушил’.

Вторую группу глаголов, вводящих прямую речь, составляют глаголы с сильной эмоциональной окраской. Наиболее частотным здесь является составной глагол *bëj be* ‘клясться, божиться’ (букв. «делать клятву»), который используется не столько для произнесения клятв, сколько для выражения эмоционального отношения говорящего к объекту речи и к собеседнику. Слово *be* ‘клятва’ толкуется в словаре как «утверждение или отрицание истинности чего-либо с упоминанием человека или вещи, которую считаем святой или дорогой» (Fjalor).

Вводящий прямую речь глагол *bëj be* указывает на то, что говорящий совершенно уверен, полностью убежден в своих словах, что он клянется в истинности произносимого. Вот пример, где *bëj be* вводит утверждение: *Be në zotin prap krajlit i ka ba: / – Ç'se kam le, ma t'bukur nuk kam pa!* (13: 127–128) ‘Снова богом он кралю поклялся: /– С тех пор как родился, никого красивее я не видал!’. Герой утверждает некоторое положение, но как он это утверждает! Это не просто констатация, это сильное и эмоционально окрашенное утверждение, настойчивое уверение.

Здесь важно и само содержание прямой речи – в ней дано утверждение высшего, абсолютного качества красоты. Для того чтобы собеседник в это поверил, говорящему приходится клясться, призывать на помощь высшие существа.

Данный глагол может вводить также прямую речь, содержащую просьбу или мольбу о чем-либо. *Ve në zotin Mujit m'i ka ba: / – Aman, Mujo, djalin ç'ma ke ba?* (31: 23–24) 'Она богом Муйо заклинала: / – Умоляю, Муйо, с сыном моим что ты сделал?'; *Ve më zotin Ymeri ka ba: / – Babë e migjë me më kallxue ku i kam* (101: 112–113) 'Богом заклинал ее Омер: / – Где отец и дядя мои, расскажи'. Как показывает материал, в языке эпоса глагол *bëj be* часто имеет значение 'заклинать', т. е. «настойчиво убеждать кого-либо в чем-либо».

Глагол *bëj be* подчеркивает искренность позиции говорящего, когда ему приходится признаться в чем-то невероятном: *ja ka thanë nusja nja dy tri fjalë, / ja ka thanë nusja e i ka ba be: / – N'daç, Ali, me m'vra e me m'pre, / mik sot nji javë ktu tue m'ke pasë* (10: 255–258) 'сказала ему невеста несколько слов, / сказала ему невеста и поклялась: / – Если хочешь, Али, убей меня и зарежь, / я была гостем у тебя неделю назад'.

Еще одним эмоционально окрашенным глаголом этой группы выступает глагол *ngërmohet* 'говорить с кем-либо резко, сердито или с угрозой'. Как можно было и предполагать, *ngërmohet* употребляется в ситуациях, когда герой вызывает противника на поединок: *Të madhe Muja ju ka ngermie: / – Po ku je, he shka, he zoti të vraftë!* (62: 202–203) 'Громко и грозно Муйо к нему обратился: / – Да где же ты, шка, разрази тебя бог!'

Близким исходной семантике этого глагола является его употребление для выражения упрека, в ряде случаев с угрозой наказания. Вот ситуация, когда юный Омер узнает от посторонних всю правду о своих отце и дяде, томящихся в темнице. Он рассержен и возмущен молчанием матери, скрывавшей это от него. Не зная правды, он ничего не сделал для их освобождения и тем самым навлек позор на себя перед лицом мужей. ... *nanës së vet iu ka germie: / – Pse, moj nanë, mos me më kallxue?* (98: 98–99) 'к матери своей он грозно обратился: / – Почему же, мама, ты мне не рассказала?' (аналогично в песне 86: 346–348).

Оттенок упрека и недовольства ощутим и в словах мифической заны, обращенных к девушке, которая слишком долго ходила к источнику за водой: *zana të madhe nuses ju ngermie: / – Ku kie, lokjo, e ku m'u ke vonie?* (65: 94–95) 'зана громко невесту спросила: / – Где была ты, голубушка, и где так задержалась?'

Однако общий суровый и строгий стиль героических песен делает возможным употребление этого глагола также и в ситуациях внутрисемейного общения, в диалогах мужа и жены, отца и дочери, в обращениях Муйо к Халилю. В таких случаях данный глагол выражает обычное устное распоряжение, просьбу. Вот герой отдает распоряжение жене снарядить коня (92: 99–100) или подготовить одежду: *Grues së vet Muja i ka thirrë, / grues së vet iu ka gërmue: / – Bjermi teshat per m'u ndrrue!* (98: 14–16) ‘Жену свою Муйо позвал, / жену свою он попросил (букв. «строго сказал»): / – Принеси одежду мне переодеться’; вот король велит дочери принести для испытания пленника трех змей: *Krajli çikës ju ka germue: / – Shpejt tre gjarna, çikë, me i bashkue!* (89: 77–78) ‘Король дочери повелел: / – Быстро трех змей, дочка, сюда!’. Вот Муйо пытается образумить горячего Халиля: *Të madhe Muja iu ka gërmue: / – Zoti të vraftë, ore kopil, / po un jam tue u frigue vetë, / jo ti n'mejdan me i dalë* (61: 252–255) ‘Громко Муйо его увещал: / – Разрази тебя бог, недоносок, / да я сам тут робею, / где уж тебе выходить на поединок’.

В нейтральном контексте глагол показывает, что субъект речи чем-то огорчен или опечален: *tridhetë agë i pa bashkue / e fort djali asht ngushtue, / nanës së vet iu ka ngërmue: / – Po pse ata gjind janë bashkue? / A janë kend tue vorrue, a tue martue?* (86: 212–216) ‘тридцать аггов он увидел собравшихся, / и очень опечалился юноша, / матери своей он грозно сказал: / А зачем собрались эти люди? / Хоронят ли кого, женят ли?’.

Третью группу составляют нейтральные глаголы речи, которые, однако, выступая в составе определенных формульных оборотов, приобретают особые эмоциональные и аспектуальные оттенки.

Отличительной чертой языка эпических песен в целом является частое использование сочетаний двух глаголов. Это могут быть сочетания глаголов сходной семантики, например, двух глаголов движения: *ishte nisë e kishte shkue* ‘отправился и пошел’, двух глаголов речи *kuvendojnë e bisedojnë* ‘разговаривают и беседуют’.

Очень часто такие пары представляют собой сочетания глаголов разных семантических классов, притом, что в качестве пер-

вого компонента обычно выступают глаголы широкой семантики. Для глаголов речи таковыми являются:

marr ‘братъ’ – *grues së vet ka marrë e i ka thanë* (43: 9–10) ‘жене своей взял и сказал’;

nis ‘начинать’ – *Aty gjogu po mërzitet, / ja ka nisë e po pisket, / tue e britë Mujos në vesh* (62: 155–157) ‘Тут конь печалится, / начал и кричит, / в ухо Муйо крича’;

filloj ‘начинать’ – *ka fillue nana e i ka pvetë* (42: 113) ‘начала мама и спрашивает’;

mbet ‘оставаться’ – *met e foli Hysen Gradenica* (63: 61) ‘остался и сказал Хюсен Граденица’, *ka metë Muja e ka folë* (62: 7) ‘остался Муйо и сказал’, *ka mbetë Muja e ka thane* (86: 121) ‘остался Муйо и сказал’;

dredh ‘крутить, петлять’ – *Çika djalit dredhë e i ka thanë* (40: 169) ‘повернуолась девушка к парню и сказала’.

Однако самым частотным в сочетаниях с глаголами речи в эпосе выступает глагол *qet* ‘вынимать’. Он сочетается со многими глаголами речи: *kallxon* ‘рассказывать’, *pyet* ‘спрашивать’, *nam* ‘проклинать’, *flas* ‘говорить’, *thirr* ‘звать’, но чаще всего с глаголом *them* ‘говорить’.

Сочетание *qet* + *e* + *them* предстает в разных временных вариантах. Наиболее распространенным является вариант, когда оба глагола выступают в форме перфекта: *ka qitë e ka thanë* ‘вынул (из себя) и сказал’, менее распространены варианты с аористом: *qiti e tha* ‘вынул и сказал’ и адмиративом одного из глаголов: *paska qitë e ka thanë* ‘оказывается, он вынул и сказал’. Возможны и иные варианты.

Контактная позиция компонентов сочетания может нарушаться вставкой краткого местоимения или имени существительного в дательном падеже, указывающего на адресата речи: *ka qitë Muja e u paska thanë* (18: 6) ‘вынул Муйо (из себя) и сказал им’; *atherë Vuku kështu qiti e tha* (51: 109) ‘тогда Вук так вынул и сказал’; *E ç’ka qitë sherbtori e i thotë?* (75: 104) ‘И что вынул слуга и говорит ему?’; *Atherë qiti gjogu e i ka thanë* (71:61) ‘Тогда вынул конь и сказал ему’.

Выбор глагола *qet* не является здесь случайным. Этот глагол, имеющий в общеалбанском языке весьма богатую семантическую структуру (около 40 значений), широко используется в языке

эпоса, участвуя в оформлении важных эпических ситуаций. Так, например, богатырский конь *flakë të verdhë për gojë qi po qet* ‘желтое пламя изо рта выпускает’, богатырь в поединке *dekun n'tokë balozin e ka qitë* ‘мертвым на землю повергает чудище’, гости едут на свадьбу *pushke tuj qitë* ‘стреляя из ружей’, при встрече гостя ему *bukë e krypë i kanë qitë* ‘хлеб и соль предложили’, снаряжая сына на поединок мать *ja ka qitë shpatën e mejdanit, / ja ka qitë petkat e Halilit* ‘дала ему меч боевой, / дала ему одежды Халиля’. Он сочетается также с именами, входящими (прямо или косвенно) в сферу глаголов речи, такими, как *zë* ‘голос’, *fjalë* ‘слово’, *kushtrim* ‘клич, призыв’, *pleqni* ‘обсуждение какого-либо вопроса на совете старейшин, решение’.

Формулы речи с глаголом *qet* при всей их клишированности сохраняют, тем не менее, некоторый аспектуальный оттенок, оттенок интенсивности и полноты действия, полной его исчерпанности. В качестве типологической параллели представляется возможным указать на семантически сходное явление, связанное с развитием значений русских глаголов с приставкой *из-*. Эта приставка выражает в русском языке крайнюю степень проявления действия, предельную полноту, исчерпанность (Виноградов 421). Для глаголов речи с этой приставкой, таких как: *испросити, изрекати*, в XI–XVII вв. было характерно значение интенсивно-процессного способа действия (Годизова).

Таковы предварительные наблюдения над глаголами речи в языке албанского эпоса. Присущий этому языку суровый и мужественный стиль создается, в том числе, и употреблением соответствующих глаголов речи, содержащих в своем значении эмоционально-экспрессивные оттенки. Албанские эпические герои говорят громким голосом², их речи суровы и резки, и они полны сильных чувств, крайней степени эмоционального переживания.

² Ср. в языке греческого эпоса, где глагольная лексема ἔειπεν ‘сказал’ в плане лексической семантики интерпретируется как «говорить эмоционально, громким голосом, твердо, уверенно» (Славятинская).

Литература

- Виноградов В. В. Русский язык. М., 1972. С. 421.
- Годизова З. И. Развитие интенсивных значений приставки *из-* в русском языке XI–XVII вв. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9: филология, востоковедение, журналистика. Вып. 3 (Ч. II). СПб., 2007. С. 103–111.
- Жугра А. В. К вопросу об адвербиализации существительных в албанском языке («эталонные» имена как показатель суперлатива // Актуальные вопросы балканского языкознания: Международная научная конференция (Санкт-Петербург, 29–30 мая 2001 г.). Тезисы докладов. СПб., Наука, 2001. С. 40–42. (Соавтор: Каминская Л. Н.).
- Славягинская М. Н. Словоформа *ή* ‘(он) говорил, сказал’ в тексте Гомера // Индоевропейское языкознание и классическая филология – XII. Материалы чтений, посвященных памяти профессора Иосифа Моисеевича Тронского 23 –25 июня 2008 г. СПб., Нестор-История, 2008. С. 394–400.
- Fjalor I gjuhës së sotme shqipe. Prishtinë, 1981.

М. В. Зеликов

К ВОПРОСУ О ДИНАМИЧЕСКОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ В ИССЛЕДОВАНИИ ПРОБЛЕМАТИКИ КОНЦЕПТА

Отмечавшееся еще в 30 гг. XX века положение о том, что *идеи* «добра, истины и красоты» являются *прототипами* всех вещей (идей по Платону столько же, сколько общих *понятий*) (здесь и далее – курсив наш – М.З.) (Ковалев 1937: 229–230), является одним из множества прямых свидетельств того, что ничего принципиально и концептуально нового основателям все еще не ушедшей в историю языкознания «новой парадигмы» помимо «новых слов для известных понятий» (Арнольд 2007: 28) создать не удалось. «Явное пренебрежение терминологической этикой», как отмечает Н. Л. Сухачев, является характерной чертой «последних десятилетий в области языкознания, если не в социально-исторической литературе в целом» (Сухачев 2007: 7). «То и дело, – пишет исследователь, – в науке о человеке (!) объ- является «новое направление», вроде «антропологической лингвистики», «лингвокультурологии», «интертекста», ... «гендеризма», «когнитивизма», и вводятся, соответственно, плохо продуманные, если не претенциозные понятия, порой вовсе невообразимые... Исследовательские методы и понятия историко-филологических наук, в угрозу новомодным учениям то и дело переименовываются и подменяются наукообразными этикетками». А между тем, они «оттачивались в серьезной брани умов», а вовсе не ради пресловутых «актуальности и новизны», способных породить разве что доморощенную кухонную перебранку» (там же 7–8).

Как показывает анализ когнитивных работ, посвященных исследованию концептов, то одним из их существенных недостатков является отсутствие фиксации внимания на их динамической составляющей. Конкретный лингво-филологический анализ заменяется констатацией трюизмов. Так, например, при исследовании концепта ПРИНУЖДЕНИЕ в современном английском языке вся

когнитивная терминология направлена на получение тривиального заключения о том, что «принуждение... обеспечивает действия человека вопреки его воле, в интересах принуждающего» (Романова 2008: 9), в то время как филологическая подоплека самого составляющего «воля» остается вне рамок исследования. То же при утверждении о том, что «глагол *to force* выступает прототипом глаголов с семантикой принудительного воздействия» (там же: 12). Связь французского заимствования *force* с мифологемой судьбы как случайности не отмечается¹. То же – при исследовании концептов лингвокультурологии, например, декларирующих цель выявления взаимодействия всех основных антропологических факторов культуры: этического, исторического, психологического и пр. (Мариницына 2008: 11). Тем не менее, исследуя «концепт *Word* в ветхозаветных притчах (на материале английского перевода Библии)», Е. С. Мариницына основную особенность духовной культуры древне-иудейского этноса совсем не учитывает. Ведь согласно С. С. Аверинцеву, «предмет мысли иудеев – не «бытие», а жизнь, не «сущность», а существование» (Аверинцев 1971: 210; Клочков 1983: 133). Еще ранее, противопоставляя это существование позднегреческой «сущности», Э. Ауэрбах в процессе филологического анализа оригинальных текстов, говорит о сосредоточении всех библейских сюжетов на «действии» или на «деятельности» (*Tätigkeit*) (Ауэрбах 1976: 31). Об особой динамике древнееврейского экфрасиса, передаваемой зачином «и сделал», пишет анализирующий «3-ю книгу царств» В. В. Бычков (Бычков 1981: 27–28). Об истоках динамической экспрессивности библейских текстов см. (Вотан 1959). Методологическая база Мариницыной, выражаемая в терминологии когнитологов и лингвокультурологов, знания ключевой особенности библейской составляющей мировой куль-

¹ Лат. *fors(tis)* (от *fero* «нести, приносить, причинять кому-либо что-либо» (причинно-следственное развитие), а также «думать, размышлять») – это «случайность, неожиданность, непредвиденность, (слепой) случай», связанное с 3-ей разновидностью Судьбы – Фортуной (= греч. *Tuchē*, сменившей Судьбу-Долю (Мойру) – Предопределение. Фортуна-случай также астрологический термин у Шекспира в («I am a Fortune's fool – R&D. III. 1.142») (ПСКРК 1994: 232–235); полностью персонифицируется в «Как вам это нравится» (I, II).

туры, каковой является деятельность, не предполагает. Автор, неоправданно игнорируя древне-еврейское слово *māšāl* 'управлять', и его англ. соответствие *proverb* (здесь – *verb* – именно «глагол»), соответствующие русск. «притча», а также признак *verbal behavior* («речевого поведения»), формирующий структуру «культ. концепта WORD» и сводящегося к поступку, совершает грубую ошибку. Она усугубляется тем, что все свое исследование Мариницына строит на неправильном переводе греч. *lóγος*, соответствующего ветхозаветному оригиналу не как 'дело, действие', а как 'слово', имеющему место в русской и английской версии. Романские эквиваленты все-таки ближе, так как восходят к лат. *verbum* «слово, речение, глагол». Ср. порт.: *No principio era o Verbo, e o Verbo estava com Deus, e o Verbo era Deus* (S. João I, 1) – «Вначале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» (Иоанн, I, 1). Сводя «совокупность языковых средств» к выражению только значения «слово», опираясь на данные толковых словарей, Мариницына, по сути, выявляет семантическое поле англ. WORD, и забывает об элементарном: согласно Библии, «сотворение мира происходило путем высказывания желаний и акт говорения совпадал с актом творения» (Якушин 1985: 12). Тривиальные признаки Word – «наставления» и «предписания», выявленные Мариницыной как «ядро концепта» Word – результат неверной посылки как следствия старой переводческой ошибки и относятся, таким образом, не к «центру», а к «периферии». В действительности же, как это осознавалось схоластами, и, в частности, Ансельмом Кентерберийским (1033-1109), «божественная речь..., произношение вещей является процессом их создания» (там же). Также, согласно М. де Унамуну, «связанное с действием слово имеет такую созидательную силу, что ... способно преобразовать мир» (Lafuente 1983: 44). При этом *El verbo* («слово, речь, глагол») противопоставляется *La palabra (escrita)*, т. е. «Слову написанному», а также «букве» и «понятию» (*concepto*). Они, в отличие от *verbo* – «живого и животворного» (*vivo y vivificante*), «безжизненны, устойчивы и статичны» (там же).

Связываемый с высказыванием *lóγος* понимается стойками как проявление универсального разума, *suí generis* «мирового духа», одухотворяющего мировой субстрат. Опираясь на это понимание, Филон Александрийский объявил логос *силой*, по-

средством которой бог творит мир (Леонтьев 1988: 11,13). У Климента Александрийского (I в. н. э.) логос (как демиург материального мира) «показал истинную красоту, ... , которая заложена во всем созданном мире...» *Творческая сила* бога создала и человеческое тело (Бычков 1977: 81)². Логос символизировал божественное говорение мироздания, которое мыслилось как разрывание хаоса и создание порядка (космоса – М.З.) (Маковский 1996: 21). В подводящем итог развития всей античной философии неоплатонизме в основе мира лежит абстрактная умопостижимая *первопричина* – Единое (логос – М.З.), из которой «истекает космический ум и мировая Душа, являющаяся истоком возникновения ... всего космоса» (Бычков 1981: 36–37).

Главенствующая мысль об определяющей для сотворения мироздания значимости *деятельности–действия* в античной гносеологии была сформирована еще до Платона. Так, о «сущности вещи, проявляющейся в ее объективном использовании в деятельности» говорил Сократ (Леонтьев 1988: 7). Еще раньше Гераклит, определяя логос как всеобщее, универсальное, объективное значение вещи («логос всеобщий»), высказался о «необходимости прислушиваться к природе, *поступать* с ней соответственно». Слово соотносится с *делом*, поступком, и именно поступок и дело являются главным: не сама вещь в ее сущности, а *поступок* в соответствии с сущностью вещей. Логос – есть внутренняя мера социального *поведения* (там же: 5). О логосе, как поступке см. также (Степанов 1985: 9–10). Именно на значении термина «логос» как «Дело» в знаменитом изречении из Евангелия от Иоанна основывается Фауст после всех колебаний: «В начале было Дело – стих гласит» (An Anfang war die Tat) (Якушин 1985: 8).

То же – в древнеиндийской традиции: существование индивидуального «я» всецело определяется законом перерождений и воздаяний – кармой («действие», «поведение» и переносно –

² Ранее, в терминологии стои с «порождающим принципом» метафизически связывалось словосочетание Logos spermaticos (у Галена для тестикулов он означал то же, что слух для ушей и взгляд для глаз), а непосредственно – со способностью к деторождению (Киньяр 2000: 179).

«судьба») (ПСКРК: 557)³. О понимании судьбы как «динамической предикации в Древнем Китае (см. ПСКРК).

Логос – разумное начало, понимаемое как необходимость, неподвластная богам (Ковалев 1937: 214), мыслится Гераклитом как объективный закон, в понятии которого⁴ находила свое завершение идея судьбы как безличной необходимости (Горан 1990: 301). Логос здесь – внутренний для мира закон, пронизывающий субстанцию Вселенной и составляющий сущность судьбы, противоположной судьбе в мифологии – внешней по отношению к миру силе (там же: 302). Это необходимость внутренней силы или внутренняя сила необходимости⁵. С *силой* этой безличной Судьбы связано древнейшее шумерское понятие МЭ, которое возводят к глаголу «быть, являться» (т. е. *сущность*, переходящая в *движение* – М.З.) (Емельянов 2003: 34). МЭ – синкретический феномен, к которому восходят не только идеальные модели вещей и качеств (т. е. имена и атрибуты – М.З.), но и потенциалов (т. е. предикатов – М.З.)⁶. Они, как отмечает В. В. Емельянов, выражают стремление вещи обрести жизненную *силу* и внешнее проявление. Все, что есть в мире, может *осуществляться* только через наличие своих МЭ. Это государственная власть, военная деятельность, ремесла, искусства, ритуал, некоторые человеческие поступки и черты характера. *Идеальное* произведение – вещь, полностью соответствующая своим МЭ – является важнейшей *причиной* ритуального существования мира⁷, в котором царит

³ «Карма, – пишет Т. П. Григорьева, – и есть *память*, которая не дает покоя душе (*сознанию*) и возвращает ее на землю до тех пор, пока душа совсем не очистится и не будет в ней один свет» (курсив наш – М.З.) (ПСКРК: 106).

⁴ Ср. у А. Ф. Лосева: «Логос ... есть нечто множественное и дискретное... , что обычно трактуется как понятие» (Лосев 1993: 703).

⁵ Одним из ее поздних рефлексов является персонифицированный образ германской филологии – мудрая норна, прорицательница Skuld («Старшая Эдда»), «необходимость», «долженствование», а также «будущее» (ССК: 512), также существенный для понимания Судьбы как провидения.

⁶ «Концепту» (= понятию) шумерского МЭ посвящено много специальных филологических исследований. Ср., например, (Castellino 1959).

⁷ Примечательно, что греч. λόγος, понимаемое М. Л. Уестом как ‘сообщение’, ‘описание’, трактуется при помощи англ. account (West 1971: 124–129), которое также имеет значение ‘основание’, ‘причина’.

имперсональный порядок: установленный старейшиной шумерского пантеона – Аном, он, вероятно, существовал еще до разделения Неба и Земли (синкретизм – М.З.), когда мироздание еще было единым целым. Главенствующую роль здесь играл связанный с МЭ и лежавший в начале всей культуры – ритуал, который определяется как «утвердившая себя в *волевом* (т. е. в исходящем из себя – М. З., см.: Арутюнова 1999: 814) акте жизнеформа, вписанная в порядок *движения* звезд и планет» (Емельянов 2003: 34–37). Ритуал разворачивается по следующей схеме: «предопределение – действие – позитивное последствие». При этом, любое *действие* есть *акт бытия*, переводящий его потенциальную форму в актуальную (там же: 183–184).

В преемнице шумерской культурной традиции в Месопотамии – аккадо-вавилонской (аморейской) – МЭ также, в частности, связывалось со словами «потенция», «жизнь», «явление» и «ритуал». В свою очередь с МЭ и, в частности, с ритуалом связано аккадское слово *парцу* ‘явление’ – субстантивный дериват глагольного корня со значением *действия*: «рассекать, разламывать, пробивать, пробиваться из земли (о цветах)», т. е. указывающего на тот же волевой акт прорыва... сквозь хаос несуществования⁸.

С глаголами действия связаны и другие аккадские термины, эквивалентные понятию «ритуал»: *эпишту* (от глагола «работать, делать что-либо»), *шинру*, *дуллу* (от глаголов с аналогичными значениями), *кикитту* (от шумерск. кид-кид букв. «хождение (по) земле»)⁹ (Емельянов 2003: 37).

⁸ Еще одно аккадское обозначение ритуала *риксу* (встречающееся преимущественно в поздних текстах) образовано от активного глагола «соединять, связывать» (Емельянов 2003: 36) и, возможно, относится к одному из трех основных «архетипических» контекстов Судьбы, равно как и такие и.-е. существительные, как лат. *sors* ‘судьба’ ← *serere* ‘связывать, сцеплять, сплетать’, *serta* (супин) ‘венки, сплетение’; греч. ἀνάγκη ‘судьба’ ← ἄγκη ‘душить, завязывать’, лат. *angere* ‘сжимать’, *angustus* ‘узкий’ (здесь же, вероятно, бретонск. *anku* ‘смерть’); лат. *obligare* ‘связывать, обязывать’; др.-сканд. *seidr* ‘связь, пути’, др.-англ. *sid* ‘судьба, время’ (ПСКРК: 238).

⁹ Ср. также др. инд. *kriyā* ‘ритуал’, восходящее к глаголу *kar-* с универсальным значением делания и, в частности, ‘совершать обряд’ (Топоров 2010: 25).

В высшей степени значимым в контексте вышеизложенного представляется существование в аккадском существительного *шикару*, также связанного с ритуальной деятельностью Месопотамии. Значения его – «дело, действие», а также «текст, история» (там же: 41) – связаны с основными аспектами древнейшей культуры. Это подтверждается конкретной лингво-филологической манифестацией самого *акта бытия* как предопределенного культурного (или природного) *действия* (волевого творческого акта макро-микрокосма). Так, «вероятно, концепция МЭ ... в архаическую эпоху» осмысливалась как «некая таинственная сила, заключенная во всем сущем и составляющая мистический принцип существования каждой вещи» (Клочков 1983: 40). Это говорит не только о тождестве сущности и действия, но и об их уходящем в глубокую древность синкретизме (осмысление существования как *действенной сущности*).

Это положение может быть подкреплено лингвистически. Так, латинский глагол *fiō*, представляющий пассивную форму к *faciō*, который также как его синонимы *agege* и *gerege* всегда осуществляющего активное (агентивное), объектно-направленное действие (т.е. ‘делаю что-либо’) и восходящий к и.-е. **dhē* ‘ставлю, кладу, помещаю’¹⁰, имеет следующие значения: ‘возникать, рождаться, делаться, изготавливаться, *случайно* происходить, бывать (ср. *saepe fit (ut)* ‘часто бывает (что), становится, делаться’; *quid mihi fiet?* (ЛРС: 428) = ‘что со мной станет / будет / сделается / случится?’). Этот глагол, выражающий процесс, протекающий исключительно в сфере субъекта, т.е. субъектно-направленное или медиальное, и на каком-то этапе своего развития получивший пассивное значение, противопоставленное активному (объектному) значению *faciō* («*faciō agentis est et fiō patientis*» – Donat) (Гончарова 1972: 76), восходит к и.-е. **bh(e)u* ‘расти’, становиться’, к которому, в свою очередь,

¹⁰ Ярко выраженный активный статус *faciō* проявляется, по-видимому, и в отсутствии у него фонетических форм страдательного залога (Гончарова 1972: 75). Ср. собственно субстантивные значения *factum* ‘действие, действие, поступок, факт’) и адъективные значения *factus* ‘случившийся, происшедший, обработанный, отделанный, законченный’ и т. д.) (ЛРС: 413). Ср. также лат. *sacrificiō* ‘священнодействие’, восходящее к *sacrum facere* (Топоров 2010: 25).

восходят апеллятивы со значением *бытия*: ср. сл. *быти*, русск. *был* и *по-бывал* (т. е. ‘приезжал’). Ср. также форму будущего времени *буду* (= *приеду*), предполагающую также эллиптическое опущение: «Еду. Через часик буду (дома, на месте встречи и пр)». Здесь же лат. *fui* ‘был / пошел’, указывающее на развитие «бытие» → «движение», сема которого также прослеживается в латинском существительном *futurum* ‘будущее’¹¹ и, согласно Дж. Лепски, *futuo* ‘copulare’ (Lepschy 1989: 200–213).

Трактовка логоса как доказательной, безлично-фаталистической сущности, предшествующей представлению о каузальной Судьбе (т. е. о Судьбе, управляющей всеми событиями в Универсуме *извне*¹²), и прослеживающаяся в древнейшей шумерской концепции МЭ, была продолжена в Месопотамии, когда позднее (в период подъема религии антропоморфных божеств) «эту божественную *силу*, имеющуюся в любом явлении и любом существе, стали воспринимать отдельно от самого видимого явления в качестве какого-то существа, управляющего данным феноменом» (Клочков 1983: 40). Так, «в вавилонской концепции прослеживается смешение двух видов представлений о Судьбе: согласно первому, шимту (подобно шум. МЭ)¹³ открывается как неизменная «природа» вещей¹⁴; согласно второму, шимту высту-

¹¹ О древнейшим восприятии «будущего» как «прошлого», которое как бы лежало за спиной (глядя вперед, видели прошлое) в аккадо-вавилонском и греческом социуме свидетельствуют многочисленные лингвистические данные. Ср. аккадск. *aḫrātu* ‘будущее’ < ḫr ‘быть позади’, ‘потомство’; *wrk* ‘находиться, двигаться сзади’ > (w)arku ‘будущий / за, позади’, *arka* ‘вперед’ (времен. значение) и *arkis* ‘назад’ (местное значение) (Клочков 1983: 28–29). Ср. также русск. *предки*.

¹² Ср. совмещение значений ‘деяние’, ‘действие’, ‘поступок’ и ‘происшествие’, ‘факт’ в одном латинском существительном *factum*, а также у его романских производных: порт. *fa(c)to* ‘факт’ и ‘событие’, то же – исп. *hecho*.

¹³ Аккадск. *šimtu* ‘установленное, завещанное’, ‘судьба’, ‘рок’, ‘сужденная смерть’, восходящее к глаголу *šāmu* ‘класть, устанавливать, определять’ (там же: 34).

¹⁴ Эта шимту сопоставляется с греч. *physis*, близким лат. *natura* ‘природа’ (там же: 35). С другой стороны, как известно, тема Судьбы в различных культурных традициях постоянно сопрягается с темой души (МНМ II). В этой связи понимание Платоном логоса как мирового разума-души, развитое затем неоплатониками (Бычков 1981: 37), сопоставимо с *атманом* древнеиндейской традиции. Атман – букв.

пает как определяемая божеством / божествами будущность феномена или живого существа. Первый вид представлений, вероятно, связан с архаическим «додеистическим детерминизмом», второй появляется на более позднем этапе и с течением времени...становится доминирующим» (там же: 41)¹⁵.

Приводя ответ Шопенгауэра на вопрос о том, почему падает подброшенный вверх камень – «Потому что так хочет камень», Я. Э. Голосовкер комментирует его следующим образом: «Закон причинности (каузальности) может быть сведен к свойству волшебного предмета. В мире он преодолевается в такой же мере, как пространство и время» (Голосовкер 1987: 21, 26). О субъекте бессознательного в 70-х годах XX века писал М. Пеше (Серно 2001: 556). О «какой-то смутной и чудесной силе, которую мы... называем свободой воли», говорил отвергавший «убогую идею детерминации, тюремный распорядок причин и следствий» В. Набоков (Зеликов 2005: 19)¹⁶.

санскр. 'дыхание' – означает в ведической литературе местоимение «я», «себя» (ср. названия медиа в древнеиндийской грамматике: ātmanē-*radam*, т.е. 'словоформа, относимая к самой себе' – Семереньи 1980: 270), 'тело', а также субъективное, психическое начало «душ» – есть всеобщая основа и первопричина, пронизывающая все сущее (МНМ, I: 122). С чем-то *безличным*, отождествлявшимся то с дыханием, то с кровью, представлялось в Древнем Шумере (эпоха III династии Ура) «душа»-напишту (МНМ, I: 652).

¹⁵ Следы подобного размежевания в других древнемесопотамских концепциях, имеющих отношение к Судьбе, докаузального и каузального этапов см. (там же: 42).

¹⁶ Интересной, но отнюдь не новаторской в свете вышеизложенного представляется семантическая концепция «динамики силы» (*force dynamics*), представленная когнитивистом Л. Тэлми, «исходящего из того, что действия людей и динамика предметов являются в большинстве случаев результатом судьбы двух сил, и языки располагают многочисленными средствами выражения этого конфликта... Взаимодействующие силы Тэлми представляет в виде двух ролей – Агониста (объект каузации, действующий предмет) и Антогониста (субъект каузации, сила, способствующая / препятствующая действию). Главное место в этой модели принадлежит Агонисту, в отличие от каузативных теорий, главным действующим лицом которых является каузатор – Антогонист (Арутюнова 1999: 797). Отмечая, что анализ Тэлми возвращает нас к паре Я и Другой (социальное начало, сдерживающий центр), Н. Д. Арутюнова пишет: «Как хорошо показывает Э. Р. Доддс, для героев Гомера Другой (Антогонист) отождествляется то с неким «органом

Литература

- Аверинцев 1971 – Аверинцев С. С. «Греческая «Литература» и ближневосточная «словесность»: Противоречие и встреча двух творческих принципов» // Типология и взаимосвязь литератур древнего мира. М., 1971.
- Арнольд 2007 – Арнольд И. В. Преемственность в филологическом тексте / Acta Linguistica Petropolitana. Т. 3. Ч. 1. СПб., 2007. С. 26–29.
- Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М., 1999.
- Ауэрбах 1976 – Ауэрбах Э. Мимесис. М., 1976.
- Бычков 1977 – Бычков В. В. Эстетические взгляды Климента Александрийского // BDU. 1977. № 3. С. 69–91.
- Бычков 1981 – Бычков В. В. Эстетика поздней античности. М. 1981.
- Голосовкер 1987 – Голосовкер Я. Э. Логика мифа. М., 1987.
- Гончарова 1972 – Гончарова Н. А. Характервзаимоотношения facio и fio в латинском языке (к вопросу о соотношении лат. facere с фр. faire) // Вопросы филологии, №2. Минск, 1972. С.72–77.
- Горан 1990 – Горан В. П. Древнегреческая мифология судьбы М. 1990.
- Гринбаум 2007 – Гринбаум Н. С. Пиндар. Проблема языка. СПб. 2007.
- Емельянов 2003 – Емельянов В. В. Ритуал в древней Месопотамии. СПб. 2003.
- Зеликов 2005 – Зеликов М. В. Основные вопросы когнитивной грамматики в контексте проблем традиционного языкознания // Пелевинские чтения. Межвуз. сб. н. трудов. Калининград, 2005.
- Киньяр 2000 – Киньяр П. Секс и страх. М., 2000.
- Клочков 1983 – Клочков И. С. Духовная культура Вавилонии. Человек. Судьба. Время. М., 1983.
- Ковалев 1937 – Ковалев С. И. История Древней Греции // История древнего мира. Т. 3., ч. 2. М., 1937.
- Леонтьев 1988 – Леонтьев А. А. Генезис семантической теории: античность и средневековье // ВЯ 1988. №1.
- Лосев 1962 – Лосев А. Ф. История античной эстетики Софисты, Сократ, Платон. М., 1962.
- Лосев 1993 – Лосев А. Ф. Бытие. Имя. Космос. М., 1993.
- Лосев, Тахо-Годи 1977 – Лосев А. Ф., Тахо-Годи А. А. Платон. Жизнеописание. М., 1977.
- ЛРС – Латинско-русский словарь / Под ред. И. Х. Дворецкого. М., 1976.

чувствования» – «душой» (или дыханием) жизни (thumos), то его функция приписывается демону или богам, т. е. внешней силе, воздействующей на человека. Иррациональные действия при этом не исходят от Я (агенса, субъекта, Агониста) и ассоциируются с «низом» (роком, судьбой), противопоставленным «верху» (thumos'у) (там же: 797–798). Thumos (θυμός) 'дух, душа', как и θεός 'божество' возводится к и.е. глаголу *d^hu(H)-s 'дышать, дуть, дымить' (Цымбурский 2006: 82–83).

- Маковский 1996 – Маковский М. М. Сравнительный словарь мифологической семантики в индоевропейских языках. Обряд мира и мифы обрядов. М., 1996.
- Мариницына 2008 – Мариницына Е. С. Концепт Word в ветхозаветных притчах (на материале английского перевода Библии). Авт. дисс. к. фил. н. СПб.: СПбГУ, 2008.
- МНМ – Мифы народов мира. М., 2000.
- ПСКРК – Понятие судьбы в контекстах разных культур. М. 1994.
- Романова 2008 – Романова О. В. Семантические и функциональные особенности глаголов, выражающих концепт ПРИНУЖДЕНИЕ в современном английском языке. Авт. дисс. к фил.н. СПб.: РГПУ, 2008.
- Семереньи 1980 – Семереньи О. Введение в сравнительное языкознание. М. 1980.
- Серио 2001 – Серио П. Анализ дискурса во французской школе (дискурс и интердискурс) / Семиотика. Антология. М., 2001.
- ССК – Словарь средневековой культуры. М. 2007.
- Степанов 2001 – Степанов Ю. С. Семантика концептов // Антология. Семантика. М., 2001. С. 603–612.
- Сухачев 2009 – Сухачев Н. Л. Концепция языка в европейской философии (Очерки о Г. В. Ф. Гегеле, Ч. С. Пирсе, М. Хайдеггере). Acta Linguistica Petropolitana. Т. 3. Ч. 2. СПб., 2009.
- Сухачев 2003 – Сухачев Н. Л. О семантике Ч. С. Пирса. Тройственный знак в универсуме репрезентаций. СПб., 2003.
- Топоров 2010 – Топоров В. Н. Мировое древо. Универсальные знаковые комплексы. Т. 2. М., 2010.
- Цымбурский 2006 – Цымбурский В. Л. Хетт. antuḥšaš, antaḥšaš ‘человек’ и др.-инд. náhus-, náhusa- ‘сосед, близкий’ // LinguisticaPetropolitana. Т. 2, ч.1. СПб., 2006. С. 79–99.
- Якушин 1985 – Якушин Б. В. Гипотезы о происхождении языка. М., 1985.
- Boman 1959 – Boman Th. Das hebräische Denken in Vergleich mit dem Griechischen. Göttingen, 1959.
- Castellino 1959 – Castellino G. R. Il concetto sumerico di «me» nella accezione concreta // Analecta Biblica. 1959. № 13
- Lepschy 1989 – Lepschy G. C. Nuovi saggi di linguistica italiana. Bologna. 1989.
- Lafuente 1983 – Lafuente A. C. Antropología filosófica de Miguel de Unamuno // Anales de la Universidad de Sevilla. Serie: Filosofía y Letras. 1983. № 70.
- R&D – Shakespeare. Romeo & Juliet (Комментарий Б.А. Ильиша). М., 1972.
- West 1971 – West M. L. Early greek philosophy & the orient. Oxford, 1971.

РУССКАЯ КОМПИЛЯЦИЯ ОБ АНТИХРИСТЕ ПО РУКОПИСЯМ XVII–XVIII вв.: СОСТАВ И ИСТОЧНИКИ

В этой статье мы рассмотрим компиляцию об Антихристе, содержащуюся в рукописях XVII–XVIII веков, с целью описать ее состав и по возможности установить ее источники.

Эта компиляция известна по следующим шести рукописям:

- (А) – РНБ, О.ХVII.41, лл. 287–317об., XVII в.¹;
- (В) – РНБ, Софийское собр., № 1506, лл. 175–212, XVIII в.²;
- (С) – РНБ, собрание Погодина, № 1588, лл. 208об.–230 об., XVII в.³;
- (D) – ГИМ, собр. Уварова, № 126, лл. 78–114, XVII в.⁴;
- (E) – ГИМ, собр. Уварова, № 1048, лл. 116–122, XVIII в.⁵;
- (F) – ИРЛИ, Древлехранилище, оп. 24, № 48, лл. 8–13об., 80-е–90-е гг. XVIII в.⁶

Данная компиляция в связи с «Откровением» пс.-Мефодия Патарского привлекалась к рассмотрению В. М. Истриным (1897: I, 246–247), которому она была известна по рукописям BDE и который установил источники для некоторых ее частей.

В целом компиляция отчетливо разделяется на 15 статей, которые выделяются в рукописях соответствующими заглавиями, по большей части содержащими ссылки на источник заимствования, ср. «От Данилова пророчества о антихристѣ», «Ипполить», «Толкование Мефодия». Сама компиляция в рукописях связывается с именем Мефодия Патарского: так, она озаглавлена «Сказание о антихристове пришествии святого Мефодия Патръскаго» в

¹ См. Бычков 1891: 193–200.

² По датировке А. С. Архангельского (1899: 8).

³ Соболевский 1903: 230. О рукописи см. Бычков 1882: 30–34.

⁴ № 1904 по каталогу арх. Леонида (1894: 290).

⁵ № 2054 по каталогу арх. Леонида. (1894: 432–433).

⁶ См. Литвинова 1983: 383.

(А) и (В), «Святаго Мефодия Патрьскаго» в (С), «Мефодия Пермскаго слово» в (F), «Иже во святых отца нашего Мафодия Патрскаго» в (E)⁷. Впрочем, следует отметить, что, возможно, общий заголовок компиляции первоначально относился не ко всему тексту, а к первой выдержке, взятой, как мы увидим ниже, именно из «Откровения».

С «Откровением» пс.-Мефодия связывают многочисленные выдержки из этого сочинения, которые вошли в ее состав. Далее мы будем ссылаться на соответствующие места из «Откровения» по изданию Истрина (1897), указывая номер страницы и строки сверху⁸. Цитаты из компиляции приводятся нами по списку (D)

В состав компиляции входят следующие выдержки:

1) «Въ скончании же четвертыя тысящница въ .кѣ. лѣто Ориво въ пятое лѣто сниде Сапсинъ Севарский от востока, иже бѣ от рода Мунтова внука Ноева...» и до «...от самѣхъ же смотрите круг времянь царскихъ и самая истинная вещь покажет себе явьственну бес прелести нѣкия». Как показал В.М. Истрин, эта часть является выдержкой из второго славянского перевода «Откровения», см. Истрин 1897: I, 246; II, 104,15 – 105,12.

2) Загл.: «Паки от того же слова». Нач.: «Слыши убо Иезекеилево пророчество, глаголющее в послѣдняя дни...» и до «...человѣкоядцы, псоглавцы и афарде, алане и фанизлаки, аркинее, калтаре сия .кѣ. царствия затворени». Выдержка из той же редакции «Откровения», Истрин 1897: II, 106, 29–34.

3) Загл.: «Того же». Нач.: «Егда отверзутся врата сѣверная и изыдутъ силы языческия, иже бѣху затворени внутрюду...» и до «и снѣдятъ ихъ и растлятъ землю и осквернятъ и затрюють, и никтоже будет иже возможесть стати сопротиву имъ», см. Истрин 1897: II, 113, 3–12.

⁷ В (D) общий заголовок отсутствует. Отсылка к Мефодию заставляла некоторых исследователей видеть в компиляции особую редакцию «Откровения» пс.-Мефодия, ср., например, Литвинова 1983: 383. Однако список (F), упомянутый в этой статье, содержит именно рассматриваемую компиляцию, а не «Откровение».

⁸ В книге Истрина (1897) две части – исследование и издания текстов – имеют отличную нумерацию страниц. В дальнейшем мы будем ссылаться на две эти части под латинскими номерами I и II.

4) Загл.: «Того же». Нач.: «По седморичнѣмъ же времени, егда постигнуть град Ионь, послеть Господь Богъ архистратига своего и побить ихъ единѣмъ часомъ всѣхъ...» и до «...сего ради Господь во Евангелии рече: горе тебѣ, Хузифе, горе тебѣ, Вифсаида, горе тебѣ, Капернауме, яко до небесъ вознесыся и до ада снидеши». Выдержка из той же редакции «Откровения», в которой этот текст идет непосредственно вслед за предыдущим отрывком. См. Истрин 1897: II, 113, 13–23.

5) Загл.: «О антихристѣ от иноя мѣры». Нач.: «Вси убо святии пророцы от Персиды глаголють приходяща купно с перскимъ срачининомъ и подвигнуть страны, яже на четырехъ углѣхъ земля...» и до «...и поясть я и диаволь прельщая ихъ и ввержень будетъ во езеро огненное, яко уходивъ приметь царство, яко цареви от западу исходяща с людми и во оружии от востока, антихристъ приидеть яко лжипророкъ его имать прельщати».

В. М. Истрин (1897: I, 211) обратил внимание на текст, известный по рукописи РНБ, Погодинское собрание, 1917, л. 24, который полностью соответствует данному отрывку. Истрин привел только часть ее до слов «...абие же десять рогъ востануть и Царьград развратится», не упомянув о том, что статья в этой рукописи продолжается дальше и в полном объеме содержит текст данного параграфа нашей компиляции. Как мы покажем ниже, в состав компиляции вошло еще несколько отрывков из того же текста.

6) Загл.: «Ипполить». Нач.: «Прочая же от части реченная о антихристѣ вамъ не скроемъ...» и до «...будеть Дань змии при пути сѣдя хапля пята коню и падеть всадникъ».

В заглавии, очевидно, дается отсылка к «Сказанию об Антихристе» псевдо-Ипполита, известному по множеству русских списков. Первая половина данного отрывка, скорее всего, заимствована из той редакции «Сказания», которая под названием «Слово в неделю мясопустную о скончании мира и о антихристе и о втором пришествии Господа нашего Иисуса Христа» вошла в Сборник 1647 года (Невоструев 1868: 199): «Прочая же от части реченная о антихристѣ вамъ не скроемъ но елико возможно пророкъ ради и писаниемъ воспроповѣмы и еже на всю землю

прелесть его и законопреступление хождение». По всей видимости, это выдержка именно из Соборника, поскольку, как мы увидим далее, к тому же источнику восходят и некоторые другие статьи компиляции. Вторая половина статьи: «якоже Ияковъ пророчествова о сынѣ своемъ Дане рече да будетъ Данъ змии при пути сѣдя хапля пята коню и падеть всадникъ», также может быть заимствована из Соборника (см. Невоструев 1868: 199–200), но неточность цитаты и общая распространенность отсылки к пророчеству Иакова о Дане (см. ниже) не дают оснований для точной атрибуции к какому-либо конкретному источнику.

7) Загл.: «Толкование Мефодия». Нач.: «Яко воистинну от колѣна данова хошетъ родитися сынъ погибелнии...» и до «...борзостию коня егда потрясется вся земля».

Интересный отрывок, показывающий, что компилятор не просто списывал выдержки из разных источников, но и не был чужд редактуре. Первая часть статьи заимствована из «Откровения» пс.-Мефодия, см. Истрин 1897: II, 113, 31–114,2, но вторая, содержащая прорицание Иеремии, по-видимому, представляет собой цитату из «Слова в неделю мясопустную» (Невоструев 1868: 199–200). Эта статья образует единство с предыдущей, продолжая начатое в ней толкование пророчества Иакова.

8) Загл.: «Ипполить». Нач.: «По всему убо хошетъ уподобитися льстець сыну божию. Левъ Христось левъ и антихристь...» и до «...сия убо лестная его кознования в прочихъ изъявлена бывше вѣдома будутъ умъ имѣющимъ». Цитата из «Слова в неделю мясопустную» (Невоструев 1868: 200).

9) Загл.: «Глаголет Илия в таинныхъ». Мы приведем эту короткую статью целиком:

«Яко Илия пророкъ рече о антихристѣ како хошетъ тогда явитися глава его пламы огнены око ему десное смѣшано с кровию а шее весело имѣя двѣ зѣницы вѣце же его белѣ устна же его исподняя велика десная же бедра велика и нозѣ ему плоски сокрушенъ же есть большой персть ноги его».

Этот отрывок содержится в уже упоминавшейся рукописи РНБ, Погодинское собрание, 1917, л. 24об. Такая же статья входит и в другую компиляцию об Антихристе, отличающуюся от нашей по составу. Она содержится в рукописи второй пол. XVIII

в. из частного собрания Андрея Бермана⁹. Эта компиляция озаглавлена «О проповедѣ святыхъ пророкъ Илии и Енохѣ Иоанне Богословѣ описуютъ святыи книги сице». Интересующий нас отрывок отрывает компиляцию и полностью соответствует тексту из нашей компиляции, за исключением вступительной ремарки, которая сообщает: «Якоже пишет греческая старописменная история». Мы подробнее обсудим источники этой статьи ниже.

10) Загл.: «От иноя мѣры». Также приведем целиком эту статью:

«Число звѣрино иже имать умъ да почтет число человекъско есть число .χξς. лапетись тентанъ венедиктось какось и одигось авиасъ влаверось мнось адикось многа бо имена в числѣ семь обрѣтаются суть же сия. Глаголетъ бо Ипполить титанъ еже есть преисподнии бѣсь или титинъ»

В Сборнике (Невоструев 1868: 201) этой статье соответствует отрывок: «многа бо имена въ числѣ семь обрѣтаются, суть же сия: злыи вождь, агнецъ неправедный, древлезавистникъ, потрясетъ велми, титинъ, еже преисподиа бѣсь».

Как мы видим, из «Слова в неделю мясопустную» в компиляцию вошло две фразы: «многа бо имена в числѣ семь обрѣтаются суть же сия» и «титанъ еже есть преисподнии бѣсь», причем первая из этих фраз по смыслу должна была бы стоять перед именами Антихриста (как в Сборнике). Однако сами имена Антихриста в компиляции даются греческие, тогда как в Сборнике представлен их перевод на русский. По-другому даются эти имена и в рукописных редакциях Толкового Апокалипсиса (частью в греческом варианте, частью в русском переводе), однако в печатном Толковом Апокалипсисе 1625 года приводятся как греческие имена, так и русские переводы:

«лампетись, сирѣчь освѣченный. Теитанъ, солнце. Латейнось, латинникъ. Венедиктось, еже сказуется благословенныи, негли по подражению во истинну благословеннаго Христа Бога нашего. Какос одігось, злыи наставникъ. Палаівасанось, древлезавист-

⁹ Я приношу искреннюю признательность владельцу рукописи, любезно разрешившего мне с ней ознакомиться.

никъ. Алифисвлаверось, истинновредитель. Амносадікосъ, агнецъ неправедный».

В данном случае, по-видимому, установить точный источник заимствования невозможно.

11) Загл.: «Ипполит». Нач.: «Первому убо пришествию своему Христось имѣя предтечу Ивана Крестителя...» и до «...иже вознесъ прочее мыслию начнетъ себе величати и славити яко Бога гоня святыя и хуляя Бога». Заимствовано из «Слова в неделю мясопустную» (Невоstrуев 1868: 201–202).

12) Загл.: «Ипполитъ о ложныхъ знамениихъ антихристовыхъ». Нач.: «Покажетъ бѣсы яко аггелы свѣта и воинства бесплотная приведыи, им же нѣсть числа...» и до «...знамение бо крестное от востока даже до запада восияетъ паче свѣтлости солнечныя и возвѣститъ судиино пришествие и явление, еже отдати комуждо по дѣломъ его». Выдержки из «Слова в неделю мясопустную» (Невоstrуев 1868: 207–208 и 210).

13) Загл.: «От Данилова пророчества о антихристѣ». Приводим полностью статью:

«Яко три лѣта имать и поль четвертаго за четыредесять бо дни дасться ему творити знаменія и чудеса яко блазнита много в себѣ лѣто еже на языкъ ополчения упразднится дондеже сядеть въ церкви яко Богъ по четыредесятихъ же дний от пасхи до жидовскаго праздника еже есть пянтикостие и престанеть гонение его Христу явльшуся не достигнути ему пянтикостия».

Такой же текст содержится в упоминавшейся рукописи РНБ, Погодинское собр., 1917, л. 23об.

14) Загл.: «О мѣсяцѣ мартѣ».

Приведем эту статью полностью:

«Якоже учими есмы и иже научаемся в начало бытию марта бо мѣсяца начало бытия всея твари Богомъ сотворена бысть от небытия в бытие марта бо начало зданию бысть марта же в .ка̄. день первозданнны человѣкъ родоначалникъ Адамъ рукою Божию созданъ бысть марта же мѣсяца паки чаемъ воскресения марьтвымъ и втораго пришествия Господа нашего Иисуса Христа иже воздасть комуждо по дѣломъ его».

Эта статья является выдержкой из «Жития святого Стефана, епископа Пермского», написанного Епифанием Премудрым (Житие: 23–24).

15) Загл.: «От книги глаголемья теологии»

Эта статья является предметом отдельного исследования, которое выполняется автором настоящей работы. На данный момент мы можем с уверенностью сказать, что перед нами сокращенная редакция русского перевода с немецкого «Сказания об Антихристе».

Итак, нам удалось установить источники практически для всех статей, входящих в данную компиляцию. Это второй славянский перевод «Откровения» пс.-Мефодия; «Слово в неделю мясопустную о скончании мира и о антихристе и о втором пришествии Господа нашего Иисуса Христа» пс.-Ипполита в редакции Соборника; «Видения Даниила с толкованиями» по рукописи РНБ, Погодинское собрание, 1917; «Житие святого Стефана, епископа Пермского»; русский перевод немецкого «Сказания об Антихристе». Неустановленным остался источник для имен Антихриста, приводящихся компилятором в греческом варианте.

Первые четыре статьи (1–4) образуют некое единство, будучи заимствованы из «Откровения» пс.-Мефодия; отсюда же взята цитата для первой части статьи 7 (см. выше). Лучшей работой об «Откровении» и его славянских переводах до сих пор остается книга (Истрин 1897), к которой мы и отсылаем.

Статьи 6, 7 (вторая часть), 8, 10, 11 и 12 представляют собой выдержки из «Слова в неделю мясопустную» пс.-Ипполита. Как мы указывали выше, цитаты в компиляции в целом (имеется ряд сокращений и парафраз) соответствуют той редакции «Слова», которая вошла в Соборник 1647 года. «Слово» из Соборника было перепечатано Невоструевым (1868). Следует обратить внимание на то, что Соборник выдержал несколько изданий и, как указывает А. С. Орлов (1905: 21), в издание 1700 года были внесены существенные правки. Тем не менее, сравнив обе редакции Соборника, можно увидеть, что интересующее нас «Слово» было перепечатано в том же виде. Однако И. И. Срезневский (1874: 223 и далее) отметил, что то же «Слово» встречается и в более ранних рукописях, в том числе в болгарской (дечанской) рукописи 14 века и в русской рукописи 1453 г. из Румянцевского

музея; с другой стороны, ни один из этих рукописных текстов, воспроизведенных в издании Срезневского, не имеет с текстом нашей компиляции таких сходжений, как текст Соборника. К сожалению, на данный момент текстология Соборника не вполне изучена, и нам неизвестно, откуда именно туда было взято «Слово» пс.-Ипполита. Это затрудняет датировку компиляции, поскольку нельзя исключить, что цитаты из «Слова» были заимствованы компилятором не из печатного издания, а из каких-то предшествовавших ему рукописных версий. В любом случае, именно этот источник остается наиболее устойчивым временным ориентиром, так как все остальные, как мы увидим, могут относиться к еще более раннему времени.

Статьи 5, 9, 13 полностью соответствуют текстам, содержащимся в рукописи РНБ, Погодинское собрание, 1917. Эта рукопись была датирована А. И. Яцимирским (1921: 16, 251) 16-м веком. В нее входят видения толкования Даниила и толкования на них, приписываемые Ипполиту. Хотя большая часть текстов полностью соответствует той редакции, которая представлена в русских хронографах, в том числе Летописце Еллинском и Римском (Летописец: 20–68; Творогов 1987), заключительная часть рукописи (лл. 23об.–24об.) не находит соответствий в древнерусской литературе, относящейся к толкованиям на книгу Даниила. В связи с этим остается лишь гадать, откуда именно компилятор заимствовал материал для данных статей. Интересно, что в рукописи из собрания А. Бермана источником 9-ой статьи нашей компиляции называется «греческой старописьменной историей»: может быть, имеется в виду как раз Летописец Еллинский и Римский неизвестной на данный момент редакции? Описание внешности Антихриста довольно распространено в апокрифах, в том числе и в ходивших на Руси (ср. Тихонравов 1863: 175–176, 183; Истрин 1897: II, 129, 161–162; в целом об описании Антихриста в разных традициях см. Bousset 1895: 101–102; Rosenstiehl 1967; McGinn 1988), но ни одно из этих описаний не соответствует полностью тому, которое представлено в нашей компиляции.

Статья 14, как мы уже упоминали, является цитатой из «Жития святого Стефана, епископа Пермского», написанного Епифанием Премудрым (Житие: 23–24). Однако это весьма

сокращенная выдержка, в полном виде в «Житии» этот отрывок выглядит так:

«Да яко же учими есмы, иже и научаемъся явѣ начало бытию: марѣта бо мѣсяца начало бытиа, вся тварь Богомъ сотворена бысть от небытиа въ бытие; марѣта бо начало зданию бысть, марѣта же мѣсяца въ .ка̅. день и первозданънии челоувѣкъ, родоначалникъ Адамъ, рукою Божиею създанъ бысть.

Марѣта же [мѣсяца] нѣкогда Израильтестии людие древле, якоже и Григории Богословъ вѣща, от земля Египетския и от работы фараонитъскы избыша и моря Черъмнаго пучину немокрыми стопами, яко по суху, пѣши шествоваша.

Марѣта же мѣсяца пакы Израильтяне въ Землю обѣтованъную внидоша, Иерусалим составиша.

Марта же мѣсяца пакы Израильтом Пасху праздновати по вся же лѣта удержжася бывати.

Марта же мѣсяца и Благовѣщение бысть святыя Богородица, еже архаггелъ Гаврииль благовѣсти еи, егда Сынъ Божий за наше спасение с небесе сниде и вселися въ пречистую утробу всесвятыя Владычица наша Богородица и приснодѣвныя Мариа, и безъ стѣмени плоть от неа въсприимъ.

Марта же мѣсяца и распятие Христос волею претерпѣ, и смерть за насъ пострада, и въскресение боголѣпно намъ праздновати устави.

Марта же мѣсяца пакы чаемъ въскрешения мертвым и втораго пришествиа Христова и страшнаго, грознаго, трепетнаго, горѣдаго, притранаго, не обуменьнаго, беспосулнаго всемирнаго суда, егда приидеть съ славою, хотя судити живымъ и мертвым и въздати комуждо по дѣломъ его, ему же слава въ вѣкы».

Г. М. Прохоров (1981: 62–63) обратил внимание на близость этого отрывка к тексту из рукописи РНБ, Кирилло-Белозерское собр., 12, л. 311–312об., но сопоставление обоих текстов ясно показывает, что источником для статьи из нашей компиляции послужил именно текст «Жития». Как мы можем видеть, в нашей статье текст источника явно сокращен: удержаны лишь его начало и (опять же в сокращенном виде) конец. На данный момент мы не можем с уверенностью сказать, какими именно мотивами руководствовался автор компиляции, включая эту статью в ее

состав, поскольку, очевидно, она выпадает из общего строя: во-первых, она явственно отличается от прочих статей по содержанию, а во-вторых, в остальных случаях из перечисленных нами источников заимствовано по меньшей мере две-три статьи, тогда как из «Жития Стефана Пермского» больше заимствований в составе компиляции не наблюдается. Возможно, учитывая эсхатологический характер компиляции, ее автора заинтересовало приурочение к марту второго пришествия, и косвенным свидетельством может служить то, что он выбросил все остальные приурочения, содержащиеся в исходном тексте.

Тем более интересно, что в рукописи (А) мы находим сразу два текста, относящихся к марту, выписанных сразу друг за другом, но никак не связанных с нашей компиляцией. Приведем эти тексты:

(I), лл. 235–235об.

От бытейских книгъ

Яко .ѣ. дѣл сотвори Богъ въ день благовѣщення.

.а.е персть вземь от земля созда челоуѣка.

.б. ноя изведе из ковчега

.г. явися аврааму под дубом мавриским

четвертое. моисеом проведе сыны израилевы сквозѣ черное море

.е.е въдастѣ моисеови скрижали завѣта. се же убо в ветсем законе быша. в новом же бысть в той день благовѣщение святыя богородица

.ж. воскресение господа нашего иисуса христа ему же слава

(II), лл. 235об.–236

О марте мѣсяцѣ

Первы день мартѣ

марта бо мѣсяца начало бытия. вся тварь богом сотворена бысть от небытия в бытие

марта адам созданъ бысть

марта израиля святии людие из египта изыдоша и море придоша

марта паки израильтене в землю обѣтованную внидоша иерусалим составиша

марта же паки израильтяном пасхи празновати по вся лѣта удержася бывати

марта благовѣщение бысть святѣй богородицы

марта распятие христово и воскресение христово бысть
марта втораго христова пришествия чаем быти

Текст (II), как и статья из нашей компиляции, восходит к редакции, известной по «Житию Стефана Пермского», в то время как текст (I) приводит совершенно иные приурочения. Хотя текст (I) относится ко дню Благовещения, несомненно, он связан с текстами о марте, однако этот вопрос требует более тщательного изучения.

Итак, очевидно, что компилятор пользовался достаточно ограниченным кругом источников. Из них для приблизительной датировки лучше других подходит редакция «Слова в неделю мясопустную», совпадающая с текстом Соборника 1647 года. С другой стороны, как нам представляется, нет оснований соотносить данную компиляцию с раскольничьей литературой. Хотя, действительно, сходные по эсхатологической направленности компиляции создавались в конце XVII века в раскольничьей среде, в нашей компиляции мы не находим прямых признаков отвержения никонианства (в том числе прямых инвектив против Никона). Кроме того, известно, что у старообрядцев, наряду с Соборником 1647 года, большой популярностью пользовались «Кириллова книга» и «Книга о вере» как сочинения, изданные до никоновских реформ. Из того, что нам удалось показать, видно, что в нашу компиляцию не вошло ни одной выдержки из этих сочинений. В связи с этим кажется оправданным предположение, что данная компиляция была составлена в середине XVII века (и, вероятно, до 1650-х гг.).

Библиография

- Архангельский 1899 – А. С. Архангельский. К истории древне-русского Луцидариуса. Сличение славяно-русских и древне-немецких текстов. Казань, 1899.
- Бычков 1882 – И. А. Бычков Описание церковно-славянских и русских рукописных сборников Императорской публичной библиотеки. Ч. I. СПб., 1882.
- Бычков 1891 – И. А. Бычков. Каталог собрания славяно-русских рукописей П. Д. Богданова. Вып. I. СПб., 1891.
- Житие – Житие святого Стефана, епископа Пермского, написанное Елифанием Премудрым. Изд. Археограф. ком., под ред. В. Г. Дружинина. СПб., 1897.

- Истрин 1897 – В. М. Истрин. Откровение Мефодия Патарского и апокрифические Видения Даниила в византийской и славяно-русской литературе. Исследование и тексты. М., 1897
- арх. Леонид 1894 – арх. Леонид. Систематическое описание славяно-русских рукописей собрания графа А. С. Уварова в четырех частях с 13-ю снимками. Ч. IV. М., 1894.
- Летописец – Летописец Еллинский и Римский. Т. 1. Текст. СПб 1999. Изд. О. В. Творогов.
- Литвинова 1983 – Е. В. Литвинова. Списки «Откровения Мефодия Патарского» в Древлехранилище ИРЛИ // ТОДРЛ. Т. 37. 1983.
- Невоструев 1868 – К. Невоструев. Слово святого Ипполита об антихристе в славянском переводе по списку XII века. М., 1868.
- Орлов 1905 – А. С. Орлов. Сборники Златоуст и Торжественник. СПб., 1905. (Памятники древней письменности и искусства 158) .
- Прохоров 1981 – Г. М. Прохоров. Книги Кирилла Белозерского // ТОДРЛ, 36, 1981, 50–70.
- Соболевский 1903 – А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси XIV–XVII веков. Библиографические материалы (Сборник ОРЯС, т. 74, № 1). СПб., 1903.
- Соборник – Соборник из 70 слов. М., 1647. Цит. по: Невоструев, 1868.
- Срезневский 1874 – И. И. Срезневский. Разбор сочинения К. И. Невоструева: «Слово св. Ипполита об антихристе в славянском переводе, по списку XII века, с исследованием о слове и о другой мнимой беседе Ипполита о том же, с примечаниями и приложениями // Отчет о пятнадцатом присуждении наград графа Уварова. СПб, 1874. С. 140–362.
- Творогов 1987 – О. В. Творогов. Апокрифы и сказания о Данииле // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1: XI – первая половина XIV в. Отв. ред. Д. С. Лихачев. Л., 1986. С. 44–46.
- Тихонравов 1863 – Н. Тихонравов. Памятники отреченной русской литературы. Т. 2. М., 1863.
- Толковый Апокалиписис – Толковый Апокалиписис. Киев, 1625.
- Яцимирский 1921 – А. И. Яцимирский. Библиографический обзор апокрифов в южнославянской и русской письменности. (Списки памятников.) Вып. I. Апокрифы ветхозаветные. П., 1921.
- Bousset 1895 – W. Bousset. Der Antichrist in der Überlieferung des Judentums, des neuen Testaments und der alten Kirche. Ein Beitrag zur Auslegung der Apocalypse. Göttingen, 1895.
- McGinn 1988 – В. McGinn. Portraying Antichrist in the Middle Ages // The use and abuse of eschatology in the Middle Ages. Ed. W. Verbeke, D. Verhelst, A. Welkenhuysen. Leuven, 1988. P. 1–49.
- Rosenstiehl 1967 – J.-M. Rosenstiehl. Le portrait de l'Antichrist // Pseudépi-graphes de l'Ancien Testament et manuscrits de la Mer Morte. Ed. M. Philonenko, J.-C. Picard, J.-M. Rosenstiehl, F. Schmidt. Paris, 1967. P. 45–60.

Н. Н. Казанский

СВОЕВРЕМЕННОСТЬ В ЖИЗНИ («ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН», 8, X)

Трудно найти к юбилею Николая Леонидовича Сухачева подобающую тему для статьи. Слишком широки и разнообразны темы, над которыми он трудился и продолжает трудиться. Когда мы познакомились в 1975 г., он занимался романистикой под руководством акад. Г. В. Степанова, лингвистической географией у проф. М. А. Бородиной, а также русской литературой, потому что любил русское слово, сам писал стихи, переводил французских, кельтских, румынских поэтов, занимался живописью и жадно читал работы и обсуждал проблемы, касающиеся общего языкознания и философии языка. Эти размышления вылились в книги – одну, посвященную индоевропейским проблемам (она недавно вышла вторым изданием), другую, посвященную истории алфавитов, и серию книг по философии языка и семиотике.

Увлечение последних лет, связанное с изучением тюркского элемента в языках балканского ареала, несколько отвлекло Николая Леонидовича от занятий русской литературой, но подготовленный им текст Дебрюкса и комментированное издание Дм. Кантемира показывают прежнюю любовь и приверженность к филологии. Поэтому и статья к юбилею Н. Л. Сухачева – филологическая, и надеюсь – поспевшая ко времени, поскольку посвящена она идее современности.

Речь в данной статье пойдет о строфе X из восьмой книги «Евгения Онегина», написанной 2 октября 1829 г. в Москве¹. Общий смысл текста, не лишённого изрядной доли иронии, сводится к тому, что все надо делать в свою пору.

Напомним текст этой строфы:

Блажен, кто смолоду был молод,
Блажен, кто во-время созрел,

¹ См.: В. В. Набоков. Комментарий к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Пер. с английского. СПб.: «Искусство СПб.», 1998. С. 541.

Кто постепенно жизни холод
С летами вытерпеть умел;
Кто странным сном не предавался,
Кто черни светской не чуждался,
Кто в двадцать лет был франт иль хват,
А в тридцать выгодно женат;
Кто в пятьдесят освободился
От частных и других долгов,
Кто славы, денег и чинов
Спокойно в очередь добился,
О ком твердили целый век:
N. N. прекрасный человек.

Комментарии к «Евгению Онегину» не обошли вниманием и данную строфу. В. В. Набоков заметил: «Не слишком оригинальный совет «смолоду быть молодым» уже давался Пушкиным в стихотворении 1819 г., адресованном рифмоплету Якову Толстому (1791–1867), с которым он был знаком по обедам в «Зеленой лампе» (одном из веселых кружков, где пили шампанское) и которому комментаторы склонны приписывать излишнюю революционность и литературную значимость»². Между тем очевидно, что смысл строфы заключается именно в соответствующем возрасту поведении, а не в совете «смолоду быть молодым». Несколько иначе – в более широком литературном и жизненном ключе трактуется данная строфа в комментарии Ю. М. Лотмана, который связывает литературные идеи с биографией Пушкина: «Структура авторского монолога в этой строфе отличается большой сложностью. Отказываясь от романтического культа исключительности, Пушкин неоднократно высказывался в 1830-е гг. в пользу прозаического взгляда на жизнь и права человека на обыденное, простое счастье. Слова Шатобриана: «Нет счастья вне проторенных дорог» Пушкин вложил в «Рославлеве» в уста Полины («Правду сказал мой любимый писатель: Il n'est de bonheur que dans les voies communes» — VIII, 154) и 10 февраля 1831 г. от своего имени повторил в письме к Н. И. Кривцову: «Молодость моя прошла шумно и бесплодно. До сих пор я жил иначе как обыкновенно живут. Счастья мне не

² В. В. Набоков. Комментарий ... С. 541.

было. Il n'est de bonheur que dans les voies communes. Мне за 30 лет. В тридцать лет люди обыкновенно женятся – я поступаю как люди, и вероятно не буду в том раскаиваться» (XIV, 150–151). Цитата эта интересна противопоставлением оставленного пути романтической молодости («жил иначе как обыкновенно живут») новой жизненной дороге («поступаю как люди»). При всей откровенной и подчеркнутой однозначности этой декларации, находящей опору в целом ряде высказываний Пушкина тех лет, она содержит лишь одну сторону истины и поэтому, взятая изолированно, приводит к искажению пушкинской позиции. Прежде всего, письмо к Кривцову, другу юности, — явная стилизация, которая может быть понята до конца лишь в контексте переписки Пушкина этих месяцев в целом (24 февраля 1831 г. он писал Плетневу: «Я женат — и счастлив; одно желание мое, чтоб ничего в жизни моей не изменилось — лучшего не дождусь. Это состояние для меня так ново, что кажется я переродился» – XIV, 154–155)»³.

До сих пор не обращалось внимание на то, что представленные у Пушкина мысли перекликаются с гесиодовскими строками:

σοὶ δ' ἔργα φίλ' ἔστω μέτρια κοσμεῖν,
ὧς κέ τοι ὠραίου βίτου πλήθωσι καλιαί. (Hesiod. Op. 306–307)

Так полюби же дела свои вовремя делать и с рвением.
Будут ломиться тогда у тебя от запасов амбары.

(Перевод В. В. Вересаева)

Именно общий смысл ὠραίου βίτου ‘своевременной жизни’, сформулированный Гесиодом, составляет смысл разбираемой строфы. Это наблюдение над перекличкой пушкинского текста с Гесиодом ставит под сомнение правильность комментария В. В. Набокова. Отмеченные Ю. М. Лотманом «проторенные дороги», включая возраст для женитьбы, были указаны еще Гесиодом, а ко времени Пушкина во многом стали общим местом, но при этом продолжали ассоциироваться с именем Гесиода⁴. В

³ Ю. М. Лотман. Пушкин. «Евгений Онегин». Комментарий. СПб.: «Искусство СПб.», 1997. С. 714.

⁴ Ср.: «L'âge fixé pour le mariage ne fut pas le même dans les différents états de la Grèce. Sparte qui réclamait de ses citoyens des rejetons robustes et bien

частности, указанный возраст женитьбы в тексте строфы прямо отсылает к «гесиодовскому возрасту»:

ὥραιος δὲ γυναῖκα τεὸν ποτὶ οἶκον ἄγεσθαι,
μήτε τριηκόντων ἐτέων μάλα πόλλ' ἀπολείπων
μήτ' ἐπιθείς μάλα πολλὰ: γάμος δέ τοι ὥριος οὔτος:

(Hesiod. Op. 695–697)

В дом свой супругу вводи, как в возраст придешь подходящий.

До тридцати не спеши, но и за тридцать долго не медли:

Лет тридцати ожениться — вот самое лучшее время.

(Перевод В. В. Вересаева)

Возможно, у нас есть дополнительный аргумент в пользу того, чтобы считать X строфу отражением размышлений о Гесиоде. Можно только согласиться с утверждением Ю. М. Лотмана: «Тем более очевидно, что смысл X строфы раскрывается из соотношения ее с контекстом IX–XII строф, ее окружающих. Строфа IX утверждает превосходство “пылких душ” над “самолюбивой ничтожностью”, строфа X – спасительность общих путей в жизни, XI – невозможность идти этими “общими путями” “вслед за чинною толпою”, а XII – право на разрыв с обществом. Облик “общих путей” как бы двоится, колеблясь между здоровой прозой жизни и пошлой рутинной, а бунт против них соответственно то приобретает черты романтического эгоизма, то выступает как естественная потребность человека в свободе»⁵.

constitués avait fixé cet âge à trente ans pour les hommes et à vingt quatre pour les femmes (Xenoph. de Rep. Lac.; Plut. in Num. Id. Apophth. Lacon.; Liban. Argum. Declam. 24). Une ancienne loi d'Athènes le fixait à trente cinq. Censorin de Die Natal selon Aristote à trente sept (Polit. Lib. 7 cap. 16) selon Hésiode et Platon à vingt seulement (Plat. de Rep. lib. 5 Hesiod. Op. v. 313). A l'égard des femmes elles étaient déclarées nubiles à vingt six ans selon les anciennes lois d'Athènes, à dix huit selon Aristote (Polit. Ibid.) à vingt selon Platon (De Rep. ibid.) et à quinze selon Hésiode Op. v. 316 et 695)» в книге: Antiquités grecques, ou des moeurs, usages et institutions des grecs dans lequel on expose tout ce qui a rapport a leurs religion, gouvernement, lois, magistratures, procédures judiciairies, tactique, discipline marine, fêtes, jeux publics et particuliers, repas, spectacles, exercices, mariages, funérailles, habillements, poids et mesures, monnaies, édifices publics, maisons, jardins, agriculture, etc. etc. principalement destiné à faciliter intelligence des Auteurs classiques grecs. Traduit de l'anglais de Robinson Tome second. A Paris: chez Verdière, 1822. P. 255–256.

⁵ Ю. М. Лотман. Пушкин. «Евгений Онегин». Комментарий. СПб.: «Искусство СПб.», 1997. С. 714–715.

Все сказанное Ю. М. Лотманом совершенно резонно с точки зрения синхронного восприятия опубликованного Пушкиным текста. Отметим, впрочем, что согласно тонкому замечанию В. В. Набокова: «Эти три строфы (X, XI, XII), написанные Пушкиным в Москве, датированы 2 октября 1829 г. Тогда они представлялись ему началом главы (обратите внимание на интонацию прелюдии в звучании строфы X)»⁶.

Таким образом, если правильна догадка, что в основе X строфы лежит мысль, ассоциировавшаяся у Пушкина с Гесиодом, становится понятным обилие античных реминисценций в самых первых, добавленных в начало восьмой книги «Евгения Онегина» новых строфах: именно античные реминисценции строфы X повлекли за собой упоминание в вариантах I–IV строф Апулея, Цицерона, Вергилия, «латинский класс», а также неточную цитату из Проперция (II, 10,7)⁷.

Единственное упоминание имени Гесиода в произведениях Пушкина⁸ встречается в стихотворении «Рифма, звучная подруга», написанном в 1828 г., и при жизни Пушкина не публиковавшемся. Как отметил В. Г. Степанов⁹, с которым Н. Л. Сухачев дружил долгие годы, Пушкин в этом стихотворении создает мифическую родословную рифмы по образцу Гесиода и Гомера. Явно имеется в виду отсылка к «Теогонии». Пушкин мог быть знаком с переводом П. Голенищева-Кутузова¹⁰. Характерно, что имя Гесиода не встречается до 1828 г. и вполне правдоподобно, что появление этого имени связано с размышлениями о т. н. «гесиодовском возрасте», тем более, что появление имени Гесиода совпадает по времени с годами, непосредственно предшествующими женитьбе поэта.

⁶ В. В. Набоков. Комментарий ... С. 522.

⁷ Ср.: В. В. Набоков. Комментарий ... 522–526.

⁸ Словарь языка Пушкина. 2-е дополн. изд. Т. I. М.: «Азбуковник», 2000. С. 467.

⁹ В. Г. Степанов. «Рифма, звучная подруга» // А. С. Пушкин. Школьный энциклопедический словарь. М.: Просвещение, 1999. С. 123.

¹⁰ П. Голенищев-Кутузов. Творения Гезиода. М., 1807 (№ 6673 по каталогу Смирдина).

М. Л. Кисилиер

ЦАКОНСКИЕ СТЕРЕОТИПЫ*

Пожалуй, в любой области научного знания обязательно существуют какие-нибудь общепринятые гипотезы, переходящие из работы в работу и настолько всем известные, что, казалось бы, они даже и не нуждаются в дополнительной проверке. Их существование очень сильно тормозит развитие научного знания, навязывая целым поколениям исследователей готовые стереотипы. Новогреческая диалектология ни в коей мере не является исключением. В ней крайне много подобных повторяющихся и непроверенных гипотез-стереотипов. В качестве примера можно привести знаменитую изоглоссу, выделяющую северные диалекты – сужение безударных /e/ (> /i/) и /o/ (> /u/), – обнаруженную еще в конце XIX в. знаменитым греческим лингвистом Георгиосом Хадзидакисом (Hatzidakis 1892: 342). При этом в общих работах практически не говорится о том, что сужение не наблюдается в диалектах Фракии, входящих в северногреческие диалекты, и, наоборот, имеет место в несевверных диалектах: в цаконском (kséru < ξέρων) и в диалекте приазовских греков (fénit < φαίνεται)¹, для которых, правда, нельзя исключать северногреческого влияния.

Два наиболее знаменитых стереотипа новогреческой диалектологии связаны с цаконским. Этот диалект распространен в

* Исследование выполнено при поддержке гранта Президента РФ № МК-1849.2011.6 и РГНФ № 11-04-00048а. Материал для исследования был собран в ходе шести экспедиций на Пелопоннес (Греция), организованных в 2010–2012 гг. Греческим институтом Филологического факультета СПбГУ, а также заимствован из «Словаря» Фанасиса Костакиса (Kostakis 1986a; 1986b; 1987).

¹ Долгое время (в частности, из-за сужения /e/ и /o/) диалект приазовских греков относили к северным, однако есть серьезные основания считать эти предположения неверными (подробнее см.: Кисилиер 2006; 2012).

некоторых селах округа Южной Кинурии на Пелопоннесе. Принято считать, что цаконский является единственным диалектом, не прошедшим через эллинистическое койне, а восходит напрямую к лаконскому варианту дорийского диалекта древнегреческого языка². Неизвестно, кто первым озвучил эту точку зрения. Еще в первую половину XIX в. ее ставили под сомнение (см., например: Leake 1830: 505), однако до сих пор она не получила должной лингвистической проверки. На первый взгляд проверка может показаться излишней, ведь, помимо утверждения самих цаконцев³, на дорийское происхождение цаконского указывают и некоторые языковые факты.

Во-первых, в цаконском, как принято считать, встречаются отдельные древнегреческие (= дгр.) лексемы, незафиксированные в стандартном варианте новогреческого языка и в других современных диалектах. Это некоторые существительные из базового словаря:

- šúk^xo ‘нос’ < дгр. ῥύχος;
- [e]psilé ‘глаз’ < дгр. ὀπίλος;
- ío ‘вода’ < дгр. ὕδωρ;
- sáti ‘дочь’ < дгр. θυγάτηρ;
- kúe ‘собака’ < дгр. κύων;
- vu ‘бык’ < дгр. βοῦς;

немногочисленные, но крайне употребительные глаголы⁴:

² В рамках этой статьи не будет обсуждаться крайне распространенное и, несомненно, ошибочное мнение о том, что все остальные новогреческие диалекты никак не связаны с древнегреческими диалектами.

³ Цаконцами в настоящей статье называются не только носители цаконского диалекта, но и жители города Леонидион и сел Васкина, Мелана, Тирос, Сапунакейка, Агиос Андреас (Прастос), поскольку их самоидентификация уже не связана напрямую с цаконским диалектом. По-видимому, к указанным селам можно добавить Кастаницу и Ситену, однако собственного полевого материала по этим населенным пунктам пока нет.

⁴ В цаконском формы презенса и имперфекта образуются аналитически путем сочетания глагола ‘быть’ в презенсе или имперфекте с причастием настоящего времени в соответствующем роде и числе. По умолчанию в статье глагольные формы приводятся в мужском роде единственного числа. Подробнее об этих формах см.: Кисилиер, в печати.

- [éni] oḡáu ‘вижу’ < дгр. ὀράω;
- [éni] ríu ‘делаю’ < дгр. ποιέω;
- ékane ‘[он] прибыл’ (есть только в аористе) < дгр. ἰκάνω.

Среди глаголов следует упомянуть и [éni] aú ‘говорю’, происходящий из древнегреческого λαλῶ (λαλέω), а не от λέγω (основного глагола речевой деятельности в стандартном новогреческом)⁵.

Во-вторых, на древность цаконского диалекта указывают некоторые диалектные особенности цаконской фонетики, характерные для древнегреческого до эпохи эллинистического койне. В вокализме это сохранение /u/:

- kúe < < дгр. κύων;
- čugaká ‘воскресение’ (ср. Κυριακή).

В консонантизме это звук /v/, восходящий к древнегреческой дигамме (F):

- ván[n]e ‘баран’ (< дгр. Φαρνός);
- kúvane ‘голубой’ (< дгр. *κύφανος).

По крайней мере три фонетические черты, по-видимому, свидетельствуют о дорийской природе цаконского В системе гласных сохраняется дорийский /a/:

- čugaká (ср. Κυριακή);
- а (артиклъ женского рода, ср. аттич. ἡ, но дорийск. ἄ).

В консонантизме наблюдается ротацизм:

- tar (артиклъ женского рода в родительном падеже) vs tḡs;
- kaúg ekánate ‘добро пожаловать’ < καλῶς + ἰκάνω

и переход древнегреческого придыхательного /t^x/ в /s/ (как и в дорийском лаконском):

- [éni] seríndu ‘жну’; ср. лаконск. σερίδδω и аттич. и нгр θερίζω),

⁵ К лексемам древнегреческого происхождения можно отнести отрицание о, восходящее к древнегреческому οὐκ и прилагательные:

- kúvane ‘голубой’ < дгр. κύανος;
- acé ‘большой’ < ἄδρός

Справедливости ради, надо следует заметить, что оба прилагательных фиксируются в стандартном новогреческом, где, в отличие от цаконского, они стилистически маркированы и относятся к книжному/высокому стилю.

в отличие от большинства греческих диалектов, где /t^x/ превратился в /θ/.

Гипотеза об исключительной древности цаконского очень удобна. Она в купе с другим стереотипом, согласно которому цаконцы до последнего времени были изолированы от остальных греков (дорога и электричество появились только в 60-х–70-х гг. прошлого века), вроде бы отлично объясняет, почему цаконский непонятен другим грекам, почему у цаконцев так хорошо сохранились традиции, которые знакомы не только бабушкам, но и относительно молодым мужчинам и, наконец, почему в цаконском такая странная фонетика⁶. Правда, ни одна из этих гипотез даже не пытается объяснить появление загадочных аналитических формы настоящего времени и имперфекта, отсутствовавших в дорийском.

* * *

Несмотря на убедительность приведенных доводов, нельзя не упомянуть о некоторых противоречиях. Сами цаконцы любят рассказывать о том, что прежде они занимали намного большую территорию, чем сейчас, и не были целиком закрыты горами от других греков. Это подтверждается и в знаменитой «Морийской хронике» (ок. XIV в.). Некоторые исторические источники, например, «Об управлении империей» Константина Багрянородного, утверждают, что в Средние Века далеко не одни греки жили на Пелопоннесе. В частности, значительную часть населения составляли славяне.

Проведенный анализ цаконской лексики позволил обнаружить значительное число лексических заимствований из других языков: албанского, славянских, арумьнского, румынского, итальянского (особенно венецианского диалекта), турецкого и проч. (подробнее см.: Драгункина и др., в печати). Лексические данные наглядно убеждают в том, что утверждение о замкнутости цаконцев до 60-х годов прошлого века ошибочно⁷.

⁶ Создавая свой знаменитый список фонетических изоглосс, знаменитый британский неозллинист-диалектолог Брайан Ньютон (Newton 1972) даже не рассматривает цаконский, который, по его мнению, несопоставим с другими новогреческими диалектами

⁷ Полевые материалы, собранные в октябре 2012 г., позволяют предположить, что традиционно пастухов называли **влахами**, независимо от

Для ряда заимствованных лексем обнаруживаются параллели в северных диалектах⁸. Чаще всего они наблюдаются для лексем славянского происхождения, например:

- *gogač* ‘любое животное (чаще всего баран) с одним ячком’, ср. фесс. *gungásikus* ‘похотливый (о животных, редко о людях)’;
- *kósa* ‘коса’, ср. фесс./лесб. *kócus* ‘коса’;
- *zakóni* ‘обычай, привычка’ (не зафиксирована в современном цаконском), ср. фесс./лесб. *zakónj* ‘привычка/обычай’;
- *lúca* ‘лужа, промокший до нитки человек’, ср. фесс. *lugjá* ‘ил/земля, которая остается после разлива реки’
- *búxo* ‘соломенная пыль’, ср. фесс. *buxós* ‘пыль/пыльная солома’

Ряд параллелей встречается и для лексем албанского происхождения:

- *agóise* ‘дикая груша’, ср. фесс. *gurzjá/gurcjá* ‘дикая груша или название населенного пункта’;
- *férmeli* ‘парадный мужской жилет, который носили вместе с фустанеллой’ (лексема не зафиксирована в современном цаконском), ср. фесс. *fermíl* ‘вышитый жилет, который носят с фустанеллой’;
- *fára* ‘род, племя’, ср. фесс. *fára* ‘род/племя’;
- *lj[jʔ]árika* ‘арванитский язык’⁹, ср. фесс. *ljáris* ‘арванит-мусульманин’;
- *ljjare* ‘черно-белый (о любом животном)’ ср. фесс. *ljága* ‘белая коза (кличка животного)’ и *ljárus* ‘бык с черно-белыми пятнами’;
- *vlámi* ‘возлюбленный/любовник’, ср. фесс. *vlámis* ‘побратим’.

Отдельные параллели фиксируются среди лексем, заимствованных из арумынского языка:

их национальной принадлежности.

⁸ В первую очередь речь идет о фессалийском (= фесс.) и лесбосском (= лесб.) диалектах.

⁹ В ходе полевой работы лексема зафиксирована лишь в значении ‘старая одежда и обувь’.

- λάγε ‘овца/баран черного цвета’, ср. фесс. λάγus ‘баран черного цвета’
- и итальянских заимствований:
- ενίνα ‘за ваше здоровье (пожелание при употреблении напитка)’. Лексема зафиксирована в хиосском, лесбосском и константинопольском диалектах.

Существование указанных параллелей заставляет искать и другие общие черты между цаконским и северногреческими (прежде всего, материковыми) диалектами, поскольку уместно предположить, что цаконский, либо входил в общее с ними диалектное пространство, либо на Пелопоннес переселялись значительные группы носителей этих диалектов. Подобное предположение открывает поле для новых исследований, в частности, по сопоставлению фонетики и морфологии.

* * *

Рассмотрение древнегреческих черт в цаконском также приводит к неожиданным результатам. Во-первых, оказывается, что перечисленные выше древнегреческие лексеммы не являются исключительно цаконскими:

- ῥύχος встречается и в стандартном новогреческом, правда, немного с иным значением ‘морда животного или рыбы, носок, кончик, выступ’;
- ὄδωρ фиксируется и в других диалектах, например, на Скъяфосе;
- θυγάτερα сейчас представляет собой слово, по большей части, характерное для высокого стиля, однако оно было повсеместно распространено и в Средние Века, и в раннем новогреческом (см., например, «Эротокрит», XVI–XVII вв.);
- κύων – исключительно кафаревусное слово и сейчас используется только для названия созвездий, однако еще на протяжении всего позднего койне (то есть до X/XII вв.) оно было основным словом для обозначения собаки. Поэтому нельзя исключать того, что оно сохранилось и в других диалектах;
- βοῖς отсутствует в современном новогреческом, однако широко распространено слово βοῦστάσιο ‘коровник’, мор-

фологическая структура которого прозрачна для носителей греческого языка;

- отрицание οὐκ с в виде ἑϊ сохранилось в ряде субдиалектов греков Приазовья, в общей массе эмигрировавших из Греции только в Средние Века;
- глагол βράω исчез в стандартном новогреческом (правда, нельзя однозначно утверждать, что произошло по диалектам), однако сохранились существительные βράμα ‘вид’ и βραση ‘зрение’ с типичными словообразовательными суффиксами. Глагол широко употреблялся еще в позднем койне (IV–X/XII вв.);
- глагол ποιέω сохранился лишь в композитах, но еще в позднем койне он был очень широко распространен;
- λαλῶ (λαλέω) до сих пор остается основным глаголом речевой деятельности во многих греческих диалектах (например, в кипрском). По-видимому, распространение этого глагола в качестве основного глагола речевой деятельности приходится как раз на койне.

Таким образом, наличие древнегреческих лексем ни в коей мере не свидетельствует о том, что цаконский не подвергся влиянию койне, поскольку все указанные древнегреческие лексемы входили в состав базовой лексики эллинистического койне. Более того, можно даже предположить, что аналитические формы настоящего времени и имперфекта возникли как раз в результате влияния койне, где подобные конструкции в какой-то момент получили распространение (подробнее см.: Кисилиер, в печати).

* * *

Более сложными для интерпретации представляются «древнегреческие» фонетические особенности цаконского. Например, сейчас пока нет возможности удовлетворительно прокомментировать случаи сохранения дигаммы или перехода /t^x/ > /s/. Стоит лишь отметить, что такие примеры единичны, и, в целом, нельзя говорить о том, что в цаконском дигамма сохраняется или наблюдается переход /t^x/ > /s/. Наоборот, в подавляющем большинстве случаев дигамма исчезла:

- дгр. *Γέσπερος ‘вечер’ > цаконск. ерхέγi ‘вчера’, а /tx/ переходил /θ/:

- дгр. ἐθέλω ‘хочу’ > цаконск. [épi] θέυ, но не *séu.

Сохранение /u/ (kúe, vu, čuraká и проч.) нельзя считать исключительно цаконской чертой. Это явление наблюдается и в других диалектах – а именно на Карпафосе (Рылик 2012: 737):

- esú ‘ты’, ср. εσύ;
- krufós ‘тайный’, ср. κρυφός,

диалект которого тоже, вероятно, восходит к дорийскому, и в староафинском:

- ksúlo ‘деревяшка’, ср. ξύλο,

хотя этот диалект никакого отношения к дорийским диалектам не имеет. Важно отметить, что в цаконском древнегреческий /u/ сохраняется далеко не везде:

- дгр. ῥύαξ ‘поток’ > цаконск. ríaki ‘речка, ручеек’ или ržáki в традиционном женском варианте (подробнее см.: Кисилиер, Федченко 2011: 263–264);
- дгр. ὕδωρ > цаконск. ío.
- Дорийский /a/ (čuraká, a) встречается также
- на Карпафосе: alakatéa ‘прялка’, ср. дгр. ἡλακάτη¹⁰;
- на острове Сими: alakáti;
- в Мани: alakáta (Рылик 2012: 735–736).

Единственной «продуктивной» дорийской чертой следует считать ротацизм¹¹. Он проявляется всегда между гласными:

- таг ауáки ‘любовь (род. п.)’, ср. της αγάλης.

В неинтервакальной позиции /s/ не переходит в /t/, а просто исчезает¹²:

- та зéа ‘дом (род. п.)’.

¹⁰ Здесь имеется в виду аттическая форма.

¹¹ Часто к ротацизму ошибочно относят мену /l/ на /t/: γρύσα ‘язык’ vs. γλώσσα. Подобные примеры не имеют никакого отношения к древнегреческому дорийскому диалекту.

¹² Существует, по крайней мере, один, пример, где ротацизм происходит не в интервокальной позиции: kaúr n'um-egékaite. Это устойчивое выражение служит ответом на традиционное приветствие kaúr ekánete ‘добро пожаловать’ (< καλῶς + ἰκάνω) с ротацизмом между двух гласных. Поскольку ответ никогда не употребляется отдельно, здесь уместно предположить аналогическое влияние.

Однако цаконский не единственный диалект, в котором наблюдается ротацизм (Prombonas 1963). Впрочем, ротацизм в новогреческих диалектах требует отдельного исследования.

* * *

Можно подвести итоги. Во-первых, нет оснований утверждать, что цаконский был изолирован. Он активно контактировал с другими языками и диалектами и, вероятно, даже входил в единое диалектное пространство с северногреческими диалектами.

Во-вторых, отсутствуют убедительные доказательства того, что цаконский не контактировал с эллинистическим койне. Более уместным было бы даже предположить обратное и именно так объяснять появление аналитических форм презенса и имперфекта.

В-третьих, сохранившиеся в цаконском древнегреческие лексемы и фонетические черты, за редким исключением, не являются собственно цаконскими. Они либо встречаются и в других диалектах, либо были распространены в Средние Века, либо, наконец, являлись неотъемлемыми составляющими или признаками эллинистического койне.

В-четвертых, непонятность цаконского для носителей других диалектов не обусловлена его лексическими особенностями. Иными словами, собственно цаконской лексики практически нет.

Таким образом, древность цаконского не вызывает сомнений, но неверно считать его более древним и особым, нежели другие диалекты, и, тем более, использовать этот тезис для объяснения фонетических и морфологических особенностей. Наоборот, цаконский необходимо включить в общий контекст и проводить междиалектные сопоставления не только на уровне лексики, но и в фонетике и морфологии.

Пример цаконского лишний раз свидетельствует о том, что неоэллинисты переоценивают влияние койне на греческие диалекты, а цаконский – далеко не единственный диалект, демонстрирующий значительное количество древнегреческих реликтов.

Библиография

Драгункина и др., в печати – Драгункина А. А., Кисилиер М. Л., Федченко В. В. Лексические особенности цаконского диалекта новогреческого языка: предварительные наблюдения и перспективы иссле-

- дования // Кисилиер М. Л., Русаков А. Ю. (ред.). Балканистика. Византистика. Неоэллинистика. Сборник научных статей. Вып. 1. Кисилиер 2006 – Кисилиер М. Л. О происхождении румейского языка // Казанский Н. Н. (ред.). Индоевропейское языкознание и классическая филология. Т. 10. Материалы чтений, посвященных памяти профессора Иосифа Моисеевича Тронского. СПб., 2006. С. 156–164.
- Кисилиер 2012 – Кисилиер М. Л. Румейский язык и новогреческие диалекты // Казанский Н. Н. (отв. ред.). Индоевропейское языкознание и классическая филология. Т. 16. Материалы чтений, посвященных памяти профессора Иосифа Моисеевича Тронского. 18–20 июня 2012 г. СПб., 2012. С. 355–368.
- Кисилиер, в печати – Кисилиер М. Л. Об аналитических формах презенса и имперфекта в цаконском диалекте новогреческого языка // Кисилиер М. Л., Русаков А. Ю. (ред.). Балканистика. Византистика. Неоэллинистика. Сборник научных статей. Вып. 1. В печати.
- Кисилиер, Федченко 2011 – Кисилиер М. Л., Федченко В. В. К вопросу о мягких согласных в цаконском диалекте новогреческого языка // Казанский Н. Н. (отв. ред.). Индоевропейское языкознание и классическая филология. Т. 15. Материалы чтений, посвященных памяти профессора Иосифа Моисеевича Тронского. 20–22 июня 2011 г. СПб., 2011. С. 259–266.
- Рылик 2012 – Рылик П. А. К вопросу о связи новогреческих говоров острова Карпатос с дорийским диалектом // Казанский Н. Н. (отв. ред.). Индоевропейское языкознание и классическая филология. Т. 16. Материалы чтений, посвященных памяти профессора Иосифа Моисеевича Тронского. 18–20 июня 2012 г. СПб., 2012. С. 730–741.
- Hatzidakis 1892 – Hatzidakis G. Einleitung in die neugriechische Grammatik. Leipzig, 1892.
- Kostakis 1986a – Κωστάκης Α. Π. Λεξικό Τσακωνικής διαλέκτου. Τ. Ι. Αθήνα, 1986.
- Kostakis 1986b – Κωστάκης Α. Π. Λεξικό Τσακωνικής διαλέκτου. Τ. ΙΙ. Αθήνα, 1986.
- Kostakis 1987 – Κωστάκης Α. Π. Λεξικό Τσακωνικής διαλέκτου. Τ. ΙΙΙ. Αθήνα, 1987.
- Leake 1830 – Leake W. M. Travels in Morea. In Three Volumes. Vol. II. London, 1830.
- Newton 1972 – Newton B. The Generative Interpretation of the Dialect. A Study of Modern Greek Phonology. Cambridge, 1972.
- Prombonas 1963 – Προμπονάς Ι. Κ. ‘Ο ροτακισμός και ἡ ἰδιότυπος προφορὰ τοῦ φθόγγου λ εἰς τὸ γλωσσικὸν ἰδίωμα Φιλωτοῦ της Νάξου // Ἐπετηρὶς Ἑταιρείας Κυκλαδικῶν Μελετῶν. Τ. 3. 1963. Σ. 504–532.

Е. Р. Крючкова

«ЯВАНАДЖАТАКА» СПХУДЖИДХВАДЖИ О ЗНАКАХ ЗОДИАКА^о

Наиболее ранний из дошедших до нас индийских астрологических текстов – «Яванаджатака» Спхуджидхваджи (III в. н. э.), является, по словам самого автора, стихотворной версией труда его предшественника, Яванешвары, который, в свою очередь, примерно в 150 г. н. э. сделал перевод на санскрит какого-то греческого астрологического трактата.

Текст «Яванаджатаки», рукопись которого хранится в Национальной библиотеке Непала в Катманду, исследовал и опубликовал с переводом и обширными комментариями Дэвид Пингри (Pingree 1978). Рукопись выполнена на пальмовых листьях письмом нагари и датируется приблизительно XIII веком. Она вероятно является результатом многих переписываний и, кроме того, местами сильно повреждена и плохо читается, поэтому издателю пришлось проделать большую работу по исправлению ошибок и восполнению пропущенных или утраченных мест (все это отражено в критическом аппарате). При этом были использованы несколько более или менее полных списков с той же рукописи, выполненных позднее, а также отрывки из «Яванаджатаки», включенные в сочинения более поздних астрологов, таких как Минараджа (IV в.), Кальянаварман (VIII–IX в.), Говиндасвамин (IX в.), Утпала (X в.), Вишнушарман (XIV в.) и др.

В заключительных строках своего сочинения Спхуджидхваджа сообщает, что он создал произведение, состоящее из 4 тыс. стихотворных строк, но на самом деле их до нас дошло всего 2270, что заставляет предположить, что часть текста утрачена. Произведение написано двумя очень близкими по структуре разновидностями одиннадцатисложного силлабо-метрического размера, хорошо известными в классическом санскрите: индра-

^о Нашему замечательному юбилею с искренней симпатией и самыми добрыми пожеланиями.

ваджра (—○—○○—○—) и упаджати (᳚—○—○○—○—), строфы которых состоят из 4 равных по длине стихотворных стихов (пада).

Греческое культурное влияние в Индии прослеживается еще на протяжении нескольких веков после падения греко-индийских царств, обязанных своим возникновением походу Александра Македонского. В этом можно видеть как результат сохранения традиций, так и отражение связей индо-греческих территорий с западными культурными центрами. Яркие примеры такого влияния дают труды индийских астрологов и астрономов первых веков н. э. Уже давно было замечено использование целого ряда астрономических терминов, восходящих к греческой науке, в сочинениях индийских ученых (напр.: Weber 1882: 254).

Д. Пингри предположил, что Спхуджидхваджа был индианизованным греком, и предложил возводить первую часть его имени *Sphuja-* к *Asphujit* (из греч. Ἀφροδίτη) — название планеты Венеры, встречающееся в трудах ранних индийских астрологов, в т. ч. у Варахамиры (у самого Спхуджидхваджи есть только один не очень надежный пример: 5,9). Вторая часть имени *dhvaja-* — санскритское существительное со значением ‘знамя, символ победы, победная колонна’ достаточно обычно в качестве второго элемента имени собственного. Так, например, в «Бхагавата пуране» упоминается большое число имен собственных со вторым элементом *dhvaja-*: *Śṛadhvaja*, *Kuśadhvaja*, *Dharmadhvaja*, *Kṛtadhvaja*, *Mitadhvaja*, *Keśidhvaja*, *Jayadhvaja*, *Makaradhvaja*, *Malayadhvaja* и др.

В самом тексте «Яванаджатаки», как и у более поздних астрологов, имеется много заимствованных из греческого языка слов-названий астрономических понятий, определяющих положение планет и созвездий на небе. Иногда они употребляются как единственный термин для соответствующего понятия, но чаще к ним подбирается подходящее по смыслу санскритское слово (подробнее см. Казанский, Крючкова 2007: 1612–169).

Зодиак, представленный в сочинении Спхуджидхваджи, соответствует греческому эллинистического времени как по числу и расположению знаков, так и по их названиям. Названия, как правило, санскритские, очень близкие к греческим по значению.

Напрямую заимствованные из греческого названия знаков зодиака также встречаются в ранних астрологических трудах, но не у Спхуджидхваджи, а у других авторов. Ниже будут приведены эти заимствования, употребляющиеся в «Брихадджатаке» (VarBrJ) и «Брихатсамхите» (VarBrS) Варахамири (VI в.).

Зодиак у Варахамири и Спхуджидхваджи выглядит так:

№	Греческие названия	Заимств. из греч.	Индийские названия	
I.	κρίος	<i>kriya-</i>	<i>meṣa-</i> ‘баран, овца’	Овен
II.	ταῦρος	<i>tāvura-</i>	<i>vṛṣa-</i> ‘бык’	Телец
III.	δίδυμοι	<i>jituma-</i>	<i>mīthuna-</i> ‘пара’	Близнецы
IV.	κάρκινος	<i>karkī-</i>	<i>karkaṭa-</i> ‘краб’	Рак
V.	λέων	<i>leya-</i>	<i>siṃha-</i> ‘лев’	Лев
VI.	παρθένος	<i>pāthona-</i>	<i>kaṇyā-</i> ‘девушка’	Дева
VII.	ζυγόν	<i>jūka-</i>	<i>tulā-</i> ‘весы’	Весы
VIII.	σκόρπιος	<i>kaurpi-</i>	<i>vṛṣcika-</i> ‘скорпион’	Скорпион
IX.	τοξότης	<i>tauḥsika-</i>	<i>dhanu-</i> ‘лук’	Стрелец
X.	αἰγόκερος	<i>ākokera-</i>	<i>makara-</i> ‘крокодил’	Козерог
XI.	ὑδροχόος	<i>hydroga-</i>	<i>kumbha-</i> ‘кувшин’	Водолей
XII.	ἰχθύες	<i>ittha-</i>	<i>mīna-</i> ‘рыба’	Рыбы

В начале I главы «Яванаджатаки» даются краткие сведения по иконографии, мелотезии и топотезии каждого из 12 знаков, что отражает представления античной философии и астрологии о макрокосме и человеке как микрокосме и в то же время связано с традиционными мифологическими представлениями индийцев.

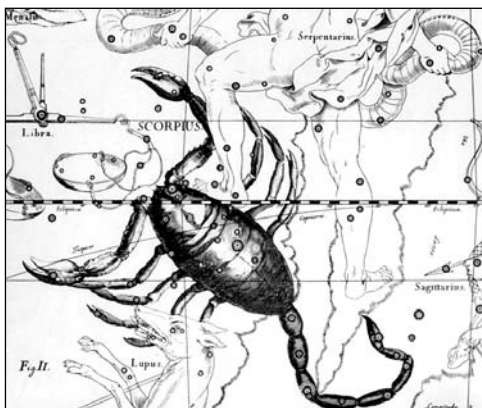
Рассмотрим на примере созвездия Скорпиона, как автор описывает знаки зодиака, а также свойства и характеристики людей, под ним рожденных, что на самом деле составляет лишь небольшую часть объемного труда.

Описание Скорпиона в «Яванаджатаке» выглядит так (1,21):

śvabhre ‘ṣtamo vṛṣcika-vigrahas-tu
 в яме LSg восьмой NSg скорпион-вид NSg (bah) же
proktaḥ *prabhor-medra-guda-pradeśaḥ* |
 сказанный Ppp бога GSg пенис-анус-область NSg (bah)
guhā-bila-śvabhra-viṣa-aśma-gupti-
 пещера-нора-яма-яд-камень-укрытие-

valmika-kīṭa-ajagara-ahi-bhūmiḥ ||
муравейник-червь-удав-змея-земля NSg (bah)

В яме (живущий) восьмой (знак), (имеющий) вид скорпиона;
Говорят, (он имеет соответствие с) областью пениса и ануса Бога.
(Он имеет) пещеры, норы, ямы, ядовитые каменные укрытия,
Муравейники, (обитатели) червей, удавов, змей (своими) местами.

Изображение созвездия Скорпиона из «Уранографии» Яна Гевелия
(1690 г.)

Возникновение созвездий и их привязанность к той или иной части тела человека объясняется в «Яванаджатаке» с позиций индуистской космологии, где Бог-творец рассматривается как создатель Вселенной: *viśvadhātā prajāpatiḥ ... sarvadṛṣṭāmsa-prabhavāt svadehāc-chīrṣād-ito vai bhagaṇam sasarja* (79, 56) «Творец всего Праджapati¹ ... из всех своих частей тела, начиная с головы и ниже, создал созвездия».

В других строфах «Яванаджатаки» творец созвездий иногда называется иначе. Так, об Овне сказано: *ādyah ... kālasya murdhā*

¹ *Prajāpati* – букв. ‘Владыка созданий’, обычно является эпитетом Брахмы в последней традиции. В Ригведе – эпитет Савитра (IV. 54) и Сомы (IX. 5), появляется также как самостоятельное божество в X книге Ригведы и в Атхарваведе – Macdonell 1897: 118. *Brahmā(n)* – бог-творец, один из трех, наряду с Шивой и Вишну, главных индийских богов, составляющих триединство.

gaditah purāṇaiḥ (1, 14 ab) ‘Первый (знак) головой **Калы**² назван древними’, о Тельце – *vṛṣākṛtis-tu dvitīyaḥ sa-vaktra-kaṇṭha-āyatanam vidhātuḥ* (1, 15ab) ‘(В) облике быка второй (знак) – (это) область рта и шеи **Творца**³’, о Близнецах – ... *trītyaḥ prajāpateḥ skandha-bhuja-aṁsa-deśaḥ* (1, 16ab) ‘... третий (знак) – область плеч и рук **Праджапати**’, о Льве – *simhas-tu śaile hṛdaya-pradeśaḥ prajāpateḥ pañca[m-ahu]r-ādyāḥ* (1, 18 ab) ‘Лев на горе – область сердца **Праджапати**, пятый (знак) назвали первые’, о Весах – ... *tam-āhur-ūrū bhuvana-pranetuḥ* (1, 20 b) ‘... его назвали бедрами **Предводителя Вселенной**’, о Козероге – ... *janu-pradeśam tam-uśanti dhātuḥ* (1, 23 b) ‘... область коленей **Создателя**⁴ назвали это’, о Рыбах – *jale tu mīna-dvayam-antya-rāśiḥ / kālasya padau vihito variṣṭhaiḥ* (1, 25 ab) ‘В воде две рыбы – последнее созвездие; **Калы** ноги установлены избраннейшими’.

В приведенных выше контекстах, безусловно, имеется в виду одно божество. Для древнеиндийской литературной традиции вообще характерно широкое употребление синонимов, особенно в тех случаях, когда несколько раз подряд необходимо упомянуть один и тот же персонаж. При этом для ведийских текстов отмечается к тому же еще и нечеткость границ между эпитетами и именами собственными, а также использование одних и тех же эпитетов для разных богов (см., напр.: Елизаренкова 1993; 106).

В древнеиндийской традиции существуют разные версии мифа о сотворении мира⁵. По одной из них творцом всего сущего был Брахма, который сам родился из Золотого Зародыша (яйца) и из него же создал Вселенную. Эта версия широко представлена в различных произведениях, начиная с Ригvedы (Эрман 1975).

² *Kāla* – ‘время, судьба, смерть’. В Ригvedе встречается только один раз (X. 42, 9). В Атхарваведе персонифицируется как космогоническая сила, абстрактное божество (AV XIX. 53–54), см. Macdonell 1897: 120.

³ *Vidhātṛ* – ‘создатель’. Эпитет многих богов. В Ригvedе – эпитет Индры (X. 167) и Вишвакармана (X. 82), а также самостоятельное божество (VI. 50; IX. 81) – Macdonell 1897: 115.

⁴ *Dhātṛ* – ‘устроитель, создатель’, встречается несколько раз в Ригvedе как самостоятельное абстрактное божество, а также как эпитет Индры (X. 167) и Вишвакармана (X. 82), наряду с однокоренным *Vidhātṛ*.

⁵ О разных версиях космогонического мифа см. Елизаренкова 1995: 453–456.

По другой версии, описанной в Пуруша-сукте (RV X, 90), Вселенная была сотворена из тела гигантского «Первочеловека» Пуруши, которого боги принесли в жертву:

- ¹² Его рот стал брахманом,
(Его) руки сделались раджанья,
(То,) что бедра его, – это вайшья,
Из ног родился шудра.
- ¹³ Луна из (его) духа рождена,
Из глаза солнце родилось.
Из уст – Индра и Агни.
Из дыхания родился ветер.
- ¹⁴ Из пупа возникло воздушное пространство,
Из головы развилось небо,
Из ног – земля, стороны света – из уха.
Так они устроили миры. (Перевод Т. Я. Елизаренковой)

Этот гимн трактует Пурушу в духе пантеизма: «В самом деле, Пуруша – это Вселенная, / Которая была и которая будет (RV X. 90, 2). В Атхарваведе (AV X. 17) и Мундака упанишаде (2, 1, 10) Пуруша также отождествляется с Вселенной, в Чхандогья упанишаде (I. 7, 5) – с Брахмой, в Шатапатха брахмане (XI. 1, 6, 1) – с Праджапати.

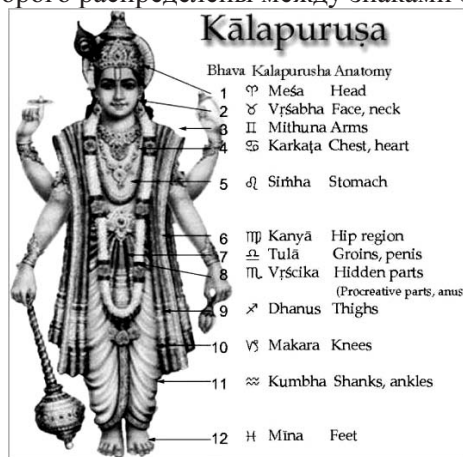
Праджапати (Владыка созданий, Господин потомства) из маргинальной фигуры в Ригведе, появившейся только в поздних гимнах последней, X-й мандалы, в Брахманах стал главным божеством, богом-творцом; о нем говорится, что Он есть Всё (Шатапатха брахмана I. 3, 5, 10), или Всё и Все (там же I. 6. 4, 2; IV, 5, 7, 2) (Macdonell 1897: 4–5).

Уже отмечалось, что невозможно точно установить, сколько богов упомянуто в Ведах, поскольку некоторые имена являются в одних случаях эпитетами тех или иных божеств, а в других случаях обозначают самостоятельных персонажей. В ведический период и позднее происходило как слияние двух изначально самостоятельных божеств в одно в результате переосмысления одного из имен в эпитет, так и расщипление одного божества и его эпитета на два персонажа (ср.: Jamison, Witzel 1992: 56).

«Яванаджатака» демонстрирует начальный этап формирования астрологического мифа о «зодиакальном человеке», когда возникает сплав греческих и индийских представлений.

Соотнесение частей тела и знаков зодиака в «Яванаджатаке» вполне совпадает с тем, как это было принято у греческих авторов: Овен – голова, Телец – рот и шея, Близнецы – плечи и руки, Рак – грудь, Лев – сердце, Дева – живот, Весы – пупок, таз, низ живота, Скорпион – гениталии, Стрелец – бедра, Козерог – колени, Водолей – голени, Рыбы – ступни ног.

В работах более поздних индийских астрологов и в трудах по астральной медицине появляется понятие «Калапуруша» (букв. «Время-человек») – индийский аналог «Зодиакального человека», части тела которого распределены между знаками Зодиака.

Современное изображение Калапуруши

В «Яванаджатаке» не приводятся какие-то общие качества и свойства людей, рожденных под тем или иным знаком. Каждый знак делится на более мелкие части, и уже для каждой из этих частей даются свои описания.

1. **Horā** (ώρα) – это половина знака, равная дуге эклиптики в 15°. Для каждой половины знака в трактате приводится описание некоего мифологического персонажа, ее символизирующего. В качестве примера рассмотрим описание второй половины знака Скорпиона (2,32–33):

horā-aṣṭame

kṛṣṇa-vapur-dvitiyā

хора NSg в восьмом LSg черное-тело-вторая NSg

nārī *samasthā viṣa-va<ktra>-hastā* |
женщина NSg вся NSg яд-рот-рука NSg (bah – бахуврихи)
śastra-āhava-vyādhi-bhayāms-carantī
оружие-битва-болезнь-страх AcPl производящая PartPr
sarpaiḥ kṛta-āṭopa-vilola-dolā ||
змеями IP1 сделанный-раздувание-дрожащий-качание NSg (bah)

viṣa-anala-uddāma-bṛhad-bhujaṅgair-
яд-огонь-безмерный-большой-змея-
āsakta-kaṅṭhā maṇi-dāma-kāmicī |
прикрепленный-шея NSg(bah) жемчужина-гирлянда-пояс NSg(bah)
krodha-ākulā vyākula-bhīma-damṣṭrā
гнев-полная NSg полный-страшный-клык
daṣṭa-adharoṣṭhī kṛta-ḍimba-vairā ||
закусенная-нижняя губа сделанная-беда-вражда NSg (bah).

Половина в восьмом (знаке) вторая – (это с) черным телом
Женщина вся, (с) ядовитым ртом и руками.
Оружие, войны, болезни и страхи производящая
(С помощью) змей, раздувающаяся, трясущаяся и качающаяся.

Огромная змея, (полная) яда и страшного пламени,
Сидит у нее на шее; на ней пояс (в виде) жемчужного ожерелья.
(Она) полна гнева, (со) страшными клыками,
Закусившая нижнюю губу, вызывает беду и вражду.

Это описание в некоторых деталях напоминает образ воинственной индийской богини Кали (одно из воплощений Дурги, супруги Шивы) – как известно, праздник Кали-пуджа, посвященный этой богине, проходит в начале ноября. Кроме того, в данном образе можно усмотреть нечто общее со второстепенным мифологическим персонажем – богиней Джьештха (букв. «Старшая» – богиня неудачи, несчастий и преступлений, старшая сестра и антипод богини удачи Лакшми, ср.: Mishra 1973: 28; Leslie 1992: 115–122), которую мифология иногда связывает со звездой Джьештха (т. е. Антарес – самой яркой звездой в созвездии Скорпиона) и с накшатрой Джьештха, или Джьештхагхни *Jyeṣṭhaghvī* «убийца сташего» (одно из 28 созвездий ведического гороскопа, перечисленных в Атхарваведе, XIX. 7, которое соответствует 16°40'–30° созвездия Скорпиона) Помимо Антареса еще и другие ближайšie к нему звезды из созвездия Скорпиона считались у индийцев неблагоприятными, это *Vicītau yamāsyā* –

(два) «Развязывателя Ямы» и *Mūlabārhaṇa-* «Вырыватель корня»⁶. Рождение под этими звездами считалось дурным предзнаменованием. Например, в Атхарваведе один из заговоров (AV VI. 110) направлен на то, чтобы предотвратить будущие преступления рожденного под этими звездами: *sá mā vadhīt pitāraṃ vārdhamāno mā mātāraṃ prā minīj jānitrīm* «Да не убьет он отца, подрастая! Да не причинит он вреда матери-родительнице!» (Перевод Т. Я. Елизаренковой).

Свойства и характерные особенности человека, рожденного под второй половиной Скорпиона, должны быть такими (28, 20):

visṭīrṇa-pīna-upacita-āyata-ango
 объемное-толстое-обильное-широкое-тело NSg (bah)
rakta-sphuṭa-akṣaḥ *ksītipa-upasevī* |
 красный-выгаращенный-глаз NSg (bah) царь-почитающий NSg
amūrdhajo *bahv-ṛṇa-bhāk* *prahartā*
 без волос NSg (bah) большой-долг-имеющий забияка NSg
kīṭa-apara-ardhe *bahu-mitra-bhāk* *ca* ||
 скорпион-другая-половина LSg много-друг-имеющий и.

(У него) объемное, толстое, весьма широкое тело,
 (И) красные выпученные глаза; преданный царю,
 Лысый, с большими долгами, воинственный;
 (Рожденный) во второй половине Скорпиона, и у него много друзей.

2. Drekaṇa- (δεκανός) – 1/3 часть зодиакального знака, с дугой эклиптики в 10°. Каждая из трех частей персонифицируется по-своему. Последняя треть скорпиона описана так (3, 25):

hīnsro naraḥ kāṁcana-varma-dhārī
 злой человек золотой-панцирь-обладающий
bile *nidhāna-eṣṭ-ati-karmaṭhaś-ca* |
 в норе LSg клад-поиск-очень-способный-и
bhagna-vrata-iccho *‘stravid-aṣṭame* *‘ntyah*
 нарушение-закона-желание знаток оружия в восьмом последний

⁶ У. Д. Уитни в своем комментарии к переводу Атхарваеды, ссылаясь на «Сурья сиддханту» в издании Е. Бургасса (1858), идентифицировал *Vicṛṭau yamāsva* как σ Sco и τ Sco, соседствующие с Антаресом, а *Mūlabārhaṇa-* – как λ Sco и υ Sco, расположенные в хвосте Скорпиона (жало) (см. также: Macdonell, Keith 1995: 410).

santapyate svair-muṣitaḥ sahāyair ||
мучится (Pas) своими обманутый спутниками.

Злой человек в золотых доспехах,
Очень удачлив в поиске зарытых кладов;
Склонен нарушать законы, знаток оружия – (это) посленяя (треть)
восьмого (знака)

Он страдает, обманутый своими спутниками.

Человек, рожденный в последней трети Скорпиона, может
быть таким (29, 25):

niḥ-śmaśru-romā hari-piṅga-netro
без-борода-волосок (на теле) желтый-красный-глаз
maha-udaraḥ pīvara-bāhu-vakṣāḥ |
большой-живот толстый-рука-грудь
hiṅsraḥ prahartā sahaḥjair-viputro
свирепый агрессивный с братьями ПИ без-сына
bhavet-tṛtīyo para-puṣṭa-vargaḥ ||
быть Опт третий высший-расцвет-варга (= drekāṇa) NSg (bah).

Безбородый и безволосый, с желто-красными глазами,
С большим животом и толстыми руками и грудью,
Свирепый и агрессивный, с братьями, но не имеющий сына
Должен быть (тот, кто имеет) третью последнюю треть (Скорпиона).

3. **Саптамша** – 1/7 часть знака. Каждая из этих семи частей имеет свою управляющую планету (для первой части она та же, что и для всего знака, для всех других частей иные). Качества рожденного в ту или иную 1/7 часть знака определяется взаимодействием планеты, управляющей всем знаком и той, которая управляет данной долей знака. Так, для 6-й саптамши это взаимодействие Марса (управитель всего знака) и Луны. Человек, рожденный в этот период, характеризуется так (30, 64):

bala-uparanna-utpala-tāmra-netras-
сила-наделенный-лотос-медь-глаз-
tat-kaṣṭhala-udāra-śarīra-sattvaḥ |
тот-счастье-благородный-тело-природа
sad-dharmaśīlas- tanu-tuṅga-ghoṇaḥ
хороший-добродетельный NSg тонкий-высокий-нос NSg (bah).
ṣaṣṭhe 'lpa-vākyo manim mṛduś-ca ||
в шестом мало-слово мудрый мягкий-и.

Наделенный силой, с глазами (цвета) лотоса и меди;
Его тело преисполнено здоровьем и благородством,
(Он) добродетельный, с тонким крупным носом,
В шестой (саптамше), немногословный, мудрый и добрый.

Заметим, что к настоящему времени сформировались две астрологические традиции – западная и индийская. Первая из них использует тропический зодиак, а вторая – сидерический, отличающиеся, в частности, трактовками времени начала знака зодиака; при этом между ними возникает около 24⁰ разницы по эклиптике. Таким образом, в западной традиции сейчас солнце считается находящимся в знаке Скорпиона приблизительно с 24 октября по 22 ноября, а в индийской традиции – с 16 ноября по 15 декабря. Однако этого расхождения не было во времена создания «Яванаджатаки» Спхуджидхваджи. Кроме того, из самого текста не очень понятно, каким именно зодиаком пользовался автор.

В заключение – несколько филологических замечаний.

Название текста «Яванаджатака» (букв. «Греческое повествование») первой своей частью имеет заимствованное из греческого языка название греков, а второй – *jātaka-* (букв. «рождение»; *jāta-* part. pf. pass. от *jan-* ‘рождать’ + суфф. *-ka*) – слово, появившееся вместе с буддизмом в языке пали (а потом и в санскрите) и обозначавшее первоначально рассказы о прежних рождениях Будды, а затем – басни и притчи. В данном случае, возможно, здесь имеется в виду первоначальное значение *jāta-* ‘рожденный’, т. е. «Рожденное греками» («Порождение греков») или в другом истолковании – «Греческое (повествование) о рождениях».

В стихах «Яванаджатаки» очень редко встречаются формы личных глаголов, в подавляющем большинстве случаев их замещают причастия. Кроме того, особенностью данного текста является широкое употребление многосоставных сложных слов, по большей части принадлежащих к типу бахуврихи.

Литература

- Атхарваведа (Шаунака) в 3 т. / Пер., вступ. ст., коммент. и прил. Т. Я. Елизаренковой; Ин-т востоковедения. Т. 1. М.: Вост. лит., 2005.
Елизаренкова 1993 – Елизаренкова Т. Я. Язык и стиль ведийских риши. М.: Наука, 1993.

- Елизаренкова 1995 – Елизаренкова Т. Я. Мир идей ариев Ригведы // Ригведа. Мандалы V–VIII. М., 1995. С. 452–486.
- Казанский, Крючкова 2007 – Н. Н. Казанский, Е. Р. Крючкова. Греческая ученость в индийском преломлении // Восток и Запад в балканской картине мира. Памяти Владимира Николаевича Топорова. М.: Индрик, 2007. С. 159–169
- Куртик Г. Е. Ранние этапы развития астрологии. Вступительная статья // Астрологический энциклопедический словарь / Сост. А. Ю. Саплин. М., 1994.
- Эрман 1975 – Мифы древней Индии. Лит. изложение В. Г. Эрмана и Э. Н. Темкина. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы.
- Jamison, Witzel 1992 – Jamison S. W., Witzel M. Vedic Hinduism. 1992. www.people.fas.harvard.edu
- Johannis Hevelii. Uranographia totum caelum stellatum. Gedani, Anno MDCXC. Ян Гевелий. Описание всего звездного неба. Гданьск, 1690. Изд. "ФАН", УзССР, Ташкент, 1968.
- Leslie 1992 – Leslie J. Śrī and Jyeṣṭhā: ambivalent role models for women // Roles and Rituals for Hindu Women. Delhi, M. Banarsidass Publ., 1992. P. 107–128.
- Macdonell 1897 – Macdonell A. A. Vedic Mythology. Strassburg: Verlag von K. J. Trübner, 1897 (Grundriss der Indi-Arischen Philologie und Altertumskunde. III. Band, 1. Heft A).
- Macdonell, Keith 1995 – Macdonell A. A., Keith A. B. Vedic Index of Names and Subjects. Vol. I. London, 1912 (1st ed.). Reprint: Delhi, 1995.
- Mishra 1973 – Mishra V. B. Religious Beliefs and Practices of North India during the Early Mediaeval Period. Leiden; Köln, E. J. Brill, 1973.
- Pingree 1978 – Sphujidhvaja. The Yavanajataka / Edited, translated and commented by David Pingree. Vol. 1, 2. Cambridge, Massachusetts; London: Harvard University Press, 1978.
- VarBrJ – Varāhamihira. Bṛhajjātakam. Electronic edition by Mizue Sugita (Kyōtō, 1994), TITUS version by Jost Gippert, (2000) <http://titus.uni-frankfurt.de/indexe.htm>
- VarBrS – Bṛhatsamhitā of Varāhamihira. Ed. by H. Kern. Calcutta: Baptist mission press, 1865 (Bibl. Indica, 49).
- Weber 1882 – Weber A. The History of Indian Literature / Eng. transl. by J. Mann and Th. Zachariae. 2-nd ed. London: Trübner & Co., Ludgate Hill, 1882.
- Whitney 1905 – Atharva-Veda samhita; translated with a critical and exegetical commentary by William Dwight Whitney. Revised and brought nearer to completion and edited by Charles Rockwell Lanman. Vol. 1–2. 1905.

Ю. К. Кузьменко

О ПРИЧИНАХ И ПУТЯХ РЕДУКЦИИ ПАДЕЖНОЙ СИСТЕМЫ В СКАНДИНАВСКИХ ЯЗЫКАХ

Мой однокурсник и старый товарищ Коля Сухачев начинал свою научную деятельность как специалист по ареальной лингвистике (см., напр., Сухачев 1977). Прежде всего, его интересовали проблемы формирования лингвистических ареалов и роль языковых контактов в этом процессе (см., напр., Сухачев 1978). Поздравляя его с юбилеем, я хочу показать, как проходила редукция падежной системы в континентальных скандинавских языках и какую роль играли языковые контакты в этом процессе, т. е. попытаюсь ответить на вопрос о путях формирования северогерманского языкового ареала.

В истории скандинавских языков можно обнаружить две прямо противоположные тенденции. С одной стороны, скандинавские языки развили множество черт, сходных с чертами других германских языков и отчасти других индоевропейских (прежде всего романских) языков. К таким общим чертам относится формирование аналитических временных форм (прежде всего перфекта и плюсквамперфекта), грамматикализация порядка слов, появление категории соотнесенности (определенность/неопределенность), редукция или полное исчезновение падежной системы, сокращение объема или полное исчезновение грамматической категории рода. Ряд этих изменений, таких как формирование перфекта и грамматикализация порядка слов, начал формироваться в скандинавском ареале еще в общескандинавский период, в конце первого тысячелетия н. э., т. е. параллельно или чуть позднее с соответствующими изменениями в других германских языках. Однако наряду с изменениями общими для скандинавских и для западногерманских языков скандинавские языки показывают особое отличающееся от развития других

германских языков развитие, проявляющееся в формировании агглютинативных черт, ср., напр., формы типа шв. *poj̄k-ar-na-s* ‘мальчиков’, где последовательность суффиксов обозначает множественное число (*-ar*), определенность (*-na*) и родительный падеж (*-s*). К агглютинативным формам относится и форма так называемого *s*- (или *st*-) пассива. Агглютинативные тенденции объединяют скандинавские языки с финно-угорскими языками, где этот способ организации передачи грамматической информации является основным. Кроме того, в скандинавских языках есть и ряд эксклюзивных фонологических инноваций, которые объединяют их с саамским (напр., преаспирация). Именно сочетание общих с другими западногерманскими языками аналитических черт с характерными для финно-угорских языков агглютинативными чертами и является важнейшим признаком скандинавских языков. Появление признаков, сходных с признаками финно-угорских языков также относится к общескандинавскому периоду. Таким образом, если мы будем рассматривать только структурные признаки, скандинавские языки оказываются переходным ареалом, сочетающим в себе признаки, характерные для соседних ареалов, северного финно-угорского и южного западногерманского.

В ряде работ я попытался показать, что черты скандинавских языков, сходные с финно-угорскими чертами, связаны с распространением саамской *a*, возможно, и квенской интерференции в общескандинавский период (550–1050 гг.)¹. Это предположение

¹ К таким чертам относятся: 1. суффиксация местоимения, ставшего впоследствии определенным суффиксированным артиклем, которая была связана с реинтерпретацией стоящего в постпозиции местоимения в общескандинавском как суффикса в соответствии с формой и значением суффикса притяжательного склонения в финно-угорских языках, 2. формирование суффиксированного медиа, связанное с реинтерпретацией возвратного местоимения в постпозиции в общескандинавском как суффикса соответствующего форме и значению саамского суффикса медиальной формы, 3. появление суффиксированного отрицания, связанного с реинтерпретацией скандинавских усилителей отрицания, стоявших в постпозиции как суффиксов глагольной формы в саамской отрицательной конструкции (Kusmenko 2008: 34–126). Все эти признаки связаны с происходившей в общескандинавском языке саамов реинтерпретацией слов, стоящих в постпозиции как суффиксов в соответствии с формой и значением соответствующих саамских суффиксов. К продуктам финно-

подтверждается сравнением с родственными языками и наблюдением за направлением распространения этих признаков.

В этой статье мне хотелось бы остановиться на источниках тех изменений скандинавских языков, которые объединяют их с западногерманскими языками. Причем я остановлюсь на самом очевидном из них, на редукции падежной системы. В том случае, когда скандинавские языки показывают развитие, сходное с развитием в других германских языках, говорят обычно не о языковых контактах, а об общих тенденциях развития, связанных с генетическим родством. Причем эти тенденции объясняются обычно действием общих закономерностей развития германских языков, таких как редукция безударного вокализма, которая связывается с начальным ударением, и переход от трехморфемной к двухморфемной структуре падежной формы (Гухман 1977; Marold 1984). Исчезновение падежных противопоставлений в части германских языков рассматривается и как продолжение действия тенденции к падежной омонимии, которая частично уже была характерна для древних германских языков, чему способствовала общая редукция падежных окончаний и также апокопа конечного гласного (Гухман 1977: 192).

Остается, правда, непонятным, почему все эти тенденции вовсе не дают о себе знать в исландском, почти не дают о себе знать в фарёрском и в одних ареалах действуют гораздо сильнее, чем в других, ср., напр., североскандинавский ареал с частичным сохранением трехпадежной системы (N/A, D, G) и южноскандинавский ареал с полным исчезновением падежной системы. Поэтому наряду с объяснением сходного параллельного развития в германских и скандинавских языках эпохи их раздельного

угорской (прежде всего саамской) интерференции в общескандинавском отношении и характерное для общескандинавского периода отпадение приставок (*ibid.*: 34–42) и преаспирация (*ibid.*: 127–173) и, возможно, препозиция генетива (*ibid.*: 217–226). Продукты этой интерференции распространились затем из зоны саамо-скандинавских контактов на юг. Древнеисландские и древненорвежские письменные памятники, ономастический и археологический материал показывают, что отношение северогерманцев к саамам в общескандинавский период разительно отличалось от характерной для более позднего времени стигматизации и не препятствовало распространению черт саамской интерференции в скандинавском ареале (Kusmenko 2008: 317–399).

существования действиями общих тенденций можно встретить и точку зрения о том, что такое сходное развитие, в частности исчезновения падежной системы в ряде скандинавских языков, связано с ускорением действия этих общих тенденций в областях языковых контактов прежде всего со средненижнемецким в ганзейскую эпоху (см., напр., Askedal 2003). Причем при этом подчеркивается, что языковые контакты не вызывают соответствующие изменения, а только являются «сопутствующими факторами» (ibid.: 26). Однако, как мы видим, простое действие языковых контактов далеко не всегда способствует ускорению действия предполагаемых тенденций развития. Финно-угорские черты скандинавских языков свидетельствуют о тенденциях, противоположных тенденциям, действующим в западногерманских языках. Наконец, существует традиция связывать редукцию падежной и родовой системы только с языковыми контактами со средненижнемецким в ганзейскую эпоху (XIII–XVI вв.), когда большое количество нижнемецких ремесленников, купцов и дворян переселилось в скандинавские города, прежде всего, в Стокгольм, Кальмар, Висбю в Швеции, Берген, Осло, Тёнсберг в Норвегии, Копенгаген, Мальмё (Сконе, Блекинге и Халланд принадлежали тогда Дании), Ольборг в Дании (см., напр., Naugen 1984; Jahr 1998). Действительно в XIV–XVI веках значительную часть населения в этих скандинавских городах составляли люди, говорящие на средненижнемецком, о чем свидетельствуют письма и дипломы. По словам Скаутрупа, Дания в период с 1325 по 1425 годы «была на пути к тому, чтобы стать двуязычной» (Skautrup 1947: 31), и почти такое же положение было в крупных городах других скандинавских стран, прежде всего в Стокгольме и Бергене. Средненижнемецкое влияние особенно заметно в словарном запасе континентальных скандинавских языков, больше половины которого составляют средненижнемецкие заимствования, роль которых сопоставима с ролью французских заимствований в английском. Однако, если роль средненижнемецких контактов в формировании словарного запаса континентальных скандинавских языков не отрицается никем, то предположение о том, что упрощение их флективной морфологии было также обусловлено этими контактами далеко не столь популярно. И это вполне понятно, поскольку сторонники этого предположения

(см., выше) в качестве доказательства приводят только данные истории и не приводят текстов, которые бы свидетельствовали о том, что упрощение морфологии и редукция падежной и родовой системы началась в городах со смешанным населением и оттуда распространилась в диалекты.

Используя данные диалектологии и древних памятников, рассмотрим подробнее, какая из вышеприведенных точек зрения более соответствует реальности. Действительно наличие сходных признаков в скандинавских и западногерманских языках не обязательно должно свидетельствовать о контакте, вполне возможно предположить и сходное параллельное развитие. Однако прежде чем понять, чем может быть вызвано сходное развитие, хотелось бы сказать несколько слов о так называемых тенденциях развития. Под словом *тенденция* понимают обычно «направление, в котором совершается какое-нибудь изменение» (Словарь 1987: 490). Так в нашем случае изменения, связанные с увеличением аналитических признаков в скандинавских языках объясняют действием тенденции к аналитизму. Соответственно, в русле этой тенденции рассматривается и исчезновение падежной системы, функции которой перенимает либо порядок слов, либо сочетания с предлогами. Очевидно, однако, что слово *тенденция* в данном случае не обозначает ничего иного кроме описания явления, которое выдается за объяснение. Фактически под словами *тенденция к аналитизму* скрывается только констатация факта увеличения количества аналитических форм, но никоим образом не объясняются причины этого изменения. Очевидно, нужно отказаться от употребления слова *тенденция* при объяснении явления, а следует искать его реальные причины. Если мы посмотрим на этапы формирования и направление распространения соответствующих форм, то становятся понятными причины действия «тенденций». Для того чтобы определить факторы, способствовавшие редукции падежной системы, забудем на время о тенденциях и рассмотрим подробнее время и пути исчезновения падежей в современном скандинавском ареале.

В древних скандинавских языках сохраняется четырехпадежная система (N, G, D, A), причем падежные окончания выражают сразу несколько грамматических значений, что характерно для флективных языков (падеж, род и число или падеж и

число). Такая система сохраняется полностью в современном исландском и частично в современном фарёрском языке, где близок к исчезновению родительный падеж. В современном исландском, также как и во всех древних скандинавских языках, и, вообще, в большинстве языков с флективной морфологией, например в русском, есть множество омонимичных падежных форм, что не мешает падежной системе функционировать, поскольку язык по своей природе избыточен, и одна и та же грамматическая информация передается обычно несколькими способами. В германских языках с сохранившейся падежной системой информация о синтаксической функции членов предложения передается не только падежами, но и порядком слов, причем такая картина была характерна и для древних скандинавских языков².

В других скандинавских языках либо полностью исчезли все падежи, как, например, в ряде датских диалектов, либо сохраняется только два падежа – общий и родительный, причем падежное окончание родительного падежа стало моносемантическим, т. е. стало обозначать только родительный падеж (ср. вышеприведенную шведскую форму *pojkarne*). В большинстве континентальных скандинавских диалектов родительный падеж возможен только в притяжательном употреблении, хотя и в этой функции он часто заменяется аналитическими конструкциями. Во многих диалектах форма родительного падежа уступает место либо предложной конструкции, либо конструкции типа *min far sitt hus* или, как в южно- и западноютландских датских диалектах, *min far hans hus* ‘дом моего отца’, букв. ‘мой отец его дом’, или конструкции с предлогами, см., *æ bundo æ kâr*, датск. литер. *karrets bund* ‘дно сосуда’. Наиболее распространены эти формы в западноютландских диалектах (Skautrup 1944: 268), хотя формы типа *min far sitt hus* характерны и для западнорвежских диалектов.

² Ср., напр.: «Старая древнешведская система форм с ее богатым набором грамматически значимых флективных морфем... не выполняет – как это делает соответствующая латинская система – требований языка маркировать синтаксическую функцию. Эту роль перенял более или менее полно порядок слов. Оставшийся морфологический аппарат является избыточным... Развитие языка от синтеза к анализу поэтому должно было в значительной степени закончиться в более раннюю, возможно дописьменную, эпоху» (Wollin 1983: 159).

Дательный падеж сохраняет все свои функции в исландском и фарёрском и часть своих функции (реже приглагольный и приадъективный дательный, чаще локативный дательный с предложениями) в северошведских и северо- и восточнорвежских диалектах (Reinhammar 1973: 1987). В датских диалектах форма дательного падежа исчезла повсеместно. Уже в Сконском праве (XIII век) он очень редок. Причем дольше всего в древнедатских текстах (до 1300 года) сохраняется форма множественного числа дательного падежа (на *-um*) и предложный дательный падеж в некоторых устойчивых выражениях наречного типа, которые сохраняются и в архаичной форме современного литературного языка (типа *afgårde, aflave, ad åre, på tinge*). В древнедатском форма дательного падежа исчезла к 1300 году, причем раньше всего в Ютландии (Noreen 1913: 220). В самых ранних памятниках древнорвежского также уже появляются формы без окончания дательного падежа, ср. *hus, harm, mat, ring, skap, syn*, причем это развитие характерно, прежде всего, для южной Норвегии, диалекты которой уже в XIII веке были «на пути к потере дательного падежа» (Seip 1955: 190). Таким образом, и данные письменных памятников, и данные современных диалектов, сохранивших дательный падеж только в северном скандинавском ареале (в части северо- и восточнорвежских диалектов и в северошведских диалектах) свидетельствуют о том, что исчезновение дательного падежа продвигалось в скандинавском ареале с юго-запада на северо-восток, причем это изменения видно уже в самых первых памятниках древнедатского периода, т. е. в XIII в.

Самым неустойчивым у континентальных скандинавских языков оказалось противопоставление падежа субъекта и падежа объекта, которое и раньше имело омонимичные формы у существительных среднего рода и у сильных существительных женского рода (см., напр. дрисл., дршв., дрдат. N. *land* – A. *land* ‘земля’; дрисл. N. *egg* – A. *egg*, дршв., дрдат. N. *æg* – A. *æg* ‘острие’). Именно эта омонимия и считается традиционно причиной совпадения форм именительного и винительного падежа и у остальных существительных (ср., напр., Ярцева 1960: 1984). В континентальных скандинавских языках генерализовалась форма винительного падежа, в исландском и фарёрском, однако, формальное противопоставление форм именительного и винительного падежа

у существительных мужского рода сохранилось. Отмечают, что раньше всего окончание именительного падежа отпало в древнедатском, где это изменение датируют временем до 1150 года (Noreen 1913: 220). Причем и в данном случае очевидно движение с юга на север. Лучше всего в древнедатском ареале окончание именительного падежа сохраняется в Сконе, где иногда еще встречаются формы с окончанием *-ær*, прежде всего у существительных, обозначающих лиц *niuthær, thiufær* (Skautrup 1944: 266–267). В древнешведском форма именительного падежа более устойчива и в некоторых диалектах Даларны сохраняется у ряда существительных до сих пор. В письменном языке Стокгольма формы именительного падежа на *-ær* исчезают полностью только к XVI веку, причем и в данном случае дольше всего они сохраняются у существительных, обозначающих лиц, ср., *kononger, magher* (Стеблин-Каменский 1953: 185). В Норвегии также изменения падежной системы начинаются появляться уже в самых старых рукописях (1150–1300 гг.), см., напр., исконные формы винительного падежа в функции падежа субъекта (*prest, burð, storm, konong, gud, biscup, vin, val* – Seip 1955: 188), однако наиболее явно это изменение проявляется в период 1300–1370 гг. (ibid.: 303–304). Причем и в данном случае это изменение распространялось с юга на север, подобно направлению распространения исчезновения дательного падежа.

Рассматривая памятники древних скандинавских континентальных языков (древнедатского, древненорвежского и древнешведского) и сравнивая эти данные с надписями младшими рунами, в которых обычно не находят свидетельств редукции падежной системы, можно предположить, что начало редукции падежной системы следует отнести к XII–XIII вв., что частично совпадает по времени с началом существования ганзейского союза, который оформился ко второй половине XIII века. Правда, редукция падежной системы, почти завершившаяся в датском языке в XIII веке, кажется слишком быстрой реакцией на первое появление в скандинавских городах ганзейцев в конце XIII века.

Два типа памятников (надписи на первых датских монетах и скандинавские рунические надписи на Британских островах) показывают, что нижненемецкая экспансия в Дании, происходившая в основном в XIV–XV вв., приходится на период, который

более чем на двести лет раньше редукции падежной системы, т. е. что редукция падежной системы на юге Скандинавии, прежде всего в Дании, началась задолго до начала ганзейской эпохи. Эти памятники почти никогда не учитывались при изучении редукции падежной системы.

Значительный материал представляют имена датских королей и имена монетариев (мастеров, чеканивших монеты) Дании. Чеканка монет в Дании началась в начале девятого века в Хедебю, где образцами служили монеты Карла Великого, однако датские имена на монетах появляются в эпоху датского завоевания Англии при королях Свене Вилобородом (годы правления 985–1014), Кнуде Могучем (1014–1035), Хардакнуде (1035–1042) и Свене Эстридсёне (1050–1074). Основным местом чеканки монет был Лунд, хотя монеты чеканились и в других датских городах (прежде всего в Роскильде, Оденсе, Виборге и Рибе). В нашей связи важно, что, начиная с монет времен Свена Вилобородого, в монетной легенде иногда встречаются имена королей и почти всегда имена монетариев. До эпохи Свена Эстридсёна эти имена писались латинским алфавитом, а при Свене Эстридсёне часты и латинские буквы, и руны. Причем окончание именительного падежа отсутствует уже начиная с эпохи Свена Вилобородого, ср. напр. ALFWARD, ASLAK, CNUT, ALLGOD, THURKIF, FULGOD, OSGOD, ARNGRM, GRIM, TIUF, ULF, ULIF (Hauberg 1900, K.VI) ср., дрисл. *Armgrimr, Áslákr, Grimmr, Arngrimr, Þjófr, Úlfr, Allgóðr, Knútri* т. п. Почти всеобщее отпадение окончания именительного падежа представлено в именах рунических легенд ср., напр. формы типа **alflak, alfrik, koprík, ulf, suartabrand, sekrim, siguarþ, asfarþ, astræþ, hildulf, siglef** с генерализацией формы аккумулятива как общего падежа вместо ожидаемых ***alflakr, *alfrikr, *koprikr, *ulfr** и т. п. В некоторых случаях возможны и параллельные формы с окончанием именительного падежа, ср.: **þorkuþr** наряду с **þurgut, þorkut, þorgot; asmunr** наряду с **asmund** (Jacobsen, Moltke 1942: 750). Считается, что большинство монетариев были приглашены из области датского права в Англии (Данелага), о чем свидетельствует и изображения на обеих сторонах монет и английские имена части монетариев, ср. AILMER, UFSI, LEFWINE (ibid.: 856–857). Причем и английские, и скандинавские имена части монетариев встреча-

ются и на английских монетах, чеканенных в Англии. Имена английских монетариев есть и на первых шведских монетах, чеканенных в конце X века в Сигтуне при Олове Шётконунге, причем и на этих монетах имена конунгов написаны без окончания именительного падежа, ср. OLOF, CNUT (Malmer 1966). Надписи латинским алфавитом и футарком на датских монетах с очевидностью показывают, что совпадение форм именительного и винительного падежа у существительных мужского рода началось задолго до ганзейской экспансии и было связано с датско-англосаксонскими контактами эпохи викингов. Как известно, в древнеанглийских диалектах формы именительного и винительного падежа существительных мужского рода не различались (ср. дрисл. N. *sandr* – A. *sand*, N. *gestr* – A. *gest*, N. *garðr* – A. *garð*, нодрангл. N., A. *sand*, N., A. *giest*, N., A. *geard*).

О том, что именно скандинаво-англосаксонские и скандинаво-кельтские контакты на Британских островах в эпоху викингов были очагом распространения исчезновения формального противопоставления именительного и винительного падежа свидетельствуют и скандинавские рунические надписи эпохи викингов на Британских островах. Так на острове Мэн X–XII вв. мы встречаем формы именительного падежа мужского рода без окончания *-r*, т. е. формы, совпадающие с формами косвенных падежей, ср. напр., **brist** вместо **bristr** (дрисл. *prestr*) Maughold I, **krisp** Maughold II и **krist** Onchean вместо **kristr**, **sañtulfr** вместо **sañtulfr** (дрисл. *Sandúlfr*), **kaut** вместо **kautr** (дрисл. *Gautr*) Kirk Michael II, **(k)rim** вместо **krimr** (дрисл. *Grimmr*) Kirk Michael IV, **purip** вместо **puripr** (форма женского рода) (дрисл. *Puridr*) Bride 6, **smip** вместо **smipr** (дрисл. *smidr*) Kirk Michael II (Olsen 1954: 151–233). И если формы **brist** и **(k)rim** еще можно объяснить тем, что следующее за ними слово начинается на **r**, а в рунической графике избегали обозначения двух одинаковых согласных, ср., напр., написание типа **krim risti** (Vg 7), **takh rispi** (Vg 133), вместо ***krimr risti** и ***takhr rispi** в рунических надписях Вэстерётланда (Forssman 2002: 23, 29), то остальные случаи формы без **r** находят соответствие только в именах конунгов и монетариев в Дании в X–XI веках. В других скандинавских рунических надписях этого времени такие формы еще невозможны.

В скандинавских рунических надписях на Британских островах мы встречаем и нарушение согласования, ср., напр., форму притяжательного местоимения **sine** в сочетании с винительным падежом существительного мужского рода **fustra** в надписи вместо ***fustrasin** ‘своего воспитанника’³.

В скандинавской рунической надписи XII из Ланкашира **kial seti pesa kirk** ‘Къяль поставил эту церковь’ (Olsen 1954) мы обнаруживаем не только совпадение формы винительного и именительного падежа, но и полную апокопу окончания, ср. форму **kirk** в надписи (дрисл. N. *kirkja*, A. *kirkju*) и скандинавское заимствование *kirk* в шетландских и шотландских диалектах английского языка. Совпадению форм именительного и винительного падежей у существительных мужского рода в скандинавском языке Британских островов, которое мы наблюдаем в рунических надписях способствовало отсутствие окончания /t/ в именительном падеже не только в древнеанглийских диалектах, но и в кельтских языках. В скандинавских рунических надписях на острове Мэн мы встречаем наряду со скандинавскими именами множество кельтских имен как традиционных, так и христианских, причем, несмотря на то, что язык этих надписей скандинавский, кельтские имена никогда не имеют в именительном падеже окончания -r (см., напр., **babrik** Braddan I ‘Патрик’).

Если мы сопоставим археологические и исторические данные с данными современной диалектологии, с первыми скандинавскими письменными памятниками латинским алфавитом, с приведенными выше скандинавскими руническими надписями на Британских островах и с надписями на первых скандинавских

³ Существуют разные толкования этой надписи. Сочетание **fustrasine**, в надписи Kirk Michael 3 **mal:lymkun:raisti:krus:pena:efter:mal:mury:fustra:sine:totortufkals:kona:is:apisl:ati+[b]etra:es:laifa:fustra:kupan:pan:son:ilan+** интерпретируют либо как ‘своего воспитанника’ (Olsen 1954: 216), либо как ‘свою воспитанницу’ (Page 1995: 173), соответственно надпись переводят либо как «М. поставила этот крест в честь своего воспитанника М., дочь Т., та женщина, на которой был женат А.» либо как «М. поставил этот крест в честь своей воспитанницы М., дочери Т., женщины, на которой был женат А.». Интерпретация Олсена кажется по ряду причин предпочтительнее. При второй интерпретации «ошибок» в надписи оказывается еще больше, поскольку в таком случае правильной формой должна была бы быть форма ***fustrusin**.

монетах, то очевидно, что упрощение падежной системы в континентальных скандинавских языках связано не с действием общих тенденций и не с языковым контактом эпохи Ганзы, а с гораздо более ранним скандинаво-древнеанглийским и скандинаво-кельтским контактом эпохи викингов.

Упрощение английской морфологии датчанин Есперсен связал со скандинаво-англосаксонскими контактами эпохи викингов⁴. Хотя традиционно многие скептически относятся к идее Есперсена и говорят об общих тенденциях (см., напр., Ярцева 1960; 1984), тот факт, что «тенденция» к отпадению падежных окончаний проявляется в первую очередь в северной и восточной Англии, т. е. в области наиболее интенсивных скандинаво-англосаксонских контактов, говорит о справедливости этой идеи (см., также Poussa 1982). Хансен отвергает модель Есперсена, предполагающего семикоммуникацию носителей древнескандинавских и древнеанглийских диалектов, полагая более вероятной модель, предполагающую двуязычие, но не отрицает скандинавского влияния на упрощение английской морфологии (Hansen 1984). Однако о существовании англо-скандинавской семикоммуникации несомненно свидетельствуют древнеисландские источники. И в саге о Гуннлауге и в Первом грамматическом трактате говорится о том, что до французского завоевания Англии Вильгельмом Завоевателем в Англии и Скандинавии был один язык, что свидетельствует о том, что носители древнеанглийских и древнескандинавских диалектов эпохи викингов понимали друг друга, когда каждый говорил на своем языке. Если объяснение редукции английской падежной системы датско-англосаксонскими контактами в эпоху викингов является одной из самых распространенных гипотез, несмотря на то, что многие продолжают объяснять это изменение действием тенденций, то предположение о том, что именно датско-англосаксонские контакты привели к редукции падежной системы в датском, откуда

⁴ «As the Scandinavian and the English could understand one another without much difficulty it was natural that many niceties of grammar should be sacrificed, the intelligibility of either tongue coming to depend mainly on mere vocabulary» (Jespersen 1930: 75; о редукции английской падежной см. еще раньше Jespersen 1891).

эта черта распространилась на север, не делалось, вероятно, потому, что не англосаксы селились в Дании, а датчане в Англии. Однако два лингвистических факта свидетельствуют о том, что англосаксонско- и кельто-скандинавские контакты эпохи викингов повлияли и на упрощение датской морфологии. Это очевидное распространение редукции падежной системы в Скандинавии с юго-запада на северо-восток и раннее исчезновение противопоставления форм именительного падежа и дательного и винительного падежа в скандинавских рунических надписях Британских островов и в легендах, чеканенных в Дании монет. О тесных связях именно западной Ютландии и Англии говорят и археологи (см., напр., Лебедев 1985). Однако вопрос о том, каким образом признаки скандинавского языка Британских островов распространились в Дании, в значительной степени остается открытым. Можно предположить не только возвращение части скандинавов на историческую родину, но и появление англосаксов в Дании, о чем в частности свидетельствуют имена датских монетариев. Возможно, вторым очагом распространения редукции падежной системы была южная Ютландия и, прежде всего, Хедебю, город, в котором наряду со скандинавским населением жили и саксы, и фризы, и славяне. Однако, в данном случае у нас очень немного письменных свидетельств, которые могли бы подтвердить это предположение. Правда, современные диалектные данные, показывают не только исчезновение падежей, но и сильную редукцию грамматической категории рода именно в западной и южной Ютландии (Кузьменко 1998), что может свидетельствовать в пользу этого предположения.

Таким образом, исчезновение падежей было связано с контактами датчан в эпоху викингов с западными германцами, а частичное сохранение падежей в северной Скандинавии в шведских и норвежских диалектах можно связать и с их относительной удаленностью от очагов распространения редукции, и с тем, что в финно-угорских языках (прежде всего в саамском и квенском), носители которых находились в постоянном контакте со скандинавами на севере, сохраняется довольно сложная падежная система (в северосаамском, самом бедном падежами саамском языке шесть падежей). Следует отметить и то, что редукция падежей и в английском, и в скандинавских языках происходила в то время,

когда уже в значительной степени грамматикализировался порядок слов (см. выше), т. е. падежи были не единственными показателями синтаксических функций существительных, что не способствовало их сохранению в зонах контактов.

Таким образом, можно заключить, что основными факторами, способствовавшими формированию скандинавского языкового ареала были контакты общескандинавского языка с финно-угорскими языками, предопределившие распространение агглютинативных черт (см. выше) и, возможно, способствовавшие лучшему сохранению падежных форм на севере Скандинавии, и контакты с западногерманскими языками в эпоху викингов (VIII–XII вв.), предопределившие редукцию падежных флексий и, возможно, распространение других аналитических черт.

Литература

- Гухман 1977 – Гухман М. М. (ред.). Историко-типологическая морфология германских языков. Фономорфология. Парадигматика. Категория имени. М.
- Кузьменко 1998 – Кузьменко Ю. К. Языковые контакты и морфологические изменения. Судьба категории рода в скандинавских языках и диалектах // Этнолингвистические исследования. Взаимодействие языков и диалектов. СПб. С. 5–44.
- Лебедев 1985 – Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе. Л.
- Стеблин-Каменский 1953 – Стеблин-Каменский М. И. История скандинавских языков. М.; Л.
- Словарь 1987 – Словарь иностранных слов, 1987. М.
- Сухачев 1977 – Сухачев Н. Л. К понятию «ретороманская зона» (ареальная характеристика) // Ареальные исследования в языкознании и этнографии. Л. С. 129–146.
- Сухачев 1978 – Сухачев Н. Л. Романо-германские контакты в Граубюндене // Проблемы ареальных контактов в Граубюндене. Л. С. 77–89.
- Ярцева 1960 – Ярцева В. Н. Историческая морфология английского языка. М.; Л.
- Ярцева 1984 – Ярцева В. Н. История английского литературного языка IX–XV вв. М.
- Askedal 2003 – Askedal O. J. Typologische Überlegungen zum etwaigen niederdeutschen Einfluss auf den festlandsskandinavischen Kasusbau // Nybøle R. et al., (Hg.) Papir vnde black – blåk och papper. Kontakte im deutsch-skandinavischen Sprachraum. Kurt Erich Schöndorf zum 70. Geburtstag. Frankfurt am Main et al. S. 11–21.

- Forssman 2002 – Forssman B. Studien zu einer runenschwedischen Grammatik. Die Nominalflexion in den Runeninschriften Västergötlands. Hamburg.
- Hansen 1984 – Hansen B. H. The Scandinavian linguistic element in English // NOWELE. Vol. 4. P. 53–95.
- Hauberg 1900 – Hauberg P. Myntforhold og udmyntninger i Danmark indtil 1146. København.
- Haugen 1984 – Haugen E. Die skandinavischen Sprachen. Hamburg.
- Jahr 1998 – Jahr E. H. Kontakten nordisk-nedertysk i hansatida: mer enn bare lån? // Norsk læraren. Bd. 1. S. 34–42.
- Jacobsen, Moltke 1942 – Jacobsen L., Moltke E. Danmarks runeindskrifter. Text. København.
- Jespersen 1891 – Jespersen O. Studier over engelske kasus. København.
- Jespersen 1930 – Jespersen O. Growth and structure of the English language. Leipzig. (6. изд.)
- Kisbye 1982 – Kisbye T. Vikingerne i England – sprogligespor. Odense.
- Kusmenko 2008 – Kusmenko J. K. Der samische Einfluss auf die skandinavischen Sprachen. Berlin.
- Malmer 1966 – Malmer B. Nordiskamylntförear 1000. Lund.
- Marold 1984 – Marold E. Überlegungen zur Entwicklung der Substantivflexion in den skandinavischen Sprachen // Geschwantler O. et al., (Hg.) Linguistica et philologica – Gedänkschrift für Björn Collinder 1894–1983. Wien. S. 307–330.
- Noreen 1913 – Noreen A. Geschichte der skandinavischen Sprachen. Strassburg.
- Olsen 1954 – Olsen, M. Runic inscriptions in Great Britain, Ireland and the Isle of Man // Viking antiquities in Great Britain and Ireland, 6. P. 151–233.
- Page 1995 – Page R. I. The Manx rune-stones // Runes and Runic Inscriptions, Collected Essays on Anglo-Saxon and Viking Runes. Edited by David Parsons with a bibliography by Carl T. Berkhout. Woodbridge. P. 225–244.
- Reinhammar 1973 – Reinhammar M. Om dativ i svenska och norska dialekter 1. Dativ vid verb. Uppsala.
- Reinhammar 1987 – Reinhammar M. Om dativ i svenska och norska dialekter 2. Dativ vid adjektiv // Svenska landsmål och svenskt folkliv. Årg. H. 311. P. 7–62.
- Seip 1955 – Seip D. A. Norsk språkhistorie til omkring 1370. Oslo (2. Utg.).
- Skautrup 1944 – Skautrup P. Det danske sprogs historie. Bd. 1. København.
- Skautrup 1947 – Skautrup P. Det danske sprogs historie. Bd. 2. København.

Н. Г. Кузьмич

ОБ ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКАХ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ШВЕЙЦАРСКО-НЕМЕЦКИХ ДИАЛЕКТОВ

По словам акад. В. М. Жирмунского, «научное изучение немецкого языка, его истории и его современного состояния невозможно без основательного знакомства с немецкой диалектологией» (Жирмунский 1956: 3).

Особо важное национальное значение изучению диалекта придается в Швейцарии. Это объясняется, прежде всего, высоким функциональным статусом швейцарско-немецкого диалекта (Schwyzertütsch). Диалект выступает здесь в функции обиходно-разговорного языка. На диалекте говорят все слои населения и по любому поводу. Диалект постепенно становится самостоятельным средством коммуникации (Raeber 1986: 63).

По образному выражению А. Баура, исследование швейцарско-немецких диалектов базируется на «трех столпах» (auf drei Säulen). Это 1) Швейцарско-немецкий словарь (Идиотикон) (Id.); 2) Лингвистический атлас немецкоязычной Швейцарии (SDS) и 3) большое количество специальных исследований отдельных диалектов или отдельных языковых явлений (Baug 1990: 23).

Швейцарско-немецкий словарь (Идиотикон) основан в 1862 году Ф. Штаубом и Л. Тоблером (Schweizerisches Idiotikon 1881).

Мотивом для создания Идиотикона послужило опасение, что швейцарско-немецкие диалекты могут быть вытеснены нововерхненемецким языком, так как во второй половине 19 века наблюдалось стирание различий между диалектом и письменным языком. Поэтому Ф. Штауб и Л. Тоблер обратились к швейцарскому народу с призывом собирать все диалектные слова.

Первые опросные листы словаря были разосланы в 1876 году, а в 1881 году вышел первый том. Как указано в Предисловии к этому тому, словарь включает в себя все швейцарские слова во всем их диалектном многообразии; все слова, которые не

встречаются в письменном нововерхненемецком языке или отличаются от него по форме или значению (Id. I, Sp. V). В сборе материала принимали и принимают участие тысячи людей из всех уголков Швейцарии, люди различных возрастов и профессий. Поэтому подзаголовок словаря по праву гласит: «Составлен по решению антикварного общества в Цюрихе при помощи всех слоев швейцарского народа».

Сейчас завершается подготовка к публикации 16 тома из запланированных 17 томов. Языковой материал, сбор которого начался в 1862 году и продолжается до сих пор, составляет более 1,5 миллиона карточек. Окончание работы над словарем планируется завершить к 2025 году.

Швейцарско-немецкий словарь, или Идиотикон – так швейцарцы с любовью называют этот словарь по его первоначальному заглавию, содержит обширную информацию о более чем 700-летней истории немецкого языка, а также этнографии на территории Швейцарии и пограничных с нею альпийских поселений северной Италии. Словарь предназначен для пользования не только лингвистов, но также теологов, юристов, историков, этнографов, учителей и всех людей, которые интересуются диалектом. Имеющиеся в каждом томе Указатели дают возможность пользователям словаря хорошо ориентироваться в этом обширном материале.

Особенностью Идиотикона является то, что он учитывает, помимо специальных языков (язык учащихся, студентов, солдат, путешественников и т. д.), также связь слова и вещи. В Идиотикон включены такие тематические группы слов, как животный и растительный мир, сельское и альпийское хозяйство, охота, рыбная ловля, ремесла, материальная культура, народная жизнь, право, поэзия и др. Источником материала для современного состояния диалектов послужили также данные Интернет-форумов. Словарь содержит более 150 000 словарных статей.

Характерными признаками Идиотикона являются также следующие: 1) расположение слов по системе Й. А. Шмеллера; 2) обзор важнейших фонетических и грамматических форм слова; 3) учет семантических оттенков слова; 4) четкое разделение омонимов; 5) учет фразеологизмов и идеоматических выражений; 6) указание на синонимы; 7) указание на синхронное значение и

диахроническое развитие слова (история слова); 8) цитирование целостных законченных предложений; 9) у каждого семасиологического оттенка слова указывается его географическое расположение; 10) в примечаниях к словарной статье приводятся названия фамилий, топонимы и гидронимы и др.

В качестве примера приведем словарную статью *Wä(i)je*. Прежде всего, указано, что существуют омонимы: *Wä(i)je*, fem. I ‘снежный занос’ и *Wä(i)je*, fem. II ‘плоский пирог с начинкой из фруктов, овощей или молочных продуктов, изготовлявшийся раньше из хлебного теста, а сегодня из протертого теста и распластанный в Базеле, Ааргау, Люцерне, Цюрихе и Гларусе’. В словарной статье приводится самый ранний зафиксированный пример с этим словом (Винтертур, кантон Цюрих, 1551 г.): *das die frow zuo im khommen und er iro ein wäyen bachten müessen* ‘dass die Frau zu ihm gekommen und er ihr eine *Wä(i)je* habe backen müssen’. Далее в словарной статье указывается, что об истории слова можно подробно прочитать в монографии О. Ринера, а обзор географического расположения слова *Wähe*, так же как и его синонимов *Dünne*, *Kuchen*, *Fladen* и *Zelten* можно найти на картах 187 и 188 пятого тома Лингвистического атласа немецкоязычной Швейцарии. Словарная статья отмечает также тот факт, что *Wähe* во многих местах страны является характерной едой в постные дни и регулярно выпекается по пятницам, а в качестве праздничного пирога применяется после сбора урожая, в Рождество и Новый год. Напр.: *do hät me chönne Wäen essen am Nöijör, bis dass me schier gar usenand gsprüzt ist* ‘Da könnte man *Wä(i)je* essen, bis man schier auseinandergeplatzt ist’ (19 в., кантон Цюрих). Этимологически Идиотикон соотносит существительное *Wähe* с глаголом *wäijen* (нем. *wehen* ‘дуть, веять»). В словарной статье приводятся сложные слова, вторым компонентом которых является *Wähe*: *Epfel-* (‘Apfel-’), *Herdöpfel-* (‘Kartoffel-’), *Amarille-* (‘Aprikosen-’), *Chirs-* (‘Kirschen-’), *Chäs-* (‘Käse-’). *Nidel-* (‘Rahm-’), *Bälle-* (‘Zwiebel-’), *Ankerume* (‘Rückstand beim Buttereinsieden’ – ‘масло, оставшееся на дне посуды, в которой хранилось свежее масло’).

Приведенная словарная статья *Wä(i)je* является наглядным примером соединения диалектологии и этнографии, слова и

вещи, а также словаря (Id.), атласа (SDS) и монографии (О. Ринер).

Насколько актуален и современен Швейцарско-немецкий словарь, можно судить хотя бы по тому, что в него включены многие заимствования. Например, такая словарная статья, как *Wiked* 'Wochenende'. Самое раннее письменное употребление этого слова встречается в газете 'Neue Zürcher Zeitung' в 1933 году: 'Heute, da man nicht mehr schlicht zum Sonntagsausflug, sondern weltgewandt und selbstbewusst ins Weekend geht'. Среди других многочисленных заимствований из английского языка, включенных в Идиотикон, можно назвать *Tschiins* 'джинсы', *Tschigg*, что означает 'девушка' (от английского *chicken* 'цыпленок, ребенок'; австрал. «молодая женщина, девушка») и *Wau* (англ. *wow*), что может быть как возгласом удивления, так и недовольства: *Wau, isch das guet!* или *Wau, die spined ja völlig!*

Начиная с пятого тома, Швейцарско-немецкий словарь достигает такой детализации материала, такой глубины, что его можно рассматривать как тезаурус, т. е. полный толковый словарь, и можно поставить в один ряд с многотомными национальными историческими словарями других немецкоязычных стран (Landolt 2010: 410).

Швейцарский лингвист П. Отт, который в течение нескольких лет был главным редактором Швейцарско-немецкого словаря и который более 30 лет занимается исследованием диалектов, полагает, что словарь интересен не только для ученых, но и для широких слоев населения. В связи с этим редакция планирует выпустить популярное, «народное», двухтомное издание словаря (*Volksausgabe*), которое будет соответствовать новейшим лексикографическим и графическим стандартам и будет включать больше этимологии. Этот «народный» словарь выйдет из печати одновременно с последним томом Идиотикона.

Помимо этого, редакция словаря планирует начать поэтапную оцифровку Идиотикона. Это стало возможным благодаря финансовой поддержке Швейцарской академии духовных и социальных наук (SAGW) и помощи некоторых кантональных ведомств.

В 2012 году исполняется 150 лет со дня начала работы по составлению Швейцарско-немецкого словаря. В связи с этим уместно вспомнить слова Ф. Штауба, одного из основателей сло-

варя, приведенные в книге А. Баура и не потерявшие значения в наши дни «До тех пор, пока мы будем придерживаться нашего языка, язык сохранит нас как нацию и защитит наше своеобразие лучше, чем Рейн. Отказавшись же от нашего своеобразного языка, мы потеряем наш швейцарский образ мышления и перестанем быть самими собой» (Baug 1990: 5).

Наряду со Швейцарско-немецким словарем, сокровищницей, в которой наглядно представлен народный язык Швейцарии XX века, является Лингвистический атлас немецкоязычной Швейцарии (SDS).

«Лингвистический атлас – это система сопоставимых карт фактографического и обобщающего характера, совокупность которых формирует пространственную модель языка (речи) или отдельных его уровней» (Сухачев 1974: 35). Задача любого атласа – проследить тождества и различия в развитии диалектов, а также обогатить наше представление о современной системе диалектов в типологическом аспекте.

SDS является самым значительным атласом немецкой языковой области. Составление его началось в 1935 году двумя крупнейшими швейцарскими диалектологами Г. Баумгартнером (1889–1944 гг.) и Р. Хоценкёхерле (1903–1976 гг.). Позднее атласом руководили П. Цинсли, Р. Трюб, Р. Шлепфер.

Создатели SDS, будучи учениками А. Бахмана, придерживались традиции швейцарско-немецкой диалектологии, а с другой стороны, они как ученики К. Яберга и Я. Юда продолжали традицию швейцарских романистов, т. е. лингвогеографическую и ономаσιологическую традицию, в основе которой лежит метод «словá и вещи».

Задача SDS – показать картографически на основе материала, собранного и обработанного по специальной методике, все существенные пространственные различия внутри живых диалектов немецкоязычной Швейцарии и частично отмирающих диалектов пограничных альпийских поселений северной Италии.

Основой всякого лингвистического атласа является вопросник, содержание и объем которого отражают проблематику атласа. Вопросник представляет собой единую и системную программу изучения швейцарско-немецких диалектов, ибо он не ограничивается изучением случайных явлений, а содержит элементы

всех уровней языковой системы. Здесь учтены все существенные фонетические и грамматические особенности, а также важные проблемы словообразования и построения предложения. Вопросник включает далее большое количество вопросов по географии слова, главным образом с ономаσιологической точки зрения, в меньшей мере – с семасиологической, связанные с точной фиксацией соответствующей «вещи» (напр., орудия труда, средства передвижения, дома, процессы труда в домашнем и сельском хозяйстве). Вопросник несколько раз пересматривался и дополнялся. Окончательная анкета содержит 2 600 вопросов, из них 1500 к существительным, 650 – к глаголу, 350 – к прилагательным, наречиям и местоимениям. Всего в вопросник включена 41 тематическая группа.

В атласе использована плотная опорная сеть. Материал для атласа собирался в 573 коммунах. Дополнительно к этому позже были опрошены информаторы еще из 52 пунктов. Всего – 1 500 информаторов. Там, где возможно, составители атласа опрашивали людей, которые лучше других говорят на диалекте, а также людей старшего поколения, в возрасте 50–70 лет. Информаторами были люди различных социальных групп. Сбором и обработкой материала занимались известные швейцарские диалектологи: Р. Хоценкёхерле, Р. Трюб, Р. Шлепфер, Д. Хандшу и др.

Сейчас в архиве SDS находится ровно 3 млн. фонетически затранскрибированных языковых форм, кроме этого более 0,5 млн. спонтанных примеров, более чем 10 000 рисунков и фотографий, а также 106 магнитофонных записей, сделанных составителями атласа в сотрудничестве с Фонограммным архивом г. Цюриха. Таким образом, материал SDS представлен в трех видах: наглядный, письменный и звуковой. Этот оригинальный материал позволяет установить в течение короткого времени пространственное распространение отдельных звуков, слов, форм слова, а также наблюдать географию и мотивировку названий. С помощью более плотной опорной сети, удачного вопросника и транскрипции, позволяющей фиксировать тончайшие различия в произношении, швейцарским диалектологам удалось создать новый тип регионального атласа. Работа над атласом завершена. За 1962–1997 годы вышло 8 томов атласа. В 2003 году вышел Заключительный том (Abschlussband). Том I посвящен вокализму,

II – консонантизму, III – морфологии, IV–VIII тома посвящены географии слов (названия частей тела; одежда; пища; окружающая среда; дом и двор; домашние животные; лесное и сельское хозяйство). В Заключительном томе, авторами которого являются Р. Трюб и Л. Трюб, на 294 страницах размещены история создания атласа, описание метода публикации атласа и общий указатель ко всем 8 томам атласа (22 000 слов).

Карты атласа в своей совокупности дают представление о непрекращающейся живучести швейцарско-немецких диалектов и их большой территориальной вариативности.

Самыми существенными признаками Лингвистического атласа немецкоязычной Швейцарии являются следующие:

– Все опубликованные в атласе данные точно доказуемы как во времени, так и в пространстве и зафиксированы со слов информаторов специально подготовленными для этой цели лингвистами.

– Все данные собирались по одной системе, поэтому могут быть сравнимы между собой.

– Полученные данные отмечались на картах специальными символами, так что на картах можно увидеть отдельные языковые ландшафты, смешанные зоны и отдельные пункты.

– Каждый том атласа выдержан тематически.

– По возможности отдельные карты связаны между собой как географически, так и по содержанию.

– Многочисленные данные из городов позволяют ознакомиться с социолингвистической стратификацией и с отношением между городом и селом.

– Данные сами по себе синхронные, но в ряде случаев можно проследить и динамику изменений (в результате неоднократно полученных данных с одного и того же пункта). Это касается повседневной (особенно сельскохозяйственной) культуры, отраженной не только на картах, но также в тексте и в иллюстрациях.

– Вследствие архаичности альпийских диалектов по картам часто можно получить представление о ходе языковой истории в течение столетий.

– На отдельных картах отчетливо вырисовывается связь алеманнских диалектов с соседними романскими диалектами, особенно это имеет место в Пьемонте.

– На лексических картах регулярно даются ссылки на специальную литературу и на соответствующие словарные статьи Швейцарско-немецкого словаря что позволяет делать сравнения с более ранней географией того или иного слова, а также позволяет проследить историю слова и его этимологию и т. д.

– Все тома атласа снабжены подробным предисловием, общим, библиографическим, грамматическим указателями, указателем диалектных слов и другими указателями. (Trüb 2003: 67).

Каждый человек, кто ознакомится с материалом или картами атласа или только посмотрит на приведенные к отдельным томам грамматические указатели, сразу же отметит, какие основополагающие проблемы диалектологии – всей лингвистики – решаются в атласе.

На материале SDS проведены исследования фонетических, фонологических, морфологических и лексических особенностей швейцарско-немецких диалектов (работы П. Цинсли, Р. Хоценкёхерле, Р. Трюба, О. Ринера, Р. Шлепфера, У. Дж. Моултона, И. Верлена, П. Глатхарда, В. Хааса и др.). Метод SDS повлиял на другие немецкие атласы, напр., на эльзасский (ALA), лотарингский (ALLG), форарльбергский (VALTS) и др.

Третьим «столпом», на котором базируется изучение швейцарско-немецких диалектов, являются специальные исследования отдельных диалектов или отдельных языковых явлений. Здесь, прежде всего, следует назвать серию «Приложений к грамматике швейцарско-немецких диалектов» (BSG) (20 томов), серию «Приложений к исследованию швейцарско-немецких диалектов» (BSM) (24 тома) и серию «Грамматики и словари швейцарско-немецкого» (GWS) (25 томов).

Помимо Швейцарско-немецкого словаря, в Швейцарии существует поразительно большое количество более мелких словарей и глоссариев для всех диалектов страны (базельского, бернского, цюрихского, диалектов Граубюндена и др.). Региональные словари дают свежий фактический материал, представляющий ценность не только для языкознания, но также и для истории народа, истории материальной и духовной культуры диалектной области.

Таким образом, немецкоязычная Швейцария со своими еще очень живыми диалектами является одним из наиболее изу-

ченных языковых ландшафтов. Швейцарско-немецкий словарь, Лингвистический атлас немецкоязычной Швейцарии, которые дополняют друг друга, как и многочисленные другие публикации, монографии, диалектные грамматики и словари, являются источниками диалектологических материалов, необходимых при изучении языков и народов Швейцарии.

Литература

- Жирмунский 1956 – Жирмунский В. М. Немецкая диалектология. М.; Л., Изд. АН СССР, 1956.
- Сухачев 1974 – Сухачев Н. Л.. Лингвистические атласы и карты // Проблемы картографирования в языкознании и этнографии. Л.: «Наука», 1974.
- Baur 1990 – Baur, Arthur. Schweizerdeutsch – woher und wohin? – Zürich: Rohr, 1990.
- Landolt 2010 – Landolt, Christoph. Das Schweizerische Idiotikon – ein diachronisches Wörterbuch der schweizerdeutschen Sprache // Historische Lexikographie des Deutschen, hg. von Holger Runow. Mitteilungen des Deutschen Germanistenverbandes, 57/4. 2010.
- Raeber 1986 – Raeber K. im „Magazin“ der Luzerner Nachrichten von 20.2.1982. Zitiert nach: Das Deutsch der Schweizer: Zur Sprach und Literatursituation der Schweiz. Hrsg. von H. Löffler, 1986, S. 63.
- Schweizerisches Idiotikon. Wörterbuch der schweizerdeutschen Sprache. Begr. von F. Staub u. L. Tobler. Bearb. von A. Bachmann u.a. Bd. 1–15, Frauenfeld 1881–2002.
- SDS – Sprachatlas der deutschen Schweiz, begründet von Heinrich Baumgartner u. Rudolf Hotzenköcherle, hrsg. von Rudolf Hotzenköcherle, fortgeführt und abgeschlossen von Robert Schläpfer, Rudolf Trüb, Paul Zinsli. Bd. I–VI Bern 1962–88; Bd. VII–VIII Basel 1993–97. Abschlussband. – Tübingen und Basel: Francke Verlag, 2003.
- Trüb 2003 – Trüb, Rudolf. Sprachatlas der deutschen Schweiz. bschlussband (Werkgeschichte, Publikationsmethode, Gesamtregister). Unter Mitarbeit von Lily Trüb. Tübingen und Basel: A. Francke Verlag, 2003.

CAMUS DEVANT LES JEUNES : UN MIROIR QUI RENSEIGNE

Deux semaines avant sa mort, Camus trouva « comique » la question d'un journaliste qui voulait savoir si dans son travail d'écrivain il était préoccupé par le souci d'être un guide pour sa génération. « J'ai trop à faire pour trouver mon propre langage, répondait Camus. Je ne guide personne : je ne sais pas, ou je sais mal, où je vais. [...] Je me pose les mêmes questions que se posent les hommes de ma génération, voilà tout, et il est bien naturel qu'ils les trouvent dans mes livres, s'ils les lisent. Un miroir renseigne, il n'enseigne pas¹. » (t. 4, p. 661) Certes, on peut voir dans cette réponse la modestie d'un auteur, devenu classique de son vivant, qui ne vit pas sur un « trépied » et se croit « riche seulement de ses doutes ». Un artiste dont la seule vocation qu'il se sente et qu'il avoue, « c'est de dire aux consciences qu'elles ne sont pas sans tache et aux raisons qu'il leur manque quelque chose² ». (*Cahiers VI, OC*, t. 4, p. 1007) Mais il faut reconnaître aussi que toute son œuvre est une interrogation, une quête de la justice et du bonheur inséparable des espoirs et du tragique de son époque. Or, en témoigner refusant le mensonge, en offrir des images privilégiées et apporter ses « lumières » au public, notamment à celui qui en a le plus besoin, c'est-à-dire aux jeunes qui entrent encore dans la vie et qui se cherchent, telle était sans doute la véritable passion de Camus tout au long de sa vie.

Quels ont été alors ses rapports d'écrivain et d'homme de théâtre avec la jeunesse ? Dans quelle mesure son art et ses différents engagements répondaient-ils aux horizons d'attente de la jeunesse et qu'est-ce qui fait qu'ils restent actuels aujourd'hui ? On sait que pour

¹ Albert Camus. *Œuvres complètes*, t.4, Gallimard, Bibl. de la Pléiade, 2008, Les références à cette édition seront données dans le texte (*OC*).

raison de santé, il lui avait été interdit de se présenter au concours de l'agrégation et de devenir, comme il le désirait, professeur de philosophie, au contact permanent des jeunes. Il est significatif cependant que dans le récit « L'Hôte », peut-être le plus prégnant du recueil *L'Exil et le Royaume*, il fera de son protagoniste, Daru, un instituteur qui traduira sa propre relation au monde et à lui-même ainsi que sa tragédie personnelle, celle de la guerre en Algérie.

Sa décision de devenir écrivain, Camus l'évoquera dans la préface au livre de son maître et ami Jean Grenier, *Les Îles*. On y trouve, entre autres, la définition de son idéal des rapports « élève - maître ». Il considère que c'est une énorme chance qui lui est échue de s'être trouvé un maître au moment qu'il fallait et d'avoir pu continuer à l'aimer et à l'admirer à travers les années et les œuvres. « Parmi les demi-vérités dont s'enchantent notre société intellectuelle, constatait-il, figure celle-ci, excitante, que chaque conscience veut la mort de l'autre. Aussitôt nous voilà tous maîtres et esclaves, voués à nous entre-tuer. » (*OC*, t.4, p. 623) À l'encontre de ce postulat sartrien, le rapport « disciple – maître » équivaut dans sa conscience à une « relation de respect et de gratitude » dans un dialogue permanent, à une « confrontation » qui n'entraîne ni servitude ni obéissance, mais seulement une imitation, au sens spirituel du terme, jusqu'au moment où le disciple quitte le maître en accomplissant sa différence. Camus lut *Les Îles* à vingt ans. La beauté du langage et la profondeur des sentiments que lui inspirait ce livre le marquèrent pour la vie. Il reconnaît sa dette à l'égard de ce don artistique qui n'oblige pas mais qui transfigure comme une grande et rare révélation. « L'esprit engendre ainsi l'esprit à travers les générations, remarque-t-il, et l'histoire des hommes, heureusement, se bâtit sur l'admiration autant que sur la haine. » (*Ibid.*, p. 624). Lui qui est entré dans la littérature par admiration, c'est vers la jeunesse qu'il se tourne pour partager avec elle son bonheur : « Et j'envie, sans amertume, j'envie, si j'ose dire, avec chaleur, le jeune homme inconnu qui aujourd'hui, aborde ces *Îles* pour la première fois... » (*Ibid.*, p.624). Ceci dit, tout en recevant la pensée existentialiste du maître, Camus n'acceptera pas ses conclusions qui, à instar de celles de Kierkegaard et de Chestov, aboutissent à la foi religieuse, à ce qu'il appellera dans le *Mythe de Sisyphe*, le « saut philosophique ». Ce qui, plus tard, le fera marquer sa

différence par rapport à la vision du monde de Grenier : « Jean Grenier n'est pas un humaniste. Il désespère de l'homme ».

Peut-être est-ce pour échapper à la solitude que le jeune Camus s'est tourné vers le théâtre. C'est aussi sans doute sa pratique de tous les métiers liés à la représentation qui lui a donné l'envie d'être dramaturge. Dans ce domaine, c'est Jacques Copeau qu'il va considérer comme son maître, le seul, d'après lui, qui peut être reconnu par toute la communauté des gens de théâtre.

À l'automne 1959, quand il s'apprêtait à prendre la direction d'une troupe parisienne, Camus rend hommage à cet artiste exemplaire qu'il présente comme le plus grand réformateur de la scène française : « Dans l'histoire du théâtre français moderne, écrit-il dans *Copeau, seul maître*, il y a deux périodes : avant Copeau et après Copeau. » (*OC*, p. 616) Il met en lumière au premier abord l'intransigence de la position prise par Copeau sur tous les problèmes du théâtre. L'oeuvre dramatique est pour Copeau un fait de culture universelle, plus menacé au théâtre qu'ailleurs, par « l'argent, la veulerie, la haine, la politique, par les intérêts financiers ou idéologiques ». (*Ibid.*) Rappelons qu'en 1937 déjà, Camus cite en exergue du *Manifeste du Théâtre de l'Equipe* les propos de Copeau dont la troupe de jeunes amateurs, à Alger, avait fait sa devise : « Des théâtres, dont le mot d'ordre est travail, recherche, audace, on peut dire qu'ils n'ont pas été fondés pour prospérer mais pour durer sans s'asservir. » (*OC*, t. 1, 1438–1439) Camus a donc créé ce théâtre sous le signe de Copeau et il a repris une partie de son répertoire. Dans un pays où il n'y avait pas de vie théâtrale, (Camus n'avait même pas de radio à la maison pour suivre les retransmissions des spectacles), les écrits de Copeau ainsi que l'histoire du Vieux-Colombier lui avaient donné ce que Copeau appelait « la dévotion au théâtre ». ³

Par la suite, à l'automne 1941, à Oran, réfléchissant à ce que devrait être l'engagement [dans l'histoire], Camus se rappelle la place que Copeau accordait à l'artiste face aux grandes épreuves de l'histoire. Il le cite dans ses *Carnets* : « J. Copeau. *Aux grandes époques, ne cherchez pas le poète dramatique dans son cabinet. Il est*

³ « Ce qui m'a décidé à créer cette troupe, disait-il, c'est qu'Alger était un Sahara théâtral. Puisque je ne pouvais pas voir le théâtre que j'aimais, j'ai décidé de le jouer. » (Interview à « Paris-Théâtre », *OC*, t.4, p. 577–578)

sur le théâtre, au milieu de ses acteurs. Il est acteur et metteur en scène. Nous, ajoutait Camus, [nous] ne sommes pas une grande époque. » (OC, t.2, p. *Carnets I*, 236) Quittant le cycle de l'absurde, au début des années noires de l'Occupation, [dans une atmosphère d'amertume et de désarroi,] Camus ne sépare plus, se référant à Copeau, la création artistique de l'implication dans les destinées de tous les « acteurs » du drame qui se jouait alors dans le monde.

Plus tard, lors de son voyage en Amérique du Sud, en juillet 1949, Camus visite, à Rio de Janeiro, une école de théâtre, où dans un entretien avec professeurs et élèves, il dit: «Cependant il est venu un homme nommé Jacques Copeau qui a soutenu une lutte folle contre le théâtre du “ménage à trois” et qui a modifié tout notre panorama dramatique, ouvrant la voie aux nouveaux auteurs et aux acteurs capables de les représenter.⁴» En 1952, blessé par la polémique avec *Les Temps modernes*, il voit dans l'engagement des «progressistes» des «coquinerie» – l'aspiration à la «servitude», la «terrible époque» étant leur seule excuse. Il revient de nouveau à Copeau en qui il trouve un allié dans son opposition à l'auteur des *Mains sales*, héritier, selon lui, de l'esthétique positiviste. «Brunetière plaidait déjà comme Sartre pour le théâtre de situations contre le théâtre de caractères. Copeau réglait alors la question en une phrase : *La situation vaut ce que valent les caractères.*⁵» (OC, t. 4, *Carnets III*, 65).

Trois ans après, dans une conférence prononcée à Athènes sur *L'avenir de la tragédie*, Camus évoque d'emblée la réforme de Copeau. Elle est liée à la venue des **écrivains** au théâtre, une critique virulente du mercantilisme et de la vulgarité boulevardière, ainsi que des formes figées ou des idoles du jour au théâtre. C'est l'effort de Copeau de ressusciter les formes tragiques sur la scène qui, selon Camus, a remis l'art dramatique en France au sommet des arts littéraires.

⁴ (JV,95). cf. F.Bartfeld, p. 90, 92 . En 1951, répondant au questionnaire *Le Théâtre a-t-il rencontré Dieu?*, Camus évoquera la “réforme de Copeau”: «Copeau a tiré le théâtre de soixante années de vulgarité et lui a rendu sa dignité et sa place traditionnelle au sommet des arts littéraires. » (OC, t. 3, p. 878).

⁵ Camus ajoute: « Id. Copeau sur le *métier*, sur la pièce *bien faite*. Ne pas confondre *recette* et *métier*. Cf. Discours sur le Poème Dramatique, de Corneille.»

Dans son message adressé le 24 juin 1959 au ministère de la Culture sur le «Nouveau Théâtre» qui devait lui être accordé, Camus actualise comme essentielle la directive de Copeau de donner au théâtre la première place au texte, au style, à la beauté, la qualité du langage étant le premier critère dans le choix des pièces: « Les jeunes metteurs en scène [...] et la troupe des comédiens, devront se mettre au service du seul texte.» (*OC*, t. 4, p. 652) Enfin, dans *Copeau, seul maître*, il rappelle le principe de Copeau, devenu le sien: cacher le metteur en scène derrière le comédien et le comédien derrière le texte. «*Amorcer le sentiment chez l'acteur, non le dicter.*» En ce qui concerne les acteurs, il n'était pas, certes, pour la "distanciation". "*Le tout du comédien, disait-il, c'est de se donner*". Il est vrai qu'il [Copeau] ajoutait aussitôt: "*Pour se donner, il faut d'abord qu'il se possède.*" Ce qui, au contraire, risque d'indisposer ces acteurs qui croient que l'émotion tient lieu de technique et de métier alors que le métier est exactement le libérateur de l'émotion. » (*Ibid.*) D'autre part, Camus va s'appuyer sur l'esthétique de Copeau pour exprimer ses réserves sur le théâtre épique de Brecht. Il rappelle les principes du travail de Copeau qu'il partage avec ses comédiens, et qui sont totalement opposés à la «distanciation» brechtienne.⁶ Nullement sectaire parce que parmi ses projets de réalisation figurait aussi *La Bonne âme de Setchouan*, Camus craignait que pour des raisons politiques ou idéologiques le théâtre de Brecht ne divisât le public au lieu de lui proposer une oeuvre dramatique capable de réunir, et non diviser, dans une même émotion et un même rire, les spectateurs présents. Notons cependant que dans son adaptation des *Démons* (des *Possédés*) de Dostoïevski, Camus ne suivra pas les procédés de Copeau abordant Dostoïevski, mais choisira d'aller dans le sens de l'adaptation de Nemirovitch-Dantchenko, aussi fidèle que possible à la composition et aux enjeux thématiques du roman.

Mais pour revenir à la jeunesse de Camus, il faut croire que c'est l'amitié et l'enthousiasme de ces jeunes – étudiants, ouvriers, universitaires – dirigés par Camus, le sérieux de leur initiation au

⁶ Dans l'interview à *France-Soir* (1958), il affirmait: «Je suis pour la tragédie et non pour le mélodrame, pour la participation totale et non pour l'attitude critique. Pour Shakespeare et le théâtre espagnol. Et non pour Brecht. [...]» (*OC*, t. 4, 650–651).

travail sur les tréteaux qui ont assuré le succès du *Théâtre du Travail* et du *Théâtre de l'Equipe*, dont le manifeste portait le titre « Pour un théâtre jeune ». (*OC*, t.1, p.1439) Rappelons qu'une des réussites du *Théâtre de l'Equipe* en 1937, fut la mise en scène par Camus des *Frères Karamazov* dans l'adaptation de Copeau (1911) où Camus jouait, tout comme Copeau, le rôle d'Ivan, le révolté. « J'ai aimé par-dessus tout Ivan Karamazov, dira Camus. Je le jouais peut être mal, mais il me semblait le comprendre parfaitement. Je m'exprimais directement en le jouant. » (*OC*, t.4, 578). C'est vraisemblablement dans ce rôle qu'il revêtit la tenue du nihiliste suprême de Dostoïevski et engage un dialogue avec l'auteur qui deviendra un compagnon de route pour la vie. Dans le premier temps de cette réception, on peut mesurer l'enthousiasme du jeune Camus à l'adhésion mais aussi à la hardiesse qu'il manifeste à récuser le bilan prophétique du romancier russe. C'est là aussi qu'il conçoit sa mise en scène des *Démons (Les Possédés)* de Dostoïevski, projet qu'il réalisera en janvier 1959 et qui sera sa dernière création.⁷ Nous retrouvons ces jeunes personnages dans *Le Mythe de Sisyphe* : Stavroguine, Kirilov tout comme Ivan Karamazov qui illustrent bien ce qui est, dans son cycle de l'absurde, une révolte passionnée contre la création et le « mensonge » de l'existence. Il apprécie dans ces personnages leur lucidité et leur liberté, leur résolution d'aller jusqu'au bout dans le déploiement d'une logique destructrice.⁸

A travers la course effrénée du jeune empereur Caligula vers un dénouement tragique, le public d'hier et d'aujourd'hui entend le cri d'une jeunesse souffrante qui découvre d'un coup ses premières vérités négatives : « Les hommes meurent et ils ne sont pas heureux ».

⁷ « J'ai rencontré cette oeuvre à vingt ans, se souvenait-t-il en 1955, et l'ébranlement que j'en ai reçu dure encore, après vingt autres années. » (*OC*, t. 4, p. 590)

⁸ Ceux qui connaissaient Camus à l'époque, se souviennent d'un jeune homme qui vivait dans l'univers des personnages révoltés de Dostoïevski et se les appropriait dans son comportement. [Un jour, dans une rue d'Alger, à la vue d'un enfant renversé par une voiture, Camus, montrant le ciel, lance à son ami : « Tu vois, il se tait! » Lors de l'Occupation, dans un petit restaurant, il mange goulûment des macaronis tout en guettant l'effet que produira sur les autres clients son exclamation tirée des *Karamazov*: « S'il n'y a pas de Dieu, tout est permis ! » Cf. Max-Pol Fouchet, *Un jour, je m'en souviens*, Mercure de France, 1968

« Il arrive que les décors s'écroulent », ce qui provoque une révolte qui, par sa substance même et sa ferveur, est juvénile ; elle est dans le passage bouleversant de la révélation de l'absurde au désespoir d'une négation totale et, tout compte fait, au « suicide supérieur ». À la Libération, Camus ira chercher Gérard Philipe et Michel Bouquet, tout jeunes à l'époque, pour les engager dans sa pièce, ce sera leur premier succès.

D'emblée, tous les écrits de Camus portent la marque d'un vécu personnel. Cela ne pouvait que renforcer l'intérêt, la sympathie et la confiance de la jeunesse toujours sensible à l'authenticité voire à la sincérité d'un auteur qui s'implique profondément dans ses œuvres. Ainsi, dans *Le Mythe de Sisyphe*, passent au long du texte de façon sous-jacente les diverses formes de confrontations qu'a dû rencontrer l'auteur dans sa vie et le ressentir comme l'absurde : le silence d'une « mère étrange », la maladie, l'échec conjugal et les déceptions politiques. A l'instar des révoltés métaphysiques de Dostoïevski, il s'attaque alors aux questions principales: la vie, a-t-elle un sens, oui ou non? L'existence est-elle « mensongère ou éternelle? » La question « si la vie vaut ou ne vaut pas la peine d'être vécue » est si pressante et posée avec une telle intensité, une telle ferveur de jeunesse qu'elle ne peut engendrer que des solutions extrêmes⁹.

Dans *Le Mythe de Sisyphe* Camus propose quatre figures exemplaires qui tirent de l'absurde un style de vie : Don Juan, le comédien, le conquérant et le créateur, tous relevant, selon Roger Quilliot, une « confession indirecte » de l'auteur.¹⁰ Don Juan, personnage de théâtre et d'opéra, fascine Camus à plus d'un titre : par son amour de vivre et son pouvoir de séduction des femmes, mais aussi par sa terre d'origine – l'Espagne, une terre du ressourcement pour Camus lui-même. En 1937, il avait interprété le rôle de Don Juan dans la pièce de Pouchkine, et espéra, un instinct, de reprendre ce rôle dans la pièce de Molière, en 1941, après son retour à Oran. Chez Camus, c'est un personnage qui tend à se multiplier dans l'amour pour les femmes qu'il aime avec un égal emportement. Il épuise ainsi ses chances de vie choisissant une éthique de la quantité. De même, le

⁹ Comme Kirilov, Patrice Mersault dans *La Mort heureuse veut tout ou rien*.

¹⁰ « Les prétentions limitées du *Mythe de Sisyphe* et son caractère de « confession indirecte » R. Quilliot, *La Mer et les prisons*, Gallimard, p.169.

comédien qui pénètre pendant quelques heures dans toutes les vies qu'il joue et, qui règne, avec son corps, dans le périssable ; il est un être qui peut le plus aisément vivre dans la chair cette philosophie de la quantité inspirée par l'absurde.

D'autre part, la conception même de l'absurde chez Camus contient la double vision de la vie : son *envers* et son *endroit*, la joie et la douleur. Le « Tout est bien » (II, 185), d'Oedipe chez Sophocle et de Kirilov chez Dostoïevski reste pour Camus, une formule de la victoire absurde et signifie une acceptation stoïque de la vie. Kirilov se dit « très heureux », comme le sera Meursault condamné à mort, comme Sisyphe qu'il faudra "imaginer heureux". Ces personnages peuvent vivre des instants de félicité qui ressemblent fortement aux états extatiques. À partir de *Noces*, Camus forge son mythe méditerranéen où il crée, avec un intense lyrisme, une sorte de "transcendance vivante" qui aide à dépasser le désespoir. Nous savons que *Le Mythe de Sisyphe* réfute autant le suicide que toute espèce de « saut » dans l'irrationnel, la foi religieuse ou un système idéologique. De l'absurde, le thème de sa génération, Camus tire trois conséquences : la révolte, la liberté et la passion, autant de comportements qui serviront de prémices de la résistance morale au début de l'Occupation.¹¹

L'Étranger est aussi pour l'auteur ce « mythe incarné, mais très enraciné dans la chair et la chaleur du jour ». Camus place à l'avant-scène un homme jeune (Jean Grenier insistait, à juste titre, sur la théâtralité du récit), un personnage qui n'entre pas dans le jeu de la société, qui refuse de mentir et qui, animé par le désir de l'absolu, meurt pour sa vérité, encore négative, la vérité d'être et de sentir. L'étrangeté de la narration y correspond à la riche ambiguïté du personnage. On ressent dans *L'Étranger* une transposition romanesque de l'expérience personnelle de l'auteur, mais où se reconnaissent les jeunes de sa génération.

Ainsi, pour Edmond Charlot, ami de Camus et son premier éditeur (dont la petite librairie avait pris depuis 1936 pour slogan « *Des jeunes pour des jeunes* »), l'auteur de *L'Étranger* fut un « témoin majeur ». « Tous nous nous sommes sentis « étrangers », se souvenait

¹¹ « Les jeunes gens n'ont pas besoin de maître à penser, mais de maîtres à se conduire. » Henry de Montherlant, un des maîtres du jeune Camus (*Carnets*)

Charlot. [...] Si les lecteurs de mon âge, mais aussi ceux des générations qui ont suivi, ont réservé à *L'Étranger* le sort qu'il a connu, c'est qu'il s'agit d'un livre qui touche à l'universel. Les contestataires de 1969 sont les mêmes que ceux de 1936. Ils se sentent aussi « étrangers » que nous nous sommes sentis étrangers alors. Certains le sont restés et ce livre reste pour eux l'expression de leur révolte¹²».

Toutefois, achevant le cycle de l'absurde, Camus est conscient de ses contradictions : tiraillé entre son amour stoïque de la vie et le tragique de la condition humaine, entre son désir de transformer la société, d'être « poète-constructeur » et le sentiment de l'inutilité de tout service – « le monde finit toujours par vaincre l'histoire ». Pacifiste avant la guerre, il doit maintenant affirmer les valeurs au nom desquelles il entre dans la Résistance et participe à la rédaction du journal clandestin *Combat*.

Dans ce passage de la résistance morale à la résistance active, il découvre les valeurs de la solidarité. *Le Malentendu* écrit pendant l'hiver 1942-1943 porte encore la marque de la solitude et de l'exil. Comme *Caligula*, cette pièce appartient à ce que Camus a nommé un « théâtre de l'impossible » : *Caligula* par son personnage, *Le Malentendu* par son intrigue. La révolte des héros de l'absurde reste individuelle. Martha est, comme Caligula, un vivant appel au bonheur, à la revanche de l'homme en exil sur une terre sombre et froide. L'héroïne cède à la rage du refus total. Sa révolte comme celle de Caligula, est pervertie, sa « liberté n'est pas la bonne », car elle s'est exercée sans limites. Même le crime ne sera pas pour elle une issue. [Rejetée par sa mère, elle apprendra que le crime est, lui aussi, une solitude et que décidément sue. « ni dans la vie, ni dans la mort, il n'est de patrie ni de paix ».] Néanmoins, dans le discours de Jan, un nouveau motif se fait entendre « Le bonheur n'est pas tout et les hommes ont leur devoir. Le mien est de retrouver ma mère, une patrie... » (*OC*, t.1, p.462)

C'est que la guerre et la participation de Camus à la Résistance ont élargi son thème de la révolte et l'ont fait découvrir dans sa dimension solidaire. Dans *La Peste*, c'est la solidarité des insoumis qui emportera

¹² « Interview accordée à Eric Sellin par Edmond Charlot ». *Albert Camus 3. Lettres Modernes*, Minard, n°238-244, 1970, p.-164-165.

une victoire morale sur le fléau. Caligula se vantait d'incarner la peste. Nous la retrouvons en personne dans *L'État de siège* (1948), la seule pièce de Camus qui a connu l'insuccès, du moins en France. Camus y mêle toutes les formes d'expression dramatique, se fixant pour but d'« arracher le théâtre aux spéculations psychologiques ». La pièce, délibérément symbolique dès l'apparition de la Peste, finit par retrouver, au fil des scènes, des aspects précis de la terreur contemporaine. La révolte de l'étudiant Diego contre le ministère du fléau vise toutes les abstractions des systèmes idéologiques qui aliènent la jeunesse de l'après-guerre, le mensonge généralisé, fondement des régimes totalitaires. Dès lors que Diego surmonte sa peur, la Peste est sans pouvoir sur lui, elle recule. La résistance est donc toujours possible. Mais c'est aussi le souvenir des « épurations » qui revenait dans la mémoire des spectateurs quand ils entendaient Diego clamer : « Ni peur, ni haine! » On connaît diverses explications de l'échec de cette pièce hybride dans la mise en scène de Camus et de Jean-Louis Barrault.¹³ On sait que par la suite, Camus désirait qu'elle fût représentée un jour en plein air. De son propre aveu, cette œuvre parmi tous ses écrits était celle qui lui ressemblait le plus. Souhaitons donc bon courage à un metteur en scène, à un jeune, pourquoi pas, qui voudrait réaliser ce désir de Camus !

Dans *Les Justes* (décembre 1949), Camus abordait les thèmes auxquels il s'attacha au lendemain de la guerre : *Terreur et Justice*. Comment ne pas se salir trop les mains en plongeant dans l'Histoire ? La question du droit au meurtre devenait pressante. Or, le paradoxe premier des *Justes*, aura été de proposer, en pleine guerre froide, une réponse théâtrale imprégnée à la fois de classicisme et de lyrisme, à des questions politiques et morales, celles de la justice et de la liberté ou la question "maudite" de la fin et des moyens.

Dans l'histoire d'un couple russe de 1905, que Camus imagine pour la porter sur scène, il vit la tragédie de son époque. Cette jeunesse révolutionnaire lui fournissait l'exemple d'une pratique de la violence liée à la responsabilité personnelle et à la reconnaissance des limites. Ivan Kaliaïev payait sur l'échafaud la vie qu'il avait prise au grand-duc, symbole de la tyrannie. D'autre part, refusant l'infanticide, il sauvait l'honneur de la révolution. C'est justement le refus de la

¹³ Voir *Dictionnaire Camus*, éd. Laffont-Bompiani, 2009, p. 281–282.

« violence confortable », du « meurtre par procuration » que Camus va accentuer dans l'action de ses personnages.

D'emblée, il est séduit par la pureté de cœur des prototypes de ses personnages, par l'amour de la vie et de la beauté de Kaliaïev, terroriste et poète. Il idéalise les « paradoxes » de leur jeune « chevalerie »: l'abnégation qui allait jusqu'au mépris de leur propre vie et le respect de la vie humaine, leur foi dans la terreur et les doutes qui les déchiraient dans la pratique de la terreur. « Dans la plus impitoyable des tâches, [...] ils n'ont pas pu guérir de leur cœur », (*OC*, t. », p. 57) remarque-t-il. La conscience la plus pointilleuse leur faisait choisir leurs cibles; aussi les appelle-t-il, avec une ironie affectueuse, les « meurtriers délicats ». Tout en reconnaissant le caractère inévitable de la violence, ils avouaient qu'elle était injustifiée. « Nécessaire et inexcusable, c'est ainsi que le meurtre leur apparaissait. » (*OC*, t. 3, p. 342)

Or, cette confrontation politique et éthique devait se jouer aussi comme une tragédie d'amour. Pour la première fois, Camus réussit à écrire des véritables scènes d'amour qui expriment une passion plus humaine que symbolique, même et surtout si cet amour doit rester impossible. L'opposition entre le devoir de servir la justice et le sentiment pour un être aimé ne laisse à Yanek et à Dora qu'une seule issue, « le sang et la corde froide ». Comme dans une tragédie antique où *l'hybris* est puni, Dora est consciente de la démesure de leur entreprise et reconnaît la faute de la transgression. C'est des leitmotifs de la pièce, le froid, le huis-clos, le temps immobile, que procède le verdict de l'héroïne: « Nous ne sommes pas de ce monde. Nous sommes des justes. Il y a une chaleur qui n'est pas pour nous. Ah! Pitié pour les justes. » (*OC*, t.3, p.31) Cette dernière exclamation nomme le sentiment que devait, en fin de compte, susciter la pièce. Dora qui n'attend plus que de mourir sur le même échafaud que son amant obtient d'être la première à lancer la prochaine bombe. Alors la même corde les unira dans la mort. L'épigraphe de la pièce nous renvoie au destin des amants de Shakespeare de *Roméo et Juliette*: « Oh love ! Oh life! Not life but love in death » (Ô amour! Ô vie! Non pas la vie mais l'amour dans la mort.)¹⁴ Les deux frères-ennemis, Yanek et

¹⁴ Dans le « Désert » (*Noces*), face à la splendeur d'un paysage italien, le sujet lyrique songeait aux Amants de Venise – Jessica et Lorenzo, et oubliait

Stepan, ont pour dénominateur commun le renoncement à l'accord avec le monde qui, selon le mot de Brice Parain, « fait la sainteté¹⁵ ». Ce destin que Camus veut exemplaire est aussi, au niveau de la révolte à présent, une « histoire de suicide supérieur », une « tragédie de l'intelligence. » (OC, t.1, p. 447)

Cependant, dans la vision du dramaturge, ses révoltés choisissent de mourir pour que la justice demeure « vivante », c'est-à-dire « une brûlure et un effort sur soi-même ». Après les premières représentations de la pièce, réagissant à une critique qui l'accusait de se résigner à l'inaction, Camus opposera la justice « vivante » de ses héros à la justice « morte », préconisée, comme il l'écrivait, par « nos derniers justes, qu'ils soient de droite ou de gauche », pour qui il n'y a pas d'autre solution que « ce qui est ou ce que le communisme promet. » (OC, t.3, p.11190) Cette indignation de l'auteur se fait sentir dans la pièce, la rend aussi vivante. Camus la voyait comme une tragédie qui n'offrait pas de solution hormis la mort, mais n'en restait pas moins une pièce d'espoir. Nul doute qu'en ce sens Dora et Yanek furent, à ses yeux, des personnages exemplaires: aux prix de leur vie, ils sauvegardaient ce qui est sacré dans l'esprit de la révolte. Au milieu du XXe siècle leur exemple, espérait-il, pouvait rendre la révolution à nouveau révolutionnaire. En 1958, alors que des bombes explosaient à Alger, il repensera à sa pièce « russe »: « J'aimerais remonter *Les Justes*, disait-il, qui sont encore plus d'actualité aujourd'hui. » (OC, t. 4, p. 584). On sait qu'actuellement cette dernière pièce de Camus ne cesse d'être jouée par nombreux théâtres à travers le monde.

« Vivre, ce n'est pas se résigner » (OC, t. 1, p. 126), écrivait dans *Noces* le jeune Camus. Dix ans après, dans *L'Homme révolté*, il met en cause non pas l'esprit de révolte mais ses outrances à travers les siècles. Parallèlement, il repasse en lui-même quelques-unes des tentations les plus graves qui ont pu être les siennes. Il a compris que les idées n'étaient pas seulement des jeux pathétiques, mais que dans certaines occasions, accepter certaines pensées revenait à accepter le

ceux de Vérone : « C'est qu'aussi bien rien n'invite ici à chérir des amants malheureux. Rien n'est plus vain que de mourir pour un amour. C'est vivre qu'il faudrait. Et Lorenzo vivant vaut mieux que Roméo dans la terre et malgré son rosier. » (OC, t. 1, 131).

¹⁵ *Tu peux tuer cet homme...*, p.10.

meurtre sans limite. Donc, pour être l'homme doit se révolter au nom de la solidarité humaine, mais sa révolte doit respecter la limite qu'elle découvre en elle-même et où les hommes se rejoignent. « Je me révolte donc nous sommes », proclame-t-il, « L'art et la révolte ne mourront qu'avec le dernier homme. » (*OC*, t. 3, p. 79, 321)

Son bien suprême pour lequel il vaut la peine de vivre et de se révolter, reste toujours la liberté. Lors de l'insurrection hongroise, en automne 1956, il répond favorablement à des jeunes Français désireux de manifester « la solidarité qui les unit aux étudiants, jeunes ouvriers et paysans hongrois » (Voir *OC*, t. 3, p. 1466) : « La jeunesse hongroise, celle d'Espagne ou de France, écrit-il dans son *Message à de jeunes français*, celle de tous les pays nous prouve aujourd'hui [...] que rien n'abat, ni n'abattra jamais, cette force violente et pure qui pousse les hommes et les peuples à revendiquer l'honneur de vivre debout. » (*OC*, t. 3, 1136)

Le sacrifice des jeunes combattants de Budapest mourant pour la liberté est une « véritable leçon à laquelle Camus convie de jeunes Français » (*Ibid.*). Une leçon de liberté de l'esprit, de la personne et de la nation, mais aussi de patriotisme. Critique par rapport à l'héritage que laisse derrière elle sa génération usée « dans d'interminables et stériles luttes civiles », mais refusant d'accabler seulement son pays – la France – « sous ses péchés historiques », il appelle les jeunes Français à chercher ce qui les réunit plutôt que ce qui les sépare, à oublier les « maîtres » de gauche ou de droite qui ont tant menti. « Alors peut-être, espère-t-il, vous referez à vous tous ce pays que j'aime aujourd'hui comme la liberté elle-même et qui, malgré ses malheurs, ses faiblesses, ses fautes, continue de mériter en ce monde notre fidélité. » (*Ibid.*)

En définitive, l'âge circonscrit dans la vie de l'homme sous la catégorie de « jeunesse » se présente dans la conscience de Camus comme « d'abord une réunion de possibilités » (*OC*, t.3, p.815), le réservoir inépuisable des forces de l'individu, voire de la nation, et le signe de la résistance à tout ce qui dégrade l'homme dans une société en mutation.

Ю. А. Лопашов

НЕКОТОРЫЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ АЛБАНИЗМЫ В ГРЕЧЕСКИХ ГОВОРАХ ЗАПАДНОЙ МАКЕДОНИИ

В работе Хр. Георгиу (Γεωργίου 1962), посвящённой говору с. Гермас (округ Касторьи), в довольно объёмном словаре представлено значительное количество заимствований из других языков. Основное место в них занимают турцизмы и славянизмы (см. Лопашов 2011). В богатой греческим диалектным лексическим материалом работе Ю. Эвангелопулоса (Эвангелопулос 1974; 1978) (впрочем, грамматический комментарий к приводимым в ней лексемам и их перевод во многом требуют корректировки) также находим часть этих заимствований. В числе прочих в этих словарях представлен и ряд заимствований из албанского (они не все в них помечены как таковые).

Ниже привожу включённые в эти словари албанские заимствования (для обозначения шипящих согласных в словах из списка Эвангелопулоса использую тот же транскрипционный знак, что и у Георгиу, а именно знак ' ; албанские исходные лексемы приведены мною): λουδ 'цветок' (общегреческое λουλούδι) (Γεωργίου 1962; Эвангелопулос 1974) < алб. lule (id.) (ср. Ανδριώτη); μπούρας 'благородный человек, мужчина', 'толковый, способный человек' (Γεωργίου 1962), 'мóлодец' (Эвангелопулос 1974) < алб. *burrë* 'мужчина', 'муж', 'благородный, смелый человек', 'человек слова'; Георгиу приводит также дериват женского рода μπούρσα (о женщине); Σ'κούρτους 'февраль' (Γεωργίου 1962) < алб. *shkurt* (id.) (см. Лопашов 2004); σ'κουρτεύου 'укорачивать', 'обрезать' (Γεωργίου 1962) < алб. *shkurtoj* (id.); τσ'ούπου 'девушка', 'девочка', 'дочь' (Γεωργίου 1962), τσ'ούπρα 'девушка' (Эвангелопулос 1978) < алб. *çipë* (id.) (ср. Ανδριώτη); αρίτσ'ιους, ρίτσ'ιους 'ёж' (Эвангелопулос 1974, 1978) < алб. *iriq* (id.); βλαμπς 'ответственный за проведение свадьбы' (ibid.) < алб. *vëllam* 'побратим, названный брат'; γγιώντς 'ночная птица' (ibid.)

< алб. *gjon* ‘совка’; *ντάσ'ιους* ‘прирученный баран’ (ibid.) < алб. *dash* ‘баран’; *σ'κέμπυια* ‘скалы’ (ibid.) < алб. *shkëmb* ‘скала’, ‘утёс’; *σ'κρούμπους* ‘пепел’ (ibid.) < алб. *shkrumb* (id.); *τζαμάρα* ‘музыкальный пастушеский инструмент’ (ibid.) < алб. *xamare* ‘пастушья свирель’; *τ'ιούκα* ‘вершина’ (ibid.) < алб. *çukë* (id.). Возможно, к албанизмам также следует отнести и слово *ρέπιτα* (мн. ч.) ‘обрывистые высокие скалы’ (Γεωργίου 1962) – ср. алб. *rrëpirët* (id.).

Несомненно, зафиксированные в использованных здесь источниках албанские заимствования составляют лишь небольшую их часть в этих говорах (возможно, и здесь отмечены не все). При более полном обследовании их словаря, надо думать, они были бы выявлены в большем количестве (см. также об одном грамматическом албанизме: Лопашов 2006). В регионе, о котором здесь идёт речь, на протяжении длительного исторического периода происходили интенсивные контакты между разными балканскими языками (в том числе между греческим и албанским), а следовательно, имело место их взаимовлияние, и прежде всего – в сфере лексики.

Литература

- Γεωργίου 1962 – Γεωργίου Γ. Χρ. Το γλωσσικό ιδίωμα Γέρμα Καστοριάς // Μακεδονική Βιβλιοθήκη, 23. Θεσσαλονίκη. 1962.
 Ανδριώτη – Ανδριώτη Π. Ν. Ετυμολογικό Λεξικό της Κοινής Νεοελληνικής. Θεσσαλονίκη, 1967.
 Fjalor i gjuhës së sotme shqipe. A – M. Prishtinë, 1981.
 Fjalor i gjuhës së sotme shqipe. N – ZH. Prishtinë, 1981.
 Эвангелопулос 1974; 1978 – Эвангелопулос Ю. В. Лексические особенности новогреческого языка в Западной Македонии (Материал для диалектного словаря). Ташкент, 1974; 1978.
 Лопашов 2004 – Лопашов Ю. А. О названиях месяцев в албанском и греческих говорах Западной Македонии // IX Конгресс по изучению стран Юго-Восточной Европы. Доклады российских учёных. СПб., 2004. С. 195–199.
 Лопашов 2006 – Лопашов Ю. А. Об одном албанизме в северногреческом говоре // Проблемы балканской филологии. СПб., 2006. С. 161–163.
 Лопашов 2011 – Лопашов Ю. А. К вопросу о заимствованной лексике в северногреческих говорах // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. Том VII, часть 1. СПб., 2011. С. 101–104.

G. Lafe

**CENNI SULLA “GRAMMATICA DELLA LINGUA ALBANESE”
DI GIUSEPPE DE RADA**

La “Grammatica della Lingua Albanese” di Giuseppe de Rada è un testo di notevole importanza nella storia dello studio delle varietà arbëresh. L’importanza di tale opera deriva dal metodo adottato nella sua compilazione e dalla vastità del materiale consultato ed ivi riportato. La “Grammatica” è uno specchio fedele delle varietà arbëresh dell’800, che l’autore reputa le più pure e vicine allo spirito e alle radici della lingua. La molteplicità delle forme ivi riportate deriva dalla stessa concezione dell’autore, il quale così si esprime: *“non un dialetto, sibbene una lingua notata di vari dialetti, io rilevo, se le Colonnie disseminate nelle provincie meridionali han già diverse provenienze;...mentre reputo invece le lingue star radicate nel vivo terreno degli animi nazionali; e che dove questi si serbino più schietti d’estranea lega, quella vi si mantiene più pura”*. Di conseguenza l’autore ha scelto i dialetti arbëresh più chiusi, nei quali meglio si dovrebbe conservare l’anima e l’originalità della lingua. In questa varietà *“le parole italiane introdotte...stannovi fuse nel conio nazionale: né forma straniera quantunque vi si è potuta innestare... quindi ci ha dato, in sé ancor integri, i caratteri nativi”*. Invece l’albanese parlato in l’Albania risulta, secondo il giudizio dell’autore, ormai corrotto nella sua pienezza delle forme morfologiche.

Da questa concezione derivano due fatti importanti: 1. l’arbëresh viene qui descritto non con la pretesa di prescrivere un modello, una norma da seguire, ma appunto come un insieme di dialetti, di varietà linguistiche che hanno tutte la stessa dignità. Tuttavia l’autore spesso si esprime sulla correttezza delle diverse forme morfologiche; 2. conseguenza del primo fatto è l’abbondanza delle forme morfologiche riportate, storicamente di origine diversa.

1. *Morfologia nominale*

Passando a esaminare *i sostantivi*, notiamo subito l'impronta classicheggiante della morfologia nominale di questa grammatica. Infatti, il sistema nominale dell'albanese viene descritto alla stregua di quello latino. I casi sono sette: Nominativo, Vocativo, Genitivo, Dativo che indica anche l'idea del *qua* (per dove), Accusativo, Locativo, rispondente all'*ubi* o al *quo* ed avente una caratteristica a sé propria nelle declinazioni determinate; Ablativo esprimente la relazione di *ab* e di *ex*. L'ablativo presenta sempre due forme, di cui la seconda è preceduta dalla prep. *câ* (*ka*, alb. *nga*): *zogchu* e *câ zogch*, una preposizione che nell'albanese contemporaneo regge il nominativo. Il locativo è sempre preceduto dalla prep. *ndë* (alb. contemporaneo *në*), ed è contraddistinto nella forma determinata dalla desinenza *-t*. Tale forma, ben viva e radicata nel tosco letterario dell'Ottocento e dell'inizio del Novecento, oggi è confluita nell'accusativo. Secondo De Rada "questo caso è dalle viscere della lingua, che rimarrebbe deformata, se alla prep. *ndë* si desse invece l'accusativo: *ndë sheshin*, *ndë shpìn* ecc". Esso non era stato riconosciuto da Camarda, il quale l'aveva corretto, sostituendolo con l'accusativo, ed era sconosciuto a Da Lecce. Nella definizione dei casi l'autore predilige quindi il criterio *sintattico* a scapito di quello *formale*.

Nell'ablativo plurale appare la forma antica in *-shi*: *zogjëshi*, *kêshi*, *bugonjeshi*, *drugneshi*, *vashash*, già riscontrata in Buzuku e gli altri autori del '500-'600, accanto all'ablativo retto da *câ* (*ka*).

È di particolare interesse l'osservazione sull'elisione della particella del genitivo (p. 22), fenomeno abbastanza frequente nell'albanese colloquiale. De Rada elenca due motivi principali per cui si verifica tale fenomeno: l'eufonia, quando il nome che regge il genitivo termina in *-t*: *Biu ndë zâlth dëtit*, e il cosiddetto genitivo di materia o di specie (di genesi): *Ndë një deegch trentafiljie*, che oggi rientra nell'ablativo.

I sostantivi maschili sono suddivisi in tre *variazioni*: 1. sostantivi che nella forma determinata prendono *-u* (corrispondente alla 2° declinazione dell'albanese contemporaneo); 2. sostantivi terminanti in consonante *-ua* e che nella forma determinata prendono *-i*; 3. sostantivi con estensione in *-r-* nel genitivo e nella forma determinata (*druu*, *gjii*, *brii*). I femminili formano un gruppo, e così anche i neutri, che comprendono sostantivi usati in funzione di nomi di materia, uscenti

in *-t* nella forma determinata (*ghécurt, ûjëť, valjt*) e qualità nello stato assoluto (*të diovasurit* ‘il leggere’). L’analisi del sistema nominale dell’albanese si presenta quindi abbastanza minuziosa e sistematica.

In seguito a questa analisi minuziosa della flessione “piena e precisa” dell’albanese l’autore si allontana dal parere diffuso in quel periodo presso gli intellettuali arbëresh, che vedevano il greco e l’albanese come due idomi imparentati da un’origine comune, se non addirittura come dialetti della stessa lingua e, anche a conoscenza dei recenti sviluppi degli studi indeuropei, giunge alla conclusione che l’albanese occupa “un luogo proprio e distinto” e forse è designato come “anello fra ceppi diversi” (p. 31).

Passando a considerare i pronomi personali, è da notare in primo luogo il doppione *u, unë*. La forma *unë* rappresenta uno sviluppo recente del ghego e del tosco centro-settentrionale, e come tale non la si dovrebbe attendere nell’arbëresh, mentre nel tosco meridionale e in tante varietà dello stesso arbëresh sopravvive tuttora *u*, forma attestata già nel Buzuku (1555). La declinazione dei pronomi personali segue lo schema dei sostantivi, prevedendo i genitivi *të mëje, neesh, jûsh/të jûve*, mentre manca il genitivo della seconda persona singolare. È interessante il rimprovero dell’uso di *navet*, forma obliqua, usata erroneamente al posto di *na*, fenomeno abbastanza diffuso nell’albanese contemporaneo, in cui si tende a privilegiare nel discorso la forma più lunga del pronome personale, quindi *neve* invece di *ne*, *juve* invece di *ju*. In seguito ad un tale fenomeno in albanese si è affermata la forma *unë* a scapito dell’antico ed etimologicamente più “corretto” *u*. Quanto al dativo della terza persona sing. maschile, De Rada consiglia l’uso della forma piena *attijj*, invece di *tijj*, per evitare la confusione con la forma del pronome possessivo *i tijj*.

Per il plurale dell’aggettivo indeterminato *iatër/jetër* (alb. contemporaneo *tjetër*, sviluppo successivo, da *të+jetër*) nella “Grammatica” si attestano due forme: *të jetër* e *të tieer*. *Të jetër* è il plurale formato da *jetër* ‘altro’, il quale secondo Çabej deriva da una radice **étero-*, mentre *tieer* da una forma **e-tër-*, con spostamento dell’accento sulla seconda sillaba. La coppia (*t*)*jetër* – *të tjerë* rispecchia quindi un antico processo di formazione del plurale del (proto)albanese; l’esistenza del plur. *të jetër* in arbëresh può essere quindi una variante secondaria del plurale, conservatasi solo nelle varietà arbëresh, oppure un’innovazione di queste varietà nelle mutate

condizioni linguistiche in cui vennero a trovarsi le parlate albanesi dopo l'emigrazione nell'Italia Meridionale.

2. Morfologia verbale

L'impronta classicheggiante (latineggiante) caratterizza anche la descrizione della morfologia verbale. Ciò ha indotto l'autore ad alcune inesattezze descrittive, come nel caso della suddivisione dei verbi in *generi*, dei quali vengono distinti l'attivo *ljaanj* 'lavo', il medio *ljaghem* 'mi lavo' (in verità *riflessivo*) e il passivo *jam ljaar* 'sono lavato'. Inoltre, verbi come *ndòdem* 'mi trovo in', *duchem* 'sembro' e *ljégghem* 'nasco', formalmente identici ai cosiddetti *medii* sono considerati come verbi riflessivi.

Nella descrizione dei modi verbali indefiniti si hanno alcuni fatti interessanti, che creano una discrepanza vistosa con la realtà della morfologia albanese. È noto che nell'albanese non esiste l'infinito vero e proprio, nella forma in cui esso appare in molte altre lingue europee. Per supplire a tale "lacuna" il De Rada definisce come *infinito* il participio passato verbale: *ljagcur* 'bagnare', *derdur* 'versare'. Inoltre vengono definite come gerundio le forme del tipo *të ljagcurt*, *të derdurt*, le quali sono state classificate come *neutri* nella morfologia nominale¹. Mentre il participio, secondo l'autore, deriva dall'infinito, proponendo le particelle *i*, *e*, *të*.

La categoria del *supino* comprende forme del tipo *me+participio*, quali:

1. supino *mê-ljaar* 'a lavare', che esprime necessità,
2. supino medio *mê u ljaar* 'a lavarsi',
3. supino passivo *mê-ljaam* 'ad essere lavato', significante la necessità.

Purtroppo la "Grammatica" non offre altri chiarimenti o cenni per giudicare sul valore reale di queste forme, che nell'albanese odierno sono incluse sotto l'etichetta dell'"infinito ghego". Essendo le varietà *arbëresh* del tipo toscano, per lungo tempo l'esistenza di queste forme tipicamente gheghe non è stata verificata. Tracce dell'infinito del tipo

¹ Invece nell'esempio riportato da Dorsa (S. Mat. XIII, 28 *Do cë vattur t'embiedëmi?*) lo stesso De Rada asserisce che *vattur* è gerundio (a nostro avviso ellissi del primo elemento *duke*, *tue*). Simili inconseguenze sono più frequenti nella parte della morfologia verbale.

me+participio sono state rilevate in alcune parlate arbëresh, ma qui tale fenomeno non ha mai avuto la rilevanza attribuitagli da De Rada. Pensiamo quindi che è ben probabile che si tratti in questo caso di un tratto morfologico dell'albanese d'oltremare, e in quest'ambito è abbastanza interessante una forma contaminata del tipo *me ljaar* (*me+participio* di tipo toscano). Simili forme cominciano ad essere sentite nell'albanese parlato di Tirana e dell'Albania Centrale, dove l'infinito del tipo ghego è un tratto frequente del linguaggio, e l'influsso dello standard e la molteplicità delle forme del participio ghego facilitò l'ingresso di quello unico toscano e dello standard.

I tempi dell'indicativo sono otto, tre semplici: presente *ljanj*, passato imperfetto *ljânja* e passato perfetto *ljàita* e cinque composti: il passato dubitativo (chiamato anche "passato presuntivo" da altri studiosi e considerato come primo gradino verso l'ammirativo) *câm ljaar* 'forse che ho lavato', che coincide con il perfetto dell'albanese contemporaneo, l'affermativo indeciso *cam passur ljaar* 'è avvenuto ch'io abbia lavato', il passato incompiuto *patta ljaar* 'fui per lavare', il piuccheperfetto *cheshënja ljaar* 'avevo lavato' e il futuro *cam të ljaanj* 'laverò'.

Un discorso a parte merita la molteplicità di forme che contrassegna i paradigmi nominali, pronominali e verbali della "Grammatica" di De Rada. Nel caso dei paradigmi nominali si tratta per lo più di doppioni dell'ablativo, costituiti da una forma più antica e una più recente. Nei paradigmi verbali tali doppioni compaiono soprattutto nell'imperfetto indicativo e nel presente e l'imperfetto passivo-riflessivo della prima coniugazione. Così abbiamo per l'imperfetto *diljënja* e *diljëja* 'uscivo' (alb. standard *dilja*), *ljenja* e *ljeja* 'lasciavo' (alb. standard *lija*), *ljânja* e *ljâja* 'lavavo' (alb. standard *laja*). Per il passivo riflessivo abbiamo *viohem* e *vionem* 'mi serbo'. La prima forma con uscita in *-nj-*, rispettivamente *-n-* è la più antica, risalente alla coniugazione in *-(o)nio-* ed è caratteristica per i dialetti meridionali estremi, abbastanza conservativi dell'albanese, dai quali discende gran parte delle parlate arbëresh. Le forme in *-j-*, rispettivamente *-h-* antiatizzante, accolte nello standard, rappresentano degli sviluppi posteriori soprattutto del ghego. L'autore propende in questi casi per le forme arcaicizzanti, rimproverando in special modo la perdita della desinenza *-inj* nei verbi con tema in consonante (*ngjaal* invece di *ngjaalinj*, *gaap* invece di *gaapinj*).

L'apparizione e la minuziosa elencazione delle forme doppie o multiple in questa "Grammatica" attesta, oltre alla diversità delle provenienze delle parlate arbëresh, anche alcune tendenze evolutive comuni, che l'arbëresh conservò dopo il distacco dall'albanese balcanico. In quest'ambito va anche detto che la "Grammatica della Lingua Albanese" di De Rada supera i limiti di una semplice grammatica descrittiva di una lingua o varietà linguistica. Essa può essere considerata altresì un saggio sulle varietà arbëresh, ed un primo compendio di dialettologia arbëresh.

**FJALORI I ORIENTALIZMAVE NË GJUHËN SHQIPE
I TAHIR DIZDARIT SI PASQYRIM I NDIKIMIT TË KULTURËS
ORIENTALE ISLAME NDËR SHQIPTARËT**

Perandoria Osmane, që përfshiu në kufijtë e saj thuajse gjithë popujt e Ballkanit për disa shekuj, solli këtu edhe një kulturë të re, të krijuar kryesisht mbi bazën e Islamit si besim, si botëkuptim e si mënyrë të jetuari. Ndikimet e kulturës islame në jetën shpirtërore e lëndore të popullit shqiptar janë të shumanshme dhe kanë tërhequr prej kohësh vëmendjen e studiuesve. Në hapësirën shqiptare ndikimi i kulturës islame, krahas anëve të përbashkëta me vendet e tjera të gadishullit, ka edhe anë të veçanta, që lidhen me pozitën dhe me rolin e veçantë të shqiptarëve në Perandorinë Osmane. Duhet përmendur që në krye se shqiptarët u islamizuan në masë më të gjerë dhe kështu elementet e kulturës islame përveç rrugëve të tjera, depërtuan edhe përmes fesë së re, që u përhap në të gjitha krahinat e vendit. Kultura, qoftë shpirtërore, qoftë lëndore, ndërtohet e shfaqet me mjete e mënyra të larmishme. Gjithsesi çdo element i saj, çdo send, çdo veprim ka një fjalë që e shënon. Fjalët që shënojnë elementet e asaj kulture¹, e cila u ndërtua mbi bazën e Islamit dhe erdhi e u përhap në gjithë Shqipërinë gjatë shekujve të Perandorisë Osmane, po të mblidhen e të renditen, të shpjegohen kuptimet e përdorimet e tyre (bashkë me kuptimet e veçanta sipas krahinave), shtrirja territoriale, burimi e kuptimi i kryehershëm dhe lëvizjet e mëvonshme – të gjitha këto mund të thuhet se përbëjnë një enciklopedi të kulturës islame në botën shqiptare. Dija shqiptare, dhe veçanërisht gjuhësia, si një nga degët e vjetra dhe themelore të saj, kanë qenë me fat që këtë detyrë, d.m.th. hartimin e fjalorit të fjalëve që hynë në gjuhën shqipe kryesisht gjatë kohës së sundimit osman dhe që janë shprehje e një kulture të re e të veçantë, e mori përsipër dhe e kreu siç nuk do ta kryente askush tjetër, dijetari i vyer orientalist Tahir Dizdari (1900–1972) me veprën

¹ Këto fjalë janë quajtur herë *orientalizma* e herë *turqizma*.

e tij të jetës “*Fjalor i orientalizmave në gjuhën shqipe (rreth 4500 fjalë me prejardhje nga gjuhët turke, arabe dhe perse)*” (Tiranë, 2005, XVII + 1202 f.).

Fjalorit të orientalizmave të shqipes T. Dizdari i kushtoi gjithë jetën intelektuale. Puna për hartimin e kësaj vepre shtrihet në 30 vjet. Pati fatin ta lërë të përfunduar me dorën e vet, pak ditë para se të vdiste në maj 1972. Tahir Dizdari lindi si nënshtetas i Perandorisë Osmane (Shkodër, 1900) dhe, kur erdhi në moshën që njeriu fillon të njohë e të kuptojë botën, tashmë në Shqipërinë e pavarur, rreth tij ishin ende brezat e atyre që e kishin jetuar pjesën më të madhe të jetës me administratën e Perandorisë, ishin formuar në shkollat e saj, ishin brumosur me kulturën e me gjuhën e saj dhe kishin rrezatuar në mjedisin shoqëror rrethues. Gjatë dhe pas Luftës së Parë Botërore shqiptarët ishin kështu në një proces kalimi në një gjendje të re në të gjitha aspektet e jetës. Në këtë kapërcyell kishte mundësi ende të regjistrohej edhe ajo shtresë huazimesh nga turqishtja, që ishte e paracaktuar të tretej pak nga pak, sikurse edhe ndodhi. Kështu fjalori i T. Dizdarit me 4406 fjalët që përmban, pasqyron ndikimin leksikor të gjuhëve të kulturës islame mbi gjuhën shqipe në periudhën e fundit të kësaj Perandorie në Ballkan dhe elementet e kulturës islame të shënuara prej huazimeve orientale². Me ndërrimin e brezave, të kushteve të jetesës e të orientimeve kulturore një pjesë e mirë e këtyre fjalëve sot ose kanë dalë krejt nga përdorimi, ose kanë kaluar në atë që quhet leksik pasiv.

Duke pasur parasysh se një pjesë e mirë e shqiptarëve ruajtën besimin e krishterë (ortodoks e katolik), mund të mendohet se huazimet orientale kanë prekur më pak pjesën e krishterë të popullsisë. Nga shqyrtimi i fjalorit të T. Dizdarit del se dallimi fetar nuk ka pasur ndonjë rëndësi në këtë mes, natyrisht me përjashtim të një numri fjalësh që i përkasin sferës së ngushtë të fesë e të traditës myslimane. Le të kujtojmë se një revistë e klerit katolik në Shkodër quhej “*Elçija e zemrës s’Jezu Krishtit*” dhe vonë ky emërtim u ndërrua në

² Të kihet parasysh se Gustav Meyeri në Fjalorin e tij etimologjik të shqipes (1891) ndër 5140 fjalë lema ka dalluar 1180 turqizma; huazimet e tjera janë: 1420 fjalë me burim nga gjuhët romane (kryesisht nga latinishtja e italishtja), 840 fjalë nga greqishtja e re dhe 540 nga gjuhët sllave. Bie në sy se turqizmat zënë vendin e parë ndër huazimet (po të ndahen veç e veç huazimet latine e italiane, që ai i ka llogaritur së bashku.

“Lajmëtari i zemrës s’Jezu Krishtit”; po kështu veprat e shkrimtarëve katolikë shkodranë të shek. XIX dhe fillimit të shek. XX janë plot me turqizma. Le të përmendim edhe fjalët *ishallá/ishállla*, *shyqyr/shýqyr*, *valláhi/vallahi*³, që shqiptarët i kanë në majë të gjuhës pa dallim nga përkatësia fetare. Nga ana tjetër huazimet orientale kanë dallime në shtrirjen krahinore⁴. Gjeografia e orientalizmave mund të ndiqet mjaft mirë me të dhënat e përpikta që jep T. Dizdari si edhe me burimet e reja (fjalorë krahinorë e fjalë të mbledhura në popull). Orientalizmat e shqipes, pra, nga kjo pikëpamje ndahen në një grup të madh të përbashkët për mbarë gjuhën dhe në një grup tjetër me shtrirje më pak a më shumë më të ngushtë.

Nga pikëpamja e karakterit të ndikimit, siç është vënë re, huazimet orientale rrokin kryesisht jetën qytetare. Kjo lidhet me rrethanën që Perandoria Osmane nuk solli masa kolonësh në tokat e nënshtruara (si dikur Roma), por u përpoq t’i njësojë popullsitë e tyre nëpërmjet një besimi të përbashkët, Islamit. Mendohet se periudha e depërtimit më të madh të orientalizmave janë shekujt XVII–XIX, d.m.th. koha kur filluan të zhvillohen qytetet dhe mjeshtëritë, kur organizohen esnafet në Shqipëri. Në gjuhën shqipe, vëren E. Çabej⁵, orientalizmat përfshijnë të gjitha anët e jetës shtëpiake, sociale e shtetërore; në mënyrë të veçantë banimin (shtëpia dhe orënditë e saj), gatesat dhe pajisjet e kuzhinës, veshjen, doke e zakone, emërtime zejesh, zejtarësh e mjetesh pune, artin popullor dhe natyrisht jetën fetare islamike. Më të pakta janë orientalizmat që lidhen me jetën e fshatit, me bujqësinë e blegtorinë. Sipas T. Dizdarit, ndonëse shqiptarët u shkëputën të fundit nga Perandoria Osmane, shqipja ka më pak turqizma se çdonjëra nga gjuhët e popujve të tjerë të Ballkanit dhe zakonisht në gjuhën shqipe kanë depërtuar fjalë që më fort emërtonin sende e dukuri që nuk njiheshin më parë në popull e rrallë për të formuar sinonime me fjalë

³ Nga të tria këto fjalë vetëm *shyqyr* është përfshirë në fjalorët shpjegues të shqipes.

⁴ Sipas C. Tagliavinit huazimet turke janë më të shumta në gegërishte se në toskërishte. Për sa i takon një numri orientalizmesh që janë përdorur kryesisht në Shkodër, kjo lidhet me faktin se Shkodra ka qenë qendër vilajeti (e vetmja qendër nga katër vilajetet shqiptare që ka mbetur brenda shtetit shqiptar) dhe atje kanë vepruar shumë zyra të administratës, ka pasur marrëdhënie të dendura me Stambollin dhe shumë njerëz të shkolluar në Turqi.

⁵ E. Çabej, *Studime gjuhësore III*. Prishtinë, 1976, f. 66.

të gjuhës shqipe; zakonisht në gjuhën shqipe nuk kanë depërtuar fjalë të rëndomta e të thjeshta, që e kanë barasvlerësin si ç'është *djepi, luga, uthulla, ura* e të tjera si këto, siç ka ngjarë me ndonjë tjetër gjuhë të Ballkanit (sh. Bakotić, 1936: *bešika, kašika, sirće, ćuprija*)⁶.

Nga 4406 orientalizmat që përmban fjalori i T. Dizdarit, në "Fjalorin e gjuhës së sotme shqipe" (Akademia e Shkencave e Shqipërisë, Tiranë, 1980) janë përfshirë rreth 1800 turqizma (gati dy të pestat), pa përfshirë në këtë numër fjalët e prejardhura ose të përbëra të formuara prej tyre brenda shqipes, si *telëzim, telëzoi* (nga *tel*), *samarpunues* (nga *samar*) etj. Arsyeja është se kjo shtresë fjalësh ka ardhur duke u rrudhur. Veprimtarët e Rilindjes Kombëtare Shqiptare në politikën e tyre kulturore i dhanë rëndësi të dorës së parë pastërtisë së gjuhës, veçanërisht mënjanimit të turqizmeve⁷. Synimi i tyre ishte të tregonin se një gjuhë sa më e çliruar nga barra e fjalëve të huaja është një dëshmi e një kombi të mëvetësishëm, me një kulturë origjinale, që meriton të ketë shtetin e vet të pavarur dhe që premtonte të qëndrojë si i barabartë krahas popujve të tjerë. Pra çlirimi i gjuhës shqipe nga turqizmat ishte parathënia e Shqipërisë së pavarur. Për këtë temë ka një literaturë të gjerë në gjuhësinë shqiptare. Shpallja e Pavarësisë u pasua thuajse menjëherë nga shpërthimi i Luftës së Parë Botërore dhe në tokat shqiptare u vendosën administrata të huaja, me gjuhë e kultura krejt të ndryshme nga gjuha dhe kultura e Perandorisë së dikurshme. Shqiptarët i kthyen sytë përfundimisht nga Perëndimi, nga i cili varej edhe fati i mëtejshëm i shtetit shqiptar, të cunguar e të brishtë. Pasojë e drejtpërdrejtë e kësaj ishte mënjanimi i turqizmeve nga terminologjia e administratës duke i zëvendësuar me fjalë shqipe (kryesisht neologjizma) ose me huazime nga gjuhët perëndimore. Fjalët e teknikës së re dhe të nocioneve të reja të shkencës tani vinin nga gjuhët e Perëndimit (kryesisht të brumit neolatin). Por edhe disa turqizma të ngulitura në gjuhë, si *farfuri, mukava*, u zëvendësuan me fjalët perëndimore *porcelan* e *karton*.

Turqizmat e përfshira në FGJSSh (1980) mund të ndahen në grupe kryesore: a) fjalë që janë emërtime të vetme për sendin që shënojnë

⁶ Tahir Dizdari, "Disa vëzhgime mbi turqizmat në shqipe". në: *Konferenca e Parë e Studimeve Albanologjike 15-21 nëndor 1962*". Tiranë, 1965, f. 407.

⁷ Nuk është pa lidhje puna e tyre për pastërtinë e shqipes me punën që bënte Sami Frashëri e të tjerë për mënjanimin e fjalëve arabe e persiane nga turqishtja duke i zëvendësuar me fjalë të brumit të turqishtes.

dhe që njihen e përdoren nga të gjithë (për këto nuk shtrohet kërkesa për zëvendësim), p.sh. *bajame, bakër, bilbil, çarçaf, çelik, çengel, çorape, direk, dollap, dyshek, dysHEME, fener, fildish, fitil, jorgan, karabina, lejlek, mangall, niseshte, pambuk, pilaf, qofte, shatërvan, shishe, tavë, tel, trahana* etj. (fjalët e këtij grupi janë stilistikisht asnjënjë); b) fjalë të vjetruara (historizma e arkaizma) ose fjalë të ligjërimit bisedor me ngjyrimet stilistike zakonisht keqësuese, si p.sh. *çehre, çiban, dushman, dyfek, gjoks, gjol, jeniçer, hajvan, karakoll, matara, nizam, patllake, penxhere, qatip, qehaja, qoshe, sahan, saraj, soj, spahi, surrat, vali, verem, vezir* etj.etj. Grupi i parë është i qëndrueshëm, ato fjalë janë bërë pronë e gjuhës, i di e i përdor i madh e i vogël; grupi i dytë është më pak i qëndrueshëm, vjen drejt rrudhjes ose fjalët e tij rivlerësohen e diferencohen stilistikisht. Gjuha shqipe ka fituar nëpërmjet kësaj shtrese fjalësh një pasuri stilistike origjinale, me vlera të veçanta shprehëse. Kështu *defter* dhe *fletore, dekik* dhe *minutë, derexhe* dhe *gjendje, dushman* dhe *armik, elmaz* dhe *diamant, hajde* dhe *eja, katil* dhe *vrasës, mejhane* dhe *pijetore, melhem* dhe *pomadë, pazar* dhe *treg, qar* dhe *fitim, qitap* dhe *libër, surrat* dhe *fytyrë, vatan* dhe *atdhe* etj. etj., kanë dhe njëkohësisht nuk kanë të njëjtin kuptim, janë dhe njëkohësisht nuk janë e njëjta gjë. Prandaj këto fjalë vërtet kanë dalë ose po dalin nga përdorimi asnjënjës, por kanë zënë një vend të veçantë në mjetet stilistike të shqipes letrare e popullore.

Fjalori i T. Dizdarit nuk është thjesht një fjalor gjuhësor, ku shpjegohen kuptimet e fjalëve me burim nga gjuhët e kulturës islame, ashtu siç janë fjalorët e turqizimeve në disa gjuhë të tjera të Ballkanit. Ky fjalor është njëkohësisht i tipit enciklopedik, sepse përveç kuptimit leksikor jep të dhëna të hollësishme edhe për jetën e vërtetë të fjalës e të realies a institucionit që shënon ajo. Nga kjo pikëpamje ai ka interes edhe për njohjen e aspekteve shpirtërore e materiale të jetës së përditshme të shqiptarëve gjatë periudhës së përfshirjes së tyre në Perandorinë Osmane.

М. А. Марусенко

ИЗУЧЕНИЕ КЛАССИЧЕСКИХ И СОВРЕМЕННЫХ ЯЗЫКОВ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ ФРАНЦИИ

Ученики должны изучать латынь и математику.
Наполеон Бонапарт, 1802 г.

Греко-латинское образование, в том виде, в каком оно существует, закончилось; но давайте условимся – это образование закончилось как единственный тип образования.
Фердинанд Брюно, 1898 г.

В демократическом обществе вопрос о необходимости и целесообразности изучения тех или иных языков должен быть предметом всестороннего обсуждения и общественного договора. История показывает, что в разных странах, переживающих переломные моменты развития, актуальными становятся одни и те же проблемы. Проводимая реформа системы образования в России, как ни странно, имеет много аналогий с тем, что происходило во Франции на рубеже XIX–XX вв.

Спор между сторонниками классических и современных языков и литератур *«querelle des anciens et des modernes»* с эпохи Возрождения всегда присутствовал во французском сознании, временно затухая или разгораясь в зависимости от исторических обстоятельств. Этот, казалось бы, чисто академический вопрос о том, способствует ли знание латыни (греческий язык в этом споре всегда отходил на второй план) изучению французского языка или, наоборот, только отбирает необходимые для его изучения учебные часы, на рубеже XIX–XX вв. оказался в центре общественной дискуссии о путях модернизации и демократизации Франции и ее системы образования. Поскольку речь шла о родном (материнском) языке, в центре споров оказалась система среднего образования.

Весь XIX в. был пронизан идеей эволюции, которая развивалась по двум направлениям: биологии и гегельянской фило-

софии, которая была близка к биологической концепции Вселенной, поскольку в ней все было функционально связано. Интеллектуальное влияние биологического эволюционизма наложило свой отпечаток на развитие всех наук, поскольку естественные науки стали выдаваться за модель науки вообще.

Эти изменения грозили оказаться фатальными для преподавания классических культур. Целесообразность формирования интеллекта через изучение классических культур оспаривалась не потому, что естественнонаучный подход распространился на все области знания, а из-за пересмотра целей и условий интеллектуального воспитания. Открытие законов индивидуальной и коллективной эволюции поставило вопрос о том, оправдано ли изучение классических культур с точки зрения развития индивидов и с точки зрения развития общества? В Англии и Германии были получены свои ответы, а во Франции философы продолжали поддерживать изучение классических культур. Однако признание непрерывного характера развития человечества от органических форм к высшим рациональным формам требовало признания адаптивной, функциональной роли человеческого ума, которая была чуждой общим задачам изучения классических культур.

В споре о Новой Сорбонне, который разгорелся во Франции в самом начале XX в., глубинные причины конфликта скрывались под покровом политических разногласий, противопоставлявших, с одной стороны, сторонников античной и современной культур, а, с другой стороны, консерваторов и демократов. На самом деле, основным вопросом дискуссии было место системы образования в демократическом обществе и ее легитимность как системы, обеспечивающей общее интеллектуальное и культурное развитие, т. е. либерального образования в философском смысле (Bulle 2010: 2).

Нападки на классические языки усилились в период после войны 1870 г.: латынь и греческий чуть ли не были признаны главными виновниками поражения Франции (Fragy 1885). Но своего апогея они достигли в 1890–1895 гг. в результате роста популярности спорта и колониальных захватов, которые характеризовали конец XIX в. Среди молодежи насаждался культ занятий спортом, ей рекомендовалось выбирать авантюрные карьеры, связанные с деятельностью на природе. В качестве примера

приводились соседи с другого берега Ламанша, не очень обремененные античным гуманизмом, но великолепно приспособленные к практической жизни и завоеванию мира. В эту эпоху превосходство англосаксов преподносилось и воспринималось обществом как догма, и это становилось обвинением закоснелому Университету, из-за которого умы становились такими же анемичными, как тело, а молодежь приносилась в жертву культу устаревших традиций, вместо того, чтобы приспособливаться к требованиям современной жизни (Dauzat 1912: 8).

Англо-бурская война и победа Германии в экономической конкуренции заставили с иной точки зрения взглянуть на проблемы университетского образования. Немцы, оказавшиеся не менее практичными, чем англичане, и не менее их склонные к завоеванию мира, как правило, включая промышленников, коммерсантов, государственных деятелей и писателей, имели хорошее университетское образование.

Реформе системы образования 1902 г. предшествовала работа Комиссии Рибо, созданной в 1898 г. Ее работа проходила в атмосфере позитивизма и была обусловлена изменениями общественного сознания, произведенными доктриной эволюционизма и получившими неоднозначную интерпретацию у современников. В то время как одни участники дискуссии пришли к выводу о превосходстве научного образования, наиболее полезного для борьбы за жизнь, другие высказывались за сохранение греческого и латыни ради культурного развития детей. Сторонники педагогического реализма считали, что образование должно готовить к жизни и формировать «людей своего времени»; модель человеческого развития, основанная на эволюционизме, должна произвести педагогическую революцию, главной мишенью которой были не столько классические языки, сколько вообще все гуманитарные науки, любое теоретическое образование и формальные упражнения.

Одной из главных задач Третьей Республики, с которой система образования блестяще справилась, было развитие во Франции науки и культуры. С этой целью происходило постоянное обновление программ, расширялось изучение французского языка и литературы, особое внимание уделялось истории. Постоянно возрастала доля точных наук, которые в результате реформы

1902 г. заняли в программах такое же место, что и классические языки.

Ситуация обострилась в 1910 г., когда было разрешено принимать на медицинские и юридические факультеты студентов, не изучавших латинский язык. Кроме того, решением министра национального образования были отменены льготы при поступлении в Политехническую школу для кандидатов, имевших классическое образование. Общество друзей Политехнической школы сразу же заявило протест, а Комитет французских металлургических предприятий направил министру письмо, которое получило значительный общественный резонанс. Без сомнения, авторы поторопились с нападками на реформу 1902 г., потому что ее результаты еще не могли сказаться даже на самом молодом поколении французских инженеров. Это спровоцировало реакцию Ш. Брюно, высмеявшего такие доводы при помощи элементарных арифметических подсчетов: учитывая продолжительность обучения, было нереально, чтобы ученик, испытавший на себе последствия реформы 1902 г., в 1910 г. уже стал бы инженером. Однако промышленники и руководители металлургических заводов жаловались на то, что молодые инженеры не могут эффективно использовать полученные знания, потому что они неспособны ясно и четко излагать результаты своих исследований и наблюдений. Аналогичной позиции придерживались и медики, считавшие, что знание греческого и латыни необходимы для изучения медицины, но не из-за того, что они облегчают знание специальной терминологии, а потому что классическое образование лучше формирует умы будущих студентов и позволяет отбирать самых одаренных из них.

Сторонники этой точки зрения организовали два общественных объединения – Лигу защиты французской культуры и Лигу друзей латинского языка. Первая из них, руководимая членом Французской академии Ж. Ришпэном, выпустила манифест с требованием пересмотра учебных планов из-за падения общего культурного и интеллектуального уровня молодежи, вызванного отменой изучения классических языков, и разделения, как прежде, классического и современного образования: «По замыслу ее авторов, реформа 1902 г. была осуществлена для того, чтобы дать новым поколениям образование, более подходящее для совре-

менной жизни, чтобы лучше подготовить их для торговли и промышленности и, тем самым, освободить либеральные профессии, к которым классическое образование готовило слишком много молодых людей без особых способностей. В реальности, произошло обратное: уравнивание отделений [классических и современных – прим. наше] усугубило материальный и моральный кризис интеллектуальных профессий, доступ к которым с каждым годом становится все более трудным». Заключение этого манифеста было не менее красноречивым: «Эта программа объединяет всех, кто заботится о будущем французской интеллигенции, кто осознает необходимость элиты для демократии и желает сохранить идеализм нашей культуры» (Dauzat 1912: 18).

Лига друзей латинского языка поставила перед собой цель вернуть классические языки в образование. Самым ярким ее представителем был писатель А. Франс, написавший трогательный текст в защиту латыни: «Хотя доказано, что французский не происходит непосредственно от классической латыни, тем не менее, верно, что оба языка являются родственными и что знание одного важно для знания другого. Ни один современный язык, изучаемый с такой же методичностью, как латынь, не будет столь же необходимым для образования... Это настолько верно, что А. Пуанкаре считает, что изучение латыни является очень полезной подготовкой для изучения математики...» (Цит по: Dauzat 1912: 20).

Противники реформы А. Массис и А. де Тард опубликовали по этому поводу серию статей под общим псевдонимом *Agathon* (молодой поэт, собеседник Сократа в диалоге Платона «Пир»), в которых подчеркивали вред от уничтожения социальных барьеров, создаваемых латынью и опасность вырождения высшего образования в механическую эрудицию и узкую специализацию, по мере того, как в университеты будут поступать студенты, не изучавшие латынь. Псевдонимный автор сожалел о том, что Сорбонна превратилась в Вавилонскую башню: «... мы должны предпочесть старую Сорбонну, в которой обучались несколько энтузиастов, этой современной Вавилонской башне, где толкуются иностранцы, говорящие на любых языках, ... космополитической толпе, среди которых французские студенты, потерянные и растерянные, не чувствуют себя дома» (*Agathon* 1911: 204).

Выразителем мнения противников изучения классических языков стал крупный историк М. Лансон, который неоднократно подчеркивал, что исключение классических языков из программ некоторых отделений лицеев сделано в пользу французского языка и что французская культура является самодостаточной и не нуждается в поддержке античной культуры. Разговорам о том, что изучение французского может дать только «примитивные» знания и что его незачем изучать, поскольку все его достоинства идут от латыни, М. Лансон дал четкую политическую интерпретацию: это приведет к тому, что во Франции место латыни займет немецкий язык, знание которого обеспечит реальный прирост культуры. А в Эльзасе немцы, ссылаясь на эти французские Лиги, навяжут эльзасцам, вместо французского, латынь, а если те будут настаивать, то еще и греческий. Ведь, по мнению парижских господ, только эти два языка могут приобщить к высокой культуре, а французский является языком второго сорта» (Lanson 1907: 173–176).

Все эти дебаты только уводили в сторону от основного вопроса: может ли, и в какой степени, знание латинского языка способствовать изучению французского языка и овладению учащимися французской культурой? Очевидно, что для ответа на этот вопрос нужно было абстрагироваться от вкусов и привычек, воспитанных греческими и латинскими книгами, которые, без всякого сомнения, являлись привилегией абсолютного меньшинства французского общества.

Только мнение специалистов, прежде всего, филологов и лингвистов, может определить объективный подход к решению этой сложной общественно-социальной проблемы. Декан филологического факультета Сорбонны А. Круазе, виднейший представитель эллинистической культуры во Франции, принявший участие в этой дискуссии на стороне «модернистов», писал, что не стоит преувеличивать образовательную ценность родства французского и латинского языков: это родство настолько далекое, что за восемнадцать веков язык совершенно изменился. Латинский синтаксис не может научить французскому синтаксису, который является его антиподом, так же как значения латинских этимонов не позволяют узнать значения образованных из них французских слов. Для того чтобы связать одни с другими,

чтобы восстановить цепочки значений и форм, необходимо проделать тщательный этимологический анализ, самые наглядные и поучительные примеры которого могут быть продемонстрированы ученикам, но который, сам по себе, не входит в задачи среднего образования (Dauzat 1912: 26).

Противники изучения живых языков считали большим недостатком, что оно направлено исключительно на достижение практических и утилитарных целей: разговор занял место переводов с латыни и на латынь, таким образом, говорение приобретает приоритет над письмом, а изучение литературы вообще отходит на второй план.

В инструкции, приложенной к циркуляру Министерства национального образования от 15 ноября 1901 г., отмечалось, что «в то время как изучение мертвых языков имеет целью формирование определенной интеллектуальной культуры, живые языки изучаются, главным образом, ради их применения» (Dauzat 1912: 27).

Писатель Жюль Леметр писал в 1898 г.: «Мы живем в демократическом и индустриальном обществе, которому угрожает или, точнее, которое почти разорила конкуренция сильных наций: дети нашей мелкой буржуазии и большое число детей из народа проводят от восьми до десяти лет только за тем, чтобы очень плохо усвоить те же самые вещи, которым отцы иезуиты очень хорошо обучали в монархическом обществе детей аристократов, чиновников и привилегированных классов. Это ли не наглый анахронизм? А вера в полезность этого образования не является ли нелепым предассудком?» (Цит. по: Faguet 1910: 96).

На самом деле, как свидетельствует А. Доза, последовательное сокращение учебного времени, отводимого для изучения латинского языка, вовсе не свидетельствовало о гибели культуры. Подобной участи несколько ранее подверглось преподавание греческого языка, что было неизбежной и даже необходимой мерой: в течение многих лет уровень знаний греческого в лицах постоянно снижался; большинство учеников испытывало отвращение к изучению этого трудного языка, а многие доходили до бакалаврских экзаменов, даже не умея, как следует, читать. Реформа 1902 г., освободив от бесполезной нагрузки преподавателей греческого языка, число учащихся у которых уменьшилось в три

раза, привела, в конце концов, к повышению уровня знания греческого языка: меньше лицеев захотели продолжить изучение греческого, но делали это с интересом и добивались лучших результатов (Dauzat 1912: 30).

Спор о целесообразности изучения классических языков быстро перекинулся с лицеев на университеты, особенно на Сорбонну, где оказались собраны самые крупные представители «модернистов». Критике подвергалась сама система высшего образования, которую упрекали в излишней специализации в ущерб общей культуре, а на языковые факультеты возлагалась вина за кризис французского языка. Особенно в этом отличились писатели, сделавшие ряд заявлений, свидетельствующих об их собственной образованности: И. Скантрель решил просветить невежественную Сорбонну, заявив, что французский язык – это латынь, на которой говорят в Париже, или, более того, что латынь – это французский язык, на котором говорят в Риме. А. Фор объявил, что немецкие университеты, в которых он никогда не был, представляют огромные машины, работающие вхолостую.

Учебники грамматики, которые были в ходу в то время, свидетельствуют о странном незнании их авторами законов, определявших образование и изменения французского языка, почти полном игнорировании знаний, накопленных за шестьдесят лет развития романской филологии. Этот отрыв грамматики от лингвистики мог бы продолжаться и дальше, если бы один из мэтров Сорбонны, которому впоследствии его недоброжелатели почти официально присвоили титул «хозяина грамматики», Фердинанд Брюно, в книге *«L'enseignement de la langue française»* не разоблачил без всякого снисхождения странности и нелепости традиционной грамматики, вызванные игнорированием важнейших языковых законов (Brunot 1909). Ф. Брюно показал важность исторического подхода для объяснения явлений современного языка: можно ли объяснять правила образования женского рода так же, как в эпоху, когда произносили *t* в слове *vert* и *r* в слове *berger*, а также конечное немое *e* в словах *verte* и *bergère*? Тем не менее, традиционные грамматики и сегодня продолжают утверждать, как и в пятнадцатом веке, что женский род образуется прибавлением немого *e*. Любой ребенок, поступающий в школу со знанием языка только в фонетической форме, может сформулиро-

вать правило, по которому женский род *verte* отличается от мужского добавлением *t*.

Еще в 1899 г. социально-политические взгляды Ф. Брюно определили его радикальную позицию по вопросу о реформе образования. Его показания Комиссии Рибо резко отличаются от показаний, даже самых критических, коллег из Сорбонны. По его мнению, проблемы государственных учебных заведений вызваны консервативной и клерикальной позицией буржуазии, которая из-за снобизма желала воспитывать своих отпрысков в защитной атмосфере католических колледжей. Самые критические замечания Ф. Брюно касались программ классического образования и комплекса превосходства, присущего сторонникам классических языков, хотя реальность опровергала их претензии. Являясь экзаменатором на бакалаврских экзаменах, Брюно мог сам констатировать очень низкий уровень знаний, особенно греческого языка. Самые трудные авторы, Тацит и Сенека, вообще недоступны для выпускников, но даже считающийся легким автором Цицерон остается не до конца понятным. Брюно разделял точку зрения тех, кто хотел сохранить настоящее классическое образование для элиты учащихся, а не навязывать его всем, кто вынужден терпеть его по необходимости, потому что без него был невозможен доступ к большинству престижных карьер. Он считал это продолжением процесса изменений, начавшихся в XVI в., направленного на освобождение от культа античности, унаследованного от церкви и средневековых университетов, для того чтобы предоставить «вульгарному языку» в образовании то место, которое он завоевал в других областях общественной жизни: администрации, правосудии, медицине, точных науках и культуре. Образование оставалось последним бастионом монополии клерков-латинистов на интеллектуальную жизнь, разрушаемой на протяжении трех веков (Charle 2005: 7). Ни монархия, ни парламент в период изгнания иезуитов в XVIII в., ни Революция не осмелились пойти до конца и уменьшить время на изучение классических языков. Добавление новых предметов производилось без сокращения классических языков, что приводило к поверхностному изучению всех дисциплин, потому что время, выделяемое на каждую из них, было недостаточно для достижения приемлемого уровня. Эта нерешительность объяснялась,

по мнению Брюно, широкой поддержкой полностью лживых лозунгов, провозглашаемых сторонниками классических языков: необходимостью латыни и греческого для хорошего владения французским языком и интеллектуальной гимнастикой, заключающейся в переходе с языка на язык, что способствует развитию интеллекта.

Необходимо отметить, что цели изучения латыни в разные исторические периоды были разными. При Старом режиме оно было направлено на моральное и интеллектуальное развитие ребенка; в Революцию изучение античности рассматривалась как средство морального возрождения, необходимое для формирования нового общества; при Наполеоне вернулись к изучению античных языков, которые немного позднее стали именоваться классическими; XIX в. характеризовался возвратом к изучению латыни. Вся первую половину XX в. изучение классических авторов имело целью всестороннее развитие человека. После 1970-х гг. и введения всеобщего школьного обучения совершился переход от изучения классических авторов к современным авторам. Главным жанром стал роман, соответственно, изменились и цели обучения: речь больше не шла о моральном, эстетическом и интеллектуальном воспитании, а только о подготовке к жизни человека и гражданина (Cibois 2010: 2).

Уровень знания латыни не только современниками Брюно, но и пятьдесят лет спустя, был таков, что даже правильное чтение латинских текстов представляло неразрешимую проблему. Учащиеся читали латинские тексты на французский манер: так, окончание фразы *Caesar misit legatos a lacremeorum* произносилось как *à lacrèmeetaurhum*. В то же время в католических храмах богослужения шли на латыни, но читаемой на итальянский манер: при чтении «Отче наш» *qui est in caelis* произносилось как *kwi es in tchélis*, а *dominus vobiscum* как *dominous vobiscoum*. После Второго ватиканского собора (1962–1965), разрешившего богослужения на национальных языках, латынь исчезла из большинства католических храмов. Задача распространения восстановленного римского произношения так и осталась невыполненной (Cibois 2011: 1).

Опираясь на свои знания историка языка и на репутацию бывшего отличника классического отделения, Брюно утверждал,

что оба эти утверждения являются ложными. Что касается первого, он защищал возможность по-настоящему исторического изучения французского языка, не зависящего от изучения латыни, понимая трудность достижения этой цели, потому что все преподаватели французского языка получили классическое образование. В отношении второго, он признавал, что перевод латинских авторов является более трудным, чем перевод с живых языков, потому что латынь более далека от французского и, следовательно, является лучшим упражнением для ума. Однако он считал, что лучше хорошо знать великих писателей европейских литератур, образующих культуру, общую для современников. Он также резко высказывался против изучения латинской литературы: уровень знания латыни позволял читать только самых простых авторов и давал учащимся знание посредственных произведений по сравнению с французской, английской или немецкой литературами. Но самая серьезная претензия заключалась в том, что пристрастие к латыни ведет к плохому преподаванию живых языков, которые вдальбливаются в головы так же, как и мертвые языки.

Проект реформы, представленный Брюно, состоял из двух пунктов: во-первых, уравнивать в правах оба отделения; во-вторых, ускоренными темпами развивать отделения живых языков, единственно приспособленных к современным условиям и отвечающих ожиданиям основной массы населения. При этом он предусматривал сохранение некоторого количества очагов классической культуры, необходимых для поддержания традиций и дающих возможность некоторым семьям не посылать детей в католические колледжи.

Академические нападки на Новую Сорбонну имели также и социальный аспект, который не мог не волновать Брюно. Под прикрытием нападков на германизацию образования и упадок преподавания латыни шло наступление социальной реакции на предшествующие реформы, которые Брюно идентифицировал с собой. 1 июля 1911 г. состоялось первое заседание ассоциации «Друзья французского языка и современной культуры», которую возглавил Брюно. Ассоциация опубликовала манифест, в котором, в частности, говорилось: «Они [Друзья французского языка и современной культуры – прим. наше] напоминают, что

латынь изучается в трех отделениях средних учебных заведений их четырех, и отказываются считать эту культуру единственно возможной и единственно эффективной... Они протестуют против предрассудка, что только изучение латыни позволяет достичь полного владения французским языком. Напротив, они убеждены, что старый не прямой метод изучения французского языка через латынь, если и может дать результаты благодаря применению в течение многих лет, в большинстве случаев является недостаточным и неэффективным, что он мешает развитию более совершенных методов, предусматривающих преподавание французского языка через него самого и ради него самого, и тормозит необходимое развитие французской словесности» (Манифест 1911).

Противники Новой Сорбонны осуждали философско-эволюционистский редукционизм, под знаменем которого происходила реформа гуманитарного образования. Хотя университетские мэтры отрицали влияние эволюционной педагогики и старались создать, параллельно с классическим образованием, систему научного гуманитарного образования, задача развития интеллекта была переложена с гуманитарных на точные науки. Они считали, что моральное воздействие образования должно опираться на интеллектуальное образование, должно воспитывать у учащихся любовь к истине ради нее самой. Позитивистские иллюзии напрямую связывали истину с научным методом, принижая роль концептуальной критики и воображения.

Основные идеи философского догматизма, присущего мэтрам Новой Сорбонны, постепенно распространились на все гуманитарные науки, сделав со временем менее очевидными посылки антропологической модели, на которых они были основаны. Предпосылки эволюционной педагогики дали толчок развитию педагогики в целом. Однако эволюционная идея, которая в силу политических и культурных предпочтений выдвинулась на первый план, не учитывала специфику развития человеческого интеллекта, рассматривала гуманитарные науки как пассивные и антидемократические излишества, предпочитая социализацию теоретическому обучению, а специализацию либеральному и многостороннему образованию (Bulle 2010: 24).

Прошел целый век, а эти вопросы не утратили своей актуальности.

Литература

- Манифест 1911 – Манифест был опубликован в газетах *Le Temps* от 17 июля 1911 г. и *Le Siècle* от 21 июля 1911 г.
- Agathon 1911 – Agathon. *L'Esprit de la Nouvelle Sorbonne. La crise de la culture classique. La crise du français*. Paris, 1911.
- Brunot 1909 – F. Brunot. *L'enseignement de la langue française: ce qu'il est, ce qu'il devait être dans l'enseignement primaire*. Paris, 1909.
- Bulle 2010 – N. Bulle. *Les humanités face à la lutte pour la vie et à l'évolutionnisme social* // Lorenti J. N., Vignest R. (eds.). *Enseigner les Humanités*. Paris, 2010.
- Charle 2005 – Chr. Charle. *Atelier de théorie littéraire: Ferdinand Brunot et la défense des modernes* // *Sorbonne-nouvelle /Ferdinand-Brunot-et-la-défense-des-modernes.htm*. 2005.
- Cibois 2011 – Ph. Cibois. *La prononciation du latin: l'enseignement* // enseignement-latin.hypotheses.org/4209. 2011.
- Cibois 2010 – Ph. Cibois. *Les Humanités aujourd'hui. Que faire ?* // enseignement-latin.hypotheses.org/1920. 2010.
- Dauzat 1912 – A. Dauzat. *La défense de la langue française*. Paris, 1912.
- Faguet 1910 – E. Faguet. *Le culte de l'incompétence*, Paris, 1910.
- Frary 1885 – R. Frary. *La question du latin*. Paris, 1885.
- Lanson 1907 – G. Lanson. *Les études modernes dans l'enseignement secondaire* // Lavis E. (ed.). *L'Education de la démocratie: leçons professées à l'Ecole des Hautes Etudes Sociales*. Paris, 1907.

**DIE TÜRKISCHE FACHTERMINOLOGIE DER BERUFE
IN DEN SÜDOSTEUROPÄISCHEN SPRACHEN¹**

Die Terminologie wurde auf der Ebene der gesprochenen Sprache untersucht². Um die Einheit der Untersuchung zu bewahren, da es keine linguistische Monografien zur fachterminologie jeder Sprache für sich³ gibt, nutzten wir die Monographien über die fremden Ein-

¹ Siehe A. Ch. Girfanova, N. L. Suchatchiov, О проекте словаря «Тюркизмы в языках юго-восточной Европы» (опыт сводного описания историко-лексикографических и этимологических данных), „Revue des études sud-est européennes”, Т. XLV (1–4), 2007, S. 461–490. Siehe auch: Idem, Балкано-тюркские изоглоссы, изопрагмы и изодоксы (музыкальные инструменты и термины), in Восток и запад в балканской картине мира. Памяти В. Н. Топоров (Ред. колл. Т. Н. Свешникова, И. А. Седакова, Т. В. Цивьян), Москва, 2007, S. 182–189; Idem, О работе над сводным словарем «Тюркизмы в языках юго-восточной Европы», in Балканское языкознание: Итоги и перспективы (Материалы румынско-русского симпозиума, Санкт-Петербург, 2–3 октября 2009 г.) (отв. ред. Н. Л. Сухачев), Санкт-Петербург, 2009, S. 266–274; Idem, Тюркские заимствования в лексико-тематической группе «названия одежды» (Предварительные данные словаря «Тюркизмы в языках юго-восточной Европы»), „Revue des études sud-est européennes”, Т. XLVIII (1–4), 2010, S. 25–69.

² G. Ivănescu, Storia delle parlate popolari e storia delle lingue letteraria, „Philologica”, Craiova, II, 1970, S. 22. Cf. auch Zamfira Mihail, Recherches d'ethnographie linguistique comparée du Sud-Est européen, «AIESEE. Bulletin», XI, 1973, 1–2, S. 139–150; Zamfira Mihail, Die Sudslawische Fachterminologie der Berufe, in "Analele Universitatii Bucuresti. Limbi si Literaturi Straine", an XXVI, 1977, II, str. 37–45.

³ Al. Andreev, Njakogašnata željazna industria u nas, INEM, I, 1921; G. Bončev, Staroto rudarstvo v Bălgarija i Makedonija, in Spisanie Bălgarska Akademia na Naukite, XIX, 1920; S. K. Georgiev und Vs. Nikolaev, Rudarstvo v iugozapadna Bălgaria i iugoiztočna Makedonia, Sofia, 1953; A. Primovski, Kovačite aguti v grad Madan, IEIM, II, 1955; P. Puntev, Grančarstvoto v Berkovica v kraja na XIX i pārvata polovina na XX v., IEIM, XVI, 1974; H. Kreševljaković, Kazanskijski obrt u Bosni i Hercegovini, Sarajevo, 1951; P. Reinfuss, Garnčarstwo ludowe, Warszawa, 1955;

flüsse in den südosteuropäischen Sprachen. Auf diese Weise erachten wir, daß sich in unserer Arbeit die synchronische Realität des letzten Jahrhunderts auf der Ebene der gesprochenen Sprache widerspiegeln konnte, mit der Chance, einen terminus je nach seiner Anführung in der von uns verwendeten Bibliographie zu verzeichnen⁴.

Die vergleichende Untersuchung stellt die Frage der Bedeutung zur Diskussion in der Sicht, aus der das Lehnwort als Akkulturationsprozeß, betrachtet wird. Dieser Prozeß umfaßt Erscheinungen, die auf den unmittelbaren Kontakt zwischen Individuengruppen aus unterschiedlichen Kulturbereichen zurückzuführen sind: Ein solcher Kontakt ruft Veränderungen bei den ursprünglichen Kulturtypen einer jeden Gruppe hervor, woraus sich nicht nur eine Bereicherung an neuen Elementen sondern auch Veränderungen der alten Strukturen ergibt. Wie B. Malinowski⁵ als erster beobachtete, erlitt jede menschliche

W. Nowak, Slovenska ljudska kultura, Ljubljana, 1960. Zamfira Mihail, La terminologie de l'exploitation minière et métallurgique dans les langues du Sud-Est Européen, „Cahiers Balkaniques”, Paris, 2, 1981, p. 33–56; Idem, South-East European Mining Technology (13th–18th Centuries) as reflected in Terminology, „Revue des études sud-est européennes”, XXVII, 1989, nr. 1–2, p. 189–194; Idem, Technologie et terminologie populaires dans les langues sud-est européennes, „Revue des études sud-est européennes”, XLIII, 2005, 1–4, p. 133–140.

⁴ J. H. Kissling, Zu den Turzismen in den südslavischen Sprachen, „Zeitschrift für Balkanologie”, v. 2 (1963–1964); Roger Bernard, Quinze mots balkaniques d'origine turque, „Balkansko ezikoznanie”, IX, 2 (1965), â; T. Kovaleski, W sprawie metodologii badan zapozyczen tureckich w jzykach slowianskich, I. Sjezdu slov. filol. v Praze, 1929, II, S. 544–556; M. Moskov, Obšti po proichod turski zaemki v balkanskite ezici, „Bălgarski ezik” 14 (1964), S. 186–190; G. Hazai, O nekotoryh aktual'nyh voprosah issledovania balkano-tureckih dialektov, „Balkansko ezikoznanie”, Sofia, IX (1964), 1, S. 57–69; A. Knežević, Die Türzismen in der Sprache der Kroaten und Serben, Meisensheim am Glan, 1962; A. Schmaus, Zur Lautgestaltung der türkischen Lehnwörter in den südslavischen Sprachen, München, 1955; P. Skok, Prilozi na proučavanje turcizama u hrvatskon jeziku, Prag 1937/1938 („Slavia” XV); A. Skaljić, Turzismi u narodnom govoru i narodnoj književnosti Bosne i Hercegovine, I, II, Sarajevo, 1957; St. Stachowski, Studia nad chronologija turcyzmov w jeziku serbsko-chorwackim, Warszawa; K. Menges, Zum neuen und den türkischen Elementen in Bulgarischen, „Zeitschrift für Balcanologie”, VI (1969–1970), H. 1 und 2; A. N. Sobolev, Opyt issledovanija tjurkizmov v balkanskih jazykah, „Zeitschrift für Balkanologie”, 2004, Jh. 40, H.1, S. 62–91 und H. 2, S. 206–229.

⁵ B. Malinowski, Cultur und Change, New York, 1941.

Gruppe mehr oder weniger den Einfluß einer anderen menschlichen Gruppe. Und die Sprache als Kommunikations-, als Ausdrucks-, als Konservierungsmittel „est le médium naturel – à condition d’être traitée pas en tant que moyen, mais dans son organicité propre“⁶. Im Rahmen des onomasiologischen Bestands von Termini werden wir uns nur mit den den südslawischen Sprachen gemeinsamen Termini beschäftigen. Die festgestellten Konkordanzanzen erleichterten die Tatsache, daß die Gegenstände (Realien) vergleichbar sind. In der slawischen Welt Südosteuropas sind die Arbeitsinstrumente typologisch ähnlich. Übrigens wird nirgends von einer Typologie der Werkzeuge nach ihrer Ethnik⁷ gesprochen.

Die Tatsache, daß es im Mittelalter dörfliche, städtische und Herrschaftshandwerker gegeben hat, wirkte sich auf die Terminologie nicht aus, denn die benützten Werkzeuge waren dieselben. Wie wir auch in anderen Arbeiten nachgewiesen haben, differenzierte sich im Mittelalter die Terminologie der verschiedenen, den mittelalterlichen Dörfern und Städten gemeinsamen Tätigkeitsbereiche nicht. Und dies, weil das balkanische Dorf, zum Unterschied von den Feudalgütern Westeuropas, keine „geschlossene“ soziale Organisation kannte. Den Austausch mit der Stadt hat es immer gegeben und er war ein zusätzlicher Faktor für die Verbreitung und Verwendung derselben Terminologie⁸.

Der von der Entwicklung des Volkshandwerks und der Volkstechnik im Südosteuropas erreichte Stand entspricht dem Mitteleuropas⁹, mit dem Unterschied, daß unter den Bedingungen der osmanischen Herrschaft die Ausübung eines Handwerks auf rudimentärem Niveau geschah. Manche Forscher erachten, daß es zwischen dem Begriff „Volkstätigkeit, -beschäftigung“ und dem Begriff „Verarbeitung des Eisens“ einen Gegensatz gibt, weil letztere Handlung die Erziehung hoher Temperaturen und das Handhaben zahlreicher

⁶ L. Trenard, Histoire et sémantique, „Revue des études sud-est européennes“, 1972, 3, S. 431.

⁷ A. Desnickaja, Slovjanskoe naselenie v Albanii, Moscow, 1968, S. 30.

⁸ Șt. Olteanu, C. Șerban, Meșteșugurile în Țara Românească și Moldova în evul mediu, Bukarest, 1969.

⁹ A. Smith, Science and Society, London, 1976.

Utensilien¹⁰ voraussetzt. In diesem Bereich wird jedoch seit mehr als tausend Jahren dieselbe Technik¹¹ verwendet, nämlich die Volkstechnik. Aus diesem Grunde wird sie auch von Ethnographen erforscht.

Was diesen Beruf in volkscundlicher Hinsicht von den übrigen unterscheidet, ist der Umstand, daß er nur von Männern ausgeübt wird. Ein weiterer Aspekt, gemeinsam nur den slawischen Völkern ist, daß das Schmiedehandwerk bei den slawischen Völkern verachtet wurde. Es gab ständig ein *Tabu* des Schmieds, der sogenannte Schmied-Komplex, mit positiven und negativen Seiten: positiv, wenn man der Ansicht war, daß das Eisen den Boden fruchtbar mache, und negativ, wenn man meinte, der Kontakt mit dem Eisen würde Dämonen entfachen, und da wurde der Schmied an den Rand der Gesellschaft geschoben¹². Wenngleich Bosnien im 7 – 6 Jh.v.u. Zr. als wichtiges Zentrum der Eisenindustrie¹³ bekannt war, brachten später die Slawen den Glauben mit, diese Beschäftigung sei unrein und ließen sie deshalb von anderen ethnischen Gruppen ausüben. Da jedoch die Zigeuner erst nach dem 12.Jh. nach Europa kamen, ist vorauszusetzen, daß vorher die Lage anders war. Der Fakt wurde linguistisch bestätigt.

Die älteste terminologische Schicht bilden die altslawischen Fachtermini für die Begriffe. Eine zweite Sprachschicht stellen die Fachtermini türkischer Herkunft dar. Wenngleich, wie bekannt, die Einführung neuer Gegenstände und Techniken, die auch die Annahme neuer entsprechender Termini¹⁴ voraussetzte, nicht erforderlich war, prägte sich die Tatsache, daß dieser Beruf im Osmanischen Reich von Muselmanen oder muselmanischen Volksstämmen (wie den Zigeunern) ausgeübt wurde, auch der benützten Terminologie auf.

Dies umso mehr, da – wie Ahlquist, der große Kenner des muselmanischen Lebens – feststellte: „In den abgelegenen Teilen unsers

¹⁰ W. Bert, Metalle, in Die deutsche Volkskunde, ap. O. Trubačiov, Remeslennaja terminologija v slovjanskijh jazykah, Moskow, 1966, S. 309.

¹¹ L. Niederle, Život staryh slovanu, Prag, 1926, S.233.

¹² L. Makarius, Les tabous du forgeron, „Diogéne“, 62, 1968.

¹³ G. Chiudina, Storia de Montenegro-Crnagora dai tempi piu antichi fino ai nostri, Spalato, 1882, S.21.

¹⁴ B. E. Vidos, Prestito, espansione e migrazione dei termini tecnici nelle lingue romanze e non romanze, Firenze, 1965.

Landes ist die Verteilung der Arbeit noch so wenig fortgeschritten, daß der Bauer nicht nur sein Ackerbau- und Hausgerät sowie die Zeuge zu seiner Bekleidung, sonderngrößtenteils auch die dazu erforderlichen Werkzeuge selbst verfertigt. mehr noch als zu unserer Zeit mag dies früher der fall gewesen sein, als der einsame Waldbewohner in dieser Hinsich auf sich selbst angewiesen war, und alles, dessen er und seine familie bedurfte, selbst mit derselben verfertigte”¹⁵.

Die seit mehr als einem Jahrhundert unternommen Studien bestimmen die spezifischen Merkmale, Dauer und Intensität des türkischen Einflusses auf die südosteuropäischen Sprachen. Die vergleichende Sicht gestattet es, festzustellen, in welchem Maße die türkischen Elementge in einer Sprache zahlreicher oder persistenter als in einer anderen sind.

Die Verzeichnun der Elemente türkischer Herkunft, die mehreren Sprachen gemeinsam sind, ermöglicht es, das Gewicht eines der Konvergenzfaktoren im Bereich des Wortschazes der südosteuropäischen Sprachennuancierter zu umreißen. Zum Beispiel:

▶ türk. *âlet* „Werkzeug, Instrument“ (< *alat*) > *alat* „idem“ und Derivate *alatka*, *alatlika*, *alatnicar*, Knežević, S. 29, mazed. *alat*, *alet* „idem“, Bach, S.143, bulg. *alat*, Schaller, S.181.

▶ türk. *haviye* „eine Art Hammer“ > skr. *ajvija* ”idem“ Elezović; Knežević, S. 27.

▶ türk. *burgu* „Bohrer“ > skr. *bürgija* „kleiner Bohrer, Rohrenbohrer; Blechblatt“; *burgijañe* „Blechblatt“, Knežević, S. 66; in maz. *burgija*: 1) „Bohrwerkzeug“; 2) „Schraubstock“; 3) „Mutter“; bulg. *burgija* „idem“, Şăineanu, S. 64, Schaller, S. 181.

▶ türk. *çekiç* „Hammer“ > skr. *čekiç* ”Hammer“ Knežević, S.75; maz. *čekiç* „großer Hammer“, Bach, S.149.

▶ tk. *çengel* „Feile“ (< pers. *çengāl*, Skaljić, S.171) > maz. *çengel*, *çingel*, *çingil*, Bach, S.149; skr. *čengel* „Hacken“, *čènkìn*, *čèngele* „eiserne Hacken“, Knežević, S.76.

▶ türk. *eğe* „Feile“ > skr. *ege*, Knežević, S.75; maz. *ege* 1) „Dreieckfeile“; 2) „runde Feile“ (und *okruga* ~ , *juval* k ~), Bach, S. 154.

¹⁵ H. Vambery, Die primitive Cultur der turko-tatarischen Volkes, Leipzig, 1879, S. 111.

► türk. *makas* „Schere“ (< arab *maḳaṣ*) > maz. *makas* „Blechscherer“, Abb. Nr. 15 Bach, S.169 und *makazi* weil die Schere aus zwei Teilen besteht, die Form *makaza* ist eine Einzahlform, eine Falschbildung des Plurales *makazi*; skr. *màkaze* „idem“, Knežević, S. 210.

► türk. *maša* „Kohlenzange“ (pers. *māše*, Skaljić, S. 447) > maz. *maša* 1) „Kohlenzange“; 2) „Schmiedezange“; 3) „Schraubenschlüssel“, Bach, S.170 und *maši* „Schmiedezange“, skr. *màša*, *màše* „Feuerzange“, Knežević, S. 213.

► türk. *mengene* „Schraubstock“ (< gr. *μεγγελε*, Skaljić, S.457); maz. *menğeme*, *menğele*, *menğene* „idem“, Bach, S.170; skr. *mëngele*, *mëngeli*, Knežević, S. 218; bulg. *mengeme*, Schaller, S.181.

► türk. *nalbant* „Schmied“ (< persan *na'lbānd*) > skr. *nàlbanta*, *nàlbantin* „Hufschmied“, *nàlbantnica* „Hufschmiede“ Knežević, S. 324; maz. *nalbant* „idem“, *nalbat*, *nalbantin*, Bach, S. 172; bulg. *nalbant*, Schaller, S.181.

► türk. *pergel* „Zirkel (für Zimmerleute)“ (< pers. *pergār*) > skr. *përgel* „idem“, Knežević, S. 257; maz. *pergel* „Spitzzirkel“, *perğel*, Bach, S. 178; bulg. *pergel* „idem“, Schaller, S. 181.

► türk. *tokmak* „Schlägel, Klopfer“ > skr. *tökmak* „kleine Keule; kleiner, vierschrotiger Mann, Kegel; Holzpfosten zum Schließen der Hoftür, Tölpel; großer Hammer“, Knežević, S. 329; maz. *tokmak*, Bach, S. 198.

► türk. *zimba* „Durchschlageisen“, maz. *z mba*, *dz mba*: 1) „Locher, 2) „Durchschlaghammer“, Bach, S. 154, 208; skr. *zùmba* „Locheisen, Ausschlageisen“, Knežević, S. 356; *zimba*, mit. suf. *-li*, in maz. *dz ml li*, Bach, S.154

Uwe Bach¹⁶ stellte bei der Analyse der Schmiedeterminologie in der mazedonischen Sprache fest: Diese Lehnwörter machen ungefähr ein Drittel der gesamten Fachtermini aus. Der Grad ihrer Verbreitung ist sehr unterschiedlich. Sie können einerseits in ganz Maz. bekannt sein (wie *maša*, *kazma*, *sandak*, *tokmak*, *durpija*, *kùmur* usw.) und andererseits nur in einem ganz kleinen Gebiet bzw. nur in einem Ort (*kimer*, *surgija*, *siren* usw.). Sie können, wie z.B. *kumur*, überall verwendet werden, doch bezeichnen sie in verschiedenen Gegenden

¹⁶ Uwe Bach, Die Fachterminologie der mazedonischen Schmiede und Hufschmiede, Berlin, 1970.

verschiedene Dinge (*kumur* „Holzkohle“ oder „Steinkohle“, *baltija* im Südosten „Beil“, sonst „Axt“, die Ableitungen von türk. *tezgâh* im Südosten „Amboß“, sonst „Werkzeuggestisch“).

► türk. *baskı* „Druck“ (*basmak* „drücken, schlagen“); maz. *baski* „Kehlhammer“, *baskija*: 1) „Kehlhammer“, 2) „Schrotbeil“, Bach, S. 144.

► türk. *dört* „vier“ + *köse* „Ecken“, in maz. *dorkošë*: 1) „Eisenlocher“, 2) „Viereckiger Durchschlaghammer“, Bach, S. 153.

► türk. *kesir* „zerschnitten, zerschlagen, verdorben“ (< arab *kese*) > skr. *čësër* „Zimmermannsbeil“; Abfall beim Zuschneiden“ Knežević, S. 88.

► türk. *kulak* „Henkel, Griff, Ohr“, *sac* „aus Eisen“, in maz. *kulaka sadžija* „Beschlagzange“, weil die beiden Zangenarme Henkeln ähnlich aussehen, meint Bach, S.166.

► türk. *nišan* „Zeichen, Hinweis“, in maz. *nišan (zamba)* „Locher, Körner, weil mit dem Körner ein Zeichen auf einem Metallstück gemacht wird“, laut Bach, S. 173.

Je gebräuchlicher die türk. Lehnwörter in der Allgemeinsprache sind, desto weiter sind sie natürlich auch in der Fachsprache verbreitet, s. *masa*, *sandak*, *kumur* usw. Wir die slaw. Wörter so haben auch die türk. Lehnwörter in der Fachsprache oft eine spezielle Bedeutung bekommen, wobei meistens eine ähnliche Form die Ursache der Bedeutungsübertragung war. Die türk. Wörter können unverändert bleiben, lautlichen Veränderungen unterliegen, mit slaw. Suffixen versehen werden oder in Zusammensetzung mit anderen nichttürk. Wörtern erscheinen. Die Häufigkeit des gebrauchts weniger bekannter türk. Lehnwörter hängt von den Kenntnissen des einzelhen Schmiedes in der türk. Sprache, von seinem Alter (ältere Schmiede gebrauchen mehr türk. Wörter) und von seinem Nationalgefühl ab.

Die Schicht türkischer Termini ist auf weite Gebiete im Südosten Europas verbreitet, so daß sie – durch die einheitliche Aufnahme – als „internationale“ Termini bezeichnet werden können, wenngleich sie mündlich weitergegeben wurden. Die gebildeten Synonymenpaare werden noch in denselben Medien als vollkommene Äquivalente verwendet: *nožica* – *makasa*, *dupčalka*, *klešta* – *maša*, *mlat* – *čekić*, *tokmak* u.a.

Semantische Evolutionen zu technischen Bedeutungen äußerten sich, nach unseren Feststellungen, bei gemeinsamen Termini türkischer Herkunft bei Zweisprachigen.

Termini mit so erwirkter technischer Bedeutung werden nur auf beschränktem Gebiet verwendet.

Sprachforscher erachten gewöhnlich, daß „Only the most concrete loanwords, such as designations for newly invented or imported objects, can be thought of as mere additions to the vocabulary“¹⁷.

Aus der Analyse der türkischer Elemente aus der Fachterminologie der Schmiede ergeht, daß diese „itinerante“ Komponente des technischen Wortschatzes ihre Verbreitung in verschiedene Sprachen in großem Maße der Migration der Handwerker verdankt. Aus diesem Grunde betont die Schlußfolgerung unserer Arbeit die Rolle des soziolinguistischen Faktors in der konvergenten Aktion der türkischer Sprache im Südosten Europas.

In der technischen Terminologie sind im allgemeinen zwei Tendenzen zu beobachten:

- gemeinsame Volkstermini erhalten technische bedeutungen (wir haben diesen Aspekt bei den Südslawischen termini türkischer Herkunft);

- „wissenschaftliche“ Fachtermini verbreiten sich in der Fachterminologie des Volkes.

In der zweiten Lage befinden sich die südslaw. Termini türkischer Herkunft im Bereich der Schmiede. Die deutschen Elemente bilden die dritte lexikalische Schicht¹⁸. Element deutscher herkunft es bewirkt, daß man nicht von einer südslaw. Terminologie der handwerker

¹⁷ U. Weinreich, Languages in contact, New York, 1950, S.53.

¹⁸ St. Mladenov, Isledvane na germanskite elementi v slavjanskite ezici, SbNU, XXXV, 1909. Cf.auch A. Bruckner, Die germanischen Elemente im gemeinslavischen „Zeitschrift für slavische Philologie“, XLII, 1929; R. Kolarič, Über die Notwendigkeit gemeinsamer Erforschung der slowenischen und deutschen Grenzmundarten, „Zweiter Internationaler dial. Kongress“, Marburg, sekt. IX; E. Schneewis, Die deutschen Lehnwörter im Serbokroatischen in kulturgeschichtlicher Sicht, Berlin, 1960; Fr.Valjavec, Geschichte der deutschen Kulturbeziehungen zu Südosteuropa, München, Bd. I, 1953, Bd. 2, 1955; Bd. 3, 1958; Hildegard Stiedter-Temps, Deutsche Lehnwörter im Serbokroatischen, Berlin, 1958; Wolfgramm Eberhard, Deutsche Einflüsse und die Anfänge der bulgarischen Kulturbewegung in der ersten Hälfte des 19.Jahrhunderts, „Südost-Forschung“, V, H. 2/3 (1940).

„en bloc“ sprechen kann. Auf Grund des „internen“ Studiums eines lexikalisch-semantischen Feldes gelangen wir zu allgemeinen Schlüssen im Hinblick auf die lexikalische Einheit der südeuropäischen Sprachen. In der gegenwärtigen Etappe scheint das differenzierende Element das konvergente zu überwinden.

Abkürzungsverzeichnis

- Bach – Bach U. Die Fachterminologie der mazedonischen Schmiede und Hufschmiede. Berlin, 1970.
- Elezović – Elezović G. Rečnik kosovsko-metohijskog dialekta. Beograd, 1932–1935.
- IEIM – „Izvestija na etnografskija Institut i Muzej“, Sofia.
- INEM – „Izvestija na narodnija etnografski Muzej“, Sofia.
- Knežević – Knežević J. Die Turzismen in der Sprache der Kroaten und Serben. Meisenheim, 1962.
- SbNU – „Sbornik za narodno umotvorenija“, Sofia.
- Schaller – Schaller H.W. Die türkischen Lehnwörter in der bulgarischen Sprache // Zeitschrift für Balkanologie, 1973.
- Skaljić – Skaljić A. Turzismi u narodnom govoru i narodnoj književnosti Bosne i Hercegovine, I–II. Sarajevo, 1957.

**О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ФОРМИРОВАНИЯ ВЕПСКОГО
КОДИФИЦИРОВАННОГО ЯЗЫКА В УСЛОВИЯХ
РУССКО-ВЕПСКОГО БИЛИНГВИЗМА**

Для любого языка, не имеющего официального статуса, характерны проблемы, которые являются специфическими для языков с небольшим числом носителей. Ряд проблем носит объективный историко-экономический характер и вряд ли возможно прогнозировать изменение социолингвистической ситуации, например, для вепсского языка, как, впрочем, и для большинства миноритарных языков в лучшую сторону в обозримом будущем. Так, в словаре-справочнике малочисленных народов России представлено 66 языков, находящихся под угрозой исчезновения (Красная Книга). Вепсский язык еще только вступает в экологически опасную зону, нахождение в которой грозит полной этноязыковой ассимиляцией. Анализируя современную этносоциальную ситуацию в отношении вепсов можно выделить следующие характерные особенности.

1. Малое число носителей, проживающих разбросанно в разных субъектах Российской Федерации среди русского населения (Ленинградская, Вологодская область, Республика Карелия). Собственно этническая территория вепсов расположена в семи районах и включает 16 сельских Советов. Исходя из различных критериев оценки, здесь проживает 8–10 тыс. вепсов, что составляет около 40–50% населения. На большей части указанной территории в конце 20-х гг. были созданы национально-административные единицы: Шелтозерский национальный район (на территории нынешнего Прионежского района Карельской АССР), Винницкий национальный район (часть нынешнего Подпорожского района Ленинградской области) и национальные сельсоветы в соседних районах (нынешний Тихвинский, Бокситогорский и Подпорожский районы Ленинградской области и

Бабаевский и Вытегорский Вологодской области). Национальный статус административных единиц Ленинградской и Вологодской областей просуществовал до 1937 г., а в Карелии – до 1956 г. (Вепсы, 88).

3. Отсутствует простое воспроизводство населения ввиду низкой рождаемости и высокой миграции.

3. При наличии кодифицированной формы языка, она не является общепризнанным койне для носителей всех диалектов.

4. Нарастает языковая и этническая ассимиляция. Круг носителей вепского языка постоянно сужается.

А. Е Кибрик выработал шкалу, по которой оценивается жизнеспособность миноритарных языков (Кибрик: 67–69).

Здоровые языки	Больные языки	Мертвые языки
	Исчезающие языки	

Согласно классификации А. Е Кибрика, оценивающего степень утраты жизнеспособности языков малочисленных народов, выделяется 5 групп.

1. В первую группу входят языки, на которых говорят несколько человек (керекский, югский, алеутский). Языки этой группы уже стоят на пороге небытия.

2. Во вторую группу «смертельно больных» входят языки, нуждающиеся в срочных мерах по их ревитализации (орокский, энецкий, негидальский, ительменский, удегэйский).

3. Третья группа «серьезно больных языков» охватывает эскимосский, юкагирский, алыторский, нивхский языки.

4. Для четвертой группы «хронически больных языков» характерно сохранение к сопротивлению и культивированию родного языка (орочский, ульчский, нганасанский, селькупский).

5. К пятой группе относятся бесписьменные «исчезающие» языки, обслуживающие малочисленные этносы на уровне разговорно-бытового общения в семье, среди односельчан (водский, ижорский) (Кибрик: 71–79).

Согласно пятиступенчатой градации Стивена Вурма, оценивающего степень утраты жизнеспособности языков малочисленных народов, самой благополучной является первая группа

(язык живет, но дети меньше говорят на родном языке, предпочитая другой язык), менее благополучной – вторая (дети говорят на родном языке значительно меньше, средний возраст носителей приближается к 50-ти годам), третья группа – неблагополучная (дети уже не говорят на языке родителей, а возраст носителей языка превышает 50 лет), четвертая группа – язык находится на грани исчезновения (на языке говорят только пожилые люди), пятая группа – носители языка отсутствуют (Wurm 2001).

По разным оценкам, в зависимости от региона, для носителей вепсского языка характерно следующее: а) носители языка от пятидесяти лет и старше владеют языком удовлетворительно; б) носители от двадцати до сорока лет владеют языком преимущественно пассивно (понимают, но практически не говорят); в) дети обычно не владеют языком вообще.

Вепсский язык всегда существовал как диалектная речь сельского населения. Вряд ли усилия педагогов и литераторов смогут помочь повысить его статус и превратить за короткое время в полноценное средство общения и носителя информации сравнимое с русским языком. Понятно, что лингвисты-вепсологи, занимающиеся весьма трудной работой создания письменного вепсского языка, уже давно выработали базовые понятия и фундамент, на котором этот язык разрабатывается. Однако в отношении любого языка, как общественного явления, ситуация меняется постоянно, касается это и вепсского языка, который в настоящее время вошел в кризисное состояние катастрофического сокращения числа носителей. И, как нам кажется, дальнейшая его судьба определяется сейчас, поэтому в данной работе и предпринимается попытка еще раз обозреть узловые моменты, которые уже получили разрешение в конкретном языковом строительстве и анализ их не претендует на совершенную новизну.

1. Проблема диалектной основы письменного языка. Любой язык существует как совокупность диалектов и выработка общезыкового койне, даже при наличии письменной традиции в донациональную эпоху, происходит обычно поступательно, хотя имеются случаи и быстрых реформ (обычно уже в новое время). Только в моноязыковом обществе близкородственные диалекты безболезненно воспринимают общезыковое койне, выработанное стихийно в ходе эволюционного процесса или предло-

женного реформатором. Если в каком-либо не в этноязыковом социуме с ограниченным числом носителей с развитым билингвизмом отсутствует выработанный предшествующими поколениями стандартный (письменный, литературный) язык, при наличии уже какого-либо другого койне для таких носителей оно непременно будет непреодолимым (в большинстве случаев) тормозом на пути развития или создания нового общенационального языка.

Так, например, присутствие в Карелии финского языка с одной стороны и русского с другой даже не ставят на повестку дня для серьезной научной общественности вопрос создания общекарельского языка. Хотя в мировой истории имеется множество примеров, когда эволюционно в сходной ситуации такой общий язык вырабатывался. Однако в правительственных кругах такого рода идеи разработки общего литературного языка имеют место. Так, например, Татьяна Рудова (Министерство образования Республики Карелия) в интервью журналу «CARELIA» (№ 4, 2005 г.) говорит следующее: «Я сама – карелка, но многие причины пробуждают во мне пессимизм в отношении карельского языка. В мире сейчас господствует такая тенденция, что языки малочисленных народов исчезают. В течение целых десяти лет подъема этнического сознания карельский язык не удалось сделать вторым официальным языком наряду с русским. Среди карелов не было единого мнения о том, каким они хотят видеть единый карельский язык. Вместо этого начали развивать два диалекта карельского языка, ливвиковский и собственно-карельский. Разделение языка и существующая борьба диалектов могут просто привести вообще к исчезновению карельского языка, в то время как у единого языка больше возможностей выжить».

С аналогичными идеями выступают официальные лица Мордовии. Председатель Государственного комитета Республики Мордовия по национальной политике Александр Лузгин полагает, что единый мордовский «язык нужен для того, чтобы консолидировать мордовский этнос. С учетом того, что по территории Российской Федерации мордва расселена очень дисперсно, и ее численность, судя по переписи 2002 года, сокращается, нам важно, чтобы именно посредством языка шел процесс объединения мордовского народа. Ведь язык – один из самых ярких

символов этноса. Задача состоит в том, чтобы за счет формирования единого языка укрепить мордовскую общность» («Комсомольская правда в Саранске» от 29.01–05.02.2009 г.).

Сторонники выработки единого литературного языка совершенно не учитывают тот факт, что в настоящее время большинство носителей языков России являются билингвами, которые родной язык используют наряду с русским, причем в сферах образования, общественно-политической жизни, техники и т. п. русский язык явно занимает доминирующее положение. Выработка же нового варианта общезыкового койне, будь то общемордовский или общекарельский, на наш взгляд, возможна только в условиях моноязычия. Сами носители, например мокшанского или эрзянского варианта мордовского языка говорят о взаимном непонимании и переходе на русский язык при мокшанско-эрзянской языковой коммуникации. Что же касается собственно-карельского, ливвиковского и людиковского диалектов, то в отношении их взаимопонимание вообще отсутствует. А сторонники общекарельского языка явно игнорируют исторический базис этих диалектов, показанный еще Д. В. Бубрихом, который писал следующее: «Непонимание сложности происхождения карельского народа было вполне естественно до тех пор, пока мало знали о древнем племени *Vepsä* (Весь)... С этого момента уже можно было ставить вопрос, не вошли ли некоторые части древней Веси в состав карельского народа. Но такой вопрос ставился только разве применительно к карелам-людикам, протянувшимся узкой полосой вблизи западного берега Онежского озера. Их речь совсем мало отличается от речи вепсов и резко отличается от речи собственно-карел. Что касается карел-ливвиков, обитающих у берега Ладожского озера и дальше вглубь Олонецкого перешейка до стыка с карелами-людиками, то применительно к ним названный вопрос вообще не ставился. А между тем их речь обнаруживает (и в фонетике и, особенно, в морфологии и синтаксисе, не говоря уже о словаре) больше общностей с речью вепсов, чем с речью собственно-карел. С языковой точки зрения связь не только карел-людиков, но и карел-ливвиков с древней Весью совершенно очевидна» (Бубрих 1947: 2).

1. **Создание литературного языка.** Для вепсского письменного языка в качестве основы были выбраны средний и

северный диалекты вепского языка, при практическом неиспользовании материалов южного диалекта, за исключением некоторых парадигм глагольного спряжения. Носители южно-вепского диалекта вообще не были вовлечены в языковое строительство.

Как справедливо писала Н. Г. Зайцева – создатель новой вепской письменности: «Создание нового литературного языка – тяжелый процесс. Литературный язык рождается медленно, столетия. А нам, вепсам следует найти другой путь, который мог бы сократить это время, поскольку у нас нет столько много времени, чтобы ждать, когда родится литературный язык» (Zaiceva 1998: 99)¹.

2. Вопрос кодификации и нормы, разработка письменного языка. При выработке стандартного языка следует иметь в виду, что единица любой языковой нормы складывается как регулярное воспроизведение и употребление в речи большинства, т. е. норму определяет узус. А затем уже норма влияет на узус. В случае с вепским языком, когда под угрозой находится его существование, нам кажется более продуктивным фиксирование в образовательных программах грамматических, лексических и т. п. особенностей языка в рамках существующих трех диалектов. Вероятно, обучение вепскому языку следует разграничивать от обучения вепской разговорной кодифицированной речи, в идеале неплохо было добиваться того, чтобы человек, говорящий по-вепски, не отвергал грамматическое своеобразие его родной речи на уровне говора, а напротив получал бы толчок к прогрессу в отношении знания своего родного языка-диалекта.

3. Билингвизм и диглоссия. Проблемы двуязычия и билингвизма актуальны в целом для современного российского социума (см.: Бурькин; Кузьмин; Тудвасева). Так уж сложилось исторически, что вепсы с самого начала славянской колонизации их этнической территории попали в зону влияния православной культурной традиции – в эпоху, когда конфессиональное самосознание было единственным средством идентификации себя во внешнем мире. В настоящее время все вепсы являются билинг-

¹ Н. Г. Зайцева – научный сотрудник ИЯЛИ КФ АН СССР, кандидат филологических наук

вами, причем ситуация меняется в худшую сторону: если первоначально был билингвизм с доминированием родного (вепского языка), то в настоящее время в большинстве случаев преобладает билингвизм с доминированием русского языка. Очень часто у информантов фиксируется вепская речь с русскими интерференциями. Следует отметить, что даже такое понятие, как родной язык, при тщательном анализе в отношении вепсов получает другую трактовку. Родной язык осваивается в естественной языковой ситуации, в силу чего механизмы речепорождения и речевосприятия закладываются автоматически. Преимущество родного языка состоит в том, что он изучается первым. Быть изученным первым – настолько большое преимущество, что язык, который усваивается первым, уже по самому определению обычно считается родным языком. Например, подчёркивая важность порядка изучения языка, Уриель Вайнрайх пишет: «Быть изученным первым – настолько большое преимущество, что язык, который усваивается первым, т. е. “родной язык”, уже по самому определению обычно считается доминирующим. На начальной стадии двуязычия родной язык действительно обладает высшей степенью владения, но позже, при определенных обстоятельствах, многие двуязычные приобретают во втором языке степень владения более высокую, чем в родном» (Вайнрайх: 133). По видам речевой деятельности, вслед за Е. М. Верещагиным, различают рецептивный, репродуктивный и продуктивный билингвизм. На начальной стадии двуязычия родной язык действительно обладает высшей степенью владения, но позже, при определённых обстоятельствах многие двуязычные приобретают во втором языке степень владения более высокую, чем в родном. При рецептивном билингвизме человек способен только понимать иноязычную речь, в то время как при репродуктивном он может воспроизводить текст на неродном языке по образцу. Оба этих типа билингвизма традиционно относят к пассивному владению неродным языком. Продуктивный билингвизм предполагает умение творчески строить речь посредством вторичной языковой системы, и его можно рассматривать как активное владение языком (Верещагин: 1969).

Таким образом, разработка различных учебников и учебных пособий должна учитывать кардинально другую языковую ситуацию, когда для большинства вепсов первым (родным) становится

русский язык. Кроме того, вполне возможно, что для прояснения ситуации бытования вепского языка можно использовать, вслед за Й Фишманом, термины *билингвизм* и *диглоссия*, чтобы охарактеризовать некоторые особенности предпочтения того или иного языка в двух- и более языковых общностях, в которых билингвизм и диглоссия могут сосуществовать или бытовать раздельно друг от друга. Возможна ситуация, когда люди используют оба языка во всех сферах – это стабильный билингвизм; а также ситуация, когда люди используют тот или иной язык в различных сферах жизни, трактуемая им как диглоссия (Fishman 1980).

Вне всякого сомнения исторически вепсы находились в ситуации близкой к диглоссии, когда коммуникация на вепском языке осуществлялась только в неофициальной сфере, преимущественно в устном общении, в семейном быту, а в качестве письменного языка использовался русский язык.

4. Проблема алфавита. В начале 30-х годов произошло крупное событие в гуманитарной сфере: была создана вепская письменность. И уже с 1932 года обучение вепских детей в начальных классах стало проводиться на родном языке, а для подготовки учителей в Лодейнопольском педтехникуме было открыто вепское отделение. Именно в 30-е годы вышло 30 книг на вепском языке, была по сути ликвидирована неграмотность среди вепсов. В это время отмечается и самая большая численность вепсов – около 35 тысяч. Так сложилось исторически, что в основу вепской письменности был положен латинский алфавит; вероятно для прибалтийско-финского языка это оправданный выбор. Однако он нам не кажется единственным. Так, например, саамский язык первоначально, в 30-е годы развивался на основе латинской графики, а воссозданная письменность в 80-е годы уже была на основе кириллицы. Большинство финно-угорских языков в России имеют письменность на основе кириллицы: обско-угорские (хантыйский, мансийский), мордовские (эрзянский, мокшанский), марийские (горный и луговой). Создаваемые вепские тексты на основе латинской графике конечно же предназначены для чтения. Но встает вопрос, кто умеет читать на латинице? – Молодое поколение, которое изучает в школе иностранные языки. Пожилые люди, ходившие в русскую школу, научившиеся грамоте по-русски, умеют читать, но только тексты, напечатан-

ные с использованием русской графики (среди вепсов 10% неграмотных, 30% имеют начальное образование, 32% – среднее и незаконченное среднее и только 1% – высшее и незаконченное высшее). Таким образом, тот, кто знает вепсский язык, обычно, имеет трудности с чтением латинской графики, кто знает латинский алфавит – не знает языка, т. е. создаваемые тексты, которые могли бы иметь в качестве читателей всех вепсов от мала до велика, не доходят до читателя.

Вот, например, что писала по поводу выбора алфавита Н. Г. Зайцева в 1988 г.: «На каком алфавите разработать вепскую письменность теперь? С одной стороны вепсы с давних пор живут бок о бок с русскими, владеют русским языком, русским письмом. И если в Карелии у вепсов еще может быть какая-то привычка к латинскому алфавиту (они видят газеты, журналы на финском языке, вывески на учреждениях, наконец, паспорта заполнены на русском и финском языках), то у вепсов Вологодской и Ленинградской областей, которые живут в глубинке среди русского населения, этой привычки нет. С другой стороны, мы, вепсы, входим в семью родственных нам прибалтийско-финских народов. Финны и эстонцы имеют старые письменные традиции, основанные на латыни. Карелы, которые развернули в настоящее время широкую деятельность по воссозданию письменности, больше склоняются также к латинской основе. Кроме того, латинский алфавит больше соответствует звуковому строю вепского языка. В решении вопроса об алфавите сейчас нельзя ошибиться, надо взвесить все за и против, и очень важно выяснить, что думает сам вепсский народ по этому вопросу. Правильное решение всех назревших вопросов поможет нам, вепсам, обрести самих себя, поверить в себя, узнать больше о своей славной истории, с большей гордостью относиться к своему родному языку, который наряду с русским языком будет служить делу воспитания патриотизма, любви к своему краю, своей Родине» (Коммунист Прионежья. 1988. 4 августа). В 1990 г. были подготовлены два рукописных варианта вепских букварей: Р. Ф. Максимовой и Э. В. Коттиной на кириллице, Н. Г. Зайцевой и М. И. Муллонен – «Abekirj» – на латинице. Однако в условиях Карелии совершенно естественно выбор был сделан в пользу письменности на латинице. С 1993 г. начался регулярный выпуск

приложения на вепском и русском языках «Kodima» к газете «Прионежье». В 1994 г. «Kodima» получила статус самостоятельной газеты. По признанию Н. Г. Зайцевой, редактора газеты, создание «Kodima» имело большое значение не только для возрождения языка и культуры вепсов, но и для их объединения. Читателями газеты стали вепсы, проживающие в Карелии, Вологодской и Ленинградской областях. В газете появились регулярные рубрики: «Из истории вепского народа», «Вести с земли вепсов», «Из жизни вепского народа», «Как раньше жили вепсы», «Известные люди вепской земли», «Заботы сегодняшнего дня», «Новые имена», «Письма в газету». Газета рассказывает читателям о народных обрядах, мифологических представлениях вепсов, их фольклоре и т. д. К настоящему времени вышло более двухсот номеров.

5. Школьное образование. Изучение в школе вепского языка началось с 1988/89 учебного года (47). Постановлением Совета Министров КАССР от 20 апреля 1989 г. были утверждены алфавиты вепского (на основе кириллицы и латиницы) и ливвиковского диалекта карельского языка (на латинской основе), а также свод правил по орфографии. Министерству народного образования республики и Институту языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР поручалось составление программ, разработка учебников, учебно-методических и наглядных пособий. К началу 1990/91 учебного года планировалось обеспечить издание карельского и вепского букварей. Подготовку в 1990 г. букваря (авторы Н. Г. Зайцева, М. И. Муллонен) по праву следует отнести к важнейшим успехам в деле возрождения языка. Это обеспечивало переход от первых опытов кружковой работы по освоению навыков речи к систематическому изучению языка как предмета. В последующие годы были подготовлены книги для чтения для начальной школы, учебный словарь, учебные пособия по грамматике и т. д. К настоящему времени изданы учебники по вепскому языку вплоть до 10 класса (автор Н. Г. Зайцева).

Однако, языковая ситуация, в настоящее время требует иных подходов к преподаванию миноритарных языков в школе. В 2001 году была опубликована «Концепция модели этнической (национальной) школы для коренных малочисленных народов Севера

Российской Федерации» (Концепция). Родной язык необходим не только как средство общения и познания окружающей действительности, но и как средство фиксации, сохранения национальных культурных традиций и приобщения к ним последующих поколений. Язык выступает здесь не только как универсальное средство общения и социальной адаптации индивида, но и как мощный ретранслятор культурного наследия, связывающий социальный и культурный опыт многих поколений. Сокращение традиционных сфер хозяйственной деятельности привели к резкому сужению функций родного языка, а иногда фактически и к его отмиранию. И тогда изучение родного языка (особенно если он не поддерживается языковым коллективом, семьей) становится для ребенка сродни изучению иностранного языка, что требует соответствующей мотивации, методики преподавания и технического обеспечения. К сожалению, последним двум составляющим образовательного процесса уделяется мало внимания: в лингводидактике недооценивается изменившийся статус родных языков малочисленных народов, не используются новейшие методики обучения иностранным языкам и часто не придается значения качеству учебников родного языка и учебных пособий. Если ранее учебники в условиях углубленного знания родного языка служили по преимуществу средством **обучения грамотности** на этом языке, то ныне они становятся основным средством обучения языку. Авторы концепции, например, выступают против того, что «диалектный материал в учебниках подается бессистемно с педагогической точки зрения..» при том, что смешение материалов разных диалектов в учебниках родного языка не приводит к созданию какого-либо обогащенного единого родного литературного языка в силу того, что этот процесс характерен только для языка учебников» (Концепция: 16–17). Однако, в силу малочисленности вепсов школьного возраста, вряд ли идеи, отраженные в концепции, этнической школы можно осуществлять на вепсской почве, поскольку преподавание вепсского языка в большинстве школ (где оно ведется) не является обязательным.

6. Вепсский язык в вузе. В период возрождения и воссоздания вепсского литературного языка (2-я половина 80-х гг.), возрос интерес к вепсскому языку, было начато его преподавание

в Петрозаводском государственном университете. В конце 90-х годов вепский язык преподается на кафедре уральских языков, фольклора и литературы Института народов Севера РГПУ им. А. И. Герцена.

7. Угасающая этничность. К сожалению, большинство вепсов сами стремятся к этноязыковой ассимиляции с русскими, до недавнего времени были совершенно равнодушны к судьбе родного языка. Практически отсутствует желание сохранить специфические черты традиционной народной культуры. Вепская самоидентификация проявляется, обычно, только на автохтонной территории и теряется, если индивидуум покидает ее.

На примере валдайских карел можно проследить, как быстро угасает этническое самосознание с утратой языка. В 1961 году эстонская исследовательница П. Ю. Пальмеос обследовала территорию их проживания в Валдайском районе Новгородской области и обнаружила 50 человек, которые могли говорить на этом карельском диалекте (Пальмеос 1961: 4). Проведенные автором данной статьи в уже в 90-х годах экспедиции в тот же район позволили констатировать полную ассимиляцию этой диалектной группировки (Мызников 1998: 41–43). В наше время завершилось их обрусение, с утратой даже знаний об их иной этнической природе.

Точно так же мы можем наблюдать завершение ассимиляции вепсов Вытегорского района Вологодской области (Рут 1984: 39). Давно уже завершилась ассимиляция вепсов Исаевской волости, ныне это северная часть Вытегорского района; еще в 1890 г. исследователи характеризовали их как обрусевших и предпочитающих говорить на русском языке, хотя и не утративших свой родной язык (Basilier 1890: 71). В Южном Приладожье жителей деревни Лигово называли кайванами, что свидетельствует об их прибалтийско-финском происхождении (Егоров, 1998, 219).

Таким образом, завершая краткий анализ ситуации создания письменного вепского языка, можно говорить, что при наличии безусловных успехов в деле разработки грамматики, общепотребительной лексики, создания словарей (см. Зайцева 2010; Зайцева, Муллонен), начала работы над терминологией и прочими достижениями, в процесс создания письменного языка вовлечен лишь узкий круг ученых и незначительное число интеллигенции.

Большинство представителей вепсского этноса совершенно безучастны к процессам, имеющим большое значение для развития и сохранения языка.

Литература и принятые сокращения

- Бубрих – Бубрих Д. В. Происхождение карельского народа. Государственное издательство Карело-Финской ССР. Петрозаводск, 1947.
- Бурыйкин – Бурыйкин А. А. Русско-национальное двуязычие в социуме малочисленных народов Севера России и его роль в сохранении и развитии языков, находящихся на грани исчезновения // Теория и практика образовательной политики в условиях модернизации полиэтничного общества. Сборник статей, посвященный 75-летию члена-корреспондента Российской академии образования М. Н. Кузьмина. Ч. 2. М., 2006. С. 145–158.
- Вайнрайх – Вайнрайх У. Языковые контакты. Состояние и проблемы исследования. Перевод с английского языка и комментарии Ю. А. Жлуктенко, проф., д-ра филол. наук. Киев: Издательство при Киевском государственном университете издательского объединения «Вища школа», 1979.
- Вепсы – Вепсы: модели этнической мобилизации: Сборник материалов и документов / Сост.: Е. И. Клементьев (рук.), А. А. Кожанов, З. И. Строгальщикова. Карельский научный центр. Петрозаводск, 2007.
- Верещагин – Верещагин Е. М. Психологическая и методическая характеристика двуязычия (билингвизма). М., Издательство Московского университета, 1969.
- Егоров 1998 – Егоров С. Б. К этнонимике вепсов // Царскоесельские чтения. Тезисы докладов и сообщений. СПб., 1998. С. 216–219.
- Зайцева 2010 – Зайцева Н. Г. Новый вепско-русский словарь. Науч. ред. С. А. Мызников. Петрозаводск, 2010.
- Зайцева, Муллонен – Зайцева Н. Г., Муллонен. Новый русско-вепсский словарь. Петрозаводск, 2007.
- Кибрик – Кибрик А. Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. М., 1992.
- Концепция – Концепция модели этнической (национальной) школы для коренных малочисленных народов Севера Российской Федерации». М., 2001.
- Красная книга – Языки народов России. Красная книга. Энциклопедический словарь-справочник / Гл. редактор В. П. Нерознак. М., 2002. 378 С.
- Кузьмин – Кузьмин М. Н. Полиэтничность российского общества и задачи системы образования как инструмента модернизации России. М., 1998.
- Рут 1984 – Рут М. Э. К проблеме разграничения субстратной и заимствованной лексики финно-угорского происхождения на территории Русского Севера // Этимологические исследования. Свердловск, 1984. С. 31–41.

- Тудвасева – Тудвасева З. К. Проблемы двуязычия: педагогический аспект // Теория и практика образовательной политики в условиях модернизации полиэтнического общества. Сборник статей, посвященный 75-летию члена-корреспондента Российской академии образования М. Н. Кузьмина. Ч. 2. М., 2006. С. 122–125.
- Baker, Jones 1998 – Baker C. , Jones S. P. The Encyclopedia of Bilingualism and Bilingual Education, Clevedon: Multilingual Matters.
- Basilier 1890 – Basilier Hj. Vepsäläiset Isaijevan voolostissa // Suomalais-ugrilaisen seuran aikakauskirja. VIII. 1890. S. 43–84.
- Fishman 1980 – Fishman, P. Conversational insecurity // H. Giles, W. P. Robinson and P.M. Smith (eds) Language: Social Psychological Perspectives. Oxford: Pergamon Press, 1980.
- Palmeos 1962 – Palmeos P. Karjala Valdai murrak // Eesti NSV Teaduste Akadeemia Emakeele Selt. Toimetised, 5. Tallinn, 1962.
- Wurm 2001 – Wurm S. A. (Ed). Atlas of the World's Languages in Danger of Disappearing. Paris, UNESCO Publisher, 2001.
- Zaiceva 1998 – Zaiceva N. Vepsän kirjikelen problemad: olem-ik surmankündusel? // Nordlyd. Tromsø University working papers on language and linguistics. Tromsø, 1998. P. 95–101.

М. В. Отрадин

ШИРОКИЙ ДИАПАЗОН СМЫСЛОВ (ПОВЕСТВОВАНИЕ В КНИГЕ И. А. ГОНЧАРОВА «ФРЕГАТ ПАЛЛАДА»)

Первое отдельное издание «Фрегата...» вышло в 1858 году. А в 1879 в состав книги автор включил очерк «Через двадцать лет». Со временем этот очерк стал восприниматься не только как «заключительная» (определение самого автора) глава книги, но и как ее эпилог (Гончаров 2000: 458). Если говорить о «Фрегате...» как о художественном произведении, то эпилогом этот очерк может быть назван только условно. С точки зрения поэтики он имеет совсем иную, чем основной корпус книги, природу. В частности, мы находим в нем совсем другой тип повествования: он не предполагает множественности точек зрения на описываемый мир, в нем мы находим прямое авторское слово, между автором и читателем нет никакой опосредующей инстанции, нет нарратива.

В работе «Мысли о романе» Ортега-и-Гассет заметил: «...ситуация оптимальная для познания, другими словами, для усвоения максимума объективных элементов наивысшего качества, лежит где-то между чистым созерцанием и неотложным интересом» (Ортега-и-Гассет 1991: 282).

Исследователи не раз писали о соединении двух контрастных начал в гончаровском рассказчике-путешественнике: «обломовца» и «чиновника», путешествующего по «казенной надобности» (В. А. Недзвецкий), «юного мечтателя» и «зрелого наблюдателя-аналитика» (Е. А. Краснощекова), выразителя двух полюсов гончаровской концепции человека, «постоянно разводимых в романах» (В. В. Максимов), «деятеля» и «рефлексёра» (О. Г. Постнов). Думается, повествовательная природа этой книги сложнее. Лики путешественника, представленные во «Фрегате...», не сводятся к двум вариантам, к двум резко противопоставленным позициям, как в романе «Обыкновенная история». Повествование в

промежутке между «созерцанием» и «действием» это целый ряд точек видения, идеологических и эстетических ликов путешественника, широкий диапазон смыслов.

Если говорить о писательской задаче: реальный жизненный опыт превратить творческим усилием в творческое целое, – то можно увидеть нечто общее между романом «Обрыв» и книгой «Фрегат Паллада». Создателю травелога, как и герою романа Борису Райскому, предстоял некий ряд жизненных событий, некий внехудожественный материал, рассказ о котором должен был превратиться в литературное произведение в центре которого – автобиографический, эпически объективированный образ. Можно сказать, что «Фрегат...» это мастер-класс для писателя Бориса Райского, которым он, конечно, по воле автора «Обрыва», не смог воспользоваться.

Гончаров заставил своего героя писать роман по горячим следам, что называется, «с колес». Гончаров был убежден, что романисту, описывающему какие-то жизненные явления, процессы, нужна временная дистанция, то есть позиция не хрониста, а историка, который знает последствия событий. Райский начинает писать роман о себе самом, о близких людях, о конфликтах, участником которых он был. Чтобы обрести творческую позицию по отношению ко всему жизненному материалу, зафиксированному на сотнях страниц, ему надо было отойти от пережитого и следовать, говоря языком Бахтина, принципу авторской «внеаходимости» (см.: Бак 1992: 113–123).

Путешественник во «Фрегате...» тоже писатель. Конечно, это автобиографический образ. Но образ объективированный. Как надо, и как он сможет описать путешествие – эта тема заявлена в самом начале книги. И она становится стержневой. Поэтому в художественном плане столь важным является событие самого рассказывания путешественником обо всем пережитом. «Несущей конструкцией» книги оказывается сюжет о том, как путешественник пишет «литературное путешествие». Во «Фрегате...» на наших глазах происходит, как написал Энгельгардт, «творческое становление художественного произведения» (Энгельгардт 2000: 59).

В письме к Майковым (20 ноября 1852 года) из Англии Гончаров написал: «Адмирал сказал мне, что главная моя обя-

занность будет – записывать всё, что мы увидим, услышим, встретим. Уж не хотят ли они сделать меня Гомером своего похода? Ох, ошибутся: ничего не выйдет, ни из меня Гомера, ни из них – аргивян. Но что бы ни вышло, а им надо управлять судном, а мне писать, что выйдет из этого – Бог ведает» (Гончаров 1986: 627). Гончаров уже в начале плавания сознавал: его рассказ будет не тем, чего от него ждут спутники.

Но надо признать, что среди современников были люди, которые по достоинству оценили особые художественные качества книги как «эпического» произведения (см.: III, 524–538).

Конечно, Гончаров опирался на богатейший опыт жанра литературного путешествия. Он делает следующий шаг в развитии жанра. Это проявилось, прежде всего, в объективации образа путешественника. Как заметил Бахтин, «позиция вненаходимости завоевывается, и часто борьба происходит не на жизнь, а на смерть, особенно там, где герой автобиографичен» (Бахтин 2003: 97). Вот об этой борьбе и речь.

В.Шкловский заметил о книге «Фрегат...»: «Писатель обо всем говорит как бы невзначай» (Шкловский 1955: 239). Шкловский прав, вставив это «как бы», но явно упрощает характер гончаровского повествования, заявив, что писатель так говорит «обо всем». В том-то и дело, что здесь нет единого повествования, путешественник-рассказчик в этой книге многолик. Это так существенно, что заставляет вспомнить термин Милоша Дрозды «нарративные маски».

Вот конкретные примеры. Как известно, именно Гончарову было поручено написать «Всепогоднейший отчет генерал-адъютанта графа Е. В. Путятина о плавании отряда военных судов наших в Японию и Китай», который был вручен императору. Как отмечено в комментарии к «Фрегату...» в Полном собрании сочинений писателя, в Отчете различимо «чисто гончаровское повествование», в котором обнаруживаются переключки с уже опубликованными к тому времени главами «Фрегата...». В частности, имеется в виду описание Порто-Прайя на острове Сант-Яго (III, 829). Факты, только существенные с точки зрения исполненной миссии подробности – это стиль человека, который не путешествовал, а плывал по «казенной надобности». Полу-

чился текст, который, не сомневаясь, « как свой», мог подписать адмирал.

Еще один лик повествователя – литератор как случайный человек на фрегате, который, скажем, не знает, что такое «авральная работа» на корабле. Про него сказано: «Между моряками, зевая апатически, лениво смотрит «в безбрежную даль» океана литератор, помышляя о том, хороши ли гостиницы в Бразилии, есть ли прачки на Сандвичевых островах, на чем ездят в Австралии?» (II, 15). Этот утрированно беспомощный, выглядящий на палубу фрегата почти нелепо путешественник, открывает для себя, что морской поход (спутники Гончарова говорили не «плавание», а «поход») – это еще и постоянное ощущение, что многое зависит от судьбы. Четкую формулу этого дал Путятин, когда в какой-то официальной бумаге его секретарь употребил слово «непрерменно»; «на море, – заявил адмирал, – «непрерменно» не бывает» (II, 68).

И в то же время путешественник предстает как удивительно осведомленный мореплаватель, в арсенале которого не только яркое, образное слово, но и профессионально точное. После выхода книги «Фрегат...» в «Морском сборнике» была помещена рецензия некоего Б. М. Мертваго. Автор посмотрел на книгу как моряк и не нашел в ней «ни одного неправильного морского выражения», «господин Гончаров – первый русский литератор-неморьяк, «отвалившийся», а не «отчаливший на шлюпке к пристани», – отмечает рецензент (III, 530).

Один из ликов путешественника позволяет увидеть в нем человека 1840-ых годов. Ему, в частности, присуще то, что В. В. Зеньковский, автор «Истории русской философии», назвал «теургическим беспокойством». Он имел ввиду «чувство ответственности за историю и искание путей к активному вмешательству в ход истории» (Зеньковский 1989: 245). (8) У Гончарова, конечно, это чувство не подразумевало никакого политического радикализма. В этом отношении можно обратиться к сибирским главам книги, к тем страницам, где речь идет о героях, отправлявшихся за сотни верст «за славой», и тех, кто проделал столь же трудный путь «по казенной надобности».

Сейчас нет возможности, да и необходимости подробно описывать все лики, в которых предстает перед читателем путе-

шественник Гончарова. Кроме всего прочего, это и «аргонавт», и «обломовец», который захотел войти, так сказать, в поток исторического времени, т.е. перейти из состояния «пребывания» в состояние «становления», и в то же время это узнаваемый автор, ставшей уже очень известной главы из будущего романа – «Сон Обломова», это и изнеженный горожанин, рассуждающий об отличии «комфорта» от «роскоши», это и Улисс, который думает о своей Итаке, это и любитель «покоя», покоя, который, как истолковал еще И. Анненский, «не был покоем ленивца и сибарита, а покоем созерцателя». «Может быть, – заметил критик, – поэт чувствовал, что только это состояние и дает ему возможность уловить в жизни те характерные черты, которые ускользают в хаосе быстро сменяющихся впечатлений» (Анненский 1991: 219) .

Гетерогенность нарратива объясняет многие несовпадающие или даже противоречивые оценки и выводы. Один из возможных примеров – японские главы. Япония в книге «Фрегат...» это и сказочное «тридесатое царство», и мир «сна», и страна «детей», и «запертый ларец», и «муравейник», и «тюрьма». И в то же время о японцах сказано, что «это народ ... довольно развитой, развязный, приятный в обращении и до крайности занимательный своеобразностью воспитания». Нельзя сказать, что более позднее определение отменяет предыдущие, поэтому «тюрьма» остается и «тридесатым государством», т.е. чем-то сказочным, таинственным.

Лики повествователя в книге Гончарова не поддаются фокусированию. Читатель не чувствует какой-то авторской интенции, которая сводила бы эти лики к некоей единой повествовательной точке, автору надо сохранить эту разноголосицу. Можно сказать, что повествование во «Фрегате...» строится таким образом, что описываемый мир отражается как бы в системе различных «зеркал», в каждом из которых изображение дается в своем «цвете» и в своем ракурсе. Образ путешественника – не сумма представленных «ликов», а единство, обусловленное динамикой повествования и движением сюжета. Множественность «зеркал», различных точек зрения позволила Гончарову соблюсти один из основных законов творчества, которые Б. М. Энгельгардт сформулировал так: «Искусство должно уметь освобождать объект

творчества от всех эстетических оценок, которые невольно навязываются ему культурной традицией, чтобы проникнуть к заложенной в нем действительно своеобразной и поразительной, индивидуальной форме» (Энгельгардт 2000: 63).

Рассказчик-путешественник, в какой бы роли он не проявлялся в тексте, не воспринимается как автор-творец, чья воля определяет сюжетно-композиционное строение текста.

Книга «Фрегат...» – произведение, в котором повествовательный акт изображается. Фикциональность представленного мира часто подчеркнута нескрыта, творческая фантазия, воображение становятся важнейшей опорой в построении рассказа, граница документального и фикционального демонстративно нарушается. Мы можем говорить, что травелог использует давно освоенные приемы романа, но при этом остается в своих жанровых рамках.

Проблемной величиной по ходу сюжета оказывается не только «чужое», в частности, английское, но и «свое», родное, русское. По ходу плавания путешественник обнаруживает, что и в своем родном мире российского фрегата, на котором 400 человек – соотечественников, не все ему понятно, а что-то вызывает удивление и даже резкую неприязнь. Например, веселье матросов «по свистку». Пасмурный холодный день, матросы пляшут и поют: «пляска, – как сказано, – имела вид напряженного труда...Но если б отменили удовольствие, они были бы недовольны» (II, 24).

Говоря о сюжете «Фрегата...», можно отметить, что в этой книге о путешествии вокруг света неожиданно много внимания уделено событиям внутреннего, ментального плана. Например, таким событием становится открытие, которое делает путешественник: с одной стороны, он чувствует себя чужим, почти иностранцем рядом с веселящимися, пляшущими и поющими матросами (вспомним рассказ А. С. Грибоедова «Загородная поездка»), с другой – на какой-то иной, внерассудочной глубине он обнаруживает, что в этой песне «послышатся столь известные вам (имеются ввиду друзья писателя, да и вообще русские люди – М. О), хватающие за сердце стоны и вопли от каких-то старинных исторических, давно забытых страданий» (II, 115). Путешественник начинает восприниматься как типичный русский интеллигент, который не только пытается осмыслить себя в

русском мире (в данном случае это экипаж «Паллады»), но открывает Россию в себе. Это и есть событие как самопознание героя. Такие события, сюжетные сдвиги и ведут к объективации образа путешественника.

Рассказ о плавании в книге Гончарова не линейен, автор делает резкие временные переключения, так, в самом начале книги сказано: «и теперь... в конце плавания и т. д.» (II, 18). В самом начале книги дается вымышленное письмо: он не мог бы его послать, потому что – если иметь в виду дату: июнь 1854 – он в это время находился на шхуне «Восток» в Татарском проливе. Художественное задание этого письма понятно: итог путешествия уже ясен автору, надо настроить читателя на сюжет всей книги. Значимый мотив в сюжете: на фрегате, в море, жизнь идет с другой скоростью: здесь «в три года может случиться много такого, чего не выживешь в шестьдесят лет жизни, особенно нашей, русской жизни» (II, 55). Путешественник – как в свете теории относительности – прожил другое время, он стал «старше» себя. Он может, и он делает это: сравнивает себя сегодняшнего, завершившего плавание, с собой, каким он был в начале похода.

Автор-творец начинает с конца. Фабула, событийный рассказ, так сказать, отстает от сюжета, автор наделяет повествователя таким опережающим знанием. Читателя настраивают: главный интерес не в исключительных фактах, экзотических картинах, а в том, какие чувства и размышления пробудили эти картины.

Приглядевшись к английской жизни, путешественник как бы заглянул в окно завтрашнего дня цивилизации. Вольно или невольно он попал к напряженное смысловое поле, созданное спорами западников и славянофилов. Прямо или косвенно он должен ответить на вопрос: в какой мере увиденный им Запад соответствовал представлениям о нем, сложившимся у спорящих сторон? К тому же у Гончарова, в отличие от большинства русских писателей, писавших о западном пути развития, была возможность проследить, что несет миру эта западная, в частности, английская цивилизация.

Гончаров высказался по этому поводу именно как романист. Глава «Силуэт англичанина и русского» – плод художественного воображения писателя. Никаким эмпирическим опытом путешественника знакомство с этими героями не мотивировано.

Никакого русского барина, живущего в усадьбе, рассказчик во время путешествия видеть не мог. Да и англичанин в этой параллели – явно художественное обобщение, а не индивидуальный портрет. Таким образом, в самом начале книги Гончаров дает нам понять, что его рассказ не педантичный репортаж о плавании на фрегате, а итог творческих усилий художника. Кругозор путешественника расширяется до «всезнания». Это шаг от очерковой к романной поэтике.

Повествователь в книге «Фрегат...» оказывается выразителем различных точек зрения, благодаря которым создается, формируется (вспомним идеи Ю. М. Лотмана о романе «Евгений Онегин») несфокусированный взгляд на мир. Так создается объемное видение, благодаря которому может быть передана многосмысленность жизни, открывшейся Гончарову на разных континентах.

Конечно, присутствие в книге разных ликов повествователя связано с тем, что перед нами текст, в котором сосуществуют различные жанры: письма, очерки, публицистические размышления, послания коллегам по литературному цеху. Среди адресатов его посланий художник Николай Аполлонович Майков, поэты Аполлон Майков и Владимир Бенедиктов.

Но постепенно, если Гончаров специально не подчеркивает индивидуальные черты адресата, у читателя возникает некий обобщенный образ друзей, к которым обращается путешественник: это творческие люди, с которыми хочется обсудить самую главную проблему – как изобразить, описать, интерпретировать то, что довелось увидеть путешественнику.

Трезво-аналитические рассуждения о творчестве иногда переходят в полемические пассажи, словесную игру, в которой есть немалая доля двусмысленности. Как бы признаваясь в своем бессилии описать экзотические красоты, путешественник обращается к Бенедиктову: «Берите же, любезный друг, свою лиру. Свою палитру, свой роскошный, как эти небеса, язык, язык Богов, которым только и можно говорить о здешней природе, и спешите сюда, – а я винюсь в своем бессилии и умолкаю» (II, 124). Градус иронии, содержащейся в этом обращении, помогает определить такая подробность. Незадолго до гончаровского плавания Некрасов писал в одной из своих заметок: «Русская литература... перестает изъясняться на языке Богов, а русская публика... перестает

увлекаться нервными и пустозвонными фразами к луне, к звездам, к девам» (Некрасов 1952: 249). Слова «язык богов», «луна», «звезды», «дева» выделены у Некрасова курсивом, что подчеркивает надоевшую банальность поэтических словесных ходов. «Фрегат...» – это и теоретический и практический урок на тему, как надо писать литературное путешествие.

Творчество в художественном мире Гончарова является одним из важнейших средств преодоления скуки¹. Скуки не в бытовом, а в абсолютном, онтологическом смысле. Под этим углом зрения и кругосветное путешествие имело целью одоление скуки. «Дни мелькали, жизнь грозила пустотой, сумерками, вечными буднями: дни, хоть порознь разнообразные, сливались в одну утомительно-однообразную массу годов. Зевота за делом, зевота за книгой, зевота в спектакле и та же зевота в шумном собрании и в приятельской беседе!» (II, 10) – это не реальные биографические подробности жизни писателя и чиновника Гончарова, это образ жизни-скуки, как отсутствие перемен и творчества.

Скуку обнаружил путешественник и в «детском» существовании японцев, и в жизни впавшем в оцепенение Китае, и в механистической деятельности англичан. Скука там, где жизнь теряет свою естественность, органичность, творческое начало. Задача художника – эта мысль путешественником особо выделена – явить людям эту скуку, скуку чуть ли не в масштабах всего мира, и тем самым начать ее преодоление.

Литература

- Анненский 1991 – Анненский И. Ф. Гончаров и его Обломов // Роман И. А. Гончарова в русской критике. Л., 1991.
- Бак 1992 – Бак Д. П. Проблема творчества и образ художника в романе И. А. Гончарова «Обрыв»//Традиции и новаторство в русской классической литературе (...Гоголь... Достоевский...). СПб., 1992. С. 113–123.
- Бахтин 2003 – Бахтин М. М. Собрание сочинений. М., 2003. Т.1.
- Гончаров 1986 – Гончаров И. А. Фрегат «Паллада». Л., 1986.
- Гончаров 2000 – Гончаров И. А. Полн. собр. соч. и писем: В 22 т. СПб., 2000. Т. 3.

¹ О важности темы скуки для Гончарова писали Вальтер Рем и Всеволод Сечкарев.

- Зеньковский 1989 – Зеньковский В.В. История русской философии. Paris, 1989. Т. 1.
- Некрасов 1952 – Некрасов Н. А. Полн.собр.соч. и писем: В 12 т. М., 1952. Т. 12.
- Ортега-и-Гассет 1991 – Ортега-и-Гассет Х. Эстетика. Философия культуры. М., 1991.
- Шкловский 1955 – Шкловский Виктор. Заметки о прозе русских классиков. М., 1955.
- Энгельгардт 2000 – Энгельгардт Б.М. «Путешествие вокруг света И. Обломова». Главы из неизданной монографии. Публикация Т. И. Орнатской // Литературное наследство. Том сто второй. И. А. Гончаров. Новые материалы и исследования. М., 2000.

А. В. Павлова

ОТНОШЕНИЕ МЕЖДУ АКТУАЛЬНЫМ И ГРАММАТИЧЕСКИМ ЧЛЕНЕНИЕМ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Что наполовину сплю, –
Это, несомненно, плюс.
То, что сплю наполовину, –
Это, несомненно, минус.

М. Безродный

В эпиграфе к этому тексту одни и те же слова, составляющие придаточное предложение, меняясь местами, означают для автора то нечто положительное, то нечто отрицательное. Придаточное подлежащее здесь тема по отношению к сказуемому главного – реме; само же придаточное членится, в свою очередь, на тему и рему в зависимости от взаиморасположения слов *сплю* и *наполовину*: в первом двустишии рема *сплю*, во втором – *наполовину*. Сказуемое, стоящее после тире, содержит оценку ремы. Это четверостишие – иллюстрация психолингвистической, семантической и коммуникативной реальности актуального членения предложения.

Теория актуального членения (или теория коммуникативной перспективы) имеет довольно необычную историю: возникнув в середине 19-го века в виде описания психических процессов речемыслительной деятельности (Анри Вайль, Георг фон дер Габеленц, Герман Пауль), она была примерно на шестьдесят лет основательно забыта; затем она приобрела новые и четкие очертания (в первую очередь, новую терминологию, систематизацию, глубокое и подробное описание) уже как теория коммуникативного членения благодаря работам Вилема Матезиуса и его коллег по Пражскому лингвистическому кружку в середине прошлого века и пережила в шестидесятые-восьмидесятые годы бурный расцвет (Распопов 1961; Halliday 1970; Bolinger 1972;

Dressler 1972; Николаева 1972; Schmerling 1974; Ковтунова 1976; Золотова 1979; Egoms 1986)¹. Постепенно она приняла черты устоявшейся, хорошо и основательно изученной и вошла в учебники по языковедению. К концу прошлого – началу нынешнего века теория актуального членения перестает привлекать широкое внимание лингвистического мира; интерес к ней заметно угасает, хотя и не исчезает; на Западе в начале 21-го века он ощутим в большей степени, чем в России.

Несмотря на общепризнанный характер теории актуального членения и прочное место, которое она заняла в языкознании, большое число вопросов в ней осталось нерешенными: 1. соотношение между грамматическим и актуальным членением предложения; 2. актуальное членение сложноподчиненных предложений; 3. актуальное членение вопросительных и побудительных предложений; 3. описание интонационно многофокусных (много-ремных) высказываний; 4. соотношение между актуальным членением и пресуппозициями; 5. взаимосвязь между актуальным членением и контекстом: во-первых, выяснение вопроса, почему «данное» иногда является ремой, а «новое», наоборот, темой; во-вторых, анализ случаев, когда в одном и том же контексте похожие по структуре фразы имеют различное актуальное членение; 6. описание механизмов обнаружения ремы в предложениях, лишенных левого контекста (например, в заголовках; в изолированных от контекста предложениях, служащих примерами в грамматиках, учебниках; в афоризмах; в первых предложениях любых текстов); 6. полное описание случаев неконечной позиции ремы; 7. связь актуального членения предложения с лексической и грамматической семантикой; 8. соотношение между актуальным членением и контрастом; 10. различие между механизмами восприятия и осмысления устной и письменной речи.

Если подключить сюда еще проблемы перевода, то обнаруживается, что сохранение актуального членения исходного текста

¹ Годом рождения теории актуального членения обычно считается 1947 год, когда В. Матезиус опубликовал свою статью «О так называемом актуальном членении предложения» (см. Матезиус 1967). Основы теории актуального членения разработаны В. Матезиусом, Я. Фирбасом, Ф. Данешем, П. Адамцом (Firbas 1964; Адамец 1966; Firbas 1971; Daneš 1976).

в трансляте в переводоведении как критерий корректного перевода вообще не рассматривается: в теориях перевода при перечислении видов и типов эквивалентности, которую требуется соблюдать между исходным текстом и транслятом, этот пункт отсутствует (см., например, Комиссаров 1990; Швейцер 1988; Koller 2004). В связи с этим в переводоведении нет и описания случаев, когда переводчик может (имеет право) менять актуальное членение по сравнению с оригиналом.

Традиционная теория актуального членения концентрируется на простейших примерах довольно коротких предложений в минимальном же (обычно левом по отношению к рассматриваемому предложению) контексте и не делает различий между устной и письменной формой этих предложений. Она не в состоянии объяснить огромного числа случаев тема-рематического членения, которые встречаются в письменных текстах и в повседневной речи. Например, исходя из традиционной теории актуального членения, не удается объяснить, почему в одном и том же контексте фразы *Это был молодой человек* и *Это был загадочный человек* будут иметь различную тема-рематическую структуру. Для сложившейся теории, являющейся ключевой для объяснения механизмов коммуникации и одной из важнейших для лингвистики текста и дискурса, открытых вопросов слишком много.

В данной статье остановимся подробнее только на первом из перечисленных пунктов: на соотношении между грамматическим и актуальным членением предложения.

Как это ни странно, проблематика соотношения между тема-рематическим (коммуникативным, актуальным) членением предложения и его грамматической структурой – иными словами, соотношении между темой и ремой, с одной стороны, и подлежащим и сказуемым, с другой, – остается недостаточно изученной. Теория актуального членения, по крайней мере, в версии Пражской школы, декларирует принципиальную независимость коммуникативной структуры предложения от грамматической (Матезиус 1967; Daneš 1978). Иными словами, подлежащее – это не то же самое, что тема, а сказуемое – не синоним ремы. Представители Пражской школы делают оговорку: подлежащее тяготеет к роли темы, а сказуемое или, по крайней мере, часть сказуемого, к роли ремы (Mathesius 1929: 202). Но эта взаимосвязь

объясняется скорее порядком слов: как тема тяготеет к началу предложения, а рема к концу, так и для грамматического субъекта во многих языках типична позиция начала, а для группы предиката – позиция конца предложения. В силу этих причин тема часто совпадает с субъектом, а рема с предикатом. Тем не менее, эта связь не обязательна, сугубо факультативна и носит скорее случайный характер.

Матезиус специально подчеркивает, что ремой (в терминологии Матезиуса «ядром») может быть все предложение в целом. Следовательно, бывают предложения без вербально выраженной темы, но не бывает предложений без ремы. Движение от известного к неизвестному, от темы к реме – это, по Матезиусу, объективный порядок слов, который «облегчает слушателю понимание произносимого». Субъективный порядок слов, напротив, такой, при котором в начале предложения находится ядро высказывания, а за ним следует исходный пункт. Субъективен этот порядок потому, что «при нем говорящий не обращает внимания на естественный переход от известного к неизвестному, ибо он так увлечен ядром высказывания, что именно его ставит на первое место. Поэтому такая последовательность придает ядру высказывания особую значимость. Наглядно это можно проиллюстрировать при сравнении двух предложений: „Я отдала за нее 20 крон“ (порядок объективный) – „20 крон я за нее дала“ (порядок субъективный)» (Матезиус 1967: 244). Матезиус же специально подчеркивает, что «актуальное членение предложения следует противопоставлять его формальному членению. Если формальное членение разлагает состав предложения на его грамматические элементы, то актуальное членение выясняет способ включения предложения в предметный контекст, на базе которого оно возникает. Основными элементами формального членения предложения являются грамматический субъект и грамматический предикат. Основные элементы актуального членения предложения – это исходная точка (или основа) высказывания, то есть то, что является в данной ситуации известным или по крайней мере может быть легко понято и из чего исходит говорящий, и ядро высказывания, то есть то, что говорящий сообщает об исходной точке высказывания» (Матезиус 1967: 240).

Эта точка зрения за годы существования теории актуального членения практически приобрела статус аксиомы. Она представлена в учебниках языкознания и во множестве грамматик.

Однако стоит обратить внимание на следующее обстоятельство. В статье Матезиуса имеется определение темы («исходного пункта») и ремы («ядра»), но нет определения грамматического субъекта и грамматического предиката. Если же мы попробуем отыскать определения этих базовых понятий грамматической структуры предложения в литературе, то мы наталкиваемся на странный феномен: в школьных грамматиках и учебниках субъект, или подлежащее, определяется чаще всего как «предмет мысли» и как «то, о чем говорится в предложении»; часто добавляется, что подлежащее отвечает на вопрос *кто?/что?* и стоит в именительном падеже². А предикат, или сказуемое, – это «то, что говорится о субъекте». Но если подлежащее – это предмет мысли и то, о чем говорится, то в чем его отличие от темы как коммуникативной «исходной точки» предложения, или его коммуникативной основы (темы)? А если сказуемое – это то, что говорится о подлежащем, то в чем его отличие от ремы? Подлежащее и тема с одной стороны – и сказуемое и рема с другой обнаруживают в литературе идентичные определения. И дело даже не столько в определениях. То обстоятельство, что предикация – это то, чем предложение отличается от слова или словосочетания, является одним из лингвистических постулатов. С другой стороны, предложение строится ради ремы, то есть ради того, чтобы что-либо о чем-либо сообщить, высказать. Получается, что предложение держится на предикации и одновременно на реме. Не означает ли это, что рема и есть предикат?

Если исходить из того, что подлежащее – это то, о чем говорится в предложении, а сказуемое – то, что говорится о подлежащем, то подлежащее – это и есть тема, или основа, а сказуемое – это рема, или ядро. И в предложении *Цветы на окне* (1а) подлежащее – *цветы*, так как в нем говорится о цветах, в

² «Школа приучила в “разборе предложений” “танцевать от печки” – от существительного в именительном падеже. Есть такое – значит, оно и подлежащее, нет его – значит, предложение бесподлежащее» (Золотова 2000: 103).

предложении *На окне цветы* (1б) подлежащее – *на окне*, если считать, что в нем говорится об окне, а в предложении *Цветы на окне* (1в)³ подлежащего нет (по крайней мере его нет, если предложение характеризует комнату в целом, а не отвечает на вопрос «Что на окне?»), а все предложение односоставно (согласно А. А. Шахматову, разработавшему теорию грамматически односоставных предложений): в нем характеризуется комната как таковая (а в терминологии Матезиуса оно целиком рематическое, то есть темы в нем нет).

Для Н. Д. Арутюновой субъект призван идентифицировать предмет действительности для адресата, он выступает в «денотирующей функции», а предикат «реализует только свое сигнификативное (абстрактное, понятийное) содержание, или смысл» (Арутюнова 1976: 10–11). Эти определения также чрезвычайно близки к пониманию того, что такое тема и рема. Так, в предложении *Он, видимо, забыл о нашей договоренности* не только местоимение *он*, но и словосочетание *о нашей договоренности* подпадают под приведенное выше определение субъекта. Чтобы избежать нежелательной путаницы, Франтишек Данеш определяет подлежащее чисто формально: «подлежащее – это тот элемент предложения, который не зависит от другого элемента» (Труды 1964: 226). Однако междометия, обращения или вводные модальные слова тоже не зависят от других элементов предложения. Согласно В. В. Виноградову, «подлежащее – главный член двусоставного предложения, который обычно выражается именем существительным или местоимением в именительном падеже и поясняется сказуемым» (Виноградов 1963:18). Слово «обычно» заставляет предположить, что подлежащее может быть выражено не только существительным или местоимением в именительном падеже, а главным в этом определении является поясненность подлежащего сказуемым, их взаимообусловленность. В Словаре лингвистических терминов Д. Э. Розенталя и М. А. Теленковой грамматическое подлежащее определено как

³ Здесь и далее подчеркивание отмечает слово, стоящее под наиболее сильным (фразовым или логическим) ударением. Термины «логическое ударение» или «фразовое ударение» не являются предметом данной статьи; здесь они используются как синонимы и обозначают наиболее сильное ударение во фразе.

предмет мысли и главный член двусоставного предложения, грамматически независимый от других членов предложения; сказуемое – как главный член двусоставного предложения, грамматически зависящий от подлежащего, обозначающий активный или пассивный признак того предмета, который выражен подлежащим. Однако определение «предмет мысли» приложимо к любому существительному, а о грамматической независимости подлежащего выше уже шла речь. Кроме того, сказуемое далеко не всегда грамматически зависит от подлежащего: например, сказуемые, выраженные междометиями (*ни гу-гу*), полуглаголами-полумеждометиями (*молчок, прыг*), существительными (*Медведь в кусты; Таня – моя соседка*) под это описание сказуемых не подпадают.

Помимо определений подлежащего и сказуемого, словарь Розенталя и Теленковой приводит также определение психологического подлежащего (психологического субъекта): это «представление, являющееся первым по порядку возникновения в сознании и психологической значимости, независимо от грамматического его выражения. *Летит птица* (психологическое подлежащее – *летит*: при виде летящего в отдалении предмета, еще неразличимого, или при шуме над головой, природа которого пока не известна, у нас в сознании возникает представление о самом “полете“, о чем-то движении в воздухе; это представление и становится психологическим подлежащим, а когда летящий предмет опознается по своим очертаниям или по шуму от взмахов крыльев, возникает второе представление, которое становится психологическим сказуемым). *В классе тишина* (психологическое подлежащее – *в классе*)». А вот определение психологического сказуемого в том же источнике: «психологическое сказуемое (психологический предикат): представление, являющееся вторым по порядку возникновения в сознании, независимо от грамматического его выражения. *Птица летит* (психологическое сказуемое – *летит*, так как оно соотносится с возникшим до этого представлением “птица“). *Летит птица* (психологическое сказуемое – птица, так как оно соотносится с имеющимся уже представлением “летит“: „то, что летит (летящий предмет), есть птица“»)» (Розенталя, Теленкова 1976). Примечательно, что Розенталя и Теленкова не упоминают интонацию вовсе, как если бы

определяющим в поисках психологического предиката и психологического субъекта был исключительно порядок слов.

Определение психологического субъекта и психологического предиката полностью согласуются с определением понятий тема и рема. Термины «психологический субъект» и «психологический предикат» были известны задолго до Матезиуса. Последний считал эти термины неудачными, уводящими рассуждения в сторону излишнего психологизма. Но Матезиус ясно и недвусмысленно пишет в начале своей статьи, что он не является родоначальником теории актуального членения и что открыта она была еще в середине 19-го века. Он называет ее основоположниками французского лингвиста Анри Вейля, а также немецких лингвистов, группировавшихся вокруг журнала «*Zeitschrift für Völkerpsychologie*». Своим вкладом в эту теорию Матезиус считает в первую очередь выяснение отношения актуального членения к формальному (грамматическому) членению предложения (Матезиус 1967: 239).

Задача данной статьи состоит в том, чтобы показать, что отношение актуального членения к грамматическому до сих пор выяснено не полностью. Несмотря на достаточно частое и распространенное несовпадение темы с подлежащим и ремы со сказуемым в поле грамматических структур предложений, рассматриваемых в аспекте их соотношения с тема-рематической структурой, есть целая область (или области), в которых грамматическое членение подчиняется актуальному. Здесь решение о том, какой элемент предложения является подлежащим, а какой сказуемым, принимается на основании решения о том, какой член предложения выступает как тема и какой как рема. В этой области совпадение между ремой и сказуемым и темой и подлежащим не является случайностью: актуальное членение здесь является ведущим, первичным, а грамматическое вторично. В поле связей между грамматическим и актуальным членением эта область периферийна и не отменяет тезиса о принципиальном несовпадении между двумя видами членения. Однако не замечать и игнорировать эту периферию тоже нельзя.

Для того чтобы очертить проблематику яснее, поначалу обратимся к истории (истокам) теории актуального членения. Анри Вайль (Henri Weil) – изначально Heinrich Weil – лингвист немец-

кого происхождения, родом из Франкфурта, работал в основном во Франции. Он посвятил свою диссертацию, написанную в 1844-м году, порядку слов: она называлась «*De l'Ordre des Mots dans les Langues Anciennes Comparées aux Langues Modernes*» (Paris, 1844). Порядок слов для Вайля – островок свободы духа, хотя эта свобода и ограничена правилами. Чем меньше правил связывает порядок слов, тем свободнее может выразить себя мысль. Вайль первым обратил внимание на различие между синтаксической и информационной (если воспользоваться современными терминами) структурой фраз и предложил различать объективный и субъективный ход мысли. Объективный определяется синтаксисом и разворачивается от исходного пункта какого-либо процесса к его цели. При субъективном ходе мысли порядок слов изменчив. Решающим фактором в выборе порядка слов является осведомленность участников коммуникации о ситуации, которая описывается в коммуникативном акте. Вайль считает порядок идей (*l'ordre des idées*), с которым коррелирует порядок слов, первичным по отношению к синтаксису: порядок идей складывается в сознании до синтаксического выражения, на доречевом этапе. Вайль указывает на то, что в ситуациях, в которых собеседник не подготовлен к теме коммуникации, она вводится предложениями, начинающимися с *Il y avait...* Задолго до Данеша Вайль высказывает и идею тематической прогрессии в построении текста и описывает два вида прогрессии: такую, при которой одна и та же тема развивается на протяжении отрезка текста, и такую, при которой новая информация предыдущего предложения превращается в тему последующего⁴.

Георг фон дер Габеленц (Georg von der Gabelentz) в своей статье о синтаксисе впервые вводит в лингвистику термины «психологический субъект» и «психологический предикат»: «Для чего один человек разговаривает с другим? Он хочет пробудить в другом некую мысль. Для этого требуются две вещи: нужно пробудить внимание собеседника к чему-либо и нужно побудить его думать об этом то-то и то-то. То, к чему я хочу привлечь внимание собеседника, я называю *психологический субъект*, а то, что

⁴ Идеи Вайля излагаются по книге Gerzymisch-Arbogast 1987: 36–38.

он должен о нем думать, – *психологический предикат*» (von der Gabelentz 1869: 378; перевод мой – АП).

Эти термины активно использует и подробно раскрывает и описывает Герман Пауль в своей знаменитой работе «Prinzipien der Sprachgeschichte» (1880). Пауль показал, что они не обязательно совпадают с грамматическими подлежащим и сказуемым; при этом грамматическое членение он полагает вторичным и производным от психологического (Paul, 1920: 124). Пауля занимает и интересует в первую очередь членение именно психологическое, а не грамматическое. Он ясно и однозначно называет *единственным* средством выделения психологического предиката интонацию (там же: 126). Вот как, по его мнению, соотносится членение на психологический субъект и психологический предикат с порядком слов и с контекстом (в современной терминологии – с «данным» и «новым» или с темой и ремой): «Для различения подлежащего и сказуемого первоначально было лишь одно средство: сила ударения. В изолированном предложении психологическое сказуемое является более важным элементом, вносящим нечто новое, и поэтому на него всегда падает более сильное ударение. По-видимому, мы вправе рассматривать это явление как закон, общий для всех времен и народов. Вторым средством различения мог бы стать порядок слов. В упомянутой выше работе <...> фон дер Габеленц высказывает мнение, что порядок расположения элементов, при котором сказуемое следует за подлежащим (если рассматривать и то, и другое как психологические категории), распространен повсеместно и не знает исключений. Этот взгляд кажется мне не совсем правильным; при рассмотрении данного вопроса мы должны полностью отвлечься от тех языков и отдельных случаев, в которых расположение подлежащего и сказуемого подчиняется сложившимся в результате традиции твердым правилам. Мы имеем право подвергать рассмотрению только такие случаи, когда элементы могут меняться местами, то есть когда их место в предложении обусловлено не грамматическими, а исключительно психологическими нормами. Правда, утверждение Габеленца о том, что стоящее на первом месте грамматическое сказуемое всегда является психологическим подлежащим, во многих случаях действительно является правильным, ср., например, стихи Гете: Weg ist

alles, was du liebtest, Weg, warum du dich betrübtest, Weg dein Glück und deine Ruh' «умчалось все, что ты любил, все то, о чем ты слезы лил, умчалось счастье и покой»; однако если мы говорим: ein Windstoß ergriff das Blatt und weg war es «порыв ветра подхватил листок, и умчался он далеко», то weg уже нельзя рассматривать как психологическое подлежащее. Совпадение психологического и грамматического подлежащего мы наблюдаем и в том случае, когда на замечание Müller scheint ein verständiger Mann zu sein «Мюллер, кажется, толковый человек» собеседник отвечает: ein Esel ist er «дурак твой Мюллер»; и таких случаев много. Правда, понятие, играющее роль подлежащего, уже заранее присутствует в сознании говорящего <...>, но в тот момент, когда он начинает говорить, более значимое понятие, соответствующее сказуемому, так выдвигается на первый план, что говорящий произносит его в первую очередь и лишь затем присоединяет к нему подлежащее. Это происходит довольно часто, особенно когда понятие, соответствующее подлежащему, уже фигурировало в разговоре. <...> В этом случае дело обстоит так, что, услышав сказуемое, слушатель, как правило, уже держит в уме соответствующее подлежащее, так что иногда оно может быть и вовсе опущено; ср. нем. Was ist Maier? – Kaufmann (ist er) «кто такой Майер? – Купец». Однако сказуемое ставится вначале даже и тогда, когда слушатель не подготовлен к восприятию определенного подлежащего, – причиной этого может стать эмоциональная взволнованность речи. В таких случаях внимание говорящего сосредоточено всецело на главном представлении, – так что в первый момент от забывает должным образом сориентировать слушателя, и лишь затем ему приходит в голову, что это было необходимо. Аналогичный психологический процесс имеет место и при образовании тех предложений, в которых подлежащее сначала выражается местоимением, – причем слушателю еще не ясно, с чем это местоимение соотносится, – и лишь затем получает более определенное выражение; ср. ist sie blind, meine Liebe? «так она слепа, моя любовь?» (Лессинг); <...>. Из сказанного явствует, что предложения с поставленным вначале психологическим сказуемым родственны предложениям, которые нам еще предстоит рассмотреть, – предложениям, в которых выражено вообще только сказуемое. Они представляют собой ано-

малию по сравнению с порядком слов, преобладающим в спокойном повествовании или беседе, когда в начале предложения стоит подлежащее, однако отрицать существование такой аномалии невозможно, и она встречается вовсе не так уж редко. Поэтому мы не можем рассматривать порядок слов в предложении как истинное средство различения подлежащего и сказуемого, возникающее уже на первых ступенях развития предложения» (цитата приводится по книге (Пауль 1960: 149–151); перевод с немецкого под редакцией А. А. Холодовича).

Как видим, Пауль сформулировал все основные положения теории актуального членения: роль интонации как универсального показателя членения предложения на психологический субъект и психологический предикат, роль порядка слов, роль контекста, речевой ситуации и фоновых знаний участников коммуникации, (психологическую) односоставность, несовпадение грамматического и психологического (актуального) членения предложений. Примечательно также, что он явно отдавал предпочтение роли психологического предиката по сравнению с ролью психологического субъекта в осмыслении предложения, а также то, что он считал предложения с психологическим предикатом в начальной позиции психологическим (а не грамматическим) аналогом предложений, состоящих из одного только предиката.

Аналогично тому, как Герман Пауль оценивает предложения с психологическим предикатом в начальной позиции, А. А. Шахматов предлагает рассматривать их как грамматически односоставные (Шахматов 1941: 46), поскольку для него предложение представляет собой единицу психологического общения: «предложение – это словесное, облеченное в грамматическое целое (посредством согласования основных его частей составных его частей или соответствующей интонации) выражение психологической коммуникации» (Шахматов 1941: 29). Иными словами, Шахматов в его определении односоставности и двусоставности исходит из психологических (в более современной терминологии – коммуникативных), а не структурно-грамматических посылок.

Очевидно, что если мы принимаем идею об односоставности предложений типа *Цветы на окне* (1в), то есть если для нас несомненно то обстоятельство, что в таких предложениях нет

разделения на подлежащее и сказуемое, то мы смешиваем грамматическое и актуальное членение и перестаем их различать. С идеей наличия грамматически односоставных предложений типа *Цветы на окне* можно согласиться лишь при условии, что подлежащее – это и есть тема, оно же психологический субъект, а сказуемое – это рема, или психологический предикат. Тогда в односоставных предложениях не выражена тема и нет подлежащего. Они состоят только из ремы, она же психологический предикат и она же сказуемое.

Нельзя не согласиться с Н. Д. Арутюновой в ее рассуждениях: «Стремление ремы передвинуться на периферию состава сказуемого чревато определенными последствиями: оно ведет к изменению логического содержания высказывания. Если предложения *Студенты работали; Мальчик бежал* выражают суждения первой степени, т. е. суждения, вынесенные о конкретном объекте, то высказывания *Студенты работали на целине; Мальчик бежал быстро* содержат суждения о событиях. Они означают: ‚Работа студентов проходила (имела место) на целине‘; ‚Бег мальчика был быстрым‘» (Арутюнова 1976: 377). Иными словами, актуальное членение теснейшим образом связано с логическим. Но ведь принято считать, что именно грамматика отражает логические операции. Если их отражает актуальное членение, то для чего требуется грамматическое? Продолжая развивать мысль Арутюновой, можно сказать, что если в предложении *Экс-мэру Владивостока вынесен мягкий приговор* главное ударение падает на последнее слово, то в нем говорится о том, что экс-мэру вынесен приговор, то есть в нем сообщается нечто об экс-мэре, а если главное ударение падает на слово *мягкий*, то в предложении говорится о том, каким был приговор, вынесенный экс-мэру, и логически это уже совершенно другое предложение: в нем характеризуется приговор.

Если же определять подлежащее и сказуемое в рамках формально-грамматических, знакомых по школьной программе, то предложение *Экс-мэру Владивостока вынесен мягкий приговор* одинаково по своему членению на подлежащее и сказуемое независимо от того, говорится ли в нем об экс-мэре или о договоре. А об односоставности предложений типа (1в) вести речь было бы некорректно: здесь формально имеется составное именное ска-

зуемое *на окне*, а подлежащим является существительное *цветы*. Возникает вопрос, в чем смысл подобного грамматического членения, которое не отражает логики построения мысли, то есть самой сути предложения.

Представим себе – пока чисто гипотетически – что единственно последовательной и логически непротиворечивой цепочкой умозаключений о соотношении грамматического и темарематического членения являются рассуждения, основанные на чисто психологическом подходе: подлежащее – это только психологический субъект, он же тема, сказуемое – это только психологический предикат, он же рема. Иного членения предложения не существует⁵. Тогда не прав Матезиус в своем утверждении о расхождении между грамматическим и актуальным членением, а правы Пауль и Шахматов. И, в свете психологического подхода, есть предложения грамматически односоставные (они же целиком рематические) и грамматически двусоставные (распадающиеся на тему и рему).

Попробуем ради эксперимента отказаться от «школьного» понимания подлежащего и сказуемого. Примем за рабочую гипотезу, что в двусоставных предложениях сказуемое – это рема, а подлежащее – это тема. Возьмем такой пример: *Поначалу брезгливая оторопь берет от всего этого хлама* (А. Ставицкий). Понятно, что ремой этого предложения является словосочетание *брезгливая оторопь берет*. Будем считать его сказуемым. Первая тема – *поначалу*, вторая тема – *от всего этого хлама*. Как можно рассматривать эти темы или хотя бы одну из них как подлежащее? Этому противится здравый смысл. С другой стороны, если то же предложение разбирать с позиций «школьной» грамматики, то придется счесть *оторопь* подлежащим, а *берет* сказуемым, что также представляется нонсенсом, поскольку перед нами группа слов, обозначающая единое понятие – а именно состояние, которое кого-то охватывает. Наиболее приемлемым является вариант признания отсутствия (эксплицитно выраженного) грамматического подлежащего (при наличии субъекта, испытывающего на себе действие *брезгливая оторопь берет*) и

⁵ Пауль не отвергает грамматического членения предложения, но судя по тексту его работы, оно его практически не интересует.

рассмотрение словосочетания *брезгливая оторопь берет* как сказуемого. Иными словами, это вариант грамматического членения, отчасти смешанного с актуальным. Компромисс?

Да и действительно ли грамматическое членение не отражает логики построения мысли? Многие примеры свидетельствуют как раз об обратном. Так, в предложении *Болящий дух врачует песнопенье* (Баратынский) как раз только благодаря логике можно распознать, которое из существительных является подлежащим: врачуют дух, а не песнопенье, следовательно, *песнопенье* здесь подлежащее. В этой ситуации грамматическое членение определяется только благодаря логике и основано только на ней. Этот пример опровергает представление о грамматическом членении как о процессе, основанном на чисто структурных критериях.

Нет, невозможно полностью отказаться от традиционной грамматики, отбросить представления о грамматическом подлежащем и грамматическом сказуемом и ориентироваться только на тему и рему. Этому противится синтаксическая структура предложения: «традиционное» сказуемое – это синтаксически центральная ось в предложении, от которого полностью зависит вся конструкция. Сказуемое задает актанты. Подлежащее – его наиболее грамматически независимый актант. С другой стороны, чисто структурный подход часто разбивается о семантическую пустоту тех слов, которые претендуют на роль грамматического сказуемого (как в примере *брезгливая оторопь берет*), а также о понимание того обстоятельства, что слова и лексемы – разные сущности и что некоторые лексемы многословны, независимо от степени их идиоматичности. Глагол «берет», в отрыве от «оторопь» в данном случае, можно рассматривать формально как слово только благодаря пробелам перед ним и после него на письме, но в памяти «оторопь берет» – единая лексема, обозначающая состояние.

Суть проблемы заключается в первую очередь в том, что «психологи» (Шахматов, Фортунатов, Пауль), привнося в синтаксис идею о грамматической односоставности, находились на уровне коммуникативно-психологическом, а не грамматическом. Благодаря введению понятия «односоставность» уровень того, что мы сегодня именуем актуальным членением, переплелся

с грамматическим в единый комплекс. В итоге мы имеем чрезвычайно противоречивую ситуацию, которую в преподавании грамматики и актуального членения ввиду ее сложности и запутанности принято замалчивать. Сложность проблематики в том же комплексе усугубляется невозможностью ясно определить, что такое грамматические подлежащее и сказуемое: определения темы и ремы практически те же – по крайней мере, при коммуникативном подходе к предложению. Причина этой трудности в том, что такого рода основополагающие, глубинные и одновременно простейшие понятия, как подлежащее и сказуемое, в принципе определению практически не поддаются. Членение предложения на группу подлежащего и группу сказуемого так или иначе опирается на здравый смысл и на чисто грамматическую структуру.

Замечательно ясно и ярко пишет о проблематике соотношения грамматического подлежащего и сказуемого и психологического подлежащего и сказуемого в книге «Мышление и речь» Л. С. Выготский: «Л. Уланд начинает пролог к «Герцогу Эрнсту Швабскому» словами: «Суровое зрелище откроется перед вами». С точки зрения грамматической структуры «суровое зрелище» есть подлежащее, «откроется» – сказуемое. Но с точки зрения психологической структуры фразы, с точки зрения того, что хотел сказать поэт, «откроется» есть подлежащее, а «суровое зрелище» – сказуемое. Поэт хотел сказать этими словами: то, что пройдет перед вами, это трагедия. В сознании слушающего первым было представление о том, что перед ним пройдет зрелище. Это и есть то, о чем говорится в данной фразе, т.е. психологическое подлежащее. То новое, что высказано об этом подлежащем, есть представление о трагедии, которое и есть психологическое сказуемое. Еще отчетливее это несовпадение грамматического и психологического подлежащего и сказуемого может быть пояснено на следующем примере. Возьмем фразу «Часы упали», в которой «часы» – подлежащее, «упали» – сказуемое, и представим себе, что эта фраза произносится дважды в различной ситуации и, следовательно, выражает в одной и той же форме две разные мысли. Я обращаю внимание на то, что часы остановились, и спрашиваю, почему это случилось. Мне отвечают: «Часы упали». В этом случае в моем сознании раньше было пред-

ставление о часах, часы есть в этом случае психологическое подлежащее, то, о чем говорится. Вторым возникло представление о том, что они упали. «Упали» есть в данном случае психологическое сказуемое, то, что говорится о подлежащем. В этом случае грамматическое и психологическое членение фразы совпадает, но оно может и не совпадать. Работая за столом, я слышу шум от упавшего предмета и спрашиваю, что упало. Мне отвечают той же фразой: «Часы упали». В этом случае в сознании раньше было представление об упавшем. «Упали» есть то, о чем говорится в этой фразе, т. е. психологическое подлежащее. То, что говорится об этом подлежащем, что вторым возникает в сознании, есть представление – часы, которое и будет в данном случае психологическим сказуемым. В сущности эту мысль можно выразить так: «Упавшее есть часы». В этом случае и психологическое и грамматическое сказуемое совпали бы, в нашем же случае они не совпадают. Анализ показывает, что в сложной фразе любой член предложения может стать психологическим сказуемым, и тогда он несет на себе логическое ударение, семантическая функция которого и заключается как раз в выделении психологического сказуемого» (Выготский 1999: 288–289)⁶.

Выготский не отвергает традиционно-грамматического подхода к подлежащему и сказуемому и пишет, что оба членения имеют психологическую подоплеку и объективный статус: традиционный грамматический подход – не нечто высосанное из пальца и упрощенно-примитивное, а реально отражающий развитие мысли уровень синтаксиса. То, что Пауль называет психологическим субъектом и психологическим предикатом, а мы сегодня темой и ремой, – это, по Выготскому, признак социализации говорящего индивида. От эгоцентрической формы речи, для которой характерна сперва аморфность и грамматическая нерасчлененность, а постепенно все более явственно ощущаемая предикативность, ребенок по мере взросления постепенно переходит во внешней речи к социальной форме общения, учитывающей интересы собеседника и его уровень подготовленности к диалогу. Таким образом, коммуникативное, или актуальное, членение –

⁶ Аналогичным образом рассуждал Л. В. Щерба, см. статью Н. Д. Светозаровой в этом сборнике.

это уровень развития мысли в филогенезе, свидетельствующий о социализации личности. Грамматическое членение отражает уровень формулировки мысли про себя и для себя, актуальное – для собеседника. «Быть может, соответствие между грамматическим и психологическим строем речи встречается не так часто, как мы полагаем. Скорее даже оно только постулируется нами и редко или никогда не осуществляется на самом деле. Везде – в фонетике, в морфологии, в лексике и в семантике, даже в ритмике, метрике и музыке – за грамматическими или формальными категориями скрываются психологические. Если в одном случае они, по-видимому, покрывают друг друга, то в других они опять расходятся. Можно говорить не только о психологических элементах формы и значениях, о психологических подлежащих и сказуемых, с тем же правом можно говорить и о психологическом числе, роде, падеже, местоимении, превосходной степени, будущем времени и т. д. Наряду с грамматическими и формальными понятиями подлежащего, сказуемого, рода пришлось допустить существование их психологических двойников, или прообразов» (там же: 288).

Основываясь на большом экспериментальном материале детской речи, Выготский изящно, просто и в то же время очень убедительно выстраивает свое рассуждение, примиряющее формальную и психологическую традицию в истинно диалектическом ключе: как стороны единой сущности, которые в филогенезе представляют собой этапы развития и становления речи как средства коммуникации, а в онтогенезе являются уровнями речи, развернутой и ориентированной на собеседника, но в то же время отражающей результат внутреннего предсказания (чисто логической операции). Опираясь на анализ Выготского, можно с полным правом отстаивать точку зрения Матезиуса о несовпадении грамматического и актуального членения предложений. Подлежащее как объект внутреннего, мысленного предсказания и сказуемое как выражение собственно акта мысленного предсказания с одной стороны, и ориентируемый на интересы собеседника способ представления мысли во внешней речи через тему и рему (они же психологическое подлежащее и психологическое сказуемое), с другой – это достаточно четко сформулированная позиция, разрешающая с полным правом отыскивать как тему и

рему, с одной стороны, так и подлежащее и сказуемое в духе школьных грамматик, с другой, по крайней мере, в устной форме речи.

Внутреннее, индивидуальное видение некой сущности согласуется скорее с логико-грамматическими категориями, и прежде всего с логико-грамматической предикативностью; внешнее, социальное согласуется с тема-рематическим членением. Один уровень надстраивается другим в процессе социализации.

Позиция Выготского в контексте отношения между грамматическим и актуальным членением представляется наиболее объективной, взвешенной и продуктивной. Однако эту позицию требовалось бы распространить и на односоставные предложения, то есть принять идею односоставности только в плане актуального членения и отбросить ее при грамматическом разборе. Тогда мы были бы строго последовательны. Но в таком случае в уже разбиравшемся выше предложении *Поначалу брезгливая оторопь берет от всего этого хлама* придется считать *оторопь* подлежащим, а *берет* сказуемым, что не согласуется с нашим представлением о смысле этого предложения. Коммуникативная (психологическая) структура оказывается здесь важнее, чем формальная (грамматическая, чисто структурная). Разрывать группу *брезгливая оторопь берет*, представляющую собой единый смысловой комплекс, обозначающий душевное состояние неназванного явно субъекта этого состояния, невозможно, не производя над собой определенного насилия. От такого разбора действительно оторопь берет. Но если не разрывать эту рематическую группу и считать ее сказуемым, то мы снова оказываемся в тенетах теории актуального членения и «изменяем» грамматическому.

«...Семантическое различие между подлежащим и сказуемым состоит – в ясных случаях – в том, что подлежащее действительно обозначает (предмет или признак), а сказуемое ничего само по себе не обозначает (в том смысле слова «обозначать», который выражает отношение между именем и его денотатом); оно лишь приписывает признак тому объекту, который обозначен подлежащим» (Падучева, Успенский 2009: 121). Но что делать в неясных случаях?

«Школьная» грамматика предлагает рассматривать предложения *Он объявил, что женится на красавице* и *Он объявил, что*

женится на красавице как реализации одной и той же синтаксической структуры. При этом игнорируется, что в первом предложении *красавице* употребляется нереферентно и фактически является предикатом (здесь возможны два смысла: ‚Та, на ком он собирается жениться, – красавица‘ или ‚Его будущая жена, которую он еще не встретил, будет красавицей‘), а во втором то же слово употреблено референтно, а предикат совсем иной (Он женится). Эти предложения имеют не просто различную тематическую структуру, но и отличаются друг от друга содержательно: у них разные смыслы и разные предикаты. Причем называть ли их здесь предикатами психологическими или грамматическими, это большой вопрос. Перед нами не одно и то же предложение с различным тема-рематическим членением, а как минимум два *разных* предложения – а если считать два первых осмысления при нереферентном употреблении слова *красавица* результатом воздействия на читателя двух разных предложений, то в целом разных предложений перед нами не два, а три. В такого рода случаях возникает даже сомнение в правоте Выготского: похоже, что здесь грамматическое членение для построения мысли вообще не имеет никакого значения, в том числе и на этапе внутренней речи «для себя».

Какой смысл в грамматике, если она не отражает логического содержания? Чисто структурный? А может быть, невозможность строго разграничить актуальное и грамматическое членение в неясных случаях – это не так уж страшно? Что если достижение «чисто» грамматического членения возможно лишь в идеале и недостижимо в реальности, поскольку предложения – это все-таки и единица грамматики, и единица коммуникации одновременно? Не стоит ли рассматривать этот клубок именно как клубок отчасти столь запутанный, что и стремление отделять последовательно одно членение от другого не имеет смысла?

Проблема обнаружения подлежащего и сказуемого – только грамматических, а не психологических – не решается в контексте рассуждений Выготского, когда речь заходит о «трудных» случаях грамматического членения. По-видимому, имеется некоторая периферийная зона, в которой мнение о грамматическом членении всегда останется спорным – именно потому, что иссле-

дователь вступает в периферийную зону функционального поля, на «ничейную территорию».

А как быть, если и подлежащее, и сказуемое явно не выражены морфологическими средствами? Сравним пары предложений *Тамбовский волк тебе товарищ (3а)*. – *Денис Кораблев тебе товарищ (3б)*; *Человеколюбие – его закон (4а)*. – *Кольт – его закон (4б)*. На основе семантических принципов анализа письменных высказываний (ход рассуждений мы здесь опустим) фразовые ударения в этих парах можно проставить так, как здесь показано. По крайней мере, вероятность именно такого озвучивания и осмысления письменных высказываний высока, и регулярный опрос студентов на лекциях, посвященных соответствующей проблематике, это подтверждает: они расставляют логические ударения именно таким образом. Где же в этих парах предложений подлежащее, а где сказуемое? Из-за невыраженности этих категорий чисто грамматическими средствами мы располагаем лишь порядком слов и найденным нами в результате некоторых логических операций местом наиболее сильного ударения (акцентного пика). Отыскать психологическое подлежащее и психологическое сказуемое в этих предложениях не составляет труда: для этого ведущим критерием является место логического ударения в устной речи или лексическая семантика в письменной (оценочность, необычность, ненормативность – это своеобразные «магниты» для ремы). Труднее определить в этих предложениях грамматическое подлежащее и сказуемое в духе школьной традиции. Если не ориентироваться на ударение, то остается опираться только на порядок слов, и тогда у всех этих предложений грамматическое членение одинаково: подлежащее стоит на первом месте, сказуемое на втором⁷. Однако чем наиболее

⁷ Ср.: «Прямое дополнение, совпадающее по форме с подлежащим, ставится, как правило, после сказуемого, например: *Мать любит дочь; Весло задело платье; Лень порождает беспечность; Суды защищают законы*. При перестановке подлежащего и дополнения меняется смысл предложения (*Дочь любит мать; Платье задело весло*) или возникает двусмысленность (*Беспечность порождает лень; Законы защищают суды*). Иногда в подобных случаях инверсии сохраняется нужный смысл, вытекающий из лексического значения названных членов предложения (*Велосипед разбил трамвай; Солнце закрыло облако*), но правильное понимание таких предложений несколько затрудняется,

сильное ударение уступает порядку слов по убедительности? Если взять за основание грамматического анализа именно его, в ущерб порядку слов, то бросится в глаза неодинаковость грамматических структур этих предложений: в (3а) подлежащее – последнее слово (или последние два), в (3б) – первые два. В (3а) говорится о том, кто (именно) тебе товарищ, в (3б) – кем приходится тебе Денис Кораблев. В (4а) первое слово – подлежащее, в (4б) первое слово – сказуемое. В (4а) говорится о том, чем для него является человеколюбие, в (4б) – что является для него законом. Порядок слов в (3б) и (4а), если следовать терминологии Матезиуса, объективный, в (3а) и (4б) – субъективный.

В предложениях, состоящих из двух групп существительных в именительном падеже, гипотеза о синонимии между терминами «тема» и «подлежащее» и «рема» и «сказуемое» представляется по крайней мере оправданной и достойной пристального внимания. В них рема, отмечаемая логическим ударением, может (и, вероятно, должна) рассматриваться одновременно и как предикат, то есть как то, что именно говорится о субъекте (теме). В этих предложениях нет иной подсказки для грамматического членения, поскольку обе грамматические составляющие выражены одной и той же падежной формой существительных – если, конечно, не считать, что порядок слов играет в определении грамматических главных членов предложения определяющую роль.

Однако в таком предложении, как *Мать любит дочь* (5а), в котором присутствие одного существительного в именительном и одного в винительном падеже продиктовано валентностью глагола *любить*, в права действительно вступает порядок слов, и только он способен показать, где здесь подлежащее и где сказуемое. Разумеется, то обстоятельство, что *дочь* стоит в винительном падеже, легко обнаруживается, как только слово *дочь* заменяется на слово *сын*: *Мать любит сына*. Но это не отменяет всеильности порядка слов в предложениях такого типа: стоит переставить местами существительные *мать* и *дочь*, и в вини-

поэтому рекомендуется или сохранять прямой порядок слов, или действительный оборот заменять страдательным (*Велосипед разбит трамваем; Солнце закрыто облаком*)». (Розенталь 1997: 208).

тельном падеже оказывается существительное *мать* (разумеется, мы по-прежнему ведем речь о наиболее вероятном прочтении и толковании предложений на письме в условиях нулевого или нейтрального, то есть неконтрастного, контекста). Следовательно, есть случаи, когда ведущим или даже единственным критерием для грамматического членения предложения является порядок слов, а логическое ударение в определении грамматической структуры роли не играет: оно приходится, с высокой степенью вероятности, на последнее слово предложения независимо от того, кто кого любит, и оформляет предложение как нарративное. Но если расширить это рассуждение о ведущей роли порядка слов и перенести его в том числе и на предложения (3а)–(4б), то мы возвращаемся к представлению, что грамматическое членение всех этих предложений одинаково. В конечном итоге, для неясной, периферийной зоны это вопрос договоренности.

Для актуального членения в качестве ведущего критерия в устной речи выступает логическое ударение, а в письменной семантика, лексическая и грамматическая: именно семантика позволяет определить слово, на которое с наибольшей степенью вероятности приходится логическое ударение. Интонация в письменной речи присутствует так же, как и в устной; но в письменной речи интонацию приходится мысленно восстанавливать косвенным путем, так как она непосредственно не обозначена, и потому интонационный контур в письменной форме речи по природе своей гипотетичен. Порядок слов в деле обнаружения темы и ремы играет подчиненную роль. Эта роль значительно слабее, чем принято считать в классических работах по актуальному членению (Распопов 1961; Ковтунова 1976). В предложении *Мать любит дочь* наиболее сильный акцент, скорее всего, приходится на *дочь*, но стоит заменить глагол и написать *Мать невзлюбила дочь*, и картина изменится: глагол перетянет на себя акцент и мы получим *Мать невзлюбила дочь* (5б). Если (5а) нарративно и эмоционально нейтрально, то (5б) описывает реакцию субъекта (мать) на стимул (дочь), причем реакцию резко отрицательную и отличающуюся от нормы, то есть противоречащую ожиданию реципиента. Рематизация напрямую связана с нарушением ожидания. *Дочь* в (5б) превращается в тему (вторую тему, наряду с *мать*) не благодаря левому контексту (его нет), а

благодаря рематизации глагола *невзлюбить*, а его рематизация происходит благодаря его лексической семантике, причем не изолированно-словарной, а – что важно – семантике именно в данном конкретном окружении, так как здесь смысл предложения таков, что отношение матери к дочери противоречит норме. В (5а) рематизация слова *дочь* объясняется не порядком слов, а все той же семантикой составляющих предложение элементов: в условиях семантической нейтральности и предсказуемости элементов предложения, состоящего из подлежащего, глагола и дополнения, фразовое ударение приходится обычно на дополнение (по модели озвучивания *Мама мыла раму*). «Правило конца предложения» вступает в силу лишь тогда, когда нет семантических факторов, этому правилу противоречащих. Можно сказать, что это даже не правило, а некоторый «остаточный принцип»: если нет других претендентов на акцентный центр, то наиболее сильное ударение отмечает конечное слово в предложении.

Несмотря на различие в актуальном членении между (5а) и (5б), грамматическое членение этих предложений представляется одинаковым: *мать* – подлежащее, глагол – сказуемое, *дочь* – прямое дополнение. По крайней мере, такова картина грамматического членения, если следовать традиционным грамматикам, то есть определениям подлежащего и сказуемого, приводимым в Словаре лингвистических терминов (Розенталь, Теленкова 1976).

Итак, остановимся на том, что Матезиус был в целом прав: грамматическое членение и членение актуальное не должны совпадать. Они совпадают лишь в том случае, если нет никаких иных средств для нахождения подлежащего и сказуемого, чем средства, которыми располагает актуальное членение для нахождения ремы, а именно средств чисто семантических, которые позволяют отыскать в первую очередь место акцентного пика. Ярче всего эта закономерность проявляется в предложениях типа (3а)–(4б). На письме рема определяется по критериям: оценочность, фактивность, ретроспективность, (семантическая) отрицательность, необычность (нарушение нормы в смысле привычного миропорядка), наличие кванторов, сравнительная степень прилагательного и некоторым другим. Левый контекст также играет существенную роль для определения места ремы, но иногда левого контекста нет, а актуальное членение все-таки есть всегда.

Кроме того, нередко место ремы определяется вразрез с левым контекстом: казалось бы, какое-то содержание уже упоминалось – и тем не менее оно оказывается в следующем предложении ремой и на него падает главное ударение. Однако в рамках данной статьи нет возможности останавливаться на этих случаях⁸.

Таким образом, грамматическая и тема-рематическая трактовка предложений на письме – это процесс гадательный; наиболее существенную роль в нем играет семантика. Семантика может быть «побеждена» только контекстом, да и то не всегда⁹. В этой статье приводятся примеры, представляющие собой предложения вне контекста. Можно утверждать, что «в жизни» таких предложений не бывает, однако их реальность абсолютно доказательна: таковы афоризмы, заглавия и подзаголовки, тексты вывесок, короткие объявления, а также – отчасти – все первые предложения любого текста. «Отчасти» потому, что у них отсутствует по крайней мере левый контекст. Правый контекст значительно реже, чем левый, влияет на принятие решений о тема-рематическом членении (см. Павлова 2011).

Итак, рассмотрим несколько категорий примеров, в которых тема и рема в отсутствие ясных грамматических показателей определяются исключительно благодаря семантике слов и в которых грамматическое и актуальное членение совпадают и составляют нерасторжимый комплекс: рема – сказуемое, тема – подлежащее; причем грамматическое членение следует здесь за актуальным и ему подчиняется.

⁸ Описание случаев, когда левый контекст вынужден «уступать» пальму первенства в деле определения места главного ударения семантике, а также общий перечень факторов, влияющих на нахождения ремы в письменных высказываниях, содержится в Павлова 2007.

⁹ Например, при наличии сказуемого, выраженного проспективным глаголом, «данное», явственно вытекающее из левого контекста, может быть ремой: *Руки его были в крови и липли. Топор он опустил лезвием прямо в воду, схватил лежащий на окошке, на расколоте блюдечке, кусочек мыла и стал, прямо в ведре, отмывать себе руки (Достоевский).* «Данное» в последнем предложении – *руки*, при этом это же слово представляет здесь рему. Подробнее о «данном» в роле ремы см. Павлова 2007.

1. Сочетание прилагательное + существительное.

Ср.: *Морозная зима.* – *Странная зима.* Первое (номинативное) предложение односоставно, второе двусоставно, с ремой-сказуемым на первом месте – несмотря на то, что грамматическая структура предложений, на первый взгляд, идентична. Причина такой разнородности – в семантике слов *морозная* и *странная* в сочетании с *зима*. Оценочность прилагательного *странная* превращает его в рему-сказуемое.

2. Сочетание существительное + прилагательное.

Некоторые предложения с этой конструкцией представляют собой номинативные односоставные предложения с инверсией, а другие двусоставны и инверсии в них нет. Ср.: *Куркуль недорезанный* (В. Шукшин); *Чучело носатое* (Е. Гришковец). – *Боль нестерпимая* (М.Алданов); *Вопрос интересный!* (Т. Тронина). В определении грамматической и тема-рематической структуры основную роль играет семантика как прилагательного, так и существительного: если прилагательное «побеждает» существительное по степени выраженности оценки (оценки качества, количества, эмоционального состояния, срочности, важности), то оно выступает в роли предиката. Если же, наоборот, «победа» в аспекте оценочности остается за существительным, то предложение односоставно и содержит инверсию. Важным фактором в принятии решения о тема-рематической и грамматической структуре является и идиоматичность: *Люди добрые!* (идиома) – *Люди добрые* (не идиома)¹⁰.

Вообще односоставность часто диктуется идиоматичностью и в иных конструкциях – например, существительное + глагол или существительное + группа существительного, ср.: *Мурашки идут по коже.* – *Муравьи идут по песку.* Первое предложение односоставно: невозможно рассматривать здесь *мурашки* как подлежащее, а *идут* как сказуемое. Аналогично: *Зима на носу.* – *Очки на носу;* *Виселица по тебе плачет.* – *Верная жена по тебе плачет.*

3. Сочетание существительное + глагол (или глагол-междометие типа *бултых, прыг*) или существительное + наречие или существительное + группа существительного, напоминающая

¹⁰ Этим конструкциям, их грамматическому составу и семантике их элементов посвящена статья: Павлова 2012.

по функции наречие и обозначающая изменение состояния (*в драку, в слезы, в панику*), направление (*в кусты, во двор*) или место (*на улице, во дворе*).

Короткие предложения, состоящие из существительного и глагола, способны быть односоставными (целиком рематическими и одновременно сказуемыми) или двусоставными в зависимости от семантики: *Слезы навернулись*. – *Слезы высохли*. Первое предложение односоставное, целиком рематическое и целиком сказуемое (если следовать тезису о грамматической односоставности в традиции Шахматова). Второе двусоставное: *слезы* – подлежащее, *высохли* – сказуемое. Отвечает за такое распределение семантика глагола: *навернулись* – проспективный глагол; семантика его такова, что он вводит событие (слезы) в поле зрения; односоставность здесь поддерживается еще и тем, что глагол семантически пуст, а сочетание слов *слезы навернулись* устойчиво и может быть заменено одной лексемой *прослезился* (или *прослезилась, прослезилась*); глагол *высохли*, наоборот, ретроспективный: своей семантикой он подсказывает, что слезы в ситуации уже присутствовали к моменту речи.

Аналогично ретроспективным глаголам ведут себя наречия или существительные наречного типа, обозначающие изменение состояния или направление. Ср. *Грачи прилетели. Гуси гуляют*. – *Грачи врассыпную. Грачи в драку. Гуси в воду*¹¹. Похоже, что наречия или субстантивные группы в подобных конструкциях всегда являются ремами и сказуемыми и превращают любое предложение в двусоставное. Они не характеризуют какую-либо ситуацию как единое и нерасчлененное целое, а сообщают, что происходит с кем-либо или чем-либо, выраженным подлежащим.

В конструкциях с субстантивными группами, обозначающими место и отвечающими на вопрос «где?», решение об односоставности или двусоставности также принимается на основе семантики обоих существительных в их взаимозависимости, ср.: *Беспорядок на кухне*. – *Хозяин на кухне*. Первое предложение

¹¹ Первые предложения в этих примерах могут быть и двусоставными, если отвечают на вопросы *Где грачи?* Или *Где гуси?* Односоставность имеет место тогда, когда описывается состояние природы или вид двора как единой картины, к которой говорящий хочет привлечь внимание собеседника.

сообщает, в каком состоянии кухня, а второе – где находится хозяин.

Односоставными являются не только бытийные и событийные предложения типа *Грачи прилетели* или *Ваня пришел*. Односоставны и пояснения причины какого-либо события: (*Я еще не пропылесосил*). *Пылесос сломался*. Односоставны предложения чисто оценочные, ср. *Доброхот нашелся!* – в отличие от двусоставного *Желающие нашлись*. Иногда оценка в ее предикативной испостаси «вычитывается» благодаря виду глагола, ср.: *Чуткие попались*. – *Чуткие попадались*. Понятно, что *чуткие* является оценкой в обоих предложениях, но в первом благодаря глаголу совершенного вида *попались*, нередко употребляемому в оценочных фразах, чаще пренебрежительных или презрительных, мы скорее примем решение, что перед нами именно такого типа фраза, а она является нерасчлененной, односоставной, целиком рематической и одновременно может рассматриваться как сказуемое к невыраженному здесь подлежащему, которое включено в речевую ситуацию. Эта фраза целиком оценочна и предикативна, в то время как вторая, сопоставленная ей фраза *Чуткие попадались* не оценочна, а нарративна (повествовательна), хотя подлежащее в ней и выражено оценочным словом.

4. Сочетание существительное + существительное (оба в им. п.; иногда с выраженным явно глаголом-связкой) или существительное + инфинитив.

А солдат – тот, к которому ротный подошел, видит – дело плохо: зверь стал офицер, всю роту перебьет... (А. Грин). Оценочность слова *зверь* в предложении *зверь стал офицер* отвечает за нахождение не только ремы, но одновременно и сказуемого, несмотря на начальную позицию слова *зверь*, более характерную для подлежащего.

То же касается такого предложения: *Для меня чуждая стихия – лакейство*. Ср.: *Для меня родная стихия – иллюзия*. Во втором примере скорее всего читатель посчитает, что оценочность в большей степени присутствует в слове *иллюзия* и потому оно скорее претендует на роль ремы и сказуемого (хотя, конечно, левый контекст может это решение отменить).

В строках Цветаевой *Еще мне думается, что – трус* // *Был мой желтоглазый предок* рема и сказуемое – *трус*, тема и

подлежащее *мой желтоглазый предок*. Словосочетание *мой желтоглазый предок* употребляется референтно (это понятно прежде всего благодаря местоимению *мой*), а слово *трус* нереперентно (это ясно в первую очередь благодаря оценочной семантике слова *трус* в данной конструкции). А в предложении *В школе считалось, что трус – это отброс общества (из блога)* «побеждает» оценочность группы *отброс общества*, и она является здесь сказуемым и ремой одновременно, несмотря на нереперентное употребление слова *трус* и в этом предложении.

Вот примеры конструкций с инфинитивом: *Глупость – мечтать о счастье*; *Цель – отомстить обидчику*. Во втором примере первое существительное семантически столь стерто, привычно и «незаметно», что решение о месте ремы вряд ли будет принято в его пользу, и оно скорее всего окажется темой и одновременно подлежащим.

В статье (Падучева, Успенский, 2009) к биноминативным предложениям, в которых подлежащее и сказуемое явно не выражены, предлагается применять денотативный критерий: среди двух кандидатов на роль подлежащего искать такой, который претендует на большую степень денотативности. Авторы справедливо отмечают, что существуют слова, которые в принципе допускают только референтное употребление (личные местоимения, указательные группы), а есть такие, которые допускают только предикативное (нереперентное) употребление – например, «чистые» оценки. В биноминативных предложениях приходится решать, который из элементов в большей степени тяготеет к референтному употреблению и заключает в себе презумпцию существования. Если решение не принять, то его и нет, то есть синтаксические роли номинативных групп остаются неопределенными. Это очень интересное наблюдение, которое позволяет оставлять вопрос о том, которая номинативная группа каким членом предложения является, открытым. Ведь действительно в письменном тексте существует иногда возможность двойной трактовки. (В устном тексте двойственная трактовка обычно все-таки снимается интонационными средствами.)

Так, в некоторых письменных предложениях с грамматическим параллелизмом группы подлежащего и группы сказуемого допустимо рассматривать в качестве ремы и одну, и другую часть

предложения, и тогда подлежащим будет то первая, то вторая его составляющая: *Зачем теплоходу нотариус, подивился Николас. И сам себе ответил: тут две тысячи стариков, в этом возрасте любимый спорт – переделка завещания* (Акунин). Группа *переделка завещания* может быть расценена и как тема-подлежащее, и как рема-сказуемое. Контекст решение принять не помогает. Если читатель решит, что важнее для роли сказуемого оценочность, то сказуемым должна стать группа перед тире: *любимый спорт* – так как она оценочна. А если читатель постановит, что важнее в этом предложении информация, о которой Николас догадался, размышляя о необходимости появления нотариуса на теплоходе, то есть если в этом словосочетании для читателя заключены догадка (озарение) Николаса и одновременно причина наличия нотариуса, в результате чего семантика этой группы нагружается дополнительными весомыми семами – тогда рема-сказуемое в этом предложении *переделка завещания*.

Иногда решение читателя определяется дополнительными структурными факторами. Например, фраза *Для Познера шок – поступок его преемника* скорее всего была бы истолкована в пользу решения *шок* – сказуемое (и рема) – по причине оценочности этого слова и явной тематичности содержания *поступок его преемника*. Однако у нее в тексте имеется продолжение, которое такое решение отменяет: *Для Познера шок – поступок его преемника, для меня – бытование ТЭФИ в течение последнего десятилетия* (С. Тароцина). Продолжение *для меня...* заставляет пересмотреть решение счесть слово *шок* сказуемым; параллелизм однородных групп и контраст (*для Познера* – *для меня*) заставляет рассматривать группы *поступок его преемника* и *бытование ТЭФИ в течение последнего десятилетия* как сказуемые-ремы к подлежащему-теме *шок*.

Во всех этих примерах рема не просто совпадала со сказуемым, а тема с подлежащим; в них актуальное и грамматическое членение практически неотделимы друг от друга и составляют одно целое. Поэтому тезис об их принципиальной независимости необходимо пересмотреть. Среди синтаксических типов предложений имеется целый пласт, где актуальное и грамматическое членение составляют единое целое и где грамматическое членение ориентируется на актуальное.

С другой стороны, большой массив примеров подтверждает противоположный тезис – о независимости членения предложения на группу подлежащего и группу сказуемого от членения его на тему и ремю. Даже в предложениях на письме, в которых грамматическое членение определяется только путем анализа семантики, без малейшей подсказки со стороны порядка слов, рема бывает и подлежащим. Решение о грамматической структуре принимается только на основании логических связей между частями предложения: *Россия является авторитарным государством, слабости которого особенно ярко высветили зарева пожаров (Gazeta.ru)*. Понятно, что слабости ничего не высвечивают, значит, подлежащее этого предложения – *зарева пожаров*. Это они высветили слабости, а не наоборот. Здесь подлежащее является ремой, и на нее падает наиболее сильное ударение.

То же касается и такой – чисто игровой – фразы: *Гордо крестики почетные носят нолики несчетные (М. Безродный)*. Автор играет здесь на контрасте между порядком слов и их логическими отношениями. Подлежащее – *нолики несчетные*, это они носят крестики, а обратное неверно. Подлежащее здесь рема, на нее приходится интонационный пик.

Допустимые варианты перемещения места логического ударения и, как результат, перераспределения ремы и темы в предложениях с формально не выраженным грамматическим составом часто не затрагивают грамматическое членение: *Лучшие года отравляют гаммы (М. Цветаева)*. Является ли ремой этого предложение элемент *гаммы* или элемент *лучшие года*, неясно: логическое ударение может падать как на *года*, так и на *гаммы*. Но подлежащее здесь *гаммы*, независимо от актуального членения.

Такие примеры опровергают тезис о нерасторжимой связи между актуальным и грамматическим членением. Приходится признать, что в сложной картине взаимоотношений синтаксиса и актуального членения есть как одно, так и другое.

Итак, грамматическое и актуальное членение не одно и то же, и тема далеко не всегда подлежащее, а рема далеко не всегда сказуемое. То, что подлежащему и сказуемому не удастся дать определения, которые помогали бы отличать их от темы и ремы, – вполне объяснимая сложность, связанная с базовостью и глубиной значения (значимости) этих терминов для грамматики.

Односоставность – это понятие скорее не грамматическое, а темарематическое, и в грамматической традиции мы здесь имеем дело со смешением двух уровней анализа.

Но есть целая область случаев, когда рема является синонимом сказуемого, а тема автоматически определяется как подлежащее. Это предложения, в которых подлежащее и сказуемое грамматически выражены неявным образом или не выражены вовсе. Выше были продемонстрированы некоторые группы такого рода. И это далеко не полный перечень случаев определения грамматического членения через актуальное.

В кратко очерченной здесь периферийной области поля взаимосвязей между грамматическим и актуальным членением мы наблюдаем слияние формального и коммуникативного структурирования предложения в один нерасторжимый комплекс. Этой смежной зоной, в которой актуальное и грамматическое членение все-таки составляют одно целое, правота теоретиков актуального членения релятивируется; кроме того, подтверждается правота Германа Пауля: порядок слов не является показателем места психологического субъекта и психологического предиката. Таковым является только интонационный пик. Поскольку на письме он не проставляется явно, то чтение и понимание смысла сопровождается определением его места в первую очередь благодаря чисто семантическим механизмам работы нашего сознания.

Конечное расположение ремы в предложении – распространенное явление, что также позволяет рассматривать его как центральное (ядерное) в поле взаимосвязей между порядком слов и коммуникативным членением предложения. Однако периферийная область в этом поле весьма обширна.

Надо отметить, что проблема взаимоотношений между актуальным и грамматическим членением далеко не исчерпывается обнаружением подлежащего и сказуемого и их сопоставлением с темой и ремой. Существует еще масса нерешенных вопросов в этой области, касающихся второстепенных членов предложения. Так, в предложении *Опять субботник на стадионе* субстантивная группа *на стадионе* будет иметь ту или иную синтаксическую роль в зависимости от ее функции в актуальном членении предложения: при рематичности и акцентуации она является

обстоятельством места, а при тематичности и отсутствии ударения на ней это, скорее всего, определение.

Далее, во фразах *Это был загадочный человек* и *Ко мне приблизился загадочный человек* актуальное членение разное, что объясняется различной синтаксической структурой этих предложений. Причины такого расхождения в теории актуального членения не описаны и ждут еще своего часа. Не описаны и сложные зависимости между референтным или нереферентным употреблением слов и словосочетаний с одной стороны и их позицией по отношению к актуальному членению с другой. Выше уже приводилась пара примеров: *Он объявил, что женится на красавице* и *Он объявил, что женится на красавице*. Здесь тема-рематическое членение непосредственно связано с референтным и нереферентным употреблением слова *красавица*. В то же время в примере *Встречаясь, они становились веселыми и беззаботными, как мальчишка и девчонка, встретившиеся в Цехе поэтов* (Н. Мандельштам) группа *мальчишка и девчонка, встретившиеся в Цехе поэтов* является частью ремы независимо от того, употребляется ли она референтно (‘те самые мальчишка и девчонка, которыми они были, когда встретились в Цехе поэтов’) или нереферентно (‘какие-либо мальчишка и девчонка, когда она встречаются в Цехе поэтов’). В первой паре примеров референтность отражается на тема-рематическом членении, а во второй нет¹². Причина состоит в несовпадении синтаксической структуры этих пар. Наблюдаются взаимосвязи между актуальным и грамматическим членением предложения и во многих других случаях, однако в рамках данной статьи нет возможности на них останавливаться. Достаточно указать на то, что связь явно есть и что она остается неизученной.

Подведем некоторые итоги. Грамматическое членение и актуальное членение не независимые друг от друга процессы (или результаты процессов); их связь основана на том, что мысль принципиально двусоставна. Две основные составляющие мысли – это психологический субъект (тема) и психологический предикат (рема). Предикативность, которая делает мысль мыслью, –

¹² Если считать разные смыслы показателями разных предложений, то перед нами «пара» примеров.

это приписывание чему-либо (теме) какого-либо признака (ремы) в самом широком смысле этого слова. Предложения бывают односоставными, но это не отменяет принципиальной двусоставности мысли. Односоставные предложения – это целиком психологические предикаты (ремы), отнесенные к внеречевому отрезку действительности – психологическому субъекту (теме). Наиболее приспособленные «резервуары» для темы и ремы – это группа грамматического подлежащего и группа грамматического сказуемого. Случаи совпадения ремы со сказуемым и темы с подлежащим занимают в поле отношений между двумя видами членения предложений центральное (ядерное) место. Грамматическое подлежащее и грамматическое сказуемое в идеале совмещают в себе формально-структурную, логическую, психологическую (в плане речепорождения, по Паулю) и коммуникативную функции – в том случае, если рема совпадает с группой сказуемого или со сказуемым, а тема с группой подлежащего или с подлежащим. Однако иногда эти функции расходятся, и за грамматическими подлежащим и сказуемым остаются либо только чисто структурная (как в примере *Экс-мэру суд вынес мягкий приговор*, где сказуемое *вынес*, а рема *мягкий* и где логическая структура с грамматической не совпадает), либо структурная и логическая функции (как в примере *Болящий дух врачует песнопенье*, где рема совпадает с грамматическим подлежащим, а последнее определяется по чисто логическим критериям). Психологическая (речемыслительная) и коммуникативная функция всегда закреплены за актуальным членением. При анализе многих предложений подлежащее и сказуемое определяются неоднозначно; подход зависит от того, какой критерий принимать за основной: чисто структурный или структурно-логический (структурно-содержательный). В зависимости от этого в предложении *Поначалу брезгливая оторопь берет от всего этого хлама* сказуемым можно назвать только глагол *берет*, а подлежащим *оторопь* (структурный подход) и тогда считать это предложение грамматически двусоставным, а можно считать словосочетание *брезгливая оторопь берет* группой сказуемого (структурно-содержательный подход) и расценивать предложение как грамматически безличное и односоставное. Чисто структурно можно рассматривать предложения типа *Грачи прилетели* или *Зима на*

дворе как грамматически двусоставные, хотя и целиком рематические, а можно как грамматически односоставные, если подчинить структурный критерий логическому и считать его вторичным. В последнем случае грамматическое членение смешивается с актуальным, что само по себе не трагично – но важно не только отдавать себе в этом отчет, но и называть вещи своими именами. В определенных конструкциях, перечисленных в этой статье (список открытый и явно неполный), грамматическое членение всецело подчинено актуальному и определяется только через него.

Вопрос о том, которое из двух членений исторически или хронологически вторично (производно) от другого – грамматическое ли возникло из тема-рематического (как считал Пауль) или тема-рематическое – это результат мысленного преобразования грамматического для внешнего пользователя при рождении внешней речи из внутренней (как считал Выготский) – ответа, по всей вероятности, не имеет, по крайней мере, на современном этапе развития научной мысли.

Этот небольшой экскурс в сферу взаимосвязей коммуникативного и грамматического структурирования предложения еще раз показывает, сколь продуктивно методически оперировать понятием функционального поля, его ядра, центральной и периферийной областей. И имеет смысл не стремиться к тому, чтобы ведущий принцип в какой-либо сфере непременно исключал все прочие, которые, казалось бы, этот принцип ниспровергают или ему во всяком случае противоречат. В теории языка мы регулярно сталкиваемся с ситуациями, в которых оказывается, что дважды два не всегда только четыре: в некоторых тневых, менее броских и менее заметных сферах функционального поля изучаемых объектов дважды два бывает порой и пять.

Теории актуального членения еще предстоит очень много сделать по освоению тех областей, которые она пока обходит молчанием. Она располагает достаточно мощным и развитым инструментарием и методикой, чтобы их освоить, тем самым углубив и расширив наши представления о способах и процессах осмысления и восприятия высказываний и текстов.

Литература

- Адамец 1966 – Адамец П. Порядок слов в современном русском языке. Praha: Academia, 1966.
- Арутюнова 1976 – Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. М.: «Наука», 1976.
- Виноградов 1963 – Виноградов В. В. и др.: Русский язык. Синтаксис. УЧПЕДГИЗ: Москва, 1963.
- Выготский 1999 – Выготский Л. С. Мышление и речь. Изд. 5-е. М.: «Лабиринт», 1999.
- Золотова 1979 – Золотова Г. А. Роль ремы в организации и типологии текста // Синтаксис текста. (Отв. Ред. Г. А. Золотова). М.: АН СССР, Ин-т рус. яз., 1979. С. 112–133.
- Золотова 2000 – Золотова Г. А. Понятие личности/безличности и его интерпретация // Russian Linguistics. Vol. 24. 2000. P. 103–115.
- Ковтунова 1976 – Ковтунова И. И. Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения. М.: «Просвещение», 1976.
- Комиссаров 1990 – Комиссаров В. Н. Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. М.: Высш. шк., 1990.
- Матезиус 1967 – Матезиус В. О так называемом актуальном членении предложения // Пражский лингвистический кружок: Сборник статей. М.: «Прогресс», 1967. С. 239–245.
- Николаева 1972 – Николаева Т. М. Актуальное членение – категория грамматики текста // Вопросы языкознания. № 2. 1972. С. 48–54.
- Павлова 2007 – Павлова А. В. Интерпретация акцентной структуры высказывания при восприятии письменной речи. // Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований Российской академии наук. Т. III., Ч. 3. СПб.: ИЛИ РАН, 2007. С. 65–117.
- Павлова 2011a – Павлова А. В. Определение или предикат? // Лингвистика без границ. К 70-летию В. Б. Касевича. Вербицкая Л. А., Богданов С. И., Клейнер Ю. А., Крылов С. А. (отв. ред.). СПб.: Филологический факультет Санкт-Петербургского университета, 2011. С. 330–345.
- Павлова 2011b – Павлова А. В. Семантика и просодия контраста при восприятии письменной речи // Anzeiger für Slavische Philologie (XXXIX), 2011. S. 169–194.
- Падучева 2009 – Падучева Е. В., Успенский В. А. Подлежащее или сказуемое? (Семантический критерий различения подлежащего и сказуемого в биноминативных предложениях) // Падучева Е. В. Статьи разных лет. М.: Языки славянских культур, 2009. С. 119–133.
- Пауль 1969 – Пауль Г. Принципы истории языка. М.: Изд-во Иностранной литературы, 1969.
- Распопов 1961 – Распопов И. П. Актуальное членение предложения. Уфа: Изд-во Башкирского университета, 1961.
- Розенталь 1976 – Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М.: «Просвещение», 1976.

- Розенталь 1997 – Розенталь Д. Э. Справочник по правописанию и стилистике. М.: Комплект, 1997
- Труды – Труды Пражской лингвистической школы: Первый выпуск новой серии. Прага, 1964.
- Шахматов 1941 – Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. Л.: Учпедгиз, 1941.
- Швейцер 1988 – Швейцер А. Д. Теория перевода. Статус, проблемы, аспекты. М.: Наука, 1988.
- Bolinger 1972 – Bolinger, Dwight. Accent is predictable (if you're a mind-reader) // *Language* 48, 1972. P. 633–644.
- Gerzymisch-Arbogast 1978 – Gerzymisch-Arbogast, Heidrun. Zur Thema-Rhema-Gliederung in amerikanischen Wirtschaftstexten. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 1987.
- Daneš 1976 – Daneš, František; Viehweger, Dieter (eds.). Probleme der Textgrammatik. Berlin, 1976.
- Daneš 1978 – Daneš, František. Satzglieder und Satzmuster // Helbig, Gerhard (Hrsg.): Beiträge zu Problemen der Satzglieder. Leipzig, 1978. S. 7–28.
- Dressler 1972 – Dressler, Wolfgang U. Einführung in die Textlinguistik. Tübingen: Niemeyer, 1972.
- Eroms 1986 – Eroms, Hans-Werner. Funktionale Satzperspektive. Tübingen: Niemeyer, 1986.
- Firbas 1964 – Firbas, Jan. On Defining the theme in functional sentence analysis // *Travaux Linguistiques de Prague*, 1, 1964. P. 267–280.
- Firbas 1971 – Firbas, Jan. On the Concept of Communicative Dynamism in the Theory of Functional Sentence Perspective // *Sbornik prací filosofické fakulty brněnské universiti A* 19, 1971. P. 135–144.
- Gabelentz 1869 – Von der Gabelentz, Georg. Ideen zu einer vergleichenden Syntax // *Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft*. 1869. № 6. S. 376–384.
- Halliday 1979 – Halliday, Michael Alexander Kirkwood. Language structure and language function // Lyons, J. (ed.). *New Horizons in Linguistics*. Harmondsworth, 1970. P. 140–165.
- Koller 2004 – Koller, Werner. Einführung in die Übersetzungswissenschaft. 7. Aufl. Quelle & Meyer. 2004.
- Mathesius 1929 – Mathesius, Vilém. Zur Satzperspektive im modernen English // *Archiv für das Studium der neueren Sprachen* 155 (1929). S. 202–210.
- Paul 1929 – Paul, Hermann. Prinzipien der Sprachgeschichte. Halle: Niemeyer, 1920.
- Schmerling 1974 – Schmerling, Sue F. A re-examination of 'normal stress' // *Language* 50, 1974. P. 66–73.

**ШАМАНСКАЯ ЦЕРЕМОНИЯ «МОЛЕНИЯ О СЧАСТЬЕ» ИЗ
«УТВЕРЖДЕННОГО ИМПЕРАТОРОМ УСТАВА ШАМАНСКОЙ
СЛУЖБЫ МАНЬЧЖУРОВ»**

После установления династии Цин в Китае (1644–1912) маньчжурские правители уделяли особое внимание сохранению своего рода и национального самосознания маньчжуров. Основу этнической идентификации они видели в сохранении национальной религии – шаманизма, а также в обязательном знании маньчжурского языка и умении стрелять из лука (Ван Чжунхань 1990: 59–70; Di Cozmo 1999: 385). С переносом столицы из Мукдена в 1644 г. Запретный город в Пекине стал столицей империи Цин и местом проживания императорской семьи Айсинь Гиоро. Некоторые внутренние дворцы были приспособлены и перестроены под нужды нового маньчжурского двора: здание третьего по центральной оси дворца, Куньнин-гун, было превращено в зал основных дворцовых шаманских церемоний. Вторым местом проведения шаманских жертвоприношений был Тансэ – храмовый комплекс, построенный к югу от Запретного города для молений духу Неба, духам предков, за здоровье младенцев семьи Гиоро, жертвоприношений духу лошадей.

Большие шаманские жертвоприношения Небу и духам предков совершались в обоих храмовых комплексах дважды в году – весной и осенью в дни солнцестояния, в начале каждого сезона, во второй день каждого месяца. Малые жертвоприношения совершались ежедневно по два раза, при этом утренние службы были обращены к духам предкам и духам-хранителям семьи, вечерние службы – духам темноты и созвездий (Пан 2011: 181).

В связи с тем, что шаманская традиция передавалась в устной форме, к середине XVIII в. порядок шаманских камланий, проводимых маньчжурскими кланами, переселенными в Китай (и в частности, в Пекин), постепенно утрачивался и видоизменялся.

Эта ситуация не могла не беспокоить императоров, и привела к необходимости упорядочить церемонии и создать «Устав шаманской службы маньчжуров», который был составлен по приказанию Цяньлуна на маньчжурском языке в 1747 г. и в переводе на китайский язык в 1777 г. (Печатные варианты были изданы соответственно в 1778 и 1782 гг.). В своем предисловии к «Уставу» император разъясняет причины составления этого обрядника и проведенную его сановниками работу по сбору материала. (Пан 2006: 71–73). «Устав» состоит из шести тетрадей, в которых подробно описывается порядок проведения различных шаманских церемоний, проведение больших жертвоприношений Небу и духам предков, при этом указываются роль и действия каждого из участников службы. Сами церемонии настолько формализованы и регламентированы, что в значительной мере напоминают проведение дворцовых мероприятий по строго конфуцианским правилам. Описание каждой церемонии заканчивается текстом читаемых во время нее молитв, в которые шаман должен был подставлять имена и года рождения тех, за кого он молился.

Составленный по указу Цяньлуна «Устав шаманской службы маньчжуров» определял порядок церемоний не только во дворце, но и во всех семьях клана Айсинь Гиоро и домах знаменитых маньчжуров по всему Китаю. Это дает нам основание считать, что в период цинской династии в Китае существовало не только три традиционные религии (сань цзяо), но и четвертая – шаманизм.

«Устав шаманской службы маньчжуров» убедительно показывает, что описанные камлания были лишь частью дворцового быта, и их главное значение заключалось в проявлении уважения к народной традиции маньчжуров. Важность этого памятника состоит и в том, что он является самым ранним текстом, отражающим народную традицию, поскольку он был создан на основе собранных императорскими чиновниками по деревням Маньчжурии описаний шаманских камланий и произносимых при этом песнопений.

Существует два перевода «Устава» на французский язык – частичный перевод Л. Лангле (Langlès 1804) и полный де Арле (Harlez 1887). На русский язык перевод был сделан А. В. Гребенщиковым в 1939 г. Машинописный текст с частичными

комментариями никогда не издавался полностью и в настоящее время хранится в Архиве востоковедов Института восточных рукописей РАН (Фонд 75, опись 1, ед. хр. 72, 73). А. В. Гребенщиков являлся непревзойденным знатоком маньчжурского языка и культурного наследия маньчжуров, и его перевод является бесценным трудом, заслуживающим полного опубликования. (Пан 2011а).

Ниже публикуется отрывок из перевода А. В. Гребенщикова «Устава шаманской службы маньчжуров», посвященный шаманской церемонии моления о счастье, проводимой в главном дворце Куннинь-гун. Основными действиями во время этой церемонии является установка дерева жизни – ивового дерева; привязывание к нему веревки с цветными лоскутками (генеалогический символ рода), закрепленной другим концом к внутренней западной стене дома (место духов-хранителей); выставление жертвоприношений перед духами. Во время церемонии шаман приглашает духов спуститься на стрелу с пучком белой пеньки и двумя разноцветными шнурами, предназначенными для императора и императрицы. От пучка пеньки шаман дает им оберег – несколько раз по три нити, вытянутые из пучка белой ткани, и по разноцветному шнуру со стрелы, которые через три дня после церемонии возвращаются шаману и бережно хранятся им. Церемония состоит из двух частей: дневного и вечернего камлания. Вечером шаман камлает в полном шаманском облачении, танцуя с бубном перед западным каном (нарами – у А. В. Гребенщикова) – местом, где выставлены жертвоприношения духам. Во время камлания шаман произносит молитву прародительнице маньчжуров Фодо-маме и покровительнице детей Омоси-маме, прося у них счастья и долголетия и многочисленного потомства тем, ради кого проводится церемония. В конце вечернего жертвоприношения убирают веревку с лоскутками и ивовое дерево.

В дворцовой церемонии принимают участие император и императрица, от чьих имени шаман призывает духов и просит даровать им счастье. Жертвоприношения в виде каши, блинов, печений, вина и благовоний готовят специальные распорядители из Приказа ритуала, которым помогают женщины, ответственные за возжжение благовоний, и придворные евнухи, играющие на струнных инструментах и бьющие в трещётки (кастаньеты – у

А. В. Гребенщикова). В отличие от других церемоний, описанных в «Уставе», данный обряд носит камерный, семейный характер и в отличие от жертвоприношений Небу и духам предков он менее формализован.

Следует сказать, что церемонию, описанную в «Уставе», можно до сих пор наблюдать в отдаленных деревнях Маньчжурии. Моления Фодо-маме и Омоси-маме проводятся в современных маньчжурских родах с просьбами о долголетию членов рода. (Guo Shuyun 2001: 65–72; Pang 2006: 231–236).

Предлагаемый текст является частью пятой тетради машинописи (лл. 19–29), что соответствует лл. 1а–17а четвертой тетради маньчжурского ксилографического издания «Хэсэй токтобуха маньчжусай вэчэрэ мэтрэ кооли битхэ». При публикации сохранены авторские стиль и орфография, в круглых скобках переводчик отмечал страницу маньчжурского текста по ксилографическому изданию, в угловых скобках мы указываем страницу машинописного текста А. В. Гребенщикова.

А. В. Гребенщиков. Фонд 75, опись 1, ед. хр. 72, тетрадь 5, лл. 19–29.

< л. 19> (л. 1а) Описание обряда моления о счастье.

За несколько дней до совершения жертвоприношения вэчку о ниспослании счастья помощник смотрителя за приготовлением жертвенных мяс, служитель при приготовлениях этих мяс, заведующие возжжением благовоний, люди, принадлежащие к известным манджурским домам и не имеющие за собой вины, приносят в храм, собрав поровну от каждого из девяти домов-семей, мелкие куски материи и разноцветные шнурки, сученые из хлопчатобумажных крученых нитей; страшивая их, мастеры два <л. 20> шнура; пришивая по три отрезка [материи] сшивают четырехугольные лоскутки. Перегоняют сладкое вино.

В предшествующий жертвоприношению день берут двух помощников смотрителей за приготовлением жертвенных мяс, (л. 1б) двух служителей при этом, двух манджуров при жертвенных приношениях и приготовлениях жертвенных мяс и, отправившись в Ин-тай, высмотрев совместно с чинами распорядительного комитета, срубают целиком одну иву, высотой в девять кит[айских] футов, толщиной в три дюйма; обернув ее желтой

платяной покрывшей, благоговейно забирают с собой и на время ставят в чистом месте.

В день моления о счастии камень, в который втыкают ивовое дерево, ставят в середине крытого навеса перед зданием (л. 2а) вне дверей дворца Кунь-нин-гун; ивовое дерево водружают стоймя в этот камень. На ивовое дерево навешивают вырезанные из чистой бумаги деньги, разноцветные полоски в виде лент – один лист, трех сортов четырехугольных лоскутков – три штуки. После того как занавес был повешен и все жертвоприношение было выполнено сообразно обычному утренним вэчку жертвоприношению, в качестве жертвенных предложений, на большом низком столе ставят: три курильницы благовоний, три чашечки сладкого вина, девять блюд-тарелок хлебцев из гороховой муки, девять блюд-тарелок хлебцев, (л. 2б) пряженных в масле, девять подносов печенья из битого пшеничного теста.

Внизу деревянного бруса лежанки-теплых нар (кана – *Т.П.*), в качестве жертвенного предложения, ставят вазу сладкого вина. В южной стороне западных нар (кана – *Т.П.*) ставят <л. 21> покрытый киноварью высокий, особый при молении о счастье стол, а на нем девять чашечек сладкого вина и далее, громоздя и приумножая, девятью рядами по девяти в каждом ставят на стол: две большие чаши-миски разварного карпа [судака], две чашки-миски пшеничной каши, две чашки замешанных на чечевице блинов, две чаши-миски пряженного в масле печенья – хлебцы на гороховой муке и хлебцы из битого пшеничного теста.

Позади высокого стола расстилают на западных нарах [лежанке] два коврика. Привязав к стреле моток выделанной и выбеленной пеньки, временно привешивают к стреле два шнура, свитых из разноцветных, сученых из крепких нитей, собранных поровну от каждого из девяти домов-семей; стрелу постанавливают в северной стороне вазы с вином, поставленной внизу западных нар-лежанок. В веревку, свитую из хлопчатобумажных крученых нитей желтого и зеленого цвета вшивают, полосу за полосой, различных цветов флаги шелковой ткани из некрученых ниток, не имеющих лоска; (л. 3б) подвязав ее основной край-конец к железному кольцу, ввинченному в западную боковую стену здания, другой конец, выведя из дверей, привязывают к ивовому дереву.

Женщины при возжжении благовоний расстилают красный с желтой расцветкой войлок, на котором кладут земные поклоны. Когда, воспользовавшись временем подготовиться, доложат до сведения государя, (л. 4а) в Кунь-нин-гун входят богдохан с императрицей и становятся в южной стороне. Придворный евнух, главный смотритель за приготовлением жертвенных мяс, придворные евнухи при жертвенных предложениях и приготовлениях жертвенных мяс, <л. 22> рассевшись рядами согласно порядку при утренних жертвоприношениях, играют на трех и четырехструнных инструментах и ударяют в кастаньеты.

Здесь шаман, приблизившись и взяв меч, трижды опускаясь коленами на меч, воспеваает молитвы; при каждом коленопреклонении на меч придворные евнухи поют хором. После молитвенного песнопения, когда заведующий возжжением благовоний преподносит шаману разноцветный шнур и стрелу с прикрепленным пучком выделанной и выбеленной пеньки, заведующий возжжением благовоний и женщины-служительницы при этом поднимают на руках поставленный в западной стороне высокий стол, (л. 4б) который употребляется при молении о счастье, и выносят из дверей храма. Когда поставят его с жертвенными предложениями перед ивовым деревом, выходит шаман; взяв в левую руку меч, а в правую руку – стрелу, приблизившись к столу, [он] останавливается.

Женщины при возжжении благовоний расстилают у порога, внутри подворотни ворот, красный с желтой расцветкой войлок. Богдохан, сняв головной убор-шапку, в середине, а императрица в восточной стороне подворотни преклоняют колена. После того, как шаман в правой стороне стола перед ивовым деревом – (л. 5а) размахивая стрелой и взмахивая выбеленной пенькой на ивовое дерево – выполнил начальное молитвенное песнопение, шаман, оборотясь к востоку, сгибает спину в поясном поклоне и, поднимая кверху стрелу, подносит богдохану выделанную и выбеленную пеньку. Богдохан три раза выдергивает из нее нитки и кладет за пазуху. Здесь придворные евнухи, ударяющие в кастаньеты, поют хором.

<л. 23> После того, как шаман, размахивая стрелой, второй раз выполнил молитвенное песнопение, он по прежнему преподносит выбеленную пеньку богдохану. Богдохан по прежнему, (л.

5б) выдернув из нее трижды нити, прячет за пазуху; придворные евнухи поют хором. А когда шаман выполнит, размахивая стрелой, в третий раз молитвенное песнопение, он преподносит императрице выбеленную пеньку; императрица также [три раза] выдергивает из нее нитки и прячет за пазуху; придворные евнухи поют хором. Богдохан и императрица, положив один земной поклон и встав, усаживаются на коврике, разостланном на западной лежанке-нарах и вином, которое было поставлено на столе, как жертвенное предложение, кропят, прыскают на ивовое дерево в знак приношения в жертву.

(л. 6а) Хлебцы, которые были предложены на столе в жертву, заживают всюду в развилины-развилки ветвей ивового дерева. [Придворные евнухи], подняв на руки высокий стол, у которого молятся о ниспослании счастья, вносят [его в храм] и ставят на первоначальном месте. После того как шаман, войдя и приблизившись к вэчеку, выполнит, размахивая стрелой, молитвенное песнопение, он преподносит выбеленную пеньку богдохану; богдохан, как и раньше, выдергивает троекратно нитки и прячет за пазуху. После выполнения шаманом во второй раз молитвенного песнопения с размахиванием стрелой, шаман, как обычно, (л. 6б) преподносит богдохану выбеленную пеньку и тот, как и прежде, трижды выдергивает нитки и прячет за пазуху.

После того, как шаман в третий раз, размахивая стрелой, выполнил молитвенное песнопение, он преподносит выбеленную пеньку императрице; она, сообразно с прежним, троекратно выдергивает из нее нитки и прячет за пазуху. <л. 24> Каждый раз, когда происходит выдергивание ниток, придворные евнухи, по обыкновению поют хором. Шаман, отдав заведующему возжжением благовоний меч, затем сняв привешенные к стреле два разноцветных шнура, отдает назад стрелу также (л. 7а) заведующему возжжением благовоний; последний водружает стрелу на первоначальное место. Богдохан и императрица встают, богдохан, сняв головной убор, подходит к вэчеку и, когда преклонит колена на обычном при жертвоприношении духам месте совершения обряда, то один шаман вешает ожерельем один разноцветный шнур на шею богдохана, а другой шаман вешает ожерельем второй разноцветный шнур (л. 7б) на шею императрицы.

После этого один шаман, преклонив колена в западной стороне, молится о ниспослании счастья; по окончании этого моления он кладет единожды земной поклон, а, поднявшись, складывает ладони вместе и подносит ко лбу. Богдохан и императрица, совместно выполнив один земной поклон, встают; после этого они усаживаются обычно на коврике, разостланном на западных нарах-лежанке. Шаман и заведующие возжжением благовоний, собрав на блюдо поровну от каждого принесенные в жертву милостивые жертвенные приношения-снеди, преподносят откусывать богдохану и императрице. После того, как они отведали яства, они встают и уходят к себе домой.

Оставшиеся милостивые жертвенные приношения нисколько не выносят из дверей. После того как, ставя кушанья на стол каждому отдельно, угостили, не оставляя остатков, люди при жертвенных приношениях и придворные евнухи дворца богдохана, помощники смотрителя за приготовлением жертвенных мяс, принимая рыбы кости, рыбу чешую, <л. 25> выносят и бросают [их] в чистую реку. Хлебцы, зажатые в развилинах ивового дерева не оставляют в остатке; (л. 8б) угощают ими всех.

При вечернем жертвоприношении духам с испрошением счастья сообразно с обыкновенным вечерним жертвоприношением, привесив к подставкам занавес, ставят вэчку.

На двух низких столах, помещенных на лежанке, ставят жертвенные предложения: пять курильниц благовоний, пять чашечек сладкого вина, девять блюд-тарелок с хлебцами, испеченными из гороховой муки, девять блюд-тарелок с хлебцами, жаренными в масле, и девять подносов с печеньем из битого пшеничного теста. Для сего шаман, надев женскую юбку, опоясавшись поясом с колокольцами, (л. 9а) берет одноручный бубен и шаманит с молитвенным песнопением подобно совершению обыкновенного вечернего жертвоприношения; придворные евнухи, по обыкновению, бьют в барабан и кастаньеты.

Когда шаман окончит шаманить, он снимает юбку, пояс с колокольцами, кладет поклоны и обращается к духам с молитвою о ниспослании счастья. Если богдохан и императрица лично выполняют обряд, то выполняют его сообразно с тем, как это делается при обыкновенном вечернем жертвоприношении. После выполнения ими земных поклонов принесенные в жертву мило-

стивые жертвенные приношения также нисколько не выносятся из дверей храма: угощают обедом, подавая на стол каждому в отдельности, весь люд при жертвенных приношениях, придворных евнухов дворца богдохана, доканчивая совершенно все, даже и подонки вина, (л. 9б) жидкую кашу-размазню. По окончании трапезы, убрав привязанную к ивовому дереву веревку с разноцветными флагами и <л. 2б> поместив ее обыкновенно в суму, подвешивают на западной боковой стене. Помощник смотрителя за приготовлением жертвенных мяс, служители и манджуры при приготовлении жертвенных мяс, взяв ивовое дерево, относят в шаманский храм предкам; там, вместе с жертвенными вехами от прежних дней и бумагой – сжигают. По прошествии трех дней как были надеты ожерельем (л. 10а) на богдохана и императрицу разноцветные шнуры – снимают их; императрица, лично доставляя их, вступает в Кунь-нин-гун и вручает шаману; когда шаман, приняв и положив в суму повесит ее, императрица единожды кладет земной поклон и возвращается домой.

1. Слова молитвенного песнопения шамана вне дверей [дворца Кунь-нин-гун] с размахиванием стрелой перед ивовым деревом при жертвоприношении – молении о счастье после водворения ивового дерева.

Фоли Фодо! Омоси Мама!

Духам умерших, вэчку такой-то малая личность, родившийся в году <...> за такого-то, малую личность [ради кого приносится жертва, чей год рождения возглашается], собрав поровну жертвенные приношения девяти домов-семейств – возношу в жертву! Водрузив Фоли Фодо, протянув веревку с разноцветными флагами, размахивая стрелой – молю о ниспослании счастья! (л. 11б) Показываю усердие! Милосердствуя такому-то, малой личности, родившемуся в год <...> [за кого приносится жертва, чей год рождения провозглашается], прошу ниспослать на виски его морщины счастья, во <л. 27> всем благополучия. На грудь его [сердце] прошу даровать множество счастья, во всем благополучия. Прошу грудюю навалить тысячу счастлих, во всем благополучия! Молю пополнить восемь счастлих! Прошу сделать привычными девять счастлих! Прошу обернуть его, окутать в счастье, во всем благополучие! Духи умерших, имея о нем попечение,

вэчеку, оказывая покровительство, расположившись вокруг его головы, обступив с боков у его плеч, ограждая спереди, поддерживая сзади – сочетайте его с радостями, благополучием и счастьем! Состарьте его сразу, зараз! Дайте жизнь двойне-близнецам! Заботясь о средствах жизни – обогатите! (л. 12а) Покровительствуя, содействуйте его возвышению [в чинах, должностях]! Листьям растений прикажите пустить ростки, корням растений – разрастаться! Съеденную пищу превратите в плоть и мускулы, а выпитую воду впитаите в мозг костей! Питайте вкусной, сладкой для рта пищей! Выращивайте красный цвет лица! Молю отпустить жизнь долгую; корень, основание [рода] глубокий; лет жизни как можно больше!

2. Слова молитвенного обращения о ниспослании счастья при жертвоприношении с молением о счастье перед утренним вэчеку
Сыны Неба! Фучихи! Фуса! Властелины! Наставники! Военачальники! Гувань-и бэйсэ! Фоли Фодо! Омоси Мама! Эньдури! Вэчеку!

(л. 12б) [Вам] такой-то, малая личность, родившийся в году <...> за такого-то, малую личность, родившегося в году [за кого приносится жертва и чей год провозглашается] возношу, собрав поровну, жертвенные приношения девяти домов-семейств! Водрузив Фоли Фодо, протянув веревку с разноцветными флагами, размахивая стрелой, молю о ниспослании <л. 28> счастья! Показываю усердие.

(далее следует тот же текст молитвы, что и предыдущий –1-, перевод которого дан выше).

3. (л. 13б) Слова молитвенного обращения о ниспослании счастья при жертвоприношении с молением о счастье перед вечерним вэчеку.

Сыны Неба! Нянси Эньдури! Аньчунь Аяра! Мури Муриха! Надань Дайхунь! Нархунь Хяньчу! Эньдури Сэнгу! Баймань чжангинь! Надань Вэйхури! Эньду Монголо! Катунь Наянь! Фоли Фодо! Омоси Мама!

[Вам] такой-то, малая личность, родившийся в году<...> за такого-то, малую личность, родившегося в году [за кого при-

носится жертва и чей год провозглашается], собрав жертвенные приношения девяти домов-семейств, делаю возношение!

(далее тот же текст, что и под цифрой –1-).

3. Слова молитвенного песнопения шамана вне дверей [дворца Кунь-нин-гун] с размахиванием перед ивовым деревом стрелой при жертвоприношении-молении о счастье за грудных детей-младенцев.

Фоли Фодо! Омоси Мама! Эньдури! Вэчку!

[Вам, духи,] за такого-то, малую личность[за кого приносится жертва и чей год провозглашается] собрав поровну, жертвенные приношения девяти домов-семейств! Водрузив Фоли Фодо, протянув веревку с разноцветными флагами, размахивая стрелой, молю о ниспослании счастья! Показываю усердие! Милосердствуя такому-то, малой личности, родившемуся в год <...> [за кого приносится жертва, чей год рождения провозглашается], прошу ниспослать на его виски <л. 29> морщины счастья во всем благополучия. На грудь его тьму счастья прошу даровать! Прошу грудюю навалить тысячу счастлих! Молю пополнить восемь счастлих во всем! Прошу сделать привычными девять счастлих во всем! Духи умерших, имея о нем попечение, Вэчку, оказывая покровительство, – расположившись вокруг его головы, обступив с боков у его плеч, ограждая спереди, поддерживая сзади – сочетайте его с радостями, благополучием и счастьем! Повелите возрастать ему пядями, плечами раздаваться вширь! (л. 17а) Листьям растений прикажите пустить ростки, корням растений – разрастаться! Съеденную пищу превратите в плоть и мускулы! Выпитую воду впитайте в мозг костей! Питайте вкусной сладкой для рта пищей! Выращивайте красный цвет лица! Молю отпустить ему жизнь долгую! Корень, основание [рода] глубокий! Лет жизни как можно больше!

Литература

- Ван Чжунхань 1990 – Ван Чжунхань. Гоюй цзишэ юй маньцзу фачжань (Государственный язык, стрельба из лука на скаку и развитие маньчжуров) // Цин ши синькао. Пекин, 1990. С. 59–70.
- Пан 2006 – Пан Т. А. Маньчжурские письменные памятники по истории и культуре империи Цин. СПб., 2006.

- Пан 2011 – Пан Т. А. Правила проведения шаманских церемоний при императорском дворе династии Цин // XXVI Международная конференция Источниковедение и историография стран Азии и Африки «Модернизация и традиции». 20–22 апреля 2011. Тезисы и доклады. СПб., 2011. С. 181.
- Пан 2011а – Пан Т. А. (предисловие и публикация): А. В. Гребенщиков. Устав шаманской службы маньчжуров // Труды Архива востоковедов ИВР РАН. Вып. 1. М., 2011. С. 117–133.
- Di Cozmo 1999 – Di Cozmo. Manchu shamanic ceremonies at the Qing court // State and court ritual in China. Ed. By J. P. McDermott. Cambridge, 1999. P. 352–398.
- Guo Shuyun 2001 – Living shamans: Shamanism in China. Ed. By Guo Shuyun and Wang Honggong. Liaoning, 2001.
- Harlez 1887 – Yarlez Ch., de. La religion nationale des Tartares Orientaux. Bruxelles, 1887.
- Langlès 1804 – Langlès L. Rituel des Tartars-Mandchou, rédigé par l'ordre de l'Empereur Kien-long, et precede d'un discours préliminaire compose par ce souverain; avec les dessins des principaux ustensiles et instruments du culte chamanique; ouvrage traduit par extraits du tartar-mantchou, et accompagné des texts en caractères originaux. Paris, 1804.
- Pang 2006 – The Worship of Fodo-mama – Progenitor of the Manchus // Kinship in the Altaic World. Proceedings of the 48th PIAC, Moscow 10–15 July, 2005. Ed. by E. V. Boikova and R. B. Rybakov. Wiesbaden, Harrassowitz, 2006. P. 231–236.

О ДЕЙКСИСЕ КАК ИСТОЧНИКЕ КАТЕГОРИИ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ

Категория артикля вплоть до настоящего времени задает немало не только не решенных, но подчас и не поставленных вопросов. Предлагаемая статья посвящена одной из проблем, связанных с генезисом определенного артикля в романских, германских и славянских языках, до сих пор не привлекавшей внимания исследователей. Прежде всего, следует рассмотреть накопленный в научной литературе неопровержимый фактический материал, дающий основание для постановки нового вопроса и для предложения ответа на таковой.

Все исследователи, занимавшиеся генезисом определенного артикля в разных языках, указывают, что его происхождение от дейктических местоимений общеизвестно (например, Стеблин-Каменский 1953: 190; Десницкая 1968: 26; Майтинская 1974: 101; Москальская 1977: 11–63; Guild 1970: 162–172; Kurilowicz 1972: 174–183 и многие другие).

Обратимся прежде всего к романским языкам, материал которых и привел прежде всего автора данной статьи к ее написанию. Хорошо известно, что в латинском языке существовала отчетливо выделявшаяся триада местоимений: *hic, haec, hoc* указывали на лицо / предмет, находящиеся в пространстве говорящего; *iste, ista, istud* указывали на лицо / предмет, находящиеся в пространстве адресата, а *ille, illa, illud* – на лицо / предмет, находящиеся за пределами речевой ситуации. И. М. Тронский (2001: 204) отмечает, что происхождение основы местоимений *ille, illa, illud* неясно. Древнейшие индоевропейский указательные основы *so и *to, противопоставлявшие ближний предмет / лицо (*so) дальнему (*to), в латинском языке представлены только изолированными реликтными элементами.

Хорошо известно, что для выражения определенности имени существительного во всех романских языках, за исключением

юга Сицилии, Сардинии и Липарских островов (Бурсье 1952: 208), языковой системой было «выбрано» указательное местоимение *ille*. Вплоть до последнего времени вопрос о причинах «торжества» *ille* над *hic* и *iste* не привлекал внимания лингвистов.

Впервые вопрос о том, по какой причине местоимение *ille* оказалось предком всех романских определенных артиклей, был поставлен Р. Г. Пиотровским (1956: 5–28; 2007: 3–49 и *passim*). Исследователь собрал огромный фактический материал, иллюстрирующий употребления латинских указательных местоимений в разных жанрах и во все периоды истории латинского языка (т. е. в архаический, классический и в поздней латыни), обстоятельно описал имевшие место на огромной территории Романии этнические контакты. Вместе с тем главная проблема, поставленная Р. Г. Пиотровским в начале работы, т. е. вопрос о причинах «предпочтения», оказанном дейктическому *ille* как предку романских определенных артиклей, не получил ответа. Р. Г. Пиотровский полагает, что объяснением могут быть иноязычные влияния, связанные с этническими смешениями. Однако конкретных уточнений за этим не последовало, и, таким образом, вопрос остался открытым.

Представляется целесообразным рассмотреть на материале других языков вопрос об отношении грамматической семантики «определенности» к семантической пространственной оппозиции *близости / удаленности* указательных местоимений, выступающих в качестве «донора» для определенного артикля. Совершенно естественно обратить внимание на вопрос о том, который из дейксисов (т. е. ближний или дальний) более предрасположен к развитию артиклевой функции определенной детерминации и по какой причине.

Чрезвычайно показательны факты, почерпнутые из научной литературы, посвященной древнейшим периодам истории индоевропейских языков.

Ф. И. Буслаев (1959: 117) обращает внимание на то, что в древнерусском языке указание на ближайшие предметы и лица обозначались звуком *с*, в то время как указания на дальние предметы обозначались звуком *т*. Остатки подобных дейктических противопоставлений можно констатировать в современных оборотах *туда и сюда; там и сям; то и сё; так и сяк; сей,*

сии/тот, те. Что касается современной оппозиции *этом/тот*, она, вероятно, связана с произошедшим присоединением древнерусской указательной частицы э (Фасмер 1973: 513) к указательному местоимению *тот*. Показательной представляется возможность в древнерусском языке употребления основ на *-то* в протоартиклевом значении определенности. Об этом свидетельствуют региональные исчезающие, как пишет Буслаев, артиклевые формы в русском языке *старик-то, жена-та, дитя-то* и т. д.

А. М. Рот (1959: 86–89) отмечает, что определенный артикль в болгарском и в македонском языках восходит к древней индоевропейской указательной основе **to, *ta, *te*, т. е. к дейксису наибольшей удаленности. О происхождении болгарского определенного артикля от основ на *t-* пишет также Н. В. Котова (1977: 234–235).

Представляются показательными также артиклевые употребления дейктических местоимений в польском и чешском языках, восходящие все к той же основе на *t-* (Головачева 1979: 175–203). В македонском языке постпозитивный определенный артикль от основы на *-t* (Усикова 1990: 179) восходит, вероятно, к элементу *t*, служившему для выражения дальнего дейксиса.

В английском и немецком языках определенный артикль происходит также от индоевропейской основы на *t-* (Skeat 1958: 630; Kluge 1973: 127). Х. М. Хайнрикс указывает, что во всех германских языках формы, восходящие к основе на *s-*, были со временем вытеснены формами, происходившими от основ на *t-*, что отразилось в формах определенных артиклей (Heinrichs 1954: 19).

О связи греческого определенного артикля с дейксисом наибольшей степени удаленности писал В. Хаверс (Havers 1906: 1–98), а также Х. Курзова (Kurzova 1969: 198–205).

Интересную особенность дейктических основ в армянском языке отмечает Вяч. Вс. Иванов (1974: 11–63). Он обращает внимание на своеобразное сплетение индоевропейского и ностратического элементов в истории дейксиса. Дело в том, что в системе дейктических элементов основы на *n-*, ностратического происхождения, стали выражать большую степень удаленности, чем основы, восходящие к индоевропейскому элементу на *t-*. Представляется в высшей степени показательным то, что, как отмечает

автор, дейксис с основой на *n*- стал функционировать в армянском языке в качестве определенного артикля (там же : 23–24).

Как видно, почерпнутые сведения о генезисе определенного артикля в романских, германских, славянских языках, а также в греческом и армянском представляет собой довольно значительный фактический материал, позволяющий заключить, что происхождение определенного артикля от дейктического элемента наибольшей степени удаленности можно, по-видимому, отнести к диахроническим фреквенталиям.

Естественно попытаться объяснить указанную отчетливую тенденцию в многочисленных языках к превращению именно дальнего дейксиса в определенный артикль.

В настоящее время в теоретической грамматике признано, что выбор артикля (т. е. определённого или неопределённого), производимый говорящим, обусловлен его ориентацией на информированность, т. е. на пресуппозицию адресата речи (Кацнельсон 1972: 36–39; Реферовский 1973: 81; Москальская 1977: 263; Гладров 1992: 232–261; Guillaume 1919: 170, 224; Galmiche 1989: 22–25 и многие другие). Можно привести немало примеров, свидетельствующих об ориентации говорящего при выборе артикля на пресуппозицию адресата. Так, в предложении *Hier j'ai rencontré un vieil ami* (Вчера я встретил старого друга) неопределённый артикль употреблен в связи с отсутствием индивидуализированного представления о соответствующем лице у собеседника, в то время как для говорящего представление о старом друге, естественно, индивидуализировано. В предложении *Tu te rappelles le voyage?* (Ты помнишь путешествие?) говорящий не указывает ни на время, ни на место, ни на участников путешествия, полагая, что в памяти адресата это событие включено в сферу стабильных пресуппозиций.

Рассмотрим убедительный и забавный пример выбора говорящим артикля в зависимости от той пресуппозиции, которую он совершенно естественно приписывает адресату речи. Так если кто-то потерял своего кота и пошел искать его на улице, он спросит у прохожего *Vouz n'avez pas vu un chat?*, употребив неопределённый артикль. Обращаясь же к члену семьи, он задаст вопрос *Tu n'as pas vu le chat?*, используя при этом определённый артикль как показатель наличия качественного индивидуализированного

представления у адресата речи. Имеет место опора говорящего на пресуппозитивный фонд, приписываемый адресату речи (Galmiche 1989: 22–25).

Есть все основания допустить сначала приобретение дейктическим элементом временной ориентации на основе пространственной, а затем специализацию изначального конкретного указания на ретроспективный (по отношению к моменту речи) фонд знаний собеседника, т. е. на наличествующую у него пресуппозицию. Естественно, что самый эффективный результат может быть достигнут при дальнем дейксисе, который сразу мобилизует максимально возможный объем памяти адресата.

Преобразование указательного местоимения наибольшей степени удаленности от центра речевой ситуации в определенный артикль вряд ли можно рассматривать как «ослабление» его значения, что постулирует Э. Прокош (1954: 290). Приобретение грамматическим элементом значительно более абстрактной функции, нежели изначальная, свидетельствует только о расширении содержательных возможностей языковой системы, тем более, что первоначальная функция дейксиса не исчезает из языка, а передается другой единице.

«Выбор» именно наиболее дальней сферы дейксиса для активизации пресуппозиций собеседника можно рассматривать как одно из проявлений подсознательной целесообразности языкового изменения.

Литература

- Galmiche 1989 – Galmiche M. A propos de la définitude // *Langages*, 94. P. 7–37.
- Guild 1970 – Guild D. The development of the concept of definition in Baltic and Slave // *Donum Balticum to prof. Ch. S. Stang*. Stockholm, 1970. P. 162–172.
- Guillaume 1919 – Guillaume G. Le probleme de l'article et sa solution dans la langue française. Paris, 1919.
- Havers 1906 – Havers W. Das Pronomen der Jener-deixis im Griechischen // *Indogermanische Forschungen*, Bd. 19, 1906. P. 1–98.
- Heinrichs 1954 – Heinrichs H. M. Studien zum bestimmten Artikel in den germanischen Sprachen (= Beiträge zur deutschen Philologie. I). Giessen, 1954.
- Kluge 1975 – Kluge Fr. *Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache*. Berlin, New York, 1975.

- Kurilowicz 1972 – Kurilowicz J. The role of deictic elements in Linguistic Evolution // *Semiotica* 1972, № 2. P. 174–183.
- Kurzova 1969 – Kurzova H. Zum Charakter des griechischen Artikels // *Listy filologicke*, t. 92, № 3, 1969. P. 198–205.
- Skeat 1958 – Skeat W. An etymological dictionary of the English language. New York, Oxford, 1958.
- Бурсье 1952 – Бурсье Э. Основы романского языкознания. М., 1952.
- Буслаев 1959 – Буслаев Ф. И. Историческая грамматика русского языка. М., 1959.
- Гладров 1992 – Гладров В. Семантика и выражение определенности / неопределенности // *Теория функциональной грамматики. Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность / неопределенность*. СПб., 1992. С. 232–266.
- Головачева 1979 – Головачева А. В. Идентификация и индивидуализация в анафорических структурах // *Категории определенности-неопределенности в славянских и балканских языках*. М., 1979. С. 175–203.
- Десницкая 1968 – Десницкая А. В. Албанский язык и его диалекты. Л., 1968.
- Иванов 1979 – Иванов Вяч. Вс. Сравнительно-исторический анализ категории определенности – неопределенности в славянских, балтийских и древнебалканских языках в свете индоевропеистики и ностратики // *Категория определенности-неопределенности в славянских и балканских языках*. М., 1979. С. 11–63.
- Казанский 1997 – Казанский Н. Н. На подступах к теоретической грамматике древнегреческого и латинского языков // *Классические языки и индоевропейское языкознание*. СПб. 1997.
- Майтинская 1974 – Майтинская К. Е. Местоимения и универсалии // *Универсалии и типологические исследования*. Мещаниновские чтения. М., 1974. С. 92–103.
- Москальская 1977 – Москальская О. И. Становление категории определенности/неопределенности. Статья // *Историко-типологическая морфология германских языков. Фонеморфология. Парадигматика. Категория имени*, М., 1977. С. 238–286.
- Пиотровский 1956 – Пиотровский Р. Г. О формировании определенного артикля в романских языках. Автореферат докт. дисс. Л., 1956.
- Пиотровский 2007 – Пиотровский Р. Г. Формирование артикля в романских языках: выбор формы. М., 2007.
- Прокош 1954 – Прокош Э. Сравнительная грамматика германских языков (русский перевод). М., 1954.
- Реферовская, Васильева 1973 – Реферовская Е. А., Васильева А. К. Теоретическая грамматика французского языка (на франц. языке). Ч. I. Л., 1973.
- Рот 1959 – Рот А. М. Формирование и развитие артикля в индоевропейских языках // *Donobigi ta повідомлення*. Серія філологічна, 1959, № 4. С. 86–89.
- Стеблин-Каменский 1953 – Стеблин-Каменский М. И. История скандинавских языков. М.; Л., 1953.

Тронский 2001 – Тронский И. М. Историческая грамматика латинского языка. Общевропейское языковое состояние. Вопросы реконструкции. М., 2001.

Фасмер 1973 – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 4. М., 1973.

Н. Д. Светозарова

**СКОЛЬКО ЗНАЧЕНИЙ ИМЕЕТ ПРОСТОЕ НЕРАСПРОСТРАНЕННОЕ
ПРЕДЛОЖЕНИЕ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ.
К 75-ЛЕТИЮ ДОКЛАДА ЩЕРБЫ**

В истории отечественной лингвистики есть случай, который в миниатюре повторяет всем известную историю с «Курсом» Сосюра. Это доклад Льва Владимировича Щербы «Восемь значений простого нераспространенного предложения «Директор пришел»», прочитанный им в 1935 году на одном из заседаний Лингвистического общества¹, бессменным председателем которого Щерба был, начиная с 20-х годов. Доклад не был опубликован, но его законспектировал один из учеников Щербы, А. А. Драгунов², содержание доклада хорошо запомнил другой ученик Щербы – Л. Р. Зиндер, и именно он посоветовал, уже в конце 1950-х гг., своей коллеге М. А. Виллер³, специалисту по французской фоне-

¹ *Лингвистическое общество* при Петроградском университете было организовано Л. В. Щербой в 1920 г. как продолжение лингвистического отделения Неофилологического общества. По словам Д. Л. Щербы, «расцвет этого нового лингвистического общества падает на двадцатый, двадцать первый и двадцать второй годы, период, когда еще не успели полностью развернуть свою деятельность исследовательские институты. Лев Владимирович является бессменным председателем общества, его идейным руководителем» (Щерба 1951: 13).

² Драгунов Александр Александрович [21.2(6.3).1900, Петербург – 21.2.1955, Ленинград], советский языковед, китайст и тибетолог. Занимался разработкой теоретических проблем китайской грамматики (в том числе проблемы частей речи). В результате использования не китайских источников Д. восстановил фонетическую структуру китайского языка 12–14 вв. Изучал китайские диалекты, открыл и описал группу диалектов Центрального Китая. Автор работ по дунганскому языку (БСЭ).

³ Виллер Мария Абрамовна (1921–1997) – филолог, фонетист, преподаватель фонетики французского языка, ученица М. И. Матусевич. В 1946–1949 гг. работала старшим лаборантом на кафедре фонетики и методики преподавания иностранных языков Ленинградского университета. Позднее преподавала в Педагогическом институте им. А. И. Гер-

тике и интонации, заняться этим докладом подробнее. Результатом этой работы стала статья М. А. Виллер «Об интонации простого нераспространенного предложения в русском языке», опубликованная в 1960 г. в одном из выпусков «Ученых записок Ленинградского университета» (Виллер 1960).

Щерба вообще написал сравнительно немного. Многие его идеи, принципиальные, но почти мимоходом упомянутые, чуть ли не «зашифрованные», были подхвачены и развиты учениками и последователями. Даже его знаменитую Глокую куздру мы знаем только благодаря его ученикам Ираклию Андроникову и Льву Успенскому. Задуманную им книгу по синтаксису русского языка Щерба написать не успел. Его замечательные мысли о фразовой интонации не собраны воедино⁴. Поэтому особенно ценны мысли по синтаксису и интонации, содержащиеся в его опубликованных и неопубликованных работах.

О докладе Щербы первым упомянул его сын, филолог Дмитрий Львович Щерба⁵, автор одной из лучших статей о жизни и творчестве Л. В. Щербы, опубликованной всего через несколько лет после смерти Л. В. Щербы в известном сборнике, посвященном его памяти (Щерба 1951: 7–30):

«К 1936⁶ г. относятся два публичных выступления Льва Владимировича на синтаксические темы. Он всегда занимался вопросами синтаксиса, преимущественно на русском материале. Еще в 1921 г. Л. В. читает оригинальный курс синтаксиса русского

цена. Один из авторов учебника по фонетике французского языка (Виллер и др. 1977). Вместе с М. В. Гординой М. А. Виллер работала над созданием учебного фильма «Артикуляция звуков французского языка».

⁴ Подробнее см. в Главе I «Развитие фонологических идей Л. В. Щербы. 5. Вопросы теории интонации» в книге «Проблемы и методы экспериментально-фонетического анализа речи» (Проблемы 1980).

⁵ Щерба Дмитрий Львович (13.04.1906, Петербург – 13.11.1948, Ленинград), филолог-романист. Доцент кафедры романо-германской филологии Ленинградского университета. В 1944–1948 гг. и. о. заведующего кафедрой. Кандидат филологических наук (диссертация на тему «К истории провинциального романтизма во Франции: Провинциальные элементы в творчестве А. Бертраана»). В последние годы жизни совместно с М. И. Матусевич готовил переиздание «Русско-французского словаря», составленного Л. В. Щербой. Подготовил полную библиографию трудов Л. В. Щербы и обзор его жизни и деятельности.

⁶ М. А. Виллер называет 1935 год.

языка в Институте живого слова. Его учение о синтагме, об одночленном и двучленном типе фразы, о грамматическом значении интонации отражено в различных статьях и докладах» (Щерба 1951: 16–17). В примечаниях 8 и 9, относящихся к этому отрывку, Д. Л. Щерба сообщает: «В архиве Льва Владимировича сохранен подробный, но не датированный конспект курса синтаксиса, содержащий 21 лекцию» (сноска 8). «В бумагах Льва Владимировича сохранились, между прочим, тезисы доклада «Восемь значений простого нераспространенного предложения в русском языке Директор пришел» (сноска 9).

Насколько мне известно, конспект упомянутого курса еще не стал предметом специального исследования, а вот докладу – повезло больше, его не забыли⁷.

Доклад был прочитан в 1935 г. Свою теорию одночленных и двучленных фраз Щерба наиболее подробно изложил в 1937 г. в «Фонетике французского языка», в главе десятой, названной им «Синтаксическая фонетика, или мелодическая структура французского языка», где описание французской интонации (мелодики) он предваряет сетованиями на слабую исследованность русской мелодики и где в небольшом параграфе (Б. Фраза) пишет:

§ 188. «Как и в русском, речь распадается во французском языке на более или менее законченные по смыслу целые, которые могут, со своей стороны, группироваться в некоторые целые высшего порядка, и которые мы будем называть ф р а з а м и» <...>

§ 189. «И по-русски, и по-французски эти фразы могут быть одночленными и двучленными, независимо от числа более мелких членений в каждой из них».

После этого, в том же параграфе, Щерба дает примеры одночленных и двучленных фраз в русском языке и формулирует различие между ними: «Внимательный анализ этих двух рядов фраз убедит, конечно, каждого, что во втором из них часть,

⁷ Другой синтаксический курс Щербы, который он читал в 1924/25 учебном году в Российском институте истории искусств, был восстановлен по конспектам и частично опубликован в 1956 г. С. Г. Бархударовым (см. Бархударов 1956)

стоящая после тире, всегда является некоторым высказыванием по поводу того, что выражено в части, стоящей перед тире, и ей противопоставляется. В первом же ряде фраз такого противопоставления нигде нет: все они представляют собой просто некоторое констатирование действительности, иногда, может быть, и очень сложной».

В § 190 логическая связь «между двумя констатированиями» конкретизируется как «связь логического субъекта и предиката». В следующем параграфе приводятся примеры одночленных и двучленных фраз во французском, и далее, в §§ 192–208, дается описание интонации одночленных и двучленных фраз только французского языка, что естественно для этого учебника.

Об интонировании русских фраз двух типов Щерба не говорит ничего. Поэтому такую большую ценность представляют записи Драгунова. Он был фонетистом, участником фонетических семинаров кафедры фонетики. Его Щерба называет среди тех, кто «вышел» из Лаборатории экспериментальной фонетики, в одном ряду с такими известными фонетистами как А. П. Абеле, С. И. Бернштейн, С. К. Боянус, О. Н. Никонова, Л. Р. Зиндер, М. И. Матусевич, В. К. Орфинская, О. И. Поддячая, И. П. Сунцова и др.⁸

Из статьи М. А. Виллер трудно сделать вывод о том, что именно содержалось в конспекте Драгунова, однако нет оснований сомневаться в том, что «по сохранившимся в рукописи очень кратким тезисам, написанным самим Л. В. Щербой, на основании конспективной записи доклада, сделанной в свое время проф. А. А. Драгуновым, и по рассказам присутствовавших удалось восстановить основные соображения, высказанные Львом Владимировичем» (Виллер 1960: 26). А поскольку тезисы Щербы действительно очень кратки, то основная часть наблюдений над интонированием была, видимо, записана внимательным слушателем. Однако наблюдения эти явно недостаточны. М. В. Виллер пишет: «После того, как было восстановлено содержание доклада

⁸ См. Л. В. Щерба. Кафедра общего языкознания и кафедра фонетики и методики преподавания иностранных языков // Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета. Материалы к истории факультета. 3-е изд, испр. и дополн., СПб., 2002. С. 146.

Л. В. Щербы, становится очевидным, что он только в самых общих чертах, да и то не для всех случаев, указал на интонационные средства, служащие для реализации указанных восьми значений простого нераспространенного предложения «Директор пришел» (там же: 29).

Это побудило М. А. Виллер провести экспериментально-фонетическое исследование восьми фраз Щербы. Оно было проведено в 2 этапа. Сначала Л. Р. Зиндер, присутствовавший в свое время на докладе, многократно воспроизвел интонацию каждой из фраз и записал свое чтение на грампластинку. Затем 2 информанта-диктора (мужчина и женщина) постарались повторить эти интонации для получения записи на кимографе⁹. Проведенное по методике середины прошлого века исследование, подробно описанное в статье М. А. Виллер, позволило получить очень интересные (как в целом, так и в деталях) и не потерявшие своей ценности данные о мелодическом рисунке и временной организации исследованного материала. Безусловно, некоторые моменты требуют уточнения, и было бы интересно повторить эксперимент с большим количеством информантов. Но для этого важно понять, каковы те 8 значений, которые нашел у простого нераспространенного предложения Щерба и как они соотносятся с его теорией одночленности-двучленности и с современными представлениями об актуальном членении высказывания и интонации как одним из средств его выражения.

Щербу редко называют среди предшественников и основоположников теории актуального членения предложения¹⁰, основы которой были сформулированы В. Матезиусом уже после смерти русского ученого. Однако оперирование терминами «логический субъект» и «логический предикат» (в отличие от грамматических подлежащего и сказуемого), учет роли порядка слов и интонации (логического ударения) при их определении и идея двучленности как результата контраста между этими частями высказывания несомненно ставят Щербу в один ряд с представителями психо-

⁹ О методике кимографического анализа см. в первом издании «Общей фонетики» Л. Р. Зиндера (Зиндер 1960: 22–24).

¹⁰ И. И. Ковтунова упоминает в своей известной книге о порядке слов и актуальном членении в русском языке статью М. А. Виллер и доклад, однако никакого анализа взглядов Щербы не дает.

логического направления в русском языкознании (Ф. Ф. Фортунатов, А. А. Шахматов) и теми, кого по праву считают основоположниками теории, так четко и образно очерченной Матезиусом (Г. фон дер Габеленц, Г. Пауль, А. Вайль) и занявшей благодаря трудам его последователей центральное место в современном языкознании.

Свой анализ значений предложения *Директор пришел* Щерба строит на двух приемах: указании на возможный контекст и переводе фраз на французский и немецкий язык (оба языка имеют грамматическую категорию артикля). Рассмотрим кратко описание восьми значений, которые в изложении Щербы-Драгунова-Виллер названы типами. Поскольку в конспекте могли быть неточности или пропуски, там, где это возможно проводилось сравнение с опубликованными материалами.

Тип I. *Директор – пришёл*. Двучленная фраза с прямым порядком слов, *директор* – логический субъект, *пришел* – логический предикат, т.е. о директоре говорится, что он пришел. Перевод: *Le directeur est venu. Der Direktor – ist gekommen.*

Комментарий: Здесь и в типе II в качестве показателя двучленности Щерба использует тире. Этот же знак находим в «Фонетике французского языка».

Тип II. *Пришел – директор*. Также двучленная фраза, только с обратным порядком слов. Такая инверсия подлежащего приводит к новому значению предложения. *Пришел* – логический субъект, *директор* – предикат. В этом случае говорится о пришедшем, что он директор и подчеркивается значительность того, что приехавший человек не учитель, не инспектор, а директор. Перевод: *Celui qui est venu est le directeur. Der Angekommene ist der Direktor.*

Комментарий: Характерно отличие от типа I в переводе и на немецкий, и на французский язык.

Тип III. *Пришел директор* – одночленная фраза, отражение кусочка действительности в его целостности. Приход директора воспринимается как нерасчлененный факт. Нет ни субъекта, ни предиката в логическом смысле. Примерный контекст: *Стали собираться учителя, приехал директор, школа ожила*. Перевод: *Le directeur est venu. Es kam der Direktor.*

Комментарий: Перевод на французский тот же, что в типе I.

Тип IV. *Директор пришёл*. Как и тип III – нерасчлененное целое без логических выделений слов, логические субъект и предикат отсутствуют. Прямой порядок слов придает этому предложению особый повествовательный тон, что делает его менее выразительным, чем тип III. Пример контекста: *Директор пришел, все вышли из комнаты и начали оживленно беседовать*. Перевод: Le directeur est venu. Der Direktor ist gekommen

Комментарий: Перевод на французский тот же, что в типе I. В немецком отличие только в тире.

Тип V. *Директор при"шёл*. (*При"шёл директор*) – одночленное предложение, в котором сказуемое наделяется логическим ударением. Порядок слов не играет роли, а слово *директор* является «мало нужным». Поясняющими примерами могут служить: *Не волнуйтесь, директор при"шел; Чёрт возьми, при"шёл директор*. Во французском языке есть иная возможность для выделения сказуемого в одночленном предложении: Il est venu, le directeur. В немецком, как и в русском, возможно только логическое ударение: Der Direktor ist ge"kommen.

Комментарий: Здесь и далее в статье М. А. Виллер для отражения логического ударения используется фонетический знак двойного ударения. В опубликованных работах Щерба им не пользовался. Интересно замечание о том, что при логическом ударении порядок слов может не иметь значения.

Тип VI. *Ди"ректор пришёл*. Отличается от IV тем, что в нем к концу имеет место понижение тона, а не его повышение. Перевод: Il y a le directeur qui est venu. Der Direktor ist gekommen.

Комментарий: Замечание о понижении тона к концу не совсем понятно, видимо, имеется в виду понижение тона на слове «директор», потому что в конце фразы понижение есть и в типе IV, как и в других изолированно произнесенных повествовательных предложениях. Возможно, имеет место неточность в контексте.

Тип VII. *Ди"ректор пришёл*. У с и л е н н о е логическое выделение подлежащего, отличие от VI незначительное. Значение:

Это директор пришёл, *Сам директор пришёл*. Фр. C'est le directeur qui est venu. Es ist der Direktor gekommen.

Комментарий: Специальный знак для усиленного логического ударения не используется, запись совпадает с типом VII. Следует заметить, что описания типов V–VII не так полны и убедительны, как остальные, что возможно связано с пробелами в конспекте

Тип VIII. *Директор (пришёл)!* Этот тип может встречаться вне всякого контекста. В восклицательном предложении, каковым является тип VII, сказуемое может быть совсем опущено. Перевод: Le directeur! Der Direktor!

Комментарий: Это единственный случай, где Щерба специально отмечает отсутствие зависимости от контекста. Можно предположить, что и те типы, в которых примеры контекста не даны, а это двучленные типы I и II, Щерба мыслил как включенные в контекст, т. е. вполне в духе теории актуального членения.

Как видно из этого краткого изложения, Щерба не только различал двучленные и одночленные (нерасчлененные) фразы, но и допускал фразы вообще без логического субъекта и предиката. Он относил к одночленным не только тип III (отражение кусочка действительности в его целостности) и близкий к нему тип IV (нерасчлененное целое без логических выделений слов), но и те оставшиеся четыре типа, в которых имеется особое выделение одного из слов (логическое или даже усиленное логическое ударение). Современная теория актуального членения (в разных ее версиях) разделяет эти высказывания: тип III и тип IV близки к тому, что называют моноремой, тогда как в типах V–VIII основные части актуального членения (тема и рема) выделяются, хотя актуальное членение осложнено в них наложением эмфазы. При этом наличие особого выделения одной из частей (ремы) делает вторую (тему) менее важной, предсказуемой, что Щерба и показал на последнем из своих примеров, заметив, что сказуемое здесь может быть опущено, и отразив это в переводе. Таким образом, для Щербы двучленными являются только первые два типа, с явным, подчеркнутым членением на логический субъект и логический предикат (совпадающие, соответственно, с темой и ремой), скорее всего еще и с фонетическим членением на две синтагмы.

Я вижу в этом предвосхищение позиции тех авторов (к ним я отношу и себя), которые считают, что актуальное членение может быть выражено в речи в разной степени. Оно бывает явным, подчеркнутым (это в утрированном виде передает конструкция *Что до директора, так он пришел*), менее явным, и, наконец, может вовсе отсутствовать. Интонация фразы при этом варьирует от предельно расчлененной, с двумя явными центрами, с членением на две синтагмы даже при наличии всего двух слов (щербовская двучленность), до предельно централизованной, с экстра-сильным ударением на одном слове и крайне слабым на другом (при эмфатическом или контрастном ударении). Между этими крайностями находится целый ряд иных акцентных структур, отражающих, в частности, различную степень данности и новизны как темы, так и ремы, в том числе и неподчеркнутое, обычное членение на тему и рему. Тип, который, строго говоря, у Щербы отсутствует.

Экспериментальный материал, полученный М. А. Виллер, в целом подтверждает разнообразие интонационных рисунков двусловной фразы, которое, тем не менее, можно свести к трем или четырем видам (своего рода моделям): двучленной интонации (I и II типы Щербы); одночленной интонации без логического выделения (III и IV типы Щербы); одночленной интонации с логическим выделением одного из слов (V и VI типы Щербы). М. А. Виллер выделяет еще и четвертый тип, называя его интонацией объявления (VII и VIII типы Щербы), однако правильнее было бы говорить здесь о сверхсильном (эмфатическом) выделении. Именно оно способно создать то дополнительное значение (своего рода приращение смысла), которое Щерба передает как *Сам директор пришёл* (тип VII).

Осталось ответить на вопрос, вынесенный в заглавие данной статьи: Сколько же всего значений имеет простое нераспространенное предложение в русском языке? Все ли учел Щерба в своем докладе? Наличие в русском языке двух основных способов выражения темы и ремы – порядок слов и фразовое ударение (оставляя в стороне третий способ – использование тематических и рематических частиц и оборотов), а также сочетание их со значениями контраста и эмфазы, приводит к тому, что даже из простейшей структуры из двух главных членов предложения (под-

лежащего и сказуемого) можно создать целую серию высказываний. Щерба показал, что их восемь, только для повествовательного предложения (строго говоря, восьмое у него – восклицательное), из них 2 двучленных, остальные одночленные. Если добавить вопросительное предложение, то число возможностей резко увеличится, поскольку в разговорной речи и вопрос может быть расчлененным и нерасчлененным, а также способен присоединять контраст и эмфазу. Например, Директор\ – пришёл/? (Что директор-то – пришёл?) в отличие от простых вопросов Директор пришёл/? и Директор/ пришёл? а также вопросов с эмфазой:

Ди"ректор / пришёл? (Сам директор пришел?), Директор при"шёл/? (Неужели пришел?) и т.д.

И последнее. Среди разнообразия структур и передаваемых ими значений есть более и менее простые, частотные, маркированные, в разной степени зависящие от контекста. Причина в том, что и разные позиции в предложении (начало и конец), и разные части речи (признаковые и непризнаковые слова) в различной степени пригодны для роли логического субъекта и логического предиката (темы и ремы). Щерба не случайно поставил на первое место структуру *Директор пришел* как самую естественную и больше всего подходящую для того, чтобы просто сообщить о приходе директора.

Литература

- Бархударов 1956 – Бархударов С. Г. Л. В. Щерба о русском синтаксисе // Академику Виктору Владимировичу Виноградову к его шестидесятилетию. Сборник статей. М.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 60–70.
- Виллер 1960 – Виллер М. А. Об интонации простого нераспространенного предложения в русском языке // Вопросы фонетики. Учен. зап. Ленингр. ун-та, 1960, № 237. Сер. филол. наук, вып. 40. С. 26–38
- Виллер 1981 – Виллер М. А. «Фонетика французского языка» Л. В. Щербы в оценке зарубежных лингвистов // Теория языка, методы его исследования и преподавания. Л., 1981. С. 62–67.
- Виллери др. 1977 – Виллер М. А., Гордина М. В., Белякова Г. А. Фонетика французского языка. Л.: Просвещение, 1977.
- Виноградов 1975 – Виноградов В. В. Понятие синтагмы в синтаксисе русского языка: краткий обзор теорий и задачи синтагматического изучения русского языка // Избранные труды: исследования по русской грамматике. М.: Наука, 1975. С. 88–154.
- Зиндер 1960 – Зиндер Л. Р. Общая фонетика. Л., 1960.

- Зиндер, Маслов 1982 – Зиндер Л. Р., Маслов Ю. С. Л. В. Щерба лингвист-теоретик и педагог. Л.: Наука, 1982.
- Ковтунова 1967 – Ковтунова И. И. Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения. М., 1976.
- Матезиус 1967 – Матезиус В. О так называемом актуальном членении предложения // Пражский лингвистический кружок. М., 1967. С. 240–245 (перевод с чешского).
- Проблемы и методы экспериментально-фонетического анализа речи. Л.: Изд. Ленингр. университета, 1980. (Гл.1. Развитие фонологических идей Л. В. Щербы, 5. Вопросы теории интонации)
- Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета. Материалы к истории факультета. 3-е изд, испр. и дополн., СПб., 2002.
- Щерба 1951 – Щерба Д. Л. Лев Владимирович Щерба (1880–1944) // Памяти академика Льва Владимировича Щербы. Л., 1951. С.7–30
- Щерба 1937 – Щерба Л. В. Фонетика французского языка. Л.; М., 1937. Изд. 2-е, исправл. и расшир., Л., 1939.
- Щерба 1957 – Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. М., 1957.

МЕТАФОРА ЯЗЫКА-ОРГАНИЗМА В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

По мнению Эдварда Сепира (1993: 263), языкознание принадлежит к числу самых сложных и одновременно самых фундаментальных наук. Это обуславливает его связи с широким кругом других дисциплин. В разные периоды своего развития языкознание сближалось в историей, психологией, эстетикой, логикой и т. д. За исключением, пожалуй, лишь структуралистов, сознательно стремившихся оградить лингвистику от посторонних влияний и исследовать язык «в самом себе и для себя» (Соссюр 1999: 232), ученые всегда осознавали, что изучение такого сложного объекта, каким является естественный язык, неизбежно выходит за рамки их дисциплины и требует привлечения сведений из других наук. Наиболее прозорливые из них предсказывали, что эта тенденция с годами будет нарастать (ср., напр.: Бодуэн де Куртене 1963: 18; Малиновский 1999: 17; Сепир 1993), и их прогнозы сбылись, достаточно вспомнить большое число возникших во второй половине XX века пограничных дисциплин (психолингвистика, социолингвистика, этнолингвистика и пр.).

Однако это «умножение сущностей», как кажется, еще более заостряет вопрос, сформулированный еще Германом Паулем (1960: 25–31) в конце XIX века и впоследствии акцентированный Э. Сепиром (1993), а именно: является ли лингвистика естественной или гуманитарной наукой¹. Едва ли он может быть решен однозначно: в истории языкознания можно найти рассуждения в поддержку как той, так и другой позиции. Нас в этой связи инте-

¹ Ср. также патетическое высказывание Г. Шухардта (1950: 71) в довольно сумбурном русском переводе: «За языкознание, подобно тому как в средневековой легенде за душу человеческую вели борьбу дьявол и ангелы, боролись, как известно, науки о природе и науки о духе (или исторические науки)». Остается неясным, впрочем, какие науки, по мнению Шухардта, представляют силы добра, а какие – силы зла.

решует сближение лингвистики с естественными дисциплинами и в частности с биологией.

Считается, что первым из языковедов, кто провел параллели между этими областями знания, был Август Шлейхер, хотя еще у Якоба Гримма можно встретить сравнение языка с природным организмом (Гримм 1964: 60–61). Но то, что у Гримма было фигурой речи, у Шлейхера – основателя так наз. «лингвистического натурализма» – стало результатом осознанной и последовательной проекции основных положений теории Ч. Дарвина на язык². Уподобляя язык естественному, или природному, организму (*Naturorganismus*), Шлейхер проводил параллели между тремя структурными типами языков и тремя царствами природы, именовал языковую историю «жизнью языка» и рассматривал ее в терминах родословного древа. Применяя понятие организма к описанию истории индоевропейских языков и их генетической классификации, ученый утверждал, что развитие языков, как и развитие растительного и животного мира, идет только одним способом: языковые группы и отдельные языки могут многократно дробиться, отдельные ветви могут «отсыхать», но ни при каких условиях языки не могут скрещиваться между собой. Как известно, на рубеже XIX и XX веков популярными стали противоположные идеи о гибридизации, смешении языков, распространенных в смежных ареалах, причем обсуждение темы «дивергенция vs. конвергенция» активно продолжалось в период между мировыми войнами.

Анализируя воззрения русских пражан – Р. О. Якобсона и Н. С. Трубецкого – по данному вопросу, Патрик Серио (1995) показывает, что дискуссии в языкознании шли на фоне острой борьбы сторонников и противников дарвиновской теории в биологии. Два главных русских представителя Пражского лингвистического кружка отрицали концепцию Шлейхера и в частности случайный характер языковых изменений, имеющих лишь причину (борьба за существование, естественный отбор), но не цель. В своих рассуждениях, однако, они тоже опирались на биологическую метафору, хотя и явно антидарвиновскую, ср.: «...отнодъ

² Ср. название одной из книг Шлейхера: «Теория Дарвина в применении к науке о языке» (1863).

не проводя аналогии между объектами исследования, как это делал Шлейхер, для которого языки *суть* живые организмы, Якобсон проводит аналогию между исследовательскими методами: эволюцию языков можно исследовать *подобно* тому, как исследуется эволюция живых организмов» (там же: 328, курсив оригинала).

В наши дни вопрос о происхождении биологических видов остается спорным, позволяя сосуществовать неodarвиновским и антидарвиновским концепциям. Это имеет очевидные последствия для проблемы происхождения языка – отнюдь не новой, но сформулированной по-новому современной биолингвистикой. Является ли наша языковая способность следствием генетических изменений (ср. открытие «отвечающего за речь» гена FOXP2 у людей и шимпанзе) или результатом длительной эволюционной адаптации? Существуют ли у человека специальные нейронные механизмы, предназначенные для обработки языка, или имеющиеся у современных приматов модули на каком-то этапе эволюции были приспособлены для новой задачи и иного типа данных? Гипотезе врожденности, полстолетия назад выдвинутой Н. Хомским, противостоят эволюционные теории происхождения языка, которые, как правило, исходят из традиционного представления о формировании вербальной коммуникации на основе невербальной – жестовой. Впрочем, спектр эволюционных теорий достаточно широк. Например, видный американский лингвист Т. Гивон исходит из того, что сущность человеческого языка постижима исключительно в контексте его эволюции (Givón 2002: 123), и отстаивает функционально-адаптивную точку зрения на проблему происхождения языка. С его точки зрения, однако, нейронные цепи, обеспечивающие обработку языка, первоначально развились на основе различных компонентов системы обработки визуальных данных. Автор намечает возможный путь формирования естественного языка, подкрепляя свои рассуждения имеющимися в науке данными об архитектуре человеческого мозга, исследованиями в области детской речи, усвоения иностранного языка, коммуникации в животном мире (там же: 123–161).

Последние десятилетия ознаменовались серьезными успехами молекулярной биологии в области расшифровки генома человека. Любопытно, что при решении этой задачи ученые опирались на

типологические аналогии со структурой естественного языка: лучшие на сегодняшний день технологии аннотации генома используют формальные грамматики и статистические модели, основанные на параллелях между последовательностями ДНК и человеческим языком (Проект «Геном человека»). Однако определение молекулярных структур само по себе не обеспечивает понимание того, каким образом гены взаимодействуют и сотрудничают между собой в ходе развития организма. Вновь используя аналогию с языком, можно сказать, что на сегодняшний день «ученые знают алфавит генетического кода, но не имеют понятия о его синтаксисе» (Капра).

В связи с этим все чаще звучат призывы отбросить механистические модели и делать акцент не на структуре, но на организации живых организмов, описание которой не сводимо к описанию их составных частей. Так, широкую известность получила биологическая теория познания (авторы – чилийские ученые У. Матурана и Ф. Варела), базирующаяся на принципе холизма, ср.: «Живая организация должна быть понята как единство» и «...хотя наблюдатель может расчленивать живую систему на части, которые он сам определяет, *описание* этих частей не является репрезентацией живой системы и не может быть ею» (Матурана 1995: 96, 130, курсив оригинала). (Отметим, что и в современном языкознании идеология модулярности заметно сдает позиции под натиском эмпирических данных, свидетельствующих в пользу холистической организации языковой способности.)

В основу своей концепции Матурана и Варела положили идею автопоэзиса (греч. *auto* ‘сам’ и *poiesis* ‘создание, производство’), согласно которой человеческое познание детерминировано биологией. «Жизнь длится как процесс познания. Мир не существует до познания как готовый набор сущностей, расположенных для познания. Мир творится в процессе его узнавания-проживания самой автопоэзной системой. Действительность конструируется наблюдателем. Конструктор опыта заперт в наблюдающем теле. Биология наблюдателя вырезает слой действительности из бесконечного разнообразия непознаваемой реальности: реальность, согласная с биологией наблюдателя, им познается; реальность, не нашедшая опор в биологии наблюдателя, для него не существует. Наблюдающее тело – автопоэзная система, спо-

собная познавать, – живет в мире, созданном ею самой по лекалам, заготовленным ее биологией» (Аредаков 2007: 89).

Применительно к языку особенно важным является следующий тезис: «Все сказанное сказано наблюдателем. Речь наблюдателя обращена к другому наблюдателю, в качестве которого может выступать он сам» (Матурана 1995: 97). Отсюда следует, что язык не существует отдельно от его носителя и не может изучаться в отрыве от человека как живой системы; впрочем, во второй половине XX века лингвистика подошла к этому выводу вполне самостоятельно. Распространенная в наши дни «широкая концепция семантики» (Кобозева 2004: 13–16) исходит из того, что лингвистические исследования должны принимать во внимание особенности человеческого восприятия, его фоновые знания и опыт, характер физической и социальной среды.

В частности, эту позицию последовательно отстаивает когнитивная лингвистика, формирование которой обусловлено как ходом развития зарубежного языкознания в XX веке, так и становлением когнитивной науки, или когнитологии (подробнее см.: Скребцова 2011: 8–22). Сторонники данного направления своим главным лозунгом провозглашают связь языка и когниции и заявляют, что лингвистику следует сближать не с логикой и математикой (как это практикуется в генеративной грамматике и других формальных теориях языка), а с биологией. По мнению видного представителя когнитивной лингвистики Рональда Лангакера, «биология дает более адекватную метафору для лингвистических исследований, чем формальные дисциплины», и в целом «было бы более правильно уподоблять язык живому организму» (Langacker 1988a: 4).

При такой установке кардинальным образом меняются сами принципы построения теории языка. В новой системе ценностей отстаивается холистический подход к интерпретации языковой способности и процессов восприятия и порождения текстов, подчеркивается органическая связь языка с психической организацией человека, выдвигается тезис о «воплощенности» мышления, которая проявляется, в том числе, в языковых механизмах образности (ср. Johnson 1987, 1992; Lakoff 1987). Язык рассматривается в качестве важного источника сведений о ментальной «инфраструктуре» человека, окна в его *mind* (Fauconnier 1999:

102). Лингвистический анализ не ограничивается описанием языковых структур, но претендует на создание единой модели, объясняющей, как устроено языковое знание человека и как он его использует в повседневной речевой деятельности.

Примером подобной модели может служить когнитивная грамматика Рональда Лангакера. Центральным принципам генеративной теории (экономия, порождаемость, редукционизм) автор противопоставляет собственный взгляд, согласно которому языковая система представляет собой обширный и в значительной степени избыточный массив единиц, не поддающийся алгоритмическому исчислению. При этом под «единицей» понимается некая в совершенстве освоенная структура – «когнитивный шаблон» (*cognitive routine*), которым говорящий может оперировать как единым целым, не задумываясь о его композиционных особенностях. Единицы могут быть сколь угодно сложными, а степень их регулярности варьирует в широком диапазоне от весьма общих до частных и даже единичных случаев. Ведь язык, как подчеркивает Лангакер, не является абсолютно логичной, экономной, сбалансированной системой – подобно живому организму, в нем есть место нерегулярности, непоследовательности, избыточности. Основной пафос когнитивной грамматики – построение психологически достоверной теории, «органически» (по выражению автора) вырастающей на прочном фундаменте языковых фактов (Langacker 1988b).

Современное продолжение метафоры языка-организма можно видеть и в другой сравнительно новой области знания – эколингвистике. Ее основателем считается американский лингвист Эйнар Хауген, хотя следует заметить, что еще в 1912 г. его знаменитый соотечественник Э. Сепир опубликовал статью под характерным названием «Язык и окружающая среда» (“*Language and Environment*”). Более чем столетие спустя (в августе 1970 г.), на конгрессе, посвященном описанию языков мира, Хауген выступил с докладом “*On the ecology of languages*”. Именно с этим событием связывают введение в научный оборот

понятия «экология языка»³. Сам автор определил его как исследование взаимодействий между любым данным языком и его окружающей средой, в качестве которой выступает общество, использующее этот язык как один из своих кодов. Очерчивая границы новой области исследований, Хауген обозначил ее связи с другими дисциплинами, прежде всего лингвистической антропологией, социолингвистикой и социологией языка, психолингвистикой, лингвистической типологией, диалектологией.

Согласно Хаугену, язык формируется в результате взаимодействия людей, живущих в определенной окружающей среде. В своем докладе Хауген выступил против попыток рассмотрения структурных типов языков и их генеалогического родства без учета внешнего контекста их существования. Основной пафос его выступления и последующих работ – неравные условия, в которых находятся разные языки, и необходимость сохранения языкового многообразия; отсюда – внимание к вопросам языковой политики и планирования.

На первый взгляд может показаться, что налицо прямые аналогии между областями лингвистики и биологии. Между тем, исследователь «эколингвистического» наследия Хаугена Н. Лешеврель утверждает, что автор был далек от лингвистического натурализма (Lechevrel 2010: 158). И действительно, если взять, например, понятие окружающей среды у Хаугена, то оно имеет мало общего с понятием географической территории или экологического ареала. Автор включил в него два аспекта – психологический (взаимодействие языка с другими языками в сознании билингов и плюролингвов) и социологический – взаимодействие языка с обществом, в котором он функционирует как средство коммуникации (Dil 1972: 325).

Современные последователи американского ученого, помимо предложенного им термина *экология языка*, употребляют также выражения *эколингвистика*, *экологическая лингвистика*, *языковая экология*, и на сегодняшний день можно говорить о наличии содержательных различий между ними (Эколингвистика). Биоло-

³ Между тем, об экологическом подходе к анализу связей между языком и культурой несколькими годами ранее заявляли супруги Фёгелин (см. Lechevrel 2010: 158).

гические метафоры в наши дни стали более многочисленными, так что можно говорить о широкомасштабном отображении понятийной области экологии на область социолингвистики (ср. Lakoff, Johnson 1980). К введенным А. Шлейхером выражениям *живой язык* и *мертвый язык* в последние десятилетия добавилось понятие *языков, находящихся в опасности* (*endangered languages*), – по аналогии с исчезающими биологическими видами. Это так называемые *языки-жертвы*, которые под давлением более сильных и агрессивных соперников (*языков-хищников*) *вымирают*, т. е. утрачивают востребованность у следующих поколений. Если Шлейхер в свое время апеллировал к дарвиновским законам *борьбы за выживание* и *естественного отбора*, то последователи Хаугена широко пользуются понятийным арсеналом экологии, говоря об *экосистемах*, *экологических нишах*, *экологическом разнообразии* и *равновесии*, *устойчивом развитии* и пр. – все это применительно к языкам мира.

В целом, можно предположить, что своим закреплением в современном языкознании шлейхеровская метафора обязана введению в науку в 1970-х гг. антропного принципа и – как следствие – вниманию к «человеческому фактору» в языке (о разных направлениях соответствующих исследований см. Постовалова 1995). Что же касается частого сравнения языка с живым организмом в отечественной публицистике, оно, по-видимому, имеет иной источник, а именно озабоченность широкой публики по поводу изменений, которые происходят в русском языке на протяжении последней четверти века под влиянием серьезных преобразований в общественной жизни. Как правило, данная метафора используется для обоснования неизбежности языковых изменений, а также для выражения уверенности в устойчивости языковой системы, ее способности дифференцировать целесообразные и нецелесообразные новации.

Литература

- Аредаков 2007 – Аредаков А. А. Концепт сознания в онтологическом каркасе антропного принципа // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2007. № 2.
- Бодуэн де Куртене 1963 – Бодуэн де Куртене И. А. Языкознание, или лингвистика, XIX века // И. А. Бодуэн де Куртене. Избранные труды по общему языкознанию. Т. 2. М., 1963.

- Гримм 1964 – Гримм Я. О происхождении языка (Извлечения) // В. А. Звегинцев. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. 3-е изд. Т. 1. М., 1964.
- Капра – Капра Ф. Паутина жизни. Новое научное понимание живых систем (Электронный ресурс). <http://lib.rus.ec/b/322014/read>
- Кобозева 2004 – Кобозева И. М. Лингвистическая семантика: Учебник. 2-е изд. М., 2004.
- Малиновский 1999 – Малиновский Б. Научная теория культуры. М., 1999.
- Матурана 1995 – Матурана У. Биология познания // Язык и интеллект / Сост. и вступ. ст. В. В. Петрова. М., 1995.
- Пауль 1960 – Пауль Г. Принципы истории языка. М., 1960.
- Постовалова 1995 – Постовалова В. И. Наука о языке в свете идеала цельного знания // Язык и наука конца XX века / Под ред. акад. Ю. С. Степанова. М., 1995.
- Проект «Геном человека» (Электронный ресурс). [http://ru.wikipedia.org/wiki/Проект «Геном человека»](http://ru.wikipedia.org/wiki/Проект_«Геном_человека»).
- Сепир 1993 – Сепир Э. Статус лингвистики как науки // Э. Сепир. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993.
- Серио 1995 – Серио П. Лингвистика и биология. У истоков структурализма: биологическая дискуссия в России // Язык и наука конца XX века / Под ред. акад. Ю. С. Степанова. М., 1995.
- Скребцова 2011 – Скребцова Т. Г. Когнитивная лингвистика: Курс лекций. СПб., 2011.
- Соссюр 1999 – Соссюр Ф. де Курс общей лингвистики / Пер. с франц. С. В. Чистяковой. Под общ. ред. М. Э. Рут. Екатеринбург, 1999.
- Шухардт 1950 – Шухардт Г. Изучение фонетических изменений // Г. Шухардт. Избранные статьи по языкознанию. М., 1950.
- Эколингвистика // Википедия (Электронный ресурс). <http://ru.wikipedia.org/wiki/Эколингвистика>
- Dil 1972 – Dil A. S. The Ecology of Language. Essays by Einar Haugen. Stanford: Stanford University Press, 1972.
- Fauconnier 1999 – Fauconnier G. Methods and generalizations // Th. Janssen, G. Redeker (eds). Cognitive Linguistics: Foundations, Scope, and Methodology. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1999.
- Givón 2002 – Givón T. Bio-Linguistics; the Santa Barbara Lectures. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2002.
- Johnson 1987 – Johnson M. The Body in the Mind: The Bodily Basis of Meaning, Imagination, and Reason. Chicago: University of Chicago Press, 1987.
- Johnson 1992 – Johnson M. Philosophical implications of cognitive semantics // Cognitive Linguistics. 1992. Vol. 3, № 4.
- Lakoff 1987 – Lakoff G. Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind. Chicago: University of Chicago Press, 1987.
- Lakoff 1980 – Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. Chicago: University of Chicago Press, 1980.

- Langacker 1988a – Langacker R. W. An overview of cognitive grammar // B. Rudzka-Ostyn (ed.). Topics in Cognitive Linguistics. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1988.
- Langacker 1988b – Langacker R. W. A usage-based model // B. Rudzka-Ostyn (ed.). Topics in Cognitive Linguistics. Amsterdam; Philadelphia, 1988.
- Lechevrel 2010 – Lechevrel N. L'écologie du langage d'Einar Haugen // Histoire. Épistémologie. Langage. 2010. Tome XXXII, fascicule 2.

СИНХРОНИЯ И ДИАХРОНИЯ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В АНАЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Аналитическая лингвистика представляет собой новую филологическую дисциплину на стыке языкознания и конструктивной математики¹. С конструктивной логикой лингвисты практически не знакомы, хотя опыт последних десятилетий показал, что, например, у лингвистических теорий искусственного интеллекта, без использования ее принципов нет будущего. Теории и практике аналитической лингвистики посвящена моя монография с одноименным названием.² Наибольшее внимание в ней уделяется модели коллективной лингвистической интуиции и речевой деятельности человека. В книге также идет речь о принципах построения универсальной лингвистической теории на основании идей конструктивной математики.³

Обобщая экспонируемые в монографии материалы, можно сказать, что аналитическая лингвистика – это теория языка, все элементы которой (морфема, слово, предложение, синтаксическая связь и т. п.) представлены как динамические объекты (*energeia*-элементы), полученные из элементарных *ergon*-единиц в результате процедур анализа – синтеза. Каждая составная единица посредством процедур дуализации фиксируется как дуал,

¹ См.: Н. В. Curry. *Outlines of a Formalist Philosophy of Mathematics* (Amsterdam, 1951); "Calculus and Formal Systems," *Dialectica*, 12, No. 3–4, 1958; *Outlines of a Formalist Philosophy of Mathematics* (Amsterdam, London, 1970); Ю. С. Маслов. «Понятие строгой представимости в общей теории исчислений», *Труды Математического института им. В. А. Стеклова*, ХСШ, 1967 и др.

² Л. З. Сова. *Аналитическая лингвистика*. М., 1970.

³ См. также мои статьи: «Принципы лингвистического конструктивизма», «Анализ и синтез грамматических категорий с помощью компьютера», «Лингвистика и моделирование процесса познания», «Экспликация механизма русского мышления с помощью компьютера» и др. (Л. З. Сова. *Лингвистика синтеза*. СПб, 2007).

имеющий форму и значение, или знак (дуал, между сторонами которого установлена связь).

Определения языковых единиц вводятся **только через процедуры**, посредством которых они могут быть «разложены» на простейшие составляющие (анализ) и собраны из них (синтез). Этот метод постулируется как универсальный (применяется не только к таким языковым объектам, как слова и связи, но и к лингвистическим – определениям понятий о них, теориям). Благодаря этому появляется возможность построить теорию языка аналогично тому, как это делается в точных науках: из фиксированных аксиом путем логического вывода могут быть созданы теоремы (лингвистические конструкции).

В качестве аксиом в работе приняты тезисы В. фон Гумбольдта о динамическом характере языка, Ф. де Соссюра о представлении языковых элементов в виде дуалов (знаков), имеющих форму и значение, и Л. Ельмслева о синтезе языковых объектов из элементарных односторонних единиц – фигур. Тезисы Соссюра и Ельмслева о дуалистическом характере языковых элементов применены не только к «узлам» (слову, предложению и т. п.), но и распространены на всевозможные отношения, с которыми имеют дело лингвисты (грамматические связи различных уровней, валентность, транзитивность, синтаксические структуры, конфигурации и т. д.), а также на теории их описания.

Работа по моделированию коллективной лингвистической интуиции может быть охарактеризована так. Концептуальный аппарат любой науки отражается в терминологических словарях. Термины в них систематизированы по чисто «внешнему» признаку – алфавиту. Это упорядочение не отражает ни логики развития концептуального аппарата, ни значимости каждого термина в системе, поскольку понятия при составлении словаря рассматриваются не по отношению к процессу их развития и формирования в науке, а как результат этого процесса, зафиксированный исследователем в момент создания словаря. Совокупность терминов при таком подходе – статическая система, абстрагированная от ее развития.

Понятийный аппарат можно рассматривать не только статически, но и динамически – по отношению к тому процессу, в результате которого образуются понятия. Для этого при фиксации

концептов надо описать динамику их формирования и вскрыть движущие силы эволюции. Например, выбрав в качестве объекта исследования *понятие о синтаксической структуре предложения*, следует выявить его внутренние противоречия, отразившиеся в различных определениях, и показать динамику их взаимодействия в процессе эволюции данного концепта. Надо не только отметить двуединую сущность исследуемого объекта (например, при соотнесении с дихотомией *форма – содержание* синтаксическая структура выступает как формально-смысловое целое), но и установить, как именно осуществляется процесс вычленения каждой из сторон концепта (*формальной структуры предложения* отдельно от *смысловой*). В терминах пост-Соссюровской лингвистики это означает, что идет речь об анализе означающего и означаемого синтаксической структуры предложения.

Затем можно перейти ко второму этапу – показать объединение и снятие противоположностей как основу развития концепта в процессе его синтеза. На третьем этапе сравниваются результаты предпринятого анализа – синтеза с исходными данными. Задачей является выяснение, тождественна ли полученная синтаксическая структура тому естественному языковому прототипу, с которого «снялся слепок» и к которому применялась процедура анализа – синтеза. В случае тождества проведенные операции могут быть зафиксированы как динамические характеристики исходного объекта (полученный концепт *синтаксическая структура предложения* выступает как единство *формальной и смысловой структур*, установленных посредством анализа – синтеза). В противном случае процедура анализа – синтеза начинается сначала, и так до достижения искомого тождества обоих понятий.

После окончания первого цикла осуществляется переход ко второму: вскрывается новое противоречие в концепте (анализирующая процедура), фиксируется его синтез из составляющих и происходит сравнение конструкта с прототипом. Итогом второго цикла является новое определение исходного концепта, обогащенное результатами этой процедуры. После второго цикла реализуется переход к третьему, четвертому и, если потребуется, к следующим, – до тех пор, пока все внутренние противоречия

концепта, вскрытые наукой на сегодняшний день, не будут исчерпаны.

Описанный процесс представляет собой движение по спирали, с помощью которого моделируется развитие понятия в системе концептуального аппарата данной науки. Каждый виток добавляет новое знание о концепте, соответствующее тому свойству, которое в нем вскрывается. Например, для определения понятия о слове, существующего в современном языкознании, придется осуществить шесть витков («Аналитическая лингвистика», с. 218–223): первый – на основании дихотомии *форма/содержание*, второй – *узлы/связи*, третий – *синтагматика/парадигматика*, четвертый – *потенция/реализация*, пятый – *язык/речь*, шестой – *дискретный/не дискретный характер структуры языкового элемента*.

Результатом этих построений становятся динамические определения лингвистических понятий. После этого возникает вопрос об их упорядочении в систему и о фиксации внутреннего механизма, который определяет ее развитие и функционирование. Его описание это и есть динамическая модель концептуального аппарата лингвистики. Чтобы модель оказалась не только динамической, но и исторической, оппозиции, определяющие эволюцию языкознания, надо выстроить в порядке их возникновения в истории науки.

Если в таких построениях исходить из опыта одного ученого, получается динамическая модель понятийного аппарата одного ученого. Если материалом исследований является опыт всех лингвистов, – разрабатываемая система представляет собой динамическую модель концептуального аппарата языкознания в целом. В последнем случае можно говорить о моделировании *коллективной лингвистической интуиции* и об открытии универсальной лингвистической теории как совокупности процедур, с помощью которых исследуются языки, строятся их грамматики и создаются описания, соизмеряющие явления разных языков в терминах одной и той же системы исследовательских приемов.

Проблематика аналитической лингвистики не ограничивается идеями, связанными с моделированием интеллекта и концептуального аппарата языкознания. В процессе построения указанной модели выявляются закономерности, позволяющие перейти к

обсуждению ряда других «вечных» вопросов языкознания: гипотезах о строении и функционировании вербального аппарата, происхождении различных грамматических категорий, генезисе языка и мышления и т. д. Например, анализ соотношений между языковыми элементами и определениями понятий о них показывает, что в человеческом сознании существует некая универсальная идея, определяющая мышление. Она описана в «Аналитической лингвистике» как принцип параллелизма между «миром идей» и «миром вещей». Анализ прецедентов применения принципа параллелизма дает возможность сформулировать гипотезу о том, что язык фиксирует два пространственно-темпоральных континуума: вне мозга и внутри его. Все языковые единицы ориентируются по отношению к этим двум парам континуумов – своеобразной системе координат, обуславливающей процесс вербального мышления (нашего отражения действительности)⁴.

Это означает, что язык не просто фиксирует внешнее пространство, он также противопоставляет его внутреннему пространству, пространству мозга (квази-пространству), т. е. является тем инструментом, который производит анализ объективно существующего пространства и «расщепляет» его на два подпространства: локализованное вне говорящего субъекта и внутри него. Оба подпространства являются объективными данностями, «ощущаемыми» языком (нашими чувствами), но каждое из них обладает своей спецификой, обусловленной свойствами локализованной в нем материи – субстанции мозга в противовес иным видам материи.⁵

Подпространства (внутри мозга и снаружи его) объективно, вне нашей воли и веры, существуют во времени. Какие-то реалии

⁴ Чтобы модели искусственного интеллекта были не только функциональными, но и структурными, в их основу должна быть положена та же система координат. Без этого компьютер не «научится мыслить», компьютерный перевод с одного языка на другой не будет похож на «человеческий» и т. д.

⁵ Язык четко фиксирует это. Так, в русском языке каждое существительное обозначает реалию, обязательно где-то локализованную, – либо только во внутреннем пространстве, либо во внутреннем и внешнем. Примерами существительных первого типа являются слова: 'бег', 'прыжок', 'категория', второго типа – 'оранжерея', 'трактир', 'дворник', 'усы', 'поле'.

(например, субъективный опыт конкретного человека, его мысли, эмоции) «живут» в одном подпространстве и «выплескиваются» во второе, по пути превращаясь в слова и прочие продукты вербальной деятельности. Иные реалии (дерево, океан) представлены только во внешнем подпространстве. Чтобы «овладеть» ими, человек создает их дубликаты – образы, которые «вводит» в свое сознание (внутреннее время-пространство), и там их «обрабатывает».

Между двумя мирами: внутренним и внешним – существует принцип параллелизма (то, что есть извне, представлено в сознании). Параллелизм не является полным: есть реалии, которые присутствуют или только в сознании, или только во внешнем пространстве. Первые принято называть химерами, образами, не имеющими реальных прототипов, выдумкой, вымыслом, фантазиями, художественными творениями, вербальными конструктами (например, это образы, выражаемые посредством слов *белизна, стоять, из* и прочих абстракций качеств, свойств, отношений, действий). Вторые считают «вещами в себе», неизвестным, неосознаваемым, не весть чем. Созданные воображением реалии часто переводятся во внешнее пространство – так появились самолеты, корабли и прочие творения рук человеческих. Происходит и обратное: человек фиксирует неведомое, строит его образ в сознании, соотносит с другими объектами своего внутреннего пространства и на основании этого анализа выносит вердикт – известное (уже имеется такой-то образ) или «езда в незнаемое». В этом случае начинается обработка поступающих к органам чувств сигналов, создается новый образ.

Слова, предложения и прочие результаты речевой деятельности, оформленные посредством звуковой или графической субстанции, являются реалиями внешнего мира. С помощью языка элементы внутреннего континуума (образы) переводятся во внешний мир и становятся такими же его частицами, как все остальные реалии, окружающие человека. Между словами во внешнем мире и их образами во внутреннем также устанавливается параллелизм. О неполноте его применения говорит известный феномен произнесения звуков, которые не «отягощены» образами, и наличие в сознании аморфных образов, не оформленных вербально. Между словами и невербальными

реалиями внешнего мира существуют сложные отношения, возникающие на основании принципа параллелизма, применяемого к каждой паре объектов: образ – слово, образ – невербальная реалия, слово – невербальная реалия, а также к их образам. Эту иерархию обычно создает говорящий в процессе вербальной деятельности. Например, кроме слова, он строит его образ во внутренней речи. То же происходит с остальными языковыми элементами, которым сопоставляются психические сущности различного порядка сложности.

Не менее важной для дифференциации языковых элементов является реакция вербального мышления на время. Аналогично пространству, язык «расщепляет» время на внешнее и внутреннее. Внешнее время протекает независимо от говорящего и задает, образно говоря, срок жизни и существования реалий. Внутреннее время, или квази-время, – это время протекания внутримозговых процессов и, в частности, процессов языкового мышления.⁶ Отличие «внешнего» пространственно-временного континуума от внутреннего можно проиллюстрировать на таком примере. В процессе вербального отражения человек делит все явления на два класса: узлы (объекты, предметы, вещи, аргументы) и связи (признаки, характеристики, свойства, отношения, предикаты). В окружающей его действительности такого деления нет: предметы существуют во времени и пространстве только с присущими им признаками, а признаки – только будучи локализованными на определенных предметах.

В ситуации, описываемой посредством предложения '*Дерево зеленеет*', нет двух явлений, отделенных друг от друга во времени и пространстве, – предмета '*дерево*' и признака '*зеленеет*'. Есть некое единое пространственно-временное целое. Фиксируя это целое с помощью языка, субъект, в силу однонаправленности процесса говорения во времени, сначала регистрирует обладателя признака, а затем – признак (или наоборот). Тем самым, с помо-

⁶ Учет внешнего времени и регистрация его характеристик приводят к тому, что носитель языка делит окружающие его реалии на живые и неживые, а «внутримозговые» – на те, которые соотносятся с процессами, протекающими во внешнем времени, и те, которые этим свойством не обладают, т. е. существуют только во внутреннем времени, времени процесса мышления или, как говорят, в сознании индивида.

щью временной оси процесса говорения, он дробит на части то целое, которое в ситуативном времени и пространстве выступает как единое и неделимое.

Специфичность такой регистрации ситуации становится явной, как только мы вспоминаем о других способах, с помощью которых может описываться та же ситуация. Например, трудно представить картину художника, на которой справа изображается нечто *зеленеющее*, а слева – *дерево*, которое *станет зеленеть*, хотя пространственное упорядочение элементов этой картины полностью дублирует временное упорядочение элементов вербального образа ситуации, который строится посредством предложения '*Дерево зеленеет*'.

Предмет и признак, отделенные друг от друга в вербальном образе, оказываются в картине художника слитыми воедино. Один и тот же факт объективной действительности (предмето-признак) может описываться в языке по-разному: то как предмет ('*бег*'), то как признак ('*бегу*'). Полнота описания достигается за счет дополнения предмета признаком ('*мой бег*'), а признака – предметом ('*я бегу*'). Эквивалентность результатов регистрируется в языке посредством указания на трансформируемость двух языковых явлений друг в друга: '*я бегу*' → '*мой бег*', и наоборот. Язык выступает как средство отделения предмета от признака, расчленения единого по своей сущности явления на два разнородных компонента. Этот подход не обусловлен внешним миром, а вызывается только свойствами аппарата его отражения (ср. приведенный выше пример вербальной и невербальной фиксации одной и той же ситуации).

Не определяется объективной действительностью и то, какая часть препарированного явления трактуется языком как предмет, а какая – как признак. Чтобы увидеть это, достаточно сравнить два словосочетания: '*я бегу*' и '*мой бег*'. В первом словосочетании '*бегу*' выступает как признак «предмета» '*я*'. Интересующее нас явление объективной действительности расчленяется на два компонента, и свойство «быть предметом» приписывается первому компоненту ('*я*'), а свойство «быть признаком» – его соседу ('*бегу*'). Во втором словосочетании то же явление разбивается на два компонента иначе: свойство «быть предметом» связывается с

компонентом ('без'), а свойство «быть признаком» – со словом 'мой'.

В объективной действительности, фиксируемой посредством упомянутого выше предложения 'Дерево зеленеет', предмет 'дерево' выступает как обладатель признаков, одним из которых является 'зеленеет'. Но если мы рассмотрим другие предложения, описывающие тот же фрагмент объективной действительности, что и предложение 'Дерево зеленеет', то увидим, что предмет 'дерево', о котором идет речь в этом предложении, обладает не одним признаком ('зеленеет'), а их совокупностью. В предложении 'Дерево зеленеет' фиксируется реализация в момент наблюдения только одного из свойств дерева. Остальные «остаются за кадром». Свойство, потенциально присущее наблюдаемому объекту, становится актуализированным во времени и пространстве наблюдателя. По-видимому, в этом и состоит смысл предикации – соотнесения свойств объекта с определенной точкой отсчета в темпорально-пространственной системе наблюдателя.⁷

Наложение темпоральной дихотомии на спатальную дает возможность получить классификацию слов,⁸ позволяющую «научить» компьютер человеческому восприятию смысла. В процессе «обучения» компьютера (например, при работе с омонимией и полисемией) удается понять, что такое языковой смысл, в

⁷ Более подробно эта проблематика описана в моей статье «Текст как результат вербального отражения объективной действительности» (Л. З. Сова. *Лингвистика синтеза*. СПб, 2007).

⁸ В явном виде классификация языковых элементов в соответствии с указанными принципами сохранилась во многих африканских языках. Ее подробное описание в языках банту содержится в моих монографиях: *Африканистика и эволюционная теория языка* (СПб, 2008); *У истоков языка и мышления. Генезис африканских языков* (СПб, 1996); *Эволюция грамматического строя в языках банту* (Л., 1987); *Конфигурационный синтаксис языка зулу*, ч. 1–2 (Л., 1969, 1970) и др. В неявном виде она представлена во всех языках. Результаты ее выявления в русском языке описаны в моих статьях «Денотатная классификация русских существительных», «Анализ и синтез грамматических категорий с помощью компьютера», «Лингвистика и моделирование процесса познания», «Экспликация механизма русского мышления с помощью компьютера» и др. (Л. З. Сова. *Лингвистика синтеза*. СПб, 2007).

какой степени он сохраняется при межъязыковом и внутриязыковом переводе, как развиваются категории мышления в онтогенезе и филогенезе.

Принципы параллелизма и дуализации языковых объектов взаимосвязаны. И в том и в другом случае в процессе вербальной деятельности мозг осуществляет две операции: делит объекты на внутренние / внешние и удваивает / делит их пополам. Удвоение является операцией, лежащей в основе принципа параллелизма. При дуализации языковые объекты делятся на два. Получается, что рассмотрение объекта по отношению к его внутренней структуре влечет применение принципа дуализации, а исследование того же объекта по отношению к его «внешней среде» (например, к более высокому уровню абстракции) приводит к использованию принципа параллелизма, который лежит в основе построения определений языковых объектов. В обоих случаях речь идет о сакраментальной двойственности объектов и делении на «внутреннее / внешнее».

Возможно, термин «двоичный код» тоже появился в результате интуитивных наблюдений за двухступенчатостью пространственно-временной структуры мозга, и исследуемые явления, включая принципы параллелизма и дуализации, не что иное, как отражение двухполушарного строения мозга. В любом случае, дуальный (знаковый характер), например, слова или предложения в «Аналитической лингвистике» – это свойство не объекта (слова, предложения), а субъекта (носителя языка, его мозга), поэтому описание языковых единиц как дуалов и знаков всего лишь методологический принцип. Вскрывает ли он «двухполушарность» языковых единиц или привносит в описание объектов свойства субъекта, остается вопросом,⁹ но он позволяет создать функциональную модель вербальных отделов мозга следующего типа.

⁹ Если бы у нас было трехчастное строение мозга (не два полушария, а три отдела), языковые единицы, по-видимому, воспринимались исследователями не как знаки, состоящие из означаемых / означающих и связей между ними («треугольники»), а как «шестиугольники», в которых есть по три узла и по три связи между ними. Разновидности возникающих при этом отношений характеризуются различными модальными логиками.

Учитывая данные об экспликации четырех подсистем языкового мышления (внешнее время и пространство, внутреннее время и пространство), можно предположить, что в структуре мозга им также соответствуют четыре механизма, каждый из которых «отвечает» за анализ – синтез процессов, происходящих в соответствующей подсистеме, и регистрацию получаемых в ней результатов. Кроме этих механизмов, есть еще ряд систем, участвующих в языковом мышлении и действующих аналогично описанным, хотя и с иными субстанциями. Например, существует механизм, который занят обработкой сигналов, поступающих от внутренних органов человека, и синтезом на их основе аффективного значения слова. Есть механизм, работающий со свойствами объектов (внутренними и внешними), подобно тому, как охарактеризованные выше подсистемы оперируют со временем – пространством.

Все подсистемы образуют иерархию, во главе которой находится механизм, осуществляющий корреляцию подчиненных ему подсистем и управляющий ими. Блок управления производит анализ – синтез образов, создаваемых в результате сопоставления любой пары образов более низкого уровня иерархии. Например, он соединяет пространственный и темпоральный образы в пространственно-темпоральный, затем связывает последний с аффективным значением слова и т. д. Эта иерархия служит для производства означаемых. Аналогичная структура выявляется при анализе означающих. Оба порождающих устройства объединены в своеобразную фабрику означаемых и означающих. В итоге мозг можно представить в виде системы, состоящей из блоков, каждый из которых специализируется на создании образов одного определенного типа.

Например, одна подсистема строит пространственные образы, вторая – темпоральные, третья – артикулемы, и т. д.¹⁰ Соеди-

¹⁰ О том, что в мозгу существует иерархия механизмов, каждый из которых специализируется на построении образов одного определенного типа, говорят многие факты. Например, можно предположить, что стволовые отделы мозга отвечают за ориентировку во внешнем времени – пространстве, а также за создание энергетического тонуса, необходимого для речевой деятельности. Материалы по семантической афазии помогают установить, что внутреннее пространство

няются эти образы в различной последовательности и в различных совокупностях, – в зависимости от целевых установок, которые формируются мышлением в процессе познания и практической деятельности. Ограниченность исходного материала и разновидностей процессов, протекающих в мышлении, не препятствует тому, чтобы его результаты были неограниченными. При этом действие всех механизмов мозга основано на проведении двух простейших операций («прямой» и «обратной») – анализ и синтез – и закреплении их результатов в виде следов, содержащих информацию о количестве проделанных операций и их структурной соотнесенности. В соответствии с такой моделью, мозг (в синхронии) – это анализатор, синтезатор, фиксатор и хранитель поступающей к нему через органы чувств информации.

Методы аналитической лингвистики могут быть применены также к моделированию речевой деятельности и вербального мышления в диахронии.¹¹ Представляя эволюцию языка в виде двух различных историй (как формирование означаемых и как

означаемых подчинено третичным, теменно-затылочным отделам левого полушария и нижним отделам промоторной области (ср. случаи телеграфного стиля). Последствия амнестической, афферентной и кинестетической афазии указывают на связь между механизмом анализа – синтеза внутреннего пространства означающих и задней третью первой височной извилины, а также постцентральными отделами речевых зон.

¹¹ Истории языков и возникновения человеческого мышления посвящена моя монография *У истоков языка и мышления. Генезис африканских языков* (СПб, 1996), эволюционной теории грамматических систем – работы «Эволюция грамматического строя в языках различных типов», *Структурная и прикладная лингвистика*, вып. 8 (СПб, 2009); *Африканистика и эволюционная теория языка* (СПб, 2008), «Эволюция категории существительного в разноструктурных языках», *Индоиранское языкознание и типология языковых ситуаций* (СПб, 2006); *Эволюция грамматического строя в языках банту* (Ленинград, 1987), типологии – *Аналитическая лингвистика и типология* (СПб, 2007), синхронному описанию языков различных типов – *Исследования по языку зулу* (СПб, 2008), *Конфигурационный синтаксис языка зулу*, ч. 1–2 (Л., 1968, 1969), различным вопросам теории и практики современного языкознания – «Части речи и члены предложения в аналитической лингвистике», *Структурная и прикладная лингвистика*, вып. 7 (СПб, 2008); *Лингвистика синтеза* (СПб, 2007) и др.

развитие означающих), можно показать, что образование тех и других идет по линии десинкретизации, – понятий в первом случае, звуковых образов – во втором. При определенных условиях, существующих, например, в африканских языках, возникает возможность описать вербальную деятельность и порождаемый ею язык в виде системы, развивающейся из одного первоэлемента. Язык «раскручивается» не из элементарных составляющих, которые не способны к дальнейшему делению (например, *сал, бер, йон, рош*), а, наоборот, из самых сложных (по степени обобщения) единиц, наделенных потенцией к неограниченному членению, которая реализуется во времени и пространстве вербальной деятельности. Модель развития вербального аппарата и языкового мышления¹² в виде процесса, «развертывающегося» из одной («нулевой») точки, выглядит так.¹³

В качестве исходной, или нулевой, точки модели можно принять момент выделения речи из остальных физиологических актов в процессе коммуникативной деятельности. Сфера взаимодействия людей, связанная с категорией позитива-негатива, до сих пор отражает синкретизм речи и жеста, которые в ответах ‘да’ и ‘нет’ могут выступать как равноправные означающие одного и того же акта волеизъявления со стороны говорящего-слушающего. Этапу собственно речевых взаимодействий мог предшествовать этап вербально-моторных движений, когда говорящий (одновременно и действующий) уже отделял себя от остальных членов вербально-моторной совокупности в процессе повседневной борьбы за существование, но еще не осознавал речь как средство ‘обладания’ миром и не выделял ее из других орудий преобразования мира. Этот этап является довербальным, поэтому находится вне компетенции языкознания.¹⁴

¹² Подробное описание представлено в моей монографии *У истоков языка и мышления. Генезис африканских языков* (СПб, 1996). См. также мою статью «Проблемы XXI века», *Структурная и прикладная лингвистика*, вып. 6 (СПб, 2004).

¹³ Является эта модель только функциональной или также структурной остается вопросом.

¹⁴ «... можно утверждать, что первая стадия развития языка соотносится с глобальными движениями всего тела, когда все органы и движущиеся части тела находились в активном состоянии при

В это время наблюдается полный синкретизм образов, когда «я» говорящего не противопоставляется остальной среде. Процесс дискретизации сущего говорящим еще не начинается. Всё воспринимается как *первояйцо, природа, 'триединый бог', тьма, хаос, смешение всего сущего, всеобщая взвесь, единая материя, первородный океан* и прочие образы, отражающие континуумность (непрерывность, недискретность) исходного элемента деривационного ряда и неприменимость к нему каких-либо противопоставлений и дифференциальных признаков, развившихся в человеческом сознании впоследствии. Об этом, в частности, говорят теофорные образы, подчеркивающие единство протомира, из которого не вычленены отдельные особи, и указывающие на потенциальные возможности развертывания исходной точки по кругу, спирали, циклам, древовидным структурам для конструирования процесса дискретизации единого целого на самостоятельные реалии. Чаще всего это образы *клубящегося пчелиного роя, ткущего паутину паука, разматывающегося клубка шерсти, вращающегося над огнем облачка насекомых, разрастающегося корнями в землю, а ветвями в небо дерева* и других реалий, расширяющихся из единого крохотного центра и самим процессом роста как бы набрасывающих свою сеть на окружающее пространство, чтобы «овладеть» им и целиком заполнить.

Никакие части речевого аппарата в этот момент еще не функционируют, их просто не существует в пространстве черепной коробки. Затем возникает простейшее «приспособление» для анализа и синтеза той информации, которая вводится извне во внутреннее пространство посредством органов чувств. «Приспособление» начинает работать, появляется первый результат: обобщенный синкретичный образ.¹⁵

назывании ситуации как единого целого». R. Stopa. *Structure of Bushman and its traces in Indo-European* (Wrocław, 1972, с. 27).

¹⁵ «В развитии языка представлены четыре стадии 'фонетической' эволюции: 1) движения всего тела, включая органы речи; 2) стереотипы, состоящие из жестов руками, пантомимы, мимики и различных движений органов речи; 3) жесты руками + кликсы удовольствия + базисные звуки с некоторыми мелодическими особенностями речи; 4) стереотипы из жестов руками + жестоподобные кликсы + базисные звуки со стереотипами музыкальных параметров речи — тона, ударе-

Механизм вербального сознания начинает функционировать, по-видимому, в тот момент, когда возникает отдел «память», зафиксировавший первый образ: *единство всего сущего*. Над этим исходным элементом продлевается первая мыслительная операция – отрицание его неделимости. Второй операцией становится дуализация – деление исходного элемента на два. Противопоставление полученных элементов закрепляется, например, посредством оппозиции ротового и носового резонаторов: факты различных языков свидетельствуют, что для обозначения реалий, соотносимых с личностью говорящего, часто используются назальные звуки, а для реалий, классифицируемых им как чуждая, непознанная и недостижимая стихия, – ротовые. Чтобы стать мысленным «обладателем» чужой реалии, достаточно набросить на нее «назальную сеть», т. е. «включить» назальный резонатор и, назализовав прежнее название, тем самым «объявить» о своей «власти» над реалией (связи с ней). Так была создана граница между познанным и непознанным, введенным в обладание говорящего и чуждым ему.

Путем активизации назального резонатора один из полученных после дуализации элементов был соотнесен субъектом со своим «я». Второй являлся «продолжением» исходного элемента (с помощью ротового резонатора говорящий по-прежнему фиксировал среду своего обитания: опять-таки единый мир, но теперь уже не «сам по себе», а по отношению к мыслящему субъекту, который поместил свое название в его центре). Речевой аппарат усложнялся. В действие вступило новое «приспособление». Создаваемый им элемент «распался» на два: «формальный» и «смысловой». Первый представлял собой звуковой образ, второй – «картинку» действительности. На следующем шаге образовалась связь между двумя образами: звук стал формой (означающим) смысла (означаемого). Оба образа были синкретичными, не делимыми на части, самыми обобщенными сущностями из мира звуков и смыслов.

За этим актом дуализации последовал новый, и т. д. Можно сказать, что у истоков речеобразования и языка стоит представ-

ния, длительности, эпиглоттального трения». R. Stopa. *Structure of Bushman and its traces in Indo-European* (Wrocław, 1972, с. 28).

ление о единстве всего сущего, как начале деривационного процесса, имеющего вид цепочки элементарных актов дуализации, в ходе которой от «большей» реальности рождаются «меньшие»: (недифференцированное синкретичное сущее → («я» говорящего субъекта + (континуум, окружающий человека как воздушно-водно-твердая среда его обитания))) и т. д. (при параллельном членении «я» говорящего).

Этап, предшествовавший этим процессам, впоследствии был осмыслен как время, когда не существовало еще названий ни неба, ни земли, ни космоса, ни человека (все эти названия появились позднее).¹⁶ «Несуществование названий» приобрело смысл «несуществования реалий», обозначенных данными названиями. В результате возникли формулы «до сотворения неба, земли, человека» и т. п. «Вне времени и пространства» (осознание этих реалий также пришло позднее), в еще чистом, почти совсем пустом сознании говорящего витало некое «я» как инобытие (т. е. в противовес остальному миру) и предтеча, *демиург*, творец всего, что потом появилось в языковом сознании и мышлении.

Процесс продолжался – развивались органы речи (возникали новые «приспособления», они специализировались, формировался аппарат речи) и как следствие этого шел процесс детализации, расщепления первичного образа, превращения его во все более конкретные картинки. Аморфный, со звуковой и смысловой точки зрения, первоэлемент вступил в процесс деления: вместо одного появились два, из них – четыре, и т. д., пока не образовались все слова и морфемы, из которых состоят современные языки.¹⁷ В качестве этого первоэлемента, как показывают тео-

¹⁶ Ср. “Это – рассказ о том, как все было в состоянии неизвестности, все холодное, все в молчании; все бездвижное, тихое; и пространство неба было пусто... Не было ни человека, ни животного, ни птиц, рыб, крабов, деревьев, камней, пещер, ущелий, трав, не было лесов... Не было ничего, что могло бы двигаться... Не было ничего, что существовало бы, что могло бы иметь существование... (‘Пополь-Вух’, Центральная Америка). Сходная картина представлена в скандинавской, ведийской, шумерской, аккадской, иудаистической, греческой, сибирских, полинезийских и многих других мифологиях”. *Мифы народов мира*, т. 2 (М., 1992, с. 7).

¹⁷ «Развитие звуков из кликов шло двумя путями: 1) либо кликовые блоки как единое целое упрощались и изменялись в кликоподобные

форные образы, описанные выше, выступило обобщенное представление о них. Впоследствии готовый «к распаду» (дуализации, «обработке» двумя полушариями мозга) теофорный образ был интерпретирован как понятие *хаоса*. Его бинаризация привела к понятиям *света* и *тьмы*. На их основе образовалось противопоставление *воздушно-водной* субстанции и *твердей*. Из противоречий, возникших внутри представления о твердых, сформировалось определение *твердей небесных* в противовес *твердым земным*. Бинаризация понятия о *воздушно-водной* субстанции результативалась отделением понятия о *воде* от понятия о *воздухе*, и т. д., и т. п., – пока не были созданы все элементы нашего словаря.

Параллельно означаемым происходил процесс формирования означающих (модификация артикуляционных навыков и развитие на их основе звуковых процессов). Из синкретичного многофокусника, обозначавшего понятие *хаоса*, вычленился *вокалический* компонент в противовес *консонантному*, каждый из них разделился на два (гласные начали противопоставляться по ряду и подъему, согласные – по месту и способу образования), и т. д., – вплоть до существующего сейчас многообразия фонем. Основной тенденцией развития был переход от многофокусной и монохромной артикуляции к однофокусной и полихромной (многотембровой и политонной).

Подводя итоги этого этапа моделирования диахронии речевой деятельности, можно сказать, что язык зародился в виде возгласов многофокусного образования, нерасчленимых на отдельные

(эйективные, инъективные или дизъективные) фонемы, 2) либо кликсы опускались и гуттуральная (соответственно назальная) часть кликсоблоков устанавливалась в начале слова, ... например: $\int_3 k'a$ 'рука' (южнобushmanск.) развивается в два корня $t'a$ и $k'a$, а те соответственно в ta (см. $a-ta$ в логба) и ka (см. ka в бамана, $e-ka$ в мбунду и др.); исходное слово образовано с тремя артикуляционными преградами, далее используется только две преграды и на современной ступени деривации (см. примеры из логба, бамана и мбунду – одна преграда)... Кликсовая звуковая система является промежуточным состоянием между жестовыми, кликовыми и голосовыми экспрессивными средствами приматов и голосовыми системами современных языков". R. Stopa. *Structure of Bushman and its traces in Indo-European* (Wrocław, 1972, с. 29).

звуки и не дифференцируемых в зависимости от положения органов речи или характера дыхания. И смысл, и форма этих возгласов были максимально обобщёнными, не соотносимыми с современными понятиями. В основе дуализации понятий лежала необходимость ориентироваться во времени и пространстве (вне человека и внутри его мозга),¹⁸ реализованная посредством двухполушарного строения мозга.

То, что описанная модель основывается на реальных фактах, подтверждают примеры из африканских языков. Например, в языках банту выделяются три семантико-грамматических поля – земли, солнца и воды, в центрах которых реконструируются три корня, являющиеся дериватами от еще более древнего корня с синкретичным значением стихии, не подвластной человеку. Этот протокорень представляет собой лабио-глоттально-язычный многофокусник, артикулировавшийся при одновременном взаимодействии языка, губ и глотки и реализовавшийся в зависимости от целевой установки говорящего посредством лабио-глоттализованного дрожащего, плавного или язычного консонанта. Каждый многофокусник отражал спецификацию исходного элемента деривационного ряда в определенном отношении: в одном деривате развился лабиоглоттальный компонент, во втором – язычный, затем произошел распад лабиоглоттального на лабиальный и глоттальный, а язычного – на дрожащий и плавный, и т. д., – вплоть до наших дней.

Можно предположить, что дифференциация артикуляции путем противопоставления резонаторных (лабио-глоттализованных) движений не-резонаторным (язычным), выступая как означающее десинкретизации значения (в ходе формирования представления о воздушно-водной среде в противовес твердой) привела к распаду первообразного многофокусника и образованию на его базе двух поликонсонантов менее сложной структуры (при параллельном употреблении протоконсонанта со значением синкретичной стихии). Один поликонсонант (в африканских

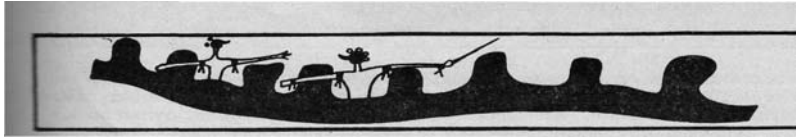
¹⁸ См.: Л. З. Сова. *Африканистика и эволюционная лингвистика* (СПб, 2008), Л. З. Сова. *У истоков языка и мышления. Генезис африканских языков* (СПб, 1996), Л. З. Сова. *Эволюция грамматического строя в языках банту* (Ленинград, 1987).

языках он соотносился со значением воздушно-водной субстанции) явился развитием резонаторных (лабиоглоттальных, а затем и назальных) движений с постепенным затуханием язычного компонента, второй (его значение было связано с представлением о твердой среде) реализовал противоположную тенденцию: усиливать язычную и ослаблять лабиоглоттальную артикуляцию.

На следующем этапе эволюции в сфере означаемых возникло противопоставление «твердей земных» «твердым небесным». Это различие закрепилось посредством артикуляции, вызвав дифференциацию латеральных и язычных движений на дрожаще-латеральные и альвеолярно-дентальные. Дрожащие и латеральные согласные стали выступать во многих языках банту как означающие «твердей небесных» (солнца, луны, небес, звезд и т. п.), альвеолярные и дентальные – «твердей земных» (земли и «принадлежащих» ей твердых тел).

Параллельно этому процессу шло образование семантико-грамматических полей вокруг каждого корня. Например, реалии, которые говорящий выделял из остальных как содержащие воду или обитающие в воде, он обозначал посредством «водного» корня, реалии, излучавшие свет, – посредством «солнечного» корня, и т. д. Так возникли названия многих животных, растений, явлений природы, предметов обихода и прочих реалий. Далее появились дериваты этих дериватов и т. д., – вплоть до наших дней.

Процесс образования лексики нашел отражение в мифах многих народов о мироздании. Мифы донесли до нас не историю мироздания, а историю словообразования. Посредством мифологем и теофорных образов говорящий фиксировал не только последовательность формирования лексики, но и характер деривационных отношений между исходным и производными корнями. Например, близнечные образы можно рассматривать как отражение дуалистического характера процедуры дифференциации корней. Образ мирового дерева соотносится с деривационным процессом в целом. Звукопись при построении теофорных образов служит ключом для восстановления фонетических обликов протокорней. Портретная характеристика богов и героев выступает как мнемоника деривационных связей, и т. п.

Рассматривая мифы и легенды как летописи деривационных процессов и интерпретируя мифологемы как отражение представлений первобытного человека о формировании не реалий, а их названий, исследователь получает мощный инструмент для воссоздания истории развития языкового сознания, экспликации генеалогических связей между языками и восстановления облика той действительности, которая окружала человека, ставшего на путь ее постепенной дискретизации и отразившего пройденные его языковым сознанием рубежи посредством деривационной истории слов и легенд о сотворении мира. За этим процессом легко угадывается библейская история о сотворении мира.¹⁹ Тот же сюжет представлен в легендах многих народов мира.

В мифах бамбара описывается, что после периода полного хаоса из первоначальной материи появились стихии, живые существа и неодушевленные предметы. Их становлению помогли космические взрывы, вибрации и творческое слово. Этому периоду предшествовала эпоха накопления творческих сил, произ-

¹⁹ «1. Вначале сотворил Бог небо и землю. 2. Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною; и дух Божий носился над водою. 3. И сказал Бог: да будет свет. И стал свет. 4. ...и отделил Бог свет от тьмы. 5. И назвал Бог свет днем, а тьму ночью. И был вечер, и было утро: день один... 7. И создал Бог твердь; и отделил воду, которая под твердь, от воды, которая над твердь. И стало так. 8. И назвал Бог твердь небом... И был вечер, и было утро: день второй... 10. И назвал Бог сушу землею, а собрание вод назвал морями... 11. И сказал Бог: да произрастит земля зелень... 13. ...день третий. 14. И сказал Бог: да будут светила на тверди небесной... 16. И создал Бог два светила великие: светило большее, для управления днем, светило меньшее, для управления ночью, и звезды... 19. ...день четвертый. 21. И сотворил Бог рыб больших и всякую душу животных пресмыкающихся, которых произвела вода, по роду их, и всякую птицу пернатую по роду ее... 23. ...день пятый. 24. И сказал Бог: да произведет земля душу живую по роду ее, скотов, и гадов, и зверей земных по роду их... 26. И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему, по подобию Нашему... 31. И был вечер, и было утро: день шестый». Библия. Бытие. Гл. 1.

веденных вибрацией в первоначальной пустоте. От этой безмолвной субстанции по зову голоса, исходящего при колебаниях, отделился ее звучащий двойник. Их союз породил влажную субстанцию и привел к борьбе, результатом которой был космический взрыв, изливший плодородную материю и знаки, предвещавшие зарождение предметов. Далее начался процесс сотворения живых существ, растений и предметов – всего 22 витка спирали. На первом витке возник властелин слова Фаро, одним из обликов которого была чудотворная вода, затем появились божества воздуха и дыхания, далее – остальные духовные сущности с их материальными воплощениями во Вселенной.

Верховное существо пантеона сенуфо Кулотиоло, имеющее чрезвычайно абстрактную форму, буквально заполняет космос; оно присуще всем людям, животным и вещам; оно определяет их материальное существование и придает ему смысл. Центральные группы сенуфо, обитающие в районе Корхого и возглавляемые племенами тиёмбара, утверждают, что в первый день Кулотиоло, вышедший из небытия благодаря своему божественному слову, построил себе небесное жилище и зажег солнце, чтобы оно светило днем, а также луну и звезды, чтобы они сияли ночью. На второй день Бог опустил вниз кусочек небесного свода, сотворив таким образом Землю, и поднял на ней горы, и т. д. (до появления человека и животных). Подобную роль в пантеоне бете играет Лаго. Он буквально заполняет всё пространство. Все формы бытия не только исходят от него, но сами являются также Лаго. Лаго появляется из небытия после возникновения главных сил Вселенной, породивших искусство говорить. Далее следует процесс сотворения мира, о котором уже шла речь выше.

Эти примеры подтверждают, что гипотеза о синкретизме и максимальной обобщенности языкового первоэлемента (номината) в полном соответствии с принципом параллелизма повторяет представления древних о генезисе денотата, т. е. о мироздании. Библейская легенда о мироздании, демиургом которого было Слово, является отражением процессов **словотворчества** в голове мыслящего индивида, а не процессов **создания мира** во внеязыковом пространственно-временном континууме. История возникновения слов стала впоследствии интерпретироваться на

основании принципа параллелизма как история образования их денотатов.²⁰

Параллельно образованию лексики происходил процесс формирования вербальных категорий. Аналогично тому, как применяется аналитический метод к исследованию генезиса лексики,²¹ он может быть использован при моделировании эволюции грамматических категорий. Так, образование категории существительных в африканских языках можно представить как последовательную бинаризацию исходного понятия – в виде дерева, каждый узел которого возникает в результате деления предыдущего элемента путем соотнесения с очередной антиномией. Пер-

²⁰ Историю развития своего сознания говорящие считали настолько важным фактом своей ‘биографии’, что постепенно придавали ей статус божественного откровения и вменяли в обязанность всем поколениям свято ее хранить. Процесс мироздания Библия не случайно начинает формулой: ‘Вначале было Слово (Логос), и слово было у Бога, и слово было *Бог*’. Слово в устах человека, давшего себе имя, артикулировавшееся в виде лабиоглоттального многофокусника, о котором в языках-потомках свидетельствуют рефлексы различных лабиовелярных консонантов (ср. *Бууи* у бете, *Бог* у славян, *Яхве* у израильтян и т. п.), стало demiургом Вселенной, как этот процесс понимали древние, которые, в силу принципа параллелизма между названием и вещью, мир слов отождествляли с миром реальных (это повсеместно отражено в табу, заклинаниях, обрядах и пр.) и интерпретировали процесс образования слов как процесс создания реальных, названных этими словами. “Физическому порождению очень близко порождение предметов путем их словесного названия, поскольку последнее есть некая духовная эманация божества, а не творение из ничего (егип. Птах создает мир ‘языком и сердцем’; ср. мотив возникновения вселенной по приказу, требованию: серия приказов в мифе маори (Новая Зеландия), в результате которых совершаются основные космогонические акты, или миф индейцев хайда, где подобные приказы отдает ворон)”. *Мифы народов мира*, т. 2 (М., 1992, с. 8). Поэтому *слову, животворящей речи* в большинстве религий отводится главная роль, а верховное божество в пантеонах народов Тропической Африки, как отмечается в литературе, носит характер простого философского понятия, идеи в чистом виде, плодотворного слова.

²¹ Процедуры, построенные на основании аналитического метода, включают в себя следующие операции: фиксация языковых явлений, выявление оппозиций, позволяющих различать их составные части, «разборка» элемента на эти части, синтез из них целого, сопоставление полученного конструкта с исходным явлением и, в случае их совпадения, построение его определения на основании проведенной процедуры.

вичным в этой иерархии (корнем дерева) является нерасчлененное общее (аморфное) понятие. Затем происходит его поэтапная постепенная конкретизация.

Материалы различных языков показывают, что этот процесс управляется поэтапным введением в действие (формированием в сознании говорящего субъекта) антиномий, которые определяют проведение вербальных операций. Это следующие противопоставления: наличие связи – ее отсутствие, аффирмативность – негативность, временная связь – постоянная, контакт – его отсутствие, тождество – различие, количество – качество, обладаемое – обладатель, часть – целое, большое – маленькое, внутри – снаружи, до – после, длительность – мгновенность, типы соотносимости по величине, форме, взаимному расположению, точечность – направление, и т. д.²² После возникновения данных оппозиций в вербальном аппарате начинается «игра» со временем и пространством.

Происходит последовательная дифференциация (бинаризация) пространственно-темпоральных значений путем иерархизации пространственных и темпоральных ориентиров по отношению к говорящему субъекту. Иерархизация начинается с этапа деления пространственно-временного континуума на внешнее время-пространство (по отношению к говорящему) и внутреннее время-пространство. В этот период формируется партитивно-посессивный строй. Затем наступает этап упорядочения пространственных характеристик объектов, окружающих человека (пространственная стадия языкового мышления), далее следует темпоральная стадия, когда языковое мышление сосредоточивается, в основном, на темпоральных характеристиках наблюдаемых явлений («внешнем времени»). С современным состоянием вербального мышления соотносится стадия языкового анализа – синтеза, которая характеризуется интересом говорящих к «внутреннему времени – пространству», т. е. времени – пространству

²² Взаимодействие перечисленных параметров в истории языков банту и их полный перечень содержится в моих монографиях «*Эволюция грамматического строя в языках банту*» и «*У истоков языка и мышления. Генезис африканских языков*».

мозга говорящего субъекта и процессов его речевой деятельности. Эта стадия может быть названа модальной.

Перечисленные антиномии выступают как операторы, вызывающие бинаризацию ветвей дерева в процессе спецификации первоэлемента. Каждый новый узел как бы «впитывает» в себя характеристики, возникающие при манифестации очередной оппозиции. «Цветочки» дерева – это сегодняшние лексико-грамматические категории (род, число, падеж, наклонение, и т. д.), которые отражают результат деления исходного понятия. Графически этот процесс можно изобразить как путь от корня к побегам. Чем больше этапов «роста», тем богаче, многообразней грамматическая категория, тем больше дифференциальных признаков в ней присутствует. И соответственно – тем она старше.

Противопоставление существительного и глагола относится к числу самых древних.

Материалы африканских языков показывают, что его история начинается с этапа появления синкретичной категории номино-вербалов. Их осколками в языках банту²³ являются идеофоны и корни с префиксами *uku*-класса, которые могут функционировать одновременно и как существительные, и как глаголы (инфинитивы). В недрах этой двуединой категории начинается формирование партиитивно-посессивных и количественно-качественных отношений²⁴.

Взаимодействие «первичных» антиномий между собой приводит к появлению новых оппозиций: «часть – целое» и «посессор – принадлежность», с одной стороны, и «качественно-количественная конкретность – неконкретность», с другой. Затем в рамках количественной конкретности происходит формирование категории числа, а в сфере качественной конкретности – категории определенности и неопределенности, лежащей у истоков образования артиклей, демонстративов, различных показателей опре-

²³ При формировании каждой категории сохраняются «осколки», позволяющие восстанавливать весь путь пройденной ею бинаризации. Именно они оказываются особенно важными для составления эволюционного «портрета» языкового элемента.

²⁴ До них, как отмечалось выше, возникли категории, выявляемые посредством оппозиций «конкретное – неконкретное», «мое – не мое», «снаружи – внутри», «дискретное – непрерывное» и др.

деленности – неопределенности в языках банту. В зависимости от ранжирования по способам связи между целым и его частями, посессором и его принадлежностями, выявляется спецификация посессивных отношений, и выделяются четыре ранга обладателей: посессор высшего ранга, среднего, низшего, не посессор. Детальные взаимосвязи устанавливаются аналогично в сфере «часть – целое».

Упорядочение этих отношений и превращение их в систему признаков, отвечающих за конкретизацию языковых значений, являются отправной точкой в противопоставлении имени и глагола в африканских языках. Дальнейший процесс связан с субкатегоризацией существительных и образованием таких специфических для существительных категорий, как согласовательные классы, склонение, род, число, аугментативность, диминутивность и др. Параллельно идет развитие глагольной подсистемы и субкатегорий глагола (от аспектных и залоговых подсистем, как самых древних, к темпоральным, а затем к модальным).²⁵

Например, посессорами высшего ранга в африканских языках признаются мужчины, как обладатели неотчуждаемых и отчуждаемых принадлежностей (имущества); к последним относятся «не-посессоры» (скот) и посессоры более низких рангов (женщины, дети). Посессорами среднего ранга являются женщины, как обладатели неотчуждаемых принадлежностей (частей тела, свойств) и имущества; таковым считаются посессоры самого низкого ранга (дети) и не-посессоры (утварь). И, наконец, в качестве посессоров самого низкого ранга выступают дети, слуги, чуже-

²⁵ Ср. полученные результаты с эволюцией тех же категорий в индоевропейских языках: «Преобразование глубинной структуры праиндоевропейского языка выразилось в переносе доминантной классификации из сферы имени в сферу глагола, который начинает различаться по бинарному принципу транзитивности – интранзитивности, становящемуся определяющим классификационным принципом, имплицитно определяющим ряд характеристик в поверхностной структуре языка. Содержательная оппозиция с класса имен переносится на класс глаголов. Такой сдвиг в глубинной структуре языка с именной оппозиции на глагольную отражает, по-видимому, процесс перехода с более конкретного именного противопоставления на более абстрактное глагольное, с противопоставления конкретных денотатов на противопоставление типов действий и деятельности». Т. В. Гамкрелидзе, Вяч. В. Иванов. *Индоевропейский язык и индоевропейцы*, т. 1 (Тбил., 1984, с. 312).

земцы, старухи и другие неполноценные, в соответствии с первобытным мировоззрением, существа. Указанные характеристики повсеместно выявляются при анализе систем именных классов.

Из этого противопоставления (вместе с делением на части и целые) и классификации частей по типам (душа – тело; части, имеющие жизненную силу, – части, не обладающие ею; движущиеся части – неподвижные) формируется арсенал именных категорий. Так, в одних речевых коллективах возникает противопоставление живого неживому (с одной стороны, «все посессоры и те не-посессоры, которые воспринимаются как целые с частями, обладающими жизненной силой», с другой – «не-посессоры без жизненной силы»). Это – посессивные отношения. Для ряда языков они оказываются краеугольными. В них появляется оппозиция социально активных и социально пассивных предметов. В класс социально активных попадают люди, животные, растения, персонифицируемые существа и вещи, боги, силы природы (по-видимому, изначально также признаваемые богами). К социально пассивным предметам была отнесена утварь, части растений (листья, плоды), «части людей» (тела и занимаемые ими локации).

В других речевых коллективах первичным признаком оказалась партитивность (часть – целое), а не посессивность (обладаемое – обладатель). Поэтому акцент был перенесен с признака посессора («жизненная сила») на часть целого («душа»). Здесь появилось противопоставление одушевленности и неодушевленности. В некоторых языках оно закрепилось посредством дифференциации вопросительных местоимений (ср. *nani* 'кто' – *nini* 'что' в суахили на фоне прото-банту **ni*, давшему в зулу склоняемое по классам вопросительное слово с синкретичным значением 'кто, что': *ubani*, 1-й кл., ед. ч., *obani*, 1-й кл., мн. ч., *umuni*, 2-й кл., ед. ч., *imini*, 2-й кл., мн. ч., *lini*, 3-й кл., ед. ч. и т. д.).²⁶ Абстрагирование совокупности посессоров всех рангов от не посессоров результировалось противопоставлением людей и

²⁶ Противопоставление одушевленности – неодушевленности и социальной активности – социальной пассивности, как полагал Д. А. Ольдерогге, проявилось также в оппозиции классов людей и классов вещей (ср. *tuntu* 'человек' – *kintu* 'вещь' в суахили).

остальных предметов. Деление на посессоров трех рангов стало источником возникновения грамматического рода (мужского, женского и среднего). Затем в этот процесс стали вовлекаться непосессоры. Посессивная классификация была переосмыслена как половая. При этом распределение по родам существительных, не имеющих пола, оказалось немотивированным.

В зулу и других языках банту этого нет. О формировании грамматической категории рода судить сложно. Однако, учитывая типологию развития посессивности, можно предположить, что отнесение к женскому роду неодушевленных предметов связано с их прежней принадлежностью посессорам женского ранга, или сходством по форме с этими посессорами, или функционированием в особом «женском языке» (наличие таких диалектов характеризует многие африканские этносы). Аналогичное толкование можно представить и для «бесполох» слов мужского или среднего рода.

В дальнейшем классификация по родам стала опираться только на грамматические признаки, которые сформировались у существительных каждого конкретного языка по-своему и привели к появлению свойственных только им грамматических категорий (рода в одном случае, именного класса – в другом, склонения – в третьем, и т. д.). Субкатегоризацию посессоров сопровождала аналогичная эволюция отношений «часть – целое». Взаимодействие этих процессов привело к возникновению различных типов иерархизации существительных, которые зафиксированы в языках банту и позволяют говорить о наличии в каждом из них специфической системы грамматических категорий (именной класс, грамматический род, число, определенность – неопределенность, аугментативность – диминутивность и др.).²⁷

²⁷ Эти результаты можно опять-таки сравнить со следующим тезисом Гамкрелидзе-Иванова: «К именам активного класса относятся именные образования, обозначающие людей, животных, деревья, растения, то есть имена, денотаты которых характеризуются наличием у них жизненной активности, в противовес именам инактивного класса, денотаты которых являются объектами, лишенными жизненного цикла... Поэтому имена, обозначающие деревья в индоевропейском, относятся к активному именному классу, тогда как плоды этих деревьев мыслятся как инактивные объекты, соотносимые с инактивным именным классом... К... именам, относимым к активному классу, при-

Эти наблюдения позволяют разделить историю языков банту²⁸ на три периода: 1) партитивно-посессивный строй;²⁹ 2) пространственный; 3) темпоральный. В настоящее время формируется новый способ отражения действительности – темпорально-модальный. Указанные периоды можно изобразить с помощью рисунка, приводимого далее. На нем представлена попытка передать с помощью зрительных образов общую линию развития глоттогонического процесса и трансформацию языкового сознания. Основная тенденция вербальной деятельности, проявляющаяся в создании все более утонченного аппарата отражения объективной действительности, выражена посредством изменения графических приемов. Сначала языковое сознание как бы прочерчивает во мраке неизвестности контур реалии (1-й рисунок, соответствующий категориям партитивно-посессивного строя), затем оно строит плоскостной образ (2-й рисунок, символизирующий развитие языкового сознания в эпоху пространственного строя) и, наконец, последним создает объемное изображение (3-й рисунок, пространственно-темпоральный строй). На первом рисунке реалии как бы не имеют общего времени и пространства: каждая из них мыслится конкретно, время и пространство оказываются их неотъемлемыми принадлеж-

надлежат названия подвижных или наделенных способностью к активной деятельности частей человеческого тела: рука, нога, глаз, зуб и другие, а также названия персонифицированных, активно мыслимых явлений природы и абстрактных понятий: ветер, гроза, молния, осень, вода, река; рок, судьба, доля, благо и др. ... К активному классу относятся также названия светил и космических тел (солнце, месяц, звезды)». Ibid., с. 274.

²⁸ Л. З. Сова. *Эволюция грамматического строя в языках банту* (Л., 1987, с. 309–339).

²⁹ Так, в языке зулу с партитивно-посессивным периодом соотносятся следующие явления. Все существительные в зулу отражают деление слов на те, которые являются обозначением посессоров, и те, которые служат для номинации целого и его частей. Посессоры распределяются на два типа: владеющие отчуждаемыми (часто «себе подобными») принадлежностями и неотчуждаемыми, а «части» классифицируются в зависимости от того, каким способом они отделяются от целого. В других языках банту дело обстоит так же. Эти характеристики лежат в основе системы именных классов: во всех языках банту наличествует дифференциация восьми классов реалий, обозначаемых посредством префиксов.

ностями, – такими очевидными, что сознание не останавливается на них и не регистрирует их в языке и в графических изображениях.

Абстрагирование пространства от вербализуемых реалий приводит к появлению способов его регистрации в языке и в живописи. Реалии начинают фиксироваться как феномены, обладающие одним общим свойством – пространством. Это свойство объединяет предметы, упорядочивает в плоскости рисунка, связывает композиционно в единое целое как подвижные части одного и того же пространственного механизма (рис. 2). Введение темпоральной перспективы (рис. 3) дает возможность сформировать категорию информации как абстракцию от вербальных процессов. Именно речь объединяет элементы третьего рисунка в одно композиционное целое. Поэтому на первом рисунке реалии изображены в статике, на втором – в динамике движения, на третьем – в динамике обмена информацией (вербальной деятельности).

Предыстория образования категории существительных во всех языках банту относится к первому периоду. Дивергенции на различные языки тогда еще, по-видимому, не было. То, что

наличествовало в языке-предке, впоследствии перешло в дочерние языки и оказалось тем общим, что объединило их в одну семью. В сфере имени существительного это – система именных классов. Языки банту, а вместе с ними и системы именных классов, не оставались неизменными со времени посессивно-партитивного строя. В жизнь вступали новые признаки эпохи пространственных, темпоральных и модальных отношений. На их базе создавались характеристики, которые специфицировали в том или ином направлении значение каждого класса и всей системы имен существительных в целом. Слово приобретало новый подтекст, в каждом языке свой, но одной из его «частей» неизменно оставалось общее значение, которое возникло в «исходную» эпоху (при партитивно-посессивном строе) и сохранилось у всех членов данной семьи.

В итоге появился комплекс характеристик, которые конкретизировали по-своему значение существительных в каждом языке. Возникли системы согласовательных классов, индивидуальные в деталях (см. верхние ветви дерева), но внутренне сходные (благодаря посессивно-партитивному «корню» дерева). Рост дерева и удаление побегов от корня привели к тому, что в современных языках стало острее всего ощущаться «более близкое к нам» значение (пространственно-темпоральное и модальное в современных существительных, а не партитивно-посессивное). Свидетельством уменьшения роли пространственных значений и увеличения веса темпорально-модальных является, в частности, тенденция языков банту использовать старые локативные связи для выражения новых – темпоральных – значений.

Чем дальше от нас значение, тем менее четко оно воспринимается. Поэтому партитивно-посессивный подтекст грамматических категорий выявляется значительно труднее, чем темпорально-модальный или пространственный. Особенно это заметно при сравнительном анализе имени и глагола. Хотя обе категории, по-видимому, возникли на основании внутреннего противостояния номинно-вербалов в эпоху партитивно-посессивного строя, «обзаводиться» грамматическими категориями, прежде всего, стало имя, – этому благоприятствовали дифференциальные признаки самой эпохи партитивно-пространственных отношений.

Глагол как грамматическая категория долгое время продолжал оставаться мало активным. Развитию его категорий не способствовали оппозиции пространственного строя. В эту эпоху глагол, скорее всего, можно определить с помощью отрицательного признака: «то, что не имя». Затем наступила новая эпоха – темпоральных отношений, эра глаголов. Все основные глагольные категории (развернутая система времен в языках банту) сформировались именно в этот период. От «пространственного прошлого» остались немногочисленные «аспектные» оппозиции, связанные с фиксацией различных направлений движения в пространстве глагольного действия и его квантованием (при понимании действия как «отрезка или места»), а от посессивно-партитивного – противопоставления в системе глагола, положившие начало отделению посессора от обладаемого и сказавшиеся на появлении прототипов современных залогов и субъектно-объектных отношений (см. субъектный и объектный согласователи в сказуемом).

С течением времени на них наслоились более новые (сначала пространственные, а затем темпорально-модальные) значения. Появились оппозиции, определяющие аспектные и залоговые подсистемы в том виде, как они существуют сейчас. Тем не менее, их понимание невозможно без вскрытия таких посессивно-пространственных характеристик, как протяженность действия, типы его квантования, ориентация относительно деятеля и реципиента. Описание посессора отдельно от обладаемого, сопровождаемое пространственными и темпоральными характеристиками, положило начало противопоставлению субъекта и объекта.

Язык не стоит на месте. На смену древним пришли новые категории – модальные. Возникла система наклонений в глагольном спряжении, сформировались понятия темы и ремы, модуса и диктума, появились новые части речи (модальные глаголы как специальный класс слов, модальные слова как особая «категория состояния») и грамматические средства. Например, при образовании сослагательного наклонения и будущих времен в зулу самостоятельные слова стали грамматическими формантами. Новый период, как и предыдущий, является эпохой бурного

развития грамматических средств, фиксирующих характеристики действий и состояний.

Существительное тоже не законсервировалось, не застыло в прежнем виде. Система согласовательных классов, наиболее активно формировавшаяся в эпоху партиитивно-посессивного строя, со временем стала «распадаться». Обогащенные темпоральными параметрами, именные классы расслоились на подклассы с различным темпоральным смыслом. Группы со схожей семантикой, первоначально входившие в различные классы, объединились. Приоритетная роль пространственно-партиитивных оппозиций исчезла. Ей на смену пришли модальные и темпоральные признаки.

Семантическая мотивация именных классов стала многоплановой. Выделение исходных противопоставлений затруднилось. Наиболее прозрачными оказались формальные признаки категорий, функционирующих в языке. Типология семантических явлений начала все больше превращаться в характерологию отдельных слов и их небольших групп. Все, что носитель языка фиксировал с помощью существительных, было наделено признаком предметности. Понятие «предмет» (или представление о предмете) у говорящих оказалось эквивалентом «того, что может быть названо с помощью существительного».

А. А. Потехня полагал, что существительное древнее глагола. В соответствии с описанными предположениями об эволюции языков банту, обе категории имеют один и тот же возраст, однако комплекс именных категорий сформировался прежде глагольных, что создает впечатление разницы в возрасте обеих категорий. Это впечатление усиливается тем, что расцвет существительных происходил в партиитивно-пространственный период, а глаголов – в более позднее время.³⁰

Завершая обзор применения аналитического метода к теории эволюции грамматических категорий, можно остановиться также на развитии грамматического строя в целом. Речевой механизм порождает язык, который проходит через все указанные стадии

³⁰ Более подробно см.: Л. З. Сова, «Эволюция категории существительного в разноструктурных языках», *Индоиранское языкознание и типология языковых ситуаций* (СПб., 2006, с. 421–430).

развития (от партитивно-посессивной через пространственную и темпоральную к модальной).³¹ Это подтверждается материалами различных языков. Например, названные периоды в истории языков банту (1) партитивно-посессивный, 2) спатиальный, 3) темпорально-спатиальный) соотносятся с определенными фазами развития грамматического строя и использования грамматической техники (агглютинации, синтеза, фузии и т. п.). Материалы почти 500 современных языков и диалектов банту показывают, что эти языки преобразовались из изолирующих в агглютинативно-флективные. В соответствии с этим изменились и элементы грамматического строя. В частности, служебные слова, употреблявшиеся в первый из указанных периодов для фиксации взаимосвязей между знаменательными словами, во второй период стали функционировать как локативные предлоги, а затем, утратив остатки самостоятельности, превратились в темпорально-локативные префиксы существительных (так называемые показатели локативных классов).

Согласовательные классы в языках банту также являются инновацией, возникшей в процессе преобразования изолирующего строя в агглютинативно-флективный. У истоков системы именных классов лежат структуры двух типов: просодические циркумфиксы, которые сформировались на базе циркумфлексных назальных, фарингальных и других резонаторных тонов и со временем развились в префиксы и постфиксы существительных, и синтаксические композиции из акцентируемых знаменательных слов-корней и не акцентируемых служебных моносиллабом, превратившихся в префиксы существительных. Это – структуры, типичные для изолирующего строя. Из структур первого типа развилась подсистема предметных классов согласовательной системы, к структурам второго типа восходят локативные классы.

³¹ Этап прабанту можно соотнести с моментом перехода от партитивно-посессивной к пространственной стадии, т. е. с партитивно-пространственным этапом развития языка. Прабанту, в свою очередь, является развитием языка, существовавшего до него, т. е. языка, входившего в более широкую общность африканских языков, которые на этапе партитивно-посессивного строя образовывали языковую семью, членом которой был прабанту.

Преобразование изолирующего строя в агглютинативно-флективный сопровождалось становлением нового мировоззрения: переходом от спатального способа отражения объективной действительности к темпорально-спатальному. Реликты старого, пространственного мировоззрения лучше всего сохранила самая сложная и поэтому наиболее инерционная языковая подсистема – видовременные формы глагола. Категория имени, более гомогенная, оказалась и более мобильной: пространственную таксономию, для которой использовались служебные слова и интонация, сменила пространственно-временная. Эта классификация сформировалась в системы именных классов и стала доминантой грамматического строя. Синтаксические средства, использовавшиеся для построения синтагм, начали служить словообразованию. Технику синтеза сменили фузия и агглютинация.

Распространение пространственно-временной таксономии на все явления, окружающие человека, вовлекло в сферу влияния новой категории слова, связываемые с существительными. Средством связи оказались постфиксы существительных, которые, в силу специфики выделения интонационных групп, из спутников существительных превратились в спутники слов, сопровождающих существительные, и стали согласователями. Образовалась единая система грамматических средств, определяющая языковой облик: синтагматику и парадигматику, план содержания и выражения, лексику и грамматику, категории и конкретные языковые элементы. Произошла смена эпох в осмыслении человеком окружающей действительности. Следы этого процесса зарегистрировали все языковые формы.

Параллельно развитию языкового сознания шли модификация артикуляционных навыков и формирование означающих. Чем древнее техника образования слова из более простых составляющих, тем сильнее их взаимопроникновение и тем труднее вычлениваются части из целого. Наиболее сильны в современных языках банту связи в финалях корней (интонационно, семантически, морфологически). Поэтому технику оформления финалей корней³² можно рассматривать как соответствующую наиболее

³² В одних случаях финали корней и слов совпадают, в других нет, поскольку к ним добавились постфиксы. Наиболее древние постфиксы

древнему языковому состоянию. Эта техника является реализацией правосторонней тенденции удлинения слова и накопления информации. Можно выделить следующие приемы правосторонней техники: словосложение, редупликация, суффиксация, регистрово-тембровое варьирование финального гласного (в частности, переогласовка и назализация корневой финали, превращающаяся при суффиксации во внутреннюю флексию). Эти приемы восходят к технике соположения – последовательного удлинения исходного элемента путем добавления к нему нового.

Самые древние лексические пласты образованы этим путем. Так, в зулу редупликация наиболее отчетливо представлена в идеофонах и терминах родства. Результатом применения техники соположения является большинство местоименных и глагольных корней (практически это все многосложные глаголы, поскольку глаголы с финальными *-pha*, *-ma*, *-tha*, *-na*, *-la*, *-ka*, *-sa*, *-za*, *-ba* являются дериватами от идеофонов, имен или глаголов). Почти все основы многосложных существительных образованы в результате словосложения, редупликации или суффиксации. Вариация финального гласного повсеместно служит означающим категории аффирмативности – негативности. Кроме того, она представлена в большинстве синкретичных корней, соотносимых с именами и глаголами. Особо важную роль она играет в функционировании односложных корней. Вместе с редупликацией, суффиксацией и регистрово-тембровыми характеристиками она участвует в образовании наиболее древних залогово-аспектных форм глагола (контактива, статива, дисперсива, сокращенного перфекта и т. п.) и наиболее реликтовых категорий существительного (диминутива, аугментатива, женского рода и т. п.).

Становление пространственного мировоззрения знаменовалось тем, что говорящий начал мысленно очерчивать границы вербализуемой реалии. Любой объект стал фиксироваться как занимающий определенное место в пространстве. Затем этот подход был перенесен на слова – заместители объектов в вербальном пространстве. Осознание слов в качестве пространственных образований, имеющих границы в вербальном пространстве,

слились с корнями и не вычлениаются из основ в синхронном плане, а экстрагируются только при сравнении с однокоренными словами.

революционизировало артикуляцию: она стала строиться на чередовании ритмических единиц (импульсов вдоха – выдоха, имплозии – эксплозии, пауз – звуков), имеющих значение пограничных сигналов. Границы слов превратились в слепки с мысленных контуров, проводимых говорящим вокруг номинируемой реалии. В силу линейности способа регистрации продуктов речевой деятельности, контуры, окружающие реалии, стали циркумфиксами вокруг номинатов реалий. У слов появились ограничители слева и справа.

Циркумфиксная «право-левосторонняя» техника стала доминантой в способах образования означающих. Любая языковая структура начала оформляться с помощью этой техники. Циркумфикс превратился в символ цельнооформленности и законченности языковой единицы – каждая языковая единица, которой присваивались эти признаки, оформлялась с помощью циркумфиксов. Этот переход произошел постепенно и, подобно прежним преобразованиям, незаметно для говорящих. Такой эффект оказался возможным благодаря интонации. Все началось с усиления тенденции использовать тонально-тембровую вариативность корневых финалей в качестве доминирующего способа словообразования. Чем больше расширялась сфера применения данного способа, тем сложнее становился характер обертонов и тем тоньше – дифференциация регистровых параметров.

В результате использования тембровых и регистровых возможностей артикуляционного аппарата речь делалась все красочнее, а тональные контуры слов сложнее. Ведущим стал циркумфлексный характер построения тоном и их последовательностей. Темброво-регистровый рисунок оказался не менее важным признаком слова, чем его фонемный состав. Из факультативного резонатор превратился в обязательный фактор артикуляции. Значимость приобрел не только факт его включения – выключения, но и тип резонаторной полости. Артикуляция согласных стала играть роль «реле», замыкающего цепь темброво-регистрового механизма: необходимым проводителем артикуляции назальных согласных оказался назальный обертон, заднеязычных, велярных и глоттальных – фарингальный, билабиальных – лабиальный и т. д.

Включение резонатора не ограничивалось пределами одного слога и могло распространяться влево и вправо. Поэтому во время активного состояния резонатора фиксация границ слова превращалась в установление момента и длительности включения резонатора (например, первое слово произносилось назальным тоном, второе нет, благодаря этому начало и конец назализации воспринимались как граничные сигналы, фиксирующие инициаль и финаль слова, и метки его цельнооформленности). Такая же роль появилась и у скользящих нисходяще-восходящих и восходяще-нисходящих тоном. Аппарат циркумфлексной техники, примеры которой сохранили все современные языки, занял главенствующее положение в сфере производства означающих. Регистровые особенности этой техники наиболее четко прослеживаются на материале групп E, F, G и H (М. Гасри), роль резонаторов подробнее всего освещается при характеристике юго-западных банту.

Ритмизация речи и циркумфлексные тона явились теми средствами, которые привели к конституированию слова как основной единицы языка – интонационного и семантического целого, имеющего границы слева и справа. Тональная структура слова стала своеобразным магнитом, притягивающим к корню слева и справа служебные синлабемы. В образовавшихся структурах центральным оставался корневой слог, – на него падало так называемое этимологическое ударение, он определял характер раствора гласных при артикуляции соседних слогов, место образования согласных, регистрово-тембровый рисунок, длительность и интенсивность звучания, имплозии – эксплозии и всех остальных процессов, происходивших в слове. Тенденция к ритмическому чередованию вдоха – выдоха, эксплозии – имплозии, ударных – неударных слогов результативалась синлабемным равновесием: слева и справа от корневого слога появилось одинаковое количество языковых единиц – циркумфиксная рамка. Ее элементы впоследствии превратились в префикс и суффикс.

Моносинлабемы, минув этап двусложности, развились в трехсложные слова, образующие наиболее обширный лексический пласт современных языков и воспринимаемые в них как первообразные основы. Кроме моносинлабем, в эту эпоху функционировали также двусложные корни, которые образо-

вались из моносиллабем в результате редупликации, словосложения и постфиксации в период развития правосторонних тенденций удлинения слова. Поначалу они были сложными образованиями, и корень вычленялся в них и интонационно и семантически. Ритмомелодические особенности артикуляции, отмеченные выше, способствовали объединению корня с постфиксом и образованию монолита. Так возникли двусложные основы, часть которых, благодаря фузионным процессам на стыке корней и постфиксов во время вариации корневых финалей, стала восприниматься как первообразные корни (ср., например, в зулу: *inkomo* – *inkunzi* – *inkomazi* с исходной корневой моносиллабемой *kho* – *khu*).

В этих корнях ударение также падало на первый слог, выделяя его как исходный и наиболее значимый. Перед его произнесением делался вдох, поэтому во время его образования артикуляционные органы обладали наибольшим напряжением. По мере продвижения к финали это напряжение ослабевало. Возникали явления, отмечаемые во всех языках банту: редукция финальных гласных, падение высоты тона, стертость артикуляции и т. д. Естественным завершением артикуляционных движений была пауза, служившая пограничным сигналом и препятствовавшая удлинению слова вправо. В отличие от этого, слева от корня непосредственно перед его произнесением наблюдался интонационный пик – аккумуляция энергии вдоха, сопровождаемая серией противоположно направленных артикуляционных движений смыкания и размыкания. Этот интонационный «вихрь» был средой, в которой стали развиваться процессы удлинения слова влево. У двусложных корней и основ появились сателлиты слева, впоследствии превратившиеся в префиксы и проклитики. В одних случаях это были «сгустки» интонационной энергии, «осевшей» на корневой инициали (например, материализация назального или фарингального обертона), в других – служебные моносиллабемы. В итоге каждое слово превращалось в структуру, имеющую ядро, симметрично окаймляемое формативами.

Циркумфиксная рамка стала доминирующим способом оформления существительных. Появились повторы циркумфиксных структур по методу вложения внутреннего циркумфикса во внешний. Наиболее заметен «матрешечный» характер структуры

существительного в кете (L21, М. Гасри), где происходит круговое построение не только морфем в составе основы, но и фонем, из которых создаются морфемы: слой гласных окружает слой согласных, затем снова следует «вокалическая прокладка» и т. д. Хотя циркумфиксная тенденция словообразования практически угасла, и сращения морфем в составе основ скрывают ее от наблюдателя, обращение к диалектным и речевым вариантам позволяют ее реконструировать во всех языках. Больше всего следов циркумфиксных структур сохранилось в основах существительных, заканчивающихся на назальный и начинающихся назальными композитами, в которых на синхронном уровне назальный компонент не отделим от корневого, хотя и возник в результате назализации (особенно богаты такими композитами языки Конго). Ту же природу имеют и композиты, в которых активизация назального резонатора привела не к назализации инициали, а к ее спирантизации или озвончению (например, в сукума, сото-тсвана, шона и т. д.). В зулу циркумфиксная техника применяется при образовании локативной формы существительных; предлогов, в состав которых входят префиксы, коррелирующие с постфиксами, определительной формы и многих из подсистем глагольной парадигмы.

С развитием темпоральных взглядов все большую роль стали приобретать проблемы компрессии и предсказания информации. Интерес говорящих переместился с пространственных признаков реалий (с предметов, существительных, результатов) на темпоральные (действия, глаголы, процессы), с вербализуемых объектов на их оценку, с темы на рему. В соответствии с этим стала возрастать в слове роль темпорально-модальных формантов. Усилилась важность грамматического значения слова и ослабела доминанция корня (лексемы) над остальными формативами. Появились слова, все лексическое значение которых сводится к грамматическому (см. дефективные глаголы в зулу и других языках). Показателями времени стали оформляться не только глаголы, но и имена, возникла новая грамматическая категория – копулятив. Темпорально-модальная информация превратилась в фактор, определяющий не только конструирование словоформы, но и лексический отбор. Первостепенную важность приобрела целевая установка. В соответствии с общей тенденцией нового

мировоззрения первое по важности стало сообщаться первым по времени, т. е. перед корнем. В действие вступила левосторонняя тенденция удлинения слова, которая стала постепенно вытеснять все прежние приемы. Так состоялся переход от правосторонней техники к левосторонней через посредство циркумфиксной (двусторонней).

Наиболее распространенным приемом новой техники была префиксация. Перед корнем стали употребляться не только префиксы, но также пре-префиксы и композиты морфем. Слово-сложение и связь слов путем соположения изменили направление. Например, в зулу идеофоны стали предвшаться служебными глаголами, и эти композиты уподобились составным глагольным формам (ср. с правосторонней тенденцией образования глаголов от идеофонов с помощью суффиксации, происходившего ранее). Возникла пятичленная система глагольных времен, ее означающее сформировалось также в результате слово-сложения основного глагола с вспомогательным (справа налево) и префиксации. Тенденция удлинять глагольный корень влево результировалась вовлечением в зону действия основы служебных силлабем, которые превратились затем в субъектные и объектные согласователи.³³ С существительными и наречиями начали срастаться предлоги, союзы и служебные частицы.

³³ Косвенным подтверждением того, что в зулу субъектные и объектные согласователи являются более поздним образованием, чем, например, демонстративы, возникновение которых соотносится со становлением пространственного строя, служат следующие факты. Независимо от того, с каким именным префиксом устанавливается корреляция в сфере локативных формантов (*-pha*, *-ku* или *-tu*), субъектные и объектные согласователи имеют одну и ту же форму – *ku*, так как согласование осуществляется по смыслу и поэтому использует единственный «живой» пространственный формант, выступающий в роли универсального показателя локативных отношений. Иной является картина образования указательных местоимений: форма *lapha* коррелирует с формантом *-pha*, а также *-ku*, если последний имеет пространственное значение; в темпоральном употреблении *-ku* соотносится с демонстративом *lokhu*. Аналогично в суто_с: между показателями 16-го, 18-го кл. и соответствующими им указательными местоимениями наблюдается полный параллелизм (*fa – fa*, *mo – mo*). Форма субъектного и объектного согласователя по всем трем классам (*go*) тождественна показателю 17-го кл. (*go*). В венда и тсонга демонстративы образуются от префиксов 16-го кл., а приглагольные согласователи – от формантов 17-го.

«Горячей точкой» фонеморфологических модификаций в слове стал морфемный шов в предынициали корня. Здесь происходил «разлом» тонального контура, ассонанс – диссонанс тоном и фоном, сращение морфем, словообразование, возникновение гласных и согласных, изменение их качества, количества и тембра, назализация, фарингализация, лабиализация и т. д.

Усиление левосторонних тенденций привело к тому, что все служебные моносиллабемы, в том числе постфиксы и энклитики, не вошедшие в интонационную структуру предшествующих слов из-за опосредованности контактов с корнем, стали восприниматься как проклитики соседей справа. Моносиллабемы, функционировавшие в роли постфиксов существительных во втором циркумфиксном слое и испытывавшие меньшее притяжение ядра, чем его непосредственные соседи, начали выходить из-под влияния ядра и употребляться самостоятельно, а затем, притягиваемые справа более мощными, чем они, знаменательными словами, превращаться в спутники последних. Интонационная суверенность служебных слов (ударность и импловивно-эксплозивная отделимость) из абсолютной превратилась в относительную. Рядом с могущественными монолитами, в которые переформировывались основы знаменательных слов, образовавшиеся из корней и суффиксов, служебные моносиллабемы становились все менее независимыми и все сильнее попадали под влияние соседей справа. Так возникли согласователи как префиксы слов, зависящих от существительного и предваряющих сведения об атрибутах существительного (количественных, качественных, пространственно-темпоральных и модальных) информацией о том, кому они принадлежат³⁴. Языки банту приобрели агглютинативно-флективный характер, регистрируемый в наши дни.

В заключение хочется отметить следующее. Предлагаемые принципы моделирования речевой деятельности с помощью методов аналитической лингвистики показывают, что язык – это

³⁴ Во многих языках даже после введения письменности префиксы согласовательной системы долгое время продолжали фиксироваться отдельно от основ. На их отделимость не раз обращали внимание исследователи. Например, интонационную самостоятельность этих формантов в нано, молува и калобар постоянно фиксировал в начале XIX в. Л. Мадьяр.

не живой организм, не саморазвивающееся образование, не самоорганизующаяся структура, а неотъемлемая принадлежность человеческого общества. Запись результатов речевой деятельности, их обработка и хранение, предполагающие отчуждение от говорящего индивида, создают иллюзию языка как имманентной структуры, вещи в себе, некоей данности, не зависящей от человека. Язык напоминает фотографию движущегося поезда, который соответствует речевой деятельности. Можно сравнить язык также с видеофильмом вербальной реальности. Метафора является приблизительной, потому что видеофильм поезда снимается во «внешнем времени – пространстве», а язык фиксирует речевые процессы во «внутреннем времени – пространстве». Его параметры отличаются от «внешнего континуума», – например, линейностью («синтагматичностью») записи результатов порождения текста в отличие от их «парадигматической» фиксации в трехмерном пространстве мозга.

«Развитие языка» также выступает как метафора для описания эволюции языкового мышления и артикуляционных навыков, фиксируемой посредством результатов речевой деятельности. Звуковые соответствия в родственных языках являются отражением в синхронии многообразия путей развития одной и той же артикуляционной прото-базы. Анализ артикуляционных сходств и различий в современных языках является средством выявления параметров, характеризующих прото-базу и этапы ее развития. Так, исследование разнообразных типов назальных и фарингальных рефлексов в инициалах существительных современных языков банту и сопоставление многофокусников, функционирующих в африканских языках, показывает, что современному состоянию языка с «поверхностной» артикуляцией предшествовала фаза более глубокой артикуляции, характеризующейся назальным и фарингальным обертонами, которые возникли на основании активизации назально-фарингального резонатора.

Эта артикуляция, в свою очередь, как отмечалось выше, восходит к лабиогортанному способу образования звуков в виде многофокусников. Распад исходных многофокусников на отдельные компоненты (только лабиальные, или велярные, или лабиовелярные, или ретрофлексные, или лабиовелярные с дополнительной дентальной артикуляцией и т. п.) составляет основу

звуковых соответствий в современных языках банту и является ключом для установления родства между всеми негрскими языками (нигеро-кордофанскими, шари-нильскими и койсанскими, по классификации Гринберга). С этой позиции появляется возможность объяснить особенности фонетических систем современных африканских языков и специфику развития их звукового строя (например, дифференциацию лабиальных, расширение дентального и сужение велярного аспекта фонем, взаимозаменяемость ретрофлексных, латеральных и денто-альвеолярных, наличие гомоганных композит и т. д.).

Приведенные выше иллюстрации показывают, что при рассмотрении языка как процесса и продукта речевой деятельности мыслящего индивида³⁵ появляется возможность представления развития существующих языков из протоядра, а мышления – «от нуля». Тем самым дается положительный ответ на вопрос, могла ли речевая деятельность постепенно развиться «из ничего» у субъекта, располагавшего «нашими» органами речи. Этот ответ рождает новый вопрос: являются ли «наши» органы речи результатом эволюции или на всем протяжении истории человечества они были одними и теми же.³⁶

³⁵ При моделировании вербальной деятельности выясняется, что речевой аппарат и результаты моделирования могут быть описаны в виде порождающей формальной системы. Исходными элементами этой системы являются «аксиомы» (лексический фонд, развитие которого из протоэлемента с помощью операции дуализации было представлено выше; он, видимо, составляет содержимое одного из отделов памяти). В качестве второго компонента выступают «операции» (см. перечисленные выше антиномии, позволяющие создавать вербальные категории в виде цепочек команд по их построению). Третьей составляющей системы являются «теоремы» (производные единицы, полученные из «аксиом» с помощью «операций»). Совокупность теорем, вероятно, представляет собой «систему мировоззрения» говорящего индивида. «Фабрика означаемых и означающих», как и механизм вербального мышления в целом, возможно, также представляет собой формально-логическую систему.

³⁶ Каким было языковое сознание человека в более раннюю эпоху, археологи ответа дать не могут. У них нет и доказательств того, что существовавшие ранее X тысячелетия люди были предками современных, – например, имели тот же речевой аппарат, и их вербальная деятельность осуществлялась по тем же законам, что и наша. Профессор де Люмлей из Лаборатории фонетики университета Экс-

ан-Прованс совместно со специалистами в области физиологии речи и информатики восстановил внешнюю морфологию тотавельского человека, жившего в одной из пещер Руссильона 450 тысяч лет назад. С помощью компьютера он создал действующую модель артикуляции, производимой индивидом, который имеет, аналогично тотавельскому человеку, выдвинутую вперед нижнюю челюсть с горизонтальными мышечными связками, а также лежащий в передней части ротовой полости массивный язык и не соприкасающиеся друг с другом губы. Выяснилось, что такой индивид не в состоянии произносить «более древние для человека (!)» гласные о, и. Он может артикулировать лишь различные варианты «более нового (!)» гласного е.

Для того чтобы подобная нашей модель функционировала и породила все гласные и согласные языков нашей цивилизации, надо, чтобы имеющий ее индивид обладал нижней челюстью, прикрепленной к шее вертикальными мышцами, а также параллельными губами и языком определенных размеров (меньшим, чем у тотавельского человека), который свободно двигается в ротовой полости. Доказательств, что артикуляционный аппарат одного типа может эволюционировать в аппарат другого типа, у науки нет. Поэтому кости тотавельского или какого-либо иного существа к вопросу о предке современного человека (на данном этапе развития наших знаний) отношения не имеют.

Аналогично обстоит дело и с приматами. Например, у шимпанзе, в соответствии с характеристикой Р. Стопы, «есть 11 звуков, которые в общих чертах схожи с аналогичными звуками у человека. Это один гуттуральный окклюзивный k(g), два гуттуральных фрикативных h (ларингал) и x (велярный), одна эйективная аффриката kx', два назальных звука: m (не соединяется с гласными) и n (используется только как призвук k или g, т. е. ηk, ηg), два протогласных: передний a(e) и задний o(u) и, наконец, три неполных (без задней смычки) кликса: лабиальный θ, дентальный / и латеральный //» (R. Stora, *ibid.*, с. 21). «Первый фонетический синтез, т. е. соединение гласного с согласным уже достигается в звуковых выражениях шимпанзе, например: kx'a 'крик'» (*Ibid.*, с. 22). «Кликсы не зависят от дыхания, но производятся только силой соответствующих мускулов» (*Ibid.*, с. 23). «Кликсы – это жестоподобные консонантные единицы речи, которые в противовес нашим обычным консонантам производятся только мускульной силой языка или губ без влияния дыхания. Наоборот, наши экспираторные консонанты рождает дыхание, – кроме назальных вроде m, η, для производства которых необходимо движение соответствующих мускулов плюс резонанс назальной полости (что, конечно, непосредственно связано с дыханием)» (*Ibid.*, с. 26). Однако «производятся» эти звуки иначе, чем соответствующие звуки человеческой речи, и их нельзя описать в терминах той модели, которая рассматривалась выше. Аппарат речевой деятельности приматов формируется в результате иного процесса, чем наш. «Человеческий аппарат» не является его

Попытка найти решение снова приводит к исходной задаче, и т. д., – пока мы не сталкиваемся с тайной «первотолчка» и его демиурга. Формируемые таким образом проблемы отодвигают искомое начало дальше в глубь истории. Ответа на вопрос о том, как появилась именно наша языковая цивилизация, они не дают.³⁷

усложнением, продолжением или дальнейшим совершенствованием: с момента рождения «исходные языковые единицы», которые производят приматы и свойства которых определяются устройством их речевых органов, отличаются от человеческих. Последующий процесс их развития, обуславливающий характер речевой деятельности и вербального сознания, также не копирует начальные стадии развития речи у ребенка.

³⁷ В моих работах *У истоков языка и мышления. Генезис африканских языков* (СПб., 1996); «Космогоническая лексика народов Тропической Африки», *Этнолингвистические исследования. Этнические контакты и языковые изменения* (СПб, 1995) описывается, как этот вопрос решается с помощью сведений, отраженных в легендах народов мира.

«FLYING WORDS» – A MANCHU VARIANT
OF EUROPEAN «WINGED WORDS»?

The expression «winged words» may be considered a definition of a literary genre found in many European languages: we find «krylatye slova» in Russian, «geflügelte Worte» in German, «parole alate» in Italian, «paroles alées» in French etc.. The origins are going back to Homer's Iliad and Odyssey, where the expression *epea pteroenta* is found several times to indicate particularly significant expressions which for their deep and precise meaning are «flying» – as if having wings – to the listener's ear. It came into common European use in 1884, when the German philologist Georg Büchmann published his book *Geflügelte Worte*. The essential condition for its definition is its origin: we have to know *who* created it, or, alternatively, in which *written source* it is first found (See for example «veni, vidi, vici», by Julius Caesar, or quotations from the Bible such as «an eye for an eye, a tooth for a tooth».) If one of these two conditions are not given, we have to speak (according to traditional interpretations which are not always respected) about proverbs, sayings, aphorisms etc.

It is interesting to note that a similar situation is found in the Manchu literary and folklore world: among the many genres of *gisun* («words») we find the expression «dekdeni gisun», which has several – sometimes very divergent – meanings. For the present research particularly relevant is Zakharov's translation «[...] izrečenie drevnich mudrecov» (Zakharov 1975: 800), while all other dictionaries (Hauer 2007; v. d. Gabelentz 1864; Norman 1978) content themselves with «Sprichwort, saying» etc., without any reference to an author (like Zacharov's «mudrec»).

The Manchu word *dekden(-i)* means «floating, rising» (Norman p. 57), «Aufsteigen, Aufstieg» (Hauer 2007: 100), and, again quoting Zacharov (p. 800), «letanie, parenie».

The linguistic root (Cincius 1975: 228–229) is found in tung. *dey-*

meaning «to fly» (*letet'*), a root present in many tungusic languages and in Mongol (*degde*). Cincius gives furthermore a reference to *dektenne* (p. 231) meaning «wing». Whatever is the origin of Manchu «dekden», it suggests the idea of «flying» (which is possible only with wings) and raises therefore a noteworthy association with European «winged words». This expression could therefore be the exact translation of the Manchu term (literally «flying words») - and not «proverbs» or «saying», for which the Manchus use the expression *koolingga gisun*.

A collection of «dekdeni gisun» is found in the Sibe-Manchu journal «Sibe šu wen» from where the following examples are quoted. It should, however, be underlined that the translations are sometimes very problematic (as one can judge already from the subtitle of the collection: «*anggai gisun*» – «spoken language»). Good dictionaries are missing, and in several cases the meaning of the examples can be approximately deciphered only with the help of the parallel Chinese version.

Morin hūdun ningge sain, niyalma tomorhon oci sain.

A horse is good if it is quick, a man is good if he is firm.

Cinuhūn de hanci oci fulgiyan ombi, behe de hanci oci yacin ombi.

Near at hand, cinnabar is red; near at hand, ink is black.

Gosin bici siyoošun bimbi, gosin akū oci siyoošun akūmbi.

If there is love, filial piety will exist; if there is no love, filial piety will not exist.

Sain niyalma de songko bi, joboho niyalma de jugūn bi.

A healthy man follows the tracks, a suffering man follows the road.

Sain sogi dabsun de efujembi, sain gisun mudan de efujembi.

Salt ruins tasty vegetables, the tone of the voice ruins nice words.

Jingse moo de jalan bi, sain haha de ata bi.

Green bamboo has joints, a good man has a will.

Jugūn gorode morin cinen be sambi, inenggi goidaci niyalma-i mujilen be takambi.

On a long way a horse's strength is seen, during a long day a man's heart is known. [Sibe *cinen*: strength, force]

Beyebe bardarangge beliyen haha, hehe be ferguwerengge mentuhun haha.

A foolish man praises himself, a stupid man boasts of his wife.

Bardangga lama de sain okto akū, bardangga hahade yargiyan bensen akū.

A boasting lama does not have a good medicine, a boasting man does not have a real talent.

Akta morin de emu šusiha, sain haha de emu gisun.

A noble horse has one whip, a good man has one word.

[*akta morin*: lit. «gelding»; according to the Chinese interpretation: «noble horse».]

Dasarkū hailan teksin hūwašarkū, taciburkū juse albatu ombi.

Elm trees without cure will not grow straightly, children without instruction will remain rude.

Hahai bensen be morin de tuwambi, hehe-i faksi be uno tonggo de tuwambi.

A man's ability is seen from his going on horseback, a woman's skill is seen from her needlework.

[Sibe *uno tonggo* = Manchu *ulme tonggo*]

Gosiha jui gosiyamu jiha de salirkū, tandame tacibuhangge tanggū yan salimbi.

A coddled child is not worth thirty *cash*, if taught by beating - his value is hundred *taels*.

[Sibe text unclear; translated from the Chinese version; *gosiyamu*=?]

Tanggū babe sebkerebe naka, emu baita be ten obure be kice.

Stop discussing hundred things, concentrate on one thing which is important.

[*sebkerebe* = *sibkirebe*]

Ehe ihan de ume kocin takabure, pile niyalma de ume duka takabure.

Do not allow a bed ox to recognize a well, do not allow a knave to recognize a door.

[*kocin* = *hūcin*; *pile* < Chin. *pi*? The Chin. version has *laipi* «knave».]

Šadaha ihan de jugūn goro, banuhūn niyalma de ba goro.

For a tired ox the road is long, for a lazy man a mile is long.

Alin cargi aisin be hederere anggala, bethei dalbai mora hamu be hedere.

Instead of collecting gold beyond the mountain, collect horse-dung near your feet.

[mora (misprint?)= morin]

Erdei agade hadufun be leke, yamjishūn agade cirku be belhe.

Grind the sickle during the morning rain, prepare the pillow during the evening-rain.

Boo boigon hūwaliyasun oci, suwayan boihon aisin ubaliyambi.

If there is harmony in a household, the yellow earth will transform into gold.

Mihan gaire oci mehecen be tuwaki, urun fonjire oci eme be tuwaki.

If you want to take a young pig, look for the sow; if you want to look for a wife, look at the mother.

Gala jakajaci ulhi-i dolo, uju hūwajaci mahala-i dolo.

A broken hand is in the sleeve, a broken head is in the hat.

Morin budilerkū oci muduri ombi, niyalma tašararkū oci enduri ombi.

If a horse is not stumbling, it will become a dragon; if a man is not making errors, he will become a saint.

Sele be halhūn de tandarangge sain, baita be hūdun šanggaburengge elhe.

Iron forged in glowing fire will become good; a thing done quickly will bring peace.

Mokto mujijan de moo songgombi, moco hehe de boso songgombi.

Wood is sighing in the hands of a stupid joiner, cloth is sighing in the hands of an inept woman.

Cihe labdu niyalma yuharkū, jang labdu niyalma gelerkū.

If lice are many, a man will not feel itching; if debts are many, a man will not be afraid.

[yuharkū = Ma. yocarakū; jang < Chin. zhai acc. to the Chin. version]

Emken deri tanggū dosimbi, berhen deri buda de dosimbi.

Having «one», one can get «hundred»; having a (noodle-)soup, one can have noodles.

Belei gese bengsen akū bime, beye be ume bardara.

If one has the talent like oaf a rice-grain, one should not boast.

Untuhun gisun be komso obu, yargiyan yabun be labdu obu.

Use few empty words, make many real actions.

Moo teksin ningge sain, niyalma tondo unenggi oci sain.

A straight wood is good, a man is good if he is upright and honest.

Girucun be takarkū niyalma deri, hutu ibagan jailambi.

A shameless man is avoided even by ghosts and spirits.

Haha-i faicingga be tuwaki seci, deijiku-i bulun be tuwaki.

A man's diligence is seen from his stack of firewood.

Hehe-i bolgo be tuwaki seci, eigen-i mohorkū be tuwaki.

If you want to see if a wife loves cleanness, look at the husband's collar.

[*mohorkū* = Man. *monggorokū*]

Sunja simhun emu durun waka, niyalma-i mujilen emu adali waka.

Five fingers do not have the same shape, human hearts are not equal.

Fu-i halhūn de nei taran tucirkū oci, jio šahūrun de hefeli lalambi.

If no perspiration is coming out during dog-days, the stomach will starve during the coldest days of winter-solstice.

Beye de akdarkū niyalma, fu-i halhūn de gala gecembi.

The hands of a man without self-confidence will feel cold during dog-days.

Abka deri buda tuherkū, na deri aisin tucirkū.

Food is not falling from heaven, gold is not coming out from earth.

Niyalma be enggeleki seci, beyei juwan simhun de akda.

If you want to surpass somebody, rely on your own ten fingers.

Narhūn aga nade singgemi, tacibure gisun niyaman de singgemi.

Fine rain soaks into earth, teaching words soaks into heart.

Ama eme-i mujilen juse-i baru, jusei gonin (sic!) alin baru.

Father's and mother's hearts concentrate on children, children's thoughts on mountains.

Mukede sekiyen bimbi, niyalma de fulehe bimbi.

Water has a spring, the man has roots.

Kuwariyangga banjihangge giyai ilha, ersun banjihangge boo-i bobi.

A nice woman is a street-flower, an ugly woman is the house's treasure.

[Sibe *kuwariyangga* = Man. *saikan, hoho. hocikon; bobi = boobai*]

Boode tandabuha indahūn, tulergi de niyalma be kabkalambi.

If a dog is beaten at home, outside it will bite the people.

Simbe kuruburengge hutu, simbe tafularangge oci enduri.

If something incites you – it is a devil; if something warns you – it is a deity.

Yacin ulgiyan de doha gaha, ulgiyan be yacin seme golombi.

A bird alighted on a black pig is terrified at the pig's black colour.

Banuhūn kesike bihe boode, singgeri jumar takdembī.

In a house with a lazy cat the mice increase.

[*jumar takdembī* < ? Chin. *changjue* «increase», also «wild», «mad» etc.]

Bayan urse de oktoi puseli hanci, yadara niyalma de dang pu hanci.

For rich people the drugstore is near, for poor men the pawnshop is near.

Hūsun-i emu niyalma be tuhebumbi, giyan-i mīnggan niyalma be etembī.

Using force one man can be subdued, using reason thousand men can be overcome.

Juwari jugūn de šara belhe, tuwari jugūn de jefeliyen belhe.

If you go out in summer, prepare an umbrella; if you go out in winter prepare provisions [*šara* = Man. *sara*; *jefeliyen* = Chin. *ganliang* «provisions», «food supplies»]

Tulergide feksire indahūn, giranggi bahame gudumbi.

A dog jumping outside will pick a bone.

[*gudumbi* = Man. *gedumbi*]

Sain baita duka tucirkū, ehe baita minggan bade ulabumbi.
 Good actions do not go out from the door, bad actions are handed down in thousand places.

Hūlha de šolo labdu, tuwakiyara ejen de šolo akū.
 A robber has a lot of free time, a guard has no free time.

Sain morin ejen be sonjombi, sain indahūn ejen be karmambi.
 A good horse chooses his master, a good dog protects his master.

Tondo haha emu mudan bucembi, jalingga haha tanggū geri aitumbi.
 An upright man dies once, a wicked man revives hundred times.

Banuhūn haha-i angga mergen, yangkan hehe-i ilenggu golmin.
 The mouth of a lazy man is skilled, the tongue of an unrestrained woman is long.

Faicingga niyalma de dobori akū, banuhūn niyalma inenggi be dobori arambi.

There is no night for a diligent man; a lazy man transforms the day into night.

Bayan urse hūlha deri gelembi, yadara niyalma antaha deri gelembi.
 Rich people are afraid of thieves, a poor man is afraid of guests.

Mohor bodo de yali songgombi, g'alwang hehe de eigen gidabumbi.
 Meat is crying because of a blunt knife, a husband feels oppressed because of a bad wife.

[*mohor bodo* < ? Chin. *daodun* "blunt knife"; *g'alwang* < ? Chin. *lie* = Man. *ehe* "bad"]

Etuku ice ningge sain, gucu goidahangge fulu.
 A new clothing is nice, an old fried is precious.

Bucehe fucihi be juktere anggala, weihun unggan be sain ginggule.
 Before making a sacrifice to died Buddha, honour the living elders.

Faicingga haha usin dolo, banuhūn haha kurunda de.
 A diligent man is found on the field, a lazy man on the oven-bed.

Aji mihan de duha labdu, aji juse de gisun labdu.
 A young pig has many intestines, little children have many words.

Gasha-i saikan funggala de, niyalmai saikan joboten de.

The beauty of a bird is found in the tail feathers, the beauty of a man is found in his work.

Mentuhun haha nure-i dolo, kiyangkiyan haha bithe-i dolo.

A stupid man is attached to wine, a wise man is attached to books.

Sain haha moksojoci ombi, miyosioreci ojarahū.

A virtuous man can break but will not bend.

[Sibe *moksojombi* = Man. *moksolombi*; Sibe *miyosiorembi* = Man. *miyošorombi*]

Gabtaha sirdan bedererekū, cifulehe cifungge be ilerikū.

An arrow once shot will not return, a spittle once spat should not be licked up.

[Sibe *cifulehelcifungge* = Man. *cifelehelcifenggu*]

Bibliography

- An Shuangcheng (ed. in chief): Man-Han dacidian / Nikan Manju yongkiyangga buleku bithe. Shenyang: Liaoning minzu chubanshe, 2007.
- Cincius 1975–1977 – Cincius V. I.: Sravnitel'nyj slovar' tunguso-man'čžurskich jazykov, I–II, Leningrad: Nauka, 1975–1977.
- Han Fuling: Sibe uksurai dekeni gisun (anggai gisun durun). In: *Sibe šu wen* no. 40, Urumqi 2008, pp. 70–73; no. 41, Urumqi 2009, pp. 64–70.
- Hauer 2007 – Hauer E.: Handwörterbuch der Mandschusprache, 2nd revised ed. by Oliver Corff, Wiesbaden: Harrassowitz, 2007.
- Norman 1978 – Norman J.: A Concise Manchu-English Lexicon. Seattle-London: University of Washington Press, 1978.
- Gabelnetz 1864 – Von der Gabelnetz H. C.: Sse-schu, Schu-king, Schi-king in Mandschuischer Übersetzung mit einem Mandschu-Deutschen Wörterbuch. Zweites Heft. Wörterbuch. Leipzig: F. A. Brockhaus, 1864.
- Yang Wenyuan (Yang Wenyuan) et al.: Sibe Nikan gisun kancibuha tacibure buleku bithe / Xi-Han jiaoxue cidian. Urumqi: Sinjiyang niyalma irgen cubanše / Xinjiang renmin chubanshe, 1998.
- Zacharov 1875 – Zacharov I.: Polnyj man'čžursko-russkij slovar'. Sankt-Peterburg: Imp. Akademija nauk, 1875.

И. В. Тункина

**К «ПОТАЕННОЙ» БИОГРАФИИ И. М. ТРОНСКОГО (ТРОЦКОГО):
РОДСТВЕННЫЙ КОНТЕКСТ**

**Часть I. Корни: Троцкие – Фрейдлины – Дубновы
(историко-антропологические зарисовки)¹**

Нет нужды доказывать, что на развитие отечественной классической филологии в XX в. существенно повлияли труды целой генерации советских ученых еврейского происхождения – И. М. Тронского (Троцкого), О. М. Фрейденберг (1890–1955), С. Я. Лурье (1891–1964)², Я. М. Боровского (1896–1994) и многих, многих других. Однако мы крайне мало знаем о еврейской среде, выходцами из которой они являлись, круге их общения, общественных и политических взглядах как в дореволюционный период, так и в годы советской власти. Из питерской плеяды филологов-классиков только О. М. Фрейденберг оставила воспоминания, опубликованные в небольших фрагментах³, которые позволяют реконструировать родственные, интеллектуальные и социальные «сети», в рамках которых она жила и работала.

Между тем воссоздание культурных связей – одна из интереснейших тем историко-антропологических исследований, новая форма отечественного социогуманитарного (в том числе исто-

¹ Исследование проведено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 12-06-00005а, РГНФ, проект № 12-01-00008а.

² См. его биографию, написанную сыном: Лурье 2004.

³ Автобиографические записки О. М. Фрейденберг «Пробег жизни. Записки», хранящиеся в Pasternak Trust (Oxford, England) и в машинописном виде в собрании Н. В. Брагинской (Москва), опубликованы лишь во фрагментах: Фрейденберг 1986: 149–163; 1987: 7–44; 1988: 181–204; 1991: 145–156; 1991: 15. Опубликована также ее переписка с двоюродным братом: Пастернак 1981 (англ. перевод: 1982; нем. перевод: 1986; франц. перевод: 1987; голланд. перевод: 1988). Русское издание: Пастернак 2000.

рико-научного) знания. Истинной целью таких исследований является не досужее любопытство к подробностям личной жизни, а желание понять социокультурный фон научного творчества. Недостаток информации может породить домыслы об обстоятельствах биографии любого ученого и заведомо превратить понимание побудительных мотивов его научной деятельности. Осознавая трагические обстоятельства многострадальной доли наших предшественников, большую часть жизни творивших в условиях тоталитарного режима, мы можем новыми глазами взглянуть на творческое наследие ученых, чье становление и развитие пришлось на первые десятилетия советской власти.

Во второй половине XIX – начале XX вв. процессы социализации и ассимиляции еврейского населения Российской империи, стремление получить равноправные гражданские права привели к постепенному разрушению традиционного уклада жизни евреев. Ассимиляция сопровождалась разрывом связей между поколениями и уходу многих представителей еврейской молодежи в революционное движение и воинствующий атеизм. Часть евреев сознательно отрекалась от иудаизма и переходила в другие вероисповедания (православие, католицизм, лютеранство) с целью получения среднего гимназического и высшего образования, другая стремилась к тем же целям, оставаясь приверженцами иудаизма. Эти процессы постепенно привели к интеграции евреев в ранее недоступные для них сферы жизни Российской империи – государственную службу, политику, экономику, медицину, юриспруденцию, науку и культуру. Сформировавшаяся к рубежу веков русско-еврейская интеллигенция, оставшаяся верной еврейской культурной традиции, в значительной части считала русский язык и культуру родными⁴.

⁴ Показательно, что в анкетах советского периода И. М. Тронский (Троцкий) и его жена М. Л. Тронская (Гурфинкель) всегда указывали свою национальность – еврей (еврейка), а родным языком называли русский (*СПФ АРАН*. Ф. 155. Оп. 2. Д. 691. Л. 55–56 об., 63–66). Напротив, О. М. Фрейденберг в анкете 1931 г. именовала себя русской («великоросской») и родным языком называла русский («великоросский»), хотя в ее архиве сохранилось свидетельство одесского городского раввина о записи рождения О. М. Фрейденберг в метрической книге о родившихся евреях г. Одессы и удостоверение Коломенского районного местного отдела записей актов гражданского состояния

Благодаря природному трудолюбию, целеустремленности, сочетанию древнееврейской образованности с фундаментальными знаниями, полученными в средней и высшей школе как в России, так и за рубежом, многие из представителей русско-еврейской интеллигенции достигли заметных успехов в различных областях отечественной науки, в том числе в классической филологии. В их число входил и *Иосиф Моисеевич Тронский* (до 1938 г. – Троицкий, 16/28 мая 1897, Одесса – 3 ноября 1970, Ленинград), крупнейший отечественный специалист в области антиковедения, индоевропейского языкознания и общей лингвистики. Биографическую канву его жизни условно можно разделить на три периода – одесский (1897–1923), петроградский-ленинградский (1923–1942, 1944–1970) и очень краткий саратовский (1942–1944), связанный с эвакуацией из блокадного Ленинграда в годы Второй мировой войны. С другой стороны, И. М. Троицкий (Тронский), еврей по рождению, существовал одновременно в нескольких духовных и культурных мирах: традиционном еврейском, русско-еврейском и советском. Однако написанные по общепринятому шаблону биографические очерки, некрологи и справки в советских и постсоветских энциклопедиях и научной периодике, как правило, умалчивают о его корнях и родственных связях⁵.

Выяснить происхождение И. М. Тронского помогают документы Санкт-Петербургского филиала Архива Российской АН (СПФ АРАН) и Государственного архива Одесской области (ГАОО). В его личном фонде в СПФ АРАН сохранились лишь единичные документы одесского периода жизни. Гораздо более информативны автобиографии и анкеты, заполненные представителями семьи Тронских (Троцких) с 1923 по 1970 гг. для личных дел в научных учреждениях, где они служили, и для «Комитета учета научных работников и изучения научных сил СССР

г. Петрограда о дате, месте рождения и родителях О. М. Фрейденберг (1900–1919 гг. 5 л).

⁵ О нем см.: Заседание Ученого совета ЛОИЯ АН СССР, посвященное 70-летию И. М. Тронского // ВДИ. 1968. № 2. С. 215–217; Чистякова, Ярхо 1971: 162–166; Десницкая 1971: 376–377; Вольфцун 1998: 23–33; Голубева 1999: 595–596; Казанский 2001: X–XIII; Левченко 2007а: 220–239; 2007б: 62–73; 2009: 404–407; Боровский 2009: 421–422; Гаврилов 2010 (по указателю).

(КУИНС), 1916–1934 гг.»)⁶. Последнее по хронологии личное дело И. М. Тронского представлено в архиве Института лингвистических исследований РАН (1950–1970)⁷.

Документы по личному составу – замечательный исторический источник, позволяющий исследователю персонифицировать прошлое, но, к сожалению, он до сих пор недостаточно используется историками науки. Несмотря на свойственную советской эпохе заидеологизированность в сборе кадровой информации, которая выражалась в автобиографиях, вопросниках многочисленных анкет и личных листков по учету кадров, эти разновременные документы взаимно дополняют друг друга, раскрывая многие малоизвестные подробности биографии Иосифа Моисеевича. В анкетных сведениях он очень кратко и глухо упоминал о своих родителях, репрессированном брате и эмигрировавшей родне, т. е. о компрометировавших его родственниках «связях с границей».

Моей задачей стал поиск сведений о родственниках, чьи судьбы пересеклись с И. М. Тронским и оказали формирование на его личность как ученого и человека. Эти документы позволяют проследить его корни и родственные связи, помогают понять, кто стоял за его спиной, какой жизненный, интеллектуальный и культурный опыт вынес И. М. Тронский из общения с ближним кругом родственников, учителей, коллег и друзей. Результаты исследования оказались удивительно интересными.

Этимологически родовая фамилия Троцкий восходит к топониму: город Троки (*польск.* Troki, *рус.* Троки, ныне районный центр Тракай, Литва) с 1413 г. являлся столицей Троцкого воеводства Великого княжества Литовского, который со времен средневековья был известен своей многочисленной и влиятельной караимской общиной (Чистякова 1998: 46). В результате третьего раздела Польши земли бывшего Троцкого воеводства, простиравшиеся до Гродно, в 1795 г. были включены в состав Российской империи и вошли в Виленскую губернию. Со времен Речи Посполитой караимы имели исключительное право на проживание в Тракае, но с 1804 г. здесь стали расселяться евреи-

⁶ СПФ АРАН. Ф. 155. Оп. 2. Д. 691. Л. 55–56 об., 63–66.

⁷ Архив ИЛИ РАН. Оп. 2. Д. 378. 31 июля 1950 – 3 ноября 1970 гг. 82 л.

ашкеназы, говорившие на идиш, что встретило сопротивление караимской общины (172 чел.), которые в 1809 г. стали требовать изгнания евреев. Из-за враждебных отношений с караимским окружением и позиции властей, вставших на сторону караимов, в 1835 г. 192 еврея вынуждены были покинуть Тракай⁸. Возможно, предки Тронского входили в число этих изгнанных.

В первой половине – середине XIX в. русские власти стали присваивать евреям фамилий, которые должны были обозначать национальную принадлежность и одновременно нести смысловую нагрузку. Фамилии Трокский или Троцкий присваивалась чиновниками при выдаче паспортов бесфамильным «инородцам», жившим в черте оседлости в Троках, или выходцам из этой общины (Блау). Но это лишь гипотеза, требующая документальной проверки. Известно, что отец И. М. Троцкого был записан как мещанин Подберезского еврейского общества⁹. Местечко Подберезы, или Подберезье входило в Вилейский уезд той же Виленской губернии: по ревизии 1847 г. здесь проживало 226 членов иудейской общины, а по переписи 1897 г. из 688 жителей 556 были евреями¹⁰.

Точное время появления отца Троцкого в Одессе, входившей в черту оседлости, пока не установлено: требуется кропотливый поиск по документам Государственного архива Одесской области. Одесса во второй половине XIX в. была не только столицей Новороссийского края, морским и торговым портом, но и крупным университетским и культурным центром юга Российской империи. Еще с середины XIX в. одесская еврейская община, элита которой одевалась по-европейски и говорила по-русски, в процессе аккультурации и социализации стала постепенно принимать европейские формы (Zipperstein 1986: 152; Ципперштейн 1995: 164). Воспринимая демократические идеи через русскую и переводную литературу, образованные интеллигенты-евреи невольно втягивались в русскую культуру и в круг идеалов современного им либерального русского общества. Одесса, наряду с Петербургом и Вильно, к рубежу XIX–XX вв. стала одним из

⁸ Троки // Еврейская энциклопедия. СПб., 1913. Т. 14. Стб. 29–31.

⁹ СПФ АРАН. Ф. 1003. Оп. 1. Д. 152. Л. 1.

¹⁰ Подберезы // Еврейская энциклопедия. СПб., 1912. Т. 12. Стб. 641.

главных центров еврейского образования, интеллектуальной и общественной жизни, поэтому неудивительно, что евреи стремились в этот город из всех уголков черты оседлости¹¹. Немаловажным стимулом к переезду в Южную Пальмиру стало открытие здесь в 1865 г. Императорского Новороссийского университета, ведь высшее светское образование давало право жительства вне черты оседлости. С 1887 г. из-за административных ограничений (процентных норм) при поступлении в государственные гимназии, университеты и на Высшие женские (Бестужевские) курсы¹² еврейская интеллигенция стремилась получать образование не только в вузах России, но и в немецкоязычных странах Европы (Германии, Австро-Венгрии, Швейцарии, Нидерландах и пр.), где преподавание велось на языке, более понятном евреям-ашкеназам, чем русский. К началу XX в. (до погрома 1905 г. и эмиграции части еврейского населения за рубеж) в Одессе треть населения составляли евреи¹³, а к 1910 г. здесь проживало 172608 жителей иудейского вероисповедания (Шехтман 2002: 32). Не случайно именно в Одессе зародились и развивались разные течения еврейского национального движения – от сионизма до автономизма.

¹¹ Согласно статистическим данным, в 1897 г. в Одессе проживало 403768 человек, из которых 237425 называли родным языком русский (из них 225869 православных); «еврейский язык» в качестве родного назвали 124511 человек, к иудейскому вероисповеданию себя причислили 138935 человек (34,41% населения, в 1873 г. – 26,55% населения), следовательно, численность евреев в Одессе неуклонно увеличивалась. См.: Перепись 1897: Т. 47: Город Одесса. С. VI, VII.

¹² В 1887 г. правительство издало циркуляр, в административном порядке запрещавший принимать в гимназии детей необеспеченных родителей из низших сословий («кухаркиных детей»), а также временное секретное предписание об ограничении приема евреев в средние и высшие учебные заведения. Позднее власти установили процентную норму: 10% в черте оседлости, 5% вне ее и 3% в обеих столицах – Петербурге и Москве (в дальнейшем цифры менялись и в большую, и в меньшую стороны). Во время революции 1905 г. университеты добились восстановления автономии – процентная норма была упразднена, но в 1909 г. законодательно закреплена властями до 15, 10 и 5% соответственно. Все ограничения о приеме евреев в средние и высшие учебные заведения были отменены после Февральской революции 1917 г. Подробнее см.: Гольденвейзер 2002: 115–158; Троцкий 2002: 353–364.

¹³ Herlihy 1986: 257–258. Рус. перевод: Херлихи 2007: 393.

Поколение отцов: Троцкие – Фрейдлины – Дубновы

Иосиф Моисеевич (Иосиф Мошвев или Еляшев-Мошвев, Эляш-Мовш) Троцкий родился в Одессе в еврейской мещанской семье и был старшим сыном педагога, «народного учителя» и «потомственного почетного гражданина» Одессы *Моисея Исааковича (Мовши (Еляш Мовша) Гецель-Айзиковича) Троцкого* (1861, [возможно, Вильно или м. Подберезье Виленской губ.?]–1922, Одесса)¹⁴. В алфавитном указателе жителей Одессы на 1914 год указано, что М. И. Троцкий преподавал в общественных еврейских училищах – 1-й и 3-й Талмуд-Торе, и в Одесском коммерческом училище императора Николая I¹⁵.

Одесское общественное еврейское училище 1-я Талмуд-Тора (Дегтярная ул., д. 14) – учебное заведение, где изучался кодекс религиозных, правовых и этических предписаний иудаизма – было открыто в 1857 г. и обучало до 350 мальчиков¹⁶. Его

¹⁴ Либо однофамильцами, либо родственниками М. И. Троцкого были *Троцкий Илья Исаакович*, надзиратель за приходящими учениками еврейских школ грамотности в г. Вильно, «еврейского вероисповедания», в должности с 5 мая 1865 г., с 4 июня 1867 г. содержатель иешивы (высшего религиозного учебного заведения) в Вильне (1872); *Троцкий Мордух*, мещанин г. Вильно, выпускник Первой гимназии в Вильно (1895). См.: <http://rosgenea.ru/?alf=19&page=2&serchcatal=%D2%F0%EE%F6%EA%E8%E9&radiobutton=4>

¹⁵ В Одесское коммерческое училище принимались лица со знаниями четырех классов гимназии. В 1869 г. оно из четырехклассного было преобразовано в шестиклассное (четыре первых класса – общеобразовательные, два последних – специальные). Здесь в 1907–1911 гг. преподавал историк-славист А. В. Флоровский (И. М. Тронский слушал его лекции в Новороссийском университете), а выпускником 1911 г. был Исаак Бабель.

¹⁶ Училище, располагавшееся в собственном четырехэтажном доме, построенном на средства купца П. А. Клеймана, имело постоянную молельню. Структура училища включала 4 основных и 3 параллельных класса, в которых обучались 350 мальчиков, получавших «ежедневно горячий мясной обед», свыше 300 учащихся обеспечивались «зимним платьем, обувью и письменными принадлежностями». Учащиеся изучали Тору и Талмуд, а также арифметику, письмо на идиш и другие общеобразовательные предметы. К 14 годам ученики, которые не обнаруживали способностей к учебе, уходили обучаться ремеслу, переходили на частную службу или в торговлю. В послереволюционные годы 1-я Талмуд-Тора была преобразована в Еврейский педагогический техникум.

заведующим, жившим прямо в «мрачном здании» школы «на убогой окраине» (Дубнова-Эрлих 1995: 14) Одессы, был «дедушка еврейской литературы» – основоположник современной светской еврейской литературы на языке идиш, классик литературы на иврите Менделе Мойхер-Сфорим (Шодем-Янкев Бройде, по паспорту Абрамович Соломон Моисеевич, 1835/1836–1917), с 1890 г. близкий друг еврейского историка С. М. Дубнова. «Менделе жил на окраине, населенной пестрым убогим людом, в унылом казарменном доме Талмуд-Торы, которой он заведовал, – вспоминала дочь С. М. Дубнова. – Папа, отправляясь к нему, нередко брал меня с собою. Мы проходили анфиладу мрачных холодных комнат, казавшихся нежилыми...» (Дубнова-Эрлих 1995: 53).

В Одесском коммерческом училище (ул. Преображенская, д. 8) М. И. Троцкий преподавал «иудейскую веру» (Вся Одесса 1913: Отд. 1. С. 60), а в 1-й Талмуд-Торе назван в числе преподавателей без обозначения предмета. Возможно, это были математика и словесность¹⁷. Известно, что М. И. Троцкий являлся автором учебных пособий по грамматике древнееврейского и русского языков (Троцкий 1911–1915). Вполне возможно, что он преподавал не только эти, но и другие специальные и общеобразовательные предметы начальной школы, прежде всего Тору. Гораздо меньшее количество учеников было в общественном еврейском училище – 3-й Талмуд-Торе (Градоначальническая, дом 1), где М. И. Троцкий на 1913 год назван заведующим (Вся Одесса 1913. Отд. 1. С. 69). Моисей Исаакович являлся членом Общества взаимного вспомоществования учителей-евреев Новороссийского края и Бессарабской губернии¹⁸ и членом Общества взаимного вспомоществования приказчиков-евреев города Одессы¹⁹.

¹⁷ Разнобой в информации о М. И. Троцком как преподавателе либо математики, либо словесности присутствует в комментариях В. Е. Кельнера в трехтомной публикации мемуаров дяди И. М. Троцкого: Дубнов 1998: 616, примеч. 354; 625, примеч. 494.

¹⁸ Существовало с 1866 г. и к 1910 г. объединяло 278 членов, владело капиталом 43 тыс. руб.

¹⁹ Основано в 1862 г., оказывало своим членам разного рода материальную помощь, определяло детей на полуплатные и льготные места в

Записи в анкетах личного дела И. М. Тронского указывают, что его мать – *Фаина Ефимовна (Фейга, или Фанни Хаимовна) Троцкая* (урожденная *Фрейдлина*, 1866, г. Мстиславль – 1932, Ленинград) была «домохозяйкой». Она являлась младшей из двух дочерей – Иды и Фанни – зажиточного купца Хаима Фрейдлина (ум. 1879) и его жены Меры (ум. 1891) из маленького белорусского городка Мстиславля Могилевской губ. Для Меры Фрейдлиной это был второй брак: в 16-летнем возрасте она была насильно выдана замуж за немолодого хасида, но не любила мужа и старших сыновей: «Овдовев, она вышла по собственному выбору за солидного купца Хаима Фрейдлина. От этого брака – Ида и Фанни, кареглазые, круглолицые, чертами лица напоминавшие мать; они стали ее любимицами <...> И мама, и бабушка были блондинками», – вспоминала племянница М. И. Троцкого (Дубнова-Эрлих 1995: 10).

В 1870-х гг. семья Фрейдлиных открыла в своем доме в Мстиславле общественную библиотеку-читальню с книгами на русском языке, ставшую центром сбора либеральной еврейской молодежи. Напротив, местные еврейские религиозные фанатики-ортодоксы негодовали, считая, что библиотека плодит безбожников и нигилистов. В прогрессивный «библиотечный» кружок тогда входил и 18-летний С. М. Дубнов – «отчаянный вольнодумец и горький бедняк» (Дубнова-Эрлих 1995: 10), позднее ставший мужем старшей сестры. Соответственно, ближайшими родственниками И. М. Тронского (Троцкого) по матери являлись тетья – *Ида Ефимовна (Ета Хаимовна) Дубнова* (урожденная *Фрейдлина*, 1858²⁰/1860, г. Мстиславль – 24 января 1934, Рига), и дядя – известный еврейский историк, публицист и общественный деятель *Шимон Меерович (Семен Маркович) Дубнов* (29 сентября

учебных заведениях, выдавало стипендии, субсидировало богатейшую на юге России собственную библиотеку, в 1910 г. объединяло 1338 членов и владело капиталом в 190000 руб. См.: Алфавитный указатель жителей Одессы // *Вся Одесса...* на 1914 год. Одесса, 1913. С. 408.

²⁰ Эта дата, расходящаяся с датой рождения, названной В. Е. Кельнером, названа в кн.: *Незабытые могилы. Российское зарубежье: Некрологи 1917–1997* / Сост. В.Н. Чуваков. М., 1999. Т. 2: Г–З. С. 436 (на основе некролога: *Новое русское слово. Нью-Йорк, 1934. 25 янв. № 7669*).

1860 г., г. Мстиславль – 1 декабря 1941 г., Рига) (о нем см.: Дубнова-Эрлих 1950; Кельнер 2008).

Сестры Фрейдлины учились в местном девичьем пансионе в Мстиславле и мечтали о высшем образовании. Родители, намеревавшиеся выдать их замуж, не одобряли намерение девушек подготовиться по курсу гимназии, «чтобы они не вздумали бежать из дому по примеру других эмансипированных девиц, уезжавших без ведома родителей в столицы с целью поступить в высшую школу» (Дубнов 1998: 64–65, 71). В октябре 1879 г. сестры решились на побег, и два месяца прожили в университетском Киеве (их содержание в тайне от отца финансировала мать), но болезнь и смерть главы семьи заставила их вернуться в Мстиславль. С. М. Дубнов вспоминал: «Когда я теперь спрашиваю себя: что гнало в те времена юных птенцов из многих еврейских гнезд и толкало их в большие университетские города, на голод и нужду? – я знаю, что отвечать: их стихийно увлекали носившиеся в воздухе новые веяния, сознание, что жить по-прежнему нельзя, что нельзя оставаться в старом болоте, жениться или выходить замуж, плодить детей, сидеть в лавочке и зазывать покупателей, маклерствовать, гнаться за наживою или за простым куском хлеба, вообще оставаться на низших ступенях социальной лестницы, в то время как новая культура тянула вверх. То были родовые муки переломной эпохи, порождавшей новый социальный слой, класс новой интеллигенции или полуинтеллигенции» (Дубнов 1998 : 74–75).

Старшая из сестер, И. Х. Фрейдлина, приехала к С. М. Дубнову в Петербург и поступила на акушерские курсы. С начала 1883 г. она состояла в гражданском браке с С. М. Дубновым, который в 1884 г. был закреплен религиозным браком, освещенным петербургским раввином. Всю свою жизнь она оставалась верным соратником и единомышленником мужа, ограждая последнего от бытовых забот. С. М. Дубнов²¹ был типичным интеллигентом-разночинцем, «человеком воздуха» (на идише

²¹ Предки Дубновых происходили из города Дубно на Волыни, где они жили с середины XVII в. Дед историка С. М. Дубнова, купец третьей гильдии Бенцион Выгдорович Дубнов как почетный блюститель Мстиславского казенного еврейского училища (1853–1868) являлся духовным лидером местной еврейской общины.

Luftmensch), которые стали появляться в России в пореформенную эпоху, – с 1880 г. он жил исключительно литературно-публицистическим и научным трудом в области гебраистики и истории евреев в России. С. М. Дубнов оставил мемуары, написанные на основе дневниковых записей, где представлена панорама еврейской жизни России второй половины XIX– первых десятилетий XX в., а его дочь С. С. Дубнова-Эрлих – воспоминания о событиях XX в. К сожалению, упоминания о ближайшей родне – семье Троцких – в обоих книгах минимальны (Дубнов 1998: 228, 308, 323, 330).

Семья Дубновых с тремя детьми – Софьей, Ольгой, Яковом – проживала в Одессе с 1890 по 1903 гг. По оценке С. М. Дубнова этот город тогда представлял собой «крупнейший еврейский центр с лоском европейской культуры и с большой еврейской интеллигенцией, хотя в большинстве ассимилированной» (Дубнов 1998: 154). Именно в столице Новороссии С. М. Дубнов сформулировал принцип «свободы в рабстве», который лег в основу автономизма – идеи возрождения еврейского народа путем завоевания национальной и культурной автономии в Российской империи в начале XX в. (Кельнер 1998: 10)

Мать И. М. Тронского (Троцкого) Ф. Х. Фрейдлина после смерти своего отца сначала переехала из г. Мстиславля в Москву (1888), затем оказалась в Варшаве, и, наконец, летом 1892 г. приехала к Дубновым в Одессу. Фанни подолгу и часто гостила в семье старшей сестры, заботясь о ее детях (Дубнова-Эрлих 1995: 19). Старшая дочь Дубнова Софья, обучавшаяся у отца общегуманитарным знаниям и иудаизму в национально-еврейском духе, в 14-летнем возрасте, т. е. в 1899 г. готовилась к сдаче вступительного экзамена в гимназию, и нуждалась в репетиторстве по математике. Видимо в доме Дубновых М. И. Троцкий познакомился со своей будущей женой. «Жившая у нас мамина сестра Фанни, немолодая девица, в свое время отвергшая преданную любовь папиного брата Владимира²², вышла замуж за учителя

²² Дубнов Зеев Владимир (Вольф) Маркович (1858–1941), старший брат С. М. Дубнова, с 1876 г. учился в Мстиславском двухклассном уездном училище. Увлечшись идеями палестинофильства, в 1881–1884 гг. эмигрировал в Эрец-Исраэль, работал в сельскохозяйственных поселениях билуицев и регулярно писал в Россию (статьи в периодике 1885 г.,

математики Моисея Исааковича Троцкого, – вспоминала С. С. Дубнова-Эрлих. – Новый член нашей семьи, медлительный, добродушный, медведеобразный человек, пересыпавший свою речь словечками «значит» и «собственно говоря», всем нам пришелся по душе. Папа, представляя ему меня, сказал: «Это Соня, наша старшая, она у нас очень способная, и память у нее превосходная, да вот беда – как дело доходит до математики, совсем тупеет и не в состоянии справиться с простейшей арифметической задачей». Моисей Исаакович внимательно меня оглядел, пожевал ржжеватый ус и сказал басом: «Ну, это уж видно будет. В математике важен, собственно говоря, метод. Пусть, значит, Соня приходит ко мне, начнем заниматься». <...> Наконец наступил момент торжества: отвечая на вопрос папы о моих успехах, Моисей Исаакович убежденно заявил: «Отлично все идет, быстро, значит, шагаем вперед. Собственно говоря, половину курса отмахали. Вы не беспокойтесь – мозги у нее работают. В гимназии будет пятерки получать» (предсказание осуществилось, а в педагогическом восьмом классе математика была одной из моих специальностей)» (Дубнова-Эрлих 1995: 37).

Вскоре после официального брака в семье Троцких родились два сына – в 1897 г. Иосиф, а в 1903 г. – Исаак²³. Во всех документах 1901–1923 гг. старший сын именуется исключи-

письма из Палестины опубликованы в «Еврейской старине» в 1915 г.). В 1885 г. вернулся в Россию, не мог найти постоянного занятия, помогал брату в сборе исторических источников по истории евреев, написал небольшую популярную книгу «Иосиф Флавий, его жизнь, литературная и общественная деятельность» (Одесса, 1896). Жил в Мстиславле, Варшаве, Москве, Одессе, Ростове, Херсоне, преподавал в еврейских школах, участвовал в деятельности Еврейского историко-этнографического общества. После 1917 г. поселился в Москве, работал библиотекарем на одном из заводов. См.: Дубнов 1998: 29, 42, 51, 59, 60, 74, 76, 92, 95, 117, 127, 139, 168, 177, 343, 386, 455.

²³ Иосиф – родился 16, обрезан 23 мая 1897 г. (ГАОО. Ф. 39 (Одесский городской раввинат). Оп. 5. Д. 83. Л. 166); Исаак – родился 4, обрезан 11 июня 1903 г. (Там же. Д. 107а. Л. 17 об.). Отдельная регистрация евреев в Российской империи велась с 1835 вплоть до 1920 гг., когда были уничтожены еврейские общины и учет населения полностью перешел в руки государства. Нумерация рожденных детей велась отдельно по мальчикам, отдельно – по девочкам. В ГАОО сохранились книги Раввината с 1875 по 1920 гг.

тельно еврейскими именами – Иосиф Мовшев (Еляшев Мовшев), или Иосиф Эльяш-Мовш²⁴, или Элиас Мовшев Айзикович²⁵ Троцкий. В согласии с еврейской традицией, мальчиков обычно называли по именам двух покойных дедушек.

Семьи родных сестер дружили домами, вместе отдыхали на дачах в вакационное время: Дубновы гостили в Одессе у Троцких на зимних каникулах в декабре 1909 – январе 1910 гг. и декабре 1913 – январе 1914 гг., а Троцкие с детьми отдыхали летом 1912 г. на даче в Линке (Финляндия), принадлежавшей родственнику Дубновых, состоятельному петербургскому негоданту Я. Р. Эмануилу.

Очевидно, что С. М. Дубнов, ратовавший за гражданскую эмансипацию евреев и решение «еврейского вопроса» с автономистских позиций (национально-территориальной автономии), оказал огромное влияние не только на своего свояка М. И. Троцкого, но и на сыновей последнего. По свидетельству дочери, С. М. Дубнов в синагогу никогда не ходил; при этом большинство лиц его окружения жило в изоляции от русской среды, но лишь единицы были принципиальными противниками общения с «гоями» (любыми инородцами) (Дубнова-Эрлих 1995: 48, 56).

Отвергая как сионизм, так и ассимиляторство, С. М. Дубнов первоначально выступил с теорией духовной самоэмансипации в противовес теории территориальной самоэмансипации. Важнейшим инструментом образования русских евреев он считал русский язык²⁶, необходимый для создания собственных русско-еврейских организаций, литературы, прессы, политических партий, науки и пр. Его «воодушевляло стремление поднять русско-еврейскую литературу... на высоту современной научной мысли». Именно на этой литературе были воспитаны «два поколения нашей интеллигенции», – писал С. М. Дубнов в 1934 г. (Дубнов

²⁴ *СПФ АРАН*. Ф. 1003. Оп. 1. Д. 152. Л. 1–1 об.; Д. 154. Л. 1–1 об.; Ф. 302. Оп. 2. Д. 258. Л. 2–2 об.

²⁵ *СПФ АРАН*. Ф. 1003. Оп. 1. Д. 154. Л. 3.

²⁶ По подсчетам Д. Э. Левина, из 433 публикаций С.М. Дубнова 1881–1939 гг.– 275 издано на русском, 56 на родном языке автора (идиш), 45 на древнееврейском, большинство остальных – переводы на германские, романские и славянские языки. См.: Левин 2002: 81–105 (http://kamunikat.fontel.net/www/czasopisy/sbornik/02/08_levin.htm).

1998: 18). Представителями новой русско-еврейской интеллигенции стали его собственные дети и племянники – братья Троцкие.

По прошествии нескольких десятилетий на фоне нараставшего правительственного, религиозного и расового (бытового) антисемитизма взгляды С. М. Дубнова резко эволюционировали. Если на заре своей публицистической деятельности он ратовал за радикальную реформу воспитания евреев – закрытие хедеров, которые он именовал «детскими тюрьмами», и замену их общеобразовательными еврейскими школами, то в дискуссиях 1901–1902 гг., развернувшихся на заседаниях еврейского Комитета национализации в Одессе, С. М. Дубнов страстно выступал против политики ассимиляции и обрусения в субсидируемых Обществом просвещения среди евреев еврейских учебных заведениях. Многие из спорящих считали, что еврейских детей необходимо воспитывать в изоляции от «гоев» (Дубнова-Эрлих 1995: 44).

Инициаторами создания Комитета национализации стали заведующий 1-й Талмуд-Торой С. М. Абрамович (Менделе) и С. М. Дубнов. Именно С. М. Абрамович (Менделе) познакомил С. М. Дубнова с «прекрасным педагогом» М. И. Троцким, работавшим в его школе, и в середине 1890-х гг. ввел его в состав комитета, созданного с целью противодействия ассимиляционным течениям в еврейской среде. С. М. Дубнов изложил свои представления, отточенные в дискуссиях членов комитета, в «Письмах о старом и новом еврействе», которые печатались в журнале «Восход» на рубеже веков. Эти программные «письма» отрицали политический сионизм, взамен которого С. М. Дубнов выдвинул теорию автономизма – самоуправление еврейской общины, свободное распространение языка, независимость школы, организацию национальной партии, гражданское равенство в диаспоре, борьбу против ассимиляции (отдельное издание: Дубнов 1907). С целью противодействия русификации С. М. Дубнов требовал увеличения числа уроков по еврейским предметам – древнееврейского языка и еврейской истории, поддержки образцовых хедеров, вечерних курсов для взрослых и специальных учительских курсов (Дубнов 1998: 228–229).

Главный труд С. М. Дубнова – «Всеобщая история евреев на основании новейших научных исследований» (Кн. 1–3. СПб.,

1904–1906) – оказал огромное влияние на еврейскую диаспору в России. В период легализации политических партий С. М. Дубнов, перебравшийся сначала в Вильно (1903–1906), а затем в Петербург (1906–1922), стал основателем еврейской секции кадетской партии (1905) и создателем Еврейской народной партии («Фолкспартей», 1906–1918), которая призвана была претворять в жизнь его теорию автономизма. Не имея диплома о высшем образовании, Дубнов прочитал сотни публичных лекций: преподавал на Бестужевских курсах (1911) и на Курсах востоковедения барона Д. Г. Гинцбурга (1908–1917), в Институте высших еврейских знаний²⁷. Он являлся одним из учредителей и товарищем председателя Еврейского историко-этнографического общества (основано в 1908 г.), председателем Еврейского литературного общества, инициатором издания и редактором первого тома «Еврейской энциклопедии» (1908–1913), автором и редактором ежегодника «Еврейская старина» (1909–1918, тома 1–10), а после революционных событий 1917 г. – основателем Еврейского народного университета в Петрограде (1919–1925).

Следует подчеркнуть, что С. М. Дубнов, писавший на русском языке, считал себя не русским, а еврейским национальным писателем, «который только силою обстоятельств вынужден писать на русском языке для говорящих на нем людей нового поколения». Эту мысль он высказал в письме от 25 марта 1913 г., демонстративно отказав «мешумеду» («выкресту») С. А. Венгерову в помещении информации о себе в «Критико-биографическом словаре русских писателей и ученых» (Дубнов 1998: 324–325; Русская интеллигенция 2001: 385–386). Когда С. М. Дубнов в 1906 г. был поставлен в известность, что его младшая дочь Ольга вышла замуж за русского (отец так и не узнал, что для официальной регистрации своих сыновей, мальчиков-близнецов, она крестилась), он отказал ей в доме и, мучимый душевной болью, порвал всякие отношения с дочерью на 15 лет: еврейский историк «считал смешанный брак фактическим дезертирством и изменой нации и на Ольгу смотрел как на отступницу» (Кельнер 2008: 396, примеч. 34). Ставшая вдовой Ольга Иванова вернулась с детьми к родителям в Петроград в

²⁷ СПФ АРАН. Ф. 155. Оп. 3. Д. 27. Л. 1–7.

сентябре 1921 г. С. М. Дубнов записал: «Не видел ее с начала 1907 года. Встретил, как будто недавно только расстались. Ушла, а завтра придет с детьми и поселится в нашей квартире. Сблизились дальние концы жизни <...> Трагедия отдельной семьи – трагедия нации. Нет виноватых...» (Дубнов 1998: 556).

Большевистский переворот С. М. Дубнов категорически не принял, восприняв его как контрреволюцию слева и преступление против демократии, и в апреле 1922 г. покинул Советскую Россию. Его публикации в европейской и американской печати с резкой критикой советской национальной политики навесили на него клеймо антисоветчика и белоэмигранта, что привело к изъятию его трудов из библиотек СССР (Кельнер 1998: 13). Покинув Петроград, после кратковременного пребывания в Ковно, он осел в Берлине. Но в 1933 г., после прихода Гитлера к власти, С. М. Дубнов вынужден был перебраться в Ригу (Латвия). Здесь во время уничтожения фашистами Рижского гетто в декабре 1941 г. он погиб.

Ни в одной из своих автобиографий и анкет И. М. Тронский по понятным причинам не упоминает о своем родстве с эмигрировавшим дядей – признанным лидером еврейского национального движения, «еврейским белоэмигрантом» и «антисоветчиком» С. М. Дубновым. Ученица И. М. Тронского Н. А. Чистякова, видимо, со слов самого Иосифа Моисеевича, писала: «В 30-е годы в фашистской тюрьме в Германии был замучен и погиб его родной дядя, выдающийся ученый-историк» (Чистякова 1998: 45). Из этих слов очевидно, что И. М. Тронский не знал реальную историю жизни и смерти С. М. Дубнова в эмиграции.

Немногочисленные документы одесского периода называют два адреса, где проживала семья Троцких – сначала Градоначальническая улица, дом 5 (на 1915 год), по соседству с еврейским общественным училищем 3-й Талмуд-Торой (Градоначальническая, дом 1), а также Садиловская улица, дом 2 (на 1919 год)²⁸ – обе улицы расположены на Молдаванке, тогда бедной городской окраине. Последний адрес назван и в «Алфавитном ука-

²⁸ СПФ АРАН. Ф. 1003. Оп. 1. Д. 154. Л. 3.

зателе жителей Одессы» в 1913 г.²⁹ В справочнике «Вся Одесса» на 1901 г. указано недвижимое имущество семьи – дача А. и Ф. Троцких, расположенная «от Фонтанной заставы до выгона за Тираспольской заставой» (Вся Одесса 1901: 146) (район современной улицы Старопортофранковской в черте Одессы). Здесь Троцкие в летние месяцы отдыхали вместе с Дубновыми.

О своих родственниках за рубежом в кадровых анкетах И. М. Тронский скупно упомянул: «Был дядя в США, вероятно, давно умер»³⁰, не называя его фамилии, имени и отчества. Очевидно, имеется в виду дядя по отцу – Троцкий, но без дополнительных данных установить, о ком идет речь, пока точно невозможно. Из деятелей еврейской эмиграции в США известен *Троцкий Илья Маркович* (10 июня 1882, Ромны Полтавской губ. – апрель 1969, Нью-Йорк, США), журналист, редактор, общественный деятель, мемуарист. Он получил образование в Высшем горном училище в Екатеринославе и в Политехническом институте в Вене, но связал свою последующую жизнь с журналистикой: в 1900-х гг. печатался в российской и немецкой периодике, посещал салон Ф. Сологуба. До 1914 г. И. М. Троцкий был корреспондентом газеты «Русское слово» в Берлине, затем – в Скандинавии (в 1918–1919 гг. жил в Стокгольме), и вновь в Берлине. Оказавшись за границей, он сотрудничал в эмигрантских изданиях, был членом Общественного комитета по организации помощи голодающим в России, членом Союза русских писателей и журналистов в Берлине (с 1925 г. председатель ревизионной комиссии и член правления), членом Республиканско-демократического объединения и активным участником еврейских организаций. Его имя упоминается в письме И. А. Бунина к М. И. Ростовцеву от 21 марта 1931 г. в связи с хлопотами по присуждению Нобелевской премии по литературе И. А. Бунину в декабре 1933 г. и в дневниках жены писателя В. Н. Муромцевой-

²⁹ Алфавитный указатель жителей Одессы // Вся Одесса: Адресная и справочная книга всей Одессы с отделом Одесский уезд на 1914 год. Год издания четвертый. Одесса, 1913. С. 408.

³⁰ *Архив ИЛИ РАН*. Оп. 2. Д. 378. Л. 62; *СПФ АРАН*. Ф. 1003. Оп. 1. Д. 156. Л. 12.

Буниной за 1931–1931 гг.³¹. После 1933 г. И. М. Троцкий жил в Париже, был близок к Республиканско-демократическому объединению, занимался журналистикой: сотрудничал в газете «Сегодня» (Рига), печатался в газете «Paris-Soir». В 1935 г. И. М. Троцкий переехал в Аргентину. С 1938 г. он стал официальным представителем Общества распространения ремесленного и земледельческого труда среди евреев (ОРТ) и Общества здравоохранения евреев (ОЗЕ) в Южной Америке. В 1946 г. И. М. Троцкий поселился в Нью-Йорке, где стал членом Одесского землячества (создано в 1943 г.), сотрудничал в газете «Новое русское слово», занимался общественной деятельностью. В 1950-х. он был секретарем правления Литературного фонда. Известно, что он оставил мемуары, с которыми мне ознакомиться не удалось. И. М. Троцкий завещал всемирной еврейской просветительской и благотворительной организации Общество распространения труда (ОРТ) 1 миллион долларов³².

Дубновы – двоюродные сестры и брат

По материалам фонда И. М. Тронского невозможно установить, поддерживали ли братья Троцкие контакты в советское время с кем-либо из Дубновых, в том числе с оставшимися в СССР двоюродными братом и сестрой Яковом Дубновым и Ольгой Ивановой, и их детьми. Как известно, с 1928 г. любые контакты как с родственниками-эмигрантами, так и с коллегами за рубежом были небезопасны. Однако из воспоминаний С. М. Дубнова достоверны их родственные контакты в дореволюционный период, когда Дубновы и Троцкие вместе проводили отпуска и праздники. Правда, из-за существенной разницы в возрасте – от 12 до 10 лет – дети С. М. Дубнова и братья Троцкие вряд ли были связаны тесными семейными узами.

Наиболее близкой по духу к поколению отцов была старшая дочь С. М. Дубнова *Софья Семеновна Дубнова-Эрлих* (1885–1986), поэт, театральный критик, переводчица, мемуаристка.

³¹ Парфянский выстрел. М., 2003. С. 713; Устами Буниных: Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы, под редакцией Милицы Грин. В 2-х т. М., 2005. Т. 2. С. 191, 208, 241.

³² См.: http://www.dommuseum.ru/slovarx/sl_sr.php?q=Троцкий&avg=1&intxt=&cond=and

Получив под руководством отца и дяди по матери – М. И. Троцкого начальное образование, она экстерном сдала экзамены в частную гимназию в Одессе. С 6-го класса гимназии она уже подрабатывала уроками. Закончив среднюю школу с золотой медалью, она проучилась еще год в дополнительном педагогическом классе той же гимназии и получила дипломом учительницы по русскому языку, истории и математике. Благодаря хлопотам друзей отца, в 1903–1904 гг. С. С. Дубнова поступила на историко-филологический факультет ВЖК в Петербурге, но за участие в студенческих волнениях в 1904 г. была исключена и потеряла право проживания в столице. Впоследствии Софья продолжила образование как вольнослушательница в Петербургском университете (1907), слушала лекции И. М. Гревса, Ф. Ф. Зелинского, Н. О. Лосского и др., а также в Сорбонне и Коллеж де Франс в Париже. С 1905 г. С. С. Дубнова принимала активное участие в работе еврейской рабочей партии Бунд, в 1911 г. стала женой одного из руководителей Бунда *Генриха Моисеевича Эрлиха* (1882–1942, арестован в 1939 г. в Брест-Литовске, повесился на решетке одиночной камеры внутренней тюрьмы куйбышевского НКВД в 1942 г.). С. С. Дубнова работала в Вильно и Гомеле учительницей, с 1911 г. выступила в печати как поэтесса, была знакома с виднейшими представителями русской культуры «серебряного века», в 1916–1917 гг. работала в антимилитаристском журнале М. Горького «Летопись», выступавшего против национализма. С 1918 г. С. С. Дубнова жила в Польше (1918–1939) и Литве (1939). Опасаясь ареста, вместе с группой польских евреев она получила разрешение на въезд в США через территорию СССР, и вместе с двумя сыновьями – Александром и Виктором Эрлихами³³ – через Москву и Владивосток, Японию и Канаду в 1942 г. добралась до Нью-Йорка, где прожила до конца жизни, занималась литературной деятельностью. С. С. Дубнова – автор книги об отце «С.М. Дубнов: Жизнь и творчество» (Нью-Йорк, 1950), переведенной на идиш, иврит, английский и русский языки, мемуаров «Хлеб и маца» (СПб., 1995).

Жизнь младшей дочери С. М. Дубнова *Ольги Семеновны Ивановой* (1886–1944) сложилась совершенно иначе из-за осо-

³³ Виктор Эрлих издал воспоминания: Erlich 2006.

бенностей ее характера: проявившегося с юности максимализма, бескомпромиссности взглядов, протестного отрицания идеалов отца. На протяжении всей жизни у нее были довольно сложные отношения не только с родителями, но и со старшей сестрой и братом. Ольга получила домашнее образование, училась в частной гимназии в Одессе, но в связи с переездом родителей в Вильно, была отправлена к родственникам в Новозыбков, где закончила гимназию с золотой медалью (1905). По воспоминаниям сестры Ольга поступила вольнослушательницей в университет, но его не закончила – в годы Первой русской революции О. С. Дубнова вступила в РСДРП(б), за участие в революционном движении была арестована и выслана под надзор полиции в Вильно. Вопреки воле отца, который смотрел дочь как на отступницу и не принимал в доме вплоть до 1919 г., Ольга с 1906 г. жила в гражданском браке со своим соратником по революционной борьбе М. Ивановым, а затем официально венчалась, приняв православие. По другой версии, в 1906 г. она крестилась в православие из-за необходимости регистрации двух рожденных ею мальчиков-близнецов. Ее муж *Михаил Иванов*, выходец из крестьянской среды, экстерном закончил гимназию, был участником революционного движения 1905 г., членом РСДРП(б), впоследствии служил в правлении фирмы резиновых изделий в Вильно. В годы Первой мировой войны завод, где работал М. Иванов, был эвакуирован в 1916 г. на Урал. М. Иванов стал участником Гражданской войны, служил в Красной армии, в 1920 г. был отозван в Москву – ему предложили работу в одном из промышленных наркоматов, но он тяжело заболел и внезапно умер в 1921 г. После смерти мужа в сентябре 1921 г. Ольга приехала с детьми к родителям в Петроград, где в дальнейшем работала экономистом. Известно, что она умерла в годы войны в эшелоне, выехавшем из блокадного Ленинграда. Ее сыновья, внуки С. М. Дубнова, – Сергей Михайлович и Владимир Михайлович Ивановы, жили в Ленинграде до 1980-х гг. (См.: Дубнова-Эрлих 1995: 89, 108–109, 266; Кельнер 2008: 394–396, 556, примеч. 184).

Двоюродный брат И. М. Тронского *Яков Семенович (Хаим-Яков Симонович) Дубнов* (30 ноября 1887, г. Мстиславль Могилевской губ.–13 декабря 1957, Саратов, похоронен в Москве) стал крупным математиком-геометром, талантливым педагогом, выда-

ющимся популяризатором науки. В 5-летнем возрасте он был привезен в Одессу, где окончил частную классическую гимназию (1903–1906). Ее директором был известный геометр В. Ф. Каган, преподаватель Новороссийского университета, впоследствии возглавивший кафедру дифференциальной геометрии МГУ. В 19-летнем возрасте Яков поступил на физико-математический факультет Новороссийского университета (1906–1910). Еще в студенческие годы он вступил в РСДРП(б), но за участие в социал-демократическом движении был арестован и исключен из университета (1910). Просидев 1,5 месяца в тюрьме, Я. М. Дубнов был выслан под надзор полиции в Вильно. В 1913 г. он получил разрешение временно вернуться в Одессу для сдачи экстерном государственных экзаменов в Новороссийском университете, получил диплом первой степени³⁴, после чего снова был выслан в административном порядке из Одессы. С 1914 г. «из-за недосмотра полиции» по подложному паспорту Я. М. Дубнов сумел поселиться в Москве и начал преподавать на частных общеобразовательных курсах и в Вольном университете им. А. Л. Шаняевского, куда принимались лица независимо от национальности и политических взглядов, одновременно подрабатывал частными уроками. В послереволюционное время, с 1918 г. он был консультантом Отдела реформы школы Наркомпроса, участвовал в составлении первых вариантов программ по математике для единой трудовой школы.

В 1919–1920 г. Я. М. Дубнов вместе с первой женой жил в Спас-Деменске Калужской губ., преподавал математику в средней школе и являлся председателем районного бюро союза работников просвещения. В русской глубинке его революционные идеалы были сильно подорваны столкновениями с постреволюционной действительностью: Яков стал свидетелем насилия над крестьянами в ходе продразверстки, проводившейся советской властью. По словам С. М. Дубновой-Эрлих, увиденное настолько его потрясло, что он вышел из партии, отказался от политической деятельности, решив все свои силы отдавать научной и

³⁴ Текст документа опублик.: Диплом // Математическое просвещение. 2009. 3-я сер. Вып. 13. С. 9.

педагогической работе. Действительно, в его автобиографии 1952 г. нет ни слова о былом членстве в РКП(б).

В начале 1920 г. Я. М. Дубнов вернулся в Москву, преподавал математику на рабфаке МГУ (1920–1923) и одновременно в Московском электротехническом институте связи (1921–1929), позже преобразованном в энергетический факультет Московского высшего технического училища. С 1923 по 1928 гг. он учился в аспирантуре МГУ и представил диссертацию «Теория прямолинейных конгруенций», за которую после восстановления ученых степеней и званий и создания ВАК (1934) получил диплом кандидата физико-математических наук. В 1923–1937 гг. Я. С. Дубнов также преподавал математику на педагогическом факультете Второго Московского государственного университета (впоследствии Московский государственный педагогический институт им. Ленина), где в 1930 г. постановлением Государственного ученого совета был утвержден исполняющим должность профессора. Впоследствии он являлся заведующим кафедрой математики в Загорском учительском институте (1940–1941), лектором в Московском городском институте усовершенствования учителей (1938–1939, 1947–1949) и старшим научным сотрудником в НИИ методики преподавания Академии педагогических наук СССР (1946–1948).

Но главным местом своей работы ученый всегда считал Московский университет, где кафедру дифференциальной геометрии занимал его одесский учитель профессор В. Ф. Каган: здесь Я. М. Дубнов преподавал с 1928 г., в 1931 г. стал действительным членом НИИ математики и механики (НИИММ МГУ) с окладом профессора, в 1934 г. был избран председателем бюро Секции научных работников профсоюза работников просвещения. По представлению этого НИИ в ВАК Наркомпроса в 1936 г. ему была присвоена ученая степень доктора физико-математических наук без защиты диссертации и ученое звание действительного члена НИИММ МГУ. С утверждением в университете кафедр Я. С. Дубнов стал профессором кафедры дифференциальной геометрии (1931–1948) механико-математического факультета МГУ, но в октябре 1948 г. в связи с сокращением штатов был переведен на должность старшего научного сотрудника НИИММ МГУ и продолжал преподавать на кафедре в качестве почасовика

вплоть до 1952 г. (несмотря на ходатайства, ученого звания профессора он тогда так и не получил)³⁵.

Лишившись работы в Москве, в 1952 г. Я. С. Дубнов вынужден был переехать в Сыктывкар, где отбывала ссылку его жена Б. А. Дубнова. В Сыктывкаре еще в 1932 г. был основан Педагогический институт Коми АССР. С 1 сентября 1952 г. ученый преподавал геометрию на кафедре математики, причем директор пединститута не побоялся выделить опальным супругам комнату в общежитии. Я. С. Дубнов читал физикам и математикам дифференциальную, аналитическую, проективную геометрию и основания геометрии, вел практические занятия по прочитанным курсам, читал популярные лекции, проводил кружковые занятия со студентами и школьниками по решению задач Московских математических олимпиад. Благодаря Я. С. Дубнову в Сыктывкаре сложилась своя математическая школа, существующая до сих пор (Порошкин 2009: 13–17).

В августе 1954 г. Я. С. Дубнов вернулся в Москву и возобновил работу в качестве профессора кафедры дифференциальной геометрии МГУ, где трудился до конца своих дней. С 1957 г. он стал инициатором возобновления и «душой» издания – редактором второй серии научно-методических сборников (впоследствии журнала) «Математическое просвещение», предназначенных для учителей, студентов и школьников (Тихомиров 2009: 5–6). В декабре 1957 г. Я. С. Дубнов был приглашен в Саратовский университет читать лекции по методике преподавания геометрии, где сразу после последней лекции скоропостижно скончался в номере гостиницы (Лопшиц 1960: 3–16; Брумберг 2009: 10–12).

Я. С. Дубнов получил известность не только как педагог, подготовивший целую плеяду математиков, но и как автор многочисленных работ, посвященных дифференциальной геометрии, векторному и тензорному анализу, пяти учебников, выдержавших множество переизданий, и научно-популярных книг. По воспоминаниям его слушателей, лекции он читал блестяще, студенты были от них в восторге, благодаря чему лектор обеспечивал их 100% посещаемость.

³⁵ См.: Жизнеописание Дубнова Якова Семеновича (22 июля 1952 г.) // Математическое просвещение. 2009. 3-я сер. Вып. 13. С. 7–8.

Я. С. Дубнов был женат дважды – первая жена *Нина Дубнова*, уроженка Одессы, «выросла в нужде» и зарабатывала на жизнь уроками. Видимо, ее знакомство с мужем произошло в Одессе на почве совместной подпольной работы в революционном движении. В начале 1910-х гг. она вместе с Я. С. Дубновым приехала в Петербург в надежде поступить на медицинские курсы, но не имея вида на жительство, купила у пастора свидетельство о переходе в лютеранство. Известно, что у Я. С. Дубнова от Нины родился сын. В 1921 г. Н. Дубнова работала земским врачом в деревне в Калужской губернии, но в 1920-х гг. супруги развелись.

Второй женой Я. С. Дубнова стала врач-терапевт *Бася Ароновна Дубнова* (урожденная *Фихман*, г. Оргеев, Бессарабия (Молдавская ССР), 1887/1888–1959, Москва), дочь еврея-мельника. Она закончила частную гимназию в Кишиневе, поступила на Высшие женские курсы в Москве, где впоследствии работала врачом в клинике Первого медицинского института (ныне Медицинская академия). Б. А. Дубнова активно занималась научной работой и стала кандидатом медицинских наук. С юности она примкнула к революционному движению и стала убежденной марксисткой. Б. А. Фихман была близкой родственницей революционера-меньшевика, философа, сотрудника Института Маркса и Энгельса в Москве (1922–1930), переводчика трудов Маркса и Энгельса на русский язык *Павла Соломоновича Юшкевича* (1873, Одесса–1945, Москва), его брата – прозаика и драматурга *Семена Соломоновича Юшкевича* (1868, Одесса–1927, Париж) и сына П. С. Юшкевича, историка математики, доктора физико-математических наук (1940), профессора МГУ (1940), научного сотрудника Института истории естествознания и техники (1945–1993) *Адольфа (Андрея) Павловича Юшкевича* (1906, Одесса–1993, Москва).

Б. А. Дубнова являлась членом РКП(б) с 1917 г., и, по словам Я. С. Дубнова, была активной «ортодоксальнейшей марксисткой-ленинисткой». Как и многие ее соратники по партии, она в 1936 г. была арестована по обвинению в троцкизме и участии «в террористической организации». В следственном деле есть запись, что ее муж – «сын антисоветчика историка Дубнова». Б. А. Дубнова отбывала срок как рабочая в Севдвинлаге, куда Я. С. Дубнов неоднократно ездил на разрешенные двухчасовые

свидания. Он ежегодно, но безуспешно подавал прошения о пересмотре дела жены, пока ее из-за преклонного возраста не «списали по состоянию здоровья». После освобождения из лагеря Б. А. Дубнова была вновь осуждена 21 июня 1952 г. ОСО МГБ СССР к ссылке на поселение в Коми АССР, и была переведена на поселение в пос. Железнодорожный (Княжпогост) в 100 км от Сыктывкара, где работала врачом. В том же 1952 г. ей разрешили проживать в Сыктывкаре вместе с мужем.

В августе 1954 г. Дубновы смогли вернуться в Москву: проведшая в лагере и ссылке 18 долгих лет, 66-летняя Бася Ароновна не сломалась. В годы «оттепели» она была официально реабилитирована и восстановлена в «чинах и орденах». Б. А. Дубнова, пережившая мужа на два года, похоронена на Новодевичьем кладбище в Москве³⁶.

От второго брака у Я. С. Дубнова были две «замужние дочери, преподавательницы математики и физики», которые также жили в Москве, «из них младшая со своей семьей – при мне. В ноябре 1941 г. я был вместе с этой дочерью эвакуирован Московским государственным университетом (где во время войны работал без перерывов) сначала в Ашхабад, затем в Свердловск, в июне 1943 г. реэвакуирован»³⁷, – писал Я. С. Дубнов в своей автобиографии 1952 г. Одна их дочерей – *Виктория Яковлевна Дубнова*, закончив физический факультет МГУ (1947), стала физиком, редактировала книгу «Над чем думают физики». Выйдя на пенсию, В. Я. Дубнова занялась общественной деятельностью, исследованием истории своей семьи по архивным документам, в частности, «делом Эрлиха-Альтера»³⁸.

Нам достоверно неизвестно, знал ли И. М. Тронский (Троцкий), в 1923 г. навсегда переехавший из Одессы в Петроград, трагическую историю жизни своих двоюродных брата и сестер,

³⁶ См.: Профессора Московского университета, 1755–2004. М., 2004. Т. 1: А–Л. С. 405; Дубнова-Эрлих 1995: 16–35, 266; Кельнер 2008: 648; <http://archive.svoboda.org/programs/civil/2004/civil.080604.asp>.

³⁷ Жизнеописание Дубнова Якова Семеновича (22 июля 1952 г.). С. 8.

³⁸ NKVD Documents shed New Light on Fate of Erlich and Alter. Introduced by L. Hirszowicz // East European Jewish Affairs. 1992. № 22. P. 65–85; Дубнова В. Я. Переписка с С. М. Дубновым членов его семьи в сталинское время // Евреи в меняющемся мире. Рига, 2000. Т. 3.

но скорее всего знал. Возможно, не только арест брата в 1937 г., но и арест Б. А. Дубновой, обвиненной в троцкизме, повлиял на его решение изменить родовую фамилию в 1938 г. и стать Тронским. В северной столице начался новый период биографии ученого, но это уже тема другого исследования³⁹.

Список сокращений

ВДИ – Вестник древней истории
ВЖК – Высшие женские курсы
ГАОО – Государственный архив Одесской области
ИЛИ – Институт лингвистических исследований РАН
СПФ АРАН – Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

Литература

- Блау – Блау М. Троцкий: Который из них? (http://publication.dvorec.ru/page.php?AIM=&AIP=15&s_IS=10187).
- Боровский 2009 – Боровский Я. М. Иосиф Моисеевич Тронский (1987–1970) // Opera philologica / Изд. подгот. А.К. Гаврилов, В. В. Зельченко, Т.В. Шабурина. СПб., 2009. С. 421–422;
- Брумберг 2009 – Брумберг Н. Р. Я. С. Дубнов – страницы биографии // Математическое просвещение. 2009. 3-я сер. Вып. 13. С. 10–12.
- Вольфцун 1998 – Вольфцун Л. Б. Иосиф Моисеевич Тронский и Публичная библиотека (материалы к биографии) // Классические языки и индоевропейское языкознание. Сб. статей по материалам Чтений, посвященных 100-летию со дня рождения профессора И. М. Тронского. СПб., 1998. С. 23–33.
- Вся Одесса 1901 – Вся Одесса 1901 год. Справочник недвижимых имуществ всего Одесского градоначальства до границы Одесского уезда включительно. Иллюстрированная адресная и справочная книга. Издание В.К. Фельдберга. Одесса, 1900.
- Вся Одесса 1913 – Вся Одесса. Адресная и справочная книга всей Одессы с отделом Одесский уезд на 1914 год. Год издания четвертый. Одесса, 1913.
- Гаврилов 2010 – Гаврилов А. К. О филологах и филологии. СПб., 2010.
- Голубева 1999 – Голубева О. Д. Тронский (Троцкий) Иосиф Моисеевич // Сотрудники Российской национальной библиотеки – деятели науки и культуры: Биографический словарь. СПб., 1999. Т. 2: 1918–1930. С. 595–596;
- Гольденвейзер 2002 – Гольденвейзер А. А. Правовое положение евреев в России // Книга о русском еврействе. От 1860-х годов до революции 1917 г. Иерусалим; М.; Минск, 2002. С. 115–158;

³⁹ Родственные, профессиональные и дружеские связи Тронского и его брата Ис. М. Троцкого с Гурфинкелями, Жирмунскими, Пугач, Рейсерами, Эйзенгардт и др. рассмотрены в отдельных исследованиях автора.

- Десницкая 1971 – Десницкая А.В. Иосиф Моисеевич Тронский (1897–1970) // Известия АН СССР. Сер. Лит-ры и яз. 1971. Т. 30. Вып. 4. С. 376–377.
- Дубнов 1907 – Дубнов С. М. Письма о старом и новом еврействе (1897–1907): перераб. и доп. изд. СПб., 1907.
- Дубнов 1998 – Дубнов М. С. Книга жизни: Материалы для истории моего времени. Воспоминания и размышления / Вступит. статья и комментарии В. Е. Кельнера. СПб., 1998.
- Дубнова-Эрлих 1950 – Дубнова-Эрлих С. Жизнь и творчество С. М. Дубнова. Нью-Йорк, 1950.
- Дубнова-Эрлих 1995 – Дубнова-Эрлих С. Хлеб и маца: Воспоминания. Стихи разных лет. СПб., 1995 (на титульном листе – 1994).
- Казанский 2001 – Иосиф Моисеевич Тронский // Тронский И. М. Историческая грамматика латинского языка. Общеиндоевропейское языковое состояние (вопросы реконструкции). 2 доп. изд. / Отв. ред. Н. Н. Казанский. М., 2001. С. X–XIII;
- Кельнер 1998 – Кельнер В. Е. С. М. Дубнов – мемуарист // Дубнов М. С. Книга жизни. С. 10.
- Кельнер 2008 – Кельнер В. Е. Миссионер истории: Жизнь и труды Семена Марковича Дубнова. СПб., 2008.
- Левин 2002 – Левин Д. Э. Белоруссия в воспоминаниях Дубнова: Опыт комментария // Белорусский сборник: Статьи и материалы по истории и культуре Белоруссии. СПб., 2002. Вып. 2. С. 81–105 (http://kamunikat.fontel.net/www/czasopisy/sbornik/02/08_levin.htm).
- Левченко 2007а – Левченко В. В. Иосиф Моисеевич Троицкий (Тронский): Судьба и творческий путь (к 110-летию со дня рождения) // Юго-Запад. Одессика. Одесса, 2007. Вып. 4. С. 220–239;
- Левченко 2007б – Левченко В. В. Из истории науки в Одессе: Трагедия одного имени // Проблемы славяноведения. Брянск, 2007. Вып. 9. С. 62–73;
- Левченко 2009 – Левченко В. В. Одеські історики. Енциклопедичне видання. Одеса, 2009. Т. 1 (початок ХІХ – сер. ХХ ст.). С. 404–407;
- Лопшиц 1960 – Лопшиц А. М. Я. С. Дубнов – ученый, педагог, человек // Математическое просвещение. 1960. 2-я сер. Вып. 5. С. 3–16;
- Лурье 2004 – Лурье Я. С. История одной жизни. СПб., 2004.
- Пастернак 1981 – Пастернак Б. Переписка с Ольгой Фрейденберг / Под ред. и с коммент. Э. Моссмана. Нью-Йорк; Лондон, 1981.
- Пастернак 2000 – [Пастернак Б. Л.] Пожизненная привязанность: Переписка О. М. Фрейденберг / Сост. Е. В. Пастернак, Е. Б. Пастернак. М., 2000.
- Перепись 1897 – Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года / Под ред. Н.А. Тройникова. Издание Центрального статистического комитета МВД. СПб., 1904. Т. 47.
- Порошкин 2009 – Порошкин А. Г. О работе профессора Я. С. Дубнова в Коми государственном педагогическом институте (1952–1954 уч. годы) // Математич. просвещение. 2009. 3-я сер. Вып. 13. С. 13–17.
- Профессора Московского университета, 1755–2004. М., 2004. Т. 1: А–Л. С. 405;.

- Русская интеллигенция 2001 – Русская интеллигенция: Автобиографии и библиографические документы в собрании С. А. Венгерова: Аннотированный указатель. В 2-х т. СПб., 2001. Т. 1: А–Л. С. 385–386.
- Тихомиров 2009 – Тихомиров В. М. Я. С. Дубнов (1887–1957) // Математическое просвещение. 2009. 3-я сер. Вып. 13. С. 5–6.
- Троцкий 1905 – Троцкий М. И. Краткая грамматика древнееврейского языка. Одесса, 1905.
- Троцкий 1911–1915 – Троцкий М. И. Учебник русской грамматики для инородческих училищ, с приложением задач, примеров и статей для списывания, разбора и диктанта. В 2-х ч. Одесса, 1911–1915. Ч. 1: Этимология с краткими сведениями из синтаксиса; Ч. 2: Синтаксис.
- Троцкий 2002 – Троцкий И. Евреи в русской школе // Книга о русском еврействе. От 1860-х годов до революции 1917 г. Иерусалим; М.; Минск, 2002. С. 353–364.
- Устами Буниных: Дневники Ивана Алексеича и Веры Николаевны и другие архивные материалы, под редакцией Милицы Грин. В 2-х т. М., 2005. Т. 2. С. 191, 208, 241.
- Фрейденберг 1986 – Фрейденберг О. М. Будет ли московский Нюрнберг? (из записок 1946–1948 годов) // Синтаксис: Публицистика. Критика. Полемика. Париж, 1986. [Вып.] 16. С. 149–163;
- Фрейденберг 1987 – Фрейденберг О. М. Осада человека / Публикац. К. Невельского (псевдоним Ю. М. Каган) // Минувшее: Исторический альманах. Париж, 1987. Вып. 3. С. 7–44 (переизд.: М., 1991. С. 9–44);
- Фрейденберг 1988 – Фрейденберг О. М. Из наследия О. М. Фрейденберг. Воспоминания о Н. Я. Марре. Предисл. И. М. Дьяконова. Публ. и примеч. Н. В. Брагинской // Восток-Запад: Исследования. Переводы. Публикации. М., 1988. С. 181–204;
- Фрейденберг 1991а – Фрейденберг О. М. Университетские годы / Предисл., публ. и коммент. Н. В. Брагинской // Человек. 1991. № 3. С. 145–156;
- Фрейденберг 1991б – Фрейденберг О. М. Человеческая природа отменялась (1942) // Час пик. 1991, 11 февраля. № 6 (51). С. 15.
- Херлихи П. Одесса. История, 1794–1914. Одесса, 2007.
- Ципперштейн 1995 – Ципперштейн С. Евреи Одессы. История культуры, 1794–1881 / Ред. и перев. А. Локшина. М.; Иерусалим, 1995.
- Чистякова 1998 – Чистякова Н. А. Античная литература и литературоведение в трудах И. М. Тронского // Классические языки и индоевропейское языкознание: Сб. статей по материалам чтений, посвященных 100-летию со дня рождения проф. И. М. Тронского. СПб., 1998. С. 46.
- Чистякова, Ярхо 1971 – Чистякова Н. А., Ярхо В. Н. Иосиф Моисеевич Тронский: Некролог. Список научных трудов // ВДИ. 1971. № 2. С. 162–166;
- Чуваков 1999 – Незабываемые могилы. Российское зарубежье: Некрологи 1917–1997 / Сост. В. Н. Чуваков. М., 1999. Т. 2: Г–З.

Шехтман 2002 – Шехтман И. Б. Еврейская общественность на Украине (1917–1919 гг.) // Книга о русском еврействе. 1917–1967. Иерусалим; М.; Минск, 2002.

Erlich 2006 – Erlich V. The Child of a Turbulent Century. Evanston (Illinois), 2006.

Herlihy 2007 – Herlihy P. Odessa: A History, 1794–1914. Harvard, 1986. P. 257–258. Рус. перевод:

Zipperstein 1998 – Zipperstein S. J. The Jews of Odessa. A Cultural History, 1794–1881. Stanford, 1986.

А. И. Фалилеев

ДИАЛОГ ИГНАХА С ТАЛИЕСИНОМ

Благодаря трудам и таланту Николая Леонидовича Сухачева русскоязычному читателю стали доступны великолепные поэтические переводы на русский язык значительного количества произведений не только ирландского поэтического творчества (напр. Сухачев 2007), но и валлийского (напр. Сухачев 2002 и 2003). При работе над этими переводами юбиляр уделял самое пристальное внимание филологическим проблемам, что было эксплицитно указано в предисловиях к изданным переводам, и, как известно, филология всегда оставалась в центре внимания этого ученого. В ряде работ юбиляр и автор настоящей статьи выступали в качестве соавторов (Сухачёв, Фалилеев 2004 и 2006), поэтому то внимание, которое Николай Леонидович уделял (и уделяет) как смысловой, так и формальной составляющей сложного труда переводчика заслуживает отдельного упоминания. Предлагаемая ниже работа ставит своей целью не только поздравить Николая Леонидовича Сухачева с юбилеем, но и имеет сугубо прикладной характер. Так как речь пойдет ниже о весьма сложном и допускающем различные интерпретации средневековом валлийском поэтическом тексте, хочется надеяться, что когда-нибудь мы получим его в поэтическом переводе юбиляра.

Средневековое валлийское стихотворение, название которого вынесено в заглавие настоящей работы, известно по одной рукописи, датируемой серединой XIII в. Так называемая «Чёрная Книга из Кармартена» (National Library of Wales, MS Peniarth 1) является самым ранним сборником валлийской поэзии, своего рода антологией, которая содержит весьма разнообразные по жанру произведения, как религиозные, так и светские. В ней мы находим, к примеру, три стихотворения Киндделу – величайшего валлийского поэта XII века, поэмы, связанные с Мерлином / Мирдином и героем средневековых валлийских сказаний

Герайнтом сыном Эрбина, «Энглины могил» и поэтический «Разговор души и тела». Значительное число вошедших в эту рукопись произведений было создано в до-средневаллийский период, и в современной науке считается, что в распоряжении компилятора «Чёрной Книги из Кармартена» могло быть до четырнадцати более ранних рукописей. Целый ряд стихотворений из «Черной книги» теперь известен и русскоязычному читателю (Фалилеев 2012), однако не «Диалог Игнаха с Талиесином», который датируется более поздним периодом, нежели тот, который рассматривается в указанной монографии – согласно последним исследованиям время его создания недалеко отстоит от даты, которой датируется сама рукопись.

Стихотворение неоднократно издавалось, и изданием этого текста занимались в своё время У. Скит и Дж. Гвеногврин Эванс, а в недавнее время – такие современные корифеи валлистики как А. О. Джарман, Б. Робертс, Дж. Роуланд и Г. Р. Айзак. Поэма, написанная в традиционном размере *englyn milwr* ('энглин война', трехстрочник равного количества слогов с единой рифмой), представляет собой диалог между Талиесином и Игнахом, и этот жар достаточно хорошо представлен в средневековой валлийской поэзии, в том числе и в стихотворениях «Чёрной Книги из Кармартена». Если о первом участнике диалога – Талиесене – мы знаем достаточно много (см. Фалилеев 2012: 133-138), то Игнах до сих пор остаётся весьма энигматической фигурой валлийской средневековой традиции. Этот персонаж упоминается только в этом стихотворении (его связь с *Flur ferch Vugnach* (var. *Fugnach*) Согг валлийских Триад остается проблематичной, см. Bromwich 2006: 199–200), а его имя неизвестно по другим валлийским источникам. Морфологический анализ этого антропонима позволяет выделить суффикс *-ach*. Как было показано П. Симс-Уильямсом (Sims-Williams 1980–82: 615–6), личные имена с этим суффиксом, известные в средневековой валлийской традиции, несут «оттенок чуждости, нецивилизованности». Причина тому вполне прозаическая: этот компонент весьма частотен в ирландских именах, а отношение валлийцев к ирландцам в Средние века было достаточно враждебным. Собственно ирландский подход к интерпретации этого имени, впрочем, также возможен, но исследование этой проблемы показывает, что абсо-

лютно точного соответствия этого имени в ирландской традиции не существует. В этой связи можно отметить, что если принять «мифологическое» объяснение этого стихотворения, то «чуждость» имени этого героя достаточно хорошо вписывается в контекст этого произведения. Следует также учесть, что патронимик героя (*mab* Мудно, сын Мидно) – валлийский, собственно валл. *myd* & *gno(u)* ‘битво-известный’.

Как мною было показано в специальной работе (Falileyev в печати), ключевым для понимания всей поэмы оказывается пятый энглин, интерпретация которого, как и ожидалось, вызвала значительные дискуссии. Так как в указанной работе проведен комплексный анализ существующей на эту тему дискуссии, здесь можно остановиться на этом вопросе достаточно пунктирно. При этом следует специально отметить тот факт, что в реальности чтение этого фрагмента достаточно прямолинейно, и он не содержит ни гапаксов, ни видимых, по крайней мере, ошибок переписчиков, которые встречаются в других стихотворениях из «Черной книги», да собственно и в этой поэме. Однако существующие интерпретации этого энглина позволяют абсолютно поразному взглянуть на содержание этого небольшого стихотворения. Эти версии интерпретации рассмотрены ниже в соответствующем комментарии. Валлийский текст поэмы воспроизводится по изданию А. О. Джармана (Jarman 1982: 75–76) с небольшими изменениями.

Marchauc a girch y dinas ae sun gwinion ae cirn bras. nyth adwaen. mi rythwelas.	Всадник едет к замку, Со своими белыми псами и звучными рогами ¹ . Тебя я не знаю, тебя я никогда не видел.
Marchauc a kirch ir aber. y ar march cadarn kadfer. Dabre genhiw nym gwatter.	Всадник едет к устью, На сильном коне, стойком в битве, Пойдем со мной ² , да не откажешь ты мне!
Mi nyd aw ina in aur. gotev gueith y godriccaur. elhid bendith new. a. llaur.	Я не пойду туда сейчас, Нельзя оттягивать ожидание битвы ³ , Да пусть будет благословение Неба и Земли!
Y gur nim guelas beunit. y tebic ygur deduit. ba hid ei dy a phan doit.	Муж, который не видит меня каждый день, Похожий на мужа удачного, Как далеко ты идешь и откуда?

Ban deuaw o caer seon
o imlat ac itewon.
it aw caer lev a gwidion.

Я возвращаюсь из Каэр Сеон⁴
С битвы против иудеев⁵,
Иду я в Каэр Ллеу и Гвиддиона.

Dabre de genhiw ir dinas
ath uit met ara phellas.
ac eur coeth ar di wanas.

Пойдем со мною в город,
Получишь мёд (чистый, арабский, греческий ?)⁶
И золотой шишак на твой щит⁷.

Mi nyd adwaen y gur hy
am etev tan a gveli.
tec a chuec y diwedi.

Я не знаю этого braveго мужа,
Который предлагает огонь и ночлег
Красиво и сладко ты говоришь.

Dabre genhiw im tino.
ath uit guin gorysgelhor.
Vgnach yw. vy heno mab myndno.

Пойдем со мной ко мне⁸,
Получишь вино неиссякаемое.
Игнах моё имя, сын Мидно.

Vgnach bendith ith orsset
ath vo rad ac enrydet.
taliessin viw inhev
talaw itti dy gulet.

Игнах, благославлен твой дом,
Да будет тебе благодать и честь.
Я – Талиесин,
Отплачу я тебе за твой пир.

Taliessin penhaw or guir.
beitad yg kert kyuegir.
tric ima hid dyv merchir.

Талиесин, глава мужей,
Посылающий вызов в поэтическом поединке,
Оставайся здесь до среды!

Vgnach mvihaw y alaw.
ath vo. rad y gulad pennhaw.
ny haetaw kabil ny thrigiaw.

Игнах, велики твои богатства,
Да будет с тобой благодать в вершинной стране,
Я не заслужу порицания⁹, не задержусь я здесь.

Примечания

1. Первый энглин вложен в уста Игнаха, и, в принципе, именно он задает «мифологическое» направление в интерпретации всего стихотворения. Дело в том, что свита героя напоминает известный эпизод из «Четырех ветвей Мабиноги», в котором предводитель Аннувна (Иного Мира) Араун является Пуиллу в таком же сопровождении. «Свору Аннувна» в мифологическом контексте упоминают и другие средневековые валлийские источники. С учетом того, что для Каэр Ллеу и Гвиддиона в пятом энглине возможна интерпретация «Млечный путь», а не

только традиционная его ассоциация с Динас Динлле в Северном Уэльсе, Г. Р. Айзак (Isaac 2002: 14 и сл.) высказывает предположение о том, что Талиесин был убит в Святой земле во время Крестового похода, и его дух отправляется в небеса и не желает никаких остановок по пути. Эта линия исследования проанализирована в Falileyev (в печати).

2. Игнах сын Мидно приглашает Талиесина в свой замок и сулит всякие прелести его там пребывания – ночлег, огонь, напитки и отдых. Подобное вполне ожидаемо в рамках традиции средневекового гостеприимства, различные аспекты которого хорошо известны по другим ранним валлийским стихотворениям. К сожалению, на сегодняшний день не существует специального исследования, посвященного анализу этого института в раннем средневековом Уэльсе (данные более позднего периода проанализированы в Smith 2007), однако, насколько мне известно, работы в этом направлении идут и в ближайшее будущее можно ожидать появления докторской диссертации на эту тему. Для ирландской средневековой традиции такое исследование было проведено (O'Sullivan 2004).

3. Перевод строки условный, ср. Roberts 1978: 324 со ссылками на более раннюю литературу. По поводу *yg godeu gbeith mynab* «чтобы разорить Манау» из ранней валлийской поэмы «За один год» см. комментарий в Фалилеев 2012: 180. Это строка также весьма важна для понимания всего стихотворения – Талиесин спешит к новой битве, которую нельзя отложить.

4. Ключевой энглин для понимания стихотворения. В Каэр Сеон ряд исследователей видел *Caer Zion*, соответственно Иерусалим, что позволило Г. Р. Айзаку (Isaac 2002) высказать предположение о том, что перед нами – произведение круга литературы Крестовых походов. Здесь следует отметить, что до недавнего времени не существовало комплексного исследования на тему «Уэльс и крестовые походы», но теперь, благодаря труду Кэтрин Хёрлок, в нашем распоряжении имеется всеобъемлющий монографический анализ этой проблематики (Hurlock 2011). Для других ученых Каэр Сеон локализуется в Уэльсе; более того, нельзя исключать и правку рукописи, тогда возможно чтение этого топонима как *Caer*

Lion – название современных Честера и Каэрлеона на Уске. Оба населенных пункта находятся на валлийском пограничье. Более того, в некоторых произведениях средневаллийской эпохи этот топоним означает современный Карлайл, а ассоциации Талиесина с бриттским «Севером» на территории современных северной Англии и южной Шотландии известны. Более того, другая возможная правка рукописного текста позволяет прочесть тут *Caer Rion*, который также известен на бриттском севере. Впрочем, в этом случае мы также находим сопоставимое название и на территории собственно Уэльса.

5. «Битва с иудеями», несомненно, сыграла значительную роль в ассоциации *Caer Zion* с Иерусалимом, хотя, впрочем, в поисках места этой битвы совсем не надо отправляться в Святую Землю, а, возможно, даже и покинуть территорию Британских островов. Известна и правка этого фрагмента на *ymlad o cherdorion* «битва, viz. поэтическое состязание с бардами» так как ниже Талиесина называют *beitad yg kert kyuergir* «посылающий вызов в поэтическом поединке». В таком случае ссылка на Крестовые походы для объяснения стихотворения становится нерелевантной. Впрочем, эта предложенная Дж. Гвеногврином Эвансом правка не принята подавляющим большинством исследователей. Однако имеется ещё одна возможность избежать иудейских ассоциаций строки и, соответственно, всей поэмы – дело в том, что известны контексты, где это слово означает врагов в принципе (так М. Хейкок). В работе Falileyev (в печати) эти контексты внимательно рассматриваются и предлагается еще несколько интерпретаций формы *itewon*, при которых она не имеет ближневосточных и / или религиозных ассоциаций.

6. Традиционно эта сложная строка интерпретируется как предложение Игнаха Талиесину попробовать отобранного чистого мёда (Дж. Е. Каэрвин Уильямс, Дж. Роуланд и т. д.). Согласно же Г. Р. Айзаку (Isaac 2002: 15), фраза содержит прилагательное *hellas* ‘греческий’, что опять приводит к «восточной» интерпретации стихотворения. Возможно, как представляется, и чтение фрагмента *met arap (hellas)*, «арабский мёд», что, как известно не является оксимороном, ср. в этой связи известные, в

том числе и на Британских островах, работы Аль-Кинди (с. 800-870).

7. Перевод этой строки, где сложность представляет интерпретация (g)wanas – а дискуссия восходит еще к временам Ж. Лота (Loth 1924 : 208–211) – условен, ср. также недавнюю попытку преодолеть эти сложности в Day 2011: 47 fn. 156. Следует учесть, что если и в этой строке переписчик текста искажил оригинал, и если придерживаться интерпретации этого текста, связывающей его с Крестовыми походами, то стоит учесть известный в средневековом Уэльсе дом Ордена Госпитальеров *Gwanas*.

8. Возможно, еще один фрагмент «мифологической мозаики». Хотя большинство исследователей полагает, что *tino* (собственно, валл. *tyno*) означает ‘дом’, как представляется, никакой уверенности в правильности этого перевода быть не может: в хронологически сопоставимых текстах и позднее это слово (как и родственные слова в других бриттских языках) означает ‘долину’. Перевод, в этой связи, остаётся условным. Примечательно, что в последующем английском упоминается *gorsset* Игнаха (в переводе – ‘дом’): в валлийской средневековой традиции это слово имеет четко выраженные связи с потусторонним миром, см. подробно Sims-Williams 1990: 64–67. Валл. *gorsedd* хорошо известно читателям «Мабиноги», где оно обозначает пригорок, на котором происходит встреча героев с потусторонним миром. См. далее комментарий 16 к стихотворению «Начало лета – прекраснейшая пора» в Фалилеев 2012: 262-3.

9. Согласно А. О. Джарману *kabil* в этом тексте означает ‘порицание, осуждение’ (Jarman 1982: 126). Интерпретация принята многими исследователями (напр. Дж. Роуланд), и Г. Р. Айзак оставляет в своем переводе на современный валлийский язык соответствующую валл. форму *sabl* (Isaac 2002: 13). Возможно, Айзак прав: о достаточно широкой семантике валл. слова, в том числе и в чисто религиозных контекстах, см. Falileyev, Isaac 1998.

Библиография

- Сухачев 2002 – Н. Л. Сухачев. Давид ап Гвилим. Четыре стихотворения // *Urbi* 2002. Т. 36/38. С. 40–51.
- Сухачев 2003 – Н. Л. Сухачев. Давид ап Гвилим (язык, метрика, опыт перевода) // *Язык и культура кельтов. Материалы IX коллоквиума / Отв. редактор А. И. Фалилеев. Отв. со-редактор С. В. Иванов. СПб., 2003. С. 105–113.*
- Сухачев 2007 – Н. Л. Сухачев. *Филиды и барды. Из древней ирландской поэзии, VI – XII вв.* СПб., 2007.
- Сухачёв, Фалилеев 2004 – Н. Л. Сухачев, А. И. Фалилеев. Валлийский Геракл. // *Индоевропейское языкознание и классическая филология* 8. / Отв. редактор Н. Н. Казанский. СПб., 2004. С. 277–284.
- Сухачёв, Фалилеев 2006 – Н. Л. Сухачев, А. И. Фалилеев. Два стихотворения из «Книги Талиесина» // *Acta linguistica petropolitana. Труды Института лингвистических исследований / Отв. ред. Н. Н. Казанский. Том II, часть 1. СПб., 2006. С. 261–284.*
- Фалилеев 2012 – А. И. Фалилеев. *Из ранней валлийской поэзии.* СПб., 2012.
- Bromwich 2006 – R. Bromwich. *Trioedd Ynys Prydein.* Cardiff, 2006.
- Day 2011 – J. Day. Shields in Welsh poetry up c. 1300: Decoration, shape and significance // *Studia Celtica* 2011. V. 45. P. 27–52.
- Falilejev, в печати – А. Falilejev. Why Jews? Why *Caer Seon*? Towards interpretations of *Ymddiddan Taliesin ac Ugnach*.
- Falilejev, Isaac – A. Falilejev, G. Isaac. W. *cabl* ‘calumny, blame, blasphemy’ // *Indogermanische Forschungen* 1998. Bd. 103. S. 202–206.
- Hurlock 2011 – K. Hurlock. *Wales and the Crusades.* Cardiff 2011.
- Isaac 2002 – G. R. Isaac. ‘Ymddiddan Taliesin ac Ugnach’: Propaganda Cymreig yn Oes y Croesgadau? // *Llên Cymru* 2002. Т. 25. С. 12–20.
- Jarman 1982 – A. O. H. Jarman. *Llyfr Du Caerfyrddin.* Caerdydd, 1982.
- Loth 1924 – J. Loth. Notes etymologiques et lexicographiques // *RC* 1924. Т. 41. С. 204–237.
- O’Sullivan 2004 – C. O’Sullivan. *Hospitality in Medieval Ireland, 900–1500.* Dublin 2004.
- Roberts 1978 – Brynley F. Roberts. *Rhai cerddi ymddiddan // Astudiaethau ar yr Hengerdd.* Caerdydd 1978.
- Sims-Williams 1980-82 – P. Sims-Williams. The Significance of the Irish Personal Names in Culhwch and Olwen // *BBCS* 1980–2. V. 29. P. 600–620.
- Sims-Williams 1990 – P. Sims-Williams. Some Celtic Otherworld Terms // *Celtic Language, Celtic Culture / Ed. A. T. E. Matonis, D. F. Melia. Van Nuys, 1990. P. 57–81.*
- Smith 2007 – L. B. Smith. On the hospitality of the Welsh: a comparative view // *Power and identity in the Middle Ages. Essays in memory of Rees Davies.* Oxford 2007. P. 181–194.

С. А. Французов

**УПОМИНАНИЕ СИРИЙСКОГО ПОХОДА БОНАПАРТА В КОЛОФОНЕ
РУКОПИСИ АРАБСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ПСАЛТЫРИ ИЗ
БИБЛИОТЕКИ РУМЫНСКОЙ АКАДЕМИИ**

Библиотека Румынской академии в своих отделениях в Бухаресте и Клуже располагает богатой коллекцией восточных рукописей, преимущественно арабографичных, которые по сей день по настоящему не каталогизированы¹. В ходе их выборочного просмотра и описания внимание автора этих строк привлекла арабская Псалтырь, хранящаяся под шифром В.А.Р. Ms. Orientale 235. Судя по описи, ее переписали в Каире, и можно было бы ожидать, что она окажется коптско-арабской. Однако Псалтырь оказалась православной служебной, в переводе, традиционно приписываемом ‘Абдаллāху б. ал-Фадлу², с делением на кафизмы и «славы»³, с «молитвами по кафизмах», с литургическим делением (на заутрени⁴), с апокрифическим (151-м) псалмом в конце основного текста (л. 98б.16–99а.7), за которым непосредственно следуют десять Библейских песен⁵.

¹ Единственная публикация, в которой была предпринята попытка составить их краткий каталог, принадлежит невостоковеду, члену Румынской академии Иону Нистору (Nistor 1946). Она охватывает 217 единиц хранения (из почти 400, находящихся в Бухаресте) и содержит немало неточностей и прямых ошибок. Их еще больше в машинописном списке арабографичных рукописей бухарестского собрания Библиотеки Румынской академии, составленном обучавшимся в Бухаресте в аспирантуре иранцем Соути. Так, арабский православный агиографический сборник (шифр В.А.Р. Ms. Orientale 365) был атрибутирован им как «Библия» (подробное описание этого сборника и характеристику его содержания см. в: Французов 2012).

² Об этом переводе см.: Полосин Вал., Сериков, Французов 2005, 71–74.

³ Араб. دكصا от греч. δόξα.

⁴ Араб. سحر .

⁵ См. о них: Полосин Вал., Сериков, Французов 2005, 67. Следует отметить, что в коптско-арабских служебных Псалтырях, например, в

Размеры рукописи – 16,5 x 11,5 см; переплет – европейский кожаный с золотым тиснением на корешке в виде идущих одна под другой и разделенных двумя горизонтальными полосами трех веток растения с бутонем. В верхней части корешка – бумажная наклейка с четкой надписью прописными буквами Psautier arabe. Бумага – белая европейская с филигранью Tre lune⁶. В начале и конце рукописи помещено по два листа синей европейской бумаги без филиграней, так что она имеет следующую структуру: 02 + 107 + 002 л. Число строк на листе – от 16 до 18 (чаще – 18).

На обстоятельствах, при которых православная Псалтырь на арабском языке бала переписана в Каире, среди христианской части населения которого всегда преобладали копты, проливает свет ее колофон, помещенный сразу после Библейских песен, на л. 107а. 8 (илл. 1, 2).

Текст:

ثم⁷ / يعون الله تعالى وحسن ارشاده عن يد كاتبه القسيس / خليل الحاكور ه نهار
 [ل]ثلاثا خمسه وعشرين يوم خلث من / شهر تشرين الاول من شهر سنة⁸
 مسيحيه⁹ ١٧٩٩ وللهره الاسلاميه / في ٦ جماد الثاني سنة¹⁰ ١٢١٤ وكانت كتابته
 في محروسه مصر¹¹ / القاهره بوكالت الجوالي لما كنا مطرودين من الرمله / وقت
 كانت جمهور الفرنساويه في بر الشام ورجعوا / فنسال كل اخ او ولاء¹²(٩) اذا راء
 غطا او سهوا يصلحه يصلح / الله شانہ [ن]١٣ كمل وكتب من الغلط والنسيان ولا

рукописи Араб. н. с. (новая серия) 232 из фондов Российской национальной библиотеки, представлен иной набор Библейских песен, заметно отличающийся как в количественном отношении (их насчитывается 12), так и по составу от того, что принят у православных.

⁶ Фрагменты двух полумесяцев различимы на просвет в верхней части л. 69.

⁷ Так, с *ġā'* вместо *mā'*. Слово написано красными чернилами.

⁸ Без точек.

⁹ Без точек. Дата и оба стоящих перед ней слова написаны друг под другом: наверху – дата, внизу – *سنه*.

¹⁰ Слово *سنه* написано под датой.

¹¹ Знак *ṣād* в середине слова почти стерся.

¹² Эта *хамза*, сильно поднятая над строкой, все же может рассматриваться как стоящая после *lāma*, а не над ним. Стоящая перед ней лигатура *lām + alif* частично стерлась.

¹³ Почти весь знак стерся, осталась только поставленная над ним точка.

كامل الا لله / وحده / وكما يفرحون الملاحون اذا / وصلوا المين¹⁴ كذلك يفرح
الكاتب / بتمام الكتاب¹⁵//

Перевод:

«Закончено благодаря помощи Бога Всевышнего и доброму наставлению Его рукою переписавшего это священника Халила ал-Хākūr¹⁶ во вторник днем, когда минуло двадцать пять дней месяца октября из месяцев 1799 года по христианскому (летоисчислению)¹⁷, а по мусульманской хиджре – 6 джумада второго 1214 года¹⁸. И состоялась переписка этого в богохранимом граде Каире при посредничестве странствующего торговца¹⁹, когда мы были изгнаны из Рамлы в то время, как полчище французов было в земле Сирийской и вернулось обратно. И мы просим всякого брата или друга²⁰, если увидит он ошибку или небрежность, пусть исправит ее: (тогда) да исправит Бог дело его, если завершит он (что-нибудь) и допустит при переписывании ошибку или оплошность из-за забывчивости; ведь никто не совершенен, кроме Бога Единого. И как радуются моряки, когда прибыли в порт, так и переписчик радуется тому, что закончил книгу».

¹⁴ Так!

¹⁵ Две предпоследние строки написаны очень крупно, кроме слова *يفرح*, вставленного в нижнюю из них над второй половиной *kāfa*; последняя строка написана так же мелко, как и основная часть этого колофона.

¹⁶ Прозвище, означающее «огород, приусадебный участок» (см.: Barthélemy 1935, 168: «petit champ contigu à la maison d'habitation, courtil», «morceau de terrain de forme circulaire cultivé en potager»).

¹⁷ Т.е. 25 октября по старому стилю (5 ноября по новому стилю).

¹⁸ Нужно отметить, что данное соответствие полностью совпадает с тем, что дают синхронистические таблицы (см. например: Орбели 1961, 249). Как известно, из-за того, что начало мусульманского месяца определяется по новолунию, указываемые в источниках соотношения между датами по юлианскому (григорианскому) календарю и по хиджре могут расходиться на 1–2 дня с табличными значениями.

¹⁹ Ср.: *بائع جوال* «бродячий торговец» (Баранов 1977, 150).

²⁰ По-видимому, речь идет об усиленном прилагательном (по типу *fa'āl*) от корня *В-Л-Й* (ср. *وكلي* «близкий, родной» (Баранов 1977, 913)), которое не зафиксировано в словарях. Впрочем, образованное по той же модели слово *عمارة* «полный слепец», встречающееся в приписках к рукописи полной арабской Библии D 226 из собрания ИВР РАН (см.: Французов 2009, 48–49, – где оно было ошибочно переведено как «полный слепец») в словарях также не обнаружено.

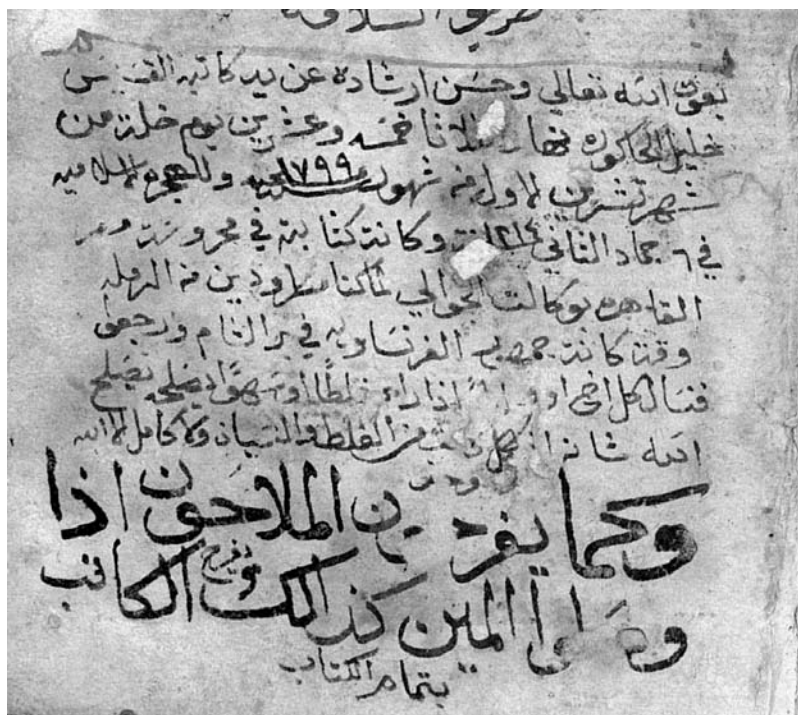
107

بني العلي تدعا لتقدم فتسلك امام وجه
 الرب لقد طريقه لتعطي شعبه حروف
 الخلاص لا تغتفرا خطاياهم بخرن رحمة الافناء
 الذي افتقدنا من اعلو بالمشرق
 ارضي للدين في الظلمه وضلاله
 الموت ليقيم اجلنا في
 طريق السلاوة

بقي انه تعالي وحسن ارشاده عن يد كاتبه القسيس
 خليل الحايك في ايام خلافة وعشرين يوم خلافة من
 شهر تشرين الاول سنة ١٧٩٩ للهجرة وللجهد الملاية
 في ٦ جماد الثاني ١٢١٢م وكانت كتابته في محروقة من
 القاهية وكانت الحايك كاننا سلاويين من الرحلة
 وقت كانت جميعهم الفرساوية في اراغام ورجع
 فتنا كل الفخ او اننا في الطلوع هو افضل نصلح
 الله شاننا من الطلوع والسيارة كما كامل الاله

و كما يفرد بن الملاحون اذا
وم الى المين ذلك الكاتب
 بتمام الكتاب

Илл. 1.

Илл. 2.

Речь в колофоне, разумеется идет о событиях, связанных с Сирийским походом Бонапарта, в ходе которого французская армия оккупировала значительную часть Палестины, включая город Рамлу (ар-Рамлу). Согласно египетскому мусульманскому историку ал-Джабарті, французы заняли его 2 марта 1799 г. и захватили там «большое количество складов с сухарями и ячменем, а также тысячу пятьсот мехов, заготовленных ал-Джаззаром, собиравшимся идти с ними в Египет» (ал-Джабарти 1297/3, 49; ал-Джабарти (Фильштинский) 1962, 157)²¹. О том, что Бонапарт

²¹ Ср.: ал-Джабарти 1297/3, 71; ал-Джабарти (Фильштинский) 1962, 207–208.

В конце цитаты говорится об османском наместнике Сирии, получившем за свою жесткость прозвище ал-Джаззър – «Мясник» (см. о нем, например: Lockroy 1888).

вскоре после 9 вентоза VII года Республики (27 февраля 1799 г.) направился в Рамлу, где вошел в православный монастырь («*souvent de prêtres schismatiques*») и забрал заготовленные ал-Джаззâром большие запасы продовольствия, сообщил очевидец событий, офицер санитарной службы Жан-Батист Ляттиль (Lattil [1802], 74)²². Заметную долю населения Рамлы составляли православные арабы, которые, как и большая часть христианского населения Сирии, были настроены довольно дружелюбно по отношению к Бонапарту и его войску. Вот как Ж.-Б. Ляттиль описывал реакцию христиан Сирии на вторжение французов: «*Les Chrétiens se rendaient en foule sous nos tentes, en nous apportant ce que la Syrie peut fournir de bons aliments. Je ressentis, plus que jamais, la douceur et l'amabilité qu'une Religion pure et pleine de candeur inspire nécessairement aux nations qui l'ont adoptée. Je croyais voir le Peuple de Dieu. Chacun s'empressait à dévancer les autres, à maudire Diezzar, et à baiser les mains de Bonaparte*» (Lattil [1802], 83). Экспедиционный корпус, с которым Бонапарт покорил Египет и пытался завоевать Сирию, трудно признать «Христовым воинством»: его офицерский корпус в значительной мере был укомплектован деистами и антиклерикалами. Тот же Ляттиль несколькими страницами ранее упомянул «волю Верховного Существа («*la volonté de l'Être-Suprême*»)» (Lattil [1802], 54), но, судя по приведенной выше цитате, чувствовал цивилизационную близость к христианам покоряемой французами ближневосточной страны, и чувство это было взаимным. Другая причина их расположения к Бонапарту заключалась, по всей видимости, в том, что обитавшие в Каире сирийцы христианского вероисповедания, часть которых занималась торговлей²³, вместе с коптами и греками поддержали французских захватчиков: их старейшины вошли в состав созданного оккупантами

²² Следует отметить, что топоним «Рамла» ошибочно передан у него как «*Ramlek*».

²³ О том, что *النصارى (النصارى) النشوام* жили в Каире, когда туда пришел Бонапарт, см., например: ал-Джабарты 1297/3, 7, 13, 15, 18, 23–25, 51; ал-Джабарты (Фильштинский) 1962, 60, 72, 77, 85, 97, 100, 103, 161. О наличии среди них купцов, в частности, торговцев рисом, см.: ал-Джабарты 1297/3, 12, 15, 22–24, 140; ал-Джабарты (Фильштинский) 1962, 71, 79, 95, 98, 101, 360.

марионеточного «законодательного дивана» (ал-Джабарти 1297/3, 22, 23, 88; ал-Джабарти (Фильштинский) 1962, 95, 98, 243)²⁴, несколько их представителей сопровождали Бонапарта в Сирийском походе (ал-Джабарти 1297/3, 43; ал-Джабарти (Фильштинский) 1962, 142), за гробом генерала Клебера, заколотого мусульманским террористом Сулаймāном ал-Халабй, вместе с французами шли по Каиру 18 июня 1880 г. копты и сирийцы (ал-Джабарти 1297/3, 133; ал-Джабарти (Фильштинский) 1962, 345). Благодаря покровительству французов часть каирских христиан, в том числе и тех, что вели происхождение из Сирии, стали высокомерно относиться к мусульманам, задирать их, демонстративно нарушать устоявшиеся запреты (ал-Джабарти 1297/3, 44, 109, 135; ал-Джабарти (Фильштинский) 1962, 144, 291, 350)²⁵.

Слухи об этом, конечно, доходили и до Сирии, так что местные мусульмане без промедления отреагировали на ту поддержку, которую жившие с ними бок о бок христиане оказали Бонапарту и его армии. В Рамле это обернулось настоящими гонениями. По свидетельству греческого хрониста Максима Симского, «26 февраля (9 марта по новому стилю – С. Ф.) иерусалимские и окрестные сарацины напали на Рамлэ и ограбили жителей, которых нашли там; поэтому мужчины убежали оттуда, одни в Яфу, другие в окрестности Наблуса. Женщины же остались дома с младенцами ничего не подозревая, вдруг их захватили в плен, дома их ограбили и разрушили до основания. Церковь великомученика Георгия, где колонна вдовы, они сожгли и находившего в ней пресвитера Иосифа Захсана умертвили вместе с возжигателем свечей. Пленников же, большей частью наших едино-

²⁴ Впрочем, в результате последней реорганизации этого органа, предпринятой французами в месяце джумада втором 1215 г. (20 октября – 17 ноября 1880 г.) с целью задобрить мусульман, христиан в нем вообще не оказалось (ал-Джабарти 1297/3, 137; ал-Джабарти (Фильштинский) 1962, 354–355).

²⁵ Дело дошло до того, что французы вынуждены были под страхом телесных наказаний обязать местных христиан соблюдать некоторые из подобных запретов, например, публично не есть, не пить и не курить табак в дневное время суток во время рамадана (ал-Джабарти 1297/3, 45; ал-Джабарти (Фильштинский) 1962, 147–148), но тем нередко удавалось уходить от ответственности (ал-Джабарти 1297/3, 59; ал-Джабарти (Фильштинский) 1962, 179).

верцев, они продали нашему монастырю; наши поселили их в количестве около 200 в монастыре Св. Феодоров и долго кормили и одевали их» (Максим Симский (Безобразов) 1904, 88)²⁶. Вот о каком изгнании из Рамлы сообщается в колофоне, которым священник Халил ал-Хākūrā завершил арабскую православную Псалтырь, а место, где он ее переписал, показывает, что христиане, населявшие этот палестинский город, бежали не только в Яффу и Наблус, но и в Каир²⁷.

На титульном листе (л. 1а) рассматриваемой здесь Псалтыри сделаны две надписи черными чернилами по-французски (илл. 3): «*Les psaumes de David / en arabe.*» беглым почерком в его верхней части и «*Les Psaumes, / en arabe. / Ecrit au Caire en 1799.*» каллиграфически в середине листа. Очевидно, из Каира она попала во Францию, но при каких обстоятельствах это случилось, приходится только догадываться. Переписавший ее священник Халил мог покинуть Египет вместе с французами²⁸, забрав с собой Псалтырь, и потом продать ее на чужбине. Впрочем, более вероятно, что Псалтырь получил в собственность упомянутый в колофоне бродячий торговец, у которого ее приобрел француз, коллекционировавший восточные диковинки.

Последним владельцем этой арабской рукописной Псалтыри во Франции был некий Дорбон, вероятно, антиквар или букинист, упомянутый в приписке, сделанной карандашом на л. 02б (илл. 4): «*acheté chez f. Dorbon. Paris / 1924.*», – где *f.* означает *feu* «недавно скончавшийся». Сама же приписка, судя по почерку, принадлежит Константину Карадже, чей экслибрис сиреневого

²⁶ Автор выражает благодарность за указание на этот источник доценту ИСАА при МГУ Константину Александровичу Панченко.

²⁷ Постепенно православная община в Рамле восстановилась. Так, русский врач А. А. Рафалович, проследовавший через нее весной 1847 г., отмечал, что среди 2500 ее жителей много православных (Рафалович 1991, 111).

²⁸ Так поступили многие поддерживавшие французов христиане, в том числе сирийцы, опасаясь возмездия со стороны мусульман. Об их отъезде из Каира 1 июля 1801 г. см.: ал-Джабарти 1297/3, 187; ал-Джабарти (Фильштинский) 1962, 468. Их опасения не были напрасны: во время антифранцузского восстания, охватившего Каир и его окрестности в марте 1800 г., некоторых сотрудничавших с захватчиками христиан, коптов и сирийцев, грабили и убивали (ал-Джабарти 1297/3, 96; ал-Джабарти (Фильштинский) 1962, 260–261).

цвета «EXBIBL. / CONST. / KARADJA / –» украшает верхнюю половину титульного листа (л. 1а)²⁹ и чья запись о передаче рукописи в Библиотеку Румынской академии помещена в его нижней части (илл. 3): «Pentru Biblioteca Academiei Române / Aprilie 1946 / Karadja». Таким образом, с 1924 по 1946 гг. Псалтырь находилась во владении высокопоставленного румынского дипломата, выдающегося книговеда, почетного члена Румынской академии (с 1946 г.), снискавшего общеевропейскую известность собирателя рукописей, инкунабул, старопечатных книг, документов и писем³⁰. Константин Караджа (1889–1950) был сыном османского посланника в Гааге Иоанна Караджи и шведской писательницы Мари-Луизы Смит и происходил из знатного фанариотского рода, давшего Валахии двух господарей, Николая и Иоанна, правивших в 1782–1783 и 1812–1818 гг. соответственно. По все вероятности, из этого же рода происходил известный греческий ученый и библиофил XVIII в. Николай Караджа (Καρατζόζης), скопированные которым документы хранятся в отечественных³¹ и зарубежных собраниях³².

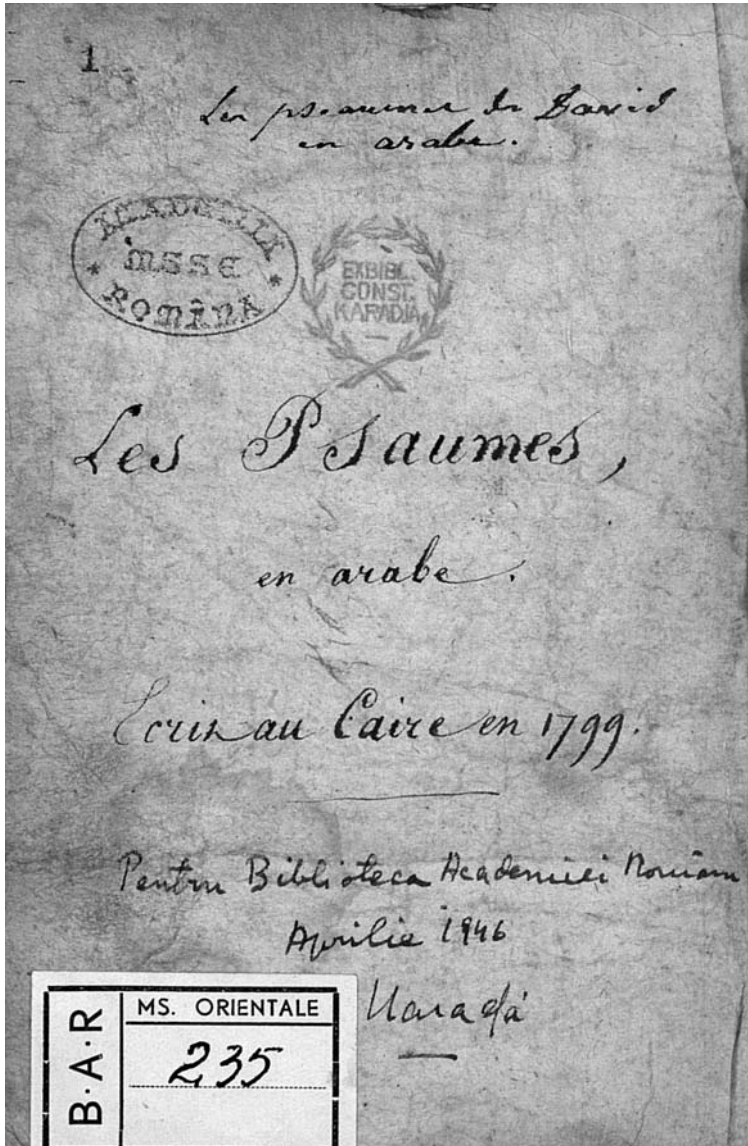
²⁹ На л. 1а, слева от экслибриса, стоит красный оттиск печати Библиотеки Румынской академии с литерами MSSE (ManuScriSE) в середине (илл. 3), а на лицевой стороне всех остальных листов рукописи (кроме л. 01, 02, 001 и 002) – красный оттиск более ранней печати того же учреждения с буквами AR (Academia Română) и головой Афины между ними (см., например, илл. 1).

³⁰ См. о нем: *Simonescu* 1971; *Stoicescu* 1978.

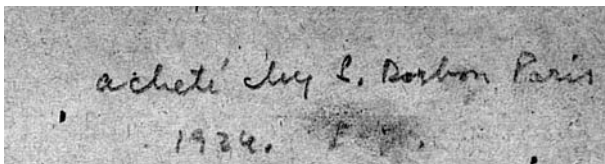
³¹ О находящемся в фондах Библиотеки РАН сборнике копий документов, большинство которых вышло из-под его пера, см.: Фонкич 1976.

Переписанная им грамота Константинопольского патриарха Дионисия II об учреждении школы Касторина Монолаки в Константинополе в 1663 г. хранится в отделе рукописей РНБ под шифром Греч. 758 (8 л.)

³² См., например: *Fonkitch* 1994. Отождествление этого ученого с упомянутым выше его полным тезкой, который недолгое время был господарем Валахии, нельзя исключать, но оно представляется маловероятным.

Илл. 3.

Илл. 4.

Библиография

- Баранов 1977 – Баранов Х. К. Арабско-русский словарь. Ок. 42 000 слов. Изд. 5-е, перераб. и доп. М., 1977.
- Вестник ПСТГУ – Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. М.
- ал-Джабарти 1297/3 – ал-Джабарти, ‘Абд ар-Рахмāн. Ат-Та’рих ал-мусаммā ‘Аджā’иб ал-‘асār фй-т-тарāджим ва-л-ахбār. Дж. 3. Булақ, 1297 г. хиджры.
- ал-Джабарти (Фильштинский) 1962 – ал-Джабарти, ‘Абд ар-Рахмāн. ‘Аджā’иб ал-‘асār фй-т-тарāджим ва-л-ахбār (Удивительная история прошлого в жизнеописаниях и хронике событий). Т. III, ч. 1: Египет в период экспедиции Бонапарта (1798–1801) / Пер., предисл. и примеч. И. М. Фильштинского. М., 1962 (Памятники литературы народов Востока. Переводы, IV).
- Максим Симский (Безобразов) 1904 – Максима Симского История Иерусалимских патриархов со времен шестого вселенского собора до 1810 г. // ППС. Т. XIX, вып. 1 (продолжение): Материалы для истории Иерусалимской патриархии XVI–XIX века / Пер. с греч. В. Вл. Безобразова. СПб., 1904. С. 1–130.
- Орбели 1961 – Орбели И. А. Синхронистические таблицы хиджры и европейского летоисчисления. М.; Л., 1961.
- Полосин Вал., Сериков, Франгузов 2005 – Полосин Вал. В., Сериков Н. И., Франгузов С. А. Арабская Псалтырь. Приложение к факсимильному изданию Рукописи А 187 «Арабская петербургская лицевая Псалтырь» из собрания Института востоковедения РАН (Санкт-Петербургский филиал) / Под общ. ред. Н. И. Серикова. СПб.; Воронеж, 2005.
- ППС – Православный Палестинский сборник. СПб.
- Рафалович 1991 – [Рафалович А. А.] Записки русского врача, отправленного на Восток // Сирия, Ливан и Палестина в описаниях российских путешественников, консульских и военных обозорах первой половины XIX века / Сост. М. Р. Рыженков и И. М. Смелянская. М., 1991. С. 104–167.
- Фонкич 1976 – Фонкич Б. Л. Николай Караджа и ленинградский сборник византийских документов (Из истории византийской дипломатики) // Византийский Временник. Т. 37. М., 1976. С. 140–146.

- Французов 2009 – Французов С. А. Приписки к арабской рукописной Библии (D 226) из собрания Института восточных рукописей РАН как исторический источник // Вестник ПСТГУ Серия III: Филология, 2009, вып. 3 (17). С. 38–57.
- Французов 2012 – Французов С. А. Арабский православный агиографический сборник из Библиотеки Румынской академии и проблема происхождения завета святому // Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология, 2012, вып. 3 (29), 2012. С. 57–74.
- Barthélemy 1935 – Barthélemy A. Dictionnaire Arabe–Français. Dialectes de Syrie: Alep, Damas, Liban, Jérusalem. 1er fasc. Paris, 1935.
- Fonkitch 1994 – Fonkitch B. L. Eine Wiener Sammelhandschrift von Nikolaos Karatzas. Cod. Vind. Suppl. gr. 191 // Jahrbuch der Oesterreichischen Byzantinistik, 44, 1994. S. 91–97.
- Lattil [1802] – Lattil J.-B. Campagnes de Bonaparte à Malte, en Égypte et en Syrie. Marseille, floréal, an X [21.IV–20.V.1802].
- Lockroy 1888 – Lockroy É. Ahmed le Boucher. La Syrie et l'Égypte au XVIIIe siècle. 4e édition. Paris, 1888.
- Nistor 1946 – Manuscrisele Orientale din Biblioteca Academiei Române cu inventarul lor de Ion I. Nistor // Analele Academiei Române. Memoriile Secțiunii istorice, seria III, t. XXVIII, mem. 4. București, 1946. P. 77–126 (отд. отт. 50 p.).
- Simonescu 1971 – Simonescu D. Un mare bibliolog român: Constantin I. Karadja (1889–1950) // Analele Universității București. Limba și literatura română. Anul XX, Nr. 1–2, 1971. P. 19–37.
- Stoicescu 1978 – [Stoicescu N.] Karadja, Constantin // Enciclopedia istoriografiei românești / Coordinator științific: Șt. Ștefănescu. București, 1978. P. 188–189.

Victor A. Friedman

SHQIPJA DHE SLLAVISHTJA – PERSPEKTIVE KRAHASUESE NGA PIKËPAMJA

Abstract: Relations between the Albanian the Slavic languages go back the the period of IndoEuropean dialectal differentiation, and then resumed with the coming of Slavic speakers to the Balkans. In subsequent centuries, linguistic relations between Albanian and Balkan Slavic have been complex and far-reaching. We must remember that Albanian speakers are to be found in Slavic majority areas as far east as Ukraine, while Slavic speakers are found in Albanian majority areas in Albania itself, with a variety of historically and contemporary situations in between. In this paper, set the linguistic complexities of these relations in modern sociolinguistic and grammatico-pragmatic perspective.

Sipas Erik Hampit (1994), marrdhëniet Shqiptaro-Sllave të parë duhej të fillonte në periudhën indoeuropian, kur dialektet balto-sllave dhe dialektet që mund të quhen „para-Shqipe“ kanë qenë në kontakt në verinë të Europës. Ai marr për dëshmi zakoni i Winterit, që paraqit në të dy dialektet indoeuropian, siedhe disa huazime të lashta. Megjithëse nuk kemi të dhënat historike (dmth. të shkruara), mund të themi se dialekti indoeuropian që u bë gjuha shqipe dhe dialektet indoeuropian (apo më sakt dialektet sllave) që u bë diasistemi sllav jugor kanë arritur në Ballkan nëpër pak a shumë të njëjtën rrugë por të ndarë me një distancë kohore mjaft të gjatë.

Pas arritjes të Sllaveve në Ballkan—dhe siç kemi dëgjuar nga Prof. Bardhyl Demiraj kontakti ka lënë dëshmi shumë të lashhtë me emrin *shqa*, *shkla*, etj.—kontakti shqiptaro-sllav ka qenë pandërprerë në kujtimin më të gjerë, megjithëse në krahinat të ndryshme kontakte ka qenë me kushtet të ndryshme. Megjithëse nuk kemi burime të shkruara për situatën sociolinguistike në krahinat ku sllave dhe shqiptare kishin qenë në kontakt në shekujt të parë të kontakteve, toponimet na thanë se situata në Ballkanit perëndimor ishte mjaft ndërlikuar. Nga një anë, mendohet se toponimet si Nish dhe Shtip në Sërbi dhe Maqedoni janë dëshmi për shqipfolësi (apo një dialekt

lidhur me gjuhën shqipe) në këta krahina. Nga anën tjetër, toponimet dhe huazimet të lashta sllave në Kosovë dhe Shqipëri, si dhe në Greqi, dëftojnë se sllavfolësi ishin shpërndarë në gjithë Ballkanin perëndimor dhe jugor. Mund të përmendojmë këtu edhe mendjen e Erik Hampit (1981-82) se rruga nga *Lychnidos* deri në *Ohrid* (dhe *Ohër*) shkon edhe nëpër gjuhën shqipe (dmth. roticizmi tosk) edhe nëpër gjuhën sllave/maqedonase (metateza *lu>ol[>o]*).

Në fushën morfosintaksike, megjithëse data e paraqitjes së nyjës së prapavendosur në gjuhën shqipe është diskutueshme, mendohet se është një fenomen relativisht i lashtë, si dhe modeli për rumanishten dhe sllavishten ballkanike (Hamp 1982:79). Nyja e prapavendosur gjithashtu është një shembull me shumë rëndësi për parimet e gjuhësisë ballkanike, sepse ajo jep një ilustrim të qartë të parimet të ashtuquajtur zgjedhje e tipareve në zhvillimin e gjuhëve në kontakt në modelin e linguistikës ekologjike (Mufwene 2001). Për këtë është rëndësi të veçantë kanë gjuhët sllave ballkanike në krahasim me gjuhët e tjera sllave. Kështu, mund të konstatojmë se në periudhën e sllavishtes së vjetër kishte edhe një shenjues për caktuarësi të prapavendosur për mbiemrat, dmth. përemri **jī* nga paraardhësi indoeuropian. Përveç kësaj përemri dëftor ndeshet edhe në pozicion pas emrit, megjithëse kjo nuk është e detyrueshme. Përveç kësaj kemi një farë nyje të prapavendosur në dialektet e Rusisë veriore. Por megjithatë, historia dhe distribucioni i nyjës së prapavendosur në Ballkan tregon se fenomeni i Gadishullit ballkanik është një zgjidhje konvergente në kontekstin e kontakteve të lashtë shqiptaro-sllave në kujtimin më të gjerë.

Kur flasim për marrdhëniet linguistike shqiptaro-sllave moderne, në vendin e parë duhet të ndryshojmë situatën në Ballkan dhe jashtë Ballkanit. Jashtë Ballkanit kemi dy tipa: shqipfolësi që kanë mbetur në kontakt me sllavfolësi jashtë Ballkanit, për shembull, në fshatrat të Ukrainës, dhe shqipfolësit që nuk kanë qenë në kontakt me sllavfolësi pas mërgimit jashtë Ballkanit, si Arbëreshët të Italisë apo Shqiptarët të Anadolit që kanë mërguar nga Sërbia pas luftës russo-turke të vitin 1878. Edhe në Ballkan mund të flasim për dy tipa: ishujt dhe krahinat kufizore. Ishujt janë, për shembull, fshati shqiptar Mandrica në Bullgari apo fshati maqedonas Vër[b]niku afër Bilishtit në Shqipëri. Me të vërtetë as Vëænniku as Mandrica nuk ishin aq izoluar më përpara—para luftavet Ballkanike Mandrica ishte në kontakt më

fshatrat shqipfolësi që tani ndodhen në Turqi (por edhe me fshtrat sllavfolësi atje), dhe para luftës qytetar grek dhe luftës së dytë botërore Vërniku ishte në kontakt të ngushtë me fshatrat të tjera të krahinës së Kosturit në Maqedoninë e Greqisë që pastaj janë rrëmbyer. Ka edhe mjaft shembujt të tjera si Boboshitcë dhe Drenovene (maqedonas) dhe më përpara edhe Mandres (shqip) afër Kukush/Kilkis në Maqedoninë jugore [në Greqi]. Mund të përmendojmë edhe Lehovo (shqip), fshatrat Boshnak afër Tiranës, etj. Krahina kufizore është një koncept më të pleksur. Mund të themi se nderi luftës së dytë botërore, Malezi jugor, Sandzhaku, Kosova, Presheva-Medvedje-Bujanovca, dhe Maqedonia perëndimor në Jugosllavi siedhe në Greqi deri në fshatrat të Janovenes—të gjithë jashtë Shqipërisë—dhe Gora, Goloborda, dhe Prespa brenda Shqipërisë, përbëri zonat kufizore me karakterat të ndryshme. Tani Sandzhaku dhe Greqi perëndimore nuk hyjnë më se pjesë të krahinës kufizore, megjithëse ishujt ekzistojnë.

Në fushën e fonologjisë, situatën ndërlikuara të konceptit krahina kufizore mund ta dëftojmë me dy shembuj: /l/-ja shqipe në dialektet sllave dhe humbja e hundoreve në dialektet shqipe. Hampi (2002) ka argumentuar se sistemi i likvideve të ish-Serbo-Kroatishes paraqit një bazë (dmth. substrat) shqipe, por në Kosovë dhe Maqedoni të sotshme, sllavfolësi e ndjejnë /l/-ja e shqipes si një shenjë distinktive. Megjithatë, në Gorançe siedhe në dialektet Malezeze në kufi me Kosovën, /l/-ja ka një shqiptim shqip. Nga anën tjetër, e folmja shqipe e qytetit Dibrës është një Geg krejt pa hundoreve, dhe dialektet e Gegëve orthodoxe në fshatrat midis Dibrës dhe Gostivarit ka vetëm një hundore—â—dhe bile kjo nuk përdoret në çdo rast kur parashikohet. Domth. se krahinat kufizore shqiptaro-sllav dëftojnë se nga pikëpamja e mikrosistemeve fonologjike ballkanike, është më sakt të flasëm për disa fonologji ballkanike dhe jo për një fonologji ballkanike.

Fenomenët që lidhen me përemrat dëftore janë me shumë interes për linguistikën ballkanike pikërisht sepse në krahasim me sistemet e tjera, përemrat dëftorë janë relativisht konservativë. Kështu, për shembull, sistemi indoeuropian me tri ndryshime i tipit 'afër-neutral-larg' është ruajtur në greqisht dhe në dialektet sllave në perëndim të Ballkanit, domth. torlakishte, maqedonishte perëndimore, dialektet bullgare të jugut (rhodopishte, thrakishte). Në shumësi të dialektet bullgare sistemi është thjeshtësuar në dy me ruajtjen e opozicionit

neutral-larg, derisa në gjuhën shqipe dhe në gjuhët romane në përgjithësi thjeshtësimi shkon në drejtim 'afër-neutral'. Mund të bëjmë edhe një vështrim: në gjuhën rome një sistem dyfish me opozicionet 'gjeneral/specifik' (-d/k-) dhe 'afër/larg' (-a/o-) jepet një sistem katërfish, për shembull *adava-akava-odova-okova* që ruhet në të gjitha dialektet rome në ballkan siedhe në afro të gjithë jashtë Ballkanit (sh. Matras 2002 për hollësitë). Edhe në turqishte sistemi është trefish (*bu-su-o*) megjithëse semantiku është e ndryshme.

Mirëpo, megjithatë, kemi raste kur ndeshet edhe ndikimi i një gjuhës në strukturën e tjetrës. E tillë është situata me Gorën e poshtme, domth. një pjesë së krahinës kufizore shiptaro-sllave. Gorançja është një diasistem shumë interesant sepse gjendet në Kosovë (dhe në pjesën fqinje të Shqipërisë), por isoglossat më të rëndësishme e lidhen gorançen me maqedonishten (theksi, nyja, etj.). Nga pikëpamja dialektologjike, Gora ndahet më dy pjesë: Gora e epër dhe Gora e poshtme. Gora e epër është më aftër Maqedonisë derisa Gora e poshtme është në kufi me Opojën, ku të gjithë fshatrat janë shqipfolëse. Interesant është se derisa në dialektat e Gorës së epër sistemi dëftor është njëlloj si në Maqedoninë perëndimore në përgjithësi (si nga kjo pikëpamje edhe serbisht) — dmth. -v/-t/-n- (afër/netural/larg)— në Gorën e poshtme kemi një sistem të njëjtë me gjuhën shqipe — dmth. -v/-t- (afër/neutral) — që patjetër vjen nga ndikimi i gjuhës shqipe (dhe më përpara edhe të gjuhës vllahe) veçanërisht kur kemi parasysh se në dialektet fqinje ruhet opozicioni i trefishtë — nga një anë — dhe se në dialektet e tjera sllave thjeshtësimi shkon në drejtimin -t/-n- (neutral/larg) dhe jo -v/-t- — në anën tjetër. Këtu mund të përmendim edhe dialektet maqedonase izoluar në afërsi të Korçës, në Bobshticë dhe Drenovenë, ku kemi të njëjtën fenomen, vetëm me -s/-t- (Mazon 1936:66).

Edhe në Bobshticë dhe Drenovenë rasta ruhet në disa nyja të shquara të prapavendosur. Mund të themi se kemi një arhaizëm të izoluar që ka të bëjë me ndikimin e shqipes. Është interesant se ky nuk ndodhet në fshatra të tjera maqedonasefoljësi, p.sh. Vërniku, që është lidhur nga pikëpamja dialektologjike me fshatrat në anën tjetër të kufirit në Greqi, p. sh. Smrdesh e tj. Dmth. se fakti se Vërniku është një ishull relativisht i ri kurse Bobshtica dhe Drenovena përbëjnë një ishull më të vjetër ka një rëndësi për konceptin *ishulli*. Edhe mund të shtojmë se megjithëse një fenomen të tillë që kemi edhe në dialektet

Torlake të Sërbisë mund të shpjegohet si vazhdimi i kontinuum rasor sllav që shkon nga veriperëndimi deri në juglindje, fakti se deri në fund të shekullit nëntëmbëdhjetë shqipfolesë ka banuar edhe atje nuk mund të perjashtojmë nga konsiderata.

Mund të përmendojmë këtu edhe fenomenin sintaksor në ishujt shqipe të Mandricës dhe të Ukrainës, nga një anë, dhe dialektet e Thrakisë lindore në shekullin nëntëmbëdhjetë, në anën tjetër. Siç kanë vështruar Derzhavin (1934), Voronina (1970), Sokolova (1983), dhe shkencetarët të tjera, në Mandricë siedhe në fshatrat të Ukrainës mbiemrat ndodhën para ermave dhe rasa gjinore ndodhet para krera, si në Bullgarisht. Por në të folmen shqipe të Thrakisë lindore (sot në Turqi) në shekullin nëntëmbëdhjetë, kemi vetëm fenomenin e tipit mbiemër-emër derisa rasa gjinore ndodhet pas krerës, si në Shqipëri në përgjithësi (Friedman 2004). Prej kësaj shihet se drejtimi i ndryshimit i fjalisë nominale shkon nga fjali mbiemrore deri fjali gjinore.

Ka shumë paraqitje të tjera ku marrëdhënie shqiptaro-sllav zë një vend të veçantë, p. sh. tipikalizimi më një përemër në kallëzore apo dhanore (i ashtuquajtur 'reduplikimi') që është më dendur në krahinën kufiror shqiptaro-sllave, dhe shumë elemente të tjera. Por këtu dëshiroj të vë në pah vetëm katër pika:

1) Megjithëse në linguistikën europereëndimore në vitet e fundit po bëhet përpikje për të formalizuar një teori që kombinon tipologjinë me linguistikën areale dhe sipas së cilës tërë Europa është një lidhje gjuhësore me një qendër në kufirin Romano-Gjerman nga Holanada deri në Italia veriore, dhe me Ballkanin në periferi (Haspelmath 1998, Heine & Kuteva 2006), megjithatë linguistika areale është një fushë historike—dhe nga kjo pikëpamje Ballkani është qendër me vetëveten, dhe kufia shqiptaro-sllave merr një vend qendror atje (sh. Hamp 1977).

2) Megjithëse disa linguistët të njohur si Labov (2007) ka thënë pas pak kohësh se huazimet gramatikore nuk ndodhet apo ndodhet vetëm shumë rrallë, shembujt e kontakteve shqiptaro-sllave dëftojnë se huazimet të tilla janë shumë dhe lloj-llojshme.

3) Megjithëse disa paraqitje ballkanike janë shumë të shpërndara dhe njihen shumë mirë, në fushën e paraqitjes së mikrosistemeve aktuale ende ka shumë për të 'u thënë për gjuhësinë ashtuquahur

linguistika e kontakteve dhe kufiri gjuhësor shqiptaro-sllav paraqet shumë interes.

4) Megjithëse kemi shumë material dhe njohuri për çëshjten e kontakteve shqiptaro-sllave, në kushtetet të reja moderne rri akoma shumë për të bërë.

Bibliografi

- Deržavin, I. S. 1934. Jāni jānaki. Sergeju Fedoroviču Ol'denburgu: K pjatidesjatiletiju naučno-obščesyvennoj dejatel'nosti 1882–1932, pp. 181–183 Leningrad.
- Friedman, V. A. 2004. *Studies on Albanian and Other Balkan Languages*. Peja.
- Hamp, E. P. 1977. On Some Questions of Areal Linguistics, from *Proceedings of the 3rd Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society*, ed. by K. Whistlers et al., 279–282. Berkeley.
- Hamp, Eric P. 1981–82. On the Name Ohrid. *Makedonski jazik* 32–33. 777–784
- Hamp E. 1982. The Oldest Albanian Syntagma. *Balkansko ezikoznanie* 25:1. 77–79.
- Hamp Eric P. 1994. Albanian. *The Encyclopedia of Language and Linguistics*, R.E. Asher (ed.), 65–67. Oxford.
- Hamp E. 2002. “On Serbo-Croatian’s Historic Laterals,” *Of All the Slavs My Favorites: Studies in Honor of Howard I Aronson on the Occasion of his 66th Birthday*. eds. V. A. Friedman and D. Dyer, 243–50. Bloomington, IN.
- Haspelmath M. 1998. ‘How Young is Standard Average European?’, *Language Sciences* 20,3. 271–287.
- Heine B. & T. Kuteva. 2006. *The Changing Languages of Europe*. Oxford.
- Kopitar J. 1829. Albanische, walachische und bulgarische Sprache. *Jahrbücher der Literatur* 46. 59–106.
- Mazon A. 1936. *Documents, contes et chansons slaves de L’Albanie du sud*. Paris
- Mladenović Radivoje. 2001. *Govor Šarplaninske Župe gora*. (Srpski dijalektološki zbornik 48). Belgrade.
- Mufwene S. 2001. *The Ecology of Language Evolution*. Cambridge.
- Matras, Y. 2002. *Romani: A Linguistic Introduction*. Cambridge.
- Sokolova Bojka. 1983. *Die albanische Mundart von Mandrica*. Wiesbaden.
- Voronina I. I. 1970. Sintaksičeskie funkcii prilagatel'nogo v govore albancev Ukrainy. *Balkanskaja filologija*, ed. A. V. Desnickaja. *Učenyje zapiski LGU No. 343, Serija filologičeskix nauk*, vyp. 73. 16–24.

А. Б. Черняк

ГРАММАТИК ВИРГИЛИЙ МАРОН И ЕГО 12 *LATINITATES*

После четырех разновидностей латыни Исидора Севильского¹ надо обязательно рассмотреть двенадцать типов латыни тулузского² грамматика VI–VII вв.³ Virgiliya Марона. Правда, Г. Райхенкрон дал в свое время очень подробный обзор этой проблемы⁴, но с тех пор появилось много нового: тейбнеровское издание Б. Лефстедта, хороший итальянский перевод Карузо – Полары, монография Вивиен Ло и многое другое (см. библиографию).

Автор, возможно, не был профессиональным педагогом⁵ и его имя, разумеется, ненастоящее, но кто скрывается под этим литературным величием, мы не знаем. Пример академии Карла Великого, члены которой называли друг друга именами великих писателей⁶, делает предположение о литературном кружке аристократов⁷ очень вероятным.

¹ См. Черняк 2006.

² Аббон, аббат Флери (Abbon de Fleury, +1004), упоминает нашего грамматика как Virgilius Tolosanus, см. Roger 1905: 110, n. 2. О позднеантичной Тулузе и ее школах мало что известно; ее затмевала столица Аквитании Бордо, см. Kaster 1997: 100–106, 455–462.

³ Его цитирует Беда (+735) – terminus ante quem.

⁴ См. Reichenkron 1965: 211–215. Именно там попутно (!) упоминается хронология Исидора (213–214).

⁵ Приложение «грамматик» появилось недавно, чтобы студенты не путали нашего Virgiliya с поэтом; в колофонах рукописей его нет. Иначе В. Ло, см. Law 1995: 5. Английская исследовательница не приводит аргументации, видимо, так как Virgilius сам включил себя в «Каталог грамматиков» (см. ниже), но все имена там фиктивны и к тому же там много историков.

⁶ См. DLFMA 4-6 s.v. *Académie*. Имя Алкуина было Flaccus (или Puplius), т. е. Гораций. Можно вспомнить и средневековую тулузскую «Академию цветочных игр», см. Черняк 1991: 97–102.

⁷ См. перечень гипотез в: Polara 1979: XXI–XXII.

Пародийный характер его сочинений очевиден: «Эпитомы» как бы копируют «Ars Maior» Доната⁸, «Эпистолы» – Ars Mino⁹. Тем не менее – или, скорее, благодаря этому – эти странные, местами совершенно непонятные¹⁰, опусы до сих пор ревностно изучаются. Не обошли его своим вниманием и романисты¹¹. Но все это, к сожалению, не намного облегчит нашу задачу: перевод и комментирование рассмотренных Райхенкроном пассажей¹².

Текст 1

(A XII. epitoma de catalogo grammaticorum, vv. 26 ss.
[pp. 240–241 Loef.])¹³

«Каталог грамматиков» выглядит как своего рода ключ ко всему сборнику эпитом: ведь имена предшественников нашего автора появляются в них постоянно¹⁴ – даже в самой маленькой первой (всего 85 строк) упомянуто трое: Эней, Гленг и Асперий.

⁸ Их принято обозначать как A I–XV, соответственно «Эпистолы» как B I–VII.

⁹ Фортунатов 1946; Шабельников, Торшилов 2000: 42–43; Law 1995: 1 ss. (отмечает в трудах Вергилия ряд оригинальных, неожиданных идей: это порой – часто – парадоксальный, но глубокий и серьезный ученый).

¹⁰ Я имею в виду «философскую латынь», ср. Loef. p. XIV: «Confiteor me de philosophica quae dicitur Latinitate nihil comprehendere; quare ii loci, qui in ea versantur, plus quam incerti sunt». О философской латыни см. Low 1995: 93–94.

¹¹ См. Reichenkron 1965: 214 A.10 со старой литературой; Löfstedt 1981 (с обязательной проверкой по его собственному изданию), а также Löfstedt 2003. Речь идет о A VI,119 ss., p. 168–169 Loef. (местоимение *mis, ma, tum* вместо «*meus*»); B VII,23 *con tecta Numantiae* = *apud* (Лёфстедт пишет теперь *Eon tecta*, p. 96, cf. B I praef. 3 p.1 Loef. *eon Persas* и т. д., см. Löfstedt 2003: 123; происхождение предлога *eon* неизвестно Лёфстедту, но он всюду стоит в **P**), A II, 29, p. 110 Loef. *palculis* вместо *pauculis*, ср. ит. *salma* ‘груз, плоть’ из *sagma, sauma*; A IV, 154, p. 125 Loef. *facia* вместо *facies*; AVIII, 38 *poteo* вместо *possum* и т. д.

¹² См. прим. 10. Непосредственно нашей проблемы – 12 видов латыни – касается только Law 1995: 88–93 и 112–115 (перевод).

¹³ В единственной сохранившей полный текст этой эпитомы рукописи N(eapolitanus) стоит V., что старыми издателями воспринималось как XV, т. е. эпитомы XII–XIV считались утерянными. Лёфстедт отказывается от подобной практики.

¹⁴ И нередко с длинными цитатами и целыми эпизодами, что дало основания Вивьен Ло назвать труды Вергилия «*grammaire dramatisée*», см.: Law 1995: 2.

И вполне естественно, что в самом конце основоположники удостаиваются заслуженного ими внимания.

«История грамматических учений» от Виргилия Марона открывается троянцем Донатом, прожившим тысячу лет, часть которых он провел в Риме, где его радушно принял Ромул; Донат основал школу и написал много сочинений (1–20). Слушателем Доната был тоже троянец по имени Виргилий, написавший 70 книг «О метре» (21–25). О его ученике Виргилии Азианском говорится более подробно (см. ниже). Далее идет Примоген из Каппадокии, специалист по космосу(!) и, в частности, по грому (81–97); историк Гестрий из Испании (98–109)¹⁵; его коллега египтянин Григорий, автор трех тысяч книг (110–112); юрист Валапсид из Никомедии (113–117) и, наконец, учитель автора Эней (118–126). На нем, если не считать родного дяди автора, каталог и заканчивается (131). Естественно, очень многие фигурирующие в эпитомах авторитеты в него не попали.

Nam Virgilius Assianus praedicti discens fuit, vir admodum ministratorius sanctis viris, ut numquam in sede eum vocantis sermo inveniret. Hunc vidi meis oculis et puerulo mihi notas caraxavit. Hic scripsit librum de duodecim Latinitatibus, quas his nominibus vocavit.

Prima, inquit, est usitata, quae in usu Romanae elocutionis habetur.

II Asena, hoc est notaria, quae una tantum littera pro toto fono contenta est, et haec quibusdam formulis picta.

III Semedia, hoc est nec tota usitata nec tota inusitata, ut est “monta glosa”, id est “mons altus”, et “gilmola” pro “gula”.

IV Numeria, quae proprios numeros habet, ut „nim“, hoc est I, „dun“ II, „tor“ III, „quir“ IV, „quan“ V, „ses“ VI, „sen“ VII, „onx“ VIII, „amin“ IX, „ple“ X, quod dictum de plenitudine est, et sic “nimple“ XI, usque ad „plasin“ XX et „torlasin“ XXX et „quirlasin“ XL usque ad „bectan“ C, et pervenit usque ad „colephin“ M et reliqua.

V Metrofia, hoc est intellectualis, ut “dicantabat”, id est „principium“, „sade“, id est „iustitia“, „geno“, hoc est „utilitas“; „bora“, hoc est „fortitudo“; „teer“, hoc est „dualitas coniugalis“; „rfoph“, hoc est „veneratio“; „brops“, hoc est „pietas“; „rihph“, hoc est „hilaritas“; „gal“, hoc est “regnum“; „fkal“, hoc est „religio“; „clitps“, hoc est „nobilitas“; „mrmos“, hoc est „dignitas“; „fann“, hoc est

¹⁵ Возможно, под Гестрием (Hestrius, ср. hesternus «вчерашний») скрывается испанский историк Орозий (Orosius, IV–V ss.), но я не нашел в индексе монографии В. Ло никаких упоминаний.

„recognitio“; „ulioa, hoc est „honor“; „gabpal“, hoc est „obsequium“; „blaqth“, hoc est „lux solis“; „merc“, hoc est „pluvia“; „pal“, hoc est „dies et nox“; „gatrb“; hoc est „pax“; „biun“, hoc est „aqua et ignia“; „spadx“, hoc est „longuevitas“; ex his rebus mundus totus gubernatur et prosperatur.

VI Lumbrosa, hoc est perlonga, cum pro uno <fono> usitato totus versus scribitur; cuius exempla haec, ut „gabitarium bresin galsiste ion“, hoc est „legere“; item „nebesium almigero pater panniba“, hoc est „vita“.

VII Sincolla, hoc est perbrevis, versa vice cum totus versus usitatus in uno continetur fono; cuius exempla sunt ista, ut „gears“, hoc est „mores collegite, bona diligite“; item „biro“, hoc est „linquere parentes utile non est“.

VIII Belsavia, hoc est perversa, cum casus nominum modosque verborum transmutat; cuius exempla sunt haec, ut „lex“, hoc est „legibus“ et „legibus“, hoc est „lex“; et „rogo“, hoc est „rogate“ et „rogate“, hoc est „rogo“.

IX Presina, hoc est spatiosa, cum unum fonum multa usitata significat, ut „sur“, hoc est vel „campus“ vel „spado“ vel „gladius“ vel „annis“.

X Militana, hoc est multimoda, cum pro uno fono usitato multa ponuntur, ut pro „cursu“ „gammon“ „saulin“ „selon“ „rabath“.

XI Spela, hoc est humillima, quae semper res terrenas loquitur, ut „sobon“, hoc est „lepus“, „gabul“, hoc est „vulpis“, „gariga“, hoc est „grus“, „lena“, hoc est „gallina“; hac Ursinus utebatur.

XII Polema, hoc est superna, quae de superioribus tractat, ut „affla“ pro „anima“; „spiridon“ pro „spiritu“; „repota“ pro virtutibus quibusdam supernis; „sanamiana anus“ pro quadam unitate dei alti; hoc semper genere Virgilius loquebatur. Haec Virgilius Assianus.

Перевод:

«Ибо Virgiliус Азианский был учеником вышеупомянутого (Virгилия, ученика Доната – А. Ч.), муж, ревностно служивший святым мужам, так что слово звавшего его никогда не заставляло его на месте. Я видел его своими глазами, и он мне мальчику начертал буквы. Он написал знаменитую книгу о двенадцати видах латыни, которые он назвал следующими именами:

«Первый вид, говорит он, обиходный, который имеется в обиходе римской речи.

Второй Асена, т. е. стенографический, который довольствуется одной буквой вместо целого слова и эта буква рисуется согласно неким формулам.

Третий *semedia*, т. е. не полностью необходимый и не полностью обиходный, как например, *monta glosa*, то означает 'высокая гора' и *gilmola* вместо 'горло, пер. обжорство'.

Четвертый числовой, у которого свои собственные числа, а именно 'nim', т. е. I, 'dun' II, 'tor' III, 'quir' IV, 'quan' V, 'ses' VI, 'sen' VII, 'onx' VIII, 'amin' IX, 'ple' X, названное от своей полноты (*plenitudo*) и так 'nimble' XI, и до 'plasin' XX и 'torlasin' XXX и 'quir lasin' XL до 'bectan' C и доходит до 'colephin' M и так далее.

Пятый *Metrofia*, т. е. интеллектуальный, например, 1. *dicantabat*, т. е. 'начало'; 2. *sade*, т. е. 'правосудие'; 3. *geno*, т. е. 'польза'; 4. *bora*, т. е. 'сила'; 5. *teer*, т. е. 'супружеское сочетание'; 6. *rforh*, т. е. 'почитание'; 7. *brops*, т. е. 'благочестие'; 8. *gihph*, т. е. 'веселье'; 9. *gal*, т. е. 'царство'; 10. *fkal*, т. е. 'религия'; 11. *clitps*, т. е. 'знатность'; 12. *mgmos*, т. е. 'достоинство'; 13. *fann*, т. е. 'признание'; 14. *ulioa*, т. е. 'честь'; 15. *gabpal*, т. е. 'почтение'; 16. *blaqth*, т. е. 'солнечный свет'; 17. *merc*, т. е. 'дождь'; 18. *pal* т. е. 'день и ночь'; 19. *gatrb*, т. е. 'мир (перемирие)'; 20. *biun*, т. е. 'вода и огонь'; 21. *spadx*, т. е. 'многолетие'; этими вещами весь мир управляется и процветает.

Шестой *Lumbrosa*, т. е. предлинный, когда вместо одного обиходного «фона» (= слова) пишется целый стих; примеры тому такие, как 'gabitarium bresin galsiste ion', т. е. 'читать'; также 'nebesium almigero pater panniba', т. е. 'жизнь'.

Седьмой *Sincolla*, т. е. коротышка, когда наоборот целый обиходный стих содержится в одном «фоне», примеры чему такие, как *gears*, т. е. «подтягивайте нравы, любите имущество»; также *biro*, т. е. «бросать родителей не выгодно».

Восьмой *Belsavia*, т. е. извращенный, так как он меняет падежи имен и наклонения глаголов, примеры чему такие: *lex*, т. е. *legibus* и *legibus*, т. е. *lex*; и *rogo* ('я прошу'), т. е. *rogate* ('просите') и *rogate*, т. е. *rogo*.

Девятый *Presina*, т. е. обширный, так как один «фон» означает многие обыденные слова, как например, *sur*, т. е. или *campus* ('поле') или *spado* ('внух') или *gladius* ('меч') *amnis* ('поток').

Десятый *Militana*, т. е. разнообразный, так как вместо одного обходного «фона» ставится много, например, вместо *cursu* ('бег') *gammon, saulin, selon, rabath*.

Одиннадцатый *Spela*, т. е. низменный, который всегда говорит о земных делах, как например, *sobon*, т. е. *lepus* ('заяц'), *gabul*, т. е. *vulpis* ('лисица'), *gariga*, т. е. *grus* ('журавль'), *lena*, т. е. *gallina* ('курица'); этим видом пользовался Урсин.

Двенадцатый *Polema*, т. е. возвышенный, который говорит о вещах высшего порядка, например, *affla* вместо *anima* ('душа'); ; *spiriton* вместо *spiritus* ('дух'); *gerota* вместо неких высших добродетелей; *sanamiana anus* вместо некоего единства высшего бога; этим видом латыни всегда говорил Вергилий. Это и есть учение Вергилия Азианского.

Комментарий

Sanctis viris – удачная конъектура Хартеля из *satis vir N*. Второй Вергилий, несмотря на имя, явно греческий монах, подобно св. Кассиану (приблизительно 360–435 гг., столп монашества, с 419 г. в Марселе, автор *De institutis coenobiorum* etc.), на склоне лет перебравшийся в Галлию.

notas – *notae* (*litterarum*), что может означать и знаки препинания, и скоропись, тиронские знаки, см. OLD 1192 s.v. *nota* 6

caracsavit – *charaxo*, -are, позднее заимствование из аориста гр. *χάρᾶσσω*, (ср. *character*, мн. ч. 'буквы' и т. д.), см. Ernout – Meillet 210 s.v.; Souter 47b s.v. *c(h)araxo*, -are (Prud. Perist. X, 557, Apic. VI, 239, Greg. Tur. Hist. Franc. VIII, 29) 'write, paint'. В AI (4 примера из 8) в рукописях преобладает *sca*-, попавшее и в индекс Лефстедта.

I. *Romanae elocutionis* – Итальянский перевод 'nel parlare latino' (Polara 1979: 165), видимо, неточен, как и дословный перевод Вивиен Ло (Law 1995: 113 'Roman eloquence'), см. Черняк 2011a: 365: *Romana elocutio* – это эквивалент или вариант *lingua Romana*, так же как *(*Latinitas*) *usitata* камуфлирует (*serno vulgaris*)¹⁶.

II. *Asena* – об этом виде латыни см. Law 1995: 88–89; 140 nn. 5–6. В самом слове я вижу якобы гр. *α* *privativum* и *sen*- от *sensus*,

¹⁶ О последнем см. Черняк 2011б.

в действительности оно идет по типу *amens* вместо фонетически закономерного **absen-*, ср. AVIII, 123 *reerant*, вместо *rederant* по типу *redeo*, *redire*, о чем см. Löfstedt 1982: 103.

fono Stangl *sono* NR – *fonum* n., одно их немногих целиком изобретенных Виргилием слов, скрещение гр. φωνή и лат. *sonus*, см. Law 1995: 120 n.35 (возможны ассоциации с *fatum*, *fama*, *fabula* от *fari*; не путать с р. *фон* < фр. *fond*); противопоставляемое обиходному (*usitatum*) *verbum*, ср. *quassum/testimonium* – *sententia* ‘фраза’, *videre* – *vidare*, Law 1995: 118–121. *Fonum*, ‘a physical or formal unit’, *verbum* ‘a semantic entity’ (ibid. 118).

Отметим, что *verbum* в значении ‘слово’ в романских языках вытеснили такие слова, как *parabola* (фр. *parole*, исп. *palabra*)¹⁷, *muttum* (фр. *mot*), *conventum* (рум. *cuvînt*) и т.д.¹⁸ Виргилий, таким образом, косвенно опирался в данном случае на народный узус.

III. *Semedia* – ‘промежуточный’ (*media*), но, разумеется, гапакс. Но его можно сравнивать с встречающимся только у грамматиков *sēmatus* ‘half (Char. 15,1; Diom. gramm.I,436; Dosith. gramm. VII, 389)’, Souter 371a s.v.

monta glosa ‘mons altus’; это забавное прилагательное «получено» Виргилием из этимологии слова *gloria*, см. A XI, 170 ss. *Glota ex eo dicitur, quod alti quique, ut sunt dii, apud philosophos ‘glores’ dicuntur*, ср. A XI,26 ss. ... *glosam philosophorum peritissimi vocant ‘altum celum’* и B V, 252, см. Löfstedt 1982: 109. Одно из самых удачных виргилиевских слов, о чем свидетельствует приводимый Лефстедтом пассаж *Carm. De S. Bened.121* (MGH *Poetae* 4, .216) *caelorum glore cubantes*.

gilmola ‘gula’, видимо, *gula mola* ‘горло-мельница’ с пейоративным оттенком; *gula*, как известно, означает и ‘излишество’.

IV. *Numeria* – видимо, ранее засвидетельствовано только как имя собственное (на печально знаменитой пренестинской фибуле).

В именах чисел *nim* надо сближать с *numerus*, а *-sin* в *plasin* с гр. ἑξκοσι(v). Вторая часть имен десяток *-lasin*, вероятно, восходит

¹⁷ Но сохранился в баскском *berba*, фр. *verve* и т. д., см. Tagliavini 1972: 278, n. 25.

¹⁸ По аналогии с *verbum* Виргилий создал слово *quassum* от *quater*, так как *verbum* выводили из *verberare*, см. Löfstedt 1982: 100.

к лат. *laxāre*, фр. *laisser*, исп. *dejar*, может быть, по мысли автора, как антоним/антитеза *-ginta* от *gigno* (в смысле ‘рождать’ = умножать¹⁹) в *triginta* и т. д.

V. *Metrophia* – Мы пронумеровали в русском переводе для удобства анализа весь маленький словарь «метрофии». Им много занимались и многое в нем увидели, см. Law 1995: 89–91: число 21 слов, управляющих миром, соответствует числу букв в алфавите; 2. *sade* ‘правосудие’ это одна из букв еврейского алфавита; 4. *bora* ‘сила’ явно восходит к (ro)bora, pl. от *gobur*; 6. *rfoph* ‘почитание’ скрывает *gitus*; 8. *rihph* ‘веселье’ это слегка закамouflированный *gisus*; 11. *clitps* ‘знатность’ связывают с *inclitus* и т. д.; общий вывод: осязательно влияние как еврейского алфавита с его названиями букв, так и размышлений пифагорейцев над значением чисел (от 1 до 10).

Список аналогий, на наш взгляд, можно расширить за счет 5. *teer* ‘супружеское сочетание/соитие’ – н. *teuer*, а. *dear*; 10. *fkal* ‘религия’ – *faex*, pl. *faeces*²⁰(?); 12. *Mrmos* ‘достоинство’ – *marmor* (= статуя); 13. *fann* ‘признание’ – *fama*; 14. *ulioa* ‘честь’ – *laurus* или *laurea*; 15. *gabpal* ‘почтение’ – нем. *geben* + *pallium* (?); 16. *blaqth* ‘солнечный свет’ – герм. *blank-*; 17. *merc* ‘дождь’ – *моросить*?; 18. *pal* ‘день и ночь’ = сутки?!²¹ (18. *pal* это конъектура Хюмера из *pallias* R); 19. *gatrb* ‘мир (перемирие)’ – явно германские корни *ga-* + *treu-*²²; 21. *spadx* ‘многолетие’ – *spado* ‘евнух’ с обычным у нашего автора сарказмом. Наконец, сама *metrofia* это, конечно, ‘матрица’, а не что-либо ‘метрическое’.

Значительная часть придуманных Virgiliem слов труднопроизносима – это словарь ментальный, для глаза.

VI. *Lumbrosa* ‘perlonga’, скрещение *lumbus* ‘бедро, поясница, чресла’ (ст.-сл. *лядвѣя* ‘ляжка’)²³ и *umbrosa* или *tene(brosa)*; все остальное непонятно.

¹⁹ Ср. ниже: V... ‘geno’, hoc est ‘utilitas’.

²⁰ Фр. *fécal* засвидетельствовано только в начале XVI в. Рискованная шутка, но вольнодумцы были всегда.

²¹ Откуда взялась у Virgiliya сама идея суток?

²² Ср. исп.ит. *tregua*, фр. *trêve* ‘перемирие’, REW 8927 s.v. *triuwa*.

²³ Исп. *lumbre* < *lumen* тоже просматривается.

Вивьен Ло видит истоки этого типа в риторических перифразах; в следующем типе она находит влияние библейской экзегезы.

VII. *Sincolla* – вероятно, из *sine collo* ‘без шеи’. *biro* – нечто среднее между герм. *baro*, *-nis* ‘муж’ и *birra* ‘пиво’. Ирония по адресу франков? Прописные истины странно напоминают «Мадам Бовари» Флобера.

VIII. *Belsavia* – явно из *bellus* и *savium* ‘поцелуй’, вытесненное в романских языках *basium*, ср. ит. *bacio*, исп. *beso*, REW 976 (но в рум. *a săruta* и *sărutare* < *salutare*). Может быть, речь идет о женской речи (‘Как уст румяных без улыбки, без грамматической ошибки я русской речи не терплю’)?

IX. *Presina* напоминает гр. *πράσινοι* (‘зеленые’, одна из цирковых партий в Константинополе, связанная с восстанием «Нике» в 535 г.), поэтому, за исключением неясного *sur*, все примеры из сексуальной сферы с греческим колоритом. Все это подталкивает сближать *sur* с редким *surus* (*surculus*) ‘кол, шест’, наречием *sursum* ‘вверх’ и встречающимся у Апулея *surio* 4 ‘возбуждаться’, Ernout-Meillet 1182 s.v.

Spado ‘евнух’ рядом с *gladius* как бы намекает на *spatha* (исп. *espada*, фр. *ерée*); *campus* и *amnis* тоже могут относиться к той же лексической сфере.

X. *Militana* ‘военный’ или, скорее, от *mille* ‘тысяча’. Прочие слова загадочны. IX и X, как и XI–XII, образуют пару. В. Ло понимает оба типа как омонимию и синонимию и находит у Иеронима в его толкованиях библейских слов не менее странные примеры, см. Law 1995: 92. Но Виргилий, конечно, утрирует.

XI. *Spela*, вероятно, связано со *spelunca* (гр. *σπέος*, *σπήλυξ*) ‘пещера’, ср. р. *спелеолог*.

sobon = *lepus* (‘заяц’), возможно, к фр. *sable* < р. *соболь*, ср. н. *Zabel*.

gabul ‘*vulpis*’, карикатура германского акцента, ср. ст.-фр. *golpil* < *vulpiculus*? Или нем. *gelb* ‘желтый, рыжий’, лат. *galbinus* (Petr., Mart.)?

lena ‘курица’ – *lena* ‘сводня, соблазнительница’, вероятно, попытка дать этимологию *gal-lina* ‘сводня петуха’.

XII. *Polema*, разумеется, от *πόλεμος* ‘война’, но как антоним *spela* скорее от *polis*, т. е. ‘город, акрополь’;

affla ‘душа’ напоминает исп. *alma* < *anima* и рум. *suflet* от *sufla* < *sufflare*²⁴, но непосредственно восходит к *afflatus* ‘душа’ Тертуллиана и других авторов. Здесь *affla* это конъектура кардинала Май (в рук. *alippha*), но оно засвидетельствовано в А I, 27, 29; II.23 (*homo enim plasio et affla est*); IV, 272, 277.

spiridon не от *spiritus*, а греческое имя собственное от гр. σπείρω ‘сеять’ с явно непристойным намеком (в T2, V дается другая этимология, но скорее для дезинформации);

repota, по-видимому, от *gerotare* ‘пить снова и снова’;

sanatiana anus напоминает *Samia anus* ‘старуха с Самоса’ и одновременно это явная скороговорка. Все эти слова или неприличны, или несерьезны, что, на мой взгляд, компрометирует и само *affla*.

Текст 2

(A I, *epitoma de sapientia* vv. 64–85, p. 107 Loefstedt)

Эпитома «О мудрости» насчитывает всего 85 строк. Название указывает только на научный характер сочинения²⁵. Трактат – или скорее этюд – открывается анализом самого понятия²⁶, объясняемого через его этимологию (7–8 *Sapientia autem ex sapore sic nominatur, quia* etc.); далее различается небесная и земная мудрость (15 *aetrea telleaque*), причем вторая, естественно, должна служить первой, как тело душе (28–29 *sicut et plastum afflae*) и как мудрость философов уступает божественному закону. Но тема автора – латынь, (хоть и) незначительная часть мудрости (43–44... *Latinitatis, quae minula [=pars] sapidinis est minima*). И здесь все начинается с этимологии: автор отказы-

²⁴ От *sufflatus* по типу *halitus*, см. DER 806 s.v. *sufla*.

²⁵ См. ThLL V, 2 (Leipzig 1986) s.v. *epitome* 2 «i.q. brevis expositio rerum quae alias pluribus verbis fusiusque scripta erant» с примерами из бл. Иеронима и Кассиодора. Так понимал его и сам Virgilius, см. A IX, 5–6 ...*nunc per reliquas orationis padas (= partes)...unam tantum epithomam sumus exposituri*. Похоже, он использовал *epitome* (‘сокращение’, *breviarium*) вместо обычного у грамматиков *capitulum*, возможно, с легкой инсинуацией новой этимологии последнего.

²⁶ Карузо и Поляра переводят его как ‘il sapere’ = ‘знание, ученость’ (Polara 3 ss.); “La Sapienza” – в средние века название университетов в Пизе, Болонье и Риме, в последнем и сейчас. В. Ло передает его как *wisdom*, см. Law 1995: 37 al.

вается связывать латынь с царем Латином²⁷, предпочитая выводить ее из слова *latus* ‘обширный’ (52–53 *ex latitudine ipsius linguae constat fuisse dirivatam*) – латынь «обширнее» (*latior*) и греческого и еврейского, что доказывается переводами с них (Виргилий, видимо, знал эти языки). Латынь благодаря ее ораторам можно называть просто «речью» (*oratio*)²⁸, и потому *partes orationis* следует именовать *partes Latinitatis*. Автор ссылается при этом на вымышленные авторитеты (Эней, Гленг, Асперий). Далее идет обзор 12 видов латыни (64–85).

Latinitatis genera sunt XII, quorum unum usitatum fitur, quo scripturas Latini omnes atramentantur. Ut autem duumdecim generum experimentum habeas, unius licet nominis monstrabimus exemplo.

In usitata enim Latinitate ignis I. habetur, qui sua omnia ignit natura.

II. quoquihabin, qui sic declinatur: genitivo quoquihabis, dativo quoquihabi, accusativo -bin (veru superposito), vocativo -bin (breve), ablativo -bi; et pluraliter: quoquihabis (producte), genitivo quoquihabium, dativo -bibus, accusativo -bis, vocativo -bis, ablativo -bibus; quoquihabin dicimus, quod incocta coquendi habeat dicionem.

III. ardon dicitur, quod ardeat.

IV. calax calacis ex calore.

V. spiridon ex spiramine.

VI. rusin de rubore.

VII. fragon ex fragore flammae.

VIII. fumaton de fumo.

IX. ustrax de urendo.

X. vitius, qui pene mortua membra suo vigore vivificat.

XI. siluleus, eo quod de silice sileat, unde et silex non recte dicitur nisi ex qua scintilla silet.

XII. aeneon de Aenea deo, qui in eo habitat sive a quo elimentis flatus fertur. – Sic per omnia pene oracula Latina haec summa generum supputatur.

²⁷ Ср. *Isid. Etymol. IX, 1 Latina, quam sub Latino et regibus Tusci et veteres in Latio sunt locuti*, см. Черняк 2006: 133 слл., где этот вопрос не рассматривается.

²⁸ Отзвук Исидора, в своей хронологии латыни упомянувшего всех выдающихся ораторов Рима (см. прим. 27)? Я не исключаю и скрытую полемику или даже пародию.

Перевод (английский перевод: Law 1995: 53–54)

Существует 12 видов латыни, из которых один обиходный; им латиняне марают все свои писания. Чтобы вы получили представление о 12 видах, мы покажем на примере хотя бы одного имени. В обиходной латыни есть *ignis* ('огонь') I., который своей природой все 'огневит' (*ignit*).

II. *quoquihabin*, который склоняется так: gen. *quoquihabis*, dat. *quoquihabi*, acc. -*bin* (со знаком долготы наверху), voc. -*bin* (кратко), abl. -*bi*; и во множественном числе: *quoquihabis* (протяженно), gen. *quoquihabium*, dat. -*bibus*, acc. -*bis*, voc. -*bis*, abl. -*bibus*; мы говорим *quoquihabin*, так как он (огонь) имеет власть варить несваренное.

III. *ardon* называется так, потому что он пылает (*ardeo* 2).

IV. *calax*, род. *calacis* из слова *calor* (тепло)..

V. *spiridon* из слова *spiramen* (дыхание).

VI. *rusin* от *rubor* (краска, стыд).

VII. *fragon* из *fragor flammae* (шум, грохот пламени).

VIII. *fumaton* от *fumus* (дым).

IX. *ustrax* от *uro* 2 (жечь).

X. *vitius*, который почти мертвые члены оживляет своей мощью (*vigor*).

XI. *siluleus*, так как он (огонь) происходит от *silex* (булыжник, кремь), откуда и сам *silex* называется неправильно, если только не потому, что из него брызжет искра.

XII. *aeneon* от бога Энея (*Aeneas*), который в нем обитает или от кого элементом идет дуновение.

– Так почти по всем латинским вещаниям (*oracula*) насчитывается эта сумма видов (латыни). *supputatur*.

Комментарий

1. *fitur* вместо *fit*, 3л. ед. ч. от *fito* 3 встречается только у Катона: *Cato or. fr.* 9,2, цитируемый Присцианом (*Prisc.VIII,12*), см. *Leumann 1977: § 403, 4, S. 530; Georges 280 s.v.*; самое пикантное то, что здесь можно обойтись и без глагола-связки; у гесперийцев эта (вроде бы очень подходящая для них) форма, как, впрочем, и сам *facio*, не засвидетельствованы, см. *Шабельников, Торшилов 2000: 289*.

Глагол *atramentari*, вероятно, гапакс; форма на *-are* встречается в поздних текстах, см. Ernout – Meillet 96 s.v. *ater*; сущ. *atramentum* ‘чернила’ некогда было популярно, ср. пров. *airamen*, ст.-фр. *arrement*, ст.-ит. *agrememto*, REW 758. Эти слова уступили свое место рефлексам гр. *encaustum* > фр. *encre*, ит. *inchiostro*, первоначально означавшим ‘красная краска’, см. Gam. FEW 367b s.v. *encre*.

II. *quoquihabin* – явно по греческому склонению типа *basis* (*polis*), Leumann § 357 C1, S. 439–440 § 365 C3, S. 458; (греческая) форма акк. на *-in* встречается у грамматика Диомеда (*Diom.* 505,14; 30, см. Georges 91 s.v.). Дифференциация падежей по количеству гласного окончания хорошо известна латинской грамматике. Этимология слова дана в конце пассажа. Написание *quo-* вместо *so-* намеренно уводит читателя к относительному местоимению.

veru superposito – ‘*mettendoci sopra il segno della lunghezza*’, т. е. ‘с поставленным сверху знаком долготы’. *Veru*, *-us* ‘вертел, дротик’, ср. REW 9259; также ‘обел, знак неподлинности’, Souter 440b s.v. со ссылкой на Hier. *epist.* CVI, 7,2; CXXXIV, 2, 3. Отсюда следует, что в нашем случае речь идет о вертикальном варианте апекса (об апексах см. Leumann § 14, S. 13.14 и Oliver, *AJPh* 87 (1955):129 ss.); другие примеры мне пока не известны.

habeat dicionem – обычно *habere potestatem*, но наш автор всюду стремится избежать тривиального.

V. *spiridon* – см. выше, комм. к T1, XII, где предлагается другое объяснение.

VI. *rusin* очень напоминает рум. *rușine* ‘стыд’, от *roșu* ‘красный’ < *russus* через *a rușina* ‘смущать(ся)’.

X. *vitius* связано с *vitium* ‘порок’, но в сочетании с *vigor* напоминает мне эпизод из «Рассказов странника», когда онемевшую нижнюю часть тела буквально оживляет мазь от перегонки костей животных

XI. *sileat*- редуцированная форма *salio* 4 ‘прыгать’ (> рум. *a sări*, ит. *salire* ‘подниматься’, исп. *salir* ‘выходить’, фр. *saillir* ‘бить ключом, выдаваться’, см. REW 7540, ср. *salto* 1 > фр. *sauter* и т. д.), ср. *de-*, *ge-*, *transsilio* 4; очень распространены в романских языках формы с рекомпозицией **assalire*, *assaltus* (REW 713–4)

‘нападать, приступ’, ср. фр. *assaillir, assaut* etc. Но Virgiliy решил придумать ономим к *sileo* 2.

(*silex*) *nisi ex qua scintilla silet* – явная пародия на некоторые приведенные у Исидора этимологии.

XII. *aeneon* – *aeneum* ‘медный сосуд, котел’ или к *aenigma* ‘загадка’?

oracula – в итальянском переводе ‘*parole*’.

supputatur – в романском *computo* 1, ср. фр. *compter*, исп. *contar* и т. д. ‘считать’.

Все это очень напоминает скандинавские и англо-саксонские кеннинги, но откуда могла прийти эта характернейшая черта древнегерманской поэзии до Тулузы VII века. На эти вопросы ответов пока нет, хотя галло-римская аристократия давно уже сблизилась с завоевателями, и следы этому есть и у Virgiliya.

Важнее, на мой взгляд, другое: все эти синонимические эволюции автор производит на фоне общероманского *focus* ‘очаг’ (REW 3400), давным-давно вытеснившего *ignis*. Он играет, таким образом, с мертвым словом.

Заключение

Оба рассмотренных здесь текста с 12 *Latinitates* обрамляют, т. е. открывают и закрывают, весь сборник «Эпитом». На мой взгляд, это скорее случайность. Первый пассаж, меньший по размерам и вообще менее важный: T2, как мне кажется, это всего лишь первая попытка что-то противопоставить хронологической схеме Исидора, явно сильно впечатлившей Virgiliya. 12 видов – чисто полемическая цифра, так как кроме первого все остальные недифференцированы. T1 – это вторая попытка вместо неудачной первой, которая даже не упоминается. Но число 12 остается. Мы можем, таким образом, говорить о своего рода эволюции и развитии мира идей и фантазий Virgiliya.

Virgilius Maro et ses 12 Latinitates.

Le thème de 12 *Latinitates* surgit à deux reprises dans les «*Epitomae*»: I, 64–85 et XII/XV 31–79. On en donne ici le texte latin, une traduction russe et un commentaire linguistique. L’idée est

absolument fortuite, quoique partant du schéma chronologique d'Isidore de Séville (Isid. etym.IX,1).

Список сокращений

- DER – Alejandro Cioranescu. Diccionario etimológico rumano. La Laguna (Tenerife), 1958 ss.
- DLFMA – Dictionnaire des lettres françaises. Le moyen âge. P. : Fayard, 1992.
- Ernout-Meillet – Ernout A., Meillet A. Dictionnaire étymologique de la langue latine. T. I–II. 3-me éd. P.: Klincksieck, 1951.
- Gam. FEW – Gamillscheg E. Etymologisches Wörterbuch der französischen Sprache. 2 Afl. Heidelberg: Winter, 1969.
- Georges – Georges K. E. Lexikon der lateinischen Wortformen. Leipzig, 1890.
- OLD – Oxford Latin Dictionary. Ed. by P. G. W. Glare. Oxford: Clarendon Press, 1968–1982.
- Souter – Souter A. A glossary of Later Latin to 600 A. D. Oxford, 1949.
- WKPh – Wochenschrift für klassische Philologie.
- Virg. Maro – Virgilius Maro grammaticus. Opera omnia. Ed. B. Loeffstedt. Lipsiae: Teubner, 2003.

Литература

Фортунатов 1946 – Фортунатов А. А. К вопросу о судьбе латинской образованности в варварских королевствах // Средние века. Сборник статей. Вып. 2. М.; Л., 1946. С. 114–135.

Черняк 1991 – Черняк А. Б. Первые окситанские грамматики // История лингвистических учений. Позднее Средневековье. Отв. ред. А. В. Десницкая. Л.: «Наука», 1991. С. 80–102.

Черняк 2005 – Черняк А. Б. *Simplex (contio, oratio, verba etc.)* у Аммиана Марцеллина (Amm. XX, 5, 2; XXV, 4, 13; XXVI, 2, 7; 5, 10) и в поздней латыни // Индоевропейское языкознание и классическая филология – IX. СПб.: Наука, 2005. С. 272–277.

Черняк 2006 – Черняк А. Б. Периодизация латыни у Исидора Севильского (Isid. Etymol. IX,1) // Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. Том II, часть 1. СПб., 2006. С. 327–341.

Черняк 2011a – Черняк А. Б. ROMANUS, ROMANICUS, *ROMANICE // Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. Том VII, часть 1. СПб., 2011. С. 355–371.

Черняк 2011б – Черняк А. Б. Vulgo и sermo vulgaris // Hyperboreus, 16–17. 2010–2011. С. 149–164.

Шабельников, Торшилов 2000 – Гесперийские речения. Замысел, перевод Д. Б. Шабельникова. Словарь и т. д. Д. О. Торшилова. СПб.: Алетейя, 2000.

Kaster 1997 – Kaster Robert A. The Guardians of the Language. The Grammarian and Society in Late Antiquity. University of California Press, 1997.

Law 1995 – Law Vivien. *Wisdom, Authority and Grammar in the Seventh Century*. CUP., 1995.

Leumann 1977 – Leumann M. *Lateinische Laut- und Formenlehre*. München: Beck, 1977.

Löfstedt 1981 – Löfstedt B. Spät- und Vulgär-lateinisches in der Sprache des Virgilius Maro grammaticus // *Latomus* 1981. T. 40. S. 121.

Löfstedt 1982 – Löfstedt B. Zum Sprache des Virgilius Maro grammaticus // *Philologus*. 1981. Bd. 126/1. S. 99–110.

Löfstedt 2003 – Löfstedt B. Nochmals zum Latein des Virgilius Maro grammaticus // *Eranos*. 2003. Vol.101. S. 121–126.

Polara 1979 – *Virgilio Marone grammatico. Epitomi ed epistole*. Ed. critica a cura di G. Polara. Napoli, 1979.

Reichenkron 1965 – Reichenkron G. *Historische latein-altromanische Grammatik. I. Teil. Einleitung. Das sogenannte Vulgärlatein und das Wesen der Romanisierung*. Wiesbaden 1965.

Roger 1905 – Roger M. *L'Enseignement des lettres en Gaule au VIe siècle*. P., 1905. P. 110–127.

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ *hi*-СПРЯЖЕНИЯ В ХЕТТСКОМ ЯЗЫКЕ

Хеттская глагольная система существенно отличается от той, которую мы наблюдаем в других древних индоевропейских языках: древнеиндийском, авестийском и древнегреческом. В хеттском засвидетельствовано всего два времени, два, наклонения, два залога и два числа, основа глагола, за исключением аблаута и редких случаев супплетивизма, не меняется. В других анатолийских языках мы наблюдаем схожую ситуацию. В целом можно предположить, что анатолийская глагольная система либо сильно упростилась по сравнению с праиндоевропейской, либо отражает более архаичное состояние, в то время как в остальных языках появилось существенное количество общих инноваций.

На этом фоне особенно примечательным выглядит существование в хеттском двух спряжений, с окончаниями 1-го лица единственного числа на *-mi* и на *-hi*, у которых, впрочем, совпадают формы множественного числа. Прямые аналоги второму типу спряжения в других индоевропейских языках отсутствуют, при том что окончаниям *mi*-спряжения и медиального залога имеются надежные соответствия.

Таблица окончаний

Настоящее время			
	<i>mi</i> -спряжение	<i>hi</i> -спряжение	Медиальный залог
1 Sg	-mi	-he, -hi	-ha, -hari, -hahari
2Sg	-si	-ti	-ta, -tari, -tati
3Sg	-zi	-i	-a, -ari, -ta, -tari
1 Pl.	-weni, -meni		-wasta, -wastati
2 Pl	-teni		-tuma, -tumari
3 Pl.	-anzi		-anta, antari

Прошедшее время			
	mi-спряжение	hi-спряжение	Медиальный залог
1 Sg	-un, -nun	-hun	-hat, -hati, -hahati
2Sg	-s	-ta	-at, -ta, -tat, -tati
3Sg	-t, -ta	-s, -ta, -sta	-at, -ta, -ati, -tat, -tati
1 Pl.	-wen, -men		-wastat, -wastati
2 Pl	-ten		-tumat
3 Pl.	-er		-antat, antati

Происхождение *hi*-спряжения остается одной из наиболее обсуждаемых тем в анатолийском и сравнительно-историческом индоевропейском языкознании. Попытки сравнения *hi*-спряжения с тематическим спряжением в древнегреческом и других языках вызывают много вопросов, хотя формально серии окончаний сопоставимы. Есть и прямые соответствия, например, хетт. *hamank*^{hi} ‘привязывать’ и др.-гр. ἄρχω «сдавливать, душить», лат. *angō* «привязывать, стягивать». Однако таких примеров мало; кроме того, можно привести еще два возражения. Во-первых, огласовка корня у глаголов *hi*-спряжения, *-a-* (<*-o-), не соответствует той, которую мы наблюдаем у глаголов с тематическим спряжением. Во-вторых, суффиксы, для которых характерно тематическое спряжение в классических языках, например, *-ske/o-, сочетаются с окончаниями хеттского *mi*-спряжения (см., например, Clackson 2007 140).

Формальное сопоставление *hi*-спряжения с формами перфекта и медиа обосновано в большей степени¹, см., например, Jasanoff 2003: 5ff, Clackson 2007: 148. В окончаниях единственного числа настоящего времени *hi*-спряжения можно увидеть актуализирующий элемент *-i*, как и в *mi*-спряжении. В таком случае эти окончания можно реконструировать следующим образом: 1 л. ед. ч. *-h₂e-i, 2 л. ед. ч. *-th₂e-i, 3 л. ед. ч. *-e/o-i, причем окончание первого лица единственного числа без элемента сохранилось в парадигме медиального спряжения, *-ha*. Следует также упомя-

¹ Впрочем, есть предположения о существовании некоего «прото-перфекта», из которого произошли и тематическое спряжение, и хеттское *hi*-спряжение, и перфект, см. Najnal 1999 8ff.

нуть окончание 3 лица множественного числа прошедшего времени *-er*, являющегося общим для обоих спряжений, которое напоминает соответствующие окончания перфекта в других индоевропейских языках, в частности, в латинском и древнеиндийском. В то время как все остальные окончания множественного числа были обобщены из *mi*-спряжения, данное окончание, судя по всему, происходит из парадигмы *hi*-спряжения. Необходимо также отметить, что большинство глаголов *hi*-спряжения показывают огласовку корня *-a-*, например *au-* ‘видеть’, *kānk-* ‘висеть’, *hamank-* ‘привязывать’ (ср. Kloekhorst 2008: 136ff.). Это тоже может свидетельствовать о связях между этими категориями, так как праиндоевропейское **-o-* отражалось в хеттском как *-a-*.

На основании подобных сопоставлений появилось несколько работ, выводящих *hi*-спряжение из перфекта, см., например, Risch 1975, Eichner 1975. Х. Айхнер, опираясь отчасти на идеи Е. Куриловича, предложил следующий вариант развития форм *hi*-спряжения. Часть форм древнего стативного перфекта в определенный момент была переосмыслена как формы настоящего времени, и к этим формам была добавлена актуализирующая частица *-i*, например, *sakhi* ‘я знаю’. Однако большая часть основ древнего перфекта стали восприниматься в качестве основ прошедшего времени. По аналогии с ними от корней, у которых никогда не было форм перфекта, также были образованы формы прошедшего времени с этой серией окончаний. При этом все еще сохранялось семантическое различие между этими формами, передававшими перфектное значение, и обычными формами прошедшего времени с окончаниями *-m*, *-s*, *-t*. В некий момент это различие было утрачено, и глаголы сохранили только один из двух претеритов, либо на **-ha*, либо на **-m*. Глаголы, выбравшие претерит на **-ha*, перестроили свой презенс по аналогии с формами претерита. Впоследствии еще ряд глаголов перешел из *mi*-спряжения в новообразовавшееся *hi*-спряжение.

Эта гипотеза вызвала критику со стороны американских ученых, в первую очередь У. Каугилла (Cowgill 1979: 28–32). Относительно недавно об этом подробно писал Дж. Джезнов (Jasanoff 2003: 11ff). Можно выделить следующие возражения. Во-первых, на синхронном уровне нет никакой семантической разницы между *hi*- и *mi*-спряжениями. К первому из них

относятся, например, такие глаголы, как *da-* ‘давать’, *dai-* ‘ставить’, *karapp/karipp-* ‘пожирать’, что плохо согласуется с предположением о перфектном происхождении данной категории. Однако еще большие затруднения представляет отсутствие надежных соответствий глаголов *hi*-спряжения формам перфекта в других индоевропейских языках, в то время как для глаголов *mi*-спряжения и медиального залога такие соответствия есть, например, хетт. *kuenzi* и др.-инд. *hánti* (*g^{wh}én-ti ‘бьет’) или хетт. *kitta* и др.-инд. *śéte* (*k'éí-to ‘лежит’). Кроме того, окончания *hi*-спряжения используются некоторыми производными основами, в частности фактитивами на *-ahh-* и имперфективами на *-annali-*, в то время как в других индоевропейских языках окончания перфекта в производных основах не встречаются.

Также указывается, что в других индоевропейских языках, даже там, где старые перфекты превратились в формы прошедшего времени, как в латыни, никогда они не становились основой для образования новых форм настоящего времени. И, наконец, отмечается особая связь перфекта с редупликацией, в то время как в хеттском языке редупликация есть лишь у небольшого числа глаголов на *-hi*, являющихся, вероятнее всего, новообразованиями

Сам Дж. Джезнов в своей недавней монографии *Hittite and Indo-European Verb* (2003) постулирует для праязыка два спряжения с двумя различными наборами окончаний, одно из которых впоследствии развилось в *mi*-спряжение, а второе стало основой для хеттского *hi*-спряжения, меди и перфекта. Однако он пишет, что разницу между грамматическими значениями этих древних спряжений, если таковая и была, мы сейчас определить не можем. В процессе развития всякая связь между *hi*-спряжением, меди и перфектом была утрачена, и сохранилось только некоторое формальное сходство.

Таким образом, по мнению Джезнова, хеттская и греко-арийская глагольные системы являются скорее результатами параллельного развития. Здесь следует вернуться к вопросу о соотношении грамматических категорий в анатолийских и прочих индоевропейских языках.

Как уже отмечалось выше, в хеттском языке, как и в анатолийских языках в целом, количество грамматических категорий

существенно меньше. В частности, вместо традиционных трех грамматических родов в системе имени представлены только два, общий и средний. И если вопрос о существовании женского рода в хеттском и других языках этой группы остается открытым², то в случае глаголов можно с уверенностью говорить о некотором сжатии системы: так в анатолийских языках первого тысячелетия до н.э. фактически утрачено и разграничение на *hi*- и *mi*-спряжения. Однако объяснить различие между греко-арийской и анатолийской системами только утратой категорий не удается.

Так как в хеттском у глаголов основа обычно не изменяется, и грамматическую категорию можно определить только по окончанию, высказывались мнения, что в анатолийских языках отражен более ранний этап развития праязыковой глагольной системы. В поддержку данной точки зрения можно привести, помимо прочего, и соображение следующего характера. Существует довольно много надежных этимологий хеттских глаголов. Также в хеттском присутствуют многие основообразующие аффиксы, встречающиеся в других индоевропейских языках, например, *-ske/o-, *-nu-, *-ahh-, *-ye/o-, назальный инфикс. Видны следы и других образований, в том числе каузатива на *-eye- и статива *-eh₁-, у некоторых глаголов присутствует редупликация. Однако прямых соответствий хеттских суффиксальных основ глагольным основам в других языках очень немного: это *arnu*- ‘перемещать’ (др.-инд. *ṛnóti* и др.-гр. ῥρνυμι ‘приводить в движение, побуждать’), *ternu*- ‘унижать’ (др.-инд. *dabhnóti* ‘обманывать’), *tarna*- ‘отпускать’ (тох. АВ *tärk*-, през. *tärnā*- ‘отпускать’), *ninink*- ‘перемещать’ (лит. *į-ninkù*, *-nikti* ‘налегать’), *newahh*- ‘обновлять’ (лат. *novāre*), *titta(nu)*- ‘устанавливать’ и др.-гр. τίθημι и др.-инд.

² О том, что в анатолийских языках был женский род, нам говорят данные ликийского языка, где, в отличие от хеттского и лувийского, праиндоевропейское *o перешло не в /a/, а в /e/, благодаря чему можно различить рефлексы древних *o и *ā основ. Существование в праанатолийском женского рода могли бы подтверждать имена общего рода с основой на -a- (< *-eh₂), так как подобные образования традиционно относятся к среднему роду, и могли бы попасть в общий только после развития женского рода и последующего его слияния с мужским (см. Melchert 1992: 48ff.) однако, как показал И. Хайнал (Hajnal: 1994), наличие существительных общего рода, восходящих к основе на *-eh₂, не может служить доказательством утраты женского рода.

dádhati ‘ставить’. Для еще нескольких возможных примеров, вроде хетт. *mimma-* ‘отказывать’ и др.-гр. $\mu\acute{\iota}\mu\nu\omega$ ‘твердо стоять, давать отпор’, есть альтернативные этимологии.

Таким образом, не представляется возможным доказать, что отсутствующая в хеттском языке система видовременных основ, хорошо засвидетельствованная для большинства других семей индоевропейских языков, когда-либо в нем вообще существовала³.

Если предположить, что анатолийские языки отделились до того, как эта система основ была сформирована, это скорее согласуется с теорией Дрезнова, согласно которой хеттское *hi*-спряжение представляет собой отражение древней категории с неустановленным значением. В остальных языках она развилась в перфект, что можно назвать общей инновацией.

Есть независимые указания на то, что некоторые глагольные категории развились достаточно поздно. Так, достаточно поздно могли разделиться основы аориста и презенса, что позволило оформиться аспектуальному противопоставлению. Подробно об этом писал, в частности, К. Штрук (Strunk: 1994). О поздней грамматикализации опатива и конъюнктива говорит их образование непосредственно от корня в некоторых языках (ср. Clackson 2007: 136ff.). Вполне вероятно, что анатолийские языки отделились до развития этих категорий в праязыке, что объясняло бы небольшое количество соответствий сложных глагольных основ между хеттским и другими языками.

Тем не менее, сопоставление *hi*-спряжения с категорией, близкой по значению к перфекту, все равно остается возможным. Окончания настоящего времени *hi*-спряжения проще всего объяснить как инновационные, где по аналогии с первичными окончаниями *mi*-спряжения, к исходным окончаниям в формах настоящего времени была добавлена актуализирующая частица *-i*, т. е. в первом числе единственного числа из исходного **-ha* (<*-h₂e)

³ К. Мелчерт (Melchert 1997) указывает, что в хеттском есть примеры параллельного сосуществования основ, с суффиксом **-ye/o-* и без него, которые могли бы восходить к древним основам презенса и аориста соответственно. Впрочем, семантической разницы между этими основами нет, и учитывая продуктивность основ на *-yale-* в хеттском, проще объяснить их как новообразования.

получилось **hai*, развившееся затем в *-he* и далее в *-hi*. Из этого следует, что исходные формы *hi*-спряжения, без частицы *-i*, воспринимались как формы прошедшего времени. В хеттском, судя по всему, семантические различия между основами перфекта и аориста-презенса были утрачены, и в парадигму древнего протоперфекта было добавлено настоящее время. В связи с утратой семантической разницы между *hi*- и *mi*-спряжениями многие глаголы стали переходить из одного спряжения в другое. Этот процесс мы наблюдаем и в исторический период, а для некоторых глаголов, например, *duwarne-* ‘ломать’, мы даже не можем определить исходный тип спряжения, ср. Kloekhorst 2008: 906f. Кроме того, мы находим в *hi*-спряжении образования, которые должны бы были относиться к *mi*-спряжению, такие как *tarna-* ‘отпускать’, содержащее назальный суффикс. Этот суффикс в индоевропейских языках характеризует основы настоящего времени и сочетается с окончаниями и предполагает окончания серии *-*mi*, *-*si*, *-*ti*.

В целом, выведение *hi*-спряжения из категории, выражающей состояние или результат действия, возможно, если в качестве исходной системы брать не греко-арийскую модель, а несколько более ранний вариант, в котором еще не было различия между основами аориста и презенса.

Библиография

- Clackson 2007 – Clackson J. Indo-European Linguistics. An Introduction. Cambridge.
- Cowgill 1979 – Cowgill W. Anatolian *hi*-Conjugation and Indo-European Perfect: Instalment II // Hethitisch und Indogermanisch, vergleichende Studien zur historischen Grammatik und zur dialektgeographischen Stellung der indogermanischen Sprachgruppe Alt Kleinasien. Eds.: Meid and E. Neu. P. 25–39.
- Eichner 1975 – Eichner H. Die Vorgeschichte des hethitischen Verbal-systems. Flexion und Wortbildung // Akten der V. Fachtagung der indogermanischen Gesellschaft. Ed.: H. Rix. P. 71–103
- Hajnal 1994 – Hajnal I. Die lykischen *a*-Stamme: Zum Werdegang einer Nominalklasse // In honorem Holger Pedersen. Kolloquium der Indogermanischen Gesellschaft vom 26. bis 28. März 1993 in Kopenhagen. Ed.: J. Rasmussen. Wiesbaden: Reichert. P. 135–171.
- Hajnal 1999 – Hajnal I. Vergleichende Rekonstruktion im Wandel. Vom Paradigma zur Funktion. (Предназначено для: Akten des Gyarmathi-Symposiums, Göttingen, 19.-21. November 1999. Доступно по адресу

- http://www.uibk.ac.at/sprachenliteraturen/sprawi/pdf/Hajnal/b37_vergleichende_rekonstruktion.pdf).
- Jasanoff 2003 – Jasanoff J. *Hittite and the Indo-European verb*. Oxford.
- Kloekhorst 2008 – Kloekhorst A. *Etymological dictionary of the Hittite inherited lexicon*. Leiden: Brill.
- Melchert 1992 – Melchert H. Craig. *Relative Chronology and Anatolian: the Vowel System // Rekonstruktion und Relative Chronologie*. Akten der VIII. Fachtagung der indogermanischen Gesellschaft. Ed.: R. Beekes et al. Leiden. P. 41–53.
- Melchert 1997 – Melchert H. Craig. *Traces of a PIE. Aspectual Contrast in Anatolian? Incontri Linguistici* 20. P. 83–92.
- Risch 1975 – Risch E. *Zur Entstehung des hethitischen Verbalparadigmas. Flexion und Wortbildung*. Akten der V. Fachtagung der indogermanischen Gesellschaft. Ed.: H. Rix. P. 247–258.
- Strunk 1994 – Strunk K. *Relative Chronology and the Indo-European Verb-System: The Case of the Present- and Aorist-Stems*. *Journal of Indo-European Studies* 22. P. 417–33

ОГЛАВЛЕНИЕ

Tabula gratulatoria.....	3
От редколлегии.....	7
Список опубликованных работ Н. Л. Сухачева.....	13
А. В. АНДРЕЕВ. Формальная логика как инструмент грамматического анализа.....	34
Н. А. БОНДАРКО. Синтаксическая и семантическая асимметрия в латинском «Послании к братии Мон-Дьё» Вильгельма из Сен-Тьерри и его средненемецком переводе.....	48
И. В. БРОДСКИЙ. Номинация растений по признаку наличия характерного запаха в финно-пермских языках.....	90
А. А. БУРЫКИН. Две заметки об онегинской строфе.....	96
П. Е. БУХАРКИН. «Краткое руководство к красноречию...» М. В. Ломоносова как явление литературы.....	106
Н. WALRAVENS. Ernst Boerschmann and his <i>Pagoden II</i>	116
A. WOOD. Fetters in the Snow. The Tsarist Siberian Exile System under Western Eyes.....	136
И. В. ГЕРАСИМОВ. Разновидности хлеба в позднесредневековом Судане (по произведению Ибн Дайфаллаха «Табакат»).....	154
А. Х. ГИРФАНОВА. Повесть о Дракуле и Записки янычара.....	160
А. В. ГРОШЕВА. К истории изучения латинских названий плодовых деревьев.....	168
V. P. DANILOVA. Petrarca in Russia.....	181
М. В. ДОМОСИЛЕЦКАЯ. Балканские фитонимы для <i>lagenaria vulgaris</i> (тыква посудная, тыква бутылочная, горлянка).....	189
О. В. ДЬЯКОВА. Мохэская культурная общность (этногенетический аспект).....	201
А. В. ЖУГРА. Глаголы речи как стилиобразующее средство в языке албанского эпоса.....	226
М. В. ЗЕЛИКОВ. К вопросу о динамической составляющей в исследовании проблематики концепта.....	234
С. В. ИВАНОВ. Русская компиляция об Антихристе по рукописям XVII–XVIII вв.: состав и источники.....	245
Н. Н. КАЗАНСКИЙ. Своевременность в жизни («Евгений Онегин», 8, X).....	257
М. Л. КИСИЛИЕР. Цаконские стереотипы.....	262
Е. Р. КРЮЧКОВА. «Яванаджатака» Спхуджидхваджи о знаках зодиака.....	272
Ю. К. КУЗЬМЕНКО. О причинах и путях редукции падежной системы в скандинавских языках.....	284
Н. Г. КУЗЬМИЧ. Об основных источниках для изучения швейцарско-немецких диалектов.....	299
Е. КОУСНКИНЕ. Camus devant les jeunes : un miroir qui renseigne.....	308
Ю. А. ЛОПАШОВ. Некоторые лексические албанизмы в греческих говорах Западной Македонии.....	321

G. LAFE. Cenni sulla «Grammatica della Lingua Albanese» di Giuseppe De Rada.....	323
E. LAFE. Fjalori i orientalizmave në gjuhën shqipe i Tahir Dizdarit si pasqyrim i ndikimit të kulturës orientale islame ndër shqiptarët	329
M. A. МАРУСЕНКО. Изучение классических и современных языков: исторический опыт Франции.....	334
Z. MIHAIL. Die türkische Fachterminologie der Berufe in den südost-europäischen Sprachen.....	347
C. A. МЫЗНИКОВ. О некоторых проблемах формирования вепсского кодифицированного языка в условиях русско-вепсского билингвизма.....	356
M. B. ОТРАДИН. Широкий диапазон смыслов (повествование в книге И. А. Гончарова «Фрегат Паллада»).....	370
A. B. ПАВЛОВА. Отношение между актуальным и грамматическим членением предложения.....	380
T. A. ПАН. Шаманская церемония «Моления о счастье» из «Утвержденного императором Устава шаманской службы маньчжуров».....	417
M. K. САБАНЕЕВА. Некоторые особенности дейксиса как источника категории определенности.....	429
H. Д. СВЕТОЗАРОВА. Сколько значений имеет простое нераспространенное предложение в русском языке. К 75-летию доклада Л. В. Щербы.....	436
T. Г. СКРЕБЦОВА. Метафора языка-организма в современной лингвистике.....	447
Л. З. СОВА. Синхрония и диахрония речевой деятельности в аналитической лингвистике.....	457
G. STARY. «Flying Words» – A Manchu variant of European «Winged Words»?.....	502
И. В. ТУНКИНА. К «потаенной» биографии И. М. Тронского (Троцкого): Родственный контекст. Часть I. Корни: Троцкие – Фрейдлины – Дубновы (историко-антропологические зарисовки).....	510
A. И. ФАЛИЛЕЕВ. Диалог Игнаха с Талиесином.....	539
C. A. ФРАНЦУЗОВ. Упоминание Сирийского похода Бонапарта в колофоне рукописи арабской православной Псалтыри из Библиотеки Румынской академии.....	547
V. A. FRIEDMAN. Shqipja dhe Sllavishtja – Perspektive krahasuese nga pikëpamja.....	559
A. Б. ЧЕРНЯК. Грамматик Виргилий Марон и его 12 <i>Latinitates</i>	565
A. B. ШАЦКОВ. К вопросу о происхождении <i>hi</i> -спряжения в хеттском языке.....	581

Научное издание

Varietas delectans. Сборник статей к 70-летию Николая Леонидовича Сухачева / СПб.: Нестор-История, 2012. – 592 с.

Редколлегия:

А. Х. Гирфанова, С. В. Иванов,
Н. Н. Казанский, Е. Р. Крючкова, А. И. Фалилеев

Утверждено к печати

Институтом лингвистических исследований РАН

Подписано к печати 06.11.2012

Формат 60x90 1/16

Тираж 200 экз.

Печатается с оригинал-макета, изготовленного в ИЛИ РАН

Отпечатано в типографии «Нестор-История»

Санкт-Петербург, ул. Розенштейна, д. 21.

тел./факс: (812)6220123

menager_nestor@list.ru

ISBN 978-905987-27-4

9 785905 987274

